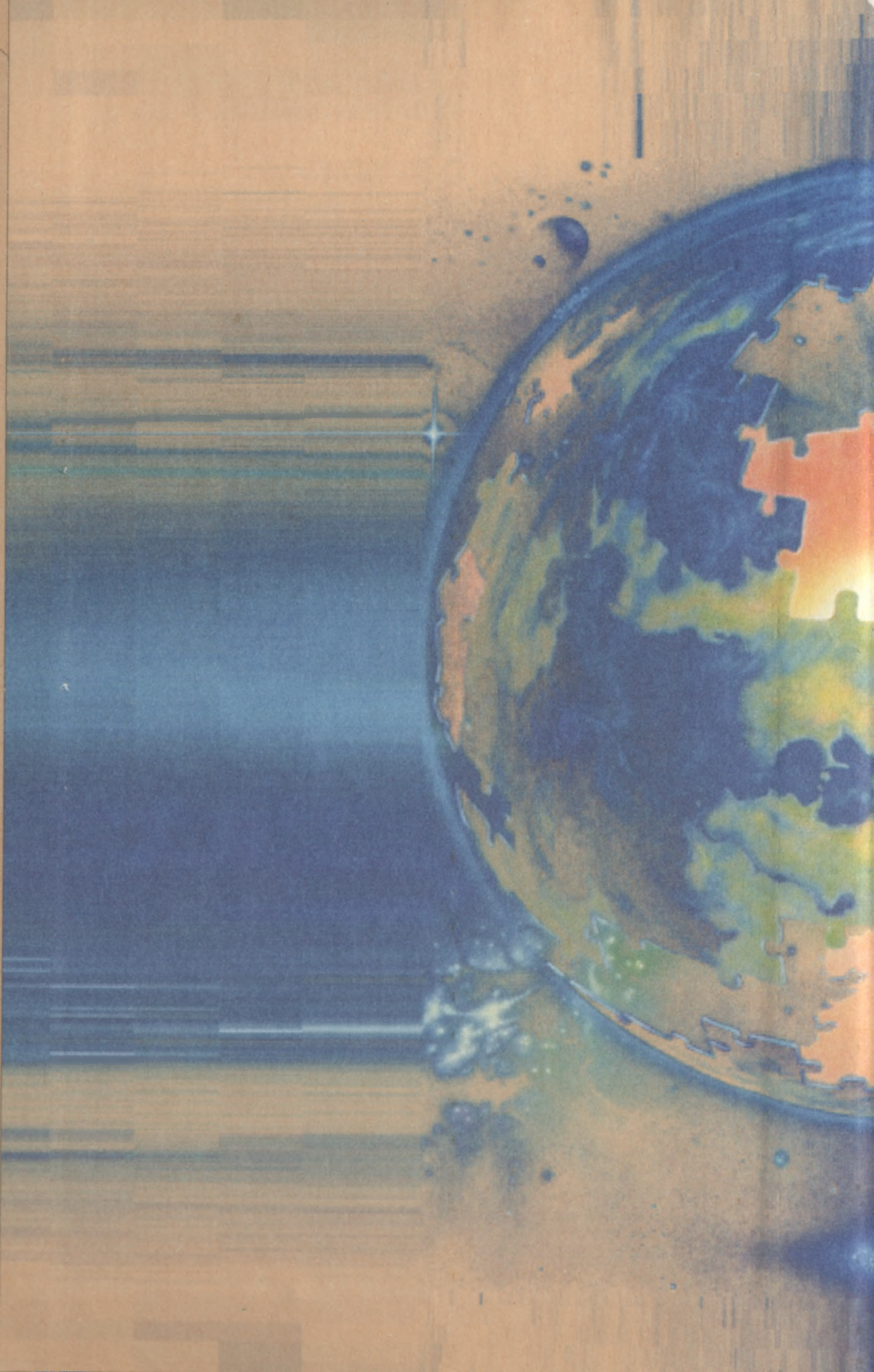
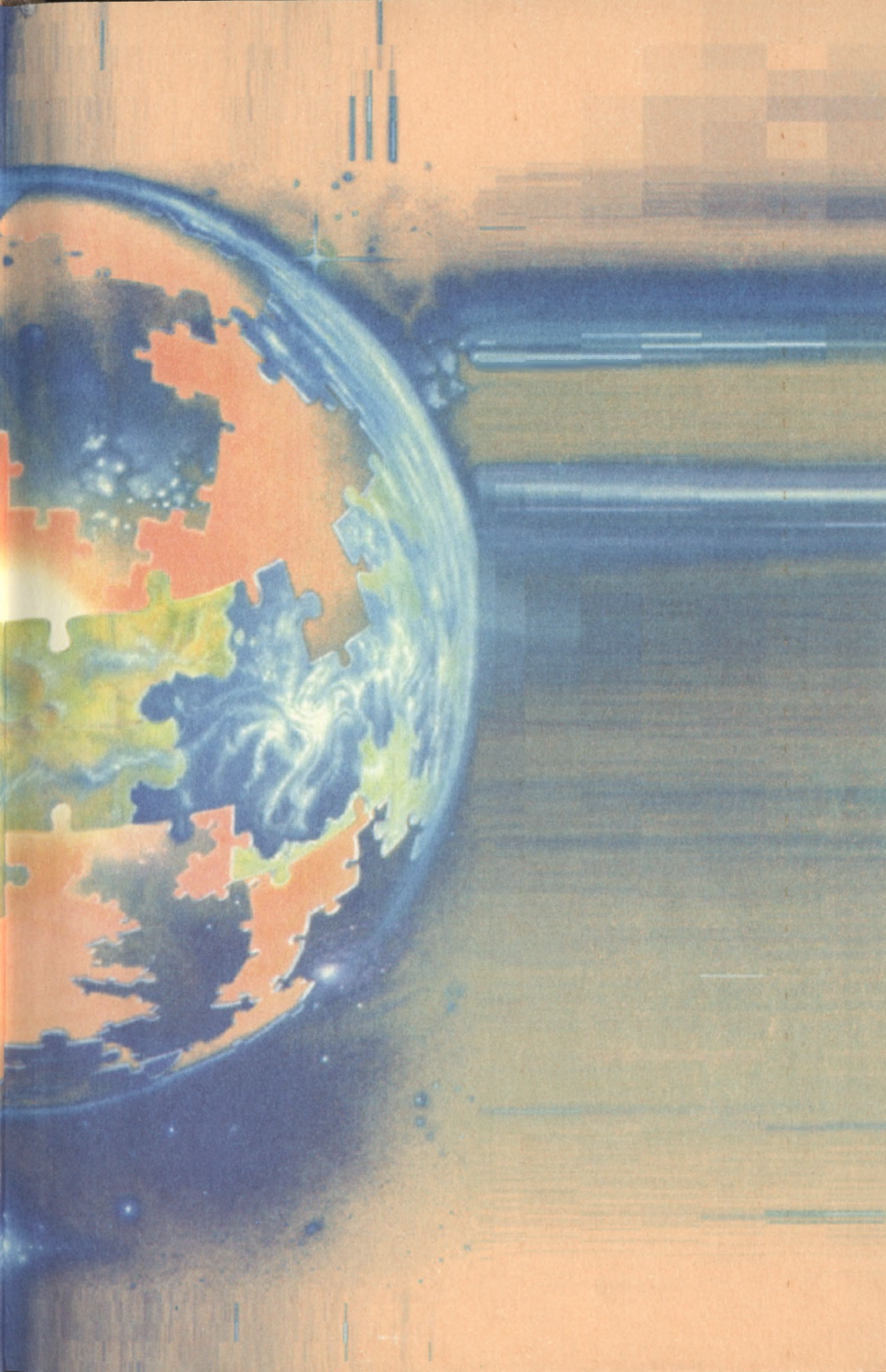

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume twelve

**THE POLESOTECHNIC
LEAGUE**

**SATAN'S WORLD
MIRKHEIM**

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том двенадцатый

**ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА**

**САТАНИНСКИЕ ИГРЫ
ОБИТЕЛЬ МРАКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 12 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 399 с.

В очередной том собрания сочинений выдающегося фантаста вошли два романа из цикла о Торгово-технической Лиге — «Сатанинские игры» и «Обитель Мрака», — рассказывающие о приключениях Дэвида Фолксйна.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-174-X

Satan's World

Copyright © 1969 by Poul Anderson

Mirkheim

Copyright © 1977 by Poul Anderson

Сатанинские игры

© К. Королёв, перевод, 1991

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

К У П О Н

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»		
4	«Челн на миллион лет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
5	«Враждебные звезды» «Последнего дня» «Ушелел»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в латную ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети Морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»		
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичмай Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

Продолжается цикл произведений о Торгово-технической Лиге. В очередной том собрания сочинений классика американской научной фантастики Пола Андерсона вошли два входящих в цикл романа — «Сатанинские игры» (1969) и «Обитель Мрака» (1977).

Первый из них — классическая «космическая опера» в лучшем смысле этого слова: роман с закрученным сюжетом, заставляющий напряженно следить за всеми перипетиями, через которые проходит главный герой, чтобы добиться вождельной цели. И пусть цель эта — всего лишь достижение экономического превосходства над конкурентами, от этого не становятся менее героическими действия Дэвида Фолкейна, потомка герцогов Гермесских, доверенного лица и лучшего ученика звездного торговца Николаса ван Рийна, главного действующего лица «Сатанинских игр». А сами игры разворачиваются вокруг космического уника, бродячей планеты, известной как мир Сатаны, идеального места для строительства трансмутационных фабрик.

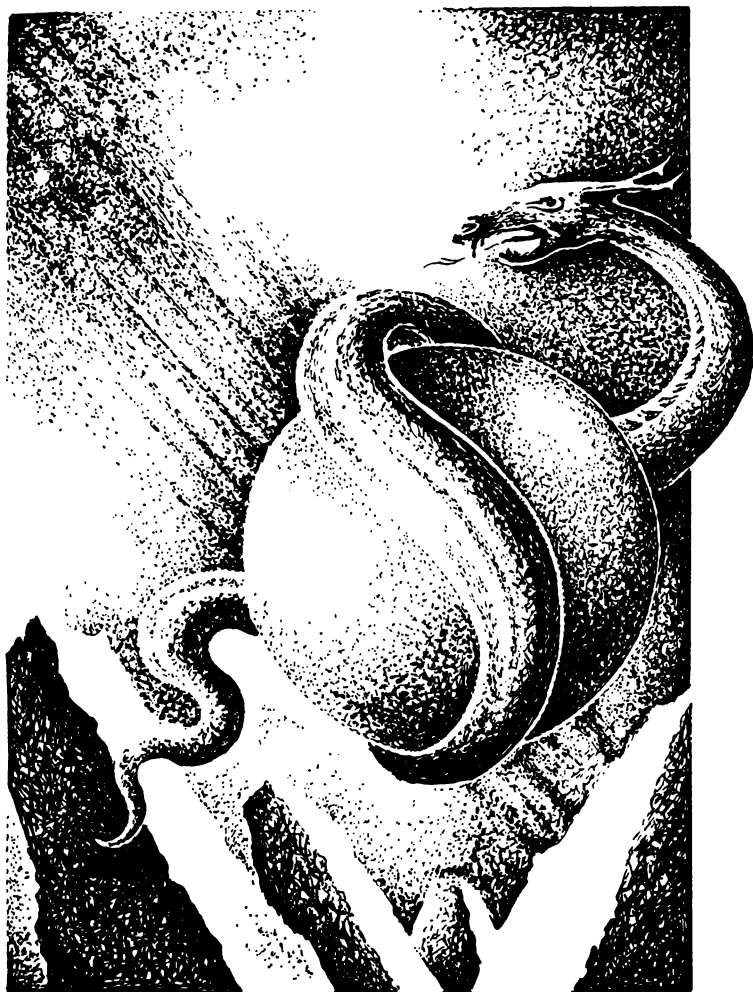
Но на этот безжизненный шар, мчащийся в пространстве мимо беты Южного Креста, претендуют не только торговцы Лиги, но и загадочная раса минотавроподобных шеннов, готовых развязать ради нее межзвездную войну. И только Дэвид Фолкейн способен остановить надвигающуюся бойню....

Второй роман — «Обитель Мрака» — не только был написан восемью годами позже. Действие его происходит, почти как у Дюма, двадцать лет спустя. Фактически этот роман завершает основной цикл о Торгово-технической Лиге, описывая времена ее окончательного распада, начавшегося еще до рождения Фолкейна.

Сюжетную канву романа составляет борьба Фолкейна и его гермесской родни против узурпатора Бенони Стрэнга, воспользовавшегося захватническими амбициями обитателей планеты Бабур, уже упоминавшейся в рассказе «Исав», чтобы отомстить за собственное унижение. Но, пожалуй, более важным является второй слой — горькое и безжалостное описание распада Лиги, превратившейся в горстку межзвездных картелей, готовых перегрызть друг другу глотки ради

прибыли и безразличных к страданиям и горестям окружающих. Такая Лига не подходит ни Николасу ван Рийну, ни Фолкейну. Но жизнь ван Рийна прожита. Фолкейн становится его преемником и духовным наследником — и покидает пределы Лиги, чтобы основать колонию на планете Авалон, которая впоследствии еще сыграет важную роль в истории Терранской Империи. Но это будет много позже — через четыре столетия.

А пока Бенони Стрэнг терпеливо завоевывает доверие даже отдаленно не напоминающих человека бабуритов, вынашивая планы «освождения», вырождающегося в банальную месть...

САТАНИНСКИЕ ИГРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Официально Волшебная Страна считалась новым кварталом Лунограда. Во всяком случае, именно такие сведения хранились в памяти компьютеров административного центра. Однако у местных жителей было на этот счет собственное мнение. Они полагали, что это совершенно другой, прекрасный, волшебный мир, где можно обрести и радость и печаль.

Но власти больше доверяли компьютерам, ни на мгновение не прекращавшим свою работу под землей в старом городе.

Дэвид Фолкейн остановился у столба, что отмечал границу между этими двумя мирами.

— Что ж, милая, — сказал он, — здесь мы, пожалуй, и расстанемся.

Девушка, к которой были обращены его слова, прижала к губам ладонь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она сдавленным голосом.

Фолкейн даже немного растерялся. Он не ожидал подобной реакции от этой девушки, которая представилась ему как Вероника. Горечь, прозвучавшая в ее голосе, никак не вязалась с густыми черными волосами, в которых звездочками сверкали искусственные бриллианты, с ее точеной фигуркой, едва прикрытой несколькими цветными лоскутами.

— О нет, не навсегда; по крайней мере, я на это надеюсь, — улыбнулся он. — Просто мне пора приниматься за работу. Давай встретимся в вечернюю вахту.

Девушка благодарно улыбнулась:

— Ты меня так напугал! Я даже не знала, что и думать: мы с тобой мирно гуляли, и вдруг ни с того ни с сего ты предлагаешь расстаться.

— Я вовсе не собираюсь от тебя убежать. Мы ведь знакомы, кажется, всего три стандартных дня. Ну да, мы встретились на вечеринке у Териолта.

Вероника покраснела и отвела глаза.

— Я просто подумала, что тебе, наверно, мало одной меня... ты ведь столько времени не видел женщин, — сказала она едва

слышно. — Понимаешь, тебе вряд ли кто откажет. Ты герой космоса, настоящий космопроходец. Мы, местные девушки, знаем самые свежие сплетни и одеваемся по последней моде, но никто из нас не бывал за Юпитером. И вряд ли кто из наших парней может похвастаться этим. В сравнении с тобой они — ничто. Поэтому я была так рада, что ты обратил на меня внимание. Подруги мне отчаянно завидовали, а я беспрестанно боялась, что все вот-вот кончится так же внезапно, как и началось.

Фолкейн самодовольно улыбнулся. Да, мало кто в его лета смог получить удостоверение космического торговца. Да, только ему одному выпала честь стать доверенным лицом одного из некоронованных королей космоса — Николаса ван Рийна. Да, не раз в его руках находились судьбы целых планет. И внешность у него что надо: чуть вздернутый нос, широкие скулы, твердая линия подбородка, голубые глаза на смуглом от загара лице, курчавые светлые волосы, опаленные огнем далеких солнц. При росте сто девяносто он сложен, как атлет. И одежда: пускай он прибыл с самой границы освоенной человечеством Вселенной, но на нем сшитый лучшим портным Луны жемчужно-серый китель и отделанные золотом кюлоты.

Эй, приятель, одернул он себя. В нем жила обретенная во все-ленских даях настороженность дикого зверя. Не забывай: эта девица с тобой не просто так. К тому же причина, по которой ты не сказал ей сразу, что твой отпуск скоро закончится, по-прежнему остается в силе.

— Весьма польщен твоими словами, — сказал он, — а особенно тем, что ты составила мне компанию. — Он ухмыльнулся. — Продолжим наши развлечения. Сначала пообедаем, потом, быть может, сходим на балет. В последнем я, правда, не уверен, но вот пообедаем мы непременно. Проведя столько времени за пределами Солнечной системы в исследованиях диких планет, я горю желанием исследовать здешние дикие рестораны, да еще, — он поклонился, — со столь восхитительным гидом.

Вероника ответила в том же тоне:

— Маленькая дикарка готова услужить знаменитому капитану Торгово-технической Лиги!

— Я найду тебя, как только вырвусь, — через тысячу восьмьсот часов.

— Да уж, пожалуйста, — она взяла его под руку. — А нам обязательно расставаться? Я могу взять выходной, и мы вместе поедem, куда тебе надо.

Так, зверек показывает зубки. Ладно, не будем подавать вида.

— Извини, но это невозможно. Секрет.

— Что? — она недоуменно подняла брови. — Ты все еще играешь в эти игрушки? — В голосе ее слышалась откровенная насмешка. — Мне говорили, что ты занимаешь высокий пост в Галактической компании специй и спиртных напитков, что

компания эта одна из основных в Лиге, что Лига не признает законов планет и Содружества. Чего же ты боишься?

«Если она пытается заставить меня проболтаться, — подумал Фолкейн, — то стоит проделать то же самое с ней».

— Лига не является унитарной, — сказал он наставительно, — это ассоциация галактических торговцев. Если она и могущественнее любого из правительств, так только потому, что размах ее деятельности неизмеримо больше. И правительством ее тоже назвать нельзя. Она лишь организует взаимовыгодное сотрудничество и посредничает в конфликтах. Не то что там убивают агентов конкурирующих компаний, но всяких махинаций хватает.

— Ну и что?

«Переигрываешь, девочка, — подумал Фолкейн. — Вовсе ты не так сильно обижена, как стараешься показать». Он пожал плечами:

— Скажу без лишней скромности: за мной могут охотиться. Как же, правая рука Старого Ника! Всего лишь намек на мои дальнейшие планы может обернуться для любого из конкурентов миллионными прибылями. Поэтому мне приходится опасаться, скажем так, сборщиков коммерческой информации.

Вероника отступила на шаг. Руки ее сжались в кулаки.

— Ты хочешь сказать, что я шпионка?! — воскликнула она. «Откровенно говоря — да», — подумал Фолкейн.

Радости ему это признание не доставило. Он несколько секунд молча глядел на девушку, стараясь обрести внутренний покой. Вероника была очень привлекательна, прямо-таки вызывающе красива.

Конечно, Волшебная Страна была не первой из станций, построенных на лунной поверхности. Но при ее проектировании был использован весь накопленный ранее опыт. Основная идея была простой. На космических кораблях, чтобы предотвратить излучение частиц, применялись электромагнитные экраны. Кроме того, на этих кораблях использовались искусственно создаваемые положительные и отрицательные силовые поля — для движения, для поддержания внутри корпуса постоянной силы тяжести при любых ускорениях, для уничтожения кораблей противника, наконец. А что, если использовать эти системы для создания на поверхности Луны гигантского воздушного пузыря?

На практике задача оказалась неизмеримо сложной. Пришлось столкнуться с проблемами утечки воздуха, поддержания определенной температуры, контроля за озоновым слоем. Но в конце концов все сложности были преодолены, и Солнечная система получила шикарный курорт.

В одном из уголков этого курорта раскинулся парк, где находились сейчас Фолкейн и Вероника: травяные лужайки, увитые зеленью беседки, фонтаны с нависшими над ними дугами радуг.

При лунной силе тяжести деревья достигали фантастической высоты и изгибались самым причудливым образом, как и струи фонтанов, а походка людей была почти танцующей. Над парком вздымались башни и колоннады самых разных цветов и оттенков, соединенные друг с другом бегущими улицами. Над головами порхали птицы. Теплый воздух был насыщен ароматами духов, смехом, обрывками мелодий и настойчивым бормотанием двигателей, обеспечивающих жизнеспособность станции.

Но за пределами купола раскинулась голая лунная поверхность. Часы внутри были установлены по Гринвичу, тысячи маленьких солнц, свисавших с бронзовых стержней, создавали иллюзию утра. Но на самом деле на планете была ночь. Грозная и величественная тьма окружала купол. На черном небе едва можно было различить звезды. На юге маячила туманно-голубая Земля. Пристально взглядевшись, на ее неосвещенной стороне можно было заметить мегаполисы, казавшиеся на таком расстоянии крошечными искорками. А у края купола, на авеню Сфинксов, виднелось покрытое пеплом дно кратера, где находилась станция. Вдалеке проступал зловещий силуэт Платона*.

Мысли Фолкейна вернулись к стоявшей перед ним девушке.

— Извини, — попросил он, — я вовсе не имел в виду ничего такого.

«Естественно, имел, — подумал он. — Да, я шляюсь по окрестностям галактик, но это отнюдь не значит, что я доверяю кому попало. Совсем наоборот. Когда через несколько часов после посадки на планету ко мне в друзья набивается столь привлекательная и утонченная женщина... и всячески меня обхаживает, ничего не рассказывая о себе, и потом небольшая проверочка по методу Чи Лан показывает, что женщина эта, мягко говоря, не совсем искренна... Что же тогда я должен предположить?»

— Надеюсь, что ничего, — отрезала Вероника.

— Я принес присягу мастеру ван Рийну, — сказал Фолкейн. — А его приказ — держать язык за зубами. Ему не хочется, чтобы конкуренты его обставили. — Он сжал в ладонях руки девушки. — Да и тебе так будет спокойнее, милая, — добавил он мягко.

Девушка перестала сердиться. На глазах ее появились слезы (как вовремя, подумал Фолкейн).

— Я просто хотела... разделить с тобой не только развлечения, Дэвид, — прошептала она. — А ты говоришь, что я шпионка или в лучшем случае, — она судорожно сглотнула, — болтушка. Больно, понимаешь?

* Платон — лунный кратер. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Ничего я такого не говорил. Да и чем меньше знаешь, тем спокойнее жить. А мне бы очень не хотелось, чтобы ты из-за меня попала в беду.

— Но ты же только что сказал, что агентов не убивают...

— Конечно, нет. Убийства, похищения, промывка мозгов — все это не для членов Лиги. Ни они, ни их наемники этим не занимаются. Существует много других способов добиться желаемого. И самый простой из них — подкуп.

«Точно так, — подумал Фолкейн. — Интересно, сколько ей заплатили и сколько обещали потом за достоверную информацию обо мне?»

— Есть способы и посложнее, но, скажем так, погрязнее. На них смотрят косо, но это вовсе не означает, что ими не пользуются. Например, подглядывание — разве есть такой человек, которому нечего было бы скрывать от других? Существуют сотни способов давления на человека, напрямую и исподволь, аккуратно и грубо. Новичков, так тех частенько шантажируют. Кто-нибудь начинает оказывать тебе внимание, ты идешь ему навстречу, и глядишь — вот и на крючке, и этот кто-нибудь уже натягивает леску.

«Скорей всего именно так ты и намерена поступить со мной, — добавил он мысленно. — А может, сделать вид, что я тебе верю? Ты ведь бес, которого я не знаю. Ты отгонишь от меня незнакомых бесов и доставишь мне массу удовольствия. Какой кошмар: бессовестный деревенщина соблазнил наивную городскую девушку! Однако, как мне кажется, в утешителях у тебя недостатка не будет. А когда буду улетать, то подарю тебе на прощание браслет из огненного камня с какой-нибудь проникновенной надписью или что-то там в том же духе...»

Девушка вырвалась. Тон ее снова стал суровым:

— Я вовсе не требовала, чтобы ты нарушил присягу, — сказала она. — Только ведь я не игрушка!

«Так-так. Наш голосок снова заledenел. Заиндевел, если быть точным. Что ж, пререкаться можно до бесконечности. Пожалуй, пора уходить, приятель». Фолкейн весь подобрался и щелкнул каблукми.

— Прошу прощения, сударыня, что так долго надоедал своим присутствием. Впредь такое не повторится. Честь имею. — Он поклонился и пошел прочь.

Он уже подумал было, что его затея провалилась, как вдруг девушка тоненько вскрикнула и бросилась за ним. Она припала к нему и, захлебываясь слезами, принялась объяснять, что не поняла его, что больше не будет так себя вести, если только он...

«Быть может, — подумал Фолкейн, — в чем-то она и искренна».

Да, годы учения для него, наследника баронского титула в Великом Герцогстве Гермесском, не прошли даром. Пускай он

младший сын, пускай он рано покинул дом, разочаровавшись во всех занятиях, что приличествуют аристократу, пускай он с тех самых пор не бывал на родной планете, но, когда следует проявить характер, Фолкейн знал превосходно. А еще он знал, что нужно заниматься делом, хотя с удовольствием отдохнул бы подольше. Поэтому Дэвид избавился от Вероники, как только закончилась сцена примирения, и отправился своей дорогой.

Глава 2

Сначала он заглянул в большой пункт проката спортивного инвентаря на другой стороне парка, рассудив, что среди множества предлагаемых предметов ему легко будет оторваться от «хвоста», если таковой имеется. Фолкейн отметил, что вакуумные костюмы и вездеходы куда менее неуклюжи, чем он предполагал. Но вылазка в лунные горы, когда стоит только позвать в микрофон, и через пару минут появятся спасательные флиттеры, отнюдь не то же самое, что путешествие по совершенно незнакомой планете, когда можно загнуться только от одной мысли, что ты — единственное человеческое существо на расстоянии в несколько световых лет. В таких случаях больше пользы от этих вот разборных лодок с яркими парусами. Интересно, насколько они тут популярны. Лешачье озеро* очень маленькое; да и для того чтобы управлять таким суденышком в условиях слабого притяжения, нужно, как он не раз мог убедиться, немалое искусство.

Выйдя через заднюю дверь, Фолкейн увидел беседку колодца межуровневого сообщения и вошел в нее. В этих колодцах свободное падение замедлялось с помощью специальных устройств, создававших своего рода невесомость. Вместе с ним по колодцу опускались еще несколько человек, на вид — обычные горожане.

«Наверно, я излишне подозрителен, — подумал он. — В конце концов, какая разница, узнают ли конкуренты о моем визите в “Сириндипити Инкорпорейтед” или нет? Ведь мы же находимся не в логове каких-нибудь варваров-нелюдей, а на спутнике нашей матушки-Земли. В самом центре Содружества! Чего опасаться торговым агентам? Они играют в свои игры ради денег, и проигравший теряет только кредитки, но никак не жизнь. Так что расслабься, Дэвид, и отдыхай».

Но привычка была сильнее, и к тому же он вспомнил, при каких обстоятельствах он слышал этот совет.

Он вышел из колодца на восьмом подуровне и очутился на перекрестке туннелей. По широким мостовым сплошным потоком двигались грузоходы и машины-роботы, по тротуарам спешили куда-то пешеходы в рабочих комбинезонах. Стены тунне-

* В оригинале Lake Leshys.

лей были покрашены в серый цвет; их покрывала неизбежная тонкая пленка копоти. По обеим сторонам в них имелись двери, которые вели на заводы, склады, в гаражи, офисы. Рокотали моторы; пахло человеческим потом, какими-то химикатами, озоном. Из обнесенных ограждениями решеток то и дело вырывались дуги электрических разрядов. Под ногами пол подрагивал: уровнем ниже располагались гигантские двигатели, от которых зависела жизнь колонии. Да, Волшебная Страна была всего лишь прелестной маской. А здесь, в промышленной части старого Лунограда, располагался, если можно так сказать, желудок станции.

Туннель Гагарина, как и многие другие, заканчивался на площади Титова. Фолкейн много слышал об этой площади и ожидал увидеть нечто грандиозное, но сквозной колодец с прозрачным куполом, сквозь который мерцали Земля и звезды, не произвел на него особого впечатления. «Не будем слишком строги, — сказал он себе, — это ведь одна из первых площадей Лунограда». На балконах, расположенных на каждом уровне по окружности колодца, было полно народу. Фолкейну пришлось пробираться через толпу. По большей части это были местные жители: рабочие, бизнесмены, наставники, техники, домохозяйки. О том, что они живут здесь очень давно, свидетельствовали их походка и манеры. Но попадались и чужаки: торговцы, астролетчики, студенты, туристы — причем не только с Земли, но и с других планет.

Фолкейн заметил, что склады наиболее известных компаний, таких, например, как «Самоцветы Иварсена», прямо-таки бросаются в глаза, тогда как хранилища менее знаменитых фирм почти незаметны. Из дверей «Марсианской харчевни» донесся шум. «А не завернуть ли мне туда», — подумал Фолкейн. Об эле, который варили в этом заведении, слагали легенды даже на Бетельгейзе. «Нет, не теперь... “Дело зовет визгливым голосом”, как любит повторять ван Рийн». Фолкейн двинулся дальше.

Наконец он подошел к массивной бронзовой двери, украшенной сложным барельефом. В нескольких сантиметрах перед ней — этот эффект достигался с помощью стереопроекции — горели буквы «Сириндипити Инк.». Выглядело это довольно убого. Так могла зазывать клиентов какая-нибудь фирма лет этак двести назад. И тем не менее: «Сириндипити Инк.» за последние пятнадцать лет стала одной из самых преуспевающих компаний Лиги.

«Что ж, — подумал Фолкейн, — таковы законы свободного рынка: если в чем-то ощущается нехватка и если ты можешь заполнить лауну, то разбогатеть можно в два счета. Старый Ник, когда создавал свои летучие торговые команды, явно

ориентировался на смоделированные компьютерами “Сириндипити” ситуации.

Есть в этом своя ирония. Мы с Эдзелом и Чи Лан должны отбирать среди сообщений от наших автоматических зондов с неизвестных планет самые интересные и передавать их по спецсвязи ван Рийну. Если он сочтет эту информацию заслуживающей внимания, то, прежде чем другие члены Лиги узнают о существовании подобных планет, на них уже побывают наши разведывательные партии. Казалось бы, нам все карты в руки. Но вот я, профессионал, иду на поклон к “Сириндипити”, как какой-нибудь желторотый бизнесмен с Земли».

Фолкейн пожал плечами. В последний раз они опоздали с возвращением. Задержись они еще немного, и вместо отпуска получили бы приказ отправляться куда-нибудь к черту на кулички. Им повезло, что ван Рийн был в хорошем расположении духа: не очень шумел и даже согласился выплатить гонорар.

Дверь открылась. Фолкейн очутился в маленькой комнатке, стены которой были увешаны дорогими тканями. Он увидел перед собой еще несколько дверей. Из вокаляра раздался приятный женский голос:

— Добрый день, сэр. Номер четыре, пожалуйста.

За указанной дверью оказался узкий коридорчик, в конце его — еще одна дверь, а за нею — офис. В отличие от многих других помещений Лунограда здесь, как заметил Фолкейн, не пытались компенсировать отсутствие окон каким-нибудь пейзажем на экране. Несмотря на толстый темно-голубой ковер на полу, лазурные стены, перламутровый потолок, удобную мебель и аромат цветов, комната казалась холодной. В дальнем конце за большим столом сидела женщина.

— Добро пожаловать, — сказала она.

— Спасибо, — вежливо улыбаясь, отозвался Фолкейн. — У меня такое чувство, будто я очутился в крепости.

— В чем-то вы правы, сэр. — Голос ее можно было бы, пожалуй, назвать приятным, не будь он таким бесцветным. По-английски женщина говорила с гортанным акцентом; причем даже тренированный слух не помог Фолкейну определить, откуда она родом. Улыбка как будто была приклеена к ее лицу. — Защита прав личности является одной из основных забот нашей фирмы. Те, кто обращается к нам, чаще всего не хотят, чтобы об этом стало известно. Руководители фирмы — и я в том числе — лично принимают клиентов. Мы очень редко прибегаем к помощи персонала.

«Ну да, — подумал Фолкейн, — потому вы и дерете втридорога даже за предварительную консультацию».

Женщина, не вставая, протянула ему руку.

— Я Тея Белдэниэл. — Рукопожатие было небрежным с обеих сторон. — Садитесь, пожалуйста, мастер Кубичек.

Фолкейн опустилсЯ в кресло. Ручка кресла выдвинулась: в ней оказался ларчик с первоклассными сигарами. Он взял одну.

— Спасибо. Раз уж я здесь, то, пожалуй, можно забыть про этот псевдоним. Наверное, многие клиенты так поступают?

— Да нет. До тех пор пока они не остаются один на один с машинами, в этом нет надобности. Естественно, многих мы узнаем, поскольку к нам обращаются известные люди. — Тея Белдэниэл помолчала; пауза эта показалась Фолкейну хорошо прорепетированной. — Известные, я хочу сказать, в ближайших галактиках. Вы понимаете, как бы знамениты они ни были у себя на родине, никакое живое существо не может запомнить их всех — ведь наша цивилизация распространилась на много сотен световых лет. Вот вы, сэр, наверняка с колонизированной планеты. Глядя на вас, можно сказать, что на вашей планете сословное общество и что вы из благородной семьи. Содружество не признает подобных различий, поэтому ваш мир вряд ли входит в него. А такие планеты можно пересчитать по пальцам. И на них обычно полно проблем.

Поскольку Фолкейна уже давно интересовала эта фирма, он попытался завязать откровенный разговор:

— Правильно, сударыня. Хотя я тут скорее по торговым, а не по политическим делам. Я работаю на базирующуюся на Земле Компанию специй и спиртных напитков. Мое настоящее имя Дэвид Фолкейн, а родом я с Гермеса.

— Все знают Николаса ван Рийна, — кивнула она в ответ. — Я неоднократно встречалась с ним.

«Надо признать откровенно, со мной так носятся только из-за того, что я человек ван Рийна, — подумал Фолкейн. — Сколько я уже получил за эти дни приглашений от промышленных королей, их жен, дочерей и приспешников! Как будто с цепи сорвались: так им хочется увидеть храброго космического рейнджера и его товарищей! Но нужны-то им не просто храбрые космические рейнджеры, а храбрые космические рейнджеры Старого Ника.

Но вот сестры Белдэниэл и их компаньоны Ким Юн Кун, Анастасия Геррера, муж и жена Латимеры — другое дело. Основатели и владельцы “Сириндипити Инк.”, компьютеры которой хранят в своей памяти всю информацию об известной Вселенной, как будто ничего о нас не слышали. Сидят себе в своих конторах-крепостях, куда нет доступа посторонним... Интересно, эта мадам способна рассердиться?»

Тею Белдэниэл нельзя было назвать дурнушкой. Она была довольно привлекательна: высокая, гибкая, хорошего сложения — этого не мог скрыть и белый свободного покроя костюм. Коротко подстриженные волосы подчеркивали правильную форму головы; черты лица можно было бы назвать классическими, только, пожалуй, даже в глазах Афины было больше тепла.

Возраст ее было определить затруднительно. По крайней мере, за сорок. Однако она следила за собой и явно прибегала к лучшим косметическим средствам. Поэтому и лет через десять в каштановых волосах ее будет все та же одна-единственная седая прядка, светлая чистая кожа станет лишь чуть суше да в уголках глаз появятся морщинки. Фолкейн решил, что самое привлекательное в ней — это глаза, большие, широко расставленные, лучисто-зеленые.

Он закурил и выпустил кольцо дыма.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить, — сказал он. — Вы ведь покупаете информацию за наличные, не так ли? Или обмениваете ее на другую?

— Да, и чем больше, тем лучше. Но должна вас предупредить: цену мы назначаем сами, а порой даже отказываемся выплачивать оговоренные суммы, пусть информация и была передана нам. Ценность информации зависит от ее уникальности. Быть может, в наших банках данных уже имеются аналогичные сведения, которые мы не можем разглашать, поскольку тут существует опасность выдачи доверенных нам тайн. Поэтому, мастер Фолкейн, если вы хотите продать информацию, вам придется положиться на репутацию нашей фирмы.

— Ну что ж. Я посетил много планет, видел много народов и культур...

— Информацию подобного рода, так сказать, легендарную, мы принимаем, но платим за нее не очень дорого. Более всего мы заинтересованы в достоверных документальных фактах. При чем совершенно не обязательно они должны касаться новых открытий во Вселенной. В центре цивилизации тоже ведь происходит много любопытных вещей.

— А не могли бы вы ответить мне на такой вопрос. Я работаю на мастера ван Рийна и пользуюсь его доверием. Положим, я предложу вам такие подробности о его торговых операциях, которые он сам предпочел бы скрыть. Вы их приобретете?

— Возможно. Но мы не сможем открыть эти подробности другим. Наше положение в Лиге целиком зависит от доверия наших клиентов. Это, кстати, одна из причин, почему у нас такой маленький штат. Мы держим минимальное количество экспертов и техников; причем заметьте: все они не люди. Остальным занимаются машины. Кроме того, нам в какой-то мере выгодно, чтобы считали, что мы сторонимся общества. Если мастер ван Рийн знает, что мы не встречались за обеденным столом с мастером Харлеманом из Венецианской чайно-кофейной компании, то у него будет меньше оснований подозревать нас в сотрудничестве с последним.

— Последним из Венецианской? — невинно переспросил Фолкейн.

Тя Белдэниэл выпрямилась, сложив руки на коленях.

— Вполне возможно, мастер, что вы слишком долго не бывали в цивилизованных мирах и потому не совсем точно представляете себе принципы, на которых зиждется деятельность «Синриндипити», — сказала она. — Я постараюсь объяснить их вам, упростив до предела.

Проблема поиска информации была разрешена давным-давно с помощью электронных запоминающих устройств, а также систем считывания, кодирования и копирования. Но проблема использования информации стоит очень остро. Дело в том, что границы освоенной Вселенной раздвигаются гораздо быстрее, чем того хотелось бы людям и их товарищам по космическим перелетам. Вообразите себя ученым или человеком искусства. У вас есть идея, которую вы сами считаете новой. Но до каких пределов эту вашу идею дублируют мысли миллиардов других существ, живущих на тысячах известных планет? Чем можете вы подтвердить, что идея ваша в самом деле нова? Да, конечно, можно обшарить библиотеки и информационные центры и получить по интересующему вас вопросу куда больше сведений, чем требуется обычно. Гораздо больше! Но мало того, что никакой жизни не хватит на изучение всей этой информации, — вы даже не сможете отобрать из нее то, что вам действительно нужно. А в еще худшем положении находится компания, планирующая торговую экспедицию. С какими конкурентами она может столкнуться в космосе? Кто может свести на нет все их усилия? Каких противников они не приняли в расчет лишь из-за того, что не имели представления об их существовании?

— Я уже слышал эти вопросы, — сказал Фолкейн сухо. Он был скорее озадачен, нежели обижен прочитанной ему лекцией. Неужели эта женщина настолько лишена простого здравого смысла, что считает своей обязанностью излагать клиенту все эти сведения, словно он какой-нибудь дикарь из каменного века?

— Естественно, — тон ее оставался прежним. — И ответ вроде бы тоже напрашивается сам собой. Компьютеры могут не только считывать, но и анализировать информацию. Они определяют возможные связи и проверяют их, причем делают это очень быстро и могут выполнять сразу несколько процессов. Можно сказать даже, что они способны давать советы. Но это теория, а что касается практики, то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, нужен совершенно иной уровень развития кибернетики. Потом... Члены Лиги ревностно оберегают свои тяжким потом добытые секреты. Чего ради, спрашивается, выдавать их конкуренту? Или общественному информационному центру, где их сможет узнать все тот же конкурент? Или кому-то еще, кто не соперничает с вами, но запросто может заключить сделку с вашим конкурентом — или решит изменить сферу своих интересов и станет вашим противником?

Будете вы использовать информацию или нет, сначала вам нужно потратить определенную сумму на ее приобретение. А если вы решитесь с ней расстаться, то тоже сделаете это за деньги — если, конечно, не стремитесь обанкротиться. Переговоры же по продаже коммерческих тайн всегда идут медленно и трудно.

«Сириндипити» разрешила эту проблему! Да, разрешила — с помощью новейшего оборудования и оригинальных идей!

Фолкейн откинулся на спинку кресла. Он был сбит с толку, растерян, едва ли не испуган. Его предупреждали, что фирмой руководят довольно странные люди, но подобного он не ожидал. Эта женщина выложила ему, человеку, который оплатил только предварительную консультацию, то есть первому встречному, такие сведения... Во имя всего святого, почему?

Быть может, у них так принято, подумал он. Как еще можно объяснить поведение его собеседницы?

Женщина говорила вроде бы снокойно, но напряжение в разговоре нарастало:

— Чем больше объем информации, тем больше вероятность обнаружить данные, в которых нуждается тот или иной клиент. Поэтому создание мощного информцентра послужило бы только ко всеобщей выгоде — при том условии, что ни один из пользователей не будет иметь перед другими преимуществ при обслуживании. Именно такие услуги наша фирма и предлагает. Естественно, часть информации к нам поступает из обычных источников. Ведь библиотеки и информационные центры имеются на многих планетах. Но мы еще и покупаем информацию у отдельных лиц, если находим, что она того заслуживает. А взамен продаем этим лицам ту информацию, которая интересует их. Следует отметить, что мы строго соблюдаем правило анонимности наших клиентов. Мы, основатели центра, не знаем и не стремимся узнать, какие вопросы вы задали, какие ответы получили, что вы сообщили машинам, как они оценили ваши сведения, к каким дополнительным выводам пришли. — Всю эту тираду она произнесла единым духом. — Все эти сведения остаются в машинах. Мы вмешиваемся в эту процедуру только по просьбе клиентов. Обычно же круг наших занятий составляют статистические подсчеты: мы выводим средние показатели и все такое прочее. Наша фирма приобретала известность по мере того, как у клиентов росло доверие к нам. Бесчисленные тайные расследования подтвердили, что мы никому не отдаем предпочтения, ничего не выбалтываем, что нас невозможно подкупить. С каждым днем мы приобретаем все новых клиентов и все новый опыт.

Она подалась вперед и взглянула на Фолкейна в упор.

— Например, представьте себе такую ситуацию: вы хотели бы продать нам некую информацию относительно вашей компа-

нии. В память машины могут быть внесены и голословные утверждения, поскольку и они тоже являются информацией. Но им скорее всего не будет веры. Обычные меры против промышленного шпионажа позволят отделить правду от лжи. Но если эти меры окажутся неэффективными — тогда мы купим ваши сведения. Перекрестные проверки очень скоро выявят недостоверность информации, и машины запомнят этот факт. Если директор вашей фирмы является единственным владельцем упомянутой информации, то эти сведения не будут выдаваться до тех пор, пока их не сообщит нам кто-либо еще. Однако логические цепи машин будут учитывать эти факты при подготовке рекомендаций — кстати, ни для кого в частности. Например, компьютер может посоветовать конкурентам вашей фирмы действовать вовсе не так, как они предполагали. И сделает он это потому, что знает о ложности сообщенных вами сведений. Но он только посоветует, не открывая причины своих действий. — Она перевела дыхание.

Фолкейн воспользовался наступившей паузой:

— Если я вас правильно понял, то в интересах клиента не пытаться обмануть машину. Значит, чем больше вашим компьютерам расскажешь, тем лучший совет от них получишь. Ага, вот где собака зарыта!

— Это лишь одна из причин нашего преуспевания, — сказала Тея Белдэниэл. — Вообще-то ситуации вроде той, что мы с вами себе представили, возникают редко. Почему бы мастеру ван Рийну и не продать нам информацию о том, что один из его разведывательных кораблей натолкнулся на планету, аборигены которой являются искусными скульпторами? Насколько я знаю, он не такой уж большой любитель искусств. Вот. А в обмен он может купить у нас по весьма сходной цене информацию о том, что корабль, экипаж которого дышит водородом, обнаружил планету с кислородной атмосферой, на которой изготавливают совершенно необычное вино.

— Мне понятно только одно, — заметил Фолкейн. — Если я правильно все усвоил, то, чтобы узнать нечто важное, ему пришлось бы прийти сюда самому. Верно?

— В данном конкретном случае нет, — отозвалась она. — Его цели были ясны. Но вообще, мы, естественно, охраняем наши фонды. Вот взять, например, вас... — Она сделала паузу, потом сказала резко: — Вы, насколько я могу судить, собирались усесться перед машиной и сказать: «Я — Дэвид Фолкейн. Есть у тебя что-нибудь интересное для меня?» Что ж, вы вполне можете рассчитывать, что подобная информация в банке данных найдется. Но неужели вы не понимаете, сэр, что именно ради вас мы не можем такого допустить? Чем вы докажете, что вы — это вы?

Фолкейн полез было в карман, но женщина жестом остановила его.

— Не мне, — сказала она. — Мне вовсе ни к чему знать, тот ли вы человек, за которого себя выдаете. Машина проверит ваши отпечатки пальцев, сошлит оригинал с хранящимся в памяти портретом — словом, выполнит все обычные процедуры, если ваши данные есть в карточке Содружества. Если же их там нет, компьютер осуществит идентификацию каким-либо другим способом. — Она встала. — Пойдемте, я провожу вас в машинный зал. Вы увидите наши компьютеры в действии.

Шагая следом за ней, Фолкейн никак не мог решить, похожа ли ее походка на походку фригидной женщины. Но это ерунда.

Ему в голову пришла куда более интересная мысль. Он как будто понял, почему она себя так вела, почему так подробно объясняла, хотя могла бы и сообразить, что ему большей частью это все известно. Ему уже приходилось сталкиваться с этой болезнью, название которой — фанатизм.

Глава 3

Фолкейн сидел в кресле. В комнате больше никого не было, и все же он не мог сказать, что оставался совсем один, ибо гигантский квазимозг уже обращался к нему. Хотя за свою жизнь Фолкейн перевидал немало роботов, а с одним из них по имени Пень даже подружился, но сейчас ему было как-то не по себе. Он попытался разобраться почему.

Он сидит в обычном саморегулирующемся кресле за обычным столом, уставленным обычными приборами. Голые серые стены, белые флуоропанели на потолке, кондиционированный воздух, тихое бормотание машин — все как обычно. Прямо перед ним основная панель управления и большой, пока пустой экран. В чем же дело? Быть может, подумал он, причина в царящей здесь атмосфере таинственности. Да, детективы Лиги определили, что владельцы «Сириндипити» на самом деле не отдают предпочтения ни одному из клиентов, будь это фирма, отдельный человек или даже нечеловек. Но вот откуда они взялись, оставалось до сих пор тайной за семью печатями. А чопорность (Тея Белдэниэл была в этом смысле типичной их представительницей) и нелюдимость лишь подливали масла в огонь.

Тайну их раскрыть, пожалуй, невозможно. И дело тут не только в том, что они ее ревностно оберегают — сегодня каждый норовит забраться поглубже в свою раковину. Просто задача эта невыполнима. Вселенная слишком велика. Тот маленький кусочек всего лишь одной ветви одной-единственной Галактики, который мы кое-как исследовали и освоили... и он-то слишком велик для нас. Стремясь к зовущим нас тысячам солнц, мы не замечаем буквально миллионы других. Даже на то, чтобы

просто посетить все миры и начать хоть немного понимать психологию их обитателей, уйдут века. А ведь за границами наших знаний лежит почти вся Вселенная.

Эти люди явились в Солнечную систему на корабле, нагруженном тяжелыми металлами. Продав эти металлы за хорошую цену, они организовали свою фирму. Хотя многие детали к машинам они заказывали на Земле, базовая логика и блоки памяти были явно не земного происхождения. Как-то Николас ван Рийн, заинтригованный всем этим, дал взятку чиновнику таможенной службы Содружества. Тот человек сообщил ему буквально следующее: «Понимаете, сэр, могу вам только сказать, что ввозимый ими товар не представляет опасности. Иными словами, они не собираются заразить нас какой-то болезнью или взорвать планету. Так что закон свободной торговли на их стороне. “Сириндипити Инк.” получает вычислительные машины, так? На вид это самые обычные компьютеры, только вот изготовлены они не людьми. Это подтвердит вам любой таможенник с опытом. Вы говорили, что больше никому не удалось добиться от своих компьютеров подобных результатов. Что это означает? А то, что эти люди обнаружили планету, обитатели которой доки в таких вот вещах. Наверняка они договорились между собой. А что “Сириндипити” никого об этом не известила, то разве вы сами, сэр, не поступили бы точно так же?»

Краем уха Фолкейн услышал, что машина что-то ему сказала.

— Простите? — переспросил он. И тут же подумал: какого черта я извиняюсь перед этим ящиком? Взяв с полки над панелью управления свою сигару, он нервно затянулся.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса, представитель Галактической компании специй и спиртных напитков, ваша личность идентифицирована, — сообщила машина. Голос был у нее не ровный и низкий, как у большинства созданных человеком роботов, а высокий, какой-то свистящий; человеческий слух с трудом мог к нему приноровиться. — Ваше имя связано с определенными событиями, сообщения о которых хранятся в банке данных. В первую очередь это события, происходившие на бете Центавра, Икрананке и на Мерсейе. — (Разрази меня гром, откуда им известно про Икрананку?) — С этими событиями коррелируют и другие. Вы должны понимать, что область поиска практически безгранична. Поэтому необходимо выбрать один какой-то факт и проверить его связи с ограниченным числом других фактов. Если эти связи окажутся непродуктивными, то проверке будут подвергнуты другие связи и, если понадобится, другие точки отсчета, — так будет продолжаться до получения удовлетворительного результата. — (Или пока у меня не выйдут все деньги, подумал Фолкейн.) — С какими данными вы хотели бы ознакомиться?

— Ну... я хотел бы... — Фолкейн лихорадочно соображал. — Например, какие новые рынки на планетах других звездных систем?

— Поскольку секретной информации здесь не содержится, на ваш вопрос мог бы ответить любой обычный информационный центр.

— Подожди-ка! Вот, пожалуй, задачка как раз для тебя. Точки отсчета «я» и «деньги». Установи существующие между ними связи.

Бормотание усилилось или просто тишина стала глубже?

Фолкейн откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться. Где-то там, за этими серыми стенами, мчались сквозь вакуум электроны и кванты, заряженные и незаряженные частицы, заблудившиеся молекулы врзались в магнитные, электрические, гравитационные, радиационные поля, — машина работала.

Потом она снова задремала.

«Продолжает ли она плести свою паутину связей, — подумал Фолкейн, — когда клиенты уходят? Наверняка — да. Может статься, что эта машина досконально изучила наш уголок Вселенной». Но все равно: фактов слишком много и связей между ними видимо-невидимо. Полезные сведения погребены под кучей лишней информации. В конце концов, любое серьезное открытие есть не что иное, как обнаружение связи между, казалось бы, абсолютно разнородными вещами. Между уровнем в ванне, например, и весом золота; между пессимизмом священника из маленького городка и органической эволюцией; между Всепобеждающим червем, что гложет свой собственный хвост, и молекулой бензола... Живые существа из живого космоса, приходившие, подобно Фолкейну, в пещеру, где обитает этот квазимозг, — они лишь заставляли его работать по-настоящему, открывали ему значимость вроде бы совершенно бесполезных знаний.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса! — позвала машина.

— Да? — Он выпрямился, мышцы его напряглись.

— Связь установлена. Помните ли вы, что несколько лет назад доказали наличие у звезды бета Центавра планетной системы?

Реакция Фолкейна разительно не соответствовала бесстрастному голосу компьютера:

— Помню ли? Да ведь именно тогда на меня обратили внимание! Считалось, что у голубых гигантов не может быть планет. А я их нашел!

— Эти данные мне известны, — машина вовсе не собиралась восторгаться его прозорливостью. — Позднее ваша гипотеза была проверена. Когда звезда находилась еще в стадии образования и представляла собой ядро с огромным облаком вокруг, рядом с ней случайно оказались несколько бродячих

планет. Войдя в контакт с облаком, они потеряли скорость и были захвачены притяжением звезды.

Планеты без звезд — обычное явление. Их число раз в тысячу или больше превышает число звезд. Считается, что они, разнящиеся по размерам от астероида до сверхгиганта, занимают в космосе места на три порядка больше, чем ядерные, излучающие свет образования, называемые звездами. Однако расстояния в пространстве таковы, что вероятность прохождения такой планеты рядом с какой-нибудь звездой чрезвычайно мала. Даже и в центре Вселенной таких планет найдено не так уж много. Поэтому обнаруженную вами систему можно считать уникальной.

Ваше открытие вызвало определенный интерес, и вскоре Община Мудрости из государства Котгар, что на планете Лемминкяйнен, снарядила экспедицию. Названия, естественно, даются в переводе на английский. Вот копия подробного отчета, — из паза на лоток выкатилась бобина с микрофильмом. Фолкейн машинально сунул ее в карман.

— Я о них слышал, — сказал он. — Они не люди, но поддерживают с нами контакт. Кроме того, я следил за их экспедицией, поскольку был, так сказать, лично заинтересован. Они осмотрели все не посещавшиеся ранее гиганты на расстоянии в сотню световых лет. И ничего не нашли, как и ожидалось, — поэтому экспедиций больше не было.

— В то время вы держали на Земле экзамен на звание мастера, — заметила машина. — Иначе вас могли бы не коснуться даже слухи. Но хотя вычислительные устройства Земли не имеют себе равных в освоенном космосе, они так перегружены данными, что кажущиеся малосущественными подробности им просто не сообщают. Среди этих отсеянных фактов имелся и тот, который вам небезынтересен.

«Сириндипити» несколько лет спустя удалось получить подробный отчет об этой экспедиции — совершенно случайно. Капитан того корабля передал нам эти сведения в обмен на уменьшение платы за консультацию. Вернее, он передал нам отчеты о нескольких совершенных им перелетах. Среди них был и этот. На него не обращалось внимания до тех пор, пока ваш запрос не потребовал детального изучения фактов.

Дыхание Фолкейна участилось. Он вцепился в ручки кресла.

— Перед просмотром копии прослушайте устное сообщение, — сказала машина. — Неподалеку от звезды бета Южного Креста была обнаружена бродячая планета. Она двигалась по уменьшающейся гиперболе и должна была вскоре войти в поле притяжения звезды.

Экран потемнел. На нем зажглись звезды. Одна из них, голубая, сверкала особенно ярко. Она становилась все больше и больше: звездолет, с которого велись съемки, сближался с ней.

— Бета Креста расположена к югу от Солнца на расстоянии примерно в двести четыре световых года, — сухой свистящий голос лишил картину величия. — Это звезда типа B1, она примерно в шесть раз тяжелее, вчетверо больше, в восемьсот пятьдесят раз ярче Солнца. Это совсем молодая звезда: общий возраст ее не превышает ста миллионов стандартных лет.

Изображение изменилось. На фоне звезды возникла светящаяся точка. Фолкейн знал, как это делается. Если вести наблюдение по двум или трем ортогональным осям, записывающие фотоувеличители обнаружат сравнительно близко расположенные к звезде объекты, вроде планет, по их перемещению и произведут триангуляцию.

— Был обнаружен всего лишь один объект, достаточно удаленный от звезды, — продолжал пояснения компьютер. — Поскольку этот объект был единственным, обнаруженным экспедицией, решено было детально его исследовать.

В центре экрана возник шар, из-за которого по мере движения корабля постепенно появлялись звезды. Одна половина его была темной, другая — голубовато-белой. Кое-где можно было различить пики гор, но все остальное скрывала белесая дымка.

Криосфера, с содроганием подумал Фолкейн.

Этот лишенный солнца мир образовался из маленькой частицы в каком-нибудь примордиальном облаке. В течение многих миллионов лет к ней постепенно приставали камни, метеориты, межзвездная пыль, пока, наконец, не возникла планета. Это слияние высвободило энергию; материя претерпевала изменения под воздействием гравитации и радиоактивности. Новорожденный сфероид сотрясали землетрясения, вулканы выбрасывали газ, водяной пар, углекислый газ, метан, аммиак, цианиды, водород, сульфиты... Происходили те же процессы, которые в свое время привели к созданию атмосферы и гидросферы Земли. Но планета не имела звезды, лучи которой осветили бы, согрели бы ее, активизировали химические процессы, в результате которых могла бы возникнуть жизнь. Вместо этого на ней царил мрак и лютый холод. Температура, возросшая было после образования планеты, опустилась почти до абсолютного нуля.

Океаны замерзли. Газы один за другим выпали твердыми осадками на эти огромные ледники — началась выюга Фимбулла, продолжавшаяся, быть может, века. Одета в лед — лед, который, возможно, старше самой Земли, — бесплодная, пустая, безымянная, планета дрейфовала сквозь время к его концу. До тех пор, пока...

— По массе и размерам эта планета немного превышает Землю, по плотности немного ей уступает, — сообщил квази-мозг, ни на миг не прекращавший «думать». — Подробности можно найти в отчете; приведенные там данные подтвердились. Планета довольно старая. Нестабильных элементов осталось

крайне мало, если не считать тех, у которых очень долгий период полураспада.

На поверхность планеты высадились разведывательная группа. Картинка снова изменилась. Навстречу Фолкейну устремилась холодная поверхность планеты. Бета Креста сверкала так ярко, что глазам было больно. Однако звезда оставалась всего лишь далекой сверкающей точкой: пускай она неистово полыхала, но Солнце гораздо сильнее освещало Землю, чем бета Креста — захваченную ею планету.

Однако света ее было вполне достаточно, чтобы рассмотреть замерзшую атмосферу и застывшие океаны. Даже предостаточно — Фолкейну пришлось прищуриться. Если не считать следов посадки космобота, то поверхность планеты была совершенно ровной. Лишь на горизонте возвышался горный кряж, темные скалы которого были покрыты льдом. Бот отбрасывал на искрящийся лед голубую тень. Черное небо было усеяно звездами.

Лемминкяйненниты двигались вокруг бота, собирая образцы. Движения их были менее грациозными, чем обычно: мешали толстые подошвы скафандров. Эти подошвы уменьшали теплоотдачу организма, что было крайне важно при таком холоде. Фолкейн мог себе представить, какая там тишина. Вряд ли ее особенно потревожили переговоры разведчиков с кораблем или треск помех.

— Они не обнаружили ничего, что могло бы по их меркам считаться ценным, — продолжил компьютер. — На планете, несомненно, были минералы, но они находились глубоко подо льдом. При приближении планеты к бета Креста затвердевшие материалы начнут таять, испаряться, выступать из-под льда. Но, пока планета окажется достаточно близко от звезды, пройдет не один год.

Машинально Фолкейн кивнул. Целая планета с замерзшей атмосферой и океанами! Нужен прямо-таки Дантов ад энергии, чтобы хоть немного растопить этот ледяной панцирь.

— Хотя прохождение планеты через периастрий будет сопровождаться мощными геологическими трансформациями, оснований ожидать изменения хода событий нет. Его можно предсказать на основе известных свойств материи. Криосфера превратится в атмосферу и гидросферу. Несмотря на возможные природные катастрофы, наблюдать которые представители основной культуры на Лемминкяйнене небольшие охотники, это будет скорее всего лишь временное воскрешение, и выгоды оно не принесет. Через некоторое время процесс потечет вспять, криосфера возникнет снова — то есть не произойдет ничего существенного.

Поэтому в отчете экспедиции об этой планете упоминалось лишь вскользь, да и то потому, что без этого экспедиция выглядела бы полностью провалившейся. Данные о ней занесли в память

машин и забыли про них. В отчете, направленном на Землю, вообще ничего не сообщалось о таком, казалось бы, пустяке.

Фолкейн ударил кулаком по столу. Внутри у него все кипело. Эти лемминкяйненниты абсолютно не понимают людей, подумал он. Люди не оставили бы без присмотра начинающую таять ледяную планету!

Вдруг в голову ему пришла совершенно фантастическая идея. А если этот шарик взять да переместить в подходящую температуру? Ядовитая атмосфера, голые скалы... Ну да это можно изменить. Зато есть возможность создать собственное королевство...

Нет. Во-первых, куда дешевле найти ненаселенную планету с уже зародившейся жизнью. А во-вторых, от скуки физической реальности никуда не деться. Люди могут изменить мир или уничтожить его, но они не в силах переместить его хотя бы на сантиметр с установленной орбиты. Для этого нужна воистину космическая энергия. Так что на подходящую орбиту вокруг беты Креста эту планету вывести не удастся. Она должна продолжать свой бесконечный путь. Сразу она не замерзнет, ибо голубой гигант обрушит на нее неизмеримое количество тепла, с которым радиации предстоит бороться очень долго. Но вот сумерки наступят через несколько лет, мрак — через несколько десятилетий, холод и роковой конец — через века.

На экране в последний раз мелькнул безымянный сфероид: звездолет уходил от него. Экран погас. Фолкейн сидел, подавленный величием увиденного.

Вдруг он услышал собственный голос, дерзкий и испуганный одновременно:

— Ты предлагаешь мне заняться организацией экскурсий для желающих наблюдать, как эта штука будет таять? Да, дело будет знатное. Только вот где бы мне раздобыть лицензию?

Машина сказала:

— Планета требует дальнейшего изучения. Например, было бы полезно узнать, станет ли вся криосфера жидкой или нет. Можно было бы произвести и более точное вычисление орбиты. Как бы то ни было, планета может представлять огромный интерес для промышленников. Лемминкяйненнитам, культура которых развивается не динамически, это не пришло в голову. Однако здесь только что было сделано следующее заключение: поскольку остро ощущается нехватка в тяжелых изотопах, а их производство строго ограничено из-за потери тепла и опасных для жизни побочных продуктов, то данная планета является подходящим местом для размещения предприятий по их изготовлению.

Фолкейна словно обухом по голове ударило. В сильнейшем волнении он вскочил. В такое возбуждение его привели отнюдь не деньги, которые сулило подобное предприятие. Их, конечно, приятно иметь, но Фолкейн знал множество куда более простых

способов добывания кредиток. Нет, на ноги его поднял, если так можно выразиться, инстинкт охотника. Он словно превратился в дикаря из плейстоцена, выслеживающего мамонта.

— О небо! — воскликнул он. — Ну конечно же!

— Из-за открывающихся космических перспектив на данном этапе желательно сохранить все дело в тайне, — сказал равнодушный к мирским благам голос. — Рекомендуются также заплатить фирме сумму, необходимую для временного придания информации статуса секретной. Этот вопрос вы можете обсудить сегодня же с сударыней Белдэниэл, а потом переговорить с мастером ван Рийном. — Машина сделала паузу в биллион наносекунд; какие новые данные обнаружила она в своей памяти? — По известным причинам вам рекомендуется до отлета с Луны никому не открывать услышанного. Кроме того, поскольку вы все равно находитесь в помещении фирмы, предлагаю продолжить разговор дальше. Быть может, нам удастся обнаружить неизвестные релевантные факты.

Выйдя часа через два из машинного зала, Фолкейн остановился у стола Теи Белдэниэл.

— Уф! — сказал он, довольный и усталый.

Женщина поглядела на него с улыбкой:

— Кажется, вы не теряли времени даром.

— Действительно. Послушайте, мне надо кое о чем с вами поговорить.

— Садитесь, пожалуйста, — взгляд ее был спокойным и чистым. — Пока вы находились в зале, капитан Фолкейн, я узнала у компьютера, какие у него имеются данные на вас. О, это только те сведения, что публиковались в официальных отчетах; и сделала я это, разумеется, лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом. Ваш послужной список великолепен!

«Это да», — мысленно согласился Фолкейн.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Как видите, здесь занимается вычислениями не только техника. — (Вот это да: оказывается, она не лишена чувства юмора!) — Мне подумалось, что мы с вами вполне могли бы сотрудничать, и это пошло бы на пользу и вам и нам. Я надеюсь, об этом мы тоже поговорим.

Глава 4

Отель «Вселенная» в Лунограде славился на всю Галактику.

«Нет такого кислорододышащего существа, которому мы не смогли бы обеспечить в нашем отеле нормальные условия жизни. Мы снабдим вас всем необходимым для заботы о здоровье;

мы позаботимся о вашей безопасности и сделаем все, чтобы остались довольны нами. Если вы заранее уведомите нас, то за умеренную дополнительную плату мы приложим все усилия, чтобы добыть то, чего у нас нет, но что вам нужно. А если нам не удастся удовлетворить ваших запросов, мы выплатим вам в порядке компенсации сумму в один миллион кредитов Галактического Содружества», — так зазывали клиентов рекламные объявления отеля.

Попыток получить указанную сумму было немало. Особенно извращались звездолетчики, которые приводили с собой в отель самых диких и инопланетян. Пару раз суммы, потраченные на исполнение желаний клиентов, превысили миллион кредитов. (В одном случае потребовались специальные исследования диетических продуктов, получаемых с помощью молекулярного синтеза; в другом пришлось доставить с родной планеты клиента симбиотический организм.) Но дело того стоило: туристы, особенно земляне, платили громадные деньги за номер в отеле и за возможность чувствовать себя такими космополитами.

У Чи Лан не было особых запросов. Она принадлежала к торговому кочевью — это словосочетание было более точным переводом с ее языка, чем, скажем, племя, — которое поддерживало постоянный контакт с людьми с тех самых пор, как их обнаружила первая экспедиция на вторую планету с кислородной атмосферой в системе O_2 Эридана А. Эта планета называлась Цинтия. В скором времени цинтиане буквально заволокли Солнечную систему — они прибывали в качестве туристов, торговцев, представителей, специалистов, студентов. Некоторые из них стали профессиональными космическими бродягами. У Чи имелся даже стандартизированный скафандр.

— Нет, я не довольна, — резко ответила она Фолкейну; тот позвонил узнать, все ли у нее в порядке. — Но если уж они не в состоянии запомнить название моей планеты, чего еще от них можно ждать?

— Да, — согласился Фолкейн, — вы называете ее «Поднебесным домом», но на соседнем континенте...

— В том-то все и дело! Эти клонги даже не удосужились посмотреть, что за планета Тах-чих-чин-пи! У нас на соседнем континенте зверски холодно, а они меня сунули как раз в такой номер!

— Ну так позвони и пожайлуйся, — посоветовал Фолкейн. — У тебя это неплохо получается.

Чи фыркнула, но потом последовала его совету.

Землянин скорее всего не заметил бы никакой разницы. В самом деле, что изменилось? Тяжесть — та же, 0,8 стандартной; тот же оранжево-красный свет ламп, интенсивность которого менялась в течение пятидесяти пяти часов, составляющих

цинтианские сутки; тот же теплый влажный воздух и острый запах мускуса, те же огромные горшки с цветами на полу, увитое лианами дерево, сложное переплетение брусьев под потолком — на них Чи занималась и по ним перемещалась с места на место. (Общее мнение, что цинтиане живут на деревьях наподобие обезьян, было ошибочным. Они всего лишь адаптировались к бескрайним лесным массивам своей планеты и предпочитали перескакивать с ветки на ветку, а не передвигаться по земле.) Землянин обратил бы внимание на создававшую иллюзию окна картину: переходившие в саванну джунгли и изящное здание караван-сарая на заднем плане. Его взор привлекли бы разбросанные по полу книги и полузаконченная глиняная скульптура, с которой возилась Чи в ожидании звонка Фолкейна. Цинтианка отвернулась от видеофона, с которого только что исчезло изображение человека, и опустилась на четвереньки, выгнув спину дугой. Тай Ту, тоже предмет ее забав, попытался нарушить напряженную тишину:

— Я полагаю, это один из ваших партнеров? — Он говорил по-испански, поскольку английского не знал.

— Да, — подтвердила Чи. — Но полагать ты можешь и в другом месте.

— Прошу прощения?

— Иди отсюда, — пояснила Чи. — Мне надо подумать.

Тай Ту вытаращил глаза.

Наш гипотетический землянин назвал бы ее милашкой или даже, пожалуй, красавицей и не был бы в этом одинок. Для Тай Ту она была желанной, чарующей и довольно грозной.

Когда Чи выпрямилась, роста у нее было около девяноста сантиметров; пушистый, загнутый кверху хвост был лишь наполовину короче. Ее тело покрывал роскошный белый мех. Ходила она на двух длинных ногах с пятью цепкими пальцами. На руках, мускулистых и чуть менее длинных, тоже было пять пальцев с розовыми ноготками. Круглая голова со стоящими торчком ушами; коротенькое рыльце, приплюснутый нос, красиво очерченный рот, кошачьи усы, громадные, изумрудно-зеленые глазищи... Кожа ладоней, ступней, ушей и вокруг глаз была голубовато-серой. Покрытая шерстью, теплокровная, живородящая, она тем не менее не принадлежала к млекопитающим. В ее племени дети с самого рождения ели мясо и сосали кровь.

Тай Ту был пониже ростом и менее агрессивен, поскольку от самцов на Цинтии никогда не требовалось таскать на своих загривках детенышей и сражаться за них. Он был весьма польщен, когда Чи Лан обратила на него внимание, — хотя он был достопочтенным профессором, читал лекции в университете Ломоносова, а она работала в ксенологической службе компании Николаса ван Рийна, — однако чувства собственного достоинства не потерял.

— Я не могу позволить вам так со мной обращаться! — выпалил он.

Чи выпустила когти, белые и очень острые, и махнула хвостом в направлении двери.

— Брысь! — приказала она. — И чтоб духу твоего здесь не было!

Тай Ту горестно вздохнул, собрал свои манатки и направился в номер, который занимал официально.

Чи немного посидела, хмураясь все сильнее. Наконец она набрала номер на панели видеофона. Безрезультатно.

— Черт возьми, я же знаю, что ты у себя! — разгневанно воскликнула она. Экран оставался пустым. Она вскочила. — Чтоб ты провалился, буддист полоумный! — После доброй сотни безответных вызовов она выключила видеофон и выскользнула из номера через воздушный шлюз.

В коридорах отеля была земная атмосфера, но Чи приноравливалась к ней без труда. Летучие отряды составлялись с таким расчетом, чтобы биологические параметры их членов во многом совпадали. Эскалаторы, по мнению Чи, двигались слишком медленно, и она побежала. По дороге она налетела на его превосходительство посланника эпопейской империи. Он негодуяще закаркал. Чи на бегу бросила через плечо такое словцо, что у его превосходительства отвис клюв; если верить часам, то посланник не мог подняться на ноги целых три минуты.

Тем временем Чи достигла двери номера Эдзела. Она нажала кнопку звонка. Безрезультатно. Он, должно быть, странствует в каком-нибудь другом измерении. Чи принялась набирать на световом табло аварийные сигналы: «СОС», «Помогите!», «Авария двигателей», «Столкновение», «Кораблекрушение», «Бунт», «Радиация», «Голод», «Чума», «Война», «Взрыв Сверхновой». Это помогло. Эдзел активизировал клапаны, и Чи вошла в шлюз. От быстрой смены давления стало больно ушам.

— Сколько экспрессии! — раздался могучий бас Эдзела. — Боюсь, тебе гораздо дальше до просветления, чем я думал.

Чи посмотрела в лицо Эдзелу, потом огляделась. Сила тяжести — два с половиной g, ослепительно яркое сияние искусственного солнца F-типа; плотная, душная, предгрозовая атмосфера, в которой даже шепот казался слишком громким, — от всего этого она почувствовала себя маленькой и беспомощной. Чи забила под стол. Суровую обстановку комнаты не смягчали ни изображение бескрайних ветренных степей планеты, которая на языке людей называется Один, ни мандала, которую Эдзел подвесил к потолку, ни прикрепленный к стене свиток с текстом из Махаяны.

— Надеюсь, ты отвлекла меня от занятий по действительно важному делу, — сказал Эдзел самым суровым тоном, на какой только был способен.

Чи немного помолчала, прежде чем ответить.

— Не знаю, — произнесла она. — Мне известно лишь, что это касается нас.

Она поглядела на Эдзела, пытаясь определить, как онотреагирует на ее слова. Наверняка он понял, что ее беспокойство лишено серьезных оснований. Но Чи не призналась бы в этом ни за что на свете.

Вместе с могучим хвостом тело кентавра имело в длину четыре с половиной метра и весило больше тонны. Широченная грудь, длинная шея, четырехпалые руки, раздвоенные копыта. Голова его напоминала крокодилю: широкие ноздри, устрашающий оскал зубов. Внешний слуховой аппарат представлял собой костяной гребень, который бежал вдоль спины от макушки до кончика хвоста. Череп был достаточно вместительным для мозга приличных размеров; взгляд больших карих глаз из-под мощных надбровных дуг выражал тоску. Горло и брюхо Эдзела защищали костяные пластины, а все остальное тело покрывала чешуя, темно-зеленая у гребня и постепенно переходящая в золотистую книзу.

Эдзел был авторитетом в области планетологии или считался таковым до тех пор, пока не оставил академию ради низменных выгод в торговой компании. Биологически он был несколько ближе к людям, чем Чи. Теплокровный, всеядный, он принадлежал к числу существ, чьи живородящие самки выкармливают детенышей грудью.

— Мне звонил Дэйв, — сказала Чи. Немного освоившись, она добавила с усмешкой: — Наконец-то он хоть на несколько часов отвязался от этой шлюхи, с которой проводил все последнее время!

— И отправился в «Сириндипити», как и должен был? Отлично, отлично. Надеюсь, он узнал там что-нибудь интересное, — в отличие от Чи Эдзел говорил на латыни, универсальном языке Лиги, поскольку его мясистые губы требовали постоянной практики в чужом языке.

— Да, он прямо-таки скачет от восторга; — сказала цинтианка. — Но подробностей он не сообщил.

— Я его понимаю, — в голосе Эдзела послышалось неодобрение. — В этом городе, по-моему, каждый десятый чей-нибудь шпион.

— А еще он не может прийти к нам и поговорить, равно как и мы к нему, — продолжала Чи. — Компьютер предостерег его не делать этого, но почему, не объяснил.

Одинит потер челюсть.

— Это любопытно. Разве номера не оборудованы противоподслушивающими устройствами?

— Наверное, оборудованы. Денег-то мы заплатили кучу. Быть может, машина узнала о какой-нибудь новинке в этой

области? Ты ведь знаешь, какая у «Сириндипити» разведка. Дэйв хочет, чтобы мы связались с конторой, затребовали денег и оплатили защиту информации, которую он сегодня узнал. Он сказал, что расскажет нам обо всем, когда окажемся на Земле.

— А почему не раньше? Если он не может немедленно улететь с Луны, то что нам помешает захватить его с собой? Пока Пень в порядке, с этим никакой загвоздки не будет.

— Дослушай меня, славный крокобык! Я соображаю не хуже твоего и, естественно, предложила ему твой вариант. Но он отказался, заявил, что только не сейчас. Кто-то из владельцев «СИ» предложил ему погостить немного в этом их замке.

— Странно. Я слышал, они избегают гостей.

— Гостей, да. Дэйв сказал, что с ним хотя бы поговорить о деле. Якобы ему намекнули на что-то выгодное, но что конкретно, не говорят. Он считает, что шанс упускать нельзя. Причем все в какой-то спешке. Он вырвался буквально на пять минут — сменить рубашку да надраить зубы.

— Он решил, что дела мастера ван Рийна подождут? — спросил Эдзел.

— Как будто. Дэйв считает, что если он увильнет, то другой возможности у него не будет. Он говорит, надо ловить момент, пока в печатных платах, которые у этих людей вместо душ, что-то замкнуло. Говорит, что в любом случае хоть увидит, как они живут.

— Да, — Эдзел согласно кивнул. — Да, Дэйв поступает совершенно правильно. Нельзя пренебрегать приглашением такой могущественной и таинственной организации. Чего ты примчалась ко мне? Нам с тобой просто придется провести здесь еще несколько дней.

Чи ошетибилась.

— Тебя не прошибешь. Да пойми ты, компьютер выдал Дэйву шикарную идею. Денег там будет хоть завались. Я поняла это по его виду. А если эти фирмачи хотят заполучить его, чтобы зацапать себе все доходы?

— Ну, малышка — укоризненно усмехнулся Эдзел. — «Сириндипити» не вмешивается в дела своих клиентов и не раскрывает их секретов. Как правило, владельцы ее даже не знают, что это за секреты. С другими фирмами они не связаны. Это подтверждают не только результаты всяких расследований, но и многолетний опыт. Нарушь они хотя бы раз свои хваленые правила, выкажи кому-нибудь особое расположение или недоверие, — от их клиентуры в два счета не осталось бы и следа. Никакой другой член Торгово-технической Лиги, никакая другая компания не пользуется таким доверием.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, сынок.

— Ну, подумай сама, если ты еще на это способна, — тон Эдзела стал необычно резким. — Давай, ради интереса, пред-

положим, что «Сириндипити» в самом деле подслушала разговор Дэйва с компьютером и решила нарушить собственное правило: никогда не вмешиваться в личные дела. Она все равно никуда не денется от правил ковенанта Лиги. Этот ковенант возник ведь не просто так. Согласно ему, запрещены заключение в тюрьму, убийство, пытки, применение наркотиков, промывка мозгов, всякое прямое воздействие на психобиологическую целостность личности. Наказания за нарушение этих правил чудовищно суровы. Поэтому, как гласит земная поговорка, игра не стоит свеч. То есть шпионить, искушать и принуждать можно до определенных пределов. Шантажом или взяткой Дэйва не возьмешь. Если он заподозрит «хвост», то уйдет от него и ни о чем важном не проболтается. А если ему кинут как наживу самку, то он ее с удовольствием проглотит, но крючка не тронет. Разве он уже не...

В этот момент — как часто в жизни и случается — раздался сигнал видефона. Эдзел нажал на кнопку «Прием». На экране появилось лицо той самой последней подружки Фолкейна. Эдзел и Чи узнали ее: им уже доводилось видеть ее, правда, мельком, и к тому же они вовсе не считали, что все люди на одно лицо.

— Добрый вечер, сударыня, — поздоровался Эдзел. — Чем могу служить?

Девушка выглядела обеспокоенной, голос ее дрожал:

— Простите, что беспокою вас. Мне нужно найти Дэ... капитана Фолкейна. Он не пришел. Вы не знаете?..

— Мне очень жаль, но к нам он не заходил.

— Он обещал меня найти... встретиться со мной в вечернюю вахту... и не пришел, и... — Вероника судорожно сглотнула, — я не знаю, как быть.

— У него весьма срочное дело. Он не имел времени сообщить вам об этом, — галантно солгал Эдзел. — Он просил меня передать самые искренние сожаления.

Девушка жалко улыбнулась:

— Это дело блондинка или брюнетка?

— Ни то ни другое. Уверяю вас, сударыня, это связано с его работой. Быть может, он будет отсутствовать несколько стандартных дней. Когда он вернется, я скажу, чтобы он позвонил вам.

— Я была бы вам очень признательна, сэр, — она нервно сцепила пальцы. — Благодарю вас.

Эдзел выключил экран.

— Ничего не хочу сказать насчет этой девицы, — заметил он, — но, по-моему, Дэвид проявляет порой удивительное бессердечие.

— Ха! — отозвалась Чи. — Она просто боится, что он исчезнет, ничего ей не выболтав.

— Сомневаюсь. Вполне возможно, что и это тоже, до некоторой степени. Но, насколько я разбираюсь в людях, она кажется мне действительно встревоженной. Похоже, она привязалась к нему. — Эдзел сочувственно хмыкнул. — Насколько все-таки удобнее, когда время спаривания наступает лишь раз в году — как у меня.

Звонок немного остудил пыл Чи. К тому же ей не терпелось убраться из этой бани, которую Эдзел именовал домом.

— Девушка как раз во вкусе Дэвида, — сказала она. — Неудивительно, что он так медлил с работой. Пока мы будем на Луне, он вряд ли захочет надолго с ней расстаться. Пожалуй, нам нечего за него беспокоиться.

— Вот уж верно, — согласился Эдзел.

Глава 5

На флиттере до замка в Лунных Альпах можно было долететь из Лунограда за считанные минуты. Но даже альпинисты не забирались в такую даль. К тому же приближаться к замку было запрещено. Его охраняли вооруженные люди и роботы. Такое случалось сплошь да рядом, поскольку цивилизация пренебрегла всего ставила права на собственность и на уединенность. Собранные с дюжины планет рабочие возвели этот замок, а потом разлетелись кто куда. Любопытство и возмущение местных жителей породили кучу самых невероятных слухов. С орбиты были сделаны несколько снимков, их опубликовали, и вскоре уже чуть ли не половине Содружества стали знакомы эти высокие черные башни, крутые стены и космопорт в Лунных горах.

Однако со временем любопытство улеглось. Повелители Лиги выстроили себе куда большие поместья, до блеска которых этим анахоретам было далеко. Скрытность в деловом мире считалась едва ли не первой из добродетелей. Поэтому вот уже несколько лет как замок в Лунных Альпах перестал возбуждать интерес.

«Если газетчики пронюхают, что меня сюда привезли, — подумал Фолкейн, — вернее, затащили чуть ли не насильно, — он кисло усмехнулся, — мне будет о чем им рассказать, и мне их жаль».

Он стоял у окна, из которого открывался замечательный вид. Скалы круто уходили вниз в черноту пропасти. По другую сторону долины горные пики взмывали к самым созвездиям; то же самое можно было сказать о вершинах окружавшего плато, на котором высился замок, кряжа. На юге ослепительно яркая и почти полная, низко над горизонтом стояла Земля. Но даже ее свет ничего не мог поделаться с глубокими тенями вокруг.

Однако на Луне подобное можно было наблюдать где угодно, вдобавок при этом можно было как следует повеселиться, поесть и поговорить. А этот обед, за который его усадили вскоре после прибытия, был таким же скучным, как и во многих других важных домах. Разговор состоял из банальностей и часто прерывался паузами. Фолкейн, как только счел удобным, извинился перед четырьмя собеседниками и ушел. Им этого явно не хотелось, но он придумал благовидный предлог, а их на это не хватило. Сигару ему предложили только в офисе. Наверно, подумал он, это входит в установленный порядок. Ему очень хотелось курить, и он полез за трубкой и кисетом. К нему подошел Ким Юн Кун, небольшого роста мужчина с невыразительным лицом, одетый в белый костюм (униформа у них такая, что ли, подумал Фолкейн).

— Напрасно вы не сказали, что хотите курить, капитан Фолкейн. Мы не стали бы возражать, хотя никто из нас не привержен этой... хм... забаве.

— Мне было бы неловко, — отозвался Фолкейн. — Я убежден, что нельзя курить там, где ешь. А поскольку мне было невтерпех, то... Потерпите меня, ладно?

— Конечно, — Ким Юн Кун говорил с акцентом. — Вы наш гость. Жаль только, что мистеру Латимеру и сударыне Белдэниэл не удалось встретиться с вами.

Странно, в который уже раз подумал Фолкейн. Хью Латимер оставил здесь свою жену и улетел вместе с сестрой Теи. Мысленно он пожал плечами. Это, в конце концов, их личное дело. Если верить слухам, то Латимер так же лишен эмоций, как и Ким; правда, он неплохо водит звездолет. Жена же его, как и Анастасия Геррера и, вне сомнения, сестра Теи, преуспела в стремлении стать старой девой. Тее до них всех еще далеко. Фолкейн с содроганием вспомнил свой разговор с ними за столом.

«Скорей бы вернуться в город, — подумал он, — и повеселиться как следует».

— Эта комната вам не подходит, — сказал Ким с чопорной улыбкой. — Видите, как она бедно обставлена? Мы строили этот замок с расчетом, что появятся новые партнеры, быть может, даже дети. Но пока... Мне кажется, мы с вами могли бы продолжить разговор в более уютном месте. Остальные же ждут нас там. Если хотите, вам подадут кофе или бренди. Позвольте мне проводить вас.

— Благодарю, — сказал Фолкейн. Эта явно заранее приготовленная речь не уменьшила его надежд на скорое бегство из этой обители скуки. — Разговор пойдет о делах?

— Отчего же? — Ким так удивился, что не сразу нашел слова для ответа. — Мы не планировали его так рано. Не в наших привычках заводить деловой разговор... ну, не познакомившись с гостем. Мы надеемся, что вы пробудете у нас

несколько дней. Например, мы смогли бы сводить вас на прогулку по окрестностям: здесь есть на что посмотреть. И нам хочется послушать рассказы о ваших приключениях в далеком космосе.

— Вы очень любезны, — ответил Фолкейн, — но боюсь, у меня нет времени.

— Разве вы не сказали сами младшей сударыне Белдэниэл?..

— Я ошибся. Я переговорил со своими партнерами, и они сообщили мне, что мой босс начинает горячиться. Почему вам не открыть свои карты? Я тогда смогу решить, как долго он позволит мне задержаться.

— Видите ли, для серьезного разговора необходимы материалы, которые мы не храним здесь, — сквозь маску безразличия на лице Ким Юн Куна проступило нетерпение, даже какая-то нервозность. — Но пойдемте, о ваших обстоятельствах должны узнать остальные.

Фолкейна озарило: ему почему-то очень надо, чтобы я ушел из этой комнаты!

— Вы предлагаете обсудить начало переговоров? — уклонился он от прямого ответа. — Удивительно. Я же не прошу у вас документы. Разве вы не можете объяснить на пальцах, чего хотите?

— Идите за мной, — голос Кима задрожал. — У нас возникли проблемы с безопасностью, с сохранением тайны. С ними необходимо немедленно разобраться.

Фолкейн откровенно забавлялся. Характер у него был вовсе не злой, но тем, кто пытался унижить его, галактического торговца, сына военного аристократа, он сполна платил той же монетой. С высокомерным видом он произнес:

— Если вы не доверяете мне, сэр, приглашать меня сюда было с вашей стороны ошибкой. Я не хочу, чтобы вы тратили свое драгоценное время на заведомо бесполезные переговоры.

— Ну что вы! — Ким взял Фолкейна под руку. — Пойдемте, ну, пожалуйста, я вам все сейчас объясню.

Фолкейн уперся. Он был сильнее Кима; мышцы его, закаленные долгими тренировками на карликовых планетах, где они иначе атрофировались бы, превосходно чувствовали себя в этом замке, где сила тяжести практически равнялась земной.

— Немного погодя, мастер, — сказал он. — Позвольте мне тут еще побыть немного. Мне нужно помолиться.

Ким отпустил его руку и отступил на шаг. Черные глаза его стали совсем узкими.

— В вашем досье ничего не сказано о том, что вы исповедуете какую-то религию, — проговорил он медленно.

— В досье? — Фолкейн прикинулся изумленным.

— В том наборе ваших данных, который имеется в компьютере, — ничего, кроме общедоступной информации, — тороп-

ливо пояснил Ким. — Лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом.

— Понятно. Что ж, вы правы. Но вот какая закавыка: один из членов моего экипажа, буддист, принял эту религию несколько лет назад, когда учился на Земле; он и меня заинтересовал. Понимаете, — Фолкейн воодушевился, — это прямо-таки семантическая проблема: является ли буддизм в своем идеальном, так сказать, виде религией в обычном смысле этого слова? Если смотреть по отношению к богам и другим гипотетически населяющим реальность анималическим существам, то буддисты — агностики. Их понятие кармы вовсе не подразумевает под собой того перевоплощения, о котором столько говорят. А нирвана не есть уничтожение, это состояние, которого можно достичь в этой жизни, оно...

Он не закончил фразу.

В лучах Земли сверкнул изящный силуэт звездолета. Корабль уходил в космос под прямым углом, постепенно уменьшаясь в размерах, и наконец исчез в холодном сиянии Млечного Пути.

— Так, — пробормотал Фолкейн. — Так-так... — Он поглядел на Кима. — Полагаю, на этом звездолете Латимер и Беддэниэл?

— Обычная прогулка, — ответил Ким; руки его были сжаты в кулаки.

— Говоря откровенно, сэр, что-то я в этом сомневаюсь, — Фолкейн вспомнил про свою трубку и принялся набивать ее. — Уж гиперпространственный звездолет от обычного как-нибудь отличу. Подобные корабли используются вовсе не для прогулок. Слишком дорогая прогулка получается. По той же причине и для межзвездных перелетов чаще всего используются обычные карьеры. Владельцы большой компании вряд ли отправятся в путь ради ничего, так что бесспорно — у них весьма срочное дело. «И этот факт ты хотел от меня скрыть, — добавил он мысленно, напрягая мышцы. — Почему?» — Гнев захлестнул его. Он продолжил со смешком: — Вам вовсе не стоило меня опасаться. Ваши секреты меня не интересуют.

Ким улыбнулся.

— Да, у них очень важное дело, но к нашему с вами разговору это никак не относится, — сказал он.

«Ой ли, — подумал Фолкейн. — А чего ж ты мне не сказал этого сразу, до того, как я тебя припер? Кажется, я знаю почему. Вы тут так оторвались от людей, что совсем забыли, как они себя ведут. Ты просто усомнился, что сможешь убедить меня, будто это дело меня совершенно не касается... в чем я глубоко сомневаюсь!»

Ким снова отважился на улыбку.

— Прошу меня простить, капитан Фолкейн. Мы вовсе не хотим задевать ваших религиозных чувств: Пожалуйста, оставайтесь здесь, сколько вам будет угодно. Вас никто не потревожит. Если вы устанете от одиночества, вот интерком: позовите, кто-нибудь из нас придет и ответит вас в другую комнату, — он поклонился. — Удачных вам размышлений.

«Так, — подумал Фолкейн, глядя Киму в спину, — раз уж ничего не поправить, он обратил мое оружие против меня. Теперь ему нужно, чтобы я оставался в этой комнате. Но что тут вообще происходит?»

Он разжег трубку и принялся ходить туда-сюда по комнате, изредка поглядывая в окно, время от времени усаживаясь и вскакивая снова. Что это? Простое недоверие к чужаку или что-то здесь в самом деле не так? Мысль о том, что сведения, сообщаемые компьютерами клиентам, не остаются тайной для владельцев компании «Сириндипити», уже приходила ему в голову. Поскольку еще никому не было разрешено проверять машины, эти люди запросто могли установить в них подслушивающие или еще какие-нибудь устройства. Они могли запрограммировать машины так, что те стали покорными игрушками в их руках.

Когда высшие чины Лиги начали серьезно пользоваться услугами этой фирмы, могли ли они представить, к чему это приведет? Какого шпиона за собой они сами создали! Какого диверсанта!

Однако от фактов никуда не деться. Ни один владелец еще не смог доказать, что «Сириндипити» сотрудничает с кем-либо из его конкурентов или влезает в дела других фирм. Казалось даже, что «Сириндипити» не интересуют ни основные инвестиции, ни новые изобретения.

«Возможно ли, чтобы они решили изменить свою политику? Эта моя планета сведет с ума любого святошу... все равно концы с концами не сходятся. Шестеро таких равнодушных людей не могут в одночасье превратиться из брокеров в пиратов. Не могут!»

Фолкейн поглядел на часы. Прошло тридцать минут — для молитвы вполне достаточно. (Все равно они этому наверняка не поверили.) Он подошел к интеркому и увидел, что тот настроен на станцию 14, перевел выключатель в рабочее положение и сказал:

— Я освободился.

Почти тут же дверь распахнулась, и на пороге появилась Тейя Белдэниэл.

— Быстро, однако! — воскликнул он.

— Я просто проходила мимо и услышала ваши слова.

«Скорее всего ты просто поджидала меня».

Она тоже подошла к окну и остановилась. В этом платье с длинными рукавами и глухим воротом она двигалась более грациозно, улыбка ее была значительно теплее, чем прежде. Чопорность, естественно, осталась: очутившись на расстоянии вытянутой руки от Фолкейна, женщина резко остановилась. Но он почувствовал, что его влечет к ней. Быть может, она приманка или просто симпатичный зверек?

Он выбил трубку.

— Надеюсь, я никого не обидел.

— Ну что вы. Я вас вполне понимаю. Замечательный вид, правда? — Она тронула какой-то переключатель. Лампы в комнате потускнели, отчетливо стал виден колдовской лунный пейзаж.

«Больше на меня не давят, — цинично отметил Фолкейн. — Совсем наоборот. Чем дольше я не смогу связаться со Старым Ником, тем счастливее они будут. Ну что ж, я не возражаю. Вдурю начались интересные дела, а я очень любопытен».

— Какая красота, — прошептала она.

Фолкейн посмотрел на нее, озаренную светом Земли. В ее глазах мерцали звезды. Она глядела в небо каким-то голодным взглядом.

Захваченный внезапным состраданием, удивившим его самого, он выпалил:

— Вы чувствуете в космосе себя как дома?

— Не знаю, — взор ее по-прежнему был устремлен в небо. — Здесь — нет. Я понимаю, вам с нами скучно. Но мы просто робеем, не зная людей... боясь их. Мы живем одиноко, общаемся только с данными — с абстрактными символами, потому что ни на что больше не годимся.

«Почему она откровенничает со мной? — подумал Фолкейн. — За столом, правда, подавали вино. Не иначе, вычитали в книжке о правилах хорошего тона, что так полагается. Быть может, это действует алкоголь?»

— Я бы сказал, что для новичков, не знакомых с человеческой цивилизацией, вы начали совсем неплохо, — заметил он. — Я прав? Вы ведь чужие?

— Да, — она вздохнула. — Естественно, вы догадались. Сначала мы откладывали вести об этом разговоры, ибо не могли предугадать ответной реакции. А потом, когда мы уже немного здесь освоились, у нас не было причин говорить об этом: нас никто не спрашивал. К тому же мы никогда не стремились к известности в обществе и, когда нас оставили в покое, были только рады. Мы и сейчас к этому не стремимся. — Она искоса посмотрела на него. В колдовском свете звезд из решительной деловой женщины она превратилась в молоденькую девушку, просившую его о снисхождении. — Вы не расскажете... газетчикам... об этом?

— Честное слово, — ответил он, не кривя душой.

— Наша история очень простая, — сказала она. — Звездолет одной из колонизованных планет вылетел на поиски метрополии. Насколько я поняла, на его борту были несогласные с политической властью. Какая-то бессмыслица! Чего ради разумным существам ссориться... Ну да ладно. Несколько семей продали все свое имущество и в складчину купили и снарядили большой звездолет с самыми современными компьютерами. И улетели на нем.

— Прямо вот так, в неизвестность? — спросил Фолкейн недоверчиво. — Не выслав вперед разведчиков?

— Планет, на которых могут жить люди, много. Они были уверены, что что-нибудь да найдут, и считали, что врагам их вовсе незачем знать, куда они полетят.

— Но... я хочу сказать, они же должны были представлять себе, каким опасным может оказаться новый мир! Его биохимия, климат, бактерии — да мало ли что еще! От доброй половины всего этого запросто можно умереть, если не быть начеку...

— Я же сказала, что это был большой, полностью снаряженный звездолет, — возразила она довольно резко. Потом, уже мягче, продолжала: — Они были готовы дожидаться на орбите, пока приборы исследовали планету. Но вышло иначе. Во время полета в одном из секторов пространства отказала радиационная экранировка. И надо же такому случиться — корабль тут же попал в мощный поток радиации. Не пострадала только детская комната — ее экраны были на автономном питании. Можно было бы найти спасение в госпитале, но ни один из пассажиров не смог до него добраться, ибо автопилот был тоже поврежден, и экипажу самому пришлось вести корабль. Они продержались ровно столько, сколько нужно было, чтобы возобновить работу экранов и задать программу роботам. Потом их не стало. Роботы присматривали за нами, детьми, и воспитывали нас. Тех, кто выжил, стали учить — вбивали в наши головы в основном техническую информацию. Мы против этого не возражали. На звездолете было так скучно, что мы с восторгом воспринимали все новое. Это служило хоть каким-то развлечением.

Когда нас нашли, среди нас были и двенадцати-, и семнадцатилетние. Двигатели звездолета продолжали работу на малой мощности. Мы надеялись, что в конце концов хоть кто-нибудь нас да обнаружит. Этими кем-нибудь оказались не люди. Они сделали для нас все, что могли, вот разве только немножко опоздали — наша психика уже стала отличной от психики нормальных человеческих детей. На планете наших спасителей мы провели несколько лет.

Не спрашивайте, где она находится, — прибавила Тей быстро. — Этим существам не раз приходилось сталкиваться с представителями Лиги, но их вожди не хотят, чтобы наш дикар-

ский капитализм разрушил устои их древней цивилизации. Они не суют нос в чужие дела и избегают привлекать внимание к себе.

Однако физические условия на их планете нам не подходили. Кроме того, у нас росло желание воссоединиться со своим народом. Наши хозяева, осмотрев звездолет, на котором мы прилетели, сумели существенно продвинуться вперед в некоторых областях техники. В обмен на это — у них очень строгие правила морали — они помогли нам подготовить корабль к старту, нагрузили его металлами, которые мы потом продали. Позднее по нашей просьбе они прислали нам некоторые свои вычислительные машины. Они были весьма довольны, что их друзья пользуются авторитетом среди членов Лиги, поскольку в будущем контакта между нашими двумя цивилизациями вряд ли удастся избежать. Вот так и возникла «Сириндипити», — закончила Тея Белдэниэл.

Она робко улыбнулась. В голосе ее порой слышалась та самая фанатичность, которую Фолкейн уже заметил. Но ведь она рассказывает сейчас не о работе компьютера. Она же поведала историю своей жизни!

В отдельных местах рассказа ему послышались фальшивые нотки. По крайней мере, чтобы проверить, нужно побольше обо всем этом узнать. Что-то она явно не договаривала. Но что? И как это может помочь ему?

— Здорово, — он никак не мог собраться с мыслями.

— Не надо меня жалеть, — сказала она с восхитившей Фолкейна твердостью. — Наше положение могло быть куда хуже. Я подумала, однако, что... может быть, — глаза опущены, голос дрожит от смущения, — вы... вы ведь так много видели, совершили столько подвигов... если бы вы могли нас понять...

— Я постараюсь, — сказал Фолкейн мягко.

— Правда? Нет, в самом деле? Может... вы останетесь на немного... и мы с вами поговорим, вот так, как сейчас, и я... и вы научите меня хоть немного быть человеком...

— Вы пригласили меня для этого? Боюсь, что я...

— Нет-нет. Я понимаю... сначала работа. Думаю... поскольку у нас есть кое-какие знания... мы могли бы обменяться с вами идеями. Ведь в этом нет ничего страшного, правда? А между делом... мы с вами... — она стояла вполоборота к нему. Ее пальцы дотронулись до его руки.

В какой-то миг Фолкейн готов был ответить «да». Редкий человек не воображает себя Пигмалионом*. Быть может, внешняя холодность всего лишь маска? Планета может подождать.

* Пигмалион — в греческой мифологии царь Кипра, по просьбе которого богиня Афина вдохнула жизнь в статую прекрасной женщины.

Планета! Он словно прозрел. «Они-хотят задержать меня здесь. Вот что им нужно. Конкретных предложений у них нет, они хотят задержать меня с помощью разговоров. Перебьются!»

Тея Белдэниэл отступила.

— Что случилось? — спросила она тихо. — Вы рассердились?

— Что? — Фолкейн собрался с мыслями, рассмеялся, взял трубку с подоконника и достал кисет. Ему надо было чем-то занять руки. — Нет. Конечно, нет, сударыня. Если только на обстоятельства. Понимаете, я хотел бы остаться, но у меня нет выбора. Я должен вернуться завтра, к утренней вахте; хоть костыли лечь, но вернуться.

— Вы же сказали, что у вас есть в запасе несколько дней.

— Я уже объяснил мастеру Киму: это было до того, как я узнал, что старый ван Рийн уже рвет и мечет.

— А вам не все равно, на кого работать? «Сириндипити» может вам предложить хорошее место.

— Я принес присягу ван Рийну, — отрубил Фолкейн. — Так что прошу прощения. Буду рад провести с вами и вашими друзьями ночную вахту, но утром я улечу. — Он пожал плечами. — А почему такая спешка? Я ведь могу прилететь сюда в другой раз, когда буду посвободней.

Она поникла.

— Вас нельзя переубедить?

— Боюсь, что нет.

— Что ж... пойдемте, я отведу вас в гостиную, — она включила интерком и произнесла в него несколько слов, которых Фолкейн не разобрал. Они вышли в высокий; с каменным полом коридор. Женщина шла, опустив голову, ноги ее подгибались.

Ким встретил их на полпути. Он выступил вдруг из-за угла, сжимая в руке станнер.

— Поднимите руки, капитан, — сказал он равнодушно. — Придется вам у нас задержаться.

Глава 6

До Дельфинбурга можно добраться из Джакарты через Масарский пролив и Сулавеси. Именно в этом, омываемом водами Тихого океана городе и высадил Николаса ван Рийна аэрокар. Не то чтобы ван Рийн владел этим городом; вовсе нет, ему принадлежали один дом, один док для большого кеча и семьдесят три процента промышленных предприятий. Но пилот и штурман по его просьбе согласились изменить курс; машина пролетела почти совсем рядом с Марианскими островами, что было серьезным отклонением от маршрута.

— Неплохое местечко для бедных тружеников, а? — ухмыльнулся ван Рийн, потирая волосатые руки. — Быть может, они захотят поразвлечься и придут приветствовать своего старого дядюшку на старте регаты на Кубок Микронезии двадцать четвертого этого месяца. Я приму в ней участие, если мы окажемся там не позднее полудня двадцать второго. Лучше даже пораньше. Отдохните от меня.

Пилот быстро прикинул.

— Да, сэр, — доложил он, — мы сможем прибыть туда двадцать первого. — Он прибавил скорость на три узла. — Насчет отдыха, это хорошая мысль, сэр. Как раз прочистим катализаторные баки и кое-что еще.

— Хорошо-хорошо. Ты доставил радость бедному одинокому старичку, которому так хочется отдохнуть, прийти в себя. А еще он не возражал бы против джина с тоником для успокоения желудка. Он, бедняга, совсем извелся, — ван Рийн похлопал себя по животу.

Всю следующую неделю он провел в тренировках экипажа и вымуштровал людей так, что любо-дорого было смотреть. Они не особенно и противились этому. Сами понимают: белые паруса, бескрайняя голубизна моря, клочья пены, яркое солнце, прибой, соль на губах, свежий ветер в лицо. Единственно, что он принялся всячески их поносить, когда они отказались бражничать с ним ночи напролет. Наконец он оставил их в покое не только потому, что хотел, что регата была уже на носу, но и из-за того, что деловые операции, совершавшиеся за двести световых лет от него, требовали к себе пристального внимания. Ван Рийн стонал, ругался; проклинал все на свете, но работы не убавлялось.

— Черт! Чтоб ее перевернуло, эту проклятую работу! Чтоб у нее прыщ на лбу выскочил! Мне уже давно пора на заслуженный отдых, рассказывать сказки подрастающему поколению, а я все верчусь как белка в колесе! Набрал себе заместителей, ничего не скажешь — кого ни возьми, у всех опилки вместо мозгов!

— Вы можете продать свою компанию за такую кучу денег, что вам ее и за десять жизней не потратить, — отозвался его старший секретарь, член воинской касты с весьма суровым уставом, напрочь потому лишенный страха. — А вообще, перестаньте вы причитать — давно бы уже переделали все дела!

— Чтоб я продал свою компанию, которую сам, своими руками создавал, чтоб я ее променял на какие-то паршивые миллионы? А потом что? Сиди тише воды, ниже травы и молвить ничего не могли про всех этих жуликов-конкурентов, подчиненных, готовых тебя продать при первой же возможности, про все эти гильдии, братства, про всех этих пиявок, — ван Рийн набрал воздуха и словно выплюнул, — бюрократов? Нет уж! Как

я ни устал, как мне ни тяжело, буду сражаться до последнего патрона! Вот так!

Офис ван Рийна располагался в солярии одного из принадлежавших ему зданий. Из окна, возле которого стоял загроможденный телефонами, компьютерами, ретриверами, рекордерами и всякой другой оргтехникой стол, открывался прекрасный вид на город, возведенный на покачивающихся на океанских волнах понтонах. На первый взгляд казалось, что Дельфинбург еще дремлет. Лишь изредка вскипала вдруг вода у клапанов добывавшей минералы установки да мелькала порой под волнами в погоне за косяком рыб тень субмарины. Легкий ветерок разносил пряный запах водорослей, которые на особой фабрике перерабатывали в приправы. Основная же работа шла за закрытыми дверями зданий, замаскированных под магазины, школы, оздоровительные центры.

Океан в этот день был неспокоен; нескольких смельчаков, рискнувших отправиться на прогулку на спортивных лодках, изрядно потрепало. Однако на громадных понтонах качка почти не ощущалась.

Ван Рийн опустился в кресло. Из всей одежды на нем был только саронг: если уж страдать, так со всеми удобствами.

— Начали! — рявкнул он.

Машины загудели, подбирая факты, производя вычисления, оценивая, суммируя, предлагая. На экране главного видеофона появился потрепанного вида человек, только что избежавший войны на расстоянии в десять парсеков. Послышались звуки восьмой симфонии Моцарта; почти нагая девушка принесла пиво, другая зажгла для хозяина трихинополийскую сигару, третья поставила на стол поднос со свежими датскими сандвичами — на случай, если босс проголодается. Эта третья девушка случайно подошла слишком близко к ван Рийну, и он рывком привлек ее к себе. Она хихикнула и запустила пальцы в его длинные, до плеч, жирные черные волосы.

— Хватит ерунду пороть! — бросил ван Рийн человеку на экране. — Какой-то королевский недоумок сжег наши плантации? Натравить на него его врагов — и вся недолга. А мирный договор с ним потом заключить такой, чтобы и нам перепало. Ясно? — Человек возразил. Ван Рийн выпучил глаза и подергал себя за бородку. Усы его грозно встопорчились. — Что значит «с ним никто не может справиться»? А чем ты тогда занимался там все эти годы? Ладно-ладно, разрешаю использовать наемников с другой планеты. Скажем, с Диомеда. Обратись к верховному адмиралу Дельпу хир Орикану, это эскадра дракхонов. Он должен меня помнить. Быть может, у него найдутся беспокойные юнцы, которые рвутся в бой. Но учти: через полгода все должно быть тип-топ, а иначе отправишься у меня гальюны чистить! Оболтус! — Он махнул рукой, и помощник тут

же переключил изображение. Тем временем ван Рийн одним глотком выпил пиво, фыркнул, отер с усов пену и жестом приказал принести еще.

На экране появилось непонятное существо. Оно что-то просвистело. Ответ ван Рийна состоял из аналогичных свистков и трелей. Закончив разговор, он наморщил покатый лоб и пробурчал:

— Терпеть не могу всяких таких тварей, но этот парень, надо отдать ему должное, кое-что соображает. Пожалуй, он у себя там разберется, и можно назначить его начальником сектора, а?

— Я, к сожалению, ничего не понял из вашего разговора, — сказал старший секретарь. — Сколько языков вы знаете, сэр?

— Двадцать три плохо. Десять—пятнадцать прилично. Лучше всего — английский, — ван Рийн отмахнулся от девушки, которая забавлялась с его шевелюрой. Он так хлопнул ее по заду, что бедняжка взвизгнула. — Ну-ну, цыпленочек, извини. Иди купи себе то платье, с которым ты ко мне все пристаешь, с блестками. Может, нынче вечером мы пойдем с тобой проветриться. А вообще, это обираловка: за паршивый кусок материи такие деньги! — Девушка снова взвизгнула, теперь уже от радости, и выскочила из комнаты, пока он не передумал. Ван Рийн окинул грозным взглядом остальных. — Все, на сегодня хватит! Дай вам волю, вы бедного глупого старика совсем ничим сделаете! Ладно, кто там следующий?

Секретарь перегнулся через стол к видеофону.

— Порядок изменился, сэр, — сообщил он. — Второй вызов, вторая степень срочности.

— Угу. Угу-угу, — ван Рийн почесал шерсть на груди, отставил кружку с пивом, взял сандвич и проглотил его. — Интересно, кто у нас там такой? — Он поперхнулся, закашлялся и запил сандвич пивом. Несколько секунд он молча курил, задумчиво поглядывая на видеофон. Потом сказал: — Давайте.

По экрану побежали полосы. Это было обычное дело при связи с движущимся звездолетом: закодированный луч с его передатчика прорывался сквозь атмосферу и находил ту единственную станцию, где его могли декодировать и превратить в изображение. Взору ван Рийна предстал отсек управления его разведывательного корабля «Через пень-колоду». У экрана передатчика стояла Чи Лан, за ее спиной маячил Эдзел.

— Какие проблемы? — приветствовал их ван Рийн.

Пауза, вызванная расстоянием, которое требовалось преодолеть электромагнитным лучам, была короткой, но ощутимой.

— Да есть кое-какие, — ответил Эдзел. Голос его был едва слышен сквозь треск помех. — А сделать мы ничего не можем. Эти ящики у вас на столе никак не соглашались дать нам прямую связь до сегодняшнего дня...

— Говорить буду я, — перебила Чи. — А ты еще целый час будешь нести околесицу. Сэр, помните, при отлете с Земли мы сообщили вам, что направляемся в Луноград и собираемся заглянуть в «Сириндипити»? — Она рассказала о визите Фолкейна на фирму и о приглашении, которое он получил. — Это было две недели назад. Он не вернулся. Был только один звонок, через три стандартных дня. Причем, как нарочно, он позвонил в то время, когда мы спали. Пленка у нас сохранилась. Он просит нас не волноваться; мол, это самое выгодное дело, о котором он только мечтал, и поэтому он пока не может вырваться. Нам ждать его не надо, он долетит до Земли рейсовым лайнером. — Шерсть на мордочке Чи стояла дыбом. — Но это не его манера. Мы обратились в детективное агентство, передали им несколько пленок с его изображением, они провели соматический и вокальный анализы. Звонил сам Фолкейн, но манера не его.

— Пленку, — приказал ван Рийн. — Подожди пока рассказывать, — не отрываясь, он смотрел на появившегося на экране светловолосого юношу: тот произнес несколько фраз и исчез. — Клянусь небом, ты права, Чи Лан! Он наверняка бы ухмыльнулся и попросил бы тебя передать привет трем-четырем своим подружкам.

— Нас тут донимала одна, — отозвалась цинтианка. — Шпионка, конечно: она следила за ним и увидела, что орешек ей не по зубам. Когда она звонила в последний раз, сама во всем призналась, прорыдала, что ей очень стыдно и что она никогда, никогда, никогда... — ну и так далее.

— Покажи-ка мне ее. — На экране появилось заплаканное лицо Вероники. — Ба, какая симпатичная шлюшка! Пожалуй, я бы с ней побеседовал наедине. Кому-то это надо сделать. Заодно и узнаем, на кого она старалась. — Ван Рийн оборвал смех. — Что было дальше?

— Мы встревожились, — сказала Чи. — В конце концов даже вон тот святой ящик у меня за спиной решил, что дело зашло слишком далеко. Мы отправились в контору «СИ» и заявили, что если не услышим более удовлетворительного объяснения из уст самого Дэвида, то разнесем к чертям все их компьютеры. Они заблеяли было про ковенант, про гражданскую полицию, но мы их приперли, и они пообещали, что Дэвид нам позвонит. — Она угрюмо добавила: — Вот запись разговора.

Беседа продолжалась долго. Чи выходила из себя, Эдзел призывал к разуму, но Фолкейн твердо стоял на своем.

— Простите меня, друзья мои. Вы даже не представляете, как мне тяжело. Но разве мы знаем, куда ударит молния? Тея — моя невеста, и этим все сказано. Быть может, обвенчавшись, мы отправимся побродить по космосу. Работать я буду на «СИ», заниматься их машинами. Понимаете, то, что задержало меня здесь, настолько грандиозно, это настолько изменит будущее...

Нет, больше я сказать не могу. Пока не могу. Представьте себе только контакт с далеко обогнавшей нас расой. С теми, о ком люди издревле мечтали, — с Древними, с Мудрыми. Совсем другая степень эволюции... Да! — с некоторым раздражением продолжал он. — Естественно, «СИ» будет платить мне больше тех жалких крох, которые я получал в специях и спиртных напитках. Быть может, вдвое. И все из-за того, что факт, который мне сообщил компьютер, раскрыл перед нами новые горизонты. Хотя привлекли меня не столько деньги, сколько то, о чем я уже сказал... Прощайте. Удачливых полетов!

Воцарилось молчание, которое нарушал лишь рокот прибора да шепот звезд. Наконец ван Рийн встряхнулся по-собачьи и проговорил:

— После этого вы улетели с Луны и стали добиваться связи со мной.

— А что еще нам было делать? — пробурчал Эдзел. — Дэвид вполне мог находиться под психоконтролем. Нам с Чи так и показалось. Но у нас не было доказательств. Даже у меня возникли кое-какие сомнения, а что уж говорить про тех, кто не был знаком с Дэвидом. Дело очень серьезное. Речь идет уже не о репутации «Сириндипити», речь идет о ковенанте! Члены Лиги не похищают и не пичкают наркотиками агентов друг друга. По крайней мере, не делали этого до сих пор.

— Мы обратились в лунную полицию, — вмешалась Чи. Она указала хвостом на одинита. — Эта вот буддийская кастрюля настояла. Над нами посмеялись. Буквально! Действовать от имени Лиги — сначала ударить, а потом свериться с законом — мы не могли. Мы даже не члены Совета, как вы, сэр.

— Положим, я поставлю этот вопрос, — произнес ван Рийн медленно. — После месяца болтовни состоится голосование, и все будут против. Они не поверят, что «Сириндипити» способна на такое даже ради исключительных прибылей.

— По-моему, у нас нет даже этого месяца, — сказала Чи. — Давайте прикинем. Значит, Дэйву промыли мозги. Они сделали это для того, чтобы он не сообщил вам о том, что узнал от этой их проклятой машины. Они наверняка выкачивали из него все эти сведения. Но он остается уликой против них. Любой врач сможет его вылечить. Поэтому, как только им представится возможность — или как только это будет необходимо, — они избавятся от него. Быть может, отправят его в космос вместе с этой невестой. Может, убьют, а тело сожгут дезинтегратором. Мне кажется, мы с Эдзелом действовали единственно правильным образом. Однако наши действия могут подстегнуть «СИ», и тогда капитан Фолкейн, считай, что пропал.

Ван Рийн молча курил. Это продолжалось около минуты. Потом он сказал:

— У вас же не корабль, а летающий танк. Могли бы попытаться освободить его.

— Могли бы, — ответил Эдзел. — Но мы не знали сил противника. И потом, это было бы пиратским налетом.

— Да, если только Фолкейн не пленник. А в этом случае мы бы потом такую подняли бучу! Небесам бы стало жарко. А вас бы все носили на руках.

— А если он остался там добровольно?

— Вы превратились бы в козлов отпущения.

— Напав, мы подвергли бы опасности его жизнь, — сказал Эдзел. — А если он не в плену, то, вызволяя его, мы убили бы ни в чем не повинных людей. Если дело касается моего товарища, то мне наплевать на закон. Но как бы мы ни были привязаны к Дэйву, он ведь человек, представитель другой культуры. Мы не можем твердо сказать, в каком он был состоянии, когда звонил нам. Да, поведение его было необычным. Но, быть может, это как-то связано с эмоцией, которую называют любовью? И с чувством вины, что он нарушил контракт? Вы человек, сэр, а мы нет. Мы обращаемся к вам.

— Чтобы я, такой старый, бедный, несчастный, влез в это осиное гнездо?! — воскликнул ван Рийн.

Эдзел поглядел на него в упор:

— Да, сэр. Если вы разрешите нам напасть на них, то ставите на карту свою репутацию и все, чем владеете, ради одного человека, которому наша помощь, быть может, и не нужна. Мы понимаем это.

Ван Рийн яростно запыхтел сигарой. Она обожгла ему пальцы, и он отбросил ее в сторону.

— Ладно, — проворчал он, — хороший хозяин бережет своих людей, да? Итак, мы планируем рейд! — Он допил оставшееся в кружке пиво и швырнул посуду на пол. — Великое небо! — взревел он. — Хотел бы я сейчас быть с вами!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 7

Эдзел остановился у воздушного шлюза.

— Ты поосторожней, ладно? — сказал он.

— Сам поосторожней. — Чи фыркнула. — За тобой ведь некому будет присматривать. Смотри у меня, болтун-переросток! — Она моргнула. — Что-то в глаз попало. Ну, пошли. Вали отсюда!

Эдзел опустил лицевой щиток шлема. Облаченный в скафандр, он еле-еле поместился в шлюз. Лишь выбравшись наружу, он сумел закрепить на спине ранец с инструментом, среди которого была и маленькая автоматическая пушка.

«Через пень-колоду» медленно удалялся от него. Корабль шел низко, едва не задевая зазубренные горные пики. Из-за пестрой окраски его трудно было разглядеть на фоне сверкающих звезд и глубоких теней внизу. Потом звездолет круто пошел вверх и исчез.

Эдзел терпеливо ждал: наконец сквозь треск помех в наушниках раздался голос цинтианки:

— Эй, как слышимость?

— Шикарно, — отозвался он. В шлеме загудело эхо. Защитное снаряжение весило весьма ощутимо. Температура внутри скафандра начала подниматься, и у Эдзела засвербило под чешуйками. От скафандра пахло машинами, и этот запах уже начал смешиваться с испарением его собственного тела.

— Хорошо. Значит, связь у нас с тобой есть. Я километрах в ста пятидесяти над тобой. Никакой радар меня пока еще не обнаружил, может, и не обнаружит. Все в порядке, сэр?

— Да, — голос ван Рийна, усиленный арендованным в Лунограде мазером, казался менее далеким. — Я поговорил со здешним шефом полиции: он до поры до времени не будет вмешиваться. Мои ребята устроят тут парочку дебошей — чтобы отвлечь внимание. У меня есть судья, готовый наложить запрет на их деятельность, как только я ему прикажу. Правда, чином вот он не вышел, хоть денег я на него ухлопал, как на белую икру; поэтому он не очень надежен. А если допустить в это дело лунную полицию — беды не оберешься. Эд Гарвер душу черту

продаст, лишь бы отправить нас за решетку. Так что поторопитесь, ребята, — когда целуешь гадюку, ворон считать некогда. А я отправлюсь на свой корабль и поставлю перед алтарем свечки за вас святому Дисмасу, святому Николасу, а особенно — святому Георгию, чтоб его черти взяли!

Эдзел не удержался:

— Когда я изучал культуру Земли, то несколько раз встречал это имя. Но разве сама церковь, еще в двенадцатом веке, не признала его мифическим персонажем?

— Ба, — беспечно отозвался ван Рийн. — У них не было настоящей веры. Мне нужен воинственный святой. Разве Господь не в силах изменить прошлое и создать его заново ради меня?

Разговор закончился, а потом уже не было времени больше думать ни о чем, кроме скорости.

Эдзел гораздо быстрее бы и с меньшим трудом добрался на место на гравикаре. Но пешехода детекторам обнаружить куда сложнее. Поэтому Эдзел карабкался по горным склонам, перебирался через острые гребни, спускался в расщелины, огибал стены кратеров и трещины. Сердце его гулко стучало, легкие работали на пределе. Хорошую службу ему сослужило то, что передняя часть его тела перевешивала заднюю, — в условиях малой гравитации это был просто подарок судьбы.

Порой он перепрыгивал через препятствия; тогда при приземлении все тело его сотрясалось от удара. Он старался по возможности не выходить из тени, ибо охлаждающая система скафандра уже не справлялась со все возрастающей температурой, которая подскакивала еще выше, как только Эдзел оказывался на освещенном месте. Светофильтры не могли полностью защитить глаза от ослепительного блеска Солнца. Ни один гуманоид не смог бы повторить сделанный им путь; да и кому это вообще под силу, разве что детям звезды, которая ярче Солнца, планеты, которая больше Земли.

Дважды ему приходилось падать навзничь, когда над ним пролетал патрульный бот. В течение часа он передвигался бросками из тени в тень, избегая сторожевых постов — их антенны и орудийные стволы чернели на фоне неба. Ему удалось добраться до цели незамеченным.

Перед ним уходила вверх дорога, и в конце маячил замок; над крепостными стенами возвышались черные, колдовские на вид башни. Эдзел выбрался на дорогу и пошел по ней уже не скрываясь. Тишина была такой, что он почти успокоился. Потом его окликнули на стандартном диапазоне:

— Кто идет? Стой!

— Гость, — ответил Эдзел, не замедляя своей рыси. — Мне нужно поговорить об очень важном деле, покорно прошу меня принять.

— Кто вы? Как попали сюда? — голос был женский, хриплый от волнения; по-английски она говорила с акцентом. — Остановитесь, я вам говорю! Это частное владение! Посторонним вход запрещен!

— Покорно прошу меня простить, но мне в самом деле крайне необходимо, чтобы меня приняли.

— Возвращайтесь. У начала дороги вы найдете сторожку. Можно заглянуть туда, а уж оттуда сообщите мне все, что хотите сказать.

— Благодарю за любезность, — Эдзел по-прежнему не сбавлял хода, — сударыня... э... Белдэниэл. Правильно? Если не ошибаюсь, ваши партнеры еще в конторе?

— Я сказала — возвращайтесь! — взвизгнула она. — Или я открою огонь! Я имею право. Я вас предупредила.

— Вообще-то мне нужен капитан Фолкейн, — сообщил Эдзел. Он был уже совсем рядом с главными воротами, внешний шлюз которых выступал из каменной стены. — Если вы будете так любезны, что сообщите ему обо мне, то, вива восе, наша дискуссия продолжится на открытом, так сказать, воздухе. Разрешите представиться. Я один из членов его экипажа. Сами понимаете, мне просто необходимо видеть его. Однако я не хотел бы вторгаться в ваш дом.

— Вы не из его экипажа! У него нет больше экипажа! Он уволился. Он же сам вам сказал об этом. Он не желает видеть вас!

— С глубочайшим сожалением вынужден сообщить, что уполномочен требовать свидания с ним.

— Но... его здесь нет. Я передам, чтобы он позвонил вам.

— Поскольку вы явно придерживаетесь ошибочного мнения о его местонахождении, сударыня, быть может, вы позволите мне осмотреть ваш замок?

— Нет! Предупреждаю в последний раз! Немедленно остановитесь, или вы будете убиты!

Эдзел повиновался, но остановился, если можно так выразиться, только скафандр. Пальцы левой руки Эдзела, в которой он держал пульт управления автоматической пушкой, забежали по клавишам. На этом пульте имелся маленький телеэкран, с помощью которого пушку наводили на цель. Правой же рукой он вытащил из кобуры бластер.

— Сударыня, — сказал он, — насилие может привести к печальным последствиям. Неужели вы этого не понимаете? Я прошу вас...

— Возвратитесь! — похоже, она была на грани истерики. — Даю вам десять секунд на то, чтобы повернуться и пойти обратно! Раз... два...

— Этого я и опасался, — вздохнул Эдзел и прыгнул — прыгнул вперед. Из пушки его трижды вырвалось пламя, повалил дым, в главные ворота замка ударила шрапнель. Все это произошло на удивление быстро, — только задрожала под ногами земля.

Два тепловых луча с охранявших вход угловых башенок скрестились на том месте, где он только что стоял. Его пушечка рывкнула. Одна из башенок с грохотом обрушилась. Клубы пыли скрыли Эдзела. К тому времени когда пыль осела, он уже успел укрыться под стеной.

Внутренний шлюз представлял собой искореженную металлическую конструкцию.

— Иду внутрь, — сообщил Эдзел Чи Лан и выстрелил. Это препятствие оказалось более легким. Воздух вырвался наружу белым облачком замерзшей влаги и растворился, как туман под жарким солнцем.

Эдзел очутился в гостевом зале, где все было перевернуто вверх дном. Он разглядел на стенах несколько картин; у стены возвышалась некая тяжеловесная скульптура. Ничего подобного ни картинам, ни этой статуе ему еще не доводилось видеть, но он едва уделил им внимание. Где искать Дэвида? Он осмотрелся, удивительно похожий на огромную собаку, только стальную. Из зала вели два коридора. Он заглянул прежде в один: ничего, совершенно пусто. Потом пошел в другой. Тут комнаты были обставлены мебелью, хотя нельзя сказать, чтобы ее было в избытке.

Хм, строители явно рассчитывали, что со временем народу в замке поприбавится. Но откуда он возьмется? И кто это будет?

Далеко Эдзелу пройти не удалось. Путь ему преградила герметическая дверца: она автоматически закрылась, как только упало давление. Скорей всего за нею его поджидают охранники. Сама Белдэниэл наверняка сидит на видеофоне, рассказывает своим партнерам о вторжении. Если ван Рийну повезет, то он сможет ненадолго удержать полицию от принятия мер. Это ведь их обязанность — бороться с нарушителями прав частной собственности. А он, Эдзел, именно такой нарушитель и есть. Если даже он расскажет полицейским все как на духу, они ничего не смогут сделать без ордера на обыск на руках. А пока они этот ордер получат, банда сириндипистов запросто уничтожит все доказательства пребывания Фолкейна в их замке.

А если он не поторопится, это может сделать и сама Белдэниэл.

Одинит вернулся в зал и снял со спины ранец. Надо придумать что-нибудь. По счастью, внутри замка стены не такие прочные, как у внешних укреплений. Надо только постараться пройти незамеченным. Эдзел расстелил на полу пластиковый

пузырь, встал на него и прикрепил его края к стене. Потом включил факел-резак. `Скоро в стене появилось отверстие, он подождал, пока воздух из комнаты перейдет в пузырь, и закончил операцию. Потом вынул из стены квадратную плиту, которую вырезал, и протиснулся в образовавшуюся дыру, заткнув ее за собой все тем же пузырем.

Комната, где он очутился, была обставлена почти с пуританской строгостью. Эдзел мимоходом заглянул в стенной шкаф — так, женские тряпки. Внимание его привлекли книжные полки. Названия некоторых книг были написаны символами, значения которых он не понимал. Книги же на английском языке представляли собой справочники по человеческой культуре, издаваемые для туристов-негуманоидов. А это что? Бодхисатва?! Ничего не скажешь, странные существа обитают в этом замке!

Он поднял лицевой щиток, снял наушники и осторожно выглянул в коридор. Из-за угла, за которым, очевидно, находилась та самая герметическая дверца, слышались приглушенные голоса. Значит, слуги еще не закрыли свои шлемы. Представители едва затронутых цивилизацией планет, они отлично умели обращаться с самым современным оружием — даже те из них, кто не был профессиональным охранником. Эдзел крадучись направился в другую сторону.

Одна комната, другая — везде пусто. К чертям собачьим! Дэвид явно где-то рядом, но где?.. Стоп!

Его обостренный слух уловил где-то впереди какие-то звуки. Эдзел прыжком заскочил в будуар и включил расположенный на внешней стороне скафандра сканер.

Мимо прошла высокая, решительная на вид женщина в комбинезоне. Лицо ее было бледным и вытянутым; она учащенно дышала. По описанию ван Рийна Эдзел узнал ее: Тея Белдэниэл. Он двинулся за ней. Обернись она, ее взору представился бы крадущийся на цыпочках дракон длиной в четыре с половиной метра.

Женщина распахнула одну из дверей. Эдзел осторожно выглянул из-за косяка. Фолкейн спал, сидя в кресле. Женщина подскочила к нему и схватила его за плечо.

— Проснись! — воскликнула она. — Ну, проснись же!

— Чего? А-а. Чего ты? — Фолкейн пошевелился, не открывая глаз. Голос его был сонным.

— Вставай, милый. Нам надо уходить отсюда.

— Умм... — Фолкейн кое-как поднялся на ноги.

— Идем, говорю! — она дернула его за руку. Он поплелся за ней, как лунатик. — Вот в этот коридор, он нас выведет на космодром. Мы с тобой немножко летаем, милый.

Эдзел понял, что они с Чи не ошиблись. Промывка мозгов во всей ее неприглядности. Заключается она в том, что жертву погружают в бессознательное состояние, в котором он повинует

любому приказу. Для этого нужно всего лишь обработать мозг жертвы лучом энцефалодуктора и подвергнуть воздействию дозвуковой несущей волны ее на среднее ухо. Помраченное сознание не в силах сопротивляться этим импульсам. Такой человек выполнит любой приказ; если им искусно управлять, он выглядит совершенно нормальным, но по сути своей будет марионеткой. А если его не трогать после обработки, то он на этом же самом месте и останется. Со временем можно будет полностью изменить его личность.

Эдзел ступил на порог комнаты.

— Нет, это уж и в самом деле слишком! — взревел он.

Тяя Белдэниэл отскочила. От вопля ее задрожали стены. Фолкейн стоял сторбившись.

В коридоре раздались ответные крики. «Перестарался, — подумал Эдзел, — пожалуй, уже ничего не исправишь. Сейчас прибегут охранники, а с ними со всеми мне не совладать. Надо сматывать удочки, пока есть возможность. Но как же приказ ван Рийна?» Эдзел вспомнил слова хозяина: «Снимешь нашего молодого человека на пленку, возьмешь у него на анализ кровь и слюну. Это прежде всего. Пока этого не сделаешь, никакой самодеятельности!» Одинит подумал, что в подобной ситуации заниматься такими вещами просто нелепо. Но редко когда приказы ван Рийна бывали столь категоричными. Эдзел решил подчиниться.

— Извините, пожалуйста, — он отодвинул хвостом все еще вопившую женщину в сторону и аккуратно прижал ее к стене. Поставив на стол камеру, он направил ее на Фолкейна и включил запись, а сам тем временем подступил со шприцем и заборником в руке к тому, кто когда-то был его товарищем (и снова им будет, черт побери, или достойно погибнет!). Успокоенный этой мыслью, Эдзел проделал всю операцию за несколько секунд. Затем сунул пробирки с анализом в мешочек, подобрал камеру и взял Фолкейна на руки.

У двери он столкнулся с дюжиной охранников. Ему пришлось прикрывать человека собственным телом, поэтому он не смог стрелять, но пробился сквозь них, мимоходом зацепив двоих хвостом. Вокруг него бушевал огненный шквал; о скафандр ударялись пули. Некоторые из них проникли внутрь — не причинив, впрочем, особого вреда; шкура у Эдзела была крепкая, а скафандр он себе выбрал самозатягивающийся. Одинит галопом промчался по коридору и выскочил в проход, который вел наверх. Но погоня была близко. Против гранат или мини-пушек ему долго не устоять. Фолкейна-то уж точно разорвет на куски. Нет, прочь отсюда, и как можно скорее!

Вверх, вверх, вверх... Наконец Эдзел очутился в пустой и гулкой комнате наверху. За окнами была Луна, дикая и неприступная.

Как видно, в замке еще не все потеряли голову. Кто-то догадался связаться с патрулями: их боты уже появились на горизонте. Издалека орудия на них казались крошечными, но Эдзелу как-то не хотелось проверять на себе их действие. Он положил Фолкейна у стены. Затем осторожно проделал в окне дырку и просунул сквозь нее антенну своего передатчика.

Связь с Чи он потерял уже давно, поэтому ему пришлось расширить диапазон поиска и добавить мощность.

— Прием, прием. Эдзел вызывает корабль. Чи, ты там?

— Нет, — в голосе ее слышались и насмешка, и сдерживаемые рыдания. — Нет, я на Марсе. Вступила в Вязальное общество милых старушек — любительниц казней. Что ты натворил на этот раз, горе мое луковое?

Эдзел, сверившись с фотографиями замка снаружи (в свое время их много было опубликовано) и припомнив наставления ван Рийна, уже определил, где они находятся.

— Мы с Дэвидом на верху Башни Храпящей Красавицы. Ему действительно промыли мозги. По моим подсчетам, нас атакуют снизу, из коридора, через пять минут. А если они решат пожертвовать этой частью своей крепости, то их флиттеры разнесут башню и нас вместе с ней минуты через три. Ты не могла бы забрать нас пораньше?

— Я уже на полпути к вам, идиот! Держи связь!

— Помни наш уговор, Эдзел, — вмешался ван Рийн. — Чи забирает Фолкейна, а ты остаешься.

— Уговор был, если будет возможно, — вспыхнула Чи. — Так что заткнись!

— Я вот тебе заткнусь, — произнес ван Рийн негромко. — Узнаешь, где раки зимуют.

Эдзел убрал антенну и заделал дырку в окне герметичной прокладкой. Немного воздуха все-таки вышло. Он наклонился над Фолкейном.

— Я захватил для тебя скафандр, — сказал он. — Ты сможешь в него влезть?

Затуманенные глаза Фолкейна бессмысленно уставились на него. Эдзел вздохнул. Из коридора послышались яростные вопли. Пушкой ему воспользоваться не удастся: помещение слишком мало, а Фолкейн совершенно незащищен. Враг напирает, и патрули эти — выются, как осы.

В этот миг с неба коршуном слетел «Через пень-колоду».

Конструкция звездолета позволяла в случае надобности превратить его в боевой корабль. Чи Лан не собиралась миндальничать. На мгновение солнце как будто померкло. Расплавленные патрульные боты рухнули на горы. Звездолет, удерживаемый гравиполем, замер рядом со сторожевой башенкой у ворот. Чи не стала пробиваться внутрь замка, опасаясь подвергнуть тех, кто

внутри, действию жесткой радиации. Вместо этого она просто раздвинула стены башни гравилучом.

Моментально весь воздух испарился. Эдзел рывком опустил лицевой щиток. Он выстрелил из бластера в коридор, чтобы поугагать слуг, и подхватил Фолкейна на руки. Тот по-прежнему был без скафандра и уже потерял сознание. Из ноздрей его сочилась кровь. Но мгновенный переход к вакууму не очень опасен: ловцам жемчуга достается куда сильнее. Да и нет такой жидкости, что закипала бы сразу. Эдзел понес Фолкейна к раскрытому воздушному шлюзу. Луч подхватил тело человека и увлек в корпус корабля. Клапан за спиной Эдзела защелкнулся. Одинит прыгнул. Луч подхватил его и притянул к звездолету.

«Через пень-колоду» постепенно набирал высоту.

Горы и замок становились все меньше. Эдзел, который никак не мог прийти в себя, понял вдруг, что слышит в наушниках разговор ван Рийна с Чи Лан.

— Высадишь его там, где я тебе сказал. Моя яхта подберет его через пять минут, и мы вместе доберемся до Лунограда. А ты, ты полетишь, куда скажет Фолкейн. Думаю, он в состоянии сообщить хотя бы направление.

— Эй, подождите! — запротестовала цинтианка. — У нас с вами об этом и речи не было.

— У нас что, было время гадать на кофейной гуще? Откуда я знал, получится у Эдзела или нет? Конечно, я надеялся, что получится, но наверняка-то не знал. Так что вот, давай действуй.

— Слушай ты, жирный пират, мой товарищ лежит без сознания! Если ты хоть на долю секунды подумал, что он может отправиться куда-нибудь еще, кроме госпиталя, я предлагаю тебе постучать своей идиотской — да-да, идиотской! — башкой о что-нибудь твердое, и...

— Эй, мой мохнатый друг, полегче на поворотах! Из того, что ты мне рассказала, следует, что ты вполне можешь поставить его на ноги по дороге. Мы ведь снабдили тебя всеми инструментами и инструкцией, как сделать промытые мозги снова неммыми. А стоило это столько, что у тебя вся шерсть выпыдала бы, назови я сумму. Теперь слушай. Дело серьезное. «Сириндипити» играет ва-банк. Нам придется делать то же самое.

— Я люблю деньги не меньше твоего, — отозвалась Чи неожиданно тихо. — Но ведь есть и другие ценности.

— Ага-ага. — У Эдзела закружилась голова. Он закрыл глаза и представил себе сидящего у передатчика ван Рийна: трубка в одной руке, подбородок покачивается вверх-вниз, когда он говорит: — За ними-то как раз «Сириндипити» и охотится. Дело тут не в деньгах.

Подумай хорошенько, Чи Лан. Знаешь, что я вывел из фактов? Что Дэви Фолкейна на самом деле наспигивали наркотиками. А почему я об этом догадался, знаешь? Причин тут несколько... Ну, не мог он вот так, с бухты барахты, порвать со мной... Но главное не это, главное вот что: чтобы бросить такую телку, как Вероника, ради Северного полюса вроде Теи Белдэниэл, человек должен быть просто сумасшедшим. А особенно Фолкейн — пусть даже Вероника была для него очередной интрижкой. Это не по-человечески, понимаешь? Так что было ясно, что его чем-то накачали.

Но что из этого следует? А вот что: «Сириндипити» пошла на нарушение ковенанта Торгово-технической Лиги. Понятно, они отважились на такое дело не просто так — должно быть, оно того стоит. Понимаешь, стоит даже конца «Сириндипити» как фирмы — уж от этого-то им никуда не деться!

А отсюда что следует, моя маленькая задира? Да всего лишь то, что речь идет уже не о деньгах! Потому что, когда нужны деньги, играют по правилам: нет смысла действовать наперекор, если хочешь стать классным игроком. Однако есть и другие игры — в войну, во власть, далеко не такие приятные, как первая. Лиге известно наверняка, что промышленным шпионажем «Сириндипити» не занимается. Тогда что здесь? А если предположить, что существует некто, совсем посторонний, совсем чуждый нашей цивилизации — некто неизвестный и, может быть, вполне может быть, враждебный нам? Как тебе?

Эдзел с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Времени на болтовню у нас нет, — продолжал ван Рийн. — Связной корабль их вылетел две недели назад. По крайней мере, так говорится в Службе контроля полетов: вылетел две недели назад, экипаж — два человека из владельцев фирмы. Быть может, вам еще удастся их догнать. Во всяком случае, вы с Фолкейном пока единственные в Солнечной системе, кто может это сделать. Но задержишься вы тут всего лишь на какой-то там паршивый часочек, и полиция вцепится в вас мертвой хваткой, и задержит вас как свидетелей. Так что летите, пока можете. На досуге займись нашим другом. Узнай у него все, что можешь, и сообщи мне, сама или через робокурьера, а хочешь, почтовым голубем. Да, мы рискуем, но, может быть, оно того стоит. Быть может, это сохранит нам жизнь или свободу. Поняла?

— Да, — отозвалась Чи тихо после долгой паузы. Звездолет оставил позади горы и шел на снижение. Впереди, освещенное лучами низко стоящего Солнца, виднелось Море Холода. — Но ведь у нас экипаж. Я имею в виду Эдзела...

— Он лететь не может, — ответил ван Рийн. — Мы ведь сами только что нарушили и ковенант, и законы планеты. Ты должна лететь с Фолкейном, потому что он, а не Эдзел, специалист

по инопланетным культурам. В «Сириндипити» умные люди; здесь, на Луне, они будут сражаться отчаянно. Мне нужны доказательства того, что они сделали. Конечно, хорошо бы оставить и Фолкейна, но как-нибудь обойдемся. Эдзел был в замке. И вид у него что надо, внушительный.

— Ну что ж, — печально произнесла Чи, — раз так... Я этого не ожидала.

— Разве жить, — заявил ван Рийн, — не значит удивляться снова и снова?

Корабль сел. Чи выключила гравилуч, и Эдзел упал на застывший лавовый поток.

— Прощай, — сказала Чи.

Он был слишком расстроен, чтобы произнести в ответ нечто членораздельное. Корабль взмыл в небо. Эдзел следил за ним, пока он не затерялся среди звезд.

Вскоре появилась яхта ван Рийна; все дальнейшее Эдзел воспринимал как сквозь сон. Его взяли на борт, сняли скафандр. Ван Рийн тут же ухватился за добытые в замке материалы. Потом они приземлились в космопорте Лунограда. Эдзел едва слышал яростные крики своего хозяина, он хотел только спать, спать, спать... И только тут его арестовали и отвезли в тюрьму.

Глава 8

Из динамика раздался голос:

— Сэр, основной объект наблюдения только что позвонил в контору Мендеса. Он требует немедленной встречи с вами.

— Я именно этого и ждал, — удовлетворенно заметил Эдвард Гарвер. — Причем я угадал даже время! — Он потер подбородок. — Соедините меня с ним.

Эд Гарвер не вышел ростом, однако строгая серая форма придавала ему внушительность. Волосы у него были редкие, лицо напоминало собачью морду. Различные технические устройства не просто окружали его, как любого другого чиновника, — нет, они словно охраняли его. Стены комнаты увешаны были фотографиями, на которых Гарвер обменивался рукопожатиями с несколькими сменившими друг друга премьер-министрами Галактического Содружества, президентами Лунной Федерации и другими высокопоставленными лицами. На рабочем же столе не было никаких лишних предметов, никаких безделушек (жениться Гарвер так и не собрался).

Получивший приказ Гарвера компьютер преобразовал его в сигнал и передал дальше, на трансмиттер, расположенный на гребне Коперника, в тени которого укрылся Луноград. Оттуда луч лазера достиг искусственного спутника Луны, отразился от него и, мгновенно преодолев громадное расстояние, дотянулся до приемника, находящегося у подножия Платона. Преобразо-

ванный снова, он поступил в другой компьютер, и на этом его скитания завершились. Вся операция заняла лишь несколько миллисекунд: деловые люди, у которых была на счету каждая минута, не собирались ждать дольше.

На экране видеофона Гарвера появилось мужское лицо, широкое, с усами и козлиной бородкой. Узкие блестящие глаза, мясистый нос, прическа, которая была в моде лет так сорок назад.

— Великое небо! — воскликнул Николас ван Рийн. — Мне нужен Фернандо Мендес, шеф полиции Лунограда. А ты откуда там взялся? Что, скучновато стало в столице?

— Я по-прежнему в ней нахожусь, — отозвался Гарвер. — Вас соединили со мной по моему приказу.

Ван Рийн побагровел.

— Так это по твоему идиотскому распоряжению арестовали моего человека Эдзела?

— Ваше чудовище Эдзела, — поправил его Гарвер.

— Что ты знаешь о чудовищах, ты?! — рявкнул ван Рийн. — Да если хочешь знать, тебе до Эдзела, как клопу до медведя, хоть ты и человек, черт бы тебя побрал!

Директор Федерального центра контроля за безопасностью и соблюдением законов подавил гнев.

— Следите за своим языком, — сказал он. — Вы сейчас не в таком положении...

— Положение у нас нормальное. Мы ведь только оборонялись. И потом, какое до этого дело тебе? Что, местная полиция сама не разберется? — Ван Рийн попытался изобразить обиду. — Возвращаемся, понимаешь, садимся, собираемся с Эдзелом идти к Мендесу жаловаться — и вдруг, на тебе! Его хватают и уводят из космопорта под конвоем! Хотел бы я знать, по чьему приказу?

— По моему, — ответил Гарвер. — Мне не хватило многих фактов, чтобы задержать и вас, мастер. Но, я надеюсь, это дело поправимое. Я прибуду в Луноград и лично этим займусь. Считайте, что вы предупреждены. Если вы покинете Луну, я буду рассматривать это как прямое доказательство вашей вины. Скорее всего мне не удастся вытащить вас с Земли или куда еще вы там удерете, но я наложу арест на все здешнее имущество вашей Компании специй и спиртных напитков, вплоть до последнего литра водки! И пока ваш Эдзел сидит у нас, никуда вы, ван Рийн, не денетесь! Да и сообщникам его не поздоровится, если только они осмелятся вернуться. — Гарвер подался вперед.

— Я долго ждал, — продолжал он, — несколько лет. Я следил, как вы и ваши дружки-плутократы из Лиги плюете на закон — интригуете, даете взятки, принуждаете, подкупаете, обдeldываете свои делишки, создаете по собственному усмотрению

экономику, сражаетесь между собой, словом, ведете себя как бароны империи. Хотя она и не существует на бумаге, но подчинила себе весь мир, возвращает нас к самому дикому феодализму и капитализму! Та свобода, о которой вы столько шумели, право на которую по вашему настоянию занесено в Конституцию, — это ведь всего лишь лицензия! Лицензия на грех, лицензия на порок! А ваша Лига имеет с этого бешеные деньги!

Ваши аферы за пределами Содружества я вряд ли смогу раскрыть. Вы слишком хорошо заматали за собой следы — везде, кроме Луны. Отсюда ниточка и потянется. Если мне удастся справиться с Лигой здесь, я умру счастливым, зная, что заложил основы для возникновения более достойного общества. А вы, ван Рийн, — вы начало начал. Наконец-то вы зашли слишком далеко. На этот раз вы попались! — Гарвер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

Торговец ни разу не попытался возразить. Время от времени он открывал свою табакерку, брал из нее понюшку табаку, чихал. Потом принимал мять кружевное жабо. Когда Гарвер кончил, он вкрадчиво — с мягкостью цунами, встреченной посреди океана, — произнес:

— Ну что ж, расскажи-ка мне, что ж я такого натворил. В Писании сказано, что грешнику свойственно ошибаться. Может, мы с тобой обнаружим, в чем же я ошибся.

Гарвер уже успокоился.

— Идет, — сказал он. — Так и быть, доставлю себе удовольствие — лично сообщу вам, что против вас имеется.

Начав вести наблюдение за деятельностью Лиги, я сразу же распорядился, чтобы меня немедленно извещали о любых необычных ситуациях. Примерно с неделю назад этот ваш Эдзел в паре с кем-то там еще — ах да, Чи Лан с Цинтии — обратился в полицию и потребовал произвести обыск у владельцев информационной брокерской фирмы «Сириндипити». Эти двое заявили, что их капитана Дэвида Фолкейна держат в заключении в альпийском замке, который является резиденцией владельцев «СИ», и что его подвергли промывке мозгов. Естественно, им отказали. Да, эти люди из «СИ» в самом деле ведут себя довольно таинственно. Но ведь вы же сами, вы, капиталисты, фетишизировали право частной собственности! Кроме того, эта фирма, единственная из членов Лиги, никогда не нарушала закона. Она всего лишь тихо-мирно собирала себе данные и раздавала советы.

Меня это обращение в полицию насторожило. Зная, что представляют собой ваши головорезы, я понял, что можно ожидать чего угодно. Я предупредил владельцев «СИ» и сказал им, чтобы они связались со мной, как только что-нибудь заподозрят. Я предложил им охрану, но они заявили, что справятся сами. — Гарвер снова начал раздражаться. — Вот еще одно из зол, которое принесла с собой ваша Лига! Если в законе — в законе! —

сказано, что человек может хранить у себя дома оружие и при-
менять его, когда сочтет нужным!.. Вы называете это самозащи-
той! — Он вздохнул. — Должен признать, что «СИ» никогда
этим не злоупотребляла.

— А про Фолкейна они тебе рассказывали? — поинтересо-
вался ван Рийн.

— Да. Вообще-то я сам разговаривал с ним по видеофону. Он
сказал, что хочет жениться на сударыне Белдэниэл и работать в
ее фирме. Да, конечно, его могли накачать наркотиками. Но я
же не знаю, как он обычно себя ведет. Да мне это и ни к чему.
Мне представляется гораздо более правдоподобной следующая
версия: вы хотели скоренько вытащить его оттуда, чтобы он не
успел посвятить своих новых друзей в ваши мерзкие секреты!

Ван Рийн молча слушал, только лицо его сделалось пунцо-
вым.

— Итак, — Гарвер сцепил пальцы и ухмыльнулся. —
Сегодня, часа три назад, со мной из конторы «СИ» связался мастер
Ким. Ему позвонила сударыня Белдэниэл. Он сообщил мне, что у
ворот замка появился одинит в космическом скафандре — я
сразу понял, что это Эдзел, — и потребовал свидания с Фол-
кейном. Когда ему было в этом отказано, он ворвался внутрь и
начал там бесчинствовать.

Я приказал шефу Мендесу отправить туда полицейский от-
ряд особого назначения. Он ответил мне, что в городе вспыхнуло
восстание — по крайней мере, на улицах идет драка, и что
начали ее ваши люди, ван Рийн, на вашем складе. Только не
убеждайте меня, что это случайное совпадение!

— Но так оно и есть, — сказал ван Рийн. — Спросите у
моих ребят: это такие паршивцы! Я их накажу!

— А когда они выйдут из тюрьмы, вы их вознаградите солид-
ными премиями.

— Надо же будет их как-то утешить. Сердце-то у меня не
камень. Ну ладно, директор. Что дальше?

Теперь уже побагровел Гарвер.

— Затем я потратил целый час на какой-то совершенно не-
лепый судебный запрет. Тоже ваши штучки? Ничего, разберем-
ся и с этим. После этого я смог направить к замку часть своих
людей. Но они прибыли туда слишком поздно. Эдзел уже захва-
тил Фолкейна. Закон уже был нарушен. — Он снова овладел
с собой, по крайней мере внешне.

— Вам нужны факты других нарушений, — продолжал
он. — Пожалуйста. К башне, в которой находился Эдзел, при-
близились на своих ботах патрульные «СИ». И тут с неба сва-
лился звездолет. Да, звездолет, хорошо вооруженный, явно под-
держивавший связь с этим вашим драконом. Он уничтожил бо-
ты, разрушил башню, а потом улетел. Фолкейн исчез вместе с
ним. Отсюда я делаю вывод, что на корабле была Чи Лан. А сам

звездолет — тот самый, который они обычно используют и который улетел из космопорта Лунограда в неизвестном направлении несколько стандартных дней тому назад. Согласитесь, это очевидно. Но Эдзелу удрать не удалось. Наверно, он радировал вам, чтобы вы его подобрали, и вы это сделали и привезли его обратно в город. Отсюда следует, что вы тоже замешаны в этом деле, ван Рийн. Я знаю, сколько адвокатов у вас на содержании, а потому хочу собрать еще немного улики против вас. Я их добуду, и я вас арестую!

— Интересно, за что? — равнодушно поинтересовался беседник Гарвера.

— За многое. Полагаю, владельцам «Сириндипити», сударыне Белдэниэл и слугам из замка найдется что сказать. За шантаж. За нанесение увечий. За вторжение в частное владение, устройство беспорядков, похищение, убийство...

— Эй, жеребчик, не торопись! Эдзел сказал мне, что, пожалуй, задел мельком парочку охранников. Но он буддист и потому смотрел, чтобы никого не убить. Эта башенка, которую он сшиб, когда входил, она ведь стандартная, с дистанционным управлением.

— Про патрульные боты этого не скажешь. Тепловые лучи уничтожили их штук шесть. Да, конечно, пилоты, как и слуги замка, не гуманоиды и не являются жителями города. Но они же живые существа! Их смерть в данной ситуации будет считаться насильственной. Кроме того, вам можно также предъявить обвинение в тайном сговоре и...

— Хватит, — прервал его ван Рийн. — По-моему, ты не особенно нас любишь. Когда тебя ждать?

— Я прилечу, как только наведу порядок здесь. Через несколько часов. — Гарвер натянуто улыбнулся. — Может, вы мне сейчас признаетесь? У нас будет меньше забот, а вы облегчите себе участь.

— Нет. Мне не в чем признаваться. Это какая-то ужасная ошибка. Ты совершенно не разобрался в ситуации. Эдзел кроток, как ребенок, — правда, я знал несколько детишек, с которыми лучше было не связываться. А что до меня, то я старый бедный одинокий толстяк, которому всего-то и нужно накопить немножко деньжонок, чтобы не кончить жизнь под забором.

— Заткнись! — не выдержал Гарвер и потянулся к выключателю.

— Подождите! — воскликнул ван Рийн. — Ну и каша заварилась! Придется мне ее расхлебывать, потому как я добрый христианин, который изо всех сил старается возлюбить ближнего своего, который не даст тебе сесть в лужу и не допустит, чтобы над тобой смеялись, хотя ты того и заслуживаешь. Я поговорю с Эдзелом, свяжусь до твоего прибытия с «Сириндипити». Может, нам тут удастся разобраться с дровами, которые ты наломал.

Гарвер скривился.

— Я вас предупредил, — сказал он. — Если только я узнаю, что вы угрожали, шантажировали, давали взятки...

— Обзываешься, — укоризненно произнес ван Рийн, — оскорбляешь... Ну что ж, я твою похабшину слушать не собираюсь. Счастливого оставаться, дурья твоя башка.

Луна была одним из узловых центров системы межпланетного сообщения. Поэтому тюрьмы в ее городах строились с таким расчетом, чтобы за решетку можно было посадить кого угодно. Эдзел вынужден был признать, что освещение, температура, влажность, давление и сила тяжести в его камере значительно больше подходят ему, чем земные условия, хотя он вполне сносно чувствовал себя и на Земле. Вот только пища подкачала: ему подсунули какое-то вязкое пойло, которое, как говорилось в некой книжонке, было любимым лакомством одинитов. Еще сильнее Эдзел страдал от невозможности вытянуть хвост, не говоря уже о том, чтобы позаниматься.

Кто может его выручить? Представители его народа редко покидали свою планету, поскольку были большей частью простыми охотниками. Так что надежды встретить сородича, который бы ему помог, почти, пожалуй, и нет.

Когда Эдзела привели в тюрьму под конвоем полицейских, всю дорогу почтительно на него поглядывавших, начальник тюрьмы разинул рот.

— Аллах всемогущий! Ну, и куда нам прикажете поместить эту тушу, среднее между кентавром и крокодилом? Все большие камеры уже заняты: черт бы побрал эту конференцию фантастов!

Отсюда понятно, почему Эдзел так ласково обошелся с сержантом, который несколько часов спустя сообщил ему по видеофону:

— Тут... э... ваш полномочный представитель. Хочет с вами встретиться. Вы как?

— Конечно. Давно пора! К вам у меня претензий нет, офицер, — поторопился добавить заключенный. — Ваши парни обращались со мной весьма корректно. Если я правильно понял, для вас ваша служба все равно что для меня — колесо Кармы.

Сержант поторопился отключиться.

На экране появилось лицо ван Рийна. Сначала изображение было слишком ярким, но постепенно все вошло в норму. Эдзел изумился.

— Но... но я ждал адвоката, — выдавил он.

— Некогда, — отмахнулся босс. — Дело такое, что чем тише едешь, тем тебе же хуже. Твоя задача — держать язык за зубами! Ни полсловечка! Я запрещаю тебе даже утверждать, что ты невиновен. Молчи, и все. Пока у них нет права тебя

допрашивать. Если им приспичит узнать, что на улице, день или ночь, пусть сами сбегают и посмотрят!

— Но что я буду делать в этой конуре? — взмолился Эдзел.

— Сидеть. Бездельничать. Качать из меня деньги. А я тем временем буду обивать пороги, пока мои бедные старые ноги не сотру до колен. Только представь, — воскликнул ван Рийн патетически, — я уже целый час никак не могу промочить горло! И похоже на то, что останусь без ленча. А сегодня на ленч должны быть лимфбордские устрицы, фаршированные тихоокеанские крабы а-ля...

Эдзел не выдержал. Стены камеры задрожали, когда он пошевелился.

— Но мне здесь не место! — возопил он. — Мои показания...

— Тихо! — гаркнул ван Рийн так, что Эдзел сразу затих. — А ну, заткнись! Хватит! — Потом заговорил обычным тоном: — Мне сказали, что этот канал не прослушивается, но черт его знает, — от Гарвера можно ожидать чего угодно. Надо попридержать наши козыри, понимаешь? А в последний момент мы их выбросим — как Гэбриэл. Козыри. Гэбриэл. Понял? Ха!

— Ха, — медленно произнес Эдзел, — ха.

— Чудак, ты же можешь без помех медитировать, закалять, так сказать, свой аскетизм! Я тебе просто завидую. Я бы даже хотел оказаться на твоём месте. Ну ладно, сиди. Я отправляюсь в «Сириндипити». До скорого. — Ван Рийн исчез.

Эдзел долго лежал не шевелясь.

«Но у меня же были доказательства, — думал он, ошеломленный всем случившимся. — Те пленки, те анализы, которые я взял у Дэвида в замке... как мне и было приказано... доказательства того, что ему в самом деле промыли мозги. Я передал все материалы Старому Нику, когда он попросил. Это было перед посадкой. Я так думал, что он найдет им лучшее применение. Ведь они оправдывают все мои действия. Люди ведь испытывают панический ужас, даже когда просто слышат о насилии над личностью. А тут у меня в руках были прямые доказательства!

Но он — мой хозяин, которому я доверял, — даже не обмолвился о них!»

Когда Чи Лан и выздоровевший Фолкейн возвратятся, от них потребуют свидетельских показаний. Но без физических доказательств, которые добыл он, Эдзел, их словам вполне могут не поверить, пускай даже они будут утверждать то же самое и под воздействием какого-нибудь гипноза.

В общем, ситуация — хуже некуда. Как ни верти, а от того факта, что в схватке были убиты несколько разумных существ, никуда ни деться. (Откровенно говоря, Эдзел особых угрызений совести не испытывал, хотя в сравнении с каким-нибудь там жителем одного из беспокойных приграничных районов мог

считаться чуть ли не невинным младенцем. Это ведь была пусть маленькая, но война, то есть способ разрешения конфликта, который иногда считался приемлемым. Нападение на вооруженных до зубов охранников, защищавших похитителей твоего товарища, выглядело бы тогда сущей ерундой в сравнении с освобождением его из плена. Но вся беда заключалась в том, что по законам Содружества войны между частными лицами или фирмами не допускались.)

Правда, возможность, что власти посмотрят на это нападение сквозь пальцы, пока не исключена, — но только если им предъявят доказательства промывки мозгов. И если Чи Лан с Фолкейном вернутся и расскажут, как все было. А не вернуться они могут очень запросто. Ведь эти неизвестные, для которых старалась «Сириндипити», вполне могут убить их. «Почему ван Рийн не позволил мне улететь вместе с ними? Почему, почему, почему?..»

Раз уж он остался один, его могли бы и отпустить на поруки. Тогда стало бы ясно, что его нападение на замок, пусть и незаконное, не было беспричинным. Тогда «Сириндипити» рухнула бы — ибо клиенты наверняка перестали бы доверять этой фирме.

А вместо этого ван Рийн скрывает доказательства и отправляется торговаться с похитителями Фолкейна!

В крошечной камере Эдзелу было не по себе. На звездолете места немногим больше, но зато там знаешь, что тебя окружают звезды. А здесь — стены, за ними другие, за другими третьи, и так до бесконечности.

«О вы, буйные пираты Зарлаха! О, гулкий топот копыт, свежий ветер, горы в призрачно-голубой дымке! О, костры на вечерней заре! Древние песни, древние танцы, родство душ, что сильнее кровного родства! Дом — это свобода. Корабли, дальние странствия, новые планеты, веселый смех. Свобода — это дом. Неужели ван Рийн продаст меня?

Неужели я позволю ему сделать это?»

Глава 9

Пыхтя, как древний паровоз, Николас ван Рийн ворвался в помещение, где располагалась дирекция «Сириндипити». Ему уже приходилось иметь дело с этой фирмой. Но тут он не бывал никогда и не слышал, чтобы сюда был разрешен доступ кому-либо еще, кроме владельцев «СИ».

Если не считать размеров помещения, то все здесь было точно так же, как и в консультационных офисах фирмы. То же холодное сочетание тех же дорогих отделочных материалов, тот же яркий свет, исходящий от флуоропанелей. Правда, здесь имелся большой круглый стол, вокруг которого могли усесться

несколько человек: на нем громоздились различные переговорные и вычислительные устройства.

«Жарковато у них тут, пожалуй», — подумал ван Рийн.

Владельцы «СИ» — те из них, кто остался на Луне, — выстроились по ту сторону стола. Прямо напротив ван Рийна с безучастным видом стоял Ким Юн Кун. Его мнимое равнодушие, равно как и напускное безразличие Анастасии Герреры и Евы Латимер, не могли обмануть торговца. Тея Белдэниэл, несмотря на темные круги вокруг глаз, заострившиеся черты лица и дрожащие руки, все-таки не очень напоминала женщину, в замок которой всего лишь несколько часов назад ворвался дракон.

Ван Рийн остановился. Внимание его привлекли двое притулившихся к стене существ: двуногие, четверорукие, хвостатые, покрытые серым мехом, одетые в одинаковые кольчуги и вооруженные современными бластерами. Желтые глаза, сверкавшие из-под напоминавших рога костяных выростов, придавали их грубым лицам злобное выражение.

— Зачем вы притащили сюда этих головорезов с Горзуна? — поинтересовался он. Полы плаща его распахнулись, когда он широко развел руки, а потом положил их на свои лилового цвета кюлоты в обтяжку. — Оружия у меня при себе нет. Я пришел к вам один, невинный, как голубь мира. Разве таких голубей опасаются?

— Полковник Мелкарш командует патрулями, охраняющими наш замок снаружи, — ответил Ким. — Капитану Уругу подчиняется охрана внутри замка и, следовательно, все слуги. Они представляют здесь своих подчиненных, с которыми так жестоко обошлись ваши агенты.

Ван Рийн кивнул. Да, так можно хранить тайны: нанимать к себе на службу варваров-негуманоидов. Они будут заниматься только своим делом и больше никуда не лезть. Будут держаться друг друга, не вступая в контакты с чужими и не выбалтывая им никаких секретов, а по окончании контракта отправятся домой и исчезнут, канут в неизвестность на своих редко посещаемых планетах. Но, принимая таких существ на службу, приходится учитывать их обычаи. Ситуруши с Горзуна — прекрасные воины, чересчур, быть может, жестокие; офицеры и солдаты их армии связаны обетом верности друг другу.

— Ладно, — сказал торговец, — может, оно и лучше. Ну что ж, значит, присутствуют все, кого это дело касается. — Он сел, достал сигару и откусил ее кончик.

— Вам, кажется, не предлагали курить, — холодно заметила Анастасия Геррера.

— Ну и что? Я же знаю, что вы просто не успели. — Ван Рийн закурил, откинулся на спинку кресла, скрестил ноги и выпустил изо рта голубое облако дыма. — Я рад, что вы согла-

сились встретиться со мной в непринужденной, так сказать, обстановке. Я бы, конечно, мог заглянуть к вам домой, если бы вы меня пригласили. Но, по-моему, здесь лучше, а? Там полно полицейских, которые только и делают, что с умным видом болтаются под ногами. А это помещение — единственное, пожалуй, в Лунограде, где мы можем быть уверенными, что нас не подслушивают.

Мелкарш глухо заворчал. Наверное, он немножко понимал английский. Ким сказал:

— Мы согласились принять вас, мастер ван Рийн, но не испытывать свое терпение. Если мы о чем-либо и договоримся, то только на наших условиях. И еще: даже если вы окажете нам полное содействие, мы не можем гарантировать, что действия ваших агентов останутся безнаказанными.

Брови посетителя, словно черные гусеницы, поползли вверх по покатоному лбу.

— Я не ослышался? — он приставил руку к уху. — Быть может, несмотря на кучу денег, что я плачу врачам, быть может, я оглох от старости? Надеюсь, вы еще не сошли с ума? Надеюсь, вы понимаете, что я затеял всю эту трепотню вовсе не ради себя, а ради вас? Что я не хочу прихлопнуть вас? Ну да ладно, не будем ходить вокруг да около. — Он достал из внутреннего кармана жилета плотный конверт и бросил его на стол. — Полюбуйтесь. Это, разумеется, копии. Оригиналы я оставил в другом месте; если я через пару часов не вернусь, то они будут отправлены в полицию. А вот биологические анализы. Доказать, что они взяты у Фолкейна, будет весьма просто, поскольку в медкарте на Земле имеется хромосомный набор. Радиоизотопный тест подтвердит, что анализы были взяты лишь несколько часов назад.

Партнеры молча принялись разглядывать фотографии, тишина в комнате стала как будто еще напряженнее. Мелкарш зарычал было и сделал шаг вперед, но Уругу остановил его. Взгляды их не обещали гостю ничего хорошего.

— Вы промыли Фолкейну мозги, — сказал ван Рийн. Он погрозил пальцем. — Ой как нехорошо. Неважно, может, мы в чем-то и виноваты, но уж вас полиция после того, как получит все это, проверит от и до. Неважно, что станется потом с вами лично, но с «Сириндипити» будет покончено. Достаточно лишь подозрения, что вы действовали вовсе не так, как представлялось, — и вы лишитесь и денег, и клиентов.

Лица владельцев «СИ» оставались непроницаемыми. Но Тея Беддэниэл еще не совсем овладела собой: во взгляде ее промелькнуло страдание.

— Мы не... — выдавила она со всхлипом. Потом поправилась: — Да. Но я... мы... не хотели, чтобы он пострадал. У нас просто не было выбора.

Ким жестом заставил ее замолчать.

— У вас как будто есть причина, по которой вы не хотели бы передавать этот материал следствию, — медленно произнес он, подчеркивая каждое слово.

— Ага-ага, — отозвался ван Рийн. — Мой паренек вроде бы пострадал не очень сильно. К тому же «Сириндипити» сослужила хорошую службу Галактической Лиге. Так что я на вас не очень сержусь и постараюсь помочь, чем смогу. Конечно, только легким испугом вы не отделаетесь. Это невозможно. Однако ведь вы сами впутали в это дело полицию, а отнюдь не я.

— Я не признаю за собой никакой вины, — заявил Ким поспешно. — Наше дело не имеет ничего общего с вашими грязными деньгами. — Глаза его метали молнии.

— Как же, как же. Ваши боссы — они где-то в космосе и совсем не похожи на нас. Именно поэтому мы не можем позволить вам продолжать работу, ибо вы — шпионы, а может, и саботажники. Но я люблю ближнего своего и потому хочу помочь вам избежать пагубных последствий вашей же собственной глупости. Начнем с того, что отзовем собак закона. Как только их большие вонючие зубы оторвутся от нашего куска...

— Вы считаете, их можно еще... отозвать? — прошептала Тея Белдэниэл.

— Пожалуй, да, если вы мне в этом поможете. В конце концов, эти ваши охранники в замке, Эдзел ведь всего лишь сломал пару-тройку костей да наставил синяков. Это все можно уладить, так сказать, полюбовно; без всякой полицейской шумеры, — ван Рийн с задумчивым видом выпустил изо рта кольцо дыма. — Платите вы. Теперь насчет этих патрульных ботов, которые якобы расплавились. Кто может подтвердить, что их уничтожил звездолет? Если мы...

Мелкарш стряхнул с плеча руку товарища и, потрясая в воздухе всеми четырьмя кулаками, завопил на искаженном почти до неузнаваемости латинском — общем языке Лиги:

— Чтоб тебя сожрал самый мерзкий демон! Почему мои солдаты должны оставаться неотмщенными?

— О, ты сможешь передать их родичам виру, — обнадежил его ван Рийн. — Глядишь, и тебе что-нибудь перепадет. Ты ведь не против, а?

— По-твоему, все на свете продается? — возразил Мелкарш. — Может, и все, но только не честь! Знай, я сам видел этот звездолет, как он сжег боты; я просто не успел вмешаться. Но я заметил, что это был один из твоих кораблей, и я так и скажу на суде!

— Ну-ну, — улыбнулся ван Рийн. — Тебя же никто не просит лжесвидетельствовать. Ты просто промолчишь; другими словами, не будешь кричать на всю округу, что что-то видел, и спрашивать тебя тоже никто не будет. А если еще учесть, что

твои хозяева собираются скоро отправить тебя домой — на первом же корабле, который туда полетит; быть может, это будет один из моих звездолетов — и выплатить тебе всю причитающуюся по контракту сумму плюс премию, то вообще... — Он добродушно кивнул Уругу. — Разумеется, друг мой, то же самое относится и к тебе. Ну разве не шикарные у вас хозяева?

— Если ты надеешься, что я приму твою вшивую взятку, — рывкнул Мелкарш, — то ты просчитался! Чего ради мне соглашаться на это, когда я могу отомстить за своих солдат, сказав только...

— Да ну? — удивился ван Рийн. — Ты уверен, что сможешь меня свалить? Это не так-то просто, я довольно крепко стою на ногах. Ты просто погубишь этим своих хозяев, которым, вспомни, ты клялся верно служить. Кроме того, учти, что тебя и твоих, так сказать, людей можно привлечь за похищение и другие нехорошие дела. Интересно, как ты pomoжешь своим или сбережешь честь, сидя в федеральной тюрьме? А? Гораздо лучше будет для тебя, если ты привезешь виру семьям погибших и расскажешь о том, что они пали в бою, как и подобает настоящим воинам.

Мелкарш открыл рот, но не смог найти слов для ответа.

Тея Белдэниэл встала из-за стола, подошла к нему, погладила по шкуре и сказала:

— Он прав, понимаешь, мой добрый старый друг, он прав. Он демон, но он прав.

Горзунец отрывисто кивнул и отступил к стене.

— Отлично, просто здорово! — сказал ван Рийн. Он потер руки. — Я так рад, что нашел здесь здравый смысл и сговорчивость. У меня есть кое-какие планы, как нам быть дальше. — Он огляделся. — Только вот мне страшно хочется пить. Может, пошлете за парой бутылочек пивка?

Глава 10

Прилетев в Луноград, Эдвард Гарвер сразу направился в полицейское управление.

— Приведите арестованного одинита в камеру для допросов, — распорядился он. Потом кивнул на трех сопровождающих его сурового вида мужчин. — Мои помощники; мы хотим допросить его сами. Станет у нас крутиться, как рыба на сковородке, — в рамках закона, конечно. В конце концов, закон что дышло, а арестованный слишком, понимаете ли, велик, чтобы уместиться в обычные рамки.

Эдзел никак не мог понять, что происходит. Воздух был сильно разреженным, насыщенным влагой и таким холодным, что чешуйки его стали покрываться изморозью; сила тяжести вдвое

превышала ту, что была на его родной планете. Он почти ослеп от усилившейся яркости далекого красного карликового солнца и не мог разглядеть Гарвера с помощниками за витриловой панелью, где сохранялись земные условия. Время шло, но никто, похоже, не собирался поить его или кормить. Лишь вопросы — непрерывно, один за другим, и таким визгливым голосом, что скоро уши Эдзела, привыкшие к более низким частотам, заболели.

На вопросы он не реагировал.

— Отвечать! — завопил Гарвер примерно через полчаса. — Ты что, хочешь, помимо всего прочего, обвинения в неуважении к следствию?

— Откровенно говоря, да, — изумил их ответ Эдзела. — Поскольку я всего лишь пользуюсь своим правом на молчание, то подобное обвинение просто-напросто подтвердит всю абсурдность вашей возни.

Гарвер нажал на кнопку. Эдзел дернулся.

— Что-нибудь не так? — спросил у него один из полицейских, которому была выделена роль этакого добрячка.

— Через пол бьет током.

— Что ты говоришь! Наверно, дефект проводки. А может, тебе померещилось? По-моему, ты здорово устал. Давай призывайся, и все пойдем передохнем.

— Вы глубоко ошибаетесь, — отозвался Эдзел. — Мой хозяин тоже не сахар, но по сравнению с вами он просто лапочка. Я отказываюсь сотрудничать с вами на любых условиях. По счастью, космические скитания закалили мой организм. Поэтому, с вашего разрешения, я буду рассматривать эту ситуацию как возможность возвыситься над неудобствами, претерпеваемыми физическим телом. — Он принял позу лотоса; это, надо сказать, было зрелище. — Прошу прощения, что медитирую в вашем присутствии.

— Где ты был в ту вечернюю вахту, когда...

— Ом Мани Падме Хум*.

Полисмен отключил переговорное устройство.

— По-моему, овчинка выделки не стоит, шеф, — сказал он.

— Но он же живое существо! — возразил Гарвер. — Здоровый как бык, правда, но ведь не камень. Будем продолжать, посменно, пока не добьемся желаемого.

Тут раздался звуковой сигнал, и на экране видеофона появилось лицо начальника полиции Лунограда Мендеса.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас, сэр, — извинился он, — но нам тут позвонили из «СИ». — Мендес вздохнул. — Они... они отказываются от своей жалобы.

* Буддийская мантра, в переводе означает «О драгоценность в лотосе».

— Что? — Гарвер так и подскочил. — Нет! Этого не может быть! Я же сам!.. — Он смолк. Лицо его посерело. — Давайте, — холодно приказал он.

С экрана на него уставился Ким Юн Кун. Гарверу показалось, что он чуть менее сдержан, чем обычно. За его спиной маячил ван Рийн. Гарвер подавил инстинктивное желание швырнуть в экран чем-нибудь тяжелым.

— Ну? — спросил он. — Что это еще за выкрутасы?

— Я и мои коллеги имели разговор с этим вот джентльменом, — сказал Ким. Он говорил так, словно каждое слово в отдельности было грязным ругательством; он их как будто выплевывал. — Мы выяснили, что имело место досадное непонимание нами друг друга. Это следует немедленно исправить.

— Что, и воскресить из мертвых? — фыркнул Гарвер. — Пускай он предлагает вам какие угодно взятки, но у меня есть доказательства, что совершено преступление. Предупреждаю вас, сэр: если вы что-либо утаите от следствия, это может обернуться для вас неприятностями в будущем.

— Но преступления не было, — возразил Ким. — Все произошло по чистой случайности.

Гарвер поглядел на ван Рийна: торговец попыхивал сигарой и улыбался.

— Позвольте мне начать с начала, — сказал Ким. — Мы с партнерами хотим, если можно так выразиться, удалиться от дел. Поскольку «Сириндипити» фирма в своем роде уникальная, купить ее захотят многие и за большие деньги. Переговоры по этому поводу — дело весьма тонкое, особенно если вы примете во внимание тот факт, что преуспевание нашей компании зависело от полного к ней доверия со стороны клиентов. Стоило возникнуть лишь малейшему подозрению в нечестной игре, и славное имя нашей фирмы было бы запятнано навсегда. Все знают, что мы чужаки, что мы сторонимся общества и потому не всегда можем правильно определять последствия тех или иных своих шагов. Мастер ван Рийн благородно, — Ким еле выговорил это слово, — предложил нам свою помощь. Но наш договор следовало держать в тайне, чтобы конкуренты мастера ван Рийна не решились, будто «Сириндипити» перешла в его собственность.

— Вы... вы, — взвизгнул Гарвер, как будто продолжая изводить Эдзела, — продаетесь? Кому?

— Вот с этим у нас возникли трудности, директор, — сказал Ким. — Фирма должна быть продана не просто тому, кто в состоянии заплатить, но тому, кто сможет вести дело дальше, не вызывая к себе подозрения со стороны клиентов. Быть может, это будет консорциум негуманоидов. Во всяком случае, мастер ван Рийн уполномочен нами действовать как посредник.

— Конечно, за приличные комиссионные, — простонал Гарвер.

— За бешеные, — в тон ему отозвался Ким. Потом продолжил: — Капитан Фолкейн прибыл в качестве его представителя, чтобы обсудить с нами некоторые детали. Для сохранения всего дела в тайне было решено сбить с толку всех, даже товарищей капитана по экипажу. Именно так и возникли слухи о его помолвке с сударыней Белдэниэл. Теперь я понимаю, что эта мысль была никудышной. Упомянутые товарищи капитана, возбужденные этими слухами, решились на крайние меры. Как вы знаете, Эдзел проник в замок силой. Но серьезного ущерба он зданию не причинил; а когда капитан Фолкейн объяснил ему ситуацию, он тут же принес нам свои извинения, которые мы с радостью приняли. Вопрос об ущербе мы договорились решить между собой. Так как капитан Фолкейн выполнил свою миссию, то вместе с Чи Лан он отправился на поиски покупателя для нашей фирмы. В его отлете нет ничего незаконного, поскольку ни один закон не был нарушен. А мастер ван Рийн был так добр, что любезно согласился взять Эдзела на борт своего личного корабля.

— Закон не нарушен? А как насчет законов об убийстве? — воскликнул Гарвер. Он сделал такое движение пальцами, как будто хотел кого-то задушить. — Я засажу их... Вы... за это... Вы же сами...

— Понимаете, директор, — сказал Ким, — я согласен, что ситуация неприятная; искушение подать иск было слишком велико, чтобы мы могли сразу его подавить. Под «мы» я подразумеваю тех из нас, кто тогда отсутствовал. Но потом, когда мы выслушали сударыню Белдэниэл и проверили планы замка, наша позиция изменилась.

Вы знаете, что замок охраняется как людьми, так и автоматическими системами. Вторжение Эдзела так возбудило роботов в одной из башенок, что они уничтожили патрульные боты. Чи Лан, которая управляла звездолетом, раздвинула стены башни в доблестной попытке спасти наших слуг, но опоздала. В общем, все это — трагическая случайность. Если кого-то здесь и можно обвинить, то этот кто-то — подрядчик, установивший недоброкачественных роботов. К сожалению, этот подрядчик негуманоид и живет так далеко, что не подпадает под юрисдикцию Содружества.

Гарвер выпрямился.

— Так что, пожалуйста, немедленно освободите Эдзела, — закончил Ким. — Мастер ван Рийн сказал, что, быть может, он не станет поднимать большого шума по поводу несправедливого ареста, если только вы лично извинитесь перед ним в присутствии корреспондента Общественной службы информации.

— Вы заключили соглашение с ван Рийном? — прошептал Гарвер.

— Да, — сказал Ким с видом рыбы, насаженной на вилку.

Гарвер собрал остатки своего мужества.

— Ну что ж, — произнес он, еле двигая губами, — пусть будет так.

Из-за плеча Кима выглянул ван Рийн.

— Хорек! — сказал он и отключился.

Космическая яхта взяла курс на Землю. В каждом иллюминаторе сверкали звезды. Ван Рийн расположился в кресле, держа в руке кружку с пивом.

— Клянусь небом, — начал он, — стоит отпраздновать твое освобождение, пока есть возможность. На Земле нам с тобой придется носиться, высунув язык.

Эдзел отпил из такой же кружки, в которой, правда, было чистое виски. Все-таки неплохо быть большим. Но радовался он не от всей души.

— Вы позволите этим типам из «Сириндипити» так легко отделаться? — спросил он. — Они же злые.

— Возможно. Но они не осмелились бросить нам вызов, а это в корне меняет дело, — отозвался ван Рийн. — Посмотрим. Ты зря думаешь, что они легко отделаются. Они еще попляшут, и это так же точно, как то, что пиво, которое пью я, не то же самое, что виски, которое лакаешь ты. Смотри: они потеряли клиентов, потеряли свой шпионский центр, для которого, собственно, все и задумывалось. Поскольку я занимаюсь продажей, то мне от их потерь кое-что перепадет.

— Но у вас, я вижу, есть и другая цель, кроме денег! — воскликнул Эдзел.

— Ага-ага, точно. Понимаешь, я не знал, что случится после того, как ты освободишь нашего приятеля Дэви. Приходилось играть втемную. «Сириндипити», как тебе известно, попыталась натравить на нас закон. В этом были свои опасности и свои прелести. Мне пришлось работать на четыре фронта. — Ван Рийн принялся загибать пальцы. — Первое: мне надо было вызволять тебя и других. Это прежде всего, месть могла и подождать. Второе: надо было сделать так, чтобы правительство осталось в стороне — по крайней мере пока. Потом, быть может, мы его и позовем. Дело заключается в следующем: а) правительство — это штука слишком громоздкая и неуклюжая для решения задачек со столь многими неизвестными, как наша; б) если члены Содружества узнают, что у них неизвестно где есть могущественный враг, они запаникуют, а это очень плохо и для политики, и для бизнеса; в) чем дольше мы стараемся одни, тем больше у нас шансов ухватить кусок пожирней от пирога, который плавает в космосе.

Ван Рийн сделал паузу, чтобы перевести дух. Эдзел поглядел на звезды, такие прекрасные, но все же не прекраснее жизни.

А что жизнь в сравнении даже с самым малым из тех временных промежутков, которыми исчисляется существование этих солнц?

— А другие ваши цели? Каковы они? — спросил он глухо.

— Третье: разве не ясно, что «Сириндипити» сама по себе — мысль очень неплохая? Уничтожать ее не стоило, нужно было только передать эту фирму в честные руки. Руки, щупальца, плавники, лапы — все, что хочешь. Эрго: всякий шум вокруг «СИ» нам нежелателен. Вот почему, кстати, я отправился к ним в контору. Я вовсе не хотел окончательно прикрыть эту лавочку. И четвертое. — Голос его сделался непривычно серьезным. — Кто такие эти иксы? Что им нужно? Почему они прячутся? Быть может, нам удастся сторговаться с ними. Ни одно здравомыслящее существо не стремится к войне. Нам надо больше узнать о них, только тогда мы сможем решить, как быть. А «Сириндипити» — единственная наша путеводная ниточка.

Эдзел кивнул:

— Понимаю. Вам что-нибудь удалось узнать?

— Нет. Ничегошеньки. Они как воды в рот набрали. Мне показалось, они скорее умерли бы, чем сказали бы хоть слово. Я предложил им возвращаться домой и переговорить со своими хозяевами. Если дело и не выгорит, они хоть убедят своих компаньонов, тех, что улетели раньше, что на Луне им ничего не грозит. Ну вот, они улетят, а за ними последует мой звездолет, причем он всю дорогу будет держаться в пределах обнаружения. Может, они завлекут его в ловушку, а может, и нет. Я им сказал, что это бессмысленно: ведь ни мы, ни они не уверены, что сможем перехитрить один другого. И потом, даже заклятые враги могут найти какой-никакой, а общий язык. Ну, представь себе, что ты собрался кого-то убить; почему бы сначала не потолковать с намеченной, так сказать, жертвой? В худшем случае ты лишь потеряешь пару минут, в лучшем — поймешь, что тебе нет причины его убивать.

Ван Рийн осушил кружку.

— Ааххх! Вот, — продолжил он, — мы заключили с ними сделку. Они улетают, и их никто не будет преследовать, что подтвердят их же собственные детекторы. Но один из них останется здесь и займется передачей владения. Это будет Тея Белдэниэл. Она не особенно возражала. Мне кажется, она почеловечней своих приятелей. Потом же она поведет один из наших кораблей к оговоренному месту встречи, я предложил им где-нибудь на нейтральной территории. Быть может, их хозяева согласятся на встречу. Мне, по крайней мере, хочется их повидать, особенно после этой затеи с «Сириндипити». Представляешь, сколько они о нас узнали? Ну?

Эдзел вскинул голову.

— Прошу прощения! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что лично вы и... и я...

— А кто же еще? — сказал ван Рийн. — Потому-то в основном я тебя и оставил. Мне нужно, чтобы рядом был кто-нибудь, кому я могу доверять. Путешествие будет не из приятных, могу тебя заверить. Знаешь, как говорили в древней Норвегии? Брата лишиться — с жизнью проститься. — Он стукнул кулаком по столу и рывкнул: — Юнга! Где, черт возьми, пиво?!

Глава 11

За десять с лишним лет, которые минули с тех пор, как лемминкяйненниты обнаружили планету-бродягу, она успела уйти далеко. Разглядывая изображение беты Креста на носовом экране, Фолкейн присвистнул.

— Приблизиться-то мы хоть сможем? — спросил он.

Сидя в пилотском кресле в окружении разноцветных огоньков контрольных приборов, он смотрел на звезду — вернее, на ее увеличенное изображение. Бета Креста сверкала так ослепительно, что, несмотря на светофильтры и на расстояние в несколько астрономических единиц, глазам было больно. Весь экран занимал лазоревый шар, покрытый разводами, как шкура леопарда, и окруженный золотисто-алым блистающим ореолом, намного превышавшим в диаметре размеры самого шара. Звезда как будто освещала космос; во всяком случае, вечной ночи пространства пришлось отступить довольно далеко.

Фолкейн вцепился в ручки кресла; сердце его отчаянно колотилось. Ища спасения от холодящего грудь первобытного ужаса, он поглядел на безделушки, которыми они, члены экипажа, украсили пилотский отсек «Через пень-колоду». Вон висит некая хитроумная конструкция, изготовление которых на родной планете Чи Лан считается искусством; вон девичья фотография, которую он сам повесил на стену; вон, на полке, карликовое деревце, за которым ухаживал Эдзел... Эдзел, дружище, нам так сейчас нужна твоя сила! Услышать бы просто твой голос, и на душе сразу стало бы легче. Ну как назло: до тебя сейчас две сотни световых лет!

«Кончай ныть, — сказал себе Фолкейн. — Нервишки шалят, приятель. Одно дело, когда Чи полдороги выхаживала тебя, и совсем другое теперь; хотя, по правде сказать, до конца я еще не очухался. Но работа есть работа. Ты ведь видел звезды по крупнее и поярче этой».

Фолкейн слукавил: ему довелось наблюдать всего, дай Бог, одну-две подобных звезды. Эти голубые монстры отнюдь не рассыпаны в космосе на каждом шагу. И потом, даже самый маленький из них — зрелище весьма впечатляющее. Эти пятна в фотосфере, которые суть не что иное, как вихри, причем такие, что каждый из них способен поглотить планету размерами с Юпитер!

Это причудливое переплетение составляющих протуберанцы волокон — протуберанцы, масса которых куда больше массы Земли, ионизированные, испаряющиеся, превращающиеся в раскаленную плазму, вгрызающиеся в пространство на миллионы километров, бесследно пропадающие и возвращающиеся обратно, порождающие гигантские магнитные поля! Эта флуоресцирующая, видимая за миллионы парсеков корона, газ которой постоянно бомбардирует частицы, оголенные атомы, жесткие и мягкие кванты излучения звезды, сияние которой есть непрерывная буря, в восемьсот пятьдесят раз яростнее солнечной, буря столь мощная, что закончится всего лишь через какой-нибудь миллион лет в пламени Сверхновой! Фолкейн еще раз бросил взгляд на экран и содрогнулся. Вдруг он понял, что бортовой компьютер что-то сказал.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— В моей программе нет реакции обиды, поэтому извинения совершенно излишни, — внятно произнес невыразительный голос. — Однако мне поставлена задача обращаться с вами настолько осторожно, насколько позволяет моя организация, до тех пор пока ваша нервная система не придет в порядок. Поэтому снисходительность к вашему поведению рекомендуется рассматривать как часть программы.

Фолкейн хмыкнул, потом расхохотался.

— Благодарю, Пень, — сказал он. — Пожалуй, это мне не помешает. — Потом добавил торопливо: — Только не говори, что ты определил необходимость и вычислил реакцию, переходя прямо к делу.

— Вы спросили, сможем ли мы приблизиться. Ответ зависит от того, что имелось в виду под «приблизиться». Анализ контекста показал, что вы хотели узнать следующее: достигнем ли мы указанной планеты, не подвергая корабль опасности? Ответ утвердительный.

Фолкейн повернулся к Чи Лан, развалившейся справа от него в своем кресле, похожем скорее на гамак.

— Я отчетливо помню, что приказал Пню забыть эти утвердительные и отрицательные ответы, поскольку даже Черчилль довольствовался простыми «да» и «нет», — вздохнул он. — Зачем вы отменили мой приказ?

— Это не я, — отозвалась цинтианка. — Мне все равно. Плевать я хотела на все эти нюансы, тем более — на английские! — Она фыркнула. — Нет, кого уж винить, так Эдзела.

— Почему его?

— Ты должен помнить, что мы получили этот корабль совсем новым. Поэтому у компьютера словарь был, так сказать, специализированный, инженеристый, если хочешь. Правда, работая с нами, он кое-чего поднабрался. Но ты должен помнить и то, что на Луне мы заказали полную проверку всех систем

корабля. Ну вот, ты, задрав хвост, умчался за своей Вероникой, а мы с Эдзелом остались заниматься делами. Естественно, этот доброглот решил, что инженеры оскорбятся, когда увидят, как мало мы пользовались их диалектом. Поэтому он приказал Пню...

— Ладно, — прервал ее Фолкейн и приказал компьютеру: — Вернись к предыдущей структуре изложения и сообщи нам свои соображения.

— Проведенные исследования как будто подтверждают сведения о планете, которые были вам сообщены, — сказал компьютер. Фолкейн кивнул. Хотя он окончательно пришел в себя всего лишь несколько дней назад, Чи Лан удалось выудить у него достаточно подробную информацию еще на первом этапе полета. — Однако уровень помех еще достаточно высок, чтобы можно было утверждать наверняка. Тем не менее я вычислил орбиту с удовлетворительной точностью. Это в самом деле гипербола с малым смещением. В данный момент планета находится близко к периаstrу, радиус-вектор имеет длину приблизительно 1,75 астрономической единицы.

Максимальное сближение со звездой, примерно на 0,93 астрономической единицы, произойдет в течение ближайших 27 с половиной дней, после чего планета снова уйдет в открытый космос, следуя своей гиперболической орбите. Наличия каких-либо других тел соответствующего размера не подтверждаю. То есть динамика ситуации проста, орбита почти симметрична.

Чи встала сигарету в длиннющий мундштук из слоновой кости и прикурила. Уши ее чуть подрагивали, усы топорщились.

— Как вовремя! — буркнула она. — Нет чтобы прилететь, когда планета была более-менее далеко от этого огненного шара. Ну что вы, как можно! Это было бы слишком легко! Тогда богам пришлось бы поискать кого-нибудь другого, чтобы вывалить на него все эти небесные отбросы! Представляешь, нам придется лезть в самое пекло радиации!

— Вообще-то, — отозвался Фолкейн, — если бы планета не подошла так близко к звезде, что ее криосфера смогла отразить достаточное количество света, вряд ли ее обнаружили бы. Не забудь еще про эти вечные отставания галактической связи. Нам просто повезло, что я услышал обо всем этом.

— Мог бы услышать и пораньше, в конце концов!

— Остается необходимость, — вмешался Пень, — проведения нескольких незначительных по масштабам анализов, которые подтвердили бы возможность создания на поверхности планеты промышленной базы. Точно не измерены величина и состав замороженных материалов. Не произведены с надлежащей аккуратностью вычисления их поведения при разморозании. Задача оказалась весьма сложной, и в ней слишком много неизвестных параметров. Например, когда начнет формироваться

газовая атмосфера, все другие летучие субстанции начнут конденсироваться на больших высотах, образуя облака, которые скоро исчезнут, но которые за время своего существования поглощают столько радиации, что поверхность планеты практически останется холодной.

— Засохни! — бросила Чи Лан.

— Моей программой это не предусмотрено, и у меня нет нужды для этого...

— Тогда заткнись! — Чи повернулась к человеку. — Я понимаю, Дэйв, куда ты клонишь, и понимаю, что хочет сказать Пень. Естественно, планета ускоряет свое движение. Я тут сама несколько вахт назад попыталась вычислить ее орбиту, пока ты драл. Знаешь, что получилось? Что радиус-вектор изменился с трех до одной астрономической единицы за какие-нибудь десять стандартных недель. Представляешь? За такое время иррадиация возросла в девять раз! Однако я остаюсь при своем мнении: нам лучше было прилететь попозже, когда эта штука уйдет от звезды и поостынет.

— Хотя в данный момент я не готов к деятельному метеорологическому анализу, — заявил Пень, — но по моим расчетам максимальная нестабильность атмосферы возможна после прохождения планеты через периастрий. Пока что большая часть излучаемой звездой энергии идет на растопление льда, на испарение масс влаги и все такое прочее. Но ведь когда этот процесс завершится, излучение звезды останется на том же уровне. Например, на расстоянии тридцати астрономических единиц уровень радиации на этой планете будет примерно равен земному и останется практически таковым в течение нескольких лет. Поэтому можно ожидать высоких температур и штормов такой силы, что ни один звездолет не осмелится совершить посадку. Однако мы при соблюдении надлежащей осторожности можем произвести анализы почвы.

Фолкейн усмехнулся. Он чувствовал себя сейчас значительно лучше. «Пространству придется узнать, что мы не лыком шиты», — подумал он и сказал:

— Будем надеяться, что нам повезет.

— Меня бы это вовсе не удивило, — брюзгливо отозвалась Чи. — Ну, Пень, на когда у нас назначено randevu?

— Если даже случится солнечная буря, то силовые экраны все равно справятся с корпускулярным излучением, — сказал компьютер. — Главная проблема — это излучение электромагнитное. Имеющиеся в наличии защитные материалы не смогут защитить нас от получения нежелательной дозы рентгеновских лучей во время проведения исследований. А волны длиннее обычного приведут к перегрузке нашего термостатического оборудования. Поэтому я предлагаю полет на гипердвигателях.

Фолкейн вынул из кармана серого комбинезона трубку.

— На таком расстоянии это самый дешевый способ самоубийства, — предостерег он. Случиться могло все что угодно: неудачный вход в поле тяготения звезды разорвет корабль на кусочки; соприкосновение с твердым телом или с облаком сравнительно плотного газа приведет к ядерному взрыву.

— Подобная возможность предусмотрена конструкцией корабля и моей собственной, — возразил Пень. — Понимое того что сам перелет займет меньше времени, мы избежим скольконибудь серьезных столкновений с находящимися в пространстве фотонами и материальными частицами.

— Неплохо, — согласилась Чи. — Меня как-то не особо согревает мысль, что эти паршивчики окажутся в моих внутренних планетах. Но что мы будем делать, когда достигнем планеты? Можно, конечно, сесть на теневой стороне, и тогда сама планета будет защищать нас от звезды. Но что мы при этом увидим на поверхности?

— Можно использовать существующие инструменты. Лучше всего с ними, разумеется, справился бы Эдзел, поскольку он планетолог. Но я не сомневаюсь, что с моей помощью и от вас двоих будет толк. Возможно, нам удастся впоследствии сделать пару вылазок на дневную сторону.

— Лады, — заключил Фолкейн. — Перекусим, поспим — и в путь-дорожку.

— Ты двадцать раз потом успеешь набить желудок, — сказала Чи. — Стартуем прямо сейчас.

— Чего? Зачем это?

— Ты что, забыл, что у нас есть конкуренты? Та парочка, которая отправилась к своим хозяевам? Я не знаю, как быстро они туда доберутся и как скоро будет организована экспедиция, но мне кажется, они вряд ли станут выжидать или церемониться, если обнаружат нас. — Чи взмахнула хвостом и повела плечами. — Откуда мы знаем, справимся ли мы с ними в схватке? Я бы с удовольствием оставила это дело боевым крейсерам Лиги. Так что давай определимся, и вперед.

— Хм... Похоже, ты права. Слышал, Пень? На всякий случай активируй все датчики ближнего действия. Черт его знает, на что мы можем натолкнуться. — Фолкейн набил трубку. — У меня нет особой уверенности, что ван Рийн доверит это дело боевым звездолетам, — сказал он, обращаясь к Чи Лан. — Ему же тогда придется поделиться прибылью, а он хочет забрать себе эту планету целиком.

— Будь спокоен, он выкачает из нее все, что можно, — ответила цинтианка. — Но тут деньги отошли для него на второй план. Он испугался. Он думает, что Содружество — если не вся наша Техническая цивилизация — находится в состоянии войны и даже не подозревает об этом. И если для наших врагов эта бродячая планета так важна, что они пожертвовали

наблюдательным центром, которым пользовались пятнадцать лет, значит, она не менее важна и для нас. Так что он позовет и Лигу, и другие правительства с их флотами, если решит, что это нужно. Я разговаривала с ним после того, как мы выудили тебя из замка.

Фолкейн не отреагировал на подколку, лишь крепко стиснул зубы. «Я должен был понять, в чем дело, когда узнал, как они обошлись со мной», — подумал он.

Именно узнал — ибо он, как ни старался, не мог вспомнить всех подробностей своего пребывания в замке. Самому ему все это казалось каким-то бредовым сном. Время клубилось, как дым, оживляя ту или иную ситуацию; он был пленником в другой вселенной, и вообще, это был не он, и не с ним все это происходило.

Он желал Тею Белдэниэл, как никакую другую женщину раньше; он почитал Древнюю Расу, как никаких других богов; он по желанию мог опустошить свой мозг, превратить его в логическую машину, а потом вернуть в прежнее состояние. И в то же время у него было такое чувство, что все это случилось вовсе не с ним, а с кем-то другим. Его использовали, к нему проникли в мозг... Как отомстить за это внутреннее надругательство?

Фолкейн заставил себя отвлечься от этих мыслей.

— Если Старого Ника на самом деле собираются лишить его куска, — задумчиво произнес он, — то я им не завидую. Боюсь, они оглохнут: старикан заводит так, что на Магеллановом облаке слышно будет! Ладно, попробуем, может, нам удастся спасти его бекон с яичницей, французские тосты, кофе... Что у него еще было на столе, когда я последний раз завтракал с ним? Ах да, кокосовый торт. Как у тебя там, Пень?

— Звездолет для полета на гипердвигателях готов, — доложил компьютер.

Гудение двигателей усилилось. Изображение на экране помутнело — система принаравливалась к миллиардам квантовых микропрыжков в секунду. Потом на кормовом экране возникло усеянное звездами небо. А на носовом появился быстро увеличивающийся в размерах диск беты Южного Креста; он все рос и рос, и показалось даже, что пламя звезды вот-вот проникнет в корабль. Фолкейн сжался в пилотском кресле, Чи Лан выпустила когти.

Потом это впечатление исчезло. Корабль вышел из гиперпространства. Осталось только развить достаточную кинетическую скорость, причем сделать это нужно было быстро, чтобы усилившееся излучение звезды не успело пробиться через защитные экраны. Компьютер так искусно справился с этой задачей, что живые существа внутри корабля даже не почувствовали изменения гравитации. Все было сделано за несколько минут.

Звездолет очутился на расстоянии двух градусов от поверхности планеты-бродяги, двигаясь так, чтобы гравитационная и центробежная силы постоянно находились в равновесии. Экипаж прильнул к экранам.

На большом обзорном экране виден был огромный черный шар, отороченный белизной там, где в атмосфере преломлялись лучи звезды. За атмосферой искрилась корона звезды; мелькали сполохи зодиакального света. Ночь планеты была не совсем непроглядной. Над полюсами разноцветными знаменами вытянулись зори; атомы и ионы расщепленных лучами звезды молекул светились голубоватым светом, соединяясь в самые странные комбинации; молнии, пронзавшие плотную завесу облаков внизу, напоминали болотные огоньки; то здесь то там взгляду открывались алые жерла вулканов. На экранах ближнего вида планета представлялась как будто расщепленной на куски. На одном экране виднелся новорожденный океан, на другом маячила только что поднявшаяся горная цепь. Фолкейну показалось, что он слышит вой ветра, рев дождя и раскаты грома, что он ощущает, как ходит ходуном там, внизу, земля и в пылающее небо взлетают увлекаемые вихрями громадные валуны. Прошло много времени, прежде чем он смог оторваться от экрана.

Но нужно было работать; от вахты к вахте у Фолкейна оставалось все меньше благоговейного восторга, по мере того как он все больше и больше узнавал о планете. А вместе с восторгом исчезала и слабость, от которой он после заключения в замке никак не мог избавиться. Жажда крови осталась, но он загнал ее глубоко в подсознание, чтобы она не мешала работе. То, что он наблюдал, было, пожалуй, уникальнейшим событием в Галактике — быть может, даже во всей Вселенной — и полностью захватило его. Как правильно определили лемминкяйннениты, планета была очень древней. Она давно уже лишилась большей части своего естественного излучения, и холод пробрал ее до самого ядра. Однако, судя по магнетизму, какая-то часть коры осталась в расплавленном состоянии. Этот громадный объем тепла, скрытый под мантией, под корой, под замерзшими океанами, под одеялом застывшей атмосферы шириной в среднем где-то метров десять—двадцать, рассеивался очень медленно. Правда, температура на поверхности в течение веков едва-едва превышала абсолютный нуль.

Теперь криосфера начала растворяться. Ледники превратились в бурные реки, которые вскоре закипели и стали штормовыми ветрами. Озера и моря, тая, перераспределяли огромные массы. Давление внутри планеты изменилось, изостатическое равновесие нарушилось; перемещение слоев, изменение аллотропической структуры высвободили катастрофическую, плавающую скалы энергию. Планетотрясения коржили сушу и заставляли бурлить воды. Тысячами пробуждались вулканы. Из-под

оставшейся еще ледяной корки взлетали в небо гейзеры. Метели, дождь, град — все это одновременно обрушивалось на планету изо дня в день, гонимое ветрами такой силы, в сравнении с которыми ураган казался просто легким бризом. Зависнув в космосе, Фолкейн и Чи Лан наблюдали и исчисляли Рагнарок, великую битву конца света.

Но все равно — все равно — что это была за добыча! Что за неистощимый клад!

Глава 12

— Раз на друзей не обижаются, — заметила Чи Лан, — то я вот что тебе хочу сказать: по-моему, ты чокнулся. На что тебе сдался этот кусок ада?

— Это тебе объяснит даже такой дурень, как я, — сказал Фолкейн. — Здесь будет промышленная база по переработке элементов.

— А поближе к дому это делать нельзя?

— Только в крайне ограниченных — с учетом потенциального рынка — масштабах. — Фолкейн налил себе виски и откинулся на спинку кресла, переваривая обед. Он чувствовал, что заслужил несколько часов отдыха. Завтра им предстояло высадиться на планету, ибо исследования с орбиты они завершили; и кто знает, как там повернутся дела. — Как насчет картишек?

Цинтианка, сидевшая на столе, покачала головой.

— Нет уж, спасибо. Я еще не отошла от прошлого раза, когда мы играли вчетвером и Пень загреб себе кучу денег, объявив большой блеф. А без Эдзела нам с ним вообще не справиться. Он сдерет с нас последнюю шкуру. — Она погладила свой пушистый мех. — Займись делом ты. Я ксенолог. Меня никогда не интересовали ваши паршивые фабрики. Я хочу, чтобы мне толком объяснили, ради чего я должна рисковать своим хвостом.

Фолкейн вздохнул и отпил из своего стакана. Он мог бы побиться об заклад на что угодно, что Чи не хуже его понимает, в чем тут дело. Но для нее, выросшей в другой среде, воспитанной на иной культуре, этого недостаточно. Интересно, что он такого упустил и что заметила она?

— Во всех подробностях я тебе объяснить не смогу, — сказал он, — да это и не нужно. Здесь вполне хватит общего представления о ситуации. Понимаешь, нет такого элемента в периодической таблице, нет такого изотопа, который не нашел бы себе применения в современном производстве. А когда твои заводы расположены на сотнях планет, тебе уже наплевать, что материал, скажем, следует расходовать аккуратно, ибо его не так уж

много. Общая потребность в этом возрастает как минимум до нескольких десятков тонн в год, а максимум — до мегатонн!

В природе эти элементы в достаточном количестве не существуют. Даже на планетах, расположенных вблизи звезд, где вроде бы налицо все необходимые условия, процесс превращения сопровождается малым выходом ядер. Возьми для примера рений или скандий — эти металлы входят во многие сплавы и полупроводники. Ты не слышала об открытии месторождения на Мауи? Это было лет двадцать назад. Одно из самых известных. Шуму было! И что в результате? За три года выбрали все, что можно, и разбежались. А цена на металл подскочила снова.

Потом есть еще нестабильные тяжелые элементы и короткоживущие изотопы легких. Они тоже настолько редки, что можно обшарить пол-Вселенной и ни шиша не найти. А если нашел, так нужно ведь еще добыть их, а потом доставить домой... короче говоря, цена все растет.

Фолкейн снова приложился к стакану. Он так давно не пил ничего крепкого, что от этого виски и коктейля перед обедом да еще и вина за столом у него развязался язык.

— Опять же, цены так высоки не только из-за редкости того или иного элемента, — продолжил он. — Некоторые проекты мы вынуждены отвергать потому, что у нас нет достаточного количества материалов для их осуществления. Например, мы гораздо успешнее могли бы исследовать пространство — со всеми вытекающими отсюда последствиями, — если бы нам удалось получить соответствующее количество гафния для создания соответствующих полиэнергетических блоков; из этих блоков потом мы бы сделали соответствующие компьютеры, которые могли бы пилотировать гораздо больше звездолетов, чем мы имеем сейчас. Еще примеры нужны?

— Н-нет. Мне уже и самой кое-что пришло в голову, — сказала Чи. — Но ведь любой элемент можно изготовить по заказу. Так и делают. Я сама, своими собственными паршивыми глазами видела эти паршивые заводишки!

— Чем это ты занималась ночью, что у тебя глаза запаршивели? — поддел ее Фолкейн. — Да, ты права. Но изготавливаются-то они в таких незначительных количествах, что еле-еле удовлетворяют спрос. А если построить большой завод, его радиоактивные отходы быстренько стерилизуют ту планету, на которой он находится. Не говоря уже о расходе энергии. Представь себе, какое количество тепла излучается при экзотермической реакции. Но ведь то же самое происходит и при эндотермической... правда, не напрямую, а через источник питания, с помощью которого возникает реакция. Не забудь, это все ядерные процессы. $E = mc^2$. Один грамм разницы между сырьевым материалом и конечным продуктом означает высвобождение тепла в объеме девять на десять в тринадцатой степени джоулей.

Завод, который перерабатывает в день несколько тонн элементов... Влей в его охлаждающую систему хоть целую Амазонку, все равно вся влага испарится. Сколько лет Земля оставалась слишком горячей для жизни? Лет десять? А любой другой мир, на котором есть жизнь? Потому-то мы и не можем использовать для своих целей ни один из таких миров, неважно, есть на нем разумные существа или нет. Эти миры слишком большая драгоценность сами по себе — не говоря уж о галактическом законе, общественном мнении и правилах хорошего тона.

— Понятно, — протянула Чи. — Вот, значит, почему большая часть этих заводиков ютится на мелких планетках, где почти нет воздуха. Понятно.

— Им приходится устанавливать теплообменники, чтобы подогреть планетоид, — заметил Фолкейн. — А сие дорогое удовольствие. Вдобавок это налагает определенные ограничения на размеры такого завода и связывает руки предпринимателям.

— Мне все это в голову не приходило, — сказала Чи. — Но разве нельзя выбрать, так сказать, стерильный мир — какую-нибудь новую планету, где еще не зародилась жизнь, но где есть атмосфера и гидросфера, которые обеспечат необходимое тепло?

— Нет, потому что такие планеты кружат вокруг звезд и подходят к ним уж очень близко, — ответил Фолкейн. — Ведь иначе атмосфера бы замерзла, правильно? Если они движутся по большой орбите, то на них могут сохраниться в газобразном состоянии водород и гелий. Но с водородом одно мучение. Он заполняет пространства между молекулами любого защитного материала и так убыстряет ядерную реакцию, что только держись. Поэтому нужна планета вроде Земли или Цинтии с достаточно плотной атмосферой, в которой нет водорода в свободном состоянии, и с большим количеством воды. Вот. Я уже сказал, когда атмосферу планеты припекает близко расположенная звезда, то перерабатывающий завод любого размера эту планету просто-напросто поджарит. Что толку в реке, если вода в ней превратилась в пар? О, в свое время предлагали вывести на орбиту вокруг такой планеты пыльное облако с альбедо, близким к ста. Но это облако улавливало бы и порождаемое самой планетой тепло. Расчеты эффективности показали, что эта затея никогда себя не окупит. А потом не забывай, что вокруг новообразованных тел плавают много всякого хлама. Если в твою планету врежется приличных размеров астероид, то всей промышленности придет как-то.

Фолкейн промочил горло.

— Естественно, — продолжил он, — когда были открыты планеты-бродяги, задумались над тем: а нельзя ли их использовать. Но на них было уж слишком холодно. При температу-

рах, близких к абсолютному нулю, начинают твориться странные вещи. Прежде чем поставить на какой-нибудь бродяге завод, нужно было разработать совершенно новую технологию. Но даже в этом случае толку было бы чуть. Не забудь, ведь в качестве охладителей требуется вода в жидком состоянии и газобразная атмосфера. А всю криосферу растопить не удастся — по крайней мере, в пределах исторического времени. В общем, какой завод ни построй, все равно расход энергии будет чересчур велик. Прикинь на досуге, сколько получится. По моим подсчетам примерно столько, сколько Земля получила от Солнца за несколько веков. — Фолкейн задрал ноги на стол и поднял стакан. — И примерно столько же, сколько получит наша планетка на своем пути к бете Креста и дальше, — закончил он, допил то, что оставалось в стакане, и налил себе еще.

— Не задирай нос, — бросила Чи. — Ты-то при чем? Тоже мне, Всемогуший Творец! И где тебя только раскопали?

Фолкейн улыбнулся:

— Ты предпочла бы Эдзела? Или Пня? А может, Старого Ника? Нет, ты только вдумайся: сотворение мира ради получения прибыли! Ну ладно, теперь тебе должно быть ясно, какие перед нами открываются перспективы, если только дела пойдут, как задумано, а это все более и более вероятно. Лет, наверно, через десять эта планетка успокоится. Света на ней будет не больше, чем на твоей Цинтии или на Гермесе; холодные скалы поглотят излишки тепла; температура начнет падать, но достаточно медленно. Можно будет приниматься за строительство заводов по заранее подготовленным планам. Для поддержания баланса между производством тепла и его расходом существует очень простой способ: чем дальше бродяга будет уходить в космос, тем больше заводов станет на ней работать. Все операции будут автоматизированы. Раз уж атмосфера все равно ядовитая, то на радиоактивные отходы всем будет наплевать.

Постепенно установится равновесие. Поверхность планеты потеплеет; ее будут освещать не только звезды, но фонари, радиомаяки, направляющие грузовые звездолеты. На всех углах будут стоять ядерные преобразователи. Представляешь, каждый день на-гора выдаются тонны еще недавно редких элементов, заводы работают всюду... — Нарисованная им картина захватила Фолкейна; несмотря на весь свой опыт, он во многом еще оставался мальчишкой. — А причиной всему мы! — воскликнул он, стукнув кулаком по ладони.

— Надеюсь, нам хорошо за это заплатят, — сказала Чи. — Будет лучше, если нам хорошо заплатят.

— Заплатят, заплатят, — пробормотал Фолкейн. — Деньги, их будут кучи, горы. Если мы получим разрешение на строительство, денег будет невпроворот. Особенно если компании

удастся доказать, что планета наша по праву первооткрывателей. Мы их всех оставим.

— Ты имеешь в виду конкурентов? — уточнила Чи. — Или тех неизвестных врагов всей нашей цивилизации? Мне кажется, от последних вполне можно ждать какого-нибудь подвоха. Та промышленность, о которой ты тут заливался соловьем, она ведь запросто может быть использована для военных нужд. Разве не так?

Период обращения планеты вокруг своей оси составлял немногим более тридцати часов. Она была наклонена к плоскости своей гиперболической орбиты на одиннадцать градусов. «Через пень-колоду» устремился к полярному кругу. День там значительно короче, чем в каком-либо другом месте планеты, да и вообще, условия там как будто помягче.

Когда звездолет, облетев планету на высоте спутника, устремился вниз, Фолкейн даже вздрогнул. Он несколько раз мельком видел дневную сторону планеты, но основное внимание уделял тогда все-таки приборам. Да и бета Креста была тогда не так близко. Бродяга двигалась со все возрастающей скоростью и скоро уже должна была обогнуть голубого гиганта. Сейчас планета находилась немногим дальше от звезды, чем Земля от Солнца.

Небо над бродягой стало ослепительно ярким; звезда, угловой диаметр которой был раза в четыре больше углового диаметра планеты, стояла над горизонтом. Ниже клубились облака, то белые, то серые, пронзаемые молниями, то черные, там, где смешивался с ними дым вулканов. Сквозь них то и дело проглядывали каменистые равнины, их бичевали ужасные ветры, заливали дожди и наводнения, корежили планетотрясения; по горным склонам каскадами ниспадали растаявшие ледники. Испарения закрыли едва ли не половину континента, превратились под воздействием холодного воздуха в туман, а потом могучий торнадо рассек их массу пополам, и стая ветров понесла их обрывки в разные стороны. На поверхности свинцово-серого океана сталкивались айсберги, каждый размером с порядочный остров, и чудовищные волны мгновенно погребали под собой их обломки. Когда звездолет вошел в верхние слои атмосферы, корпус его затрясся от турбулентности воздуха. В носовой экран можно было рассмотреть впереди скопление грозовых туч.

Фолкейн пробормотал сквозь зубы:

— Я все ломал голову, как нам назвать эту планету. Теперь я знаю как...

Но продолжить он не успел — звездолет оказался в самом центре грозы. Внутренние силовые поля удерживали гравитацию на постоянном уровне, но не могли ни стабилизировать ко-

рабль, который швыряло, как щепку, ни заглушить рвущийся в уши вой. Пилотирование корабля в таких условиях требовало полного внимания, и Пень с головой ушел в это занятие. Фолкейн не отводил взгляда от приборов, пытаясь хоть как-то разобраться в бешеной пляске стрелок; вдруг до него сквозь раздирающий барабанные перепонки рев донесся голос компьютера:

— В тропических регионах планеты в утренние часы небо обычно бывает чистым. Но наблюдения показали, что затем это состояние сменяется штормовыми ветрами, скорость которых превышает пятьсот километров в час на данный момент и ежедневно возрастает. Я хотел бы заметить, что посадка на такой территории уже становится опасной и что в любой момент она может стать просто невозможной, даже для хорошо оснащенного звездолета. Условия в полярных областях практически подтверждают результаты предварительных наблюдений. В Антарктике идет сильный дождь, сопровождаемый частыми шквалами. В районе Северного полюса сравнительно холодно: мощный атмосферный фронт, продвигаясь к югу, оставляет за собой довольно спокойную зону. Посадку предлагается совершить на широте чуть ниже полярного круга, с отклонением в несколько минут от линии рассвета, на той части большого северного континента, которая как будто не подвержена наводнениям и которая, судя по тектоническим данным, скорее всего останется стабильной.

— Отлично, — заключила Чи Лан. — Молоток. Я только опасаясь за твои логические цепи: как бы ты не перестарался. Поэтому к чертям обработку данных! Прикинь-ка лучше, как бы нам помягче сесть.

— Для правильной ориентации в данных условиях и для обеспечения безопасности экипажа постоянная обработка данных необходима, — отозвался Пень. — Однако я уже перестал учитывать факторы, которые прямо не относятся к текущему моменту, например, такие, как спектр отражения световых лучей различными участками ледяного поля. Следует отметить... — продолжения Фолкейн не услышал: на какое-то время он просто оглох от особенно сильного раската грома.

Звездолет пробился сквозь снеговые тучи и очутился как будто в другом мире. Его окружала непроглядная ночь. Лучи сканера выдали на экран изображение гористой местности.

Управляемый компьютером корабль на долю секунды завис над поверхностью планеты — и сел.

Фолкейн несколько раз глубоко вздохнул.

— Выключи поля, — приказал он и выбрался из кресла. Сила тяжести на планете отличалась от земной процентов на пять, а он был привычен и к куда большей разнице. Но тишина

прямо-таки давила на него. Он постоял немного, стараясь ослабить сведенные напряжением мышцы, потом повернулся к экрану.

Звездолет сел среди темных, неприветливых скал. На севере и на востоке видны были горные цепи. Восточный кряж начинался всего лишь километрах в четырех от корабля: его утесы были испещрены белыми пятнами ледников. Облака ушли далеко на юг, и в холодном небе ярко сверкали чужие, непривычные глазу созвездия. То и дело мелькали метеоры: как и другие большие и лишенные собственных планет звезды, бета Креста была окружена всяким космическим мусором. Над скалами алая заря; на юго-востоке небо уже было полно предвкушением утра.

Фолкейн проверил показания наружных датчиков. Атмосфера для дыхания непригодна — CO , CO_2 , CH_4 , NH_3 , H_2S и прочие прелести. Имелось, правда, и чуть-чуть кислорода: более легкие атомы водорода, высвободившиеся под влиянием солнечной радиации, умчались в космос, а он остался. Но толку от него при минус 75 градусах Цельсия было немного. А почва — так та промерзла до всех минус 200 градусов. В тропиках было чуть теплее. Однако температура на всей планете изменится от смертельной до комнатной только через несколько лет — ускорить этот процесс бессилён и голубой гигант; да и то она будет сильно варьировать. Да, ну и погодка здесь будет!

— Выйду-ка я, пожалуй, — сказал он. Тишина была такой глубокой, что он невольно понизил голос почти до шепота.

— Лучше я, — Чи Лан тоже выглядела подавленной.

Фолкейн покачал головой:

— По-моему, мы уже решили этот вопрос. Я могу захватить с собой больше снаряжения и больше успею сделать. И потом, кому-то надо оставаться в корабле — мало ли что. Потерпи до следующего раза: мы с тобой возьмем грависани и осмотрим местные достопримечательности.

— Постарайся, чтобы этот следующий раз наступил поскорее, пока я не ошалела тут взаперти, — резко ответила она.

Ну, вот это уже больше похоже на наши обычные разговоры. На душе у Фолкейна потеплело. Он прошел в шлюз, где находились скафандр и инструменты. Чи помогла ему облачиться в доспехи. Один люк закрылся, другой открылся — и вот он уже стоит на пороге неизведанного мира. Мира очень-очень древнего, но переживающего сейчас свое второе рождение. Окрестные звезды вряд ли видели что-либо подобное.

Фолкейн глубоко вдохнул отдающий химикалиями воздух из баллона и двинулся вперед. Движения его были немного не-

уклюжими, он то и дело спотыкался и проклинал толстые подошвы своих башмаков. Однако без них он, вероятнее всего, не смог бы сделать и шага. Можно было бы, конечно, попробовать передавать по шлангу в скафандр тепло от ядерного реактора «Через пень-колоду». Но стояла такая холодина, что, будь Фолкейн в обычных башмаках, его бы и это не спасло. Прежде чем он понял бы, что происходит, ноги его начисто бы отмерзли. Даже и в этих ботинках время пребывания его вне корабля было очень ограниченным.

Света все прибавлялось — наступал день. Это Фолкейна не особенно смущало: скафандр позволял оставаться около получаса на обращенной к бете Креста стороне планеты.

— Как дела? — голос Чи Лан был едва слышен в наушниках из-за треска помех.

— Как сажа бела, — отозвался Фолкейн, доставая из заплечного мешка счетчик Гейгера. Так, радиоактивность почвы слабая. Наверно, постарался солнечный ветер, пока у бродяги не было атмосферы (хотя и теперешний тонюсенький озоновый слой — не Бог весть какая защита). Ну, не беда, люди со своими приятелями быстренько это исправят. Фолкейн забил в почву стержень нейтронного анализатора и продолжил путь.

Интересно, что это за камень? Он отбил кусок обнажившейся породы.

Бета Креста поднялась над горизонтом. Самозатемняющийся лицевой щиток скафандра стал почти черным. По горам пошло гулять эхо грохота лопающихся ледников; над скалами поднялся пар.

Фолкейн выбрал место для акустической пробы и принялся собирать треножник-анализатор.

— Не особенно возись, — встревоженно предупредила Чи. — Мне что-то не нравится радиационный фон.

— Мне тоже, — отозвался он. — Но ведь мы хотим знать, что там, под поверхностью, правда?

Дело продвигалось медленно. Светофильтры затрудняли настройку прибора, а убрать их он не мог, так как неминуемо бы ослеп. Он замысловато выругался, провел языком по губам и снова склонился над прибором. Когда анализатор наконец начал передавать на корабль данные, Фолкейн вдруг обнаружил, что его полчаса уже давно истекли.

Он двинулся обратно. Звездолет выглядел необычно маленьким на фоне высоких горных пиков. Зной накатывался на Фолкейна волнами, словно бета Креста задалась целью пробиться сквозь оболочку его скафандра. Пот лил с него градом; белье насквозь промокло и от него неприятно пахло. А ноги между тем уже так замерзли, что заломило кончики пальцев. Фолкейн

обхватил себя за плечи и, преодолевая тяжесть скафандра и амуниции, запрыгал к кораблю.

Вдруг за спиной раздался грохот. Он круто обернулся: одна из скал треснула, и из вершины ее теперь бил белый фонтан. Мгновение — и его швырнула на колени взрывная волна. Он кое-как выпрямился и побежал. Ему вдогонку с ревом устремился поток — самый настоящий сель.

Поток настиг Фолкейна на полпути к звездолету.

Глава 13

Инстинктивно он бросился навзничь и успел сжаться в клубок за секунду до того, как сель захлестнул его. Он очутился в ревушем мраке; течение неудержимо влекло вперед, о скафандра то и дело ударялись камни и куски льда. Голова колотилась о стенки шлема. Удар следовал за ударом — постепенно Фолкейн начал терять сознание.

Поток замедлил движение, потом остановился совсем. Фолкейн смутно осознавал происходящее, но все-таки определил, что погребен под селевой массой. Колени по-прежнему поджаты к животу, руки закрывают лицевой щиток. Боль пульсировала во всем теле; он попытался шевельнуться. Ничего не вышло. Его охватил ужас, он закричал, напрягся — бесполезно. Сель держал крепко — он так и остался лежать в этой позе еще не родившегося ребенка.

Началось замерзание. Тепловое излучение — ерунда по сравнению с теплопроводностью, особенно когда есть такая масса, которая впитывает в себя каждую калорию. Фолкейн еще не до конца пришел в себя, а нагревательные спирали его скафандра уже израсходовали всю свою энергию. Шевельнуться он не мог. Он попытался вызвать было корабль, но передатчик как будто отказал. Мертвая тишина в наушниках, сплошная темнота вокруг и холод — прямо-таки зверский холод.

Мелькнула мысль: я беспомощен. Что ни делай — ничто уже не спасет. Ужасное ощущение, однако.

За ней другая: ну уж, по крайней мере, думать-то я могу. Могу думать, могу вспоминать — как свободный человек. А потом снова вернулись тишина, чернота и холод.

Он крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали, решив — будь что будет, но панике он не поддастся.

Когда сознание лишь слабой искоркой теплилось в нем, ледяная масса вдруг ослабила свою хватку. Лед таял не только вокруг Фолкейна — он таял по всей долине. Сквозь завесу испарений пробилась и будто огнем ожгла глаза бета Креста. А над долиной медленно кружил «Через пень-колоду», полосуюя снега тепловым лучом малой мощности. Когда сканеры звездолета

обнаружили Фолкейна, из корпуса корабля вырвался гравилуч. Человека втянуло внутрь через грузовой люк. Чи Лан встретила его отборными ругательствами.

Часа два спустя Фолкейн сидел на своей койке, держа на коленях тарелку с супом, и с невинным видом поглядывал на Чи Лан.

— Со мной уже все в порядке, — сказал он. — Вот только посплю ночную вахту и снова стану самим собой.

— Вот уж не надо, — фыркнула цинтианка. — Будь я настолько тупоголовой, чтобы отправиться на разведку без гравипояса, я бы, пожалуй, заменила себя на новую модель.

Фолкейн рассмеялся.

— Ты ведь мне этого не предлагала, — сказал он. — А если б я его надел, то меньше взял бы приборов. Что вообще произошло?

— Инг-нг-нг... насколько мы с Пнем поняли, этот ледник — незамерзшая вода. По большей части это сухой лед, углекислый газ в чистом виде... ну, и другие газы, в гораздо меньшей пропорции. Температура постепенно возросла до точки сублимации или даже чуть превысила ее. Не забудь еще про тепло парообразования. С наступлением темноты район начал быстро замерзать. Мне кажется, кстати, что тепло этой ледяной массы поглощали еще и летучие соединения. В результате — нестабильное равновесие. Оно нарушилось как раз в тот момент, когда ты там шастал. Ни дать ни взять — рука судьбы! Часть ледяного поля разнесло взрывом, а другая превратилась в сель. Если бы мы только догадались проверить спектры отражений и показания термоэлемента!..

— Что сейчас говорить, — прервал ее Фолкейн. — Между прочим, я себя виноватым не чувствую. В конце концов, у нас головы не резиновые. Никто не может помнить всего на свете. Нам ведь так суждено — учиться методом проб и ошибок.

— Причем желательно, чтобы в это время рядом стоял кто-нибудь, готовый бросить веревку.

— Угу. Может, мы с тобой и разведчики Космофлота, но в данных обстоятельствах таковыми не являемся, — Фолкейн хохотнул. — Кстати, имя для планеты я как будто придумал в самом деле подходящее. Сатана.

— Что это значит?

— В одной из наших земных религий это имя противника Бога, прародителя зла.

— Но ведь любому разумному существу должно быть ясно, что Бог сам... впрочем, это так, ерунда. Вообще-то я считала, что люди уже перебрали всех мифологических персонажей. Точно-точно. Я помню, Сатана уже был.

— Да? Не припоминаю. Есть Люцифер, есть Ариман, есть Локи*, есть... Черт с ними. Легендарный Сатана правил подземным миром огня и льда и развлекался тем, что придумывал муки для грешных душ. По-моему, подходит.

— Если он из тех богоборцев, с которыми я сталкивалась, — заметила Чи, — он сделает тебя богатым. Но потом почему-то всегда обнаруживается, что лучше было бы с ним не связываться.

Фолкейн пожал плечами:

— Поживем — увидим. Кстати, где мы сейчас?

— Летим над ночной стороной, фотографируем и берем анализы. Я не вижу причины болтаться здесь. Когда мы доложим о том, что выяснили, ван Рийн до потолка подскочит от радости. Мы ему скажем, что криосфера растворяется и что лет через десяток здесь вполне можно начинать строиться. Надо смывать-ся, Дэйв, тут с каждым часом становится все опаснее.

Как бы в подтверждение ее слов звездолет вдруг клонул носом; обшивка корпуса задребезжала. Корабль угодил в шторм, продолжавшийся всего минуту или две. Однако, подумал Фолкейн, какой же силы должен быть этот шторм, чтобы накренил звездолет, движимый термоядерной энергией, защищенный силовыми экранами, направляемый датчиками и ведомый компьютером, который способен преодолевать громадные расстояния и противостоять практически любому противнику!

— Согласен, — сказал он. — Давай задержимся еще на сутки... соберем, какие сможем, данные и... рванем домой. Подробности пусть изучает кто-нибудь другой. Все равно придется посылать сюда боевую группу, чтобы отстоять наши права.

— Чем скорее Старый Ник узнает об этом, тем лучше, — Чи взмахнула хвостом. — У нас будет куча неприятностей, если здесь обнаружатся вражеские пикеты.

— Не переживай, — сказал Фолкейн. — Скорей всего наши уважаемые противники живут очень уж далеко — даже разведчиков и то не прислали.

— А ты уверен, что, пока мы летели сюда, они уже не обследовали планету? — спросила Чи медленно.

— Тогда бы мы с ними столкнулись. Перелет у нас занял недели две, работой мы занимались чуть больше. С делами мы справились быстро, потому что нас только двое и потому еще, что нас поджимает время. А противникам нашим спешить некуда — они ведь не знают, что мы сели им на хвост. — Фолкейн почесал подбородок, отметив, что не мешало бы воспользоваться кремом-эпилятором. — Разумеется, возле планеты могли крутиться их наблюдатели. Заметили наше приближение — и по-

* Люцифер — в христианской традиции одно из имен дьявола. Ариман — в иранской мифологии злое божество. Локи — в скандинавской мифологии бог-трикстер.

бежали домой, за папочкой. Не иначе, он уже несется сюда, прихватив толстую палку. — Фолкейн нарочито громко спросил: — Ты ведь не обнаружил никаких звездолетов, а, Пень?

— Нет, — отозвался компьютер.

— Хорошо, — Фолкейн откинулся на подушки. Корабль имел на борту приборы, способные регистрировать длящееся буквально доли секунд возбуждение пространства, окружающего работающий гипердвигатель, на расстоянии в световой год, что соответствовало теоретическому пределу для подобных устройств. — Я едва ли ожидал...

— Потому что мои детекторы выключены, — пояснил Пень.

Фолкейн вздрогнул и резко выпрямился. Суп выплеснулся из тарелки прямо на Чи Лан, которая вскочила с отчаянным воплем.

— Что?! — воскликнул он.

— Сразу после выхода на орбиту мне было приказано вести наблюдение за планетой, — напомнил ему Пень. — Отсюда следовало, что компьютер может временно оставить без внимания приборы, направленные в космическое пространство.

— Ах ты, Иуда термоядерный, — простонал Фолкейн. — А я-то думал, что ты у нас действительно голова! Что сделали с тобой эти горе-ремонтники с Луны?

Чи по-собачьи встряхнулась; во все стороны полетели капли супа.

— Я-т'инчай-урх! — бросила она. Переводу эта фраза не подлежала. — Ну, так включай эти чертовы детекторы!

Воцарившаяся тишина была просто невыносимой. Вещи в каюте Фолкейна — фотографии, книги, магнитофон, кассеты, проектор, полуоткрытый шкаф, битком набитый элегантными костюмами, несколько сувениров, оружие, стол, заваленный дожидающимися ответа письмами, — стали вдруг такими маленькими, хрупкими, милыми. Человек и цинтианка прижались друг к другу, даже не заметив этого; ее когтистая лапа легла ему на руку.

Компьютер с расстановкой произнес:

— Обнаружены двадцать три отдаленных источника пульсации. Двигутся по направлению от Циркуля.

Фолкейн напрягся. Мозг его лихорадочно заработал: «В той стороне никто из тех, кого мы знаем, не живет. Наверно, они направляются сюда. Точно можно будет сказать, когда определим их курс. Или подождать? Но ведь сто процентов за то, что это враги!»

Словно за тридевять земель он услышал шепот Чи Лан:

— Двадцать... разрази их гром... три. Это оперативная группа! Если только... Что ты еще можешь сказать?

— Соотношение сигнала и уровня шума показывает, что они находятся на расстоянии в половину светового года отсюда, — голос компьютера оставался таким же бесстрастным, как и всегда. — Производная по времени свидетельствует, что они движутся на скорости, которая вряд ли является разумной при сближении со звездой типа беты Креста, учитывая то, что последняя окружена необычайно плотным облаком из газов и твердых частиц. Соотношение амплитуд отдельных сигналов как будто подтверждает гипотезу об эскадре, во главе которой довольно большой звездолет, примерно равный по размерам боевому крейсеру Лиги; кроме того, в нее входят три легких крейсера или похожих на них корабля и девятнадцать маленьких, но более быстрых кораблей. Это, разумеется, предварительные выводы, основанные на предположении, что звездолеты действительно боевые и что они движутся в нашем направлении. Даже при таких допущениях вероятность ошибки настолько велика, что в настоящий момент более точную оценку произвести невозможно.

— Если мы их дождемся, — глухо проворчала Чи, — можно смело писать похороны. Насколько я понимаю, если это флот наших врагов, то его командир вряд ли пригласит нас на чай. — Она отодвинулась от Фолкейна. — Ну, что будем делать?

Человек вздохнул. Он ощутил, как повлажневшие было ладони снова стали сухими, как вернулось к своему размеренному ритму сердце, как бежал из души страх.

— Мы не можем находиться ни на Сатане, ни рядом, — сказал он. — Они обнаружат нас с помощью нейтринных детекторов и, разумеется, уничтожат. Остается только на обычных гравитационных двигателях выйти на более близкую к звезде орбиту и уповать на то, что ее излучение скроет нас до тех пор, пока гости не уберутся восвояси. Но это тоже не выход. Вряд ли они улетят раньше, чем мы получим смертельную дозу радиации... если они вообще улетят. Можно еще выйти на сильно удаленную от Беты орбиту. Радиационный фон там небольшой, и наши двигатели можно будет засечь, но хочется думать, что никому не придет в голову направить детектор в нашу сторону. Нет, и это не годится. Мы просто застрянем тут, не имея возможности связаться с домом.

— Но ведь мы можем отправить сообщение в капсуле. Их у нас целых четыре, — подумала вслух Чи. — Нет, две; другие две мы разобрали, чтобы достать конденсаторы для первых — иначе они не достигнут Солнечной системы или любого другого места, из которого можно с нею связаться. Да, у нас есть две капсулы.

Фолкейн покачал головой:

— Слишком медленно. Их наверняка заметят...

— Наверяд ли. На них же не ядерные генераторы, в конце-то концов.

— Применяемые Космофлотом детекторы могут обнаружить летящую на гипердвигателе капсулу, притом на таком расстоянии, до которого нашим ящикам, Чи, еще пыхтеть и пыхтеть. И потом, что это вообще за штука? Простая трубка с обычным двигателем; в нее встроен роботопилот, который едва способен выполнять программу, и передатчик, который при подлете к дому начинает верещать: «Вот он я, берите меня». Ее кто угодно догонит, разнесет в клочки или просто перехватит.

Цинтианка расслабилась. Свыкнувшись с фактом, она обрела способность рассуждать так же холодно, как и Фолкейн.

— Ты что, предлагаешь, чтобы мы сами попытались счастья? — спросила она. — Эта мысль мне нравится. Но что, если хоть один из этих корабликов нас догонит?

— Это не так-то просто, — отозвался он.

— Боевые корабли летают быстрее. Они используют те самые силовые установки и генераторы, которые мы перевозим.

— Знаю. Да, исход сомнителен. Но слушай, — Фолкейн подался вперед, уперев руки в колени. — Неважно, у кого из нас окажутся длиннее ноги. В конце концов, какая разница, устраивать гонки на двести световых лет или на полгода? Мы рискуем немногим больше, если пойдем им навстречу. Зато сможем что-нибудь узнать, что-то сделать или... ну, не знаю что. Но главное не в этом. Если мы пойдем к ним навстречу на гиперках, как следует встряхнув космос, то отлет маленькой капсулы останется незамеченным. К тому времени когда кто-нибудь сможет разделить наши следы, она будет уже далеко... Так что, пускай с нами случается что угодно, но дома нашу информацию получат. Навредим врагу хотя бы этим!

Чи некоторое время молча разглядывала его. Потом пробормотала:

— Сдается, в тебе говорят эмоции. Но звучит убедительно.

— Тогда готовься, — заключил Фолкейн. Он вскочил и тут же пошатнулся: закружилась голова. Он оперся о переборку. «Заболеть сейчас было бы непозволительной роскошью. Лечиться некогда. Пилюли будем глотать потом, если выживем».

Из памяти все не шли последние слова Чи. «Она, конечно, права. Во мне говорит злость. Я хочу отомстить за то, что они сделали со мной. — Фолкейн судорожно сглотнул. — А может, это страх?.. Боязнь, что они снова проделают со мной то же самое?»

Ничего, до этого я двадцать раз успею умереть. Но не один. Я и кое-кого из них захвачу с собой... к Сатане!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 14

Призрачно мерцали мириады звезд; бета Креста среди них была лишь чуть ярче остальных. Млечный Путь надвое рассекал черноту неба; холодным светом сверкали ближние галактики. Звездолет Лиги двигался навстречу неизвестным кораблям.

Фолкейн расположился на капитанском мостике и под бормотание двигателей разглядывал противника на обзорном экране. Чи Лан находилась на корме, в центре управления огнем. Отдать компьютеру приказ и получить от него информацию можно было из любого отсека судна, так что разлучаться особой надобности не было. Они сделали это лишь на случай атаки, да и то разделял их только набитый электроникой корпус звездолета. Однако одиночество угнетающе действовало на Фолкейна. Он надел под скафандр парадную форму вместо обычного комбинезона скорее для того, чтобы бросить вызов обстоятельствам, чем из дипломатических соображений.

Щиток шлема он все еще не опускал. Оторвавшись от экрана, гермесец перевел взгляд на приборы. Его мозг не мог воспринять и проанализировать, подобно компьютеру, данные во всей их полноте. Но в обстановке в целом разобрался бы любой маломальски опытный пилот.

«Через пень-колоду» двигался по кривой, которая вскоре должна была вывести его на курс, перпендикулярный курсу одного из кораблей противника. Его наверняка обнаружили в тот самый момент, когда заработали гиперя. Но вражеская эскадра продолжала свое движение, словно не замечая звездолет, притом таким плотным строем, который не одобрил бы ни один адмирал Галактического Космофлота.

Походило на то, что свобода действий у чужаков — это привилегия командира соединения. Эскадра его единым целым мчалась вперед, не снижая скорости.

Фолкейн облизал губы. По спине струился пот.

— Проклятье! — воскликнул он. — Им что, вовсе не интересно, кто мы такие?!

Похоже, дело обстояло именно так. Во всяком случае, пока чужаки никак не реагировали на сигналы «Через пень-колоду».

Быть может, они просто дадут звездолету Лиги пройти сквозь свой строй. А быть может, замышляют нападение, когда «Через пень-колоду» окажется в пределах досягаемости, — нападение настолько быстрое, что у Фолкейна и Чи Лан не останется времени изменить фазу квантовых колебаний и сделать свой корабль «прозрачным» — когда любой снаряд, любой луч пронзает нас сквозь, не причиняя вреда.

— Может, они просто не распознали наш сигнал? — предположила Чи Лан.

Услышав в наушниках голос цинтианки, Фолкейн явственно представил ее себе. Маленькая, пушистая и — сулящая смерть: она настояла на том, что будет вручную управлять одним из орудий корабля.

— Им известно о нас достаточно, раз они сумели забросить к нам своих шпионов. Стандартные-то коды они знают наверняка, — отрезал Фолкейн. — Попробуй-ка еще разок, Пень.

Изображение на экранах задрожало и расплылось: причиной этого было незначительное изменение гиперскорости, вызванное работой аутеркома, преобразовывавшего колебания, порождаемые двигателями, в точки и тире. Систему эту внедрили совсем недавно — Фолкейн мог припомнить такие времена, когда, на заре своей карьеры, ему пришлось для передачи сообщения включать-выключать сам двигатель, — и ее надо было еще доводить до ума. Текст был предельно прост: «Срочно! Подтвердите готовность к радиосвязи на стандартной частоте!»

— Не отвечают, — доложил компьютер через минуту.

— Ладно, хватит, — сказал Фолкейн. — Чи, может, ты мне скажешь, что все это значит?

— Где уж мне! Ведь объяснений здесь сколько угодно, — отозвалась цинтианка. — И в этом вся беда.

— Да уж, особенно когда любая версия может оказаться ошибочной. Культур-близнецов не бывает, хотя, по-моему, всякая цивилизация, освоившая космические перелеты, должна бы... Бог с ним, оставим это. Что ж, они явно не собираются вступать с нами в переговоры. Посему предлагаю не лезть в возможную ловушку. Меняй курс, Пень. Пойдем параллельно им.

Взрели двигатели. На экране поплыли звезды. Поворот закончился, и корабли противника пропали из виду. Должно быть, они вот-вот минуют Стрельца, прикинул Фолкейн.

— Кое-что станет ясно, когда мы проанализируем их «хвосты», — сказал он. — Для этого мы уже достаточно сблизились. Однако следовать за ними до самой Сатаны вряд ли разумно.

— Мне вообще эта затея не нравится, — отозвалась Чи. — На такой скорости они наверняка свернут себе шеи. А мне свою жалко.

Фолкейн, протянув руку, взял со стола трубку. Она уже успела погаснуть. Он снова разжег ее; привкус табака на губах был сладок, как поцелуй.

— Мы в лучшем положении, — заметил он. — Худо-бедно, а окрестности нам уже знакомы. Мы даже нанесли на карту орбиты нескольких астероидов, помнишь?

— А откуда ты знаешь, что они не выслали вперед разведчиков? Неужели ты думаешь, что они так несутся наобум?

— Да. Кстати, вот еще что. Мне кажется, их звезда — или, быть может, крупная база в другой системе — находится неподалеку отсюда, с космической точки зрения, разумеется. Хотя область беты Креста едва ли можно назвать исследованной, все же отдельные экспедиции здесь побывали — возьми хоть тех же лемминкяйненитов.

Я вот к чему клоню. Голову даю на отсечение, наши молчаливые друзья засекли нейтринный выброс ядерных двигателей, оставленный кораблями одной из этих экспедиций. Это, правда, возможно на расстоянии до пятидесяти световых лет, но не дальше. Естественно, ты можешь возразить, сказать, что пятьдесят лет назад ядерных реакторов такого типа не было и в помине, а если бы и были, то нейтринный выброс, случившийся около нашего бродяги, до сих пор странствовал бы в пространстве необнаруженным. Но ведь мимо беты Креста кто только не летает! Короче говоря, все за то, что эти кораблики прибыли не издалека. Времени прошло-то всего ничего — сириндипитский звездолет, верно, едва-едва успел сообщить им про планету.

— И они тут же снарядили эскадру, не забывая о разведке? Быть того не может! А эта эскадра: несется как угорелая и даже не пытается выяснить, кто мы такие!

Фолкейн заставил себя улыбнуться:

— Если уж цинтианка говорит, что события несутся вскачь, то, кланусь остатками моей святости, так оно и есть.

— Но ведь это те же существа... наверно, те же... что организовали «Сириндипити»! А это задумка с таким дальним прицелом, рассчитанная на столько лет, что я даже не знаю, с чем ее сравнить.

— В истории человечества подобное случалось, если у вас на Цинтии такого и не было. А ты не забывай, что в это дело замешаны люди — более или менее люди, скажем так.

Компьютер вмешался в разговор:

— Поступило сообщение.

По экрану побежали точки и тире. Фолкейн прочитал: «Приглашение к переговорам принимаем. Предлагаем встречу в десяти астрономических единицах отсюда, на расстоянии в пятьсот километров друг от друга».

Он не стал ничего говорить Чи — это сделает компьютер. Если Фолкейн и изумился, то на долю секунды. Время не ждет.

На Пня посыпались приказы: послать подтверждение, лечь на нужный курс, не ослаблять бдительности, следить и за кораблем, который будет выделен для ведения переговоров, и за эскадрой.

— Все корабли изменили курс, — перебил его компьютер. — Очевидно, будут вести переговоры эскадрой.

— Что? — Фолкейн едва не подавился трубкой. — Что за ерунда!

— Вовсе нет, — холодно ответила Чи Лан. — Если они все одновременно выстрелят в нас — нам крышка.

— Может, пронесет, — Фолкейн крепче сжал трубку в зубах. — Может, они и не замышляют зла. Ладно, все станет ясно через тридцать секунд.

Все звездолеты выключили свои квантовые генераторы и перескочили в релятивистское пространство. За этим последовало неизбежное торопливое вычисление необходимой тяги, чтобы достичь кинетической скорости. Фолкейн предоставил Пню заниматься кораблем, поручил Чи Лан оборону, а сам сосредоточился на разглядывании чужаков.

Видно было очень немного. Луч сканера может обнаружить звездолет и выдать на экран его увеличенное изображение, но деталей на таком расстоянии не различить. А детали — это главное, благодаря законам природы существенной разницы между космическими кораблями быть не может.

Фолкейн заметил, что девятнадцати эсминцам — или кораблям конвоя, или как там их еще можно назвать — придана обтекаемая форма. Очевидно, для спуска в атмосферу. Пожалуй, даже слишком обтекаемая, если учесть, что в длину они раза в три превосходят «Через пень-колоду», но вряд ли значительно шире его. Они походили на застывших угрей. Крейсеры очень напоминали акул из-за вытянутых в длину плавникообразных конструкций, где скорее всего находились либо посты управления, либо лаборатории. Флагман имел форму огромного сфероида; корпус его покрывали какие-то башенки, краны, непонятные сооружения наподобие дотов.

Назначение этих кораблей вполне можно было определить в военно-морских терминах, хотя они и не очень подходили под классификацию звездолетов, принадлежавших Лиге, — суда буквально щетинились всякого рода пушками, ракетными установками, лучевыми орудиями. Фолкейну никогда не доводилось видеть таких нафаршированных оружием кораблей. Если прикинуть, сколько места занимают машины и орудийные погреба... что же, экипажи у них из микробов, что ли?

Приборы сообщили, что противник использует силовые экраны, радары, термоядерные установки. Это было неудивительно.

Изумляло другое — столь плотный строй. Если они опасаются нападения, почему бы не рассредоточиться? Ведь даже одна боеголовка с зарядом в пятьдесят мегатонн, взорвавшись посреди их кучи, уничтожит как минимум два или три корабля, а остальных с лихвой облучит. Быть может, радиация и не причинит вреда компьютерам и другим электронным приборам — все зависит от того, транзисторные у них схемы или нет, — но вот членам экипажей достанется здорово: те, кто выживет, весь остаток жизни проведут в госпитале.

А вдруг чужакам наплевать на рентгеновские лучи и на нейтроны? Но тогда их организмы должны состоять не из протоплазмы. Органическая молекула, сама по себе или подстегнутая каким-либо препаратом, способна выдерживать излучение только определенного уровня. Но, быть может, они изобрели какой-нибудь экран, способный отражать незаряженные частицы? Может, может, может...

— Ты установил связь с их компьютером или что там у них есть? — спросил Фолкейн.

— Нет, — ответил Пень. — Они просто замедляют скорость, но, если они намерены выйти на орбиту вокруг Сатаны, им все равно пришлось бы это сделать. Нам, очевидно, предлагается подстраиваться под них.

— Хамы, — бросила Чи.

— Когда так вооружен, недолго и охаметь, — Фолкейн опустился в кресло. — Что ж, угостим их тем же блюдом. Отключи мазеры. Пускай сами нас вызывают.

«Интересно, — подумал он, — какой у меня вид с этой трубкой, которая торчит из раскрытого шлема? А, какой бы ни был! Курить хочется, и все тут. А вот если бы еще кружечку пивка». Но тут он снова вспомнил о вооруженном до зубов противнике, и во рту у него пересохло.

«Прежде чем энергетический залп можно будет обнаружить, он уже поразит твой корабль. Однако защита может и выдержать — ровно столько времени, сколько потребуется “Через пень-колоду” на включение гипердвигателей. Здесь слишком много неизвестных: мощность этого залпа, место, куда он ударит, и все такое прочее.

Но если чужаки хотят нашей смерти, чего они уходят? Они ведь запросто могут нас догнать — если не большие корабли, то уж эсминцы наверняка. А от девятнадцати преследователей сразу нам не оторваться, как бы мы ни старались. Но если они хотят переговоров, почему сразу не ответили на наш вызов?»

Словно угадав мысли Фолкейна, Чи Лан сказала:

— Похоже, отчасти я могу объяснить тебе их поведение, Дэйв. Предположи лишь, что они — очень импульсивная раса. Узнав о Сатане, они отправили к ней группу захвата. Причем, не исключено, и в тайне от своих сородичей. Мы не знаем, какое

у них там общество. Они не имеют представления, что маска «Сиридинипити» сорвана, но и не тешат себя особыми иллюзиями на этот счет. В таких обстоятельствах разумные существа вели бы себя осторожно. Они направили бы вперед разведчиков, дождались бы их возвращения и только потом уже двинулись бы сами. Эти же поступают совершенно иначе. Мчат, понимаешь, как оглашенные и, судя по всему, готовы схватиться с кем угодно. И вдруг они обнаруживают, что их поджидают, они обнаруживают нас. К ним навстречу непонятно с чего кидается какой-то маленький кораблишко. Нам с тобой наверняка пришло бы в голову, что поблизости, где-нибудь около Сатаны, есть и другие звездолеты, побольше, чем этот. Мы, разумеется, тут же попробовали бы связаться с неизвестным суденышком. Но эти существа просто продолжают свой путь. Им все равно, одни ли мы, и потому легко можем быть уничтожены, или не одни, и потому предстоит битва. Им все равно, они не думают ни об отступлении, ни о переговорах. Ни о нас, кстати сказать. В конце концов мы направляемся прямо к ним. Мы подставляем себя под дула их пушек. А потом вдруг ложимся на параллельный курс! Они решают, что им лучше будет выслушать нас. Или хотя бы попытаться. Может, до них дошло, что мы способны попробовать удрать от них. Понимаешь, им придется для погони за нами выделять пару эсминцев, — вряд ли им хочется, чтобы на Земле стало известно о появлении тут какой-то неизвестной эскадры. А мне так кажется, у них есть свои причины сохранять свой строй целым. Короче говоря, еще одно импульсивное решение — а напоследок, как обычно, начхать!

— Сплошной бред, — возразил Фолкейн.

— Для тебя — может, а для меня нет. Вы, люди, в этом плане проигрываете цинтианам. Да, мы — мое племя — действуем обдуманно. Но на нашей планете есть и другие племена, у которых считается нормальным вести себя как берсерки.

— Но ведь они технологически отсталые, а, Чи? Ну, посуди сама, разве можно таким образом править цивилизацией, знакомой с ядерной энергией? Ты постепенно утратишь власть, вот и все. Даже Старый Ник вынужден сдерживать себя и прибегать к услугам советников, администраторов, людей всех чинов и сословий. Кривая нормального распределения дает достаточно гарантий того, что осторожных куда больше, чем тех, кто готов...

Фолкейн замолк на полуслове. Замигали лампочки центрального ресивера.

— Они вызывают нас, — сказал он, чувствуя, как у него сводит мышцы живота. — Включить тебе дополнительный экран?

— Нет, — решительно ответила Чи Лан. — Я буду слушать, но про оружие забывать нельзя.

Лучи мазеров скрестились в пространстве. Фолкейн краем уха услышал слова компьютера:

— Передача идет с флагманского звездолета.
Он не отрываясь впился в экран.

Человек! Фолкейн едва не выронил трубку. Мужчина, худощавый, чуть тронутые сединой виски, в глубине глаз теплятся огоньки, тускло-коричневый комбинезон... «Я должен был догадаться. Я должен был быть готов к этому». На заднем плане виднелась панель управления, подобных которой Фолкейну встречать еще не доводилось. На потолке ярко сияли белые лампы. Фолкейн сглотнул.

— Приветствую вас, Хью Латимер, — сказал он вежливо.

— Мы незнакомы, — бесстрастно, с легким акцентом ответил человек на экране.

— Это правда. Но кого еще я мог здесь встретить, кроме вас?

— Кто вы?

Фолкейн на секунду замялся. Имя его — козырная карта в этой рискованной игре. Вовсе ни к чему открывать его врагу.

— Себастьян Тумс, — сказал он. Плагиат, конечно, но вряд ли Латимер докопается до источника. Он и сам-то набрел на эти книги совершенно случайно, роаясь в библиотеке Герцога Роберта, — набрел и обнаружил, что древние языки не такая уж скучная вещь. — Космический торговец, имею звание капитана Торгово-технической Лиги. — Подчеркнуть свое положение никогда не помешает. — Вы командуете этой эскадрой?

— Нет.

— Тогда я хотел бы поговорить с тем, кто этим занимается.

— Да, конечно, — отозвался Хью Латимер. — Ваше желание совпадает с его приказом.

— Ладно, соедините-ка меня с ним.

— Вы не поняли, — голос его собеседника оставался все таким же бесцветным, выражение смуглого, со впалыми щеками лица не изменилось. — Гэхуд ждет вас у себя.

Фолкейн так стиснул зубы, что хрустнула трубка. Он отшвырнул ее в сторону.

— Откуда вы свалились, из другой вселенной? Вы думаете, что я... — Он подавил гнев. — Я бы предложил вашему командиру кой-куда отправиться, да боюсь, его анатомия помешает. Так что спросите у него просто: будет ли разумно с моей стороны положиться на вашу милость?

Что это? Неужели страх чуть исказил застывшие черты лица Латимера?

— Мне дали приказ. Если я попытаюсь его оспорить, меня накажут. Какая вам от этого польза? — Он заколебался. — Полагаю, у вас есть два выхода. Вы можете отказаться от приглашения. Тогда Гэхуд скорее всего прикажет вас расстрелять. А согласившись прийти, вы можете чего-то для себя добиться.

Он заинтригован мыслью о встрече с... Э... диким человеком. Я не знаю. Быть может, сначала нам надо договориться о гарантиях вашего возвращения. Если так, давайте поторопимся, а то он начнет раздражаться, — (да, это страх и ничто иное), — и тогда может произойти все что угодно.

Глава 15

Опасность сближения с врагом очевидна. Не успеешь опомниться, как в тебя влепят не то что тепловым лучом — нет, самой обычной ракетой. Правда, опасность эта взаимная. «Через пень-колоду» выглядит комариком по сравнению с этой тушей, но ведь и комар может укусить. Так что Фолкейн не собирался сохранять между кораблями расстояние в пятьсот километров и пришел в смятение, когда Латимер заявил, что это невозможно.

— Не забывайте, я всю жизнь занимался тем, что старался узнать как можно больше о вашей цивилизации. Я знаю, на что способны звездолеты вроде вашего. Не считая ручного оружия и всяких там лазерных пистолетов, у вас на борту четыре тяжелых бластера и четыре торпеды с ядерными головками. Если мы позволим вам приблизиться, то поставим себя в невыгодное положение. Скажем, если возникнут разногласия, мы, вне всякого сомнения, уничтожим ваш звездолет, но победа может нам стоить нескольких кораблей.

— Но если мой звездолет останется там, откуда не сможет нанести эффективный удар, что мешает вам захватить меня в плен? — запротестовал Фолкейн.

— Ничего, — согласился Латимер, — разве что отсутствие причин для этого. По-моему, Гэхуд просто хочет допросить вас и, быть может, передать вам сообщение для ваших хозяев. Кстати, если вы будете медлить, он потеряет терпение и отдаст приказ уничтожить вас.

— Что ж, приду, как только смогу, — отрубил Фолкейн. — Если я через час не вернусь на свой корабль, мой экипаж объяснит это предательством с вашей стороны и будет действовать соответственно. Боюсь, в этом случае вас ждет неприятный сюрприз. — Он выключил прибор и замер в кресле, вцепившись в ручки и стараясь унять дрожь.

Чи Лан подошла, свернувшись клубочком у ног Фолкейна и взглянула ему в лицо.

— Ты не хочешь идти, — сказала она непривычно мягко. — Ты боишься, что тебя снова накачают наркотиками.

Фолкейн утвердительно мотнул головой.

— Ты не представляешь, что это за ощущение, — сказал он, проглотив комок в горле.

— Я могу пойти.

— Нет. Капитан-то я. — Он поднялся. — Помогите мне собраться.

— По крайней мере, — заметила Чи, — тебя хоть не захватят.

— Что? Почему это?

— Убить тебя, конечно, могут. Но этот тип боится, что ты умеешь читать мысли.

— Ох, — выдохнул Фолкейн. — Подожди, я, кажется, понял. — Он сцепил пальцы; глаза его сверкнули. — Почему я об этом не подумал раньше?

И с этими словами он покинул звездолет.

На скафандре у него имелся импеллер, но это на всякий случай. До флагманского корабля противника он будет добираться на грависанях. Фолкейн опустил колпак; кокпит саней был заполнен воздухом, тоже на всякий случай. Если, скажем, треснет шлем или еще что-нибудь в таком духе. Полет проходил в призрачной тишине, и лишь ускорение, которое вдавливало Фолкейна в кресло, не давало ему потерять чувство реальности. Огоньки звезд расплылись и исчезли. Объяснение этому было самое прозаическое: зеленоватое сияние индикаторов на панели управления сыграло шутку с его глазами. Но без звезд было скучно. Фолкейн немного крепче, чем нужно, стиснул ручки управления и принялся насвистывать мотивчик, чтобы не было так одиноко:

*Раз пошел гулять лудильщик;
Вот по Стрэнду он идет...*

Что ж, быть может, он свистит последний раз в своей жизни. Ну и ладно, чем плоха эта песенка? Торжественности хватает и без того. Приближавшаяся, все увеличивающаяся в размерах громада корабля и так уже настраивала мысли на достаточно траурный лад.

Раздавшийся в наушниках голос Латимера помешал Фолкейну закончить эту малопрстойную балладку:

— Настройтесь на луч на частоте 158,6 мегагерц; он приведет вас к воздушному шлюзу. Поставьте сани в отсеке и подождите меня.

— Как, вы не хотите затаранить меня к себе на борт? — хмыкнул Фолкейн.

— Не понял.

— И не поймете. Ладно, забудем. Все равно мне деваться некуда, — он поймал сигнал и включил автопилот. Сам же тем временем занялся фотографированием вражеского корабля. Он внимательно разглядывал громаду звездолета, пытаясь запомнить все, что можно. Но часть его мозга продолжала размыш-

лять. Этот Латимер явно заработался. Он ведет себя как помощник Гэхуда, кем бы там этот Гэхуд ни был. А кроме того, он и связист, и боцман... и все что угодно.

Ну что ж, если корабль достаточно автоматизирован, то большой экипаж ему не нужен. У нас сейчас как бы снова Ренессанс: человек — мастер на все руки, а специализируются за него компьютеры. Но ведь остались и такие работы, с которыми машины не справляются. У них нет мотиваций, у них нет предприимчивости — нет истинного разума, наконец! Все полностью роботизированные корабли, которые мы — цивилизованные существа, с которыми сталкивался человек, — строили, годились только для элементарной, если не сказать черновой, работы. А если ты отправляешься на разведку или в торговую экспедицию или ведешь войну — в общем, попадаешь в непредсказуемые обстоятельства, — то число членов экипажа возрастает. Отчасти, разумеется, для того, чтобы снизить психологическое напряжение, а отчасти — чтобы выполнить задание, причем в любых условиях. Вот как, к слову, нам с Чи тяжело — оттого, что нас только двое на корабле. Ладно, нас подстегивала опасность, но Гэхуда-то что подстегивало? Почему на связь выходит только Латимер?

Направляемые лучом грависани миновали крейсер. Фолкейна снова поразило невероятное количество всяких пушек. Башенки в форме плавников оказались тоньше, чем он предполагал. Да, самое подходящее место для лабораторий, и, похоже, там внутри действительно полно приборов. Но интересно, какой такой зверь обслуживает их — ведь и в этих башенках, и в самом корабле наверняка не повернуться?

Фолкейн постепенно добрался до ответа и потому не был особенно удивлен. Он включил встроенный в шлем передатчик и настроился на луч мазера, тянувшийся к «Через пень-колоду».

— Ты слышишь меня, Чи Лан? — спросил он.

— Да. Что нового?

Фолкейн перешел на язык эрио, который они все выучили за время совместного пребывания на Мерсейе — если Латимер и подслушивает, вряд ли что поймет, — и кратко описал все, что увидел.

— Я абсолютно уверен, что все корабли, кроме флагманского, — роботы, — закончил он. — Это многое объясняет, в том числе строй. Гэхуду приходится не спускать с них глаз, чтобы они, чего доброго, не разбежались по дороге. Зато его не тревожит мысль о потерях в бою — это ведь просто машины, хотя скорее всего с радиационной защитой. Если у него и имеется хоть один звездолет с экипажем, так это его собственный. Конечно, даже при высокоразвитой экономике посылать такую эскадру — удовольствие не из дешевых. Но ведь роботам найти замену куда легче, чем сотням или тысячам профессионалов.

Что все эти кораблики в сравнении с таким лакомым кусочком, как Сатана!

— И-ирх! Знаешь, Дэвид, звучит довольно правдоподобно. Особенно если этот Гэхуд — какой-нибудь удельный князь со своей дружиной. Такие обычно ни с кем не советуются, никого не посвящают в свои планы... Что ж, одной надеждой больше. Мы с тобой намалевали черта, а он оказался не таким уж страшным.

— Не думай, он достаточно страшен. Если через час я не выйду с тобой на связь или если ты сама заподозришь что-то неладное, не строй из себя верного слугу — сматывай удочки.

Чи запротестовала было, но Фолкейн ее перебил:

— Я все равно к тому времени буду мертв, так что ты ничем мне не поможешь, оставшись здесь. Дома должны обо всем узнать — по крайней мере, будет кому за меня отомстить.

Она помолчала.

— Понимаю.

— Шансов ускользнуть от погони немного. В гонке на скорость девятнадцать эсминцев так или иначе тебя догонят. Вот если бы тебе удалось перехитрить их... или хотя бы незаметно отправить другую капсулу... Ну ладно, я почти у цели. Кончаю связь. Удачных полетов, Чи.

Ее ответа он не разобрал. Чи произнесла фразу на древнем языке своего племени. Но несколько слов Фолкейн понял — среди них было «удача». Голос цинтианки чуть дрожал.

До линкора — так он окрестил флагманский корабль врага — было уже рукой подать. Фолкейн выключил автопилот и взял управление на себя. Когда грависани вышли из тени одной из башенок, в глаза человеку брызнул ослепительный свет. Он исходил из похожего на грузовой люк отверстия в борту звездолета — наверно, того самого шлюза, о котором говорил Латимер. Сани осторожно миновали широкий комингс. Притяжение корабля немного затруднило посадку. Выполнив необходимые процедуры, Фолкейн выскочил из кокпита. В отсеке никого не было; внутренняя герметическая дверца оставалась закрытой.

Он торопливо отцепил висевший у пояса предмет и с решимостью отчаяния сжал его в руке. В ожидании Латимера он посмотрел на приборную доску саней. Фолкейн чувствовал, что сила тяжести на этом звездолете превышает стандартную земную, и шкала гравиметра подтвердила его ощущения: стрелка стояла на делении 1,07. Интенсивность освещения более чем на треть превосходила обычную. Спектральное распределение указывало на то, что эти существа, какими бы они там ни были, живут вблизи звезды F-типа. Но тогда почему такое освещение?

Внутренняя дверца распахнулась, наружу вырвалось немного воздуха. Фолкейн отметил про себя, что шлюз — составной: за этим отсеком был еще один. В дверном проеме появилась обла-

ченная в скафандр человеческая фигура. Сквозь стекло шлема виднелось суровое лицо Латимера. В руке он держал бластер обычного типа, приобретенный наверняка на Луне. Но за спиной человека маячил робот — весь из металла, длинные ноги, цилиндрическое тело со множеством рук, вместо пальцев — датчики или эффекторы.

— Хорошо же вы принимаете посла, нечего сказать, — бросил Фолкейн. Рук поднимать он не собирался.

Впрочем, Латимер этого и не потребовал.

— Мера предосторожности, — пояснил он безучастно. — При вас не должно быть оружия. Сначала поищем бомбы.

— Валяйте, — согласился Фолкейн. — Суденышко мое чисто, пистолет я, как было договорено, оставил в звездолете. Правда, у меня есть вот это. — Он поднял левую руку, показывая зажатый в кулаке предмет.

Латимер отскочил.

— Йагнат хамман! Что это?

— Граната. Не ядерная, всего лишь противопехотная. Начинена торденитом с коллоидным фосфором для приправы. Здесь на расстоянии в пару метров разнесет что угодно. Про кислородную атмосферу я уж не говорю. Я вытянул чеку и отсчитал целых пять секунд, прежде чем вставить шток на место. Теперь гранате не даст взорваться только мой палец. Да, кстати, осколков от нее куча.

— Но вы... вы... нет!

— Не паникуйте, приятель. Пружина не такая уж тугая — я спокойно удержу ее в течение часа. Мне вовсе не хочется взрываться. Но еще больше мне не хочется попасть в плен, быть застреленным... Продолжите сами. Если вы будете придерживаться дипломатической учтивости, никаких проблем не возникнет.

— Я должен сообщить об этом, — пискнул Латимер. Он наклонился над каким-то прибором — по всей видимости, интеркомом. Робот, как ему было приказано, проверил сани и замер в ожидании.

— Он вас примет. Пойдемте, — сказал Латимер, делая шаг к двери. Он явно был рассержен. Робот пропустил вперед обоих людей и двинулся следом. Фолкейн чувствовал себя между ними, как в мышеловке. Что толку в этой гранате? Если его сопровождают только захотят, они без особых хлопот справятся с ним. Или не будут рисковать сейчас, а подстрелят его на обратном пути, когда он уже будет считать себя в безопасности.

«Хватит об этом. Ты пришел сюда, дабы узнать все, что можно. Да, ты не герой, ты бы отдал черту душу, лишь бы оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда, со стаканом в руке и со шлюхой на коленях, и хвастать напропалую своими приключениями. Но ведь назревает война. Атаке могут подвергнуться целые

планеты. Представляешь, какая-нибудь девчушка, не старше твоей маленькой племянницы, лежит под развалинами сметенного атомным взрывом дома — лицо обуглилось, глаза испарились — и зовет папу, который погиб вместе со звездолетом, и маму, которую взрыв застиг на улице. Быть может, дела не настолько плохо. Быть может. Как можно упустить возможность поговорить с противником? В конце концов, ты рискуешь лишь собственной шкурой. А шкура-то свербит. Тыфу ты, черт, и не почесешься!»

Фолкейн криво усмехнулся. Наружная дверца закрылась, давление внутри шлюза выровнялось, створки люка, ведущего в рабочее помещения звездолета, автоматически раздвинулись.

Глазам человека предстал залитый ярким светом, отражавшимся от металлических стен, коридор. Тишину нарушали лишь рокот двигателей, приглушенное гудение вентиляции на форсированной тяге да гулкое эхо шагов. Дверей в стенах коридора не было, лишь всякие решетки, вентиляционные отверстия; кое-где попадались загадочного вида приборы. Впереди открылся перпендикулярный проход; по нему прошествовал еще один робот, совершенно не похожий на первого, — он очень напоминал ведро со щупальцами и усиками и явно был предназначен для обслуживания каких-то механизмов. На этом корабле, похоже, всем занимались машины — вернее, он сам по себе был одной огромной машиной.

Если не считать Латимера, Фолкейну на борту не встретилося еще ни одной живой души, но что-то подсказывало ему, что на звездолете есть не только роботы. Воображению его вдруг представилась громадная туша, изготовившаяся к прыжку.

— Здесь можно дышать, — раздался в наушниках голос Латимера. — Воздух чуть более плотен, чем на Земле на уровне моря.

Имитируя движения своего проводника, Фолкейн свободной рукой открыл клапан, чтобы давление внутри шлема постепенно сравнялось с наружным, потом поднял лицевой щиток и глубоко вдохнул. И тут же пожалел об этом. Воздух был горячим и сухим, как в пустыне; сильно пахло озоном. К этому запаху примешивались и другие ароматы — пряностей, кожи, крови, — усиливавшиеся по мере того, как маленький отряд все ближе и ближе подходил к жилым отсекам корабля. Латимер как будто не замечал ни жары, ни ослепительного сияния ламп. Наверно, он уже с этим свыкся. Свыкся ли?

— Сколько народу у вас в экипаже? — спросил Фолкейн.

— Вопросы будет задавать Гэхуд, — Латимер глядел прямо перед собой, одна щека его чуть подергивалась. — Я вам искренне советую: отвечайте ему вежливо и полно. Вы и так уже провинились с этой своей гранатой. Но вам повезло: ему так хочется вас увидеть, что он лишь слегка рассердился на подобную

дерзость. Будьте очень осторожны, а иначе он вас достанет и на том свете.

— Какая лапочка ваш босс, право слово, — Фолкейн попытался разглядеть выражение лица Латимера. — На вашем месте я давно бы ушел от него, хорошенько хлопнув дверью.

— Если вас пугают трудности служения своему миру, своему народу, то я не из таких, — презрительно хмыкнул Латимер. Внезапно выражение его глаз изменилось, голос понизился почти до шепота. — Тсс! Мы совсем рядом.

Фолкейн увидел впереди уходящую отвесно вверх шахту гравиколодца. Люди и роботы поднялись по ней на добрых пятинадцать метров и очутились на другой палубе.

Передняя? Сад? Грот? Фолкейн смятенно огляделся. Все помещение, большое, как танцзал, было заставлено плантерами. В них росли самые разнообразные растения: от крошечных, сладко пахнущих цветов и высоких разлапистых папоротников до настоящих деревьев с пушистыми, заостренными или причудливо закрученными листьями. Основным цветом растений был темно-золотистый. В центре зала бил фонтан. Каменный бассейн его был очень дряхлым на вид, но сохранившиеся барельефы вызвали у Фолкейна чувство восхищения. Очарованию бассейна, его чужой, непривычной красоте разительного не соответствовали заляпанные большими пятнами краски переборки. Очевидно, вкус у владельца этого сада был весьма своеобразный. Следуя за Латимером, Фолкейн миновал арочный дверной проем в конце зала — и оказался в первом из, так сказать, дворцовых покоев. Каюта была обставлена — вернее даже, заставлена — с варварской роскошью. Пол устилали шкуры, которые вполне могли принадлежать ангорским тиграм. Одну из стен покрывала грубой работы золотая плита, вторая в точности походила на раскрашенные переборки снаружи, на третьей висела чешуйчатая шкура, а четвертая стена представляла собой экран, на котором под рокот барабанов и завывание рогов металась в иступленном танце какие-то абстрактные тени. Над входом висел череп чем-то смахивающего на динозавра животного. Из стоявших тут и там курильниц поднимался к потолку горьковатый дымок. Две из них были настоящими произведениями искусства, древними и прекрасными, как и фонтан. Остальные мало чем отличались от железных болванок. Сесть можно было либо на подиум — таковых в каюте было два, причем столь широких, что на каждом из них спокойно улеглось бы по три человека, — либо на разбросанные по полу подушки. На полках и в самых неожиданных местах полно было всякой всячины. Что там такое, Фолкейн даже не попытался разобраться. Одни предметы походили на музыкальные инструменты, другие — на игрушки, но, чтобы узнать истинную их сущность, надо сперва познакомиться с хозяином.

А вот и мы!

Плотный экран из прозрачного материала, скорее всего из витрила, закрывал второй вход в помещение. Если оставаться за ним, не страшна никакая граната. А еще безопаснее вести разговор по телекому. Но так ронять себя в глаза пришельца Гэхуд не собирався. Он вышел и встал за экраном.

Хотя Фолкейн перевидал достаточно инопланетян, ему пришлось стиснуть зубы, чтобы удержаться от крика. Перед ним стоял... Минотавр!*

Глава 16

Нет... не точная копия, разумеется... если уж на то пошло, из него такой же минотавр, как из Эдзела дракон. Но до чего похож!

Это было двуногое существо, чем-то напоминавшее чело-века. Ноги — короче, а руки — значительно длиннее, чем у людей. На ногах по три пальца, все с подушечками, на руках — по четыре, похожих на обрубки, с зеленоватыми ногтями на концах. Такой же оттенок имела кожа, поросшая золотистыми волосками — не настолько, правда, густыми, чтобы можно было назвать их мехом. Под кожей, вовсе не там, где у людей, перекачивались мускулы. Губы по-коровьи мягкие, но рудиментарные грудные соски отсутствуют, поэтому сказать наверняка, принадлежит ли он к разряду млекопитающих, невозможно. Одно было ясно, что это взрослый самец, по всей видимости, теплокровный. Зубы — ровные, тронутые желтизной.

Голова... Сравнивать между собой обитателей двух планет бессмысленно. Можно лишь описывать разницу между ними в пределах языковых возможностей. Скорее всего эту массивную голову с широким рылом, мясистым подбородком, иссиня-черными, широко расставленными глазами под низкими надбровными дугами, очень покатым лбом и длинными подвижными ушами можно было назвать бычьей. Но, разумеется, отличия преобладали над сходствами. У Гэхуда не было рогов; лицо его обрамляла роскошная грива, ниспадавшая сзади чуть ли не до пояса. Волосы были светлыми и полыми изнутри, а потому в свете ламп переливались всеми цветами радуги.

Хотя Фолкейна с Латимером судьба ростом не обидела, Гэхуд возвышался над ними обоими. В нем было сантиметров двести тридцать. При таком росте, при неимоверной ширине плеч и грудной клетки, при столь развитой мускулатуре весу в нем было наверняка не меньше двухсот килограммов. На шее у него висело бриллиантовое ожерелье, пальцы были унизаны кольцами, на запястьях сверкали тяжелые золотые браслеты. Если не

* Минотавр — в греческой мифологии чудовище, человекобык.

считать ремня, на котором с одного бока болтался кисет, а с другого — похожий на мачете нож, он был абсолютно голым. Дыхание Гэхуда напоминало гул вентилятора. От него исходил запах мускуса. Когда он заговорил, оказалось, что голос у него очень низкий и требовательный.

Латимер поднес бластер к губам — что это, салют? — потом опустил и обернулся к Фолкейну.

— Вы стоите перед Гэхудом из Нешкета, — последнее слово он выговорил с трудом. — Он будет вас допрашивать. Я уже сообщил ему, что вы назвались Себастьяном Тумсом. Вы с Земли?

Фолкейн собрался с духом. У этой твари за экраном устрашающий вид... Ну и черт с ней!

— Буду рад обменяться информацией, — ответил он. — Нешкет — это его планета? Или как?

Латимер даже переменялся в лице.

— Ну что вы делаете! — пробормотал он. — Ради себя же самого, отвечайте, как вам было сказано.

Фолкейн обнажил в усмешке зубы.

— Бедный ты маменькин сыночек! — воскликнул он. — Дрожишь за свою школу, а? Мне-то особо терять нечего!

«Врешь, приятель, — мысленно оборвал он себя. — Жизнь тебе терять вовсе не хочется. Ой как не хочется! А у Гэхуда, похоже, темперамент, как у атомной бомбы. Вот если бы мне удалось пройти по доске над пропастью...»

Некий бесенок внутри него прокомментировал: «Какой поток метафор! Юмор висельника, а, дружок?»

— В конце концов, — сказал Фолкейн вслух, глядя в искаженное страхом лицо Латимера и на бластер в его руке, — рано или поздно вы столкнетесь с Лигой. В схватке или как еще — этого я не знаю. Ну, так отчего же вы не хотите поговорить со мной? В бою ведь ответ один — торпеда в борт, а так, глядишь, что-нибудь да выясните.

Гэхуд что-то пробурчал. Латимер ответил. Лицо его было мокрым от пота. Хозяин положил руку на рукоять ножа, фыркнул и бросил короткую фразу.

Латимер сказал:

— Вы не понимаете, Тумс. Дело в том, что вы забрались на принадлежащую Гэхуду территорию. Он выказал редкую сдержанность, не уничтожив ваш корабль на месте. Поверьте мне. Мало кто из его родичей обладает подобным терпением. Но и у него оно скоро лопнет.

«Его территория, вот как? — подумал Фолкейн. — Не настолько же он в самом деле глуп, чтобы полагать, будто Лига испугается одной его эскадры и забудет про Сатану? Вполне возможно, что по их законам он получает приоритет перед своими сородичами, оказавшись тут раньше них. Скорей же всего — это авангард. Отправили сюда первое, что подвернулось под

руку. А эта женщина — как ее там, сестра Теи Белдэниэл, — отправилась за подмогой. Или она связалась с другим минотавром? Судя по поведению Латимера, Гэхуд его хозяин... Ну что ж, блефую, похоже, не я один. Гэхуд, наверно, горит желанием прихлопнуть меня как муху. Латимер из-за этого и паникует. Ему-то от моей гранаты никуда не деться. Однако пока Гэхуд сдерживается. Видно, хочет припугнуть меня и выудить побольше сведений».

— Кстати, — сказал Фолкейн, — раз уж вы переводчик, не вижу причины, почему бы вам самому не ответить на пару моих вопросов. Вам ведь впрямую это не запрещено?

— Н-н-нет... Я... — Латимер судорожно вздохнул. — Я могу вам сказать... э... название, которое было упомянуто... это... э... поместье.

Гэхуд что-то проревел.

— А теперь отвечайте мне! Вы прибыли с самой Земли?

— Да. Нас отправили исследовать планету-бродягу. — Утверждение, будто «Через пень-колоду» натолкнулся на Сатану случайно, прозвучало бы слишком неправдоподобно. Кроме того, непонятно было бы, при чем тут Лига, готовая отомстить.

Гэхуд, через Латимера:

— Как вы узнали о ее существовании?

Фолкейн, лукаво:

— Да вы, небось, все локти себе искушали, когда обнаружили нас здесь? Вы ведь рассчитывали, что у вас полно времени. Хотели сделать планету неприступной, а? Учтите, друзья, во всей Галактике нет ничего такого, к чему Лига не смогла бы приступить. Как называется ваша родная планета?

Гэхуд:

— Ваш ответ уклончив. Откуда вы узнали? Сколько вас здесь? Каковы ваши дальнейшие планы?

Фолкейн — молчание.

Латимер, сглотнув:

— Э... Не вижу в этом большой беды. Планета называется Датина, народ, живущий на ней, — шенны. В буквах Общего Алфавита: ДАТИНА и ШЕННЫ. Единственное число — шенн. Приблизительно слова эти означают «мир» и «народ».

Фолкейн:

— Обычное дело.

Про себя он отметил, что шенны живут на своей планете. Быть может, у них есть несколько колоний, но вряд ли много. Живут и не высовываются. Иначе разведчики Лиги обнаружили бы их давным-давно. Из этого, естественно, не следует, что они перестают быть врагами — быть может, смертельными врагами человечества. Те сведения, которые для них добывала «СИ», не говоря уж о самом создании фирмы, подтверждают как раз обратное. Одна-единственная планета, как следует вооружен-

ная и искусно ведомая, может взять верх над всей Лигой, вместе взятой, ибо способна причинить значительный ущерб. Даже если ее в конце концов и одолеют, она наверняка успеет уничтожить целые миры с их обитателями.

«Если Гэхуд типичный их представитель, эти шенны запросто могут выкинуть что-нибудь этакое, — подумал Фолкейн. — Слишком, черт побери, много неизвестных, да и противоречий хватает! Ну почему они примчались сюда на такой скорости? Где та пресловутая выдержка, где то долготерпение, с которым создавалась “Сириндипити”? Куда это все вдруг пропало? Чего ради, если уж на то пошло, они поставили на карту свою судьбу — и проиграли, между прочим, — похищая меня?»

— Говорите! — взвизгнул Латимер. — Отвечайте на его вопросы!

— Что? А-а, вопросы, — не торопясь повторил Фолкейн. — Боюсь, что не смогу этого сделать. Мне известно лишь, что наши корабли получили приказ вылететь сюда, проверить ситуацию и доложить по возвращении. Нас предупредили, что кто-нибудь может попробовать перебежать нам дорогу. И все. — Он почесал переносицу и моргнул. — Наше командование отнюдь не жаждет открыть вам, сколько мы о вас уже знаем... откуда и как к нам попала эта информация.

Латимер вздрогнул и, круто повернувшись, принялся что-то объяснять Гэхуду.

Пожалуй, тот был ошеломлен не меньше своего прислужника. Вряд ли он станет утверждать, что Фолкейн врет. Или станет? Он может сделать все что угодно.

Фолкейн застыл в напряжении.

Его выручили тренированные мышцы. Гэхуд отдал приказ. Робот тихонько скользнул к человеку. Тот краем глаза заметил его движение и метнулся в сторону. Опоздай он на долю секунды, и его левая рука оказалась бы в металлических тисках.

Фолкейн вжался в угол.

— Бездари! — прокомментировал он.

Робот снова направился было к нему.

— Эй, Латимер, если эта штука сделает еще хоть шаг, я отпущу палец. Отзовите своего железного пса, или нам обоим крышка!

Латимер пробормотал команду — робот остановился. Тут вмешался Гэхуд: по его приказу машина начала отступать и пятилась до тех пор, пока не уперлась в стену. Минотавр топнул ногой, замахал руками, ноздри его широко раздулись — он гневался, укрывшись за экраном.

Дуло бластера было направлено в грудь Фолкейну. Но рука Латимера дрожала, лицо его исказила гримаса страха. Пусть он посвятил свою жизнь Датине, пусть он готов пожертвовать собой,

возникни такая необходимость, — поведение хозяина, так свободно рисковавшего этой жизнью, вряд ли было ему по душе.

— Кончайте, Тумс, — проблеял он. — Со всем кораблем вам не справиться.

— Пока у меня кое-что получается, — откликнулся Фолкейн. Ему пришлось сделать над собой громадное усилие, чтобы голос не дрожал. — И потом, вы же знаете, что я не один.

— Какой-то крошечный разведкатор... Хотя постойте, вы говорили про других! Кто они? Сколько их? Где они прячутся?

— Вы на самом деле думаете, что я вам все это выложу? Ладно, слушайте и переводите все в точности. Когда мы обнаружили вас, мой корабль отправили установить с вами контакт. Лига предпочитает торговать, а не воевать. Но если дело доходит до драки, мы не успокаиваемся, пока от противника не останется камня на камне. Вы достаточно прожили в Содружестве, Латимер, чтобы подтвердить правоту моих слов. Мне приказано передать вам следующее. Наши заправилы хотят встретиться с вами. Время и место выберите сами и потом сообщите в секретариат Лиги. Кроме того, я должен вас предостеречь относительно беты Креста. Мы здесь были первыми; территория эта — наша, и наш флот уничтожит всякого, кто осмелится посягнуть на наши права. Теперь я возвращаюсь на свой звездолет, а вам советую отправиться восвояси и хорошенько поразмыслить над всем этим на досуге.

Латимер окончательно сник.

— Я не могу... не могу... перевести ему это слово в слово.

— Ну, так не переводите, — Фолкейн пожал плечами. Гэхуд наклонил голову, топнул ногой и взревел. — Однако если вы спросите меня, то он как будто начинает проявлять нетерпение.

Запинаясь на каждом слове, Латимер заговорил с шенном.

«Наверняка смягчит мои выражения, — подумал Фолкейн. — Бедняга. На Луне-то он действовал смело, а здесь его так запугали, что он превратился в раба во всех смыслах. И даже наркотиками накачивать не пришлось, не то что меня. Омерзительное зрелище. А где-то в уголке сознания притаился беззвучный вопль: выпустят они меня или убьют?»

Гэхуд взревел снова, да так громко, что ушам Фолкейна стало больно. По каюте пошло гулять эхо. Датинец ухватился за низ экрана. При установленной на корабле силе тяжести экран этот весил не меньше тонны, но Гэхуд приподнял его и что-то крикнул. Латимер, спотыкаясь, бросился к нему.

«Вот оно, — понял Фолкейн. — Он запустит под экран своего раба, снова закроет вход, а потом прикажет роботу схватить меня. Я его оскорбил и потому должен умереть. Ради этого можно пожертвовать и роботом, и обстановкой...»

Тело его отреагировало мгновенно. Он находился дальше от двери, чем Латимер, и ему еще надо было миновать робота. Но молодость, тренированные мышцы, привычка к работе в скафандре и жажда жизни сделали свое. У витринового экрана он оказался одновременно с Латимером. Экран стоял теперь почти вертикально; между ним и палубой образовался проем шириной не меньше метра. Державший его зверюга не сразу сообразил, что к чему, и Фолкейн успел проскочить внутрь.

И тут же откатился в сторону. Гэхуд отпустил экран, который с грохотом встал на прежнее место, и ринулся на него.

— Нет, нет! — крикнул он. — Уберите его, Латимер! Иначе он станет третьим слоем в нашем с вами пироге!

Раб бросился на хозяина, пытаясь его остановить. Шенн отшвырнул его от себя и прижал к полу. Скафандр с лязгом ударился о металл палубы. Это как будто привело Гэхуда в чувство. Он замер.

Немая сцена. Латимер в полубморочном состоянии корчился под ногами датинца; из носа у него текла кровь. Минотавр в упор глядел на Фолкейна; грудь его высоко вздымалась, воздух со свистом вырывался из ноздрей. Гермесец стоял в нескольких шагах от него, посреди почти не отличавшейся от первой каюты. Светлые волосы его прилипли к мокрому от пота лбу. Он ухмыльнулся и помахал зажатой в руке гранатой.

— Так-то лучше, — сказал он. — Гораздо лучше. Стойте смирно, вы оба. Латимер, я возьму вашу пушку.

Раб попытался было дотянуться до бластера, который лежал неподалеку, но не смог. Гэхуд наступил на оружие ногой и заворчал.

— Ну и держи его... на здоровье, — сказал Фолкейн. Да, кем-кем, а идиотом этого детину не назовешь. Завладей Фолкейн бластером — и граната ему больше ни к чему. Ну да ладно, все равно им деваться некуда. — Проводите-ка меня до саней. Если надумаете звать своих роботов или добрых молодцев, в общем кого угодно, предупреждаю сразу: взорву ко всем чертям! Латимер кряхтя поднялся.

— Добрых молодцев? — озадаченно спросил он. Потом до него дошло. — А, членов экипажа. Нет, мы не будем их звать. — Он перевел свои слова датинцу.

Фолкейн внешне оставался бесстрастным, но внутри у него все пело. Реакция Латимера подтверждала его подозрения, которые превратились почти в уверенность, когда никто не прибежал в кабину на шум и даже не запросил, в чем дело, по телекому.

Гэхуд и Латимер были одни. Флагманский звездолет, подобно всем другим кораблям, был полностью автоматическим.

Но это невозможно!

Хотя, хотя... А если предположить, что на Датине — или в этом Гэхудовом поместье — ощущается острая нехватка, так

сказать, в людях? Шенны вряд ли ожидали, что у беты Креста окажется звездолет Лиги. У них ведь нет оснований думать, будто тайна «СИ» раскрыта. Разумеется, они должны были учитывать возможность встречи с противником, но сочли, видно, что с ним справятся и роботы.

(Причем небезосновательно. «СИ» наверняка известила их, что если Техноцивилизация затевает сколь-нибудь серьезную экспедицию, то оповещает об этом все подвластные ей миры. Поэтому вероятность встречи с Космофлотом была в этом случае крайне мала.)

Скорее всего Гэхуд решил не затруднять себя подбором команды — наверно, это показалось ему пустой тратой времени, а взял с собой всех своих роботов. Единственным живым его спутником был человек, который доставил ему весточку, — раб.

Что же это за цивилизация такая — испытывающая недостаток в профессионалах, плюющая на научное изучение новой планеты и в то же время в области кибернетики оставившая Содружество далеко за спиной?

Гэхуд бросил на пол витриловый экран. Раздался оглушительный грохот. Робот стоял как вкопанный. Фолкейн вслед за своими пленниками пересек переднюю, спустился по гравиколодцу и прошел по коридору до шлюза.

Времени, чтобы составить план, у него по дороге было достаточно.

— Так, — сказал он, — я бы взял в заложники вас обоих, но боюсь, Гэхуд раздавит мое суденышко. Понятно, Латимер?

— Нет! — отшатнулся тот.

— Да. Мне нужна гарантия, что меня не подстрелят на обратном пути.

— Но неужели вы не понимаете? Мои... то, что я знаю... что вы можете узнать от меня... он не допустит этого!

— Я уже все прикинул. По-моему, он не так уж и рвется испепелить вас. Вы нужны ему — и не только как переводчик. Иначе он не взял бы вас с собой.

«В Солнечной системе за тобой закрепилась слава искусного пилота, Хью Латимер. И ты — единственный член его экипажа (надеюсь, он не подозревает, что я об этом догадался). Без тебя ему придется туго, даже со всеми этими роботами. Домой-то он, разумеется, вернуться сможет, а вот осмелится ли он на что-нибудь еще, пока у него есть сомнения, наврал ли я ему насчет армады за моей спиной или нет? В конце концов, откуда мне знать, вдруг вы друзья?»

— Так что, пока вы со мной, я в относительной безопасности. Верно? Прокатитесь до моего звездолета, а там я вас отпущу. Хозяин нащупает вас лучом радара и подберет. Передайте ему, что если по прошествии известного времени он не

обнаружит вас барахтающимся в космосе, то может открывать огонь.

Латимер заколебался.

— Быстрее! — рявкнул Фолкейн. — Переводите, потом скажете мне его решение. Мой палец уже устал.

Откровенно говоря, он опасался, как бы враги его не учинили какую-нибудь каверзу.

— Хорошо, — угрюмо согласился Латимер. — Но бластер я возьму с собой.

— Тогда я не стану выбрасывать гранату. Вот и договорились. Пошли.

Латимер произнес команду. Люк начал медленно закрываться. Фолкейн бросил прощальный взгляд на Гэхуда. Минотавр с ревом бегал по коридору, стуча кулаками по переборкам.

Сани ожидали их. Фолкейн приказал Латимеру лезть внутрь, выразительно кивнув на гранату, потом забрался сам. Они кое-как разместились в кокпите. Управлять санями в такой тесноте можно было лишь одной рукой, поэтому старт у Фолкейна получился неуклюжим. Выбравшись из порта, он предоставил корабль его собственной воле, а сам принялся вызывать «Через пень-колоду».

— Дэвид! — раздался в наушниках голос Чи Лан. — Ты свободен! Ян-тай-и-лирх-ю!

— Нам с тобой придется улепетывать во все лопатки, — сказал он по-английски, чтобы понял Латимер. — Дай мне направляющий луч. Будь готова втянуть меня на борт и запустить двигатели. Да, кстати, сначала мне надо будет посадить пассажира.

— Заложник, что ли? Пень, хватит валять дурака. Слышал, что приказал капитан?

Через минуту Фолкейн передал управление автопилоту. Сани двигались ровно; гигантская тень линкора постепенно отдалялась. Гермесец поглядел на поникшего Латимера.

Тот сидел, сгорбившись и поджав ноги; лицевой щиток его шлема посверкивал в тусклом мерцании звезд и огоньков на панели управления. Бластер уперся ему в живот.

— Вряд ли Гэхуд начнет в нас палить, — сказал Фолкейн тихо.

— Сейчас — да, — устало отозвался Латимер.

— Ну-ну. Как насчет расслабиться? Прогулка нам предстоит довольно нудная.

— А как же эта штуковина у вас в руке?

— Мне она не мешает. Это такая же мера предосторожности, как и ваш бластер. Но мы можем открыть шлемы, угостить друг друга сигаретами...

— Не курю, — заявил Латимер. — Однако... — Вслед за Фолкейном он поднял лицевой щиток. — Да. Хорошо... разжаться. — Он вздохнул.

— Зла я на вас не держу, — сказал Фолкейн не вполне искренно. — Мне просто хочется, чтобы дело не закончилось стычкой.

— Мне тоже. Я восхищен вашим мужеством. Вы вели себя в этой ситуации почти как шенн.

— Может, вы мне объясните в общих чертах, из-за чего весь переполох?

— Нет, — Латимер снова вздохнул, — лучше уж я вообще замолчу. Только вот... как там они? Мои друзья из «Сириндипити»?

— Ну, дела у них обстоят...

Латимер уселся поудобнее, и Фолкейн понял, что у него есть шанс. По правде сказать, он готов был ждать, сколько понадобится, готов был даже отказаться от своей задумки, если не представится подходящего момента. Сани уже настолько отделились от линкора, что никакой сканер не сможет определить, что происходит в их кокпите. Если не считать направляющего луча Пня и следящего Гэхуда, они предоставлены сами себе.

Латимер притулился рядом с Фолкейном; голова его находилась примерно на уровне плеча гермеса. Бластер лежал на коленях.

— ...вот так, — закончил Фолкейн. А ну! Левый его кулак, утяжеленный зажатой в нем гранатой, ударил по пистолету — тот отлетел к стенке. Правая же рука его змеей проскользнула под открытый лицевой щиток шлема и сдавила горло Латимера.

Глава 17

Латимер все-таки успел один раз выстрелить, пытаясь вырваться. Но потом затих.

Тяжело дыша, Фолкейн чуть ослабил хватку.

— Обстоятельства, — пояснил он пространству.

Воздух с шипением вырывался через дырку в борту. Но дырка эта уже начала затягиваться, а резиновые кислородные баки привели давление внутри кокпита в норму. Он засунул бластер себе за пояс и оглянулся. На эскадре шеннов все было спокойно. Да и трудно было предположить, что на таком расстоянии можно заметить короткую вспышку и тонкую завесу водяного тумана.

Избавиться от гранаты было потрудней. Фолкейн с помощью двигателей развернул сани перпендикулярно курсу, так, чтобы мини-шлюз был обращен не к линкору. Клапаны этого шлюза представляли собой набор сфинктерных диафрагм по обеим сторонам жесткого цилиндра. При подобной конструкции незначительная утечка воздуха была практически постоянной; да и

при посадке и высадке терялось довольно большое количество газа. Но этот недостаток компенсировался высокой скоростью саней. Да и, в конце концов, они ведь были предназначены для коротких перебежек по космосу. Закрыв лицевой щиток, Фолкейн уперся ногами в стенку — голова и плечи оказались снаружи. Почти без размаха он швырнул гранату. Та взорвалась на сравнительно безопасном расстоянии. Пара-тройка осколков срикошетила по обшивке, да и только.

— Хорьки! — бросил он.

Левая рука болела. Он подвигал пальцами, пытаясь расслабить кисть, потом юркнул внутрь саней. Латимер начал приходить в себя. Волей-неволей — что за грубое обращение с человеком? — Фолкейну пришлось снова чуть его придушить. Так он выиграл несколько секунд, за время которых успел вывести сани на прежний курс, пока Гэхуд ничего не заметил и не исполнился подозрений.

Он осторожно уселся напротив Латимера, вытащил из-за пояса бластер, открыл свой шлем и стал ждать. Пленник шевельнулся, огляделся, вздрогнул и подобрался словно для броска.

— Не стоит, — сказал Фолкейн. — Или вы умрете. Встаньте. Пробритесь в заднюю часть саней и снимите скафандр.

— Что? Логра доадам! Ах ты, свинья!..

— Живее, — приказал Фолкейн. — Теперь слушайте: убивать вас я не намерен. Мораль и все прочее здесь ни при чем — из вас вышел отличный заложник. Но к Гэхуду вы не вернетесь. Ему придется обойтись без вашей помощи. Если вы попытаетесь помешать мне, я убью вас, как паршивую собаку. Раздевайтесь.

Еще не совсем пришедший в себя Латимер повиновался. Фолкейн заставил его расстегнуть скафандр.

— Мы выкинем его в подходящий момент, и ваш босс решит, что это вы, — пояснил он. — Пока он разберется, что к чему, вас уже тут не будет.

Ответом ему были рычание и гневный взгляд.

— То, что мне рассказывали о вас, людях, правда. Теперь я сам в этом убедился. Злобные, вероломные...

— Засохни, Латимер. Я с вами договоров не подписывал, присяг не приносил. Не так давно вы и сами не прочь были изменить правила переговоров. И гостеприимство в вашем замке на Луне я пока что не забыл.

Латимер отшатнулся.

— Фолкейн, — прошептал он.

— Так точно. Капитан Дэвид Фолкейн собственной персоной. С жалобой на отравление цианистым водородом и с кучей причин подозревать вашу шайку в темных делишках. Или вы станете утверждать, что отправились на прогулку? Ничего себе прогулка! Сиди тихо, пока я тебя не поджарил!

Последнее предложение он произнес таким голосом, что вконец запуганный Латимер застыл в своем углу, даже не пытаясь возражать.

Фолкейн и сам изумился. «Я ведь и в самом деле готов был выполнить свою угрозу. Что за черт? Я же хотел всего лишь припугнуть его, чтобы он не догадался о моих планах и в отчаянии не бросился на меня. Но эта ярость... О небо!» Он вздрогнул.

Время шло. Вражеские звездолеты становились все меньше, «Через пень-колоду» приближался. Когда сани были почти рядом с кораблем, Фолкейн приказал Латимеру вытолкнуть через мини-шлюз пустой скафандр. Процедура эта была довольно трудоемкой, но Латимер не издал ни звука.

— Возьми нас на борт, Чи, — сказал Фолкейн.

Из корпуса звездолета вырвался гравилуч. Фолкейн отключил двигатель. В борту корабля открылся грузовой люк. Едва сани встали на свое место, защищенные теперь от перегрузок полем тяготения «Через пень-колоду», Чи перевела двигатели на полную мощность. Корпус звездолета мелко задрожал; послышался ровный гул.

Цинтианка сбежала вниз навстречу людям. Они только что выбрались из саней и стояли теперь, разглядывая один другого в холодном свете ламп. Чи направила на Латимера свой станнер.

— Вот оно как, — пробормотала она. — Я так и предполагала, Дэвид. Куда мы запрем этого клонга?

— В лазарет, — ответил Фолкейн. — Чем скорее мы с ним разберемся, тем лучше. За нами могут устроить погоню, но если мы отправим домой другую нашу капсулу, да еще кое с чем внутри...

Он тут же раскаялся, что произнес это все по-английски. Латимер понял, что с ним хотят сделать, взвизгнул и кинулся грудью на бластер. Движения Фолкейна были стеснены скафандром, и он не успел уклониться от нападения. Мужчины покатились по палубе. Чи Лан угрем проскользнула между ними и оглушила Латимера выстрелом из станнера.

Тело того обмякло. Фолкейн поднялся, тяжело дыша; он дрожал.

— Надолго он отключился?

— На час-другой, — ответила цинтианка. — Но надо приготовить все заранее. — Она сделала паузу. — Я же не психотехник, чтобы так вот, раз — и все. И потом, у нас нет полного набора лекарств, которые в этом деле применяются, и электроэнцефалических индукторов тоже нет. Я не уверена, что смогу много из него выкачать.

— Не сомневаюсь, что ты с ним справишься, — сказал Фолкейн. — Ты же у нас теперь опытный врач. Кстати, с тех пор как ты меня лечила, оставалось полно всяких медикаментов. Узнай у него хотя бы координаты Датины — это их планета.

— Оттащи его наверх. Потом, если только ты в состоянии, возьми на себя управление кораблем.

Фолкейн кивнул. Его начала одолевать усталость — реакция на пережитое напряжение. Тело Латимера показалось ему чудовищно тяжелым. На худом лице пленника застыла страдальческая гримаса, словно в предчувствии того, что его ожидало.

— Дурошлеп, — пробормотал Фолкейн с сарказмом.

Кофе с сэндвичем и пять минут под душем, во время которых он по интеркому повествовал о своих похождениях, придали ему сил. На мостике он появился в прекрасном расположении духа.

— Как дела, Пень? — спросил он.

— Что касается нас, то мы на пределе скорости возвращаемся к бродячей планете, — отозвался компьютер. Гэхуд наверняка решит, что они на всех парах мчат под крылышко боевых кораблей. — Состояние систем звездолета удовлетворительное, хотя колебания линейного напряжения в цепи сорок семь свидетельствуют о неисправности регулятора, который нужно будет заменить при первой же посадке в любом космопорту.

— Исправить, — поправил Фолкейн автоматически.

— Заменить, — повторил Пень. — Пока в имеющихся в наличии данных будет утверждаться, что в терминах предписанного мне словаря мастер ван Рийн поддается описанию, нелогично, чтобы на мою работу влиял, пусть даже отчасти...

— Великий Вилли! Мы можем через час оказаться в облаке радиоактивного газа, а ты требуешь себе новый регулятор напряжения! Может, тебе его еще золотом покрыть?

— Эту возможность я не учитывал. Разумеется, покрыть можно только корпус. Это должно неплохо выглядеть при условии, конечно, что все другие аналогичные блоки будут сделаны подобным образом.

— Заткни мельницу, — сказал Фолкейн. Он крепко закусил черенок трубки. — Что противник?

— Гравилуч с эсминца захватил скафандр; в данный момент последний находится рядом с линкором...

— Который возьмет его на борт, — закончил Фолкейн уверенно. Пока дела идут так, как он и предполагал... пока. У Гэхуда еще какое-то время уйдет на то, чтобы во всех подробностях растолковать своим кораблям, что от них требуется.

Да, у этих звездолетов высокая скорость и точность наведения на цель, но вот с принятием решений у них туговато. Как и у любых других роботов, построенных любой другой цивилизацией. И вовсе не из-за отсутствия мистических жизненных сил. Дело тут скорее всего в физической организации живого существа. Помимо мозга, органов чувств и, если можно так выразиться, эффекторов, то бишь рук, щупалец и тому подобного — систем, которыми обладает любой робот, — в организме живого

существа имеются всякие разные железы, лимфатические узлы, сердце, наконец. Другими словами, организм этот есть ультрасложный комплекс инстинктов, развившихся за миллиарды лет безжалостной эволюции. Живое существо мыслит не с исключительной полнотой, но способно к самым отвлеченным абстракциям, цели свои оно определяет само, а потому может их бесконечно варьировать. Робот же выполняет только то, для чего он предназначен. Самообучающиеся машины вышли за эти пределы и даже где-то приблизились к настоящему интеллекту. Но все равно — они остаются в определенных рамках, и рамки эти значительно уже, чем у существ, создавших такие машины.

Естественно, если поставленная перед роботом задача соответствует его назначению, он выполняет ее куда лучше, чем живое существо. Прикажи Гэхуд своим кораблям уничтожить «Через пень-колоду», и спор рас будут решать звездолеты, компьютеры и оружейные стволы.

Ой ли?

Фолкейн сидел размышляя, барабанил пальцами по подлокотнику кресла; едкий дым трубки окутывал мерцающие на экранах звезды.

Голос Чи прервал его раздумья:

— Твой подопечный лежит на столе. Внутривенная инъекция ему сделана, мозг и блуждающий нерв на контроле, аппарат поддержания жизни готов. Я сделала все, что могла. Разбудить его электрошоком?

— Подожди немного. Для него это будет слишком тяжело. Нам ни к чему причинять ему вред, если без этого можно обойтись.

— Это почему еще?

Фолкейн выдохнул:

— Объясню как-нибудь в другой раз. Просто мне кажется, если мы будем обращаться с ним аккуратно, нам больше удастся узнать.

— Тогда уж лучше обратиться в хорошо оборудованную лабораторию.

— Это будет нарушением закона, причем столь серьезным, что вряд ли кто согласится на него пойти. Так что придется уж нам самим... Мы, правда, тоже нарушаем закон, но на это могут посмотреть сквозь пальцы, благо мы за тридевять земель от цивилизованных миров. Вот чего я не могу сказать, так это, даст ли Гэхуд нам несколько дней передышки, чтобы ты успела произвести полный анализ.

— Кстати, какое у тебя от него впечатление?

— В душу я к нему не заглядывал. Но даже будь я с ним хорошо знаком — а я знаю только, что он кидается на противника, как бык на красную тряпку, — даже тогда мне трудно было бы что-либо утверждать. С одной стороны, у нас на борту остался в качестве заложника его доверенный слуга. К тому же

у него есть причины подозревать, что у Сатаны нас ожидают друзья. Так что он может плюнуть на потери, вернуться домой и сообщить обо всем своим родичам. С другой стороны, он может быть настолько смел, разгневан, напуган, что Латимер откроет нам нечто жизненно важное для него, что нападет на нас.

— Предположим, он поступит именно так.

— Нам придется улепетывать во всю мочь. Хочешь жить — умей вертеться. Быть может, нам удастся сбить его со следа где-нибудь в облаке Прайора. А может, мы просто оставим за спиной его тяжелые корабли, и он сам отзовет эсминцы, когда... Что там? Докладывай!

На экране замелькали огоньки. Пень сообщил:

— Они преследуют нас.

— Точка randevу? — потребовала Чи.

— Произвести полный и точный расчет, учитывая скорость, с которой мы движемся, пока не представляется возможным. Однако, — компьютер сделал паузу, — да, эсминцы следуют параллельным курсом с чуть большим ускорением. При такой скорости они нагонят нас менее чем через одну астрономическую единицу.

— А палить начнут и того раньше, — заключила Чи. — Пойду-ка я к Латимеру.

— Давай, — согласился Фолкейн неохотно; он уже пожалел, что захватил пленника.

— Включи гипера, — посоветовала через некоторое время Чи по интеркому.

— Рано еще, — сказал Фолкейн.

— Чи-ин-пао?

— Мы пока в безопасности. Продолжай движение к Сатане, Пень. Быть может, они захотят проверить мои слова.

— Ты так считаешь? — скептически осведомилась цинтианка.

— Нет, — признался Фолкейн. — Но что мы теряем?

«Немногое, — ответил он сам себе. — Шансов выбраться из этой заварухи живым мало. Однако на данный момент я ничего не могу сделать».

Храбрость в нем воспитали, а вот стремление радоваться жизни было у Фолкейна врожденным.

Теперь он проводил время, выделяя отдельные факты из окружавшей его действительности. Звезды ярко сияли в космической ночи. Корабль представлялся ему малым домом, заполненным рокотом двигателей, шумом вентиляторов, запахом химикалий, музыкой — если есть желание ее слушать, — всякими разными безделушками, которые он набрал за годы скитаний. Привкус табака приятно пощипывал нёбо. При вдохе грудь его расширялась, воздух проходил через ноздри и оказывался в

легких. Кресло просело под его телом; и даже сидя он продолжал поигрывать мускулами, продолжая этот бесконечный танец, в котором партнершей его была Вселенная. Рукава комбинезона, в который он переоделся, были чуточку шершавыми, и кожа на одной руке зачесалась. Сердце его билось быстрее, чем обычно, но привычно гулко, и это его радовало.

Его охватывали воспоминания. Мать, отец, сестры, братья, придворные, старые, много на своем веку переживавшие солдаты, крестьяне, большие залы родового замка на Гермесе. Охота в лесу, купание в волнах прибоя, кони, лодки, авиетки, звездолеты. Роскошные застолья. Кусок черного хлеба с сыром, бутылка дешевого вина, ночь с симпатичной девчонкой... Неужели женщин и в самом деле было так много? Да. Как здорово! Однако в последнее время он все чаще и чаще мечтал встретить такую девушку, с которой можно было бы дружить, как вот с Чи или с Эдзелом. Но разве мало ему этих друзей? Разве кочевая жизнь от одной дикой планеты к другой не спаяла их в одно целое?

И что сулит эта, быть может, последняя в его жизни — Сатана? Пусть повезет тому, кто захватит бродягу — кем бы он ни был.

Откуда им знать, что это такое? Они ведь никогда не были на ее поверхности. Откровенно говоря, Гэхуда вряд ли можно винить. Ему ведь тоже не терпится узнать, что это за планета. Тот факт, что мне это известно, что я на нее высаживался, лишь подстегивает его...

«Ну-ка, ну-ка! Не упустить бы эту мысль! Я ведь уже думал о чем-то подобном, но тогда Чи перебила меня...»

Фолкейн забыл обо всем на свете. Вдруг из интеркома раздался встревоженный голос цинтианки:

— Эй, ты чего?

— А? — Человек вздрогнул. — Нет, ничего, нормально. Как дела?

— Латимер отвечает мне, но пока бессвязно. Его состояние хуже, чем я полагала.

— Психический шок, — не раздумывая, поставил диагноз Фолкейн. — Его заставили предать хозяина — отчасти даже бога.

— Мне кажется, я смогу поддержать его в таком состоянии достаточно долго, чтобы он ответил на пару вопросов. Что там враг, Пень?

— Эсминцы сократили расстояние, — доложил компьютер. — Как скоро они откроют огонь, зависит от типа их оружия. Но по моим расчетам это произойдет скоро.

— Попытайся вызвать по радио линкор, — приказал Фолкейн. — Может, они... он пойдет на переговоры. Тем временем подготовь все к переходу на гипера при первом же признаке атаки. Уходить будем к Сатане.

Чи, по всей видимости, не расслышала его последних слов или была слишком занята, чтобы отреагировать. Из интеркома доносились ее реплики, бессвязное бормотание Латимера, гудение медицинских аппаратов.

— Должен ли звездолет перейти на обычные двигатели, когда мы достигнем планеты? — поинтересовался Пень.

— Да. А пока измени ускорение движения. Мне нужна почти нулевая кинетическая скорость относительно цели, — сказал Фолкейн.

— Но это означает замедление, — предостерег Пень. — Мы сравнительно быстро окажемся в пределах досягаемости орудий противника.

— Ничего. Как ты считаешь, удастся тебе найти подходящее место для посадки?

— Не уверен. Когда мы улетали, метеорологическая активность и диастрофизм возрастали почти по экспоненте.

— Не горюй. Уж одно-то местечко на целой планете отыскать можно. И потом, ведь в памяти твоей хранятся биллионы битов данных по Сатане — так что ты с ней, можно сказать, знаком. Просмотри-ка их и займись выбором места. Я смогу дать тебе лишь общие указания, а решения ты будешь принимать сам. Ясно?

— Полагаю, что вы хотите знать, полностью ли усвоена предложенная вами программа. Полностью.

— Хорошо, — Фолкейн хлопнул ладонью по ближней консоли и улыбнулся; улыбка вышла почти радостной. — Вот выберем из этой заварухи, и ты получишь свои золотые регуляторы. Если понадобится, я оплачу их из собственного жалованья.

Изменения силы тяжести внутри корабля не чувствовалось; прежними остались очертания созвездий на экранах дальнего вида; как и раньше, ослепительно сверкала бета Креста. Но показания приборов говорили о том, что звездолет сбавляет скорость. На увеличительных экранах серебряные блески — корабли Гэхуда — превратились сперва в черточки, потом в игрушечные кораблики и наконец — в боевые звездолеты.

— Есть! — воскликнула Чи.

— Что? — спросил Фолкейн.

— Координаты. В стандартных единицах. Но он потерял сознание. Пожалуй, надо кончать допрос, а то он очокурится.

— Ладно. Да, пристегни его ремнями. Нам, быть может, придется нырнуть в атмосферу Сатаны. Компенсаторы могут и не справиться.

Чи помолчала. Потом задумчиво произнесла:

— Понятно. Ну что ж, неплохо.

Фолкейн принялся грызть черенок трубки. Нет, ждать — это хуже всего. Гэхуд наверняка определил изменение вектора, наверняка заметил эту попытку якобы рандеву, наверняка за- сек хотя бы один из коммуникационных лучей, тянувшихся на

разных частотах к его флагманскому кораблю. Но ничего не изменилось: погоня продолжалась, а ответом Фолкейну был лишь сухой треск помех.

«Только б он отозвался... только б отреагировал... Великое небо, нам вовсе не хочется драться!»

На экранах сверкнула белая вспышка, на мгновение затмившая звезды. Зазвучали колокола тревоги.

— По нам был произведен энергетический залп, — сообщил Пень. — Дисперсия на таком расстоянии достаточно велика, поэтому повреждения — минимальные. Принимаю меры для уклонения от атаки. Противник выпустил несколько ракет. Судя по их поведению, это самонаводящиеся торпеды.

Фолкейн забыл сомнения, страхи и гнев. Он был теперь только воином.

— Уходим на гиперках к Сатане, — сказал он ровным голосом. — На одной десятой мощности.

Небо на экранах задрожало, барабанным перепонкам стало больно от изменившегося ускорения; затем все пришло в норму, лишь пол под ногами дрожал чуть сильнее обычного. Быстрее света звездолет устремился к ослепительной бете Креста.

— Так медленно? — спросила Чи Лан.

— Иначе нельзя, — отозвался Фолкейн. — Я хочу понаблюдать, что они предпримут.

Приборы сообщили, что эскадра противника затерялась где-то в миллионах километров позади.

— Они не перешли сразу на гипер, — подытожил Фолкейн. — Я так думаю, они сначала попытаются более-менее сравняться с нашей кинетической скоростью. Из чего следует, что при первой же возможности они атакуют нас снова.

— Ты думаешь, нам удастся отсидеться на Сатане?

— Не знаю. Я так предполагаю, они остановятся на некотором удалении от планеты, — Фолкейн отложил трубку. — Будь Гэхуд хоть трижды вспыльчивым, сомнительно, чтобы он очертя голову кинулся в неизвестность вместе со своими роботами. Нет, он подождет, пока не выяснит, как обстоят дела. А время работает на нас.

— Определены импульсы гипердвигателей, — доложил компьютер через несколько минут.

Фолкейн присвистнул.

— Скоренько они замедлились, однако! Ну ладно, ноги в руки и вперед. Нам вовсе ни к чему, чтобы они догнали нас при подходе к Сатане.

Рокот двигателей превратился в перестук барабанов, в грохот, в рев. Пламя беты Креста, казалось, готово поглотить звездолет. Компьютер сообщил:

— Нас преследует вся эскадра, за исключением одного, положительно самого большого, корабля. Крейсера отстали, но эсминцы приближаются. Тем не менее мы достигнем цели на несколько минут раньше.

— Сколько тебе потребуется времени на сканирование планеты и вычисление курса?

Щелк. Щелк-щелк.

— Будет достаточно ста секунд.

— Уменьши скорость настолько, чтобы мы оказались у цели на, скажем, три минуты раньше первого из эсминцев. Спуск в атмосферу начать через сто секунд после перехода в нормальный режим. Скорость — максимально возможная.

Рев двигателей стал чуть тише.

— Ты сам-то пристегнулся, Дэвид? — спросила Чи.

— А?.. Нет, конечно, — Фолкейн только что это заметил.

— Ну, так пристегнись! Ты считаешь, мне очень хочется отскребать потом палубу от этой овсяной каши, которую ты именуешь своими мозгами? Тоже мне, младенец — всему его учить надо!

Фолкейн не сдержал улыбки:

— О себе не забудь, пушистик.

— Пушистик?! Ах ты!.. — на него обрушился поток брани.

Фолкейн сел в пилотское кресло и пристегнул ремни. Чи надо было отвлечь от мысли, что сейчас она не хозяйка своей судьбе. Обитателям Цинтии с этим труднее свыкнуться, чем людям.

Наконец они вышли к бродяге. Звездолет выскочил из гиперпространства. Взрели двигатели, задрожал и застонал металл корпуса — это продолжалось лишь несколько секунд.

Планета была сравнительно близко; по крайней мере, на экранах просматривалась большая часть освещенного полушария. Зрелище было впечатляющее: штормовые облака, молнии, обезумевшие ветры, вулканы, лавины, наводнения, гигантские волны, вздыбившиеся вдруг посреди океанов и распадающиеся на клочья пены; плотная стена дождя, града, обломков камней — один сплошной катаклизм под демоническим диском звезды. На миг Фолкейну показалось, что на всей планете нет места, куда мог бы сесть корабль, и он приготовился к смерти.

Но звездолет Лиги продолжал движение. По похожей на траекторию кометы орбите он устремился к Северному полюсу. Постепенно опускаясь, он вошел в верхние слои атмосферы, которым полагалось быть разреженными — но от соприкосновения с которыми корабль вздрогнул.

Звездолет окружала тьма, пронзаемая лишь вспышками молний. Фолкейн бросил взгляд на кормовой экран. Показалось ли ему, или он в самом деле заметил акульи формы кораблей Гэхуда? Клочья облаков затрудняли видимость. Раскаты грома,

грохот, звон металла наполнили корабль, заполнили череп чело- века, проникли к нему в душу. Установленные внутри корпуса регуляторы поля не справлялись уже с нагрузкой. Палуба дро- жала, раскачивалась, уходила из-под ног, круто вздымалась вверх. Что-то ударилось обо что-то и разбилось. Замигали лам- почки.

Фолкейн попытался разглядеть приборную доску. Так, ис- точники ядерной энергии за кормой приближаются... ба, все девятнадцать! Гэхуд не хочет упускать добычу.

Они были предназначены для ведения воздушных боев. Они получили приказ догнать и уничтожить земной звездолет. Они были роботами.

Они не умели размышлять. У них не было данных, которые подсказали бы, насколько опасна эта планета. Они не имели приказа ожидать дальнейших распоряжений, если обстановка вдруг изменится. Кроме того, они засекли маневрирующий в атмосфере корабль, который был меньше их по размерам.

И устремились за ним на полной скорости.

Пень определил приближающийся ураган и вычислил его силу и направление движения. Это был обычный ураган со ско- ростью километров двести—триста в час, нечто вроде мертвой зоны в могучей буре, полосовавшей сейчас континент и гнавшей перед собой чуть ли не пол-океана. Никакой звездолет, имей он даже на борту самообучающийся компьютер со всеми необходи- мыми данными, не смог бы долго противостоять этой буре.

А эсминцы столкнулись с ней грудь в грудь. Шторм под- хватил их, как ноябрьский ветер в северных краях Земли под- хватывает опавшие листья. С некоторыми из них он еще поиграл, то роняя их до края облаков, то подкидывая до верхней своей границы, и лишь потом отшвырнул. Другие корабли разнесло на кусочки камнями, которые увлек за собой шторм, и они затеря- лись во вспененном воздухе. Третьи разбились о горные склоны. Те обломки, что не унесла с собой буря, упали на грунт и через неделю превратятся в грязь, пыль, песок. Словно и не бывало этих девятнадцати боевых кораблей.

— Вверх! — гаркнул Фолкейн. — Определи положение крейсеров! Используй облачное прикрытие! Вряд ли они нас об- наружат за таким клубком разрядов.

Звездолет накренился так, что Фолкейну стало дурно. Медлен- но, сражаясь за каждый сантиметр, «Через пень-колоду» начал подниматься. Случайно он натолкнулся на воздушное течение, которое повлекло его за собой над всеми бурями, но под обшир- ным слоем конденсирующегося пара, турбулентные массы которо- го превращали небосвод в подобие ада. Радарам звездолета вся эта плотная облачная масса была нипочем. Они засекли противника.

Крейсеры не собирались совершать посадку на планету. Они оставались на орбите на случай возможного нападения из кос-

моса. Все их датчики, все их приборы прошупывали пространство. Расположились они неосторожно близко друг к другу. Это ведь тоже были корабли-роботы, строители которых веровали больше в силу, чем в разум.

Фолкейн выпустил три из четырех своих ядерных торпед. Две достигли цели, третья была перехвачена на полпути. Скрепя сердце он пожертвовал четвертой, последней. Судя по показаниям приборов, она угодила почти в «яблочко».

Подбитый крейсер начал отступать. К нему присоединился линкор, зловещая туша которого маячила на полудюжине экранов. Оба звездолета перешли на гипердвигатели и исчезли в направлении Циркуля.

Фолкейн заулюлюкал.

Постепенно он успокоился.

— Выбираемся в космос, Пень. Рассчитай орбиту сразу за атмосферой. Двигатели — на самую малую мощность. Ни к чему напоминать о себе Гэхуду. Вдруг ему взбредет в голову вернуться?

— Как по-твоему, что он предположил? — голос Чи был таким слабым, что Фолкейн едва расслышал вопрос.

— Не знаю. Все что угодно. Он мог решить, что у нас имеется некое тайное оружие. Он мог решить, что мы нарочно заманили его эсминцы вниз на верную гибель, а торпедами его атакowali наши приятели. А может, ему открылась истина, но он решил, что, раз его эскадра наголову разбита и что вот-вот тут может появиться флот Лиги, ему лучше смотать удочки.

— Значит, мы его перехитрили, а? — в усталом голосе Чи послышалась нотка торжества.

— Кто это «мы», котенок?

— Я ведь раздобыла для тебя эти координаты. Самые, разрази их гром, важные сведения из всех, что нам удалось получить.

— Верно, — согласился Фолкейн, — считай, что я попросил прощения. Как Латимер?

— Мертв!

— Что? — Фолкейн выпрямился. — Почему?

— Когда мы кувыркались, аппарат поддержания жизни вышел из строя. А в том состоянии, в котором находился его организм... В любом случае сейчас предпринимать что-либо уже поздно: слишком много времени прошло.

Фолкейн представил себе равнодушный жест, которым Чи Лан сопровождала свои слова. Она, наверное, думает: «Жалко, конечно. Но главное-то мы у него успели узнать. И сами остались в живых».

Мысли его перескочили на другое: «Бедняга. Ну что ж, я отомстил. Отомстил за свое унижение. Но не скажу, чтобы я был от этого в восторге».

Было непривычно тихо. Звездолет вышел в открытый космос, и на экранах снова засверкали звезды.

Фолкейн поймал себя на том, что не испытывает больше сожаления. Его переполняла радость победы. Ничего, они отдадут своему врагу последние почести, и тело его исчезнет в грозном пламени красавицы звезды. А потом «Через пень-колоду» направится к Земле.

«Нет, — мысль словно ожгла его. — Нет. Домой нам возвращаться еще слишком рано».

Ведь борьба за выживание только началась.

Глава 18

Природа хорошо продумала свои законы, и потому новые научные открытия редко отменяют их. В большинстве случаев они становятся приближениями или исключениями или требуют точного описания. Поэтому — хотя расширив свои познания в физике, мы получили возможность делать то, что Эйнштейн считал невозможным, например, пересекать расстояние в один световой год менее чем за два часа, — выведенные им ограничения на одновременность не потеряли своего значения. Неважно, какой скорости мы можем достичь — все равно величина ее останется конечной.

Именно это и пытался доказать Эдзел.

— Спрашивать, что делают наши друзья «сейчас», когда нас разделяет межзвездное пространство, не совсем корректно. Конечно, вот они вернутся, и мы сверим часы и обнаружим, что время на борту их корабля текло так же. Но сравнивать любой временной интервал у нас с любым временным интервалом у них там — это значит брать с потолка.

— Ха! — хмыкнул Николас ван Рийн, взмахнув руками. — Ха! Возьми свой ответ хоть оттуда же, но объясни мне, в чем дело. Черт побери, они улетели четыре месяца назад! Но до этой — как там ее, бл*ть Креста? — всего-то две недели лету! Не иначе как на той планете ледники из пива да из бренди, — что еще могло бы задержать этих паршивцев!

— Понимаю вашу озабоченность, — сказал Эдзел спокойно. — По правде сказать, мне тоже немного не по себе. Но передаточная капсула — это не звездолет типа «Через пень-колоду»: она движется куда медленнее. Отправь они одну такую капсулу сразу по прибытии на место, она вот-вот должна появиться в Солнечной системе. Однако по логике вещей вряд ли они поступили именно так. Дэвид наверняка уже оправился — по крайней мере настолько, чтобы понять, что вы постараетесь выкачать из компьютера «СИ» всю ту информацию, которую некогда получил сам. Ради чего тогда тратить капсулу лишь затем, чтобы известить нас о существовании бродяги? Нет, они с Чи Лан

сперва соберут достаточно сведений, а потом уж все остальное. Если им повезет, они избегнут опасностей, связанных с отправлением письменного сообщения. Вероятно, они на пути домой... и скоро прибудут... если прибудут вообще...

Его огромное чешуйчатое тело оторвалось от палубы, на которой он лежал, отдыхая. Согнувшись в три погибели, он встал; хвост его очутился в соседнем помещении. Звонко зацокали по металлу палубы копыта. Он сделал несколько кругов вокруг капитанского мостика, потом остановился и бросил взгляд на экраны, опоясывающие по периметру отсек.

Звездолет двигался в открытый космос, постепенно наращивая скорость. Земля с Луной превратились уже в две точки — голубую и золотую; Солнце заметно уменьшилось в размерах. Впереди мерцали звезды южной половины небосвода. На носовом экране, нацеленном на созвездие Циркуля, возник какой-то загадочный предмет. Но взгляд Эдзела был устремлен в другую сторону: одинит разглядывал вторую по яркости звезду Южного Креста.

— Можно вернуться и подождать, — предложил он. — Быть может, сударыня Белдэниэл согласится взять назад свою угрозу отменить встречу. Быть может, угроза эта — одни лишь слова?

— Нет, — отозвался ван Рийн из глубины своего кресла. — Как будто нет. Как я выяснил, пока мы тут с ней толковали, она слов на ветер не бросает. Палец ей в рот не клади — мигом откусит. Так что нам лучше поверить ей, если она говорит, что ее боссы не особенно-то рвутся встретиться с нами, и что она не может гарантировать их явку на место randevu, и что если мы сделаем что-нибудь такое, что не понравится им или ей, и она отсоветует им вступать в переговоры, то они со всех ног бросятся обратно домой.

Он пыхнул трубкой, добавив еще один клуб дыма к той голубой завесе, которая уже окутывала мостик.

— Нам о них практически ничего не известно, тогда как они знают о нас очень много, — продолжил он. — Эрго: когда дело дойдет до встречи и до обмена мыслями, мы будем покупателями на рынке продавца и сможем только вежливо попросить их, чтобы они не заламывали слишком высокую цену, — закончил он мрачно.

— Если вы так волнуетесь за Дэвида с Чи, — сказал Эдзел, — можно ведь еще до того, как мы перейдем на гипера, связаться по радио с базой и выслать им на подмогу еще парочку кораблей.

— Это ни к чему, пока мы не получим от них вопль о помощи или если долгое время не будет никаких вестей. Опыта им не занимать, так что любая планета должна быть им по плечу.

А если у них что и случилось, то спешить на помощь, боюсь, все равно уже слишком поздно.

— Я имел в виду подмогу на случай встречи с противником. Они ведь запросто могли столкнуться с боевыми звездолетами, — помните, те двое владельцев «Сириндипити», которые смылись несколько недель назад?

— Ну и сколько же кораблей ты предлагаешь выслать? Парочкой здесь не обойдешься, — ван Рийн покачал головой, — в сражении всегда побеждает кто-то один, дракоша. Боевых звездолетов у нас мало. Что хоть несколько из них вернуться назад — маловероятно. Нет, в открытом бою нам не справиться с этими не известными пока что злодеями, которым так хочется лишить нас тяжким потом добытых денег.

— Денег! — Кончик хвоста Эдзела с сухим треском шлепнул о палубу. Его низкий голос был непривычно резок. — Да если б вы только известили Содружество, сил у нас было бы предостаточно, — ведь тогда мы могли бы обратиться за помощью к Космофлоту! Чем больше я думаю об этом вашем молчании, тем больше с ужасом убеждаюсь, что вы готовы подвергнуть опасности целые планеты, всю цивилизацию — биллионы биллионов разумных существ... лишь бы никто не нарушил вашу монополию!

— Ну-ну, лошадка, — ван Рийн поднял ладонь. — Не такой уж я злыдень. Если все наше общество провалится в тартары, на чем же я буду делать деньги? А? Кроме того, у меня есть совесть. Забитая, правда, и протравленная табаком, но все-таки совесть. Волей-неволей мне все равно однажды придется держать ответ перед Господом, — он указал на вырезанную из песчаника маленькую статуэтку святого Дисмаса, которую обычно брал с собой в дорогу. Она стояла на полке; свечи в суматохе сборов взять забыли, но их с успехом заменяли несколько приткнувшихся у основания статуэтки и весело перемигивавшихся огоньками коммутационных панелей. Он перекрестился.

— Так что, — продолжал он, — мне приходится решать, для кого что будет лучше. Ты можешь быть убежден в чем угодно, но решать приходится мне. Мой бедный старый мозг, который так притомился, — он должен решить, что нам делать дальше. Даже если я решу, что отныне решения у нас принимаешь ты, все равно это будет мое решение, и мне придется за него отвечать. А как мне кажется, ты не особенно стремишься принять на себя эту ответственность.

— Откровенно говоря, нет, — признался Эдзел. — Меня она пугает. Но вы впадаете в гордыню, принимая ее бремя только на свои плечи.

— А кто с этим справится лучше меня? Ты слишком наивен, слишком доверчив, чтобы тебе можно было поручить это дело. Другие в большинстве своем идиоты, паникеры, либо уперлись

лбом в какую-нибудь там политическую теорию или скупы и жестоки... а что касается меня, так я попрошу вон того своего приятеля похлопотать за меня на небесах. Кстати сказать, я и в этой жизни завел немало знакомств. У меня за пазухой целая куча народу, причем всем им я рассказал о нашем дельце — ровно столько, сколько считал нужным.

Ван Рийн откинулся на спинку кресла.

— Эдзел, — сказал он, — дальше по коридору ты найдешь охладитель с пивом. Будь паинькой, принеси мне одну бутылку, и я тебе изложу все по порядку, раз уж ты не присутствовал при разговорах, которые я вел. Да и потом, надо ж как-то вознаградить тебя за долготерпение. Из моих слов ты поймешь, как мне пришлось вертеться...

Тот, кто не боится смерти и не помышляет о ней, может стать сильнее, чем он есть на самом деле, ибо тогда недостатка в предложениях сотрудничать у него не будет.

Владельцы «Сириндипити» пали, но не на самое дно. Они потеряли многое, но кое-что у них осталось. Например, коммуникационная система, компьютеры и банки данных. Если бы они решили уничтожить все это, а не продавать, то удержать их было бы трудно, скорее всего невозможно. И речь бы в этом случае шла не просто о деньгах. От услуг фирмы зависело очень много ключевых производств, да и потенциальных клиентов у «СИ» было не меньше. Короче говоря, уничтожение фирмы обернулось бы экономическим крахом, из-за которого серьезно пострадали бы и Лига, и Содружество, и союзные им народы. Жизнь, разумеется, продолжалась бы, но произошёл бы невиданный доселе спад производства, причем растянувшийся неизвестно на сколько лет.

Естественно, в информосистеме не содержалось никаких сведений о ее хозяевах. Правда, кое-какие выводы можно было сделать, проанализировав логические цепи, но толку от этого было чуть. Однако внимательное изучение собранных данных дало бы некоторое представление о том минимуме знаний, которые имеют эти хозяева о Технической цивилизации. Поэтому партнеры потребовали за свои машины довольно внушительную сумму и особо оговорили следующее: их должны отпустить на все четыре стороны и не пытаться проследить, куда они направляются.

Ван Рийн же, в свою очередь, потребовал себе компенсации за организацию их отлета. Он буквально рыл землю, пытаясь узнать хоть что-нибудь о шеннах — до одного из самоназваний этого народа ему удалось докопаться. Он заявил, что ищет встречи с ними. Перед тем как Ким Юн Кун, Анастасия Геррера и Ева Латимер покинули Солнечную систему, он заручился их обещанием поторопить своих владык, чтобы те отправили

делегацию. Место встречи партнеры не назвали. Это должна была сделать оставшаяся на Луне Тея Белдэниэл, да и то, если сочтет нужным.

Кроме того, обе стороны стремились избежать огласки. Ни «Сириндипити», ни ван Рийну не хотелось, чтобы этим делом заинтересовалось какое-нибудь правительство... во всяком случае пока. Иными словами, угрожая один другому обнародовать факты, противники держали друг друга за горло. Поскольку ван Рийн, случись подобное, как будто потерял бы меньше, чем «СИ», козырь в его руках был старше козыря Теи. По крайней мере, он настойчиво ее в этом убеждал и вроде бы преуспел. Она заплатила ему за молчание тем, что помогла получить от компьютеров всю информацию насчет беты Креста и планеты-бродяги — все сведения, которые были в свое время сообщены Фолкейну.

Казалось бы, после этого всякие отношения должны прекратиться, но случилось совсем наоборот. Отчасти это произошло из-за того, что нужно было юридически оформить продажу фирмы и отшить агентства новостей, стремившихся вызвать подоплеку событий. Отчасти же потому, что этого не хотелось ван Рийну. Ему нужно было выгадать время — чтобы дожидаться сообщения от «Через пень-колоду», чтобы решить, кому и что шепнуть на ушко, чтобы сообразить, что следует предпринять для защиты от почти неведомой опасности. Время, чтобы начать приготовления, втихую, но не слишком... Тее же — или ее хозяевам — было выгодно, чтобы делегация Лиги вылетела к месту randevу возможно раньше. В любом случае Ким успеет предостеречь шеннов, а вот у ван Рийна будет меньше времени на плетение своих сетей.

Она объяснила ему, что у шеннов нет особых причин вести с кем-то дела. Раз их шпионская система раскрыта, они могут начать искать встречи с хорошо информированным человеком, например с ним, ван Рийном; могут, оценив изменившуюся ситуацию, вступить в переговоры по разделу сфер влияния. Но могут ничего этого не делать. Могущества им не занимать; поэтому чего ради идти на уступки дикарям-людям? Она предложила торговцу, чтобы он отправился к месту randevу один, на корабле, который она выберет сама и обзорные экраны которого будут отключены. Он отказался.

Потом внезапно она прервала переговоры, заявив, что в течение ближайшей недели они должны вылететь. Ван Рийн взвыл, но Тея твердо стояла на своем. Мол, так они с партнерами решили, когда определяли место встречи, которое подошло бы их владыкам. Если его все это не устраивает, то ему просто не укажут дорогу, вот и все.

Ван Рийн начал угрожать. Он заявил, что у него найдутся другие способы встретиться с шеннами. Снова начались торги. У Теи были свои основания желать скорого отправления экспе-

диции. Она полагала, что так будет лучше для ее хозяев, — во всяком случае, даст им дополнительные преимущества. Но была и другая причина, не столь возвышенная, но тем не менее важная: экспедиция эта доставит ее домой, а иначе она обречена кончить жизнь на чужбине.

Она уступила в некоторых пунктах.

Наконец была достигнута следующая договоренность: Тея летит вместе с ван Рийном, которого сопровождает не кто иной, как Эдзел. (Ван Рийн выговорил его себе в товарищи, заявив, что Лига будет серьезно ослаблена его, ван Рийна, отсутствием, что даст шеннам перевес.) Время отлета назначает она. Однако путешествовать они будут вслепую. Как только корабль перейдет на гипердвигатели, она проинструктирует робопилота и даст ему координаты, причем ван Рийну слушать все это не возбраняется, ибо все равно летят они не на родную планету шеннов. Но она не желает рисковать и потому отказывается лететь на звездолете, который он приготовил: там вполне может быть спрятан какой-нибудь коммуникационный эжектор, следящее устройство — да все что угодно. Ван Рийн высказал ей недоверие по тем же самым вопросам. Они сошлись на том, что совместно закажут только что построенный на негуманоидной верфи корабль с полной экипировкой. Вскоре они обнаружили именно такое судно, только что возвратившееся из испытательного полета и теперь предлагавшееся покупателям.

Оформив все надлежащим образом, они сели на борт пассажирского лайнера, совершавшего рейсы внутри Солнечной системы, проверили друг у друга багаж и улетели, когда таможня дала добро на старт.

Это Эдзелу было известно. В закулисной деятельности ван Рийна он участия не принимал. Однако вовсе не удивился, узнав, что во все концы обслуживаемой Компанией специй и спиртных напитков территории были направлены специальные курьеры — с распоряжением для самых надежных торговых агентов, управителей регионов, шефов «полиции» и для других более темных личностей. Но Эдзел не представлял себе, до какой степени возбуждены торговые принцы Лиги. Разумеется, всего им не сказали. Но сделано это было не столько для того, чтобы сохранить в тайне существование бродяги, сколько для того, чтобы непредусмотрительная алчность и назойливость не мешали проведению оборонительных мероприятий. Магнатов предостерегли, что где-то за гранью известного мира имеется могущественная и, быть может, враждебная цивилизация. Некоторым из них более подробно разъяснили роль «Сириндипити», и от всех потребовали помощи.

Этого оказалось достаточно для привлечения внимания правительств! Перемещения боевых эскадр Лиги не могли пройти незамеченными. Всякие запросы, естественно, более или менее вежливо отвергались. Но государственные армейские подразделения не могли оставаться безучастными к происходящему. Эскадры Лиги группировались поблизости от наиболее важных планет; это заставило армейских чинов увеличить в тех районах численность войск.

Но на случай тотальной войны этого было мало. Поэтому торговые короли под покровом глубокой тайны повели переговоры с владыками, светскими и духовными, которые по закону — по многим, часто совершенно различным между собой законодательствам разных народов и культур — стояли над ними. Однако на данный момент переговоры эти зашли в тупик: слишком много было неизвестных — ведь даже существование опасного врага оставалось пока что недоказанным. И потому на свет вытащили старые обиды и разногласия. Ван Рийн просто вынужден был нарушить закон — ибо от взывания к общественным идеалам и здравому смыслу не было проку.

Так что дела шли крайне медленно. И вряд ли что-либо изменится — во всяком случае, пока не пройдут времена воинствующих ангелов — борцов за справедливость против Лиги.

Громадные расстояния, маломощные линии коммуникаций, разбросанные в пространстве и столь не похожие друг на друга планеты. Еще никто и никогда не пытался поднять все эти миры одновременно. Не только потому, что это было не нужно, нет — это представлялось невозможным.

— Я сделал, что смог, — сказал ван Рийн, — причем не зная, надо ли. Быть может, месяца через три-четыре — или года через три-четыре — камешек, который я бросил, и вызовет лавину. Быть может, всякий тогда будет готов отразить любой удар. А может, и нет.

Сведения, которыми не смог воспользоваться, я оставил в надежном месте. Если я не вернусь, они будут опубликованы. И тогда — ха-ха! — тогда может случиться абсолютно все! В ту игру, которой сейчас заняты лишь некоторые, окажется втянутым множество игроков. А по правилу, которое было установлено столетия назад, чем больше игроков, тем меньше смысла в игре.

Мы с тобой отправляемся прямо сейчас и постараемся сделать то, что окажется нам по силам. Если нам по силам окажется только крах — ну что ж, здешний муравейник-то мы разворошили в любом случае. Может, не очень сильно. Может, достаточно. Verolockt, чтоб ее черти взяли, эту ведьму Белдэниэл! Она таки своего добилась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 19

Гипердвигатели мчали звездолет сквозь космическую ночь. От цели его отделяло около трех недель полета.

Сначала Тея держалась настороженно, редко покидала свою каюту и мало говорила, ограничиваясь в основном приветствиями при случайных встречах да просьбами за столом. Ван Рийн на нее не нажимал. Но сам он за едой и после — за бутылкой вина или бренди — говорил почти непрерывно. Он пускался в воспоминания, рассказывал приходившие на ум забавные истории — впрочем, надо признать, что иногда он заводил разговор и о серьезных вещах. Не оставался в стороне и Эдзел, частенько отпуская замечания по поводу той или иной фразы своего босса. В общем, ван Рийн вел себя так, словно находился в приятельских отношениях не только с вежливым драконокентавром, но и с этой худощавой, нервной, не улыбочливой женщиной.

Сперва она сразу после еды вставала из-за стола, но потом слушать рассказы торговца вошло у нее едва ли не в привычку. Делать больше было нечего; за подрагивающим металлом корпуса на биллионы световых лет раскинулся безбрежный океан одиночества; а ван Рийн так и сыпал полуправдоподобными легендами о событиях, по большей части Тее неизвестных.

— К тому белому карлику мы приблизиться не могли, потому что радиация там была выше головы... да, кванты разбегались от него во все стороны, как блохи с тонущего пса... но деваться нам было некуда — иначе нашей бедной компашке пришел бы конец. По-моему, я, так сказать, попался на крючок судьбы. Но — клянусь небом! — мысль об этом крючке заставила меня предположить, что мы могли бы...

Чего Тея не знала, так это того, что перед каждым разговором Эдзел получал подробные инструкции: что говорить, о чем спрашивать, на что возражать и что подтверждать. Иными словами, ван Рийн раз за разом пробовал на Тее Белдэниэл свои домашние заготовки.

В скором времени он мог уже сказать, какие темы интересуют ее и доставляют удовольствие, а какие вызывают скуку или

раздражают. Вне всякого сомнения, она старалась запомнить все, что, по ее мнению, было бы полезным для шеннов. Но, с другой стороны, она должна была понимать, что трудно говорить о пользе там, где нет возможности отделить вымысел от истины. Поэтому, как заметил ван Рийн, постепенно она забросила эти свои попытки и стала просто слушать его басни. Особенно много ценного для себя он выяснил, наблюдая за ее реакцией на манеру изложения. Ведь одно дело, когда вы рассказываете холодно, отстраненно, безразлично, и совсем другое — когда с шутками, с прибаутками или задумчиво, или ласково, или поэтически (таким образом ван Рийн стремился передать речь других); короче говоря, рассказывать можно по-всякому. Разумеется, он не перескакивал с одного тона на другой — нет, переход совершался медленно и плавно.

Прошло не больше недели, а он уже выяснил все, что хотел. Теперь он знал, как действовать, и необходимость привлекать к разговорам Эдзела отпала. Тея довольно охотно отвечала ему.

Они по-прежнему оставались врагами. Но ван Рийн превратился в противника, которого нельзя недооценивать — которого надо уважать. И все чаще и чаще стала она задумываться, не сумеет ли он найти общий язык с ее владыками.

— Конечно же, я хочу договориться, — сказал он ей добродушно. — Из-за чего нам воевать? В Галактике ведь сотни две или три биллионов звезд. Места всем хватит, а? — Он махнул Эдзелу, и тот, как было договорено заранее, отправился за коньяком. Попробовав принесенный напиток, ван Рийн взревел: — О-о-ох! И ты хочешь предложить эту гадость нашей доброй приятельнице, у которой такое нежное горлышко? Прочь с глаз моих вместе с этой бутылкой! Принеси другую, да смотри выбери! Ты что, очумел, — зачем ее выбрасывать? Да, братец, у тебя, наверно, и мозг зарос чешуей! Нет, мы доставим ее домой и предъявим виноторговцу — и ох как он у нас попляшет! — На самом деле коньяк был великолепный, и ван Рийн собирался потом вдвоем с одиноким распить эту бутылку. Ему просто надо было произвести впечатление. Разве Юпитер не явится по пустякам?

— С чего это ваши шенны нас бояться? — спросил он у нее в другой раз.

Тея вскинулась.

— Нет! Ничто не может их испугать! — (Ну точно, Юпитер и ревностная его жрица. По крайней мере, на первый взгляд. Хотя отношения между ними вполне могут быть куда более сложными, да и Юпитер скорее всего не бог, а дикарский идол.) — Они осторожны... скромны... мудры... и потому хотели сначала узнать людей.

— Так-так-так. Не сердитесь, ладно? Как я могу, говоря про них, выбирать правильные слова, если вы мне ничего не рассказываете?

— Я не могу, — она судорожно сглотнула и заломила руку. — Я не должна, — и бросилась в свою каюту.

Ван Рийн пошел за ней. Когда ему это было нужно, он мог передвигаться совсем неслышно. Массивная дверь ее каюты была заперта. Но ван Рийн вставил себе в ухо транзисторный усилитель звука, сделанный по образцу слуховых аппаратов, применявшихся до разработки регенерационных технологий. Некоторое время он стоял под дверью, вслушиваясь в рыдания Теи, не испытывая ни раскаяния, ни злорадства. Ну что ж, слезы — явное подтверждение ее смятения. Сломить ее окончательно за оставшиеся несколько дней пути вряд ли удастся, но кое-что, если не особенно давить, выяснить будет можно.

При следующей встрече он постарался развеселить ее. А после ужина, за десертом, предложил ей немного выпить. Эдзел тихонько вышел из отсека и отправился на мостик; там он с полчаса колдовал над главной панелью управления, регулируя силу освещения в салоне. В помещении воцарился романтический полумрак, но произошло это так постепенно, что Тея ничего и не заметила. Ван Рийн вытащил откуда-то проигрыватель, заявив, что без музыки еда не еда. «Вечерняя программа» состояла из специально отобранных мелодий вроде «Последней весны», «Воздуха Лондондерри», «Блюза вечерней звезды». Названий, однако, ван Рийн не упомянул. Бедняга, она настолько оторвалась от своего народа, что названия эти были бы для нее пустым звуком. Но мелодии — совсем другое дело.

Физически он ее не желал. Хотя и признался себе, что теперь, когда напряжение первых дней пути спало, она стала довольно привлекательной, несмотря на этот свой белый балахон. Красивой он ее не назвал бы; к тому же он предпочитал гораздо более плотных женщин. Но интерес оживил правильные черты ее лица и зажег огоньки в действительно прекрасных зеленых глазах. Когда она заговаривала с ним, улыбаясь просто оттого, что говорит со знакомым человеком, голос ее становился глубже. Любая подобная попытка всего лишь оттолкнула бы ее. Нет, он замыслил более изощренное обольщение.

— ...Они воспитали нас, — произнесла она мечтательно. — О, я знаю земной жаргон, знаю, что нас называли чокнутыми. Но, по правде сказать, что есть норма, Николас? Да, мы отличаемся от других людей. Но ведь человеческая натура многообразна. По-моему, вы не можете назвать нас извращенцами — с тем же успехом мы могли бы сказать то же самое о вас, ибо мы выросли в другой культурной среде. Мы здоровы и счастливы.

Ван Рийн вопросительно приподнял бровь.

— Счастливы! — повторила она громче, выпрямившись. — Мы рады и горды служить нашим... нашим спасителям.

— Уж больно громко женщина клянется, — пробормотал он.

— Что?

— Это строка из одного древнего стихотворения. Вам оно вряд ли известно. Я просто хочу сказать, что мне очень интересно. Вы мне никогда не рассказывали о своем прошлом — ну, кораблекрушение и все такое прочее.

— Да, но мы говорили об этом с Дэви Фолкейном... когда он гостил у нас, — на ресницах ее вдруг заблестели слезы. Она закрыла глаза, помотала головой и единым духом осушила свой стаканчик. Ван Рийн налил ей еще. — Он был такой милый, — проговорила она. — Я вовсе не хотела причинить ему зла. Никто из нас этого не хотел. И не наша вина, что его... его... его отправили на верную смерть. Вы! Как мне хочется, чтобы ему повезло.

Ван Рийн сделал вид, что не заметил оговорки. Ведь из слов ее следовало, что Латимер и ее сестра отправились к шеннам не просто так и что те ничуть не замедлят с посылкой к бете Креста своей экспедиции. Он проворчал:

— Раз уж вы так с ним подружились, неприятно, должно быть, было ему лгать?

— Не понимаю, о чем вы, — она изумленно взглянула на него.

— Вы, именно вы, обвели его вокруг пальца, — сказал ван Рийн, отнюдь не обвиняя. — Но стреляного воробья на мякине не проведешь. Я в эти ваши басни насчет радиации и того, как вас потом нашли, не верю. Если шенны хотели просто помочь вам вернуться домой, к чему тогда эти шпионские страсти? Кстати сказать, уж больно вы им послушны, уж больно верны. Да, вы были бы им признательны, но ни за что не стали бы шпионить за своими собратьями, которые не причинили вам никакого вреда, — если только вы не попали в руки чужаков совсем младенцами. Вывод отсюда следующий: они заполучили вас к себе совсем малявками. А?

— Ну, знаете...

— Не горячитесь, — ван Рийн поднял свой стакан и поглядел сквозь него на свет. — Я человек простой и от всей души стремлюсь к пониманию, чтобы можно было уладить это дело, не прибегая к оружию. Мне не нужны никакие действительные тайны шеннов. Но, скажем вот, название их планеты...

— Датина...

— Ага. Ну так вот, сказав это слово, вы ведь ни себе, ни им плохо не сделали. Правильно? Если мы не будем все время ходить вокруг да около, нам станет легче общаться друг с другом. О'кей, вы попали к шеннам младенцами, и они воспитали вас, преследуя свои цели. Почему вы не хотите признать этого? Как

вы воспитывались и где; любые, даже самые незначительные детальки позволят мне понять вас и ваших приятелей, Тея?

— Ничего серьезного я вам открыть не могу.

— Знаю. Какая звезда у Датины, вы мне точно не скажете. Ну а образ жизни? У вас было счастливое детство?

— Да-да. Первое, что я помню... Истэйян, один из сыновей моего хозяина, взял меня с собой... ему нужен был кто-то, чтобы нести оружие. Там оружие есть даже у грудничков. Мы забрались в разрушенную часть огромного древнего здания... В высокой башне мы обнаружили машины, только чуть заржавевшие... Солнечный лучик проник внутрь через отверстие в крыше, и я засмеялась, когда он отразился от металла и по стенам запрыгали зайчики... А из окна видна была пустыня, как будто... — Глаза ее широко раскрылись. Она прижала к губам ладонь. — Я слишком много говорю. Пожалуй, пора идти спать.

— Не торопись, ты так прекрасна, — сказал ван Рийн. — Это строка из еще одного старинного стихотворения, и оно означает: останьтесь, дорогая, и выпейте мадеры. Мы же ни о чем серьезном не говорим. Кстати, если не было никакого звездолета с колонизированной планеты, откуда вы взялись?

Краска сошла с ее лица.

— Доброй ночи! — бросила она и опрометью кинулась в свою каюту. Однако теперь ван Рийн мог бы приказать ей остаться, и она повиновалась бы, ибо подчиняться ее приучили с самых ранних лет. Но он не стал этого делать, поскольку продолжение расспросов привело бы лишь к истерике.

Очутившись вдвоем с Эдзелом в каюте единита — вернее, это были две каюты, между которыми убрали переборку, — ван Рийн, допивая стаканчик на ночь, пробурчал:

— Кое-что я выяснил. Ну, насчет того народа, который нам угрожает. Правда, в основном про их психологию. Но эти сведения тоже пригодятся. — Он сделал такую гримасу, что усы его встопорщились. — Нас ожидают, мало сказать, неприятности. Это отвратительно. Ужасно.

— Что же вы узнали? — спросил одинит спокойно.

— Эти самые шенны с какой-то целью превратили людей, попавших к ним младенцами, в рабов — нет, в собак. Может, они и с другими существами так поступают, но уж с людьми точно.

— А откуда же они взяли детей?

— Доказательства у меня нет, но голова еще работает, и лучше, чем считает Белдэниэл со своими дружками. Смотри. Мы можем утверждать почти наверняка, что звезда, у которой должно состояться randevu, расположена рядом с Датиной. Шенны, таким образом, получают преимущество в скорости связи, а мы с тобой остаемся одни, далеко от дома и от любезных друзей с пушками. Правильно?

Эдзел почесал затылок; звук был довольно неприятный.

— «Рядом» понятие относительное. В окружности с радиусом пятьдесят или даже сто световых лет так много звезд, что мы даже приблизительно не сумеем определить, где планета нашего противника, как он уже навалится на нас.

— Ага-ага. Я просто хочу сказать, что где-то поблизости от места встречи должна быть территория, на которой шенны хозяйничают уже давно. О'кей? Вот что мне вспомнилось: лет этак пятьдесят назад была предпринята попытка основать где-то в том районе колонию. Это была очередная группка утопистов — их в те дни расплодилось немало. И они нашли себе планету у умирающей звезды G-типа и назвали ее, дай Бог памяти, — ага, Леандром. Они хотели избавиться от всех, кто мешал им строить свой собственный рай. И это им удалось. Торговать к ним никто не летал: никакая выручка не окупит затрат на столь дальнее путешествие. У них был один звездолет, на котором они навещали Ифри и Ллинатав — это случалось не чаще раза в году, — и закупали на деньги, которые прихватили с собой, необходимые товары. А потом случилось так, что звездолет долгое время не появлялся ни там, ни там. Кого-то это встревожило, и на Леандр отправили корабль. Планета оказалась покинутой. Единственная деревня на ней полностью выгорела — как и лес на многие километры вокруг, а звездолет пропал. Одно время многие ломали головы над этой загадкой. Я услышал обо всем, когда несколько лет спустя прилетел на Ифри. Естественно, на Земле и на других центральных планетах никто и пальцем не шевельнул.

— И никому не пришла мысль о пиратах? — спросил Эдзел.

— Не знаю. Но чего ради пиратам нападать на деревушку у черта на рогах? Кроме того, больше никаких нападений не было. А кто слышал о, так сказать, одноразовых пиратах? Если рассуждать логически, то после того как пожар уничтожил поля, склады и все остальное, леандрійцы — жить-то как-то надо — отправились за помощью. Они все забились в свой звездолет и улетели, но в космосе у них случилась какая-то поломка, в результате которой они погибли. Теперь обо всем этом уже прочно забыли. Кому нужен какой-то Леандр, когда и под боком немало шикарных местечек? — Ван Рийн бросил грозный взгляд на стакан, словно тот тоже был его врагом. — Но сегодня я сопоставил все факты. Скорее всего это работа шеннов. Они сперва, наверно, высадились на планету и назвались друзьями, сказав, что лишь недавно начали осваивать пространство. Все изучили, прикинули, что делать. А потом захватили всех и устроили пожар, чтобы замести следы.

— Дальше, мне кажется, было вот что, — прибавил Эдзел мягко. — Они попытались было приручить взрослых пленников.

Но у них ничего не вышло, и они убили этих людей — дети ведь не помнят своих родителей. Наверняка они уничтожили и многих детей — как неподходящий материал. Вполне возможно, что эти шестеро из «Сириндипити» — единственные, кто остался в живых. Поэтому сомнительно, чтобы у шеннов были другие рабы, кроме людей. Ведь таких планет, как Леандр, — раз-два и обчелся.

— В общем, дела хреновые, — заключил ван Рийн. — Расспрашивать Белдэниэл о ее родителях я не могу. Она, быть может, что-то и подозревает, но не позволяет себе об этом думать. Прямо-таки заиклилась на верности шеннам. Кстати, по-моему, она принадлежит одному из них — ну, как собака. — Рука его сжала стакан с такой силой, что будь последний не из витрила, а, скажем, из стекла, ему бы несдобровать. — Они и нас хотят такими сделать, да? — прорычал торговец. — Ну нет уж, клянусь великим небом! — Он осушил стакан. — Что означает: если мне придется тащить их за собой... то в аду они окажутся раньше! — И воинственно трахнул стаканом об стол.

Глава 20

Планета, назначенная местом встречи, была указана в каталоге. Проверив свои стандартные блоки памяти, корабельный компьютер сообщил ван Рийну, что эта система однажды исследовалась, около ста лет назад. При поверхностном осмотре не было обнаружено ничего интересного, и потому экспедиций сюда больше не предпринималось. (В самом деле, ну что тут делать: семь планет, семь миров со своими лунами и тайнами, три из них обитаемы; жители последних только-только научились обтесывать камни и теперь глядят ночами в звездное небо, раскрыв от изумления рты.) Ведь планетных систем бессчетное множество.

— Я могла бы все это вам рассказать, — заметила Тейя, появляясь на мостике.

— А? — Ван Рийн грузно повернулся ей навстречу, сам похожий на небольшую планету.

Она робко улыбнулась. Попытка выказать дружеское расположение получилась неуклюжей — из-за отсутствия опыта.

— Мы выбрали эту планету наугад, но с таким расчетом, чтобы шеннам было удобно.

— Хм. — Ван Рийн дернул себя за бородку. — Это всего лишь предположение, но скажите, вас никогда не страшила возможность того, что я попытаюсь из вас выкачать местоположение Датины?

— Нет. Дело в том, что я этого не знаю. Об этом известно только мужчинам, Киму и Латимеру, да и то их подвергли психобработке, чтобы они случайно не выдали тайну. — Она

поглядела на опоясывавшие отсек экраны. — Я могу лишь сказать вам, что некоторые из созвездий мне как будто знакомы. Но вы, верно, уже сами об этом догадались. — Голос ее прервался. Бессознательным жестом она воздела руки к сверкавшим на экранах звездам. — Они — шенны, отвезут меня домой. Быть может, это будет сам Моэт. Эйяр ветий грэззан толья...

Тихая реплика ван Рийна сразу охладила ее восторг:

— А если они не прилетят? Вы ведь не исключаете такого поворота событий. Что тогда?

Она задохнулась от неожиданности, сжала кулаки и застыла на секунду — воплощенная скорбь; большего отчаяния ему видеть не доводилось. Затем обернулась к торговцу и быстрым движением вложила свои холодные ладони в его руки.

— Вы мне тогда поможете? — произнесла она умоляюще. Потом в глазах ее вспыхнуло пламя. — Нет, Моэт меня не оставит! — Она резко повернулась и торопливо вышла из отсека.

Ван Рийн хмыкнул, бросил взгляд на мертвенным светом сиявшую на переднем экране звезду и достал табакерку, чтобы успокоить нервы.

Предчувствия его не обманули: у Теи в самом деле не было оснований для беспокойства. Приборы корабля определили наличие в пространстве эманации двигателей целой эскадры звездолетов, причем на таком расстоянии, что стало ясно — они прибыли сюда дня два-три назад. (Это означало, что база их находится в самом крайнем случае немногим далее ста световых лет отсюда — если только скорость кораблей шеннов не превосходила значительно скорость звездолетов Технической цивилизации, а это было маловероятно. Во-первых, если бы шенны не были относительно новичками в космосе, их уже давно так или иначе обнаружили бы. А во-вторых, частоты, на которых работали гипергенераторы, были заполнены до пределов, установленных квантовой теорией.) Едва звездолет ван Рийна оказался в радиусе обнаружения, эскадра противника пришла в движение. Часть кораблей, рассыпавшись веером, умчалась в пространство — наверно, выяснить, нет ли у него сопровождающих. Остальные двинулись ему навстречу. Замерцал кодовый сигнал, который шенны, должно быть, узнали от своих рабов-людей. Ван Рийн подчинился, вывел корабль из гиперпространства на орбиту вокруг звезды и стал ждать установления связи.

Они все втроем собрались на мостике перед главным внешним переговорным устройством. Тея дрожала, кровь то прилиwała к ее лицу, то отступала вновь; она не отрывала взгляда от приблизившихся звездолетов. Ван Рийн повернулся к ней спиной.

— Не знаю почему, — пробормотал он на одном из тех языков, который, как они с Эдзелом убедились, Тея не понимала, — но у меня такое чувство, что я не могу подобрать слова, чтобы определить, какие ощущения у меня вызывает ее вид.

— Смятение, нет? — предположил одинит.

— О, так, значит, вот что это такое, да?

— Мы с ней абсолютно не похожи — ни по глубинным инстинктам, ни по воспитанию, — продолжил Эдзел. — Тем не менее я считаю, что недостойно нам в этом случае пялить на нее глаза.

Он принялся рассматривать ближайший звездолет шеннов. Продолговатый силуэт с острыми выступами, напоминавшими плавники, освещенный далеким оранжевым солнцем, частично загораживал собой Млечный Путь.

— Любопытная конструкция, — сказал Эдзел. — От такого корабля не очень-то много толку.

Ван Рийн перешел на английский.

— В самый раз для машин, — заметил он. — И потом, с чего бы целой куче — сколько их там, пятнадцать? — больших, утыканных пушками кораблей, экипаж которых должен исчисляться сотнями, устремляться навстречу маленькому безобидному катерку? Вроде ни к чему, а? Да, если только они не роботы. Мне так кажется, в робототехнике они настоящие чудодее, эти шенны. И компьютерная система «СИ» — тому подтверждение.

Он все рассчитал верно: обрадованная Тея разговорилась. Она начала хвалиться и петь осанну могучим и сложным автоматам, составлявшим костяк всей датинской цивилизации. Скорей всего, сказала она, на этой эскадре трое, от силы четверо живых хозяев. Больше и не нужно.

— Даже чтобы пообщаться с нами? — спросил ван Рийн.

— У них каждый говорит сам за себя, — ответила Тея. — Кстати, вы ведь тоже не полномочный посол. Но после разговора с вами они известят своих товарищей. — Она произнесла все это с отсутствующим видом, а потом перешла вдруг на гортанное воркование — очевидно, это был язык шеннов. Ее как провало — она никак не могла остановиться.

— Они известят своих товарищей, — повторил Эдзел медленно, снова на непонятном женщине языке. — Из этой фразы следует, что решения в обществе шеннов принимает сравнительно небольшая группа существ. Однако вывод о неограниченной олигархии был бы преждевременным. Олигархии в большинстве случаев предпочитают живые экипажи — вроде нас с вами и по тем же причинам. Каким бы совершенным ни был робот, он все равно останется машиной, придатком живого мозга. В противном же случае, стань роботы вдруг во всем эквивалентными биологическим организмам, зачем их строить?

— Ага, эт рассуждения я слышал, — отозвался ван Рийн. — Природа снабдила нас всем необходимым для порождения новых биологических организмов, и вся эта операция обходится гораздо дешевле и доставляет куда больше удовольствия, чем производство роботов. Но как насчет того компьютера, о котором в свое время столько говорили? Полностью мотивированного в своих действиях и все же намного превосходящего любое существо из плоти и крови?

— Его создание пока возможно лишь теоретически. Откровенно говоря, мне в это не верится. Но даже если предположить, что такой робот существует, — он ведь будет править, а не служить. А шенны отнюдь не производят впечатления слуг при машинах. Иными словами, дело обстоит так: их роботы, быть может, лучше наших, но это всего лишь роботы. Только этих роботов у них, похоже, гораздо больше, чем у нас; но ведь от присущих этому классу машин ограничений никуда не деться. Они используют их направо и налево, стремясь как-то компенсировать эти самые ограничения. Но почему?

— Малочисленность населения? Это, кстати, объяснило бы, почему решения у них принимают немногие, — если ты прав в своем предположении.

— Ээх-х... Возможно. Хотя мне трудно представить, как малочисленное общество может построить — да даже и сконструировать — столь сложные производства, которые, судя по их кораблям, есть на Датине.

Так они переговаривались между собой, чтобы хоть как-то уменьшить напряжение, прекрасно понимая, насколько шатки все их построения. Когда бортовой компьютер сообщил:

— Получен сигнал, — они оба подскочили. Тея подавила крик.

— Давай, кто бы там ни был, — приказал ван Рийн, стирая с лица пот кружевной манжетой. Зажегся визиэкран. На нем появилось отдаленно похожее на человека существо. Но вздувшиеся мускулы, огромная бычья голова, сверкающая шевелюра, хриплый рев из раскрытой пасти — за всем этим чувствовалась такая мощь, что Эдзел, зашипев, невольно отступил на шаг.

— Моэт! — взвизгнула Тея. Она упала на колени, простирая руки к шенну. По лицу ее струились слезы.

В жизни почему-то все устроено так, что печали и радости приходят не поодиночке, а всегда гурьбой, так, что с ними трудновато бывает совладать. В промежутках же между их приходами время еле тянется и жизнь становится до безобразия обыденной. Ван Рийн частенько беседовал на эту тему со святым Дисмасом, причём в резких тонах, но вразумительного ответа так и не добился.

И теперешнее его состояние лишь подтверждало этот вывод. После того как Тея заявила, что ее владыка Моэт призывает ее к себе на корабль — это был самый большой звездолет эскадры, по размерам напоминавший дредноут и прямо-таки обросший всякими пушками, — и вошла в присланный за ней флигтер, по корабельным часам прошло сорок семь часов двадцать одна минута, в течение которых ничего не случилось. Шенны не выходили на связь и не отвечали на вызовы. Ван Рийн стонал, бранился, ревел, бегал по кораблю, ел шесть раз в день, мошеничал в солитер, напропалую курил и пил, задавая работу очистителям воздуха и мусорорубщикам, и не успокаивался даже от симфонии Моцарта. Наконец он довел Эдзела до белого каления. Захватив с собой еду и книги, одинит заперся в своей каюте и вышел из нее только тогда, когда его компаньон прокричал из-за двери, что чертова ледышка с расплавленными мозгами готова переводить и что теперь он, Николас ван Рийн, будет, может быть, хоть как-то вознагражден за свое ангельское терпение.

Однако, когда Эдзел примчался на мостик, торговец выговаривал Тею с поистине дядюшкиной нежностью:

— Просто удивительно, что все про нас забыли. Мы же были сюда для встречи.

Тея изменилась. Одета она была теперь в свободное белое платье и бурнус; темные контактные линзы защищали ее глаза от яркого света в каюте на борту линкора. Она снова полностью овладела собой. Ответ ее был сухим, даже резковатым:

— Мои повелители шенны подробно расспросили меня, дабы подготовиться к разговору с вами. Как вы видите, на борту корабля нет больше никого из «Сириндипити».

На коленях ван Рийна — так, чтобы прибор не был заметен с экрана передатчика, — лежал скрибблер. Пальцы торговца, похожие на жирные волосатые сосиски, бесшумно двигались по его клавиатуре. Эдзел прочитал на разматывающейся ленте: «Глупо. Откуда им было знать, что с ней, их связником, все в порядке? Это лишь доказывает, что они сначала делают, а потом думают».

Тея продолжала:

— Кроме того, прежде чем я смогла говорить разумно, я должна была пройти через хаадеру. Я так долго была разлучена со своим владыкой Моэтом. Что такое хаадеру, вам не понять. — Она чуть покраснела, но дрогнул ли ее голос — это могла сказать только машина. — Считайте это церемонией, в которой он признает мою верность ему. Она требует времени. Кстати, у кораблей-разведчиков как раз была возможность определить, что за ними не следовал никакой злоумышленник.

Ван Рийн написал: «Не Юпитер. Минотавр. Голая сила самца».

— Не понимаю, — прошептал Эдзел ему в ухо.

«Вот что такое для нее этот зверюга шенн. Она всего лишь рабыня. Я видел много таких женщин в конторах — старые девы, фанатически преданные своему боссу. Неудивительно, что в шайке “СИ” четыре женщины и всего двое мужчин. Мужчины редко этим соблазняются, если только воля их не сломлена. Сомневаюсь, чтобы у них что-то было между собой. Супружества Латимеров — уловка для отвода глаз. Вся их сексуальная энергия направлена на служение шеннам. Естественно, они этого не осознают».

— Мои владыки выслушают вас, — сказала Тея Белдэниэл. На мгновение в ней проглянуло нечто человеческое. Она подавалась вперед и быстро, тихим голосом прибавила: — Будьте осторожны, Николас. Я знаю вашу манеру и буду переводить не ваши слова, но то, что скрывается за ними. Осторожнее, прошу вас. Я не могу им лгать. И потом, они очень вспыльчивы, вы даже представить себе не можете. Я... — она сделала паузу, — я хочу, чтобы вы спокойно возвратились домой. Вы — единственный человек, который когда-либо был добр со мной.

«Ба, — написал он, — оказывается я разыграл из себя минотавра. Я видел, что ей хочется чего-нибудь эдакого, но полагал, что изображаю Юпитера. Она бессознательно реагировала на свои побуждения. Надо было ее вернуть. С ней обошлись просто мерзко».

Тея махнула рукой. Изображение на экране сменилось. Появился большой зал, где на подушках восседали четыре шенна. Ван Рийн сморкнул и пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство. В глазах у него зарябило от пестрой раскраски стен.

— Ну и безвкусица! Такого маразма и в аду не увидишь!

Зал обставлен был с варварской роскошью; однако в ходе разговора, поскольку угол зрения камеры на линкоре все время менялся, Эдзелу удалось разглядеть несколько древних на вид и красивых вещей.

Одна из лохматых тварей что-то проревела. Съежившаяся, смятенная, но не отрывавшая восхищенного взгляда от шенна по имени Моэт, Тея перевела:

— Вы явились на переговоры. По какому поводу?

— Да так, пустяки, — отозвался ван Рийн, — кой-какая мелочишка, которой мы можем по-дружески поделиться, а не затевать из-за нее раздоры. Быть может, у нас найдется чем торговать или чему научить друг друга. А вдруг вы открыли новый способ согрешить?

Тея начала было переводить, но ее перебили. Шенн произнес довольно длинную фразу, которую она передала следующим образом:

— На что вы жалуетесь?

По реакции ван Рийна и Эдзела Тея поняла, что вот здесь как раз буквальный перевод ни к чему.

— Жалуюсь? — взвыл одинит. — Да жалоб столько, что я не знаю, с какой и начать!

— Зато я знаю, черт побери! — вмешался ван Рийн. И пошло-поехало...

Разгорелся спор. Тея бледнела, краснела, ее бросало то в дрожь, то в холод. В чем состояла суть пререканий, в этом не разобрались бы и сами спорщики, ожесточенно пытавшиеся перекричать один другого и упрямо отказывавшиеся слушать. Наконец ван Рийну кое-как удалось определиться, что к чему.

Обвинение: «Сириндипити» была организована для шпионажа за Торгово-технической Лигой в частности и за Технической цивилизацией вообще.

Ответ: шенны предоставили Лиге оборудование, до которого сама она еще не скоро бы додумалась. Насильственная продажа «Сириндипити» является бандитским актом, и шенны требуют за это компенсации.

Обвинение: Дэвид Фолкейн был похищен агентами шеннов и подвергнут промывке мозгов.

Ответ: судьба одного примитивного индивида не заслуживает обсуждения.

Обвинение: шенны поработили одних людей и, предположительно, убили других.

Ответ: людям предоставлена была почетная возможность служения высшим существам, а иначе бы они прозябали до конца своей жизни среди дикарей. Спросите у них самих, если не верите нам.

Обвинение: шенны попытались утаить знания о новой планете от тех, кому они по праву принадлежат.

Ответ: эти знания принадлежат шеннам. Советуем браконьерам поостеречься.

Обвинение: несмотря на свою шпионскую систему, шенны как будто не оценили могущества миров Технической цивилизации и в особенности Лиги, которая не потерпит угроз в свой адрес.

Ответ: и шенны тоже.

В этот момент Тея наконец не выдержала и потеряла сознание. Шенн по имени Моэт встал со своего места, подошел к ней и нагнулся над ее телом. Потом искоса поглядел на экран. Ноздри его раздулись, волосы встали дыбом. Он пробурчал команду. Связь прекратилась. И очень вовремя.

Ван Рийн проснулся так быстро, что успел услышать свой последний храп. Он сел. В каюте было темно, приглушенно

гудели вентиляторы. Воздух в помещении был чуть спертый — никто не потрудился отрегулировать хемосистему. Механический голос повторил:

— Получен сигнал вызова.

— Чтoб тебя! Слышу, слышу, дай только вытащить из постели мое бедное усталое тело. — Металлическая палуба холодила ступни. Посмотрев на фосфоресцирующей циферблат, он увидел, что поспать ему дали совсем мало — шесть часов. А переговоры завершились часов двадцать назад, если только можно назвать этим словом тот обмен любезностями. Кстати, ну и характерец у этих быков-переростков! Для того чтобы строить роботов и звездолеты, цивилизация должна достичь определенного уровня технологического развития, а это невозможно без наличия нескольких качеств — дипломатичности, хотя бы в зачаточной форме, сдержанности, разумного эгоизма. Иначе свернешь себе шею прежде, чем чего-либо достигнешь... Быть может, связь не возобновляли так долго потому, что шенны обуздывали свой темперамент?.. Ван Рийн торопливо зашагал по коридору; полы халата колыхались в такт шагам.

На мостике никого не было. Эдзел, слух которого в условиях земной атмосферы, установленной на корабле, был менее тонким, чем обычно, еще не проснулся. Замолчавший было компьютер ожил:

— Два часа назад в космосе был обнаружен звездолет, следовавший по направлению от Циркуля. Он не вышел еще на постоянную орбиту, но явно находится в контакте с уже существующими...

— Заткнись и давай связь, — бросил ван Рийн. Он поглядел на экран. Так, угреподобный эсминец, чуть дальше — крейсер, за ним — светящаяся точка, очевидно, флагман шеннов. Новоприбывшего нигде не видно. Но торговец не сомневался, что вызов связан именно с ним.

Зажегся визизэкран. Посреди залитого светом, заполненного бормотанием машин зала, откуда с ван Рийном разговаривали шенны, стояла Тея Белдэниэл. Торговцу еще не доводилось видеть ее в таком состоянии. Глаза налились кровью, рот исказила гримаса.

— Бегите! — и с голосом тоже что-то случилось. — Спасайтесь! Они разговаривают с Гэхудом, а приказать роботам, чтобы следили за вами, как будто забыли. Вы можете потихоньку уйти... тихо-тихо... оторветесь хоть немножко. Может, вам удастся затеряться в космосе... Но они убьют вас, если вы останетесь!

Ван Рийн не пошевелился. Его волнение выдавал разве что чуть поглубевший голос:

— Пожалуйста, объясните подробнее.

— Гэхуд... он прилетел один... Хью Латимер мертв или... Я спала у двери в каюте моего повелителя Моэта. Вдруг заработал интерком. Теллам просил Моэта прийти на мостик, Моэта и всех остальных. Он сказал, что с Датины вернулся Гэхуд, тот самый Гэхуд, которого отправляли к гигантской звезде на поиски планеты-бродяги, и вернулся он один, без Латимера. Теллам сказал, что они должны встретиться, выслушать рассказ Гэхуда и решить... — Она нервно сцепила пальцы. — Больше я ничего не знаю, Николас. Моэт мне ничего не приказывал. Я не смогу предать его... их... никогда... но кому будет хуже, если вы останетесь живы? Я слышу их ярость, я ощущаю ее! Я знаю шеннов. Они прикажут своим роботам расстрелять вас. Бегите!

Ван Рийн как будто превратился в статую. Он не произнес ни слова до тех пор, пока Тея немного не овладела собой. Она дрожала, дыхание ее было прерывистым, но пелена безумия спала с глаз. Тогда он спросил:

— Почему вы так уверены, что они убьют нас с Эдзелом? О'кей, они взбешены и не желают дальше переливать из пустого в порожнее. Но не разумнее ли с их стороны было бы захватить нас в плен? Мы ведь кое-что знаем и вполне можем сойти за заложников.

— Вы не понимаете. Я знаю шеннов. Вас будут пытаться, наверняка накачают наркотиками... И мне придется помогать им в этом. А потом, когда вы станете для них обузой...

— Ониогреют меня по голове чем-нибудь тяжелым. Ага-ага, ясненько. Однако моя старая черепушка еще достаточно крепка. — Ван Рийн подался вперед, легонько опершись пальцами на спинку стула; он в упор глядел на женщину, словно удав на кролика. — Тея, если принять ваш совет, шансов на спасение у нас ничтожно мало. Я готов поспорить на что угодно, что эти эсминцы спокойно нас догонят. Но если мы отправимся на Датину, то, пожалуй, сможем продолжить беседу, когда ваши боссы чуть поостынут. Быть может, у нас еще получится торговаться с ними. В конце концов, что они теряют, забирая нас с собой? Как вы считаете, удастся вам убедить их не убивать нас, а взять в плен?

— Я... ну, я...

— Спасибо, что предупредили, Тея. Я догадываюсь, чего вам это стоило. Мой вариант, кстати, ничем вам не грозит. А вот если шенны увидят, что мы смылись, и поставят это в вину вам, тогда... Почему бы вам не пойти к вашему Моэту? Скажите ему, что вот они мы, предложите ему направить на нас свои пушки, объявить нас пленниками и отвезти на Датину. Согласится он, по-вашему?

Тея судорожно кивнула — говорить она уже не могла

— Ладно, тогда отправляйтесь, — он послал ей воздушный поцелуй, так громко при этом причмокнув губами, что жест получился довольно комичным.

Экран погас. Ван Рийн отправился на поиски бутылки и Эдзела. Но сперва торговец на несколько минут присел перед святым Дисмасом. Если гнев у шеннов возобладает над благоразумием, несмотря на все просьбы и доводы этой женщины, их с Эдзелом уже ничто не спасет.

Глава 21

Перелет на пределе скорости от безымянной звезды к солнцу Датины занял чуть меньше недели.

Плененному кораблю пришлось поднатужиться, чтобы не отстать от окружающих его боевых звездолетов. Но с этим он справился, и землянин с одиноким получили некоторое представление о возможностях кораблей шеннов.

Ничего другого узнать им не удалось. Они по-прежнему оставались в неведении, что же такое рассказал своим братьям Гэхуд, из-за чего вся эскадра ринулась домой. Шенны то и дело принимались допрашивать их по гиперкому. Вопросы были случайными и частенько повторялись, из чего пленники справедливо заключили, что допрашивают их все, кто ни попадя, и когда взбредет в голову. Разговоры эти заканчивались обычно похвалой и угрозами. Ван Рийн на многие вопросы отвечал искренне, ибо Тея легко могла поймать его на лжи в том, что касалось населенности крупных миров и продуктивности работающих на них производств, целей и задач Торгово-технической Лиги, тех или иных народов и культур. Однако ей явно было неприятно поведение ее владык, и она пыталась придать их словам хотя бы подобие вежливости при переводе. Но ван Рийну не составляло труда вывести ее на чистую воду. Обычно разговор шел таким вот образом:

— Лорду Нимрану хочется побольше узнать о ранней истории Земли, — сказала Тея торговцу. Компьютеры обеих сторон преобразовывали точки-тире в электромагнитные волны. — Особенно его интересуют наследовавшие друг другу цивилизации.

— Вроде греков с минойцами, западного христианского мира с Римской империей или турок с Византией? — уточнил ван Рийн. — Везде все происходило по-разному. И было это давным-давно. Чего это он вдруг заинтересовался?

Он представил себе, как она покраснела.

— Это не ваше дело.

— О, я ничуть не против прочитать ему лекцию. Вот только налью себе еще пивка. Вести беседу всухую... — Ван Рийн загля-

нул в охладитель, который Эдзел для него перетащил на мостик. — Иди ко мне, моя рыбка.

Эти последние его слова тоже были преобразованы компьютером в гиперимпульсы. ЭВМ на корабле шеннов переводить не могла, но в память ее был введен лексический минимум английского языка. Так, значит, Тей наверняка скажет Нимрану, что он не ответил на вопрос. Интересно, что сделает минотавр — схватится за пистолет? Когда женщина заговорила вновь, в словах ее послышалась мольба, несмотря на произносивший их механический голос:

— Не злите его. Они становятся просто ужасными, когда рассердятся.

Ван Рийн открыл бутылку и налил пиво в стакан.

— Ага, конечно, конечно. Я только пытаюсь помочь. Однако скажите ему, что мне надо знать точнее, чего он от меня ожидает. И зачем. Мне так кажется, что культура шеннов не породила ученых, интересующихся чем-то просто из любопытства.

— Люди переоценивают любопытство. Это обезьянья привычка.

— Ну как же, ну как же. У каждого свои инстинкты; порой они совпадают с инстинктами другого народа, а порой — нет. Так вот, мне нужно знать основные инстинкты ваших... хм, владельцев, иначе как я могу ответить на их вопрос? Быть может, получится так, что мой ответ будет для них бессмыслицей. Хорошо, вы мне сказали, что на Датине нет настоящей науки. Никто не проявляет интереса к тому, что не может быть употреблено с пользой, съедено, выпито (Ааахх!), продано, — ну и так далее. С вашего разрешения продолжать я не буду, чтобы не оскорблять в вас женщину.

— Вы упрощаете.

— Согласен. Разве можно в нескольких словах описать хотя бы одного индивидуума, не говоря уж о цивилизации? Конечно, упрощаю. Но, грубо говоря, неужели я не прав? Или вы будете утверждать, что в их обществе процветают абстрактные науки?

— Хорошо-хорошо, не буду.

Наступила пауза: скорее всего Тее снова пришлось успокаивать Нимрана.

Ван Рийн отер пену с усов и сказал:

— Отсюда я делаю вывод, что цивилизация у шеннов была лишь одна.

— Да-да. Подождите, я должна договорить с ним.

Через пару минут гиперком снова ожил:

— Если вы будете уваливать от ответа, последствия могут быть самые серьезные.

— Но, милочка, я же сказал вам, что не понял его вопроса. Он спросил меня не из научного любопытства, значит, он

полагает, что история смены культур на Земле поможет ему разобраться в ситуации на Датине. Верно?

После секундного колебания:

— Да.

— Отлично, так давайте же установим, чего он хочет. Что его интересует? Как индусы выжили со своих земель прежних хозяев? Как образовались этносы-гибриды вроде арабов или нашей Техноцивилизации? Как одна культура влилась в другую, скажем, Рим в Византию? Что?

Ее ответ был исполнен отчаяния:

— Я сама ничего не знаю об истории Земли.

— Спросите его. Или лучше, давайте я спрошу через вас.

После нескольких подобных разговоров ван Рийн окончательно укрепился в своих подозрениях. Не сами шенны создали ту умопомрачительную кибернетическую структуру, которой они пользовались. Они переняли ее у неких своих предшественников вместе со многим другим. Однако еще больше погибло, ибо шенны были завоевателями, истребителями, дикарями, захватившими здание, воздвигнутое цивилизованными существами, и уничтожили последних (как такое могло случиться?).

Значит, они куда более опасны, чем казалось раньше. И эту опасность не уменьшает даже их травоядность (в результате какой эволюции смогли возникнуть воинственные травоядные?).

У них хватило мозгов, чтобы обратить внимание на рекомендацию компьютера «Сириндипити» относительно планеты у беты Креста. Они поняли промышленную ценность бродяги. Но их больше заботило, чтобы об этом не догадались другие, чем использование планеты в собственных целях. Ведь они не были ни торговцами, ни сколько-нибудь серьезными промышленниками. Роботы обеспечивали их всем необходимым, строили оборудование и сами за ним присматривали. Поэтому шенны не стремились к коммерческим или культурным контактам с Техноцивилизацией. Даже наоборот — они считали, что сосуществование — невозможно. (Почему?)

Операция с «Сириндипити» была для них типичной. Когда впервые они столкнулись с другими народами, путешествующими по Галактике и колонизирующими планеты, — а произошло это на задворках сферы влияния Техноцивилизации, — они принялись изучать их. Методы их отличались один от другого в пространстве и во времени. Силой они действовали не всегда; когда нужно, шенны могут быть ох каким хитрым. Поскольку никто не помнит точного числа планет, обитатели которых вышли в космос, шеннам вовсе ни к чему было признаваться, что они, так сказать, снаружи, и вопросы их не вызывали подозрения.

Тем не менее всей желаемой информации таким вот образом они добыть не смогли. И нашелся гениальный самец, предложивший заслать на вражескую территорию шпионов, да таких,

у которых отбоя не будет от предложений в сотрудничестве. Собратья согласились с его идеей. Однако ни у какого шенна не достало бы терпения возиться с этой лавочкой в Лунограде. И дело поручили компьютерам.

Пусть так, но ведь базовые программы для машин и правила поведения для людей составили сами шенны. И здесь снова проявила себя их природа. Если назревает что-то важное, то действовать нужно смело и решительно! Многие другие существа сначала продумали бы все до мелочей. Но не шенны. Им было некогда. Они всегда предпочитали действие выжиданию. Главное — нанести удар, а потери будем считать потом.

У шеннов была причина испытывать недоверие к бродящим по космосу существам иных рас. (А недоверие, естественно, породило в них ненависть.) Сами по себе они были малочисленны. Колонизация других планет продвигалась не очень-то успешно. Четыре пятых взрослого населения их планеты годилось только в помощники — ибо полигеничных изобретательных самцов было в четыре раза меньше, чем тупоголовых, подобоострастных самок. Политическая система их общества была чрезвычайно примитивной. Патриархи с замашками баранов управляли громадными поместьями, напоминавшими независимые королевства, и в случае необходимости совещались между собой или что-либо вместе предпринимали — но на строго добровольной основе. И это именовалось государством. Экономическая структура тоже была не лучше. (Как вообще такой народ мог выбраться из палеолита и уничтожить своих предшественников, заполонивших планету машинами и стремившихся к звездам?)

Входящие в Лигу компании обдерут их до последней нитки. Волна поселений не обязательно погребет их под собой — было бы из-за чего стараться, — но наверняка поглотит все маломальски пригодные для жизни планеты вокруг Датины. Лучшее, на что могут рассчитывать шенны, — что попадут в число бороздящих космос народов. А таких нынче наберется не одна сотня. Да и то, чтобы добиться хотя бы этого, им придется здорово поднапрячься.

Разумеется, даже одна мысль о подобном развитии событий была для них непереносимой.

Но каким бы нелепым их общество ни казалось, с самими шеннами шутки были плохи. Они были такими же злобными, как бациллы в своем первом нашествии на Европу. Или даже больше — Европа ведь выжила.

Глава 22

Солнце Датины показалось Эдзелу знакомым — средних размеров звезда F-типа, в 5,4 раза ярче Солнца, скорее белая, чем золотистая. Но, проверив показания имеющихся на борту

приборов, он не поверил собственным глазам. Повторив исследования, получил те же самые результаты.

— Это не обычная звезда, — сказал он.

— Что, собирается стать новой? — с надеждой поинтересовался ван Рийн.

— К сожалению, нет, — Эдзел увеличил изображение, одновременно убавив яркость. На экране показался диск звезды. Обширная корона сверкала незамутненным перламутровым светом, но на фоне ее метались огненные протуберанцы и плотным сгустком пульсировали пятна. — Смотрите, какое излучение. А этот сложный рисунок? Все свидетельствует о наличии сильного, непостоянного магнитного поля. Ого!.. — На «поверхности» звезды ослепительным светом вспыхнула на мгновение точка размером с булавочную головку. — Ядерный взрыв в фотосфере! Представляете, какие нужны конвекционные течения и плазменные эффекты для того, чтобы он произошел! Спектроскопический анализ подтверждает факты, полученные при визуальном наблюдении, и измерение радиации тоже. Даже там, где мы сейчас находимся, солнечный ветер весьма ощутим. Судя по показаниям приборов, его строение в высокой степени подвержено изменениям. — Мясистые губы Эдзела сложились во встревоженную усмешку. — Мне доводилось слышать о таких звездах, но я и не предполагал, что повезет собственными глазами увидеть одну из них.

— Я вижу, тебе весело, — пробурчал ван Рийн. — Рад за тебя. Когда меня в следующий раз пригласят на похороны, возьми тебя с собой: будешь петь «Хей-нонни-нонни» и приплясывать. Нам-то что от этого?

— У этой звезды не только большие размеры, но и необычный состав: она наспигована металлами. Возможно, она образовалась где-нибудь по соседству с недавней Сверхновой. Нормальная эволюция ее усложнена дополнительными процессами синтеза, некоторые из которых закончились расщеплением. Это влияет на внутреннюю структуру звезды, что, в свою очередь, определяет величину излучения. В общем, ее можно назвать нерегулярно переменной звездой. Конечно, это не совсем то, но и подобное случается крайне редко. Если я правильно понял, в данный момент мы наблюдаем послепиковое состояние, продолжающееся вот уже — занх-х-х — несколько тысячелетий.

— Но этот пик не уничтожил жизнь на Датине?

— По всей видимости — нет. Светимость звезды до такой степени как будто не возрастала. Но, разумеется, раз планета попала в поток заряженных частиц, на ней должны были произойти существенные биологические сдвиги.

Ван Рийн что-то буркнул, поудобнее устроился в кресле и протянул руку за трубкой. Когда надо было крепко подумать, он курил именно ее.

Эскадра приблизилась к Датине. Компьютер плененного корабля, выполняя распоряжения экипажа, активировал все датчики и сообщил о бурной деятельности в окружающем пространстве: звездолеты строились, кружили по орбитам, прилетали и улетали. Но Эдзелу было не до того: его внимание целиком захватила планета.

Она была четвертой по счету от Солнца. Период обращения вокруг звезды составлял 2,14 стандартных года на среднем расстоянии в две астрономические единицы.

Масса ее приблизительно равнялась массе Марса: 0,433 земной. Экваториальный диаметр — всего 7950 километров. Несмотря на это и на вдвое меньший по сравнению с Землей уровень получаемого тепла и света, Датина имела протяженную кислородно-азотную атмосферу. На больших высотах давление было крайне низким, но на уровне моря даже чуть превышало земное. Такой объем газа объяснялся в первую очередь планетным составом; распространенность тяжелых элементов обеспечивала чистый удельный вес в 9,4 и поверхностное ускорение в 1,075 см/сек в квадрате. На заре своей юности этот мир, должно быть, подвергся сильной дегазации, ибо богатое металлами ядро, несомненно, растрачивало свою энергию в мощных вулканических извержениях. Ныне же эта энергия и непривычно малый период обращения планеты вокруг своей оси — он равнялся семнадцати с четвертью часам — порождали сильное магнитное поле, защищавшее атмосферу Датины от воздействия солнечной радиации. Задача облегчалась тем, что у планеты шеннов не было спутников.

Отороченная чернотой пространства, Датина представляла собой удивительное зрелище. Гидросфера ее была куда беднее земной: кванты ультрафиолетового излучения звезды расщепили множество молекул воды. Однако континентальные массивы этой планеты были, если можно так выразиться, пологими, и потому вода покрывала примерно половину ее территории. Мелкие, лишенные приливов моря чуть колыхались под красно-желто-коричневым ковром каких-то водорослей.

Поскольку угол наклона планеты к оси был незначительным, а краевой эффект сравнительно небольшим, полярные области мало чем отличались от экваториальных. Но вот нагорья существенно разнились с долинами, что было вовсе не удивительно, если принять во внимание скачки атмосферного давления. Почва низин, особенно в прибрежных районах, как будто была плодородной: при максимальном увеличении на обзорном экране видны

стали темно-золотистые леса, луга и поля. В горах же не было ничего, кроме камня и льда.

Но плодородные земли были оазисами среди огромных пустынь, где песчаные бури хлестали красные скалы. Пустыни эти возникли сравнительно недавно с геологической, да и с исторической точек зрения, ибо тут и там виднелись башни, развалины древних городов, дороги и линии электропередач. Песок еще не успел похоронить все это под собой.

— Неужели солнце сожгло эти земли? — тихо, почти шепотом спросил ван Рийн.

— Нет, — отозвался Эдзел. — Причина здесь в другом.

— Почему это?

— Повышение температуры ведет к испарению влаги — следовательно, более интенсивно начинают образовываться облака, увеличивается альбедо. Кроме того, если одним зонам скачок пошел во вред, то другим он был бы только во благо. Другими словами, жизнь мигрировала бы к полюсам и в горы. Но вы же сами видите, что на высоких широтах и на больших высотах здесь положение ничуть не лучше. И потом, развитая, создавшая генераторы энергии цивилизация уж как-нибудь бы выдержала простую перемену климата — ведь перемена эта случилась не в одну ночь.

— Тогда что же, война?

— Следов применения ядерного оружия не видно. А химическое и бактериологическое, насколько мне известно, не способны выжечь такие проплешины на поверхности планеты. Мне кажется, — закончил Эдзел мрачно, — что причина катастрофы была куда серьезнее, а о последствиях мы даже не догадываемся.

Развить свою мысль он не успел, ибо корабль их получил приказ войти в атмосферу. Конвоируемый двумя эсминцами и тендером, на котором находились Моэт с Теей, звездолет опустился неподалеку от родового замка шенна. Едва корабли совершили посадку, к ним устремилась толпа вооруженных существ.

Следующие три дня ван Рийн с Эдзелом уделили осмотру местных достопримечательностей. Их сопровождала Тея.

— Я упростила своего повелителя разрешить вам эти прогулки, пока он занят на Большом Совете, — сказала она. — Мы надеемся, что, лучше узнав наше общество, вы сообщите нам полезные сведения. — И добавила, не поднимая глаз: — Вы ведь не откажетесь, правда? Отказ означает смерть. А если вы хорошо ему послужите, мой повелитель хорошо с вами обойдется.

— Ладно, пойдемте поглядим, где нам предстоит провести остаток своих дней, — сказал ван Рийн.

С них не спускали глаз. Куда бы они ни пошли, за ними повсюду следовали несколько молодых шеннов — сыновья, племянники, вассалы Моэта, его дружина. Кроме того, над замком постоянно кружили вооруженные лазерными пушками автоматические шлюпки на воздушной подушке.

Эдзел привлекал к себе всеобщее внимание. Самки тарацились на него, когда он проходил мимо. Юнцы и не занятые работой слуги преследовали по пятам.

Шенны, вопреки уверениям Теи, не лишены были любопытства. Вовсе нет, просто оно присутствовало у них далеко не в такой степени, как, скажем, у гомоти или драконокентаурус сапиенс. Эти последние жадно стремились к познанию всего нового.

Вообще-то замком поместье Моэта можно было назвать только с большой натяжкой. Некогда это был ряд соединенных между собой зданий — огромный массив, километров пять-шесть длиной и метров пятьсот—шестьсот в высоту. Но, несмотря на кажущуюся громоздкость, он не лишен был известного очарования: это буйство красок, эти радовавшие глаз хрустальные колонны, эти взметнувшиеся в небо башни, лепестковые шпили которых терялись среди облаков! Когда-то здесь жили и работали, сменяя друг друга поколения за поколения, миллионы существ; когда-то этот замок, полностью автоматизированный, питавшийся от источника ядерной энергии, связан был со всей планетой шоссе и линиями коммуникаций.

Теперь же он был наполовину разрушен. Колонны попадали, в крышах зияли прорехи, машины покрылись слоем ржавчины, в башенках поселились твари, похожие на птиц, а по комнатам шныряли твари, похожие на крыс. Хотя роботы и следили за сохранившейся частью замка, но гулкая пустота коридоров, комнат, холлов и террас произвела на Эдзела с ван Рийном еще более тягостное впечатление.

Тея отказалась рассказать, что здесь в свое время произошло.

— Вам что, запрещено об этом говорить? — спросил у нее Эдзел.

Она закусила губу.

— Нет, — отозвалась она печально, — нет. Я сама не хочу. — Потом прибавила: — Вы не поймете. У вас сложится неверное представление. Быть может, потом, когда вы узнаете наших повелителей шеннов...

Из помещений в сохранившейся части замка использовалась примерно половина. Прошлые шеннов вроде бы не преследовало. Они как будто бы воспринимали эти грандиозные развалины как необходимую часть пейзажа. Поселившись однажды в замке, они тщательно обшарили руины, забрали оттуда все мало-мальски ценное и забыли про них.

Несмотря на запустение, царившее во внутренних помещениях замка, за стенами его и на замковом дворе жизнь была

спокойно можно будет хоронить, потому что он наверняка умрет, и некому будет его оплакивать...

В конце концов Тея встревожилась и взяла на себя ответственность изменить их местопребывание. Двое инженеров при помощи роботов сняли со звездолета Лиги силовые установки. Теперь пленникам не улететь, даже если они очень этого захотят. Поэтому они вполне могут спать на борту корабля, а для охраны их достаточно двоих-троих шеннов с бластерами.

На третий день, поздно вечером, вернулся Моэт.

Встречавшие его подданные подняли такой шум, что стоявшим поодаль ван Рийну с Эдзелом стало не по себе. Моэт обратился к своим вассалам с верхней шлюзовой палубы своего личного космофлиггера. Голос его напоминал раскаты грома. Ответом ему был восторженный рев. Молодые шенны вопили, приплясывали, водили хороводы, стучали кулаками по бортам флиггера, размахивали архаичными мечами и палили в воздух из самых суперсовременных ружей. Над самой высокой из сохранившихся башен замка развевалось ярко-красное знамя.

— Что он говорит? — спросил ван Рийн.

Тея стояла неподвижно, уставившись в пространство невидящим взором. Торговец схватил ее за руку.

— Переведите мне, что он говорит! — К ним двинулся было стражник, но на пути у него встал Эдзел. Ван Рийн гаркнул так, что голос его чуть не перекрыл рев Моэта: — Переведите мне, что он говорит! Я приказываю!

И она, находясь в шоковом состоянии, механически повиновалась.

Вскоре после этого пленников загнали обратно в звездолет. Зашипели клапаны шлюзов. На экранах холодные звезды сверкали над серыми тенями датинской ночи; у стен ярко освещенного замка полыхали громадные костры. Из шумоуловителей доносилось завывание ветра, рев горнов, грохот барабанов, клацанье мечей и вопли шеннов.

Ван Рийн сказал Эдзелу:

— В твоём распоряжении целый час. Займись чем хочешь. Мне надо посидеть со святым Дисмасом. Хочу, понимаешь, исповедаться. — Потом, хмыкнув, прибавил: — Спорим на что угодно: от моей исповеди у него уши завянут!

— Я, пожалуй, займусь медитированием, — сказал Эдзел, — а через час приду к вам на мостик.

Именно там, на мостике, ван Рийн объяснил одиниту, почему он сдался в плен у безымянной звезды.

— Но ведь мы могли и улизнуть от них, — возразил Эдзел. — Разумеется, шансов было ничтожно мало. Но в худшем случае они догнали бы нас и уничтожили. Наша смерть была бы мгновенной, зато мы умерли бы на свободе, так сказать, героически. Неужели вы предпочли участь раба на Датине?

— Послушай, — ответил ван Рийн необычайно серьезно, — необходимо, крайне необходимо, чтобы у нас дома узнали, что это за личности и к чему они стремятся. По-моему, от них за версту разит войной. Они могут победить, а могут потерпеть поражение. Но даже одна-единственная внезапная атака на плотно населенную планету, да если еще с ядерным оружием, — сколько жизней она унесет? Миллионы? Биллионы? А обожженные, ослепшие, калеки, мутанты... Я, конечно, греховодник, но не до такой же степени, чтобы не попытаться спасти своих сородичей!

— Конечно-конечно, — сказал Эдзел, непривычно взволнованный. — Но если бы мы сбежали, мы смогли бы дополнить те сообщения, которые вы отправили на Землю, еще раз предостеречь. Однако мы направились на Датину — и что? О да, здесь ценных сведений мы соберем гораздо больше. Но какая от этого польза? К находящемуся в рабочем состоянии звездолету нас наверняка не подпустят. А в военной разведке главное — не сбор сведений, а их доставка. Классический пример.

— Ты был бы прав, — отозвался ван Рийн, — когда бы не одно «но». Вполне возможно, что мы на этой планете не одни.

— Ярру! — только и сказал Эдзел. Он подобрал хвост, уселся прямо на пол и приготовился слушать.

— Вспомни-ка, — продолжал ван Рийн, попыхивая сигарой, в руке он сжимал стакан с джином, — тот самый Гэхуд был владельцем Хью Латимера. Об этом нам известно от Теи. Кроме того, мы знаем, что он потерял Латимера. А еще мы знаем, что от его новостей у всех тут шарики позаходили за ролики. Правильно? Это нам известно наверняка. Но ведь тогда становится ясным и все остальное.

Судя по хронометражу, Датину от этой звезды отделяет неделя полета. Проведя прямую линию между ней и Солнцем, мы если и промахнемся, то ненамного. А до беты Креста от Солнца две недели лету. Если немножко посчитать, прикинуть угол между Южным Крестом и Компасом — согласен, расчеты довольно приблизительные, но хронометраж подтверждает их, — то получается вот что.

Латимер, прилетев на Датину, сообщил своему боссу Гэхуду о бродяге. Гэхуд рванул к бете Креста посмотреть на планету своими глазами — мы ведь убедились, что шенны ведут себя как быки в посудной лавке, а жизнь эта самая лавка и есть — и прихватил с собой Латимера. Предположим, перелет у них занял две с половиной недели. Значит, когда они прилетели, Дэви Фолкейн и Чи Лан еще находились там! наших друзей всего двое, и в меньший срок они уложиться не могли. Вот. Потом Гэхуд напрямик возвращается на Датину, где узнает о назначенной встрече с нами. Поэтому он мчится вослед своим

друзьям, догоняет их и что-то им сообщает. По времени все совпадает, как и по всему остальному.

— Да, — выдохнул Эдзел. Кончик хвоста его шевельнулся. — Гэхуд прилетел сильно взволнованный и без Латимера, которого он потерял.

— Вот именно — и где же еще, как не у беты Креста! — воскликнул ван Рийн. — Если бы он погиб где-нибудь еще, никому бы не было до этого дела, исключая, быть может, Гэхуда. Так что скорее всего Гэхуд схватился с нашими друзьями. И получил по заслугам. Ведь если бы победил он, то вряд ли стал бы так верещать об этом... да и другие шенны вели бы себя поспокойнее.

И вот еще что: никто бы и не чихнул, если бы Латимер погиб в бою. Одним рабом меньше, а? Но если его захватили в плен — хо-хо! Тогда картина получается совсем другая. Из него ведь можно выкачать много интересного, и в частности — координаты Датины. Неудивительно, что Гэхуд примчался сюда как ошпаренный! Ему надо было предупредить шеннов об изменившейся ситуации, пока они, чего доброго, не договорились с нами. Ну как? — Ван Рийн залпом выпил джин.

— Значит, «Через пень-колоду» сейчас летит к Земле со всеми необходимыми сведениями, — кивнул Эдзел. — Вы рассчитываете, что нас освободят десантники Космофлота?

— Вот уж нет, — сказал ван Рийн. — Не забудь, мы ведь в руках у тех, кто запросто способен сорвать на нас с тобой горечь своего поражения. А потому сказать наверное, надвигается ли война, пока невозможно. Мы с тобою хотим не допустить ее. Кста-ти сказать, я не уверен и в том, что «Через пень-колоду» направляется домой. Было бы здорово, если бы шенны думали, как ты.

— Но куда еще он может лететь? — спросил Эдзел озадаченно.

— Ты не человек и потому не всегда можешь уследить за ходом человеческой мысли. Как, между прочим, и шенны. Разве ты забыл: Фолкейн мог отправить на Землю капсулу с добытыми данными. Он видел, как улепetyивает Гэхуд. Он знал, что Гэхуд переполошит всю Датину. Что в скором времени об исследовании этой планеты можно будет только мечтать. А вот если скорее отправиться прямиком туда, куда они считают, что координаты их мира нам неизвестны, и потому, очевидно, не очень-то заботятся об обороне, — вот тогда можно проскочить.

— Вы считаете, что они до сих пор здесь?

— Вполне возможно. За один день планету ведь не изучишь. Разумеется, Фолкейн должен был придумать, как им выбраться отсюда. Ван Рийн поднял голову, выпрямился, развел плечи и выпятил живот.

— Быть может, он захватит нас с собой. Быть может, нет. Но — великий Боже! — в любом случае он сможет доставить

домой ту информацию, которую мы ему передадим. Я знаю, в моих рассуждениях много всяких «если». Расклад не в нашу пользу. Но нам не остается ничего другого, как рискнуть.

— Пожалуй, да, — медленно произнес Эдзел.

Когда они снова сошлись на мостике, праздник в замке уже заканчивался. Костры догорали, и холодные звезды проступили более отчетливо.

— Нам повезло, что они не сняли переговорные устройства, — сказал Эдзел.

Если их передачу засекут, смерти им не избежать. Но землянин с одинитом, считая себя обреченными, уже свыклись с этой мыслью, и потому о сантиментах не было и речи. Правда, когда ван Рийн уселся в кресло, дракон положил ему на плечо свою чешуйчатую лапу; человек легонько похлопал по ней.

— А с чего бы им это делать? — спросил ван Рийн. — Они ведь не подозревают, что Дэви и Чи могут быть неподалеку. Кроме того, я сказал Белдэниэл, что лучше пойму шеннов, когда послушаю их программы. — Он сплюнул. — Сплошной вой.

— На какой волне вы будете вызывать?

— На третьей стандартной технической. Я проверял: шенны ею почти не пользуются. А один из приемников «Через пень-колоду» должен быть настроен на нее.

— «Через пень-колоду» нас услышит, если его не захватили, не уничтожили и если он достаточно близко. И если нашу передачу не перехватят.

— У нас нет выхода, приятель. Да и потом, радиооператор шеннов, которому случится запеленговать наш код, скорей всего сочтет его обычным. Я ведь недаром выбрал эту частоту. Открой пиво и набей мою трубку, ладно? А я начну передавать.

Его пальцы проворно побежали по клавишам.

«Говорит Николас ван Рийн, торговец, член Торгово-технической Лиги...

О планете Датина и большей части ее населения мы узнали следующее...

А теперь основная часть моего сообщения.

Поняв, что местоположение их планеты, по всей видимости, больше не является тайной, шенны, в отличие от других разумных существ, не стали укреплять оборону, выискивая в то же время способы закончить дело миром. Их Большой Совет принял решение напасть на нас, пока слабо организованная Техноцивилизация не успела сплотиться в единое целое. Из того немногого, что мы смогли узнать, идея нападения не бред сумасшедшего. Корабли-роботы шеннов многочисленны и значительно превосходят по своей огневой мощи любое судно соответствующего класса. Разведка шеннов получила от «Сириндипити» много достоверных сведений о расах и обществах, входящих в

Техноцивилизацию. Помимо всего прочего, им известно, что центром цивилизации является Содружество, которое давно уже не знало войн и не подозревает об угрозе нападения. Вражеский флот может проскользнуть на территорию Содружества незамеченным; когда же эти корабли обнаружат, будет уже поздно.

Шенны планируют нанести несколько массированных ударов по основным планетам Содружества и по некоторым другим. Из хаоса, который возникнет в результате всего этого, Датина надеется извлечь все возможное и подчинить себе все миры Техноцивилизации. Преуспеют шенны в своих устремлениях или нет, но целым народам и культурам, несчетным миллиардам разумных существ угрожает опасность уничтожения.

Врагу потребуется некоторое время, чтобы собраться с силами и разработать план атаки. Учитывая высокомерие предводителей шеннов и полуанархический характер их общества, можно предсказать, что сборы будут довольно долгими. С другой стороны, врожденная агрессивность может заставить их ринуться в атаку сломя голову.

Лига в состоянии принять необходимые контрмеры и отразить удар, не прибегая к правительственной помощи, если только ее заранее предупредить. Это предупреждение следует передать как можно скорее. Я обращаюсь к Дэвиду Фолкейну и Чи Лан, а также к тем, кто случайно оказался поблизости: не медлите ни секунды. Немедленно отправляйтесь домой и поставьте в известность обо всем случившемся руководство Лиги».

Глава 23

Нагревшаяся за день пустыня с наступлением ночи быстро растеряла тепло. Призрачно-серые дюны проступали из темноты в свете далеких звезд; скалы отбрасывали на песок неясные тени. Цинтианка распушила свой мех, чтобы согреться. Вот уже несколько минут, как она, приземлившись, лежит за этим колючим кустом, не слыша ничего, кроме ветра, не видя ничего, кроме пыльной завесы, не ощущая ничего, кроме острого запаха мускуса.

Она выжидала, и не столько из-за зверей, обитавших в развалинах. Нет, оружие — бластер, ручной пулемет, игломет и станнер — надежно защищало Чи Лан от хищников; что касается ядовитых тварей, здесь она целиком полагалась на свои органы чувств и рефлексы. В основном она так осторожничала потому, что чаще всего в развалинах обитали датинцы. Хотя на вид это были наполовину одичавшие охотники и пастухи, они владели огнестрельным оружием. Хуже того, Пень определил, что в их становищах имеются электронные трансиверы, доставленные, несомненно, купцами из «баронств».

Исследовать же более крупные и цивилизованные поселения Чи с Фолкейном опасались, ибо пока слабо представляли себе, что такое шенны и их планета.

«Через пень-колоду» без труда смог совершить посадку. Повелители этого мира никак не предполагали, что их обнаружат, и потому не позаботились вывести на орбиту достаточное количество сторожевых звездолетов. По той же причине они пока не применяли мониторы контроля движения в атмосфере. Но стоит только какому-нибудь шенну столкнуться с чужаками, и ситуация изменится в одну секунду.

Поэтому корабль Лиги перелетал с места на место лишь ночью, а днем затаивался в пустыне. Поэтому Фолкейн не отваживался на вылазки. Он был слишком большим и неуклюжим. А Чи Лан с помощью гравиимпеллера могла забираться довольно далеко.

Развалины оказались пустыми. Цинтианка даже ожидала этого. Почва вокруг была так изъедена эрозией, что даже кочевники могли тут существовать, лишь перебиваясь с хлеба на воду. Чи заметила следы их пребывания: груды камней, кострища, мусор. Но все это покрывал слой пыли. Племя — вернее патриархальный клан — ушло дальше по своему бродяжьему пути. Порядок. Фолкейн перегонит сюда звездолет и сможет спокойно тут работать. Здешнее поселение как будто побогаче того, которое он сейчас раскапывает.

Все больше и больше они убеждались в том, что ключ к пониманию настоящего и будущего Датины лежит в ее недавнем прошлом, в падении могущественной цивилизации. В гибели целого народа.

Выбравшись из-за укрытия, Чи осторожно приблизилась к руинам. Выступавшие из песка обломки колонн, стен, лестниц, проржавевшие каркасы машин напоминали могильные камни. Высокие стены были наполовину разрушены непогодой и ветрами, местами проломлены; черными дырами зияли в них окна, и настежь распахнуты были двери. Мало кто из первых датиинцев остался в живых; вряд ли теперь возможно найти на этой планете хотя бы одну уцелевшую крепость. Нет, шенны покоряли их, грабили, разрушали — а защитников убивали.

Что-то шевельнулось в тени. Чи, выгнув спину и подняв хвост, бросила руку к поясу с оружием. Но это оказалась всего лишь какая-то многоножка, которая поспешно ретировалась.

Главные ворота замка открывались в просторный зал, некогда, очевидно, он был изумительно хорош. Высоченные колонны, облицованные мрамором и малахитом, фонтаны, статуи... Но теперь — теперь это была мрачная пещера, по которой гуляло

эхо. Пол покрыт был песком и мусором, словно становище кочевников, каменные украшения в большинстве своем разбиты, мозаичные панно едва проглядывали из-под толстого слоя сажи. Но когда Чи направила фонарь вверх, в луче света внезапно заиграли краски. Включив импеллер, она поднялась в воздух. Ютившиеся под потолком крылатые твари с тонким писком бросились врассыпную.

Стены были расписаны до самого верха. Чи привела в восторг благородная простота рисунка. Краски были богатыми и в то же время сдержанными, фигуры — героическими и живыми. Она не знала, что здесь изображено, какие события, мифы, какие аллегории; понимала, что этого ей никогда не узнать, и почему-то от этой мысли на мгновение ей стало больно. Чтобы успокоиться, она принялась разглядывать рисунки, пытаясь ухватить сюжетную канву.

До сих пор им ни разу не попадалось такой вот портретной галереи древних датицев. Фолкейн раскопал их останки, заметил проломленные черепа и наконечники стрел между ребрами. Но сейчас, освещенные тонким лучом фонаря, они как будто ожили в беспредельной ночи. Увидев их лица, Чи Лан была потрясена.

Они чем-то напоминали шеннов, но только и всего. Фолкейн попытался было по строению костей доказать, что Древние так же близки шеннам, как монголоиды к негроидам на Земле, но не смог. И эти рисунки на своем бессловесном языке опровергали его.

Разница между двумя народами была не просто типологической. Кроме Древних, на рисунках изображены были всякие растения и животные, некоторые из которых сохранились и по сей день. Чи Лан смогла составить примерное представление о предшественниках шеннов на Датине. Они были меньше ростом — на картинах не было не единого существа выше ста восьмидесяти сантиметров, стройнее, волосатее, хотя гривы у самцов отсутствовали. Но этим сходство и заканчивалось. На той части стены, которую рассматривала Чи, изображены были, очевидно, представители всех автохтонных племен в национальных костюмах и с символами — так показалось цинтианке — своего края в руках. Вот коренастый крупноголовый самец с золотистым мехом; в одной руке у него серп, в другой — саженец. Маленькая смуглая самочка в расшитом платье — веки чуть набрякли — играет на арфе. А вот лысый старик в юбке, наподобие шотландского килта, с искаженной гримасой физиономией вознес свой посох над головой несущей спелые фрукты самки, словно обороняя ее от врагов. Лицо этой последней было совершенно круглым. У того, кто рисовал их, были искусная рука, верный тренированный глаз и любящее сердце.

Но сегодня на Датине существует только одна раса. Это было до того необычно, до того неправдоподобно, что мысли Чи Лан и Фолкейна невольно снова и снова возвращались к этой проблеме.

И опять двадцать пять! На картинах, где вроде бы нашлось место всем, не было и намека на шеннов.

Табу? Неприязнь? Гонения? Чи даже сплюнула.

Все указывало на то, что погибшая цивилизация была единой и рационалистической, так что о каких гонениях может идти речь? Отдельные рисунки изображали, по всей видимости, как развивалось древнее датинское общество. На одном из них обнаженный самец, размахивая суком, отгонял от своей самки большого хищного зверя. На следующих уже появились заостренные металлические приспособления: но это были инструменты, а не оружие. Датинцы работали, по одному или целыми группами, но не сражались. И насколько Чи поняла, дело здесь было вовсе не в любви художника к батальным сценам. Нет, на двух рисунках изображены были схватки между двумя датинцами. Скорее всего они отражали исторические или легендарные события, правду о которых уже никогда не узнать. На первом, по всей видимости, более раннем рисунке, в руках одного из самцов был нож, в руках другого — топор дровосека. На втором противники были вооружены примитивными фитильными мушкетами, предназначенными, очевидно, для борьбы с дикими зверями... а на заднем плане виднелись паровые машины и линии электропередач.

Кроме того, отдельные фрески, похоже, воссоздавали занятия датинцев. Некоторые из них были узнаваемы, вроде сельскохозяйственных работ или столярных. О смысле других можно было только догадываться. (Что это? Церемония? Научные исследования? — Мертвые уже не расскажут.) Но среди этих занятий не было ни охоты, ни пастушества — если не считать животных, которых явно разводили ради шерсти, ни рыболовства; никто не ставил капканов и не забивал скот на бойне.

Все это, вместе взятое, могло означать лишь одно — вегетарианство. На Датине разумом обладали травоядные существа. Это не то чтобы обычно, но случается довольно часто. Нельзя сказать, чтобы души вегетарианцев были чище душ плотоядных или всеядных существ. Нет, но вот грехи у них иные. Однако хотя они могут легализовать дуэли и терпимо относиться к преступлениям, совершаемым из-за любви, но вот к войне они не стремятся, и даже самая мысль об охоте вызывает у них отвращение. Как правило, они живут стаями; эти стаи — семьи, кланы, племена, народности, не в названии дело — легко объединяются в более крупные образования по мере развития средств передвижения и коммуникации.

У шеннов же было все наоборот. Они убивали ради забавы, они поделили планету на поместья, они создавали оружие и строили боевые корабли, они угрожали соседней цивилизации, которая ничем их не оскорбила... «Короче, — подумала Чи Лан, — они ведут себя как люди. Если мы поймем, что породило их на свет, как они появились на этой некогда мирной планете, то, быть может, станет понятным, что нам с ними делать. Или, по крайней мере, что они намерены сделать с нами».

Подумать она не успела — неожиданно заработал коммуникатор. Это было устройство, которое передавало сигналы через кости черепа, так что их нельзя было подслушать. Тем не менее они с Фолкейном пользовались коммуникатором только в крайних случаях. Сигнал расшифровывался просто: «Возвращайся немедленно». Чи переключила импеллер на горизонтальную тягу и через дверь выскользнула наружу.

Холодно сверкали звезды, вспыхивали и тут же гасли зарницы. Решив, что в этот час ей опасаться некого, цинтианка надвинула на лицо маску и перевела импеллер на полный ход. Ветер засвистел в ушах. Путь предстоял неблизкий — сотня километров над заколоченной пустыней.

«Через пень-колоду» притаился на дне высохшего, поросшего кустарником каньона, так что его было незаметно с высоты. На краю каньона находилось то самое поселение, где Фолкейн усердно занимался раскопками. Очутившись в тени, Чи изменила частоту световых импульсов своего фонаря: он теперь работал в инфракрасном спектре. Затем нажатием кнопки активировала инфракрасные фильтры очков. Осторожность у Чи Лан, как и у любого другого плотоядного, была в крови.

Она продралась сквозь заросли и зависла над шлюзом звездолета. Детекторы опознали ее, и Пень открыл клапаны. Чи рванула внутрь.

— Дэвид! — крикнула она. — Во имя Цуши, что случилось?

— Много чего, — голос его никогда еще не был таким невыразительным. Или это штучки интеркома? — Я на мостике.

Она могла бы пролететь по коридору, но решила, что будет быстрее и лучше поработать мышцами. На четырех лапах, вздев хвост, она помчалась по кораблю и плюхнулась в свое кресло. Глаза ее сияли зеленым пламенем.

— Няор! — воскликнула она.

Фолкейн поглядел на нее. С тех пор как она покинула корабль, он не сомкнул глаз; на нем был все тот же пропыленный комбинезон. Кожа его задубела от работы, под ногтями была грязь. Выжженный солнцем вихор топорщился над виском.

— Я принял сообщение.

— Что? — Она напряглась. — От кого?

— Лично от Старого Ника. Он на этой планете... вместе с Эдзелом. — Фолкейн повернулся лицом к главной панели управления, как будто там жил некий корабельный дух. — Прочитай текст сообщения еще раз, — приказал он.

Зазвучали суровые, гнетущие слова.

На мостике воцарилась тишина.

Наконец Чи шевельнулась.

— Что ты предлагаешь? — спросила она тихо.

— Подчиниться приказу, что же еще, — отозвался Фолкейн. Его голос был таким же бесцветным, как у компьютера. — Я боюсь, мы и так уже вернемся домой слишком поздно. Но сначала надо решить, как нам выбраться отсюда. По сведениям Пня, на орбиту выходят все новые и новые сторожевики. Очевидно, шенны наконец-то забеспокоились. Вопрос заключается в следующем. Что лучше: попытаться тихонько прокрасться, уповая на то, что нас не заметят, или рвануть вверх на полной мощности, надеясь на внезапность и на то, что удастся затеряться в пространстве?

— Последнее, — сказала Чи. — Наша спасательная операция наверняка вызовет переполох. Но если мы все прикинем, так, чтобы проскочить между патрульными звездолетами...

— Чего? — Фолкейн выпрямился. — Кого это ты собираешься спасти?

— Эдзела, — ответила Чи. Усы ее подрагивали. — И ван Рийна, разумеется. Мы ведь не можем бросить Эдзела тут, ты же знаешь.

— Нет, не знаю! Слушай...

— Да, мы с ним, бывало, ругались, — перебила Чи, — но он мой товарищ, да и твой тоже. — Она наклонила голову и поглядела на гермеса. — Я всегда считала тебя порядочным человеком, Дэви.

— Да, но... но я такой и есть! — воскликнул Фолкейн. — Разве ты не слышала? Приказ — отправляться напрямик домой.

— Да при чем здесь это, в конце-то концов? Ты что, не хочешь освободить Эдзела?

— Конечно, хочу! Даже ценой собственной жизни. Но...

— Но позволишь ему умереть только потому, что этот пивной бочонок ван Рийн что-то там сказал.

Фолкейн судорожно вздохнул.

— Слушай, Чи, — сказал он. — Объясняю еще раз. Ван Рийн хочет, чтобы мы бросили и его. Он даже не сказал нам, где они находятся. Он использовал волну, которая огигает планету. То есть он может быть где угодно.

— Пень, — обратилась Чи к компьютеру, — ты можешь определить, откуда велась передача?

— По структуре отражений от ионосферы — да, с высокой вероятностью, — отозвался компьютер. — Это большое поселение, сравнительно недалеко отсюда, мы его видели при входе в атмосферу.

Чи снова повернулась к Фолкейну.

— Понял? — спросила она.

— Я что-то понял, а вот ты ничего не поняла! — крикнул он. — Что судьба Эдзела и ван Рийна — и наша тоже — по сравнению с судьбой целых миров? Так уж получилось, что они не могут известить Лигу, а мы можем.

— Мы так и сделаем, только захватим с собой Эдзела.

— Но нас могут подбить, пленить или... — Фолкейн остановился. Потом заговорил вновь, уже спокойнее: — Я знаю тебя, Чи. Твои предки были хищными зверями, охотившимися в одиночку или малыми группками. Поэтому ты так себя и ведешь. Твоему миру ничего не говорит слово «нация». Идея жертвования собой ради общества для тебя пустой звук. Чувство долга у тебя не слабее моего, даже, может быть, сильнее, но оно обрывается на родичах и друзьях. Все так. Это я понимаю. Но пораскинь мозгами, постарайся понять меня. Как тебе еще объяснить? Одна жизнь не стоит биллиона жизней.

— Конечно, — согласилась Чи. — Но это не дает нам права забывать о друзьях.

— Послушай...

Фолкейн замолк на полуслове. На него в упор глядело дуло станнера. Будь Чи человеком, он, пожалуй, попытался бы выбить пистолет из ее руки, а так он знал, что не успеет. Поэтому он сидел не шевелясь и слушал.

— Я предпочла бы не оглушать тебя. Без твоей помощи у меня может ничего не получиться. Однако я все равно попробую. Давай поговорим начистоту, Дэви. Согласись, нам по плечу справиться с этими деревенщинами. Иначе нам прямая дорога в приют для слабоумных.

— Чего ты хочешь от меня? — прошептал он.

— Пообещай, что pomoжешь мне вытащить Эдзела.

— И ты мневеришь?

— Да, потому что иначе один из нас должен будет умереть. — Пистолет по-прежнему нацелен был в лоб Фолкейну, но цинтианка отвела глаза. — А я вовсе этого не хочу, Дэви.

Он целую минуту сидел неподвижно. Потом ударил кулаком по подлокотнику кресла и расхохотался:

— Идет, чертовка ты этакая! Шантажистка. Твоя взяла... и клянусь Иудой, я рад этому!

Кое-как засунув пистолет обратно в кобуру, Чи прыгнула к нему на колени. Он погладил ее по спине и почесал под подбородком. Она хвостом повела ему по щеке. И сказала:

— Нам понадобится и их помощь. Нужно, чтобы они очень подробно описали то место, где находятся. Я подозреваю, что поначалу они упрутся. Постарайся втолковать, что им не остается ничего другого, как только помочь нам. Если мы не сможем вернуться домой все вместе, значит, никто из нас не вернется.

Глава 24

И снова Чи Лан действовала на собственный страх и риск. На космодроме перед крепостью Моэта видны были заиндевшие корпуса двух эсминцев, флиттера и звездолета, где держали пленников. Чи подобралась поближе. Так, охранников должно быть двое. Одного она разглядела: высокий, косматый, он беспокойно вертел головой, стоя на посту возле легкой пушки. Из ноздрей его вырывался белый пар; тихонько позвякивала металлическая амуниция. Чи принялась, вслушиваясь в шестел предрасветного ветра и изо всех сил напрягая глаза. Ничего. Либо ван Рийн с Эдзелом ошиблись, либо другой охранник покинул свой пост, не дождавшись смены, а может быть, он где-то поблизости, но так хорошо спрятался, что она его не замечает.

«Ну и черт с ним! Времени уже нет. Замок скоро проснется. Эй-ях, давай, Чи».

Преодолев в броске последние несколько метров, она выбралась на песок. Лучше, конечно, было бы напасть сверху. Но какой-нибудь паршивый детектор вполне способен засечь ее импеллер. По той же причине, кстати, она не пыталась связаться по радио с находившимися внутри корабля товарищами. Ну ничего, это не беда.

Охранник пока ни о чем не догадывался. Очувтившись достаточно близко, Чи припала к земле, вытащила станнер и выстрелила. Она предпочла бы убить шенна; но кто знает, вдруг он успеет вскрикнуть — тогда пиши пропало.

Ультразвуковой разряд сразил охранника наповал. Он рухнул с грохотом на землю. Чи направила на звездолет луч фонаря, выключила, включила, снова выключила. Только бы они заметили!

Как будто все в порядке. В борту корабля открылся шлюзовой люк, потом оттуда выдвинулись сходни. Появился Эдзел: его огромная туша казалась свинцово-серой в свете звезд. На спине одинита, там, где была удалена дорсальная пластина, сидел Николас ван Рийн. Чи рванулась навстречу им. Ее переполняла радость. Если в самом деле удастся ускользнуть...

Вдруг из темноты у боевых звездолетов раздался рев. Сверкнул тепловой луч.

— Бегом... вон туда! — крикнула Чи, махнув фонарем в сторону невидимого отсюда «Через пень-колоду». Взрыв в воздух

на антиграве, она включила коммуникатор: — Нас обнаружили, Дэви. — И ринулась вниз, чтобы отыскать стрелявшего.

— Моя помощь не требуется? — спросил Фолкейн.

— Подожди минутку. Может быть... — она не успела закончить. Тепловой луч прошел в считанных сантиметрах над головой. Она почувствовала запах озона; глазам на мгновение стало больно.

Шенна подвело его естество: вместо того чтобы выждать несколько секунд и выстрелить снова, он выскочил из своего укрытия. Заметив его, Чи по крутой дуге устремилась вниз. Она нажала на курок станнера, и шенн упал. Цинтианка снова взмыла вверх, едва не врезавшись в один из кораблей.

В замке загудели колокола тревоги. Тут и там засверкали огни. Из ворот вывалилась толпа шеннов, по большей части вооруженных. Должно быть, они и во сне не расстаются со своим треклятым оружием. Четверо из них на бегу надевали на себя ранцы летательных мини-аппаратов. Чи понеслась вслед Эдзелу. От таких преследователей ему не оторваться. Но если она прикроет его с воздуха...

— Что там у вас? — рявкнул Фолкейн. — Мне не пора?

— Нет пока. Потерпи еще, — Чи вынула из кобуры бластер. Все, хватит с нее этих станнеров. Детские игрушки.

Четыре шенна, нагонявших одинита и человека, не замечали ее. Она поднялась чуть выше, прицелилась и дважды нажала на спуск. Один летун взорвался вместе со своим ранцем. У другого выстрел, похоже, повредил рулевое управление. Зато третий ринулся на нее. Это был достойный противник. Завязалась рукопашная. Тем временем четвертый шенн уже завис над головами беглецов. Эдзел остановился так резко, что ван Рийн перелетел через его голову и с воплем рухнул в заросли колючего кустарника. Одинит нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в нападавшего. Клац! ИмPELLер отказал, и шенн был вынужден опуститься.

Однако его легкие на ногу приятели были уже совсем близко. Они открыли огонь. Эдзел помчался им навстречу, раскачиваясь из стороны к стороне. Пули то и дело рикошетили о его чешую, но он не обращал на них внимания. Разумеется, он был смертен. Достаточно мощный или достаточно прицельный выстрел мог бы убить его. Но он оказался среди шеннов раньше. В ход пошло все: копыта, руки, клыки, хвост.

Тот летун, которого сбил брошенный одинитом камень, не получил серьезных повреждений. Увидев свой валяющийся на земле пистолет, он бросился к нему, дабы завладеть оружием. Но на пути у него оказался ван Рийн.

— Нет уж, погоди, дружок, — выдохнул торговец. — Я возьму эту штуку с собой; вдруг мне удастся ее запатентовать. — Высокий, широкоплечий, мускулистый минотавр кинулся на толстого старика. Но ван Рийн каким-то образом умудрился отскочить и, как заправский каратист, нанес удар ногой. Шенн завопил от боли. — Ага, не нравится! — хмыкнул ван Рийн.

Датинец чуть отступил. Противники уставились друг на друга, время от времени бросая взгляды на лежащий на песке между ними бластер. Шенн, нагнув голову, ринулся вперед. Руки он держал так, чтобы не пропустить еще одного удара, но в любой момент готов был пустить их в ход. А хватка у него была такая, что против нее не устоял бы ни один землянин.

Ван Рийн сделал шаг навстречу. И в последний миг снова отскочил, извернулся и прыгнул на спину воинственному великану.

— Бог помогает правому! — гаркнул ван Рийн, засунул руку под форму, вытащил оттуда святого Дисмаса и огрел противника статуэткой по голове. Шенн медленно опустил на землю.

— Хо-хо, — произнес ван Рийн, раздувая щеки. — Был бы я помоложе, я бы тебе показал. — Он сунул святого обратно, подобрал пистолет, разобрался, как тот действует, и огляделся в поисках подходящих целей.

И не обнаружил, в кого стрелять. Чи Лан расправилась со своим противником. Эдзел вернулся. Шенны с криками бежали к замку.

— На это я и рассчитывал, — заметил ван Рийн. — Такая уж у них психология. Те, кто нападает сломя голову, обычно легко поддаются панике. В истории можно найти сколько угодно примеров.

Чи снизилась.

— Пошли скорее, пока они не опомнились, — сказала она.

— Ага, боюсь, не такие уж они тупые, — согласился ван Рийн. — Как только они вспомнят про своих роботов...

Ночь прорезал басовитый гул. Корпус одного из эсминцев задрожал.

— Уже вспомнили, — прокомментировала Чи. И произнесла в коммуникатор: — Давайте, друзья.

«Через пень-колоду» появился на горизонте через несколько секунд.

— Ложись! — крикнул Эдзел. Он укрыл товарищей собственным телом: его чешуйки достаточно надежно могли защитить от жара и радиации.

Засверкали лучи. Поднимись хотя бы один из кораблей в воздух, Фолкейну с Пнем пришлось бы туго. Звездолет Лиги израсходовал свой запас торпед в битве у Сатаны. Но он появился сейчас так внезапно, что первый эсминец успел произвести

всего один выстрел, да и тот в «молоко». Тепловой луч поразил его, и он упал — прямо на другой корабль; тот покачнулся, и оба звездолета с оглушительным грохотом рухнули на бетон. Еще три залпа — и выведен из строя флиттер Моэта.

«Через пень-колоду» сел.

— Donder op!* — крикнул ван Рийн. Эдзел подхватил его под мышку. — Wat dromme!** — запротестовал было он. Одинит поймал хвостом Чи и ринулся к шлюзовому люку.

В этот момент корабль открыл огонь по замку. Эдзел зажмурился, споткнулся, уши у него заложило от грохота, от дыма стало трудно дышать.

Сидевший на мостике звездолета Фолкейн воскликнул:

— Чего ради убивать тех, кто не нападает на нас?

— Выполняя ваше распоряжение, я уничтожаю установки, которые, судя по радиорезонансу, являются тяжелыми орудиями или ракетными батареями, — отозвался Пень.

— Ты можешь меня соединить с кем-нибудь внутри? — спросил Фолкейн.

— Я настроюсь на частоту, на которой обычно переговариваются датинцы... Да. Нас пытаются вызвать.

Экран замерцал. На нем появилось искаженное ужасом и радиопомехами лицо Теи Белдэниэл. Комнату, где она находилась, сотрясали разрывы корабельных снарядов.

Фолкейн взглянул на другие экраны. Передней стены замка как не бывало. На ее месте клубилась пыль, сквозь которую то и дело прорывалось пламя. У него заболела голова; он сам уже наполовину оглох от этого грохота.

Голос Теи был еле слышен:

— Дэви, Дэви, что ты наделал!

Он ухватился за ручки кресла и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Я не хотел. Вы меня вынудили. Ну да ладно, слушайте. Теперь вам должно быть понятно, что такое война. И учтите — это всего лишь капелька войны настоящей. Мы скоро улетаем. Я надеюсь, что буду уже достаточно далеко отсюда, когда вы осознаете, что произошло. Но это даже к лучшему. Догнать нас вы уже не успеете. Но даже если и догоните, вам теперь известно, чего от нас можно ожидать.

— Дэви... мой повелитель Моэт... он мертв... я видела, луч сжег его на месте... — она не смогла закончить фразу.

— Вам будет лучше без всяких повелителей, — отозвался Фолкейн. — Вы ведь человек, в конце-то концов! Но поговорите с другими. Скажите им, что Торгово-техническая Лига не имеет претензий и не желает войны. Но если нам придется сражаться, с шеннами будет покончено раз и навсегда. О нет, мы

* Вперед (*нид.*).

** Что за ерунда (*нид.*).

не убьем их; это они способны были уничтожить древних дати-цев, всех до единого. Но если они попробуют нам сопротивляться, мы лишим их всех роботов и превратим в пастухов-кочевников. Так что пусть решают, и поскорее. Покажите им свой замок, объясните, что произошло, и посоветуйте впредь не мешаться под ногами у свободных людей.

Взгляд ее выражал муку. Жалость сдавила ему грудь. В иных обстоятельствах он сказал бы больше. Но Эдзел, Чи Лан и Николас ван Рийн находились на борту звездолета; крепость противника разрушена; враг понес небольшие — по крайней мере, он на это надеялся — потери, но получил хороший урок. Фолкейн отключил связь.

— Хватит нам тут барражировать, — сказал он. — Команда на взлет. Курс — Земля!

Глава 25

— В течение двадцати четырех часов в пространстве не обнаружено ни одного работающего гипердвигателя, кроме нашего собственного, — доложил Пень.

Фолкейн облегченно вздохнул. Он поудобнее устроился в кресле и положил ноги на столик.

— Как будто все в порядке, — улыбнулся он. — Считаю, мы уже дома.

Ибо кто способен обнаружить в бескрайних просторах космоса крошечный звездолет — песчинку среди мириад звезд? Солнце Датины превратилось уже в одну из тысяч светящихся точек, заполнявших собой все обзорные экраны. Бормотали двигатели; вентиляторы гнали в салон свежий воздух, напоенный ароматом цветущих лугов; табак на вкус был просто восхитителен, — короче говоря, можно было спокойно отдыхать.

И черт возьми — они нуждались в отдыхе!

Однако оставался еще один повод для беспокойства.

— Ты уверена, что вы не сильно облучились там, снаружи? — спросил Фолкейн.

— Я же сказала, что проверила каждого из нас, вплоть до хромосом! — резко ответила Чи. — Как тебе известно, я ксенобиолог... Тебе ведь известно об этом, не так ли?.. А на борту звездолета есть все необходимое оборудование. Эдзел получил наибольшую дозу, потому что он прикрывал нас, но и то с имеющимися у нас лекарствами я с ним справлюсь в два счета. — Она села на скамейку, на которой до того лежала, свернувшись клубочком, и ткнула мундштуком в распростершегося на палубе единита. — Разумеется, мне придется подзаняться тобой по дороге, когда я буду рисовать или лепить... Ах ты, слюнтяй этакий, ты что, не мог прикрыться листом свинца?

Эдзел хмыкнул.

— Так ведь весь свинец у тебя, — отозвался он. — Догадайся где.

Чи фыркнула. Ван Рийн хлопнул ладонью по столу, едва не опрокинув свой стакан с пивом.

— Тише! Я и не знал, что ты у нас остряк!

— Это называется остроумием? — пробурчала цинтианка. — Хотя, пожалуй, для него в самый раз.

— Да, ему не мешает подучиться, — согласился ван Рийн, — но ведь в любом деле главное — начать. Он у нас еще поиграет в салонных комедиях! Как насчет «Как важно быть серьезным», а, Эдзел? Ха!

Наперебой посыпались другие названия.

— Я бы предложил отметить это дело, — сказал Фолкейн, — но, к сожалению...

— Правильно, — откликнулся ван Рийн. — Сначала дело, потом забава. Только бы это «потом» не растянулось слишком надолго. Надо объединить нашу разрозненную информацию, пока она еще свежа у нас в памяти, а иначе глядишь — что-нибудь важное да упустим.

— То есть? — Фолкейн моргнул. — Что вы хотите сказать, сэр?

Ван Рийн подался вперед, ухватив в мясистую ладонь сразу все свои подбородки.

— Чтобы знать, как быть с шеннами, нам нужно уяснить себе, что они такое.

— Но не лучше ли оставить это специалистам? — спросил Эдзел. — Узнав об угрозе нападения и приняв необходимые меры, Лига найдет способы как следует изучить Датину. Чего мы будем соваться не в свое дело?

— Ага, ага-ага, — ван Рийн не скрывал раздражения. — Времени-то у нас не так много! Откуда мы знаем, что еще выкинут эти шенны? А вдруг они попытаются напасть — несмотря на урок, который ты им преподал, Пень.

— В моем программном обеспечении отсутствует функция обучения, — заметил компьютер.

Ван Рийн не обратил на него внимания.

— Конечно, это будет чистейшее самоубийство, и, быть может, они это понимают. В общем, гадать тут можно бесконечно и надо определиться. Даже ошибочное представление лучше, чем никакое, потому что тогда ксенологические команды смогут хоть на что-то ориентироваться. Поняв, что у этих шеннов за душой, мы сможем вести с ними уже не пустые разговоры и, если повезет, добьемся мира.

— Конечно, не мне поправлять землянина, использующего земную идиому, — сказал Эдзел, — но, насколько я понял, вы хотите выяснить, каковы их основные стремления?

Ван Рийн побагровел.

— Ладно, пусть будет так. Тоже мне, педагог выискался! Итак, чего они хотят? Что их влечет? Нам о них кое-что известно, но этого кое-что, Чи Лан, не выразишь формулами. Мы имеем, так сказать, поэтическое прозрение. Шенны для нас уже не бесчувственные монстры, но существа, с которыми мы можем договориться. Специалисты Лиги займутся своим делом потом. Время попусту терять некогда. Быть может, мы спасем миллионы жизней, вернувшись на Землю с перед... предо... dood ook ondergong, этот английский!.. с предварительной программой исследований и даже действий!

Он залпом выпил пиво. Успокоив таким образом нервы, зажег трубку, откинулся на спинку кресла и проворчал:

— У нас есть информация и есть опыт. И потом, нам могут помочь аналогии. Вряд ли в такой огромной Вселенной найдется хоть одна ни на кого не похожая раса. Так что мы можем воспользоваться своими знаниями относительно других народов.

Взять, к примеру, тебя, Чи Лан. Нам известно, что ты плотоядное существо — только маленькое; это означает, что при определенных обстоятельствах ты становишься агрессивной. Ты, Эдзел, крупное всеядное, настолько крупное, что твоим предкам и в голову не приходило, скажем, бравировать своей силой или задираť окружающих. Поэтому нрав у тебя мирный, но чертовски независимый, правда, в своем роде. Если кто-нибудь начнет указывать, как тебе жить, ты просто повернешься к нему спиной. А вот Чи убила бы его.

И наконец, мы, люди. Мы тоже всеядны, но наши предки-приматы охотились стаями и круглый год занимались плотской любовью. Именно это наследие делает человека разумным существом. Я согласен, это все слишком общо. Но если нам удастся подогнать все, что мы знаем о шеннах, под одно какое-нибудь довольно общее определение...

Как выяснилось дальше, всем им на ум пришла одна и та же мысль. В ходе разговора они обсуждали ее то с одной, то с другой стороны. И решили наконец, что так оно и есть. Кстати сказать, позднейшие ксенологические исследования подтвердили их выводы.

Даже планетам вроде Земли, обращающимся вокруг постоянных звезд, знакомы периоды всеобщего вымирания.

Условия существования внезапно — с геологической точки зрения, естественно, — изменяются, и организмы, обитавшие в этом мире миллионы лет, исчезают. Такая судьба постигла в конце мелового периода аммонитов и динозавров. А к концу плиоцена вымерли почти все крупные млекопитающие, названия которых, данные им позднее, заканчивались

обычно на «терий». Почему — остается неясным до сих пор. Но от самого факта никуда не деться: жизнь полна опасностей и тревог.

На Датине же положение было того хуже. Уровень солнечной радиации на ней ниже, чем на Земле. А вот во время пиков солнечной активности, повторявшихся через нерегулярные промежутки времени, — гораздо выше. Магнитное поле и атмосфера не служили для планеты надежной защитой. Помимо всего, мутации, вызванные одним из таких скачков пиков, привели к появлению говорящих, думающих, способных изготавливать инструменты травоядных. А раз так, значит, дело обошлось без жестокого естественного отбора, ибо история любой такой планеты — это перечень экологических катастроф.

За последним пиком активности наступил довольно спокойный период, за время которого обитатели планеты достигли вершин познания, разработали свои технологии, научную методику, создали цивилизацию, мечтавшую о покорении пространства и, вполне возможно, предпринимавшую первые попытки в этом направлении. А затем солнце вспыхнуло снова.

Таяли снега, поднимался уровень воды в океанах, и скрывались под волнами побережья. Тропики постепенно превратились в саванны или пустыни. Все это можно было пережить. Скорее всего именно ухудшившиеся климатические условия подтолкнули к созданию всепланетного союза и к выходу в космос.

Но, как это всегда бывает, вмешалась непредвиденная случайность. Эта вспышка звезды ознаменовалась не столько увеличением тепла, света и электромагнитной энергии, сколько началом нескольких абсолютно новых процессов, возникших, когда звезда перешла в качественно иное состояние. Планета попала в мощный поток протонов, электронов, мезонов, квантов рентгеновских лучей.

Магнитосфера светилась под воздействием синхронной радиации, верхние слои атмосферы — под воздействием вторичной. Многие биологические организмы вымерли в течение года-двух. За ними последовали другие, существовавшие в симбиозе с первыми. Экологическая пирамида рассыпалась.

Цивилизация, какой бы развитой она ни была, не есть автономное образование. Она не в состоянии сама себя обеспечить всем необходимым. Другими словами, цивилизация неотделима от природы. Но поля превратились в пустыни, деревья в садах сбросили листву, леса выгорели, морские водоросли сгнили. Появились новые болезни. Шаг за шагом население планеты уменьшалось, предприятия закрывались из-за нехватки ресурсов и рабочих рук, про науку забыли. Пределы возможного становились все уже и уже.

Короче говоря, датины не смогли приспособиться к изменившимся условиям. Те из них, кто выжил, постепенно превратились в дикарей.

А потом в их среде произошла мутация.

Травоядные не могут в мгновение ока стать плотоядными, даже если они употребляют в пищу не сырое, а приготовленное мясо. Зато они могут сбросить инстинкт, заставляющий их собираться в крупные стаи — слишком крупные, чтобы истерзанная земля могла их прокормить. Они запросто могут начать охотиться на животных, без мяса которых уже не в состоянии выжить. Они с иступленностью фанатиков будут защищать свою территорию, но бросят ее, как только она покажется им непригодной, и захватят себе новый клочок земли. Они создадут оружие и государственные институты; у них возникнут мифы, религии, легенды...

Они станут травоядными убийцами.

Причем до них будет далеко обычным плотоядным, которые убивают, лишь когда хотят есть. И не только им, но даже и всеядным, обладающим оружием с тех самых пор, когда у них появились первые проблески разума, и потому привыкшим остужать самые горячие головы своих соплеменников. Конечно, подобное истолкование фактов является весьма и весьма приблизительным. Но, быть может, станет понятнее, о чем идет речь, если мы сравним мирного льва и дикого медведя, который только и ищет, с кем бы ему подраться, или того же медведя и носорога или кафрского буйвола.

Древнее население Датины было обречено. Они храбро сражались, но силы их были разобщены. Победив в бою, они редко преследовали врагов; а потерпев поражение, разбегались врассыпную. Древняя цивилизация пришла в упадок; ее политико-экономическая структура превратилась в некое подобие феодализма. А те, кто ее создал, были деморализованы до последней степени. Может, кому-то и удалось убежать в космос, но обратно домой он так и не вернулся.

Шенны поступали просто: они нападали на замок, захватывали его и съедали тех датинов, которые почему-либо негодились в рабы. Обосновавшись в замке, завоеватели заключали мир с окрестными поселениями, вожди которых истово убеждали себя, что чужаки удовлетворятся уже захваченным. Поначалу так оно и было. Но потом молодые шенны, которым тесно было в отцовских вотчинах, нарушили эту идиллию. Покорение одного народа другим вряд ли было результатом тщательно разработанного плана. Скорее всего шенны одержали верх над датиными потому, что они были лучше приспособлены. Случилось это не сразу, а в течение нескольких веков. В условиях, когда для поддержания жизни одного индивидуума требуется территория в несколько гектаров, агрессивность становится

просто необходимой: ведь надо эти гектары захватить, а потом еще и отстоять.

Разница между лами, необычная среди разумных существ, также, вне всякого сомнения, возникла в итоге какой-либо мутации. Поскольку шенны-самцы были воинами и часто гибли во всяких схватках, для увеличения численности племени введена была полигамия. Основным занятием самцов были охота и война. Присматривавшие за детенышами самки не могли принимать участия ни в том ни в другом и потому постепенно стали пассивными и туповатыми.

(Вначале шеннов было раз-два и обчелся, и в течение долгого времени численность их племени оставалась практически неизменной. То есть когда произошел генетический сдвиг, он оказался очень мощным. Побочными его эффектами были появление у самцов гривы и другие, не столь безвредные, но все же сильно повлиявшие на организм изменения.)

В конце концов древняя раса была стерта с лица планеты. Уровень радиации потихоньку уменьшился; возникли новые биологические организмы, да и некоторые из старых вернулись к жизни. Прошло много времени, прежде чем на Датине восстановилась плодородность почвы. Но машинная культура возродилась гораздо раньше. По книгам, преданиям, по ржавым каркасам с помощью немногих рабов шенны принялись воссоздавать то, что сами же разрушили.

Но тут их природа, верой и правдой служившая им на протяжении сотен лет, сыграла с ними злую шутку. О каком сообществе, без которого невозможно применение передовых технологий, могла идти речь, когда каждый самец жил в уединении со своим гаремом и готов был вызвать на смертный бой каждого, кто осмелится ступить на его территорию?

Однако дело обстояло вовсе не так просто. Говорят, что нет двух таких людей, которые во всем походили бы друг на друга. То же самое можно сказать и о шеннах. Те из них, кому не улыбнулась в жизни удача, стремились найти приют при дворе богатого сородича. Так образовался удел: несколько полигиничных семей жили вместе, подчиняясь наделенному абсолютной властью патриарху. Этот удел, в котором соблюдалась строгая иерархия, был основной единицей нового датинского общества — как племя у людей, матрилинейный клан на Цинтии или вольный табун на Одине.

На любой планете процесс слияния основных единиц в крупное образование идет со скрипом. В результате же чаще всего возникают патологические объединения, удерживаемые лишь силой и все равно в конце концов распадающиеся. Достаточно вспомнить империи и всемирные ассоциации на Земле.

Иногда, правда, бывает и по-другому. Шенны были разумными существами. Поэтому они, как и многие другие народы,

понимали необходимость сотрудничества. Пускай они эмоционально были не способны принять идею единого всепланетного правительства, — взамен его они создали конфедерацию баронств.

И тем более всякие раздоры были забыты, когда шенны открыли для себя дорогу к звездам!

— Ага, — кивнул Николас ван Рийн, — если они и в самом деле такие, мы с ними справимся.

— Загоним их обратно в каменный век и сядем им на шею, — пробормотала Чи Лан.

Эдзёл поднял голову.

— Ну и что за гадости ты говоришь? Разве можно допустить такое?

— Ну да, конечно, тебя послушать, так пусть они резвятся на свободе, да еще с ядерным оружием, — съязвила Чи.

— Ну-ну, — сказал ван Рийн. — Ну, хватит. Вовсе ни к чему огульно хаять целый народ. Уверен, если найти к ним правильный подход, мы еще не раз потом помянем их добрым словом. — Он улыбнулся и потер руки. — Только вот чтобы их «расшениить», понадобится куча денег. — Его улыбка стала шире и самодовольнее. — Ну что ж, друзья, на сегодня с делами как будто все. Наши бедные головы слишком устали. Пожалуй, надо им посочувствовать. Дэви, мой мальчик, будь так добр, принеси бутылочку «Джиневер» и пару ящичков пива.

Фолкейн собрался с духом.

— Я хотел подойти к вам раньше, сэр, да как-то не получилось, — сказал он. — Дело в том, что вы только что выпили последнюю кружку из наших припасов.

Ван Рийна, казалось, вот-вот хватит удар.

— Если вы помните, этот звездолет покидал Луну в большой спешке, — продолжил Фолкейн. — На борту у него лишь стандартные пищевые рационы. Разумеется, пиво тоже было... но откуда я мог знать, что вы присоединитесь к нам и...

Тут наконец ван Рийн обрел дар речи.

— Что-о-о-о? — возопил он так, что по салону пошло гулять эхо. — Да ты... целый месяц в космосе... и нечем промочить горло, кроме как... И даже пива нет?

В следующие полчаса в салоне творилось нечто невообразимое.

Глава 26

Полгода спустя по земному календарю.

Чандра Махавани, помощник министра иностранных дел Земного Содружества, бросил взгляд на коричнево-золотистый шар, на орбиту вокруг которого вышел линкор, и сказал:

— Нет, это просто недопустимо! Какая-то кучка капиталистов поработила весь мир!

Адмирал Флота Торгово-технической Лиги холодно взглянул на него.

— Как по-вашему, что шенны собирались сделать с нами? — Он был родом с Ферры, и саблевидные клыки весьма мешали ему говорить на любом из земных языков. Тем не менее в его словах явственно прозвучала насмешка.

— Вы даже не потрудились известить нас. Если бы не результаты расследования мастера Гарвера, которые вынудили меня прибыть сюда лично...

— Чего ради Лиге связываться с Содружеством или любым другим правительством? — Вайахо ткнул когтем в медленно кружившуюся на обзорных экранах Датину. — Мы здесь слишком далеко от них. Пусть скажут спасибо, что мы собственными силами устранили угрозу, никого в это дело не впутывая.

— Угрозу? — воскликнул Махавани. — Вы пригнали сюда целую армаду... без всякой видимой причины... заставили этих бедных... э... шеннов отдать вам все, что они с таким трудом построили: космические корабли, головные заводы... растоптали их суверенитет... ввергли их в экономическое рабство... О чем вы вообще говорите? Знаете, как это называется, сэр? Это называется породить ненависть, которая в скором времени приведет к серьезным конфликтам! А правительство Содружества твердо придерживается политики умиротворения. Прошу не забывать, что в случае войны мы тоже окажемся в нее втянутыми.

— Никакой войны не будет, — отозвался Вайахо. — Это я вам гарантирую. И потом, я бы не стал на вашем месте говорить о рабстве. Да, разумеется, *зугайа*, мы лишили их возможности развязать войну, мы контролируем их промышленность, мы стараемся сделать так, чтобы их экономика полностью зависела от нашей. Но все это — ради одной-единственной цели: не дать поднять голову реваншизму. По правде сказать, я не думаю, что все это возможно. Шенны как будто не испытывают особых сожалений, подчиняясь, — подчиняясь тому, кто оказался сильнее их.

Мимо них по коридору, держа в руках мнемоленту, прошла женщина. Вайахо приветствовал ее.

— Вы не могли бы задержаться на минутку? Познакомьтесь: сударыня Белдэниэл. Мастер Махавани с Земли. Сударыня Белдэниэл очень помогает нам в налаживании контактов с шеннами. Кстати, вы знаете, она с раннего детства воспитывалась у них? Сударыня, согласны ли вы, что шенны не видели от Лиги ничего, кроме добра?

Худошавая женщина средних лет насупила брови, размышляя.

— Ничего не могу вам сказать, сэр, — откровенно ответила она. — Но, с другой стороны, выбрав из двух зол меньшее и влившись в Техноцивилизацию, шенны, по-моему, поступили правильно. Иначе им оставалось только погибнуть. — Она фыркнула. — Всем ведь хочется жить, и они не исключение.

— Но как же с экономикой? — не сдавался Махавани.

— Естественно, мы хотим, чтобы наши усилия окупились, — сказал Вайахо. — Но мы не пираты. Мы вложили в их предприятия определенные средства и рассчитываем получить известные прибыли. Кроме того, вы должны помнить, что бизнес — это не игра в один карман. Мы улучшаем этот мир к выгоде его обитателей.

Махавани покраснел.

— Вы хотите сказать, сэр, что ваша треклятая Лига имеет наглость брать на себя функции правительства?

— Не совсем так, — промурлыкал Вайахо. — Никакому правительству не удалось бы добиться столь многого. — Он рывком поднял с сиденья свое длинное тело. — Прошу прощения, но нас с сударыней Белдэниэл ждут неотложные дела.

В саду на Земле Николас ван Рийн оторвался от экрана — только что промелькнули последние кадры видеofilьма, привезенного недавней экспедицией на Сатану. Он вкрадчиво улыбнулся глядевшим на него с других, меньших экранов человеческим и нечеловеческим лицам, принадлежавшим могущественнейшим промышленникам Галактики.

— Ладно, друзья, — сказал он, — как вы видите, у меня есть все основания требовать себе монополии на разработку этих богатств. Но поскольку я всего лишь бедный старичок, которому только и нужно, что нежиться на солнышке да попивать вечерами сингапурский слинг, да поторговывать сахаром, пряностями и прочими вкусными вещами, меня эти сатанинские сокровища не прельщают. Я не собираюсь сам связываться с этой чудесной планетой, где деньги валяются прямо под ногами. Нет-нет, и не просите. Но я был бы рад продать вам особые права... естественно, договорившись сначала о дележе прибылей. Скажем, процентов тридцать—сорок... Заметьте, многого я себе не прошу. Вы как будто хотите возразить?

Выйдя на орбиту вокруг Луны, «Через пень-колоду» начал набирать скорость. Фолкейн долго глядел на кормовой экран

— Что за девушка! — пробормотал он.

— Кто, Вероника? — спросила Чи.

— Да. Такую поискать. — Фолкейн раскурил трубку — И чего ради нас снова куда-то несет? Не понимаю.

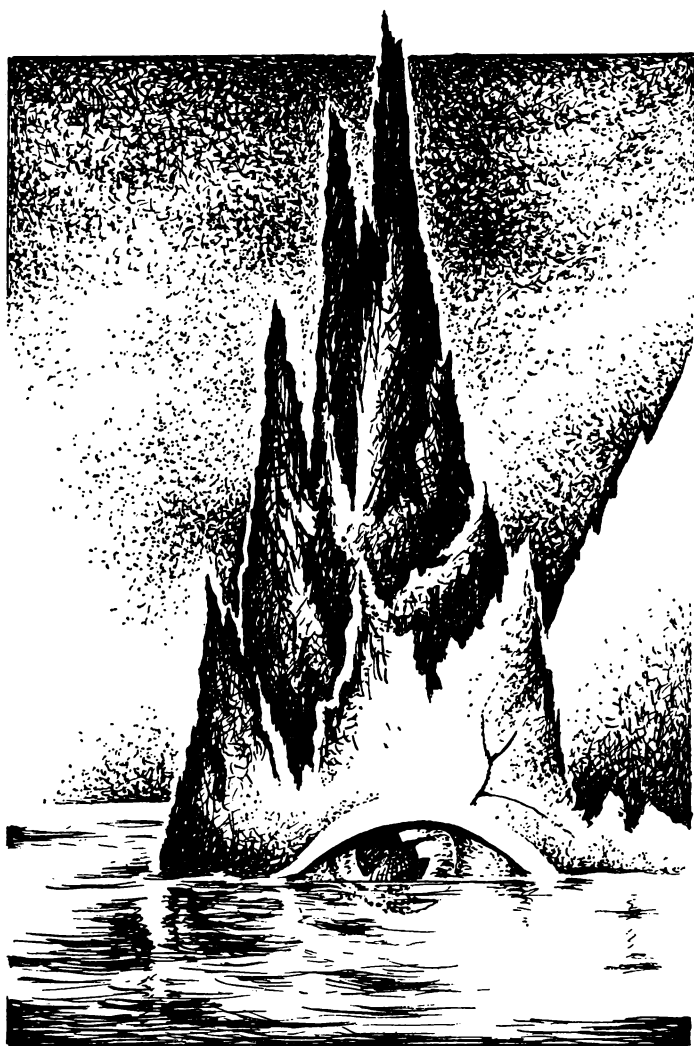
— Хочешь, объясню, — предложила Чи. — Еще пару дней той жизни, которую ты там вел, и ты бы лопнул. — Она взмахнула хвостом. — А мне стало скучно. Так славно снова оказаться на воле!

— И очиститься, — добавил Эдзел.

— И правда, — согласился Фолкейн. — Я пошутил. Звучит довольно высокопарно, но ведь мы на самом деле принадлежим космосу.

Включив привод механических рук, смонтированных именно ради этого, Пень швырнул на стол колоду карт и пригоршню покерных фишек.

— В таком случае, капитан, — сказал он, — следуя предложенной вами программе на ближайшие часы, рекомендую вам заняться делом. Ваша очередь сдавать.

ОБИТЕЛЬ МРАКА

ПРОЛОГ

Минус 500 000 лет

Была когда-то великая гордая звезда, яркая, как целая сотня солнц. Четыреста миллионов лет ее ровное бело-голубое сияние отторгало прочь окружающий звезду мрак и бросало вызов далеким ярким бриллиантовым россыпям других солнц, теснившихся на небосводе. По дальней орбите вокруг нее обращался спутник, вполне достойный своей величавой звезды; масса его в полторы тысячи раз превышала земную; отвердевая, планета сияла тусклым красным огнем. Вероятно, в системе звезды были и другие миры со своими лунами; теперь судить об этом невозможно. Мы знаем, что у исполинских звезд редко бывают спутники, а значит, эта планета была обязана своим существованием то ли причуде Всевышнего, то ли судьбе, то ли чистой случайности.

Исполины умирают молодыми, и смерть их так же исполнена величия, как жизнь. Настал день, когда ядро выработало свой запас водородного топлива. Вместо того чтобы разбухнуть и приобрести красный цвет, как сделало бы любое старое солнце меньшего размера, эта звезда сжалась под действием собственного притяжения. На волю вырвалась невообразимо огромная энергия; атомы сталкивались и соединялись, образуя причудливые, доселе неведомые химические элементы; в итоге звезда взорвалась, на миг воссияв яростной вспышкой, почти такой же яркой, как свет всей Галактики.

Ни одна заурядная планета не выдержала бы натиска такой тепловой волны. Мир размером с Землю исчез бы без следа, даже его железное ядро — и то обратилось бы в пар. Даже громадный спутник звезды потерял едва ли не всю свою массу; водород и гелий попросту улетели в бескрайнюю бездну. Но на это ушло столько энергии, что металлическое ядро планеты только расплавилось, и его захлестнуло кипящее вещество, выброшенное бившейся в предсмертных судорогах звездой.

Но еще больше этого вещества унеслось в космическое пространство. Десятки тысяч лет обломки звезды и планеты вихрем вертелись в центре туманности, похожей издали на сияющее волшебное кружево. Но с расстояния в несколько световых лет

туманность уже было не разглядеть: она тускнела и исчезала из виду, поскольку ее затмевал космический сумрак. Остов планеты сковал холод, и она только едва заметно поблескивала, когда ее кора, образованная сплавами различных металлов, отражала мерцание далеких созвездий.

Пятьсот тысяч лет останки планеты одиноко плыли сквозь бездну.

Минус 28 лет

Мир, который люди называют Бабуром, никогда не станет их домом. Покинув космический корабль, Бенони Стрэнг тотчас почувствовал неистовую силу здешнего тяготения. Нагрузка на его опорно-двигательный аппарат в полтора раза превышала притяжение Гермеса, где вырос Стрэнг, или Земли, вырастившей его расу. Мышцы заболели, не выдерживая собственного веса. Скафандр, обеспечивающий жизнедеятельность, давил на плечи, как каменный.

Но хотя Стрэнг мог включить свой пропеллер и вылететь из шлюзовой камеры, он предпочел спуститься на грунт по сходням, будто прибывшая с визитом венценосная особа.

Сначала он толком и не понял, что существа поджидают его. Могул стоял высоко в подернутом дымкой и затянутом красными тучами лиловом небе. Он сиял еще яростнее, чем Майя или Солнце, но был слишком далеко и оттого казался крошечным. Серебристый грунт, ледяная гора в километре от корабля и низвергающийся с ее отвесных стен каскад жидкого аммиака отражали свет, но его было недостаточно, чтобы видеть горизонт. Стрэнгу показалось, что слева, на самой границе видимости, стоит купа маленьких деревьев с длинными черными ветвями, а справа вроде бы поблескивает искорками город, которому там и надлежало находиться. Но все выглядело очень неопределенно, а о том, какой прием ему здесь окажут, ничего нельзя было сказать наверняка. Все формы жизни, которые мог различить Стрэнг, выглядели столь причудливо и чуждо, что он забывал их облик, едва отведя глаза. На этой планете ему придется заново учиться пользоваться зрением.

Атмосфера состояла из гелия и водорода, а оттого и шум падающего аммиака, и топот сапог по сходням, и скрип подошв на грунте звучали пронзительно. Зато дыхание облаченного в шлем Стрэнга и пульс в ушах казались глухими, как удары басового барабана. Стрэнг взмок, пот щекотал ноздри, но он почти не замечал этого из-за охватившего его возбуждения.

С каждым шагом размытые контуры впереди обретали четкость очертаний, пока не превратились в горстку существ. Их было с дюжину. Одно из них двинулось навстречу Стрэнгу. Он откашлялся и смущенно сказал в переговорное устройство:

— Я — Бенони Стрэнг. Вы хотели, чтобы я прибыл к вам.

У бабурита было переговорное устройство, превращающее хмыканье и бормотание в английские слова.

— Мы потребовали этого в равной мере и для твоего, и для нашего блага. Если тебе надлежит поддерживать с нами тесные связи и изучать нас так же, как мы будем изучать тебя, значит, тебе придется часто подниматься на поверхность и вступать в прямое соприкосновение с нами. Это посещение должно стать твоим испытанием на годность.

Его уже проверяли на годность в средокамерах школы, где он проходил подготовку. Но Стрэнг ничего не сказал, потому что такое заявление могло прозвучать обидно. Несмотря на два десятилетия тесных сношений, несмотря на торговлю, которая достигла высшей точки, когда в обмен на космическую технологию люди стали получать тяжелые металлы и некоторые другие товары, им по-прежнему очень мало было известно о бабуритах. «Нам и невдомек, сколько они про нас знают», — вспомнилось Стрэнгу.

— Благодарю вас, — отвечал он. — Боюсь, со мной будет хлопотно, но в конце концов я добьюсь того, что вы получите награду за ваши усилия.

— Каким образом?

— Разумеется, найдя новые области взаимовыгодного делового сотрудничества. — Стрэнг умалчивал о том, что его руководство весьма слабо надеялось на успех. Ему еле-еле удалось получить это задание — в основном потому, что он хотел за несколько лет приобрести кое-какой опыт практической работы. Стрэнг был молодым ксенологом, изучающим планеты, которые не превышали размерами Юпитер.

Он ничем не выказал своих честолюбивых устремлений. Время еще не пришло и придет не раньше, чем он раздобудет доказательства тому, что придуманная им схема вполне возможна. Если, разумеется, он их вообще раздобудет.

— После того что случилось на Сулеймане, — продолжал туземец, — мы подвергаем сомнению любые посулы Торгово-технической Лиги.

Ровный искусственный голос не мог передать неприязненных ноток. Но действительно ли эти слова были продиктованы неприязнью? Кто может заглянуть в сердце бабурита? Да у них и не было ничего похожего на сердце.

— Галактическая компания присяостей и спиртных напитков — это еще не вся Лига, — ответил Стрэнг. — Я представляю совсем других людей, которых связывает с компанией только общее членство в Лиге, а членство в наши дни утратило свое бывшее значение.

— Это мы будем изучать, — ответило ему существо. — Вот почему мы будем сотрудничать с вашей научной группой. Мы намерены не только давать, но и получать знания, такие

сведения, которыми должна вооружиться наша цивилизация, прежде чем претендовать на место рядом с вашей.

Стрэнг тотчас воспарил на крыльях мечты.

Минус 24 года

Оба спутника Гермеса стояли высоко над горизонтом: Кадуцей поднимался, маленький, но зато почти полный; широкий серп Сандалиона садился на западе. Высоко в сумрачном небе блеснули золотистой вспышкой два крыла, когда на них упали лучи молодого утреннего солнца. В шелестящей на легком ветру кроне миллионолистника запела тилирра. В каньоне, прорезанном рекой Паломино, журчали ее быстрые звонкие воды, но сюда, наверх, доносился только приглушенный рокот.

Сандра Тамарин и Петер Асмундсен вышли из дома на террасу. Остановившись у перил, они устремили взгляды вниз, в сумрак, в котором тускло поблескивала вода, потом обвели глазами лес, опоясывавший Ветреное Кольцо, и, наконец, посмотрели на лежавшие впереди лиловые силуэты холмов Аркадии.

Они взяли за руки.

— Жаль, что тебе надо ехать, — наконец проговорила Сандра.

— Мне тоже жаль, — ответил Петер. — Я так хорошо гостил здесь.

— Ты совершенно уверен, что не сможешь управлять делами отсюда? У нас есть полный набор оборудования, средства связи, вычислительные машины, аппаратура для сбора данных — все, что нужно.

— При обычных обстоятельствах этого было бы вполне достаточно, но сейчас... Мои работники с Травера правильно делают, что жалуются. На их месте я и сам пригрозил бы начать забастовку. Если уж я никак не могу избежать предоставления льгот Последователям, то надо по крайней мере попробовать разработать систему возмещения для ребят с Травера, хотя бы дополнительные отпуска, что ли. Их предводители скорее пойдут на уступки, если я возьму на себя труд приехать и лично встретиться с ними.

— Наверное, ты прав. В таких делах тебе чутья не занимать. — Сандра вздохнула. — Жаль, я не такая.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом Петер сказал:

— Ты такая. Даже в большей степени, чем тебе кажется. — Он улыбнулся. — Лучше бы... Вероятно, ты — наша будущая Великая Герцогиня.

— Ты правда так думаешь?

Вопрос, обсуждения которого они всячески избегали во время отпуска, вдруг снова встал перед ними, и деваться было некуда.

— Один раз и я в это уверовала. О да. Но теперь уж и не знаю. Вот почему я... укрылась здесь, в родительском доме. Слишком многие люди чересчур ясно дали мне понять, кем считают меня теперь, когда они своими глазами увидели, к чему привела моя глупость.

— Довольно говорить чепуху, — произнес Петер, возможно, чуть резче, чем ему хотелось бы. — Не будь у твоего отца собственного дела, которое помешало ему выставить свою кандидатуру, его бы наверняка избрали. Но ты — его дочь, лучший из всех возможных кандидатов. Ты не уступаешь ему, а может быть, и превосходишь. А посему ты достаточно умна, чтобы понимать это. Ты хочешь сказать, что позволишь горстке чистоплюев и зазнаек сделать себе больно? Да тебе следует гордиться Эриком. Со временем твой малыш станет лучшим Великим Герцогом в истории Гермеса.

Сандра отвела взгляд и посмотрела на сумрачный дикий мир, раскинувшийся вокруг. Потом сказала — так тихо, что Петер едва расслышал ее:

— Если уж он и способен обуздать самого черта, то лишь благодаря своему отцу.

Она выпрямилась, вновь посмотрела Петеру в глаза и произнесла уже гораздо громче:

— Я больше не сержусь на Ника ван Рийна. Он обошелся со мной куда честнее, чем я с ним и с собой. И как можно сожалеть о том, что у меня есть Эрик? Но последнее время, признаюсь тебе, Пит, мне бывает досадно при мысли о том, что Эрик — незаконнорожденный. Хотелось бы мне, чтобы его отцом был человек, который может жить с нами вместе.

— Что-нибудь в этом роде можно устроить, — выпалил Петер и тотчас осекся. Они долго стояли в молчании, два рослых светловолосых человеческих существа, пытливо смотревших друг на друга сквозь окружавший их сумрак. Ветерок стих, тилирра знай себе пела, а река весело несла свои воды к морю.

Минус 18 лет

Корабль рыскал по пространству, пока не нашел потухшую сверхновую. Капитан Дэвид Фолкейн осмотрел вращающееся ядро планеты и увидел, что оно в сносном состоянии, но выглядело оно настолько негостеприимно, что Фолкейн окрестил эту планету Обитель Мрака.

Вскоре он привел туда и другие корабли, набитые существами, исполненными решимости выжать надежду даже из этого безрадостного мира. Они знали, что времени отпущено всего ничего и, пока возможно, следует дерзать и трудиться в поте лица.

Фолкейн с сотоварищами не стал задерживаться на Обители Мрака: у них была своя жизнь. Время от времени они заглядывали сюда, чтобы проверить, как идут дела, и труженики всякий раз благословляли их.

Минус 12 лет

Опустившись на Бабур, Стрэнг перестал ходить пешком; его поддерживал каркас, установленный на гравитационных санях, и теперь он мог перемещаться более или менее свободно. Туземцы поняли, что он сможет держаться на их планете молодцом и завоеует уважение ее обитателей. Он вновь и вновь доказывал им это, иногда с риском для жизни, если в здешнем необузданном краю вдруг случался какой-нибудь катаклизм вроде землетрясения или снежной лавины. Сегодня он сидел в построенной из ледяных глыб комнате и вел многочасовую беседу с существом, которое про себя окрестил Ронзалом.

Разумеется, в действительности бабурита звали совсем не так. Просто встроенный в переговорное устройство компьютер решил передать серию импульсов именно этим словом: «Ронзал». Очевидно, оно ничего не значило, хотя Стрэнгу так и не удалось выяснить это наверняка. Как бы там ни было, но со временем он и носитель этого имени стали друзьями, или, во всяком случае, их отношения были настолько близки к дружеским, насколько это вообще возможно. А кто знает, насколько это возможно?

Язык, на котором они вели свои споры, зависел от того, что именно хотел сказать каждый из них. Английский или латынь Лиги лучше подходили для обсуждения одних вопросов, а сисеман — для других (эти три слога тоже были изобретением переговорного устройства). Но все равно им то и дело приходилось ощупью искать средства выражения своих мыслей. Иногда они не могли толком разобраться даже в собственных умозаключениях. И тот, и другой посвятили все свое рабочее время кропотливому наведению мостов между разными разумами и историями, но их труды были еще очень далеки от завершения.

И тем не менее Ронзал как-то исхитрился сообщить Стрэнгу весть, от которой в душе его грянули трупы:

— Последние очаги сопротивления подавлены. Вся планета попала в сети Империи, и теперь мы готовы обратить взор к другим мирам.

«Наконец, наконец! Но пройдут годы, прежде чем мы — Бабур и я — перейдем от созерцания к действию. Спокойно, Бенони, спокойно, парень!»

Человек заставил свой разум вернуться к размышлениям о менее возвышенных материях.

— Чудесно, — произнес он, выказав ровно столько воодушевления, сколько посчитал нужным. Земляне и бабуристы по-разному выражали свою радость. — Я и мои коллеги, разумеется, ожидали этого. Вы одерживали победы до тех пор, пока я не начал удивляться, как вообще то или иное общество осмеливалось оказывать вам сопротивление. По правде сказать, я только что вернулся с совещания с моими... — Он поколебался. — ...с моим руководством.

«Хотя они мне больше не начальники. По мере ускорения хода событий, по мере того как Бабур делался все более похожим на тот инструмент, в который я надеялся его превратить, а сам я стал главным и жизненно важным связующим звеном между ними и Бабурам, я сравнивался с этими людьми. И в конце концов намерен стать их старейшиной.

Но пока не будем об этом. Не стоит хвастаться. Мне предстоит пройти долгий и трудный путь, прежде чем я снова почувствую под ногами твердь Гермеса».

— Я уполномочен начать переговоры о создании вашего военного космического флота, — сказал Стрэнг.

— Мы обсуждали между собой, как сделать это экономически возможным, — отозвался Ронзал. — Как мы потянем расходы?

Пытаясь подавить распивавшее его возбуждение и вновь обрести хладнокровие, Стрэнг осторожно ответил:

— Вероятно, наши отношения уже прошли тот этап, когда мы строили их по принципу «деньги на бочку», как было до сих пор. Совершенно очевидно, что тех полезных ископаемых, которые вы можете предложить, не хватит на закупки наших вооружений. (Золото и серебро на Бабуре были дешевыми, потому что при здешних температурах их с гораздо большим успехом заменяла в промышленности твердая ртуть. Соки местных растений были хорошей основой для органо-галогенного синтеза. Некоторые другие материалы, по цепочке передававшиеся с планеты на планету до тех пор, пока потребители наконец не получали то, что хотели. Торговля между столь чуждыми друг другу мирами и в лучшем случае приносит доход, еле покрывающий затраты.)

— Наши народы могут обмениваться не только товарами, но и услугами, — сказал Стрэнг.

Ронзал умолк и, несомненно, погрузился в размышления. Насколько можно доверять чудовищам, которые дышат кислородом, пьют жидкую воду, скафандры которых источают печной жар? Стрэнг его понимал. Он тоже когда-то терзался неуверенностью и знал, что ему всегда будет немного не по себе, как и бабуристу. Словно напоминая себе, насколько он чужд этому миру, Стрэнг прищурился в полумраке и пытливым взглядом на Ронзала.

Когда оба стояли в полный рост, макушка Ронзала едва доставала Стрэнгу до пояса. Позади вертикального торса у бабури-тов располагалось туловище в горизонтальной плоскости, под-держиваемое восемью коротенькими ножками и не имевшее хво-ста. На туловище этом виднелось нечто вроде шеренги жабр. На самом деле это были оболочки, защищавшие трахеи, которые при здешней плотной водородной атмосфере снабжали организм воздухом так же исправно, как легкие Стрэнга, насыщавшие его кислородом. Из торса, будто побеги, росли две руки, заканчи-вавшиеся клешнями, как у омара, а из запястий торчали мощ-ные щупальца, служившие пальцами. Голова почти целиком состояла из похожего на губку рыльца и имела четыре крошеч-ных глаза на затылке. Ровная гладкая кожа была покрыта оран-жевыми, синими, черными и белыми полосами; бабурит почти полностью был закутан в прозрачную мантию.

У бабуристов не было рта. Они брали пищу клешнями и засо-сывали в пищеварительную сумку на брюхе, где она разжижа-лась, после чего бабуристы всасывали пищу рыльцами. Органы слуха и обоняния помещались в трахеях, голосовыми связками служили дрожящие мембраны по бокам головы. Бабуриты были трехполыми, и особи циркулировали по какой-то схеме в зави-симости от обстоятельств, в которых Стрэнгу так и не удалось полностью разобраться.

Человек неопытный увидел бы только гротеск, но Стрэнг, наблюдавший этих существ в их родной стихии, обнаружил в них и достоинство, и мощь, и причудливую красоту.

Раздалось бормотание, тотчас переведенное устройством:

— Кто из нас будет в выигрыше?

— И мы, и вы, — ответил Стрэнг, а потом добавил, хотя и знал, что его слова покажутся слушателю бессмыслицей: — Безопасность. Мастерство. Слава. Справедливость.

Минус 9 лет

Отсюда, из-за прозрачных стен пентхауса Николаса ван Рий-на, расположенного на вершине Крылатого Креста, Объединен-ный Чикаго выглядел как сказочное нагромождение шпилей, башен, разноцветных стен, хрустальных витражей, изящно из-гибающихся транспортных магистралей, мерцающих гербов. Тут и там виднелись редкие купы деревьев и зеленые лужайки. И в небе, и на озере, равно как и на земле, царил оживление. Это зрелище так и не наскучило Фолкейнам, сколько бы они сюда ни приезжали. Правда, Дэвиду оно было еще более-менее внове, поскольку большую часть жизни он провел за пределами Земли. Но Коя, которая начала ездить в гости к бабушке сразу же, как только научилась ходить, тоже всякий раз воспринима-ла его как откровение. А сегодня оно захватило их, как никогда прежде: вскоре им предстояло отправиться в первое совместное

путешествие — в такую даль, куда не залетает ни одна комета Солнечной системы.

Старик устроил им скромный прощальный обед, только для своих. Настоящие слуги из плоти и крови (он мог позволить себе держать их) в счет не шли. Их хорошо вышколили, и они умели не мозолить глаза, а двух своих нынешних любовниц старик отправил в Джакарту, где у него был дом и где им надлежало в течение суток или около того дожидаться его приезда. Зная, что, по понятиям ван Рийна, скромный обед длится часа два, начиная с белужьей икры и кончая чудесным пористым сыром, Фолкейны постарались нагулять аппетит. Приветственным тушем им стала соната Моцарта; высокие пивные кружки соседствовали со штофами ледяной водки и десятком всевозможных копченых даров моря; в воздухе витал нежный дух тайских благовоний. По случаю приема хозяин дома принарядился, облачившись в сорочку с длинными рукавами, кружевным воротником и манжетами, переливающийся всеми цветами радуги жилет и темно-лиловые брюки (хотя на ногах у него были плетеные сандалии), и, казалось, пребывал в игривом расположении духа.

И тут зазвонил телефон.

— Wat drommel!* — взревел ван Рийн. — Я же сказал Мортенсу: не соединять ни с кем, кто по рангу ниже архангела Гавриила. Видать, та овсяная каша, что у него в голове, совсем остыла и сбилась в комки, ха!

Шлепая ногами, он переместил свои дородные тела по широкую ковер в дальний конец гостиной, где стоял аппарат.

— Ну, сейчас он у меня получит по заслугам, flambe **, проклятье!

Он ударил волосатым пальцем по кнопке «прием».

— Звонит госпожа Леннарт, сэр, — объявила фигура на экране. — Вы сказали, что поговорите с ней в любое время, когда она сочтет нужным удовлетворить вашу просьбу о беседе. Соединить ее с вами?

Ван Рийн заколебался. Он подергал себя за козлиную бородку, украшавшую его тройной подбородок. У него был покатым лоб, узко поставленные черные глазки, похожие на бусинки, и огромный крючковатый нос. Он метнул на гостей быстрый взгляд. Вопреки широко распространенному поверью, у владельца Галактической компании пряностей и спиртных напитков была настоящая душа, а не протез, сделанный из криогенного компьютера. Он просто обожал свою любимую внучку и всячески продвигал ее молодого супруга, пока не сделал его своим доверенным посредником.

* Какого черта? (гол.) (Здесь и далее примеч. ред.)

** Костей не соберет (фр.).

— Я наперед знаю, о чем она будет кудахтать, — про-
рычал ван Рийн. — О Гризмале. Это не для нашего развеселого
сборища.

— Пожалуй, тебе не следует упускать ни одной возмож-
ности пообщаться с ней, не правда ли, Гунунг-Туан? — ска-
зала Койя. — Давай же. А мы с Дэви пока полюбуемся ви-
дом.

Она не предложила ему поговорить по телефону из другой
комнаты. Подразумевалось, что ван Рийн мог доверять им, как
самому себе. По мере того как понижалась степень взаимного
доверия в общественных образованиях, таких, как Галактиче-
ское Содружество или Торгово-техническая Лига, лояльность
становилась все более и более личной.

Ван Рийн испустил вздох, похожий на дуновение небольшого
тайфуна, и устроился в кресле. Брюхо его величаво разлеглось
на коленях.

— Я недолго, — пообещал он. — Будет спорить, тотчас
окорочу. У меня от этой Леннарт несварение желудка, ja *, там
сок закипает. Но мы должны держать круговую оборону, спина
к спине, и неважно, что у этой дамочки она костлявая... Соеди-
няйте, — велел ван Рийн своему старшему секретарю.

Фолкейн и Койя со стаканами в руках вновь подошли к про-
зрачной стене и устремили взоры на город. Но вскоре отвели
глаза и посмотрели друг на друга, ибо каждый считал другого
куда более прекрасным зрелищем, чем тот мир, который раски-
нулся вокруг них там, внизу.

Возможно, он любил ее меньше, чем она его, поскольку был
восемнадцатью годами старше и, вдоволь поскитавшись, познал
немало женщин с самых разных планет. Но Дэвид нутром чуял,
что после всех своих долгих странствий наконец обрел ту тихую
гавань, которую всегда искал, сам того не сознавая. Койя Коньон,
с гордостью следовавшая обычаю своего поколения и носившая
теперь имя Койя Фолкейн, была высокой и изящной женщиной.
Сейчас на ней был свободный алый костюм. Прямые темные
волосы ниспадали на плечи, обрамляя овальное лицо с больши-
ми зелеными глазами, в которых играли золотые искорки, с
широким пухлым ртом и маленьким твердым подбородком; но-
сик у нее был такой же вздернутый, как у Дэвида, а кожа напо-
минала позолоченную солнцем слоновью кость.

Койя все никак не могла наглядеться на него. Дэвид тоже был
высок, серый костюм не мог скрыть его атлетического сложения.
Лицо было скуластое, узкое, с синими глазами, а волосы —
белокурые, с соломенным оттенком, присущим представителям
аристократических семейств Гермеса. Осанка у него была пря-
мая, что тоже свойственно этому сословию, но вот губы казались
унаследованными от кого-то еще, поскольку были слишком

* Да (гол.).

улыбчивыми. Пока Дэвид не нуждался в медитехнической помощи: он и так выглядел моложе своего возраста. А был ему сорок один год.

Дэвид и Коя чокнулись пивными кружками и улыбнулись друг другу, но вопль ван Рийна заставил их невольно переключить внимание на него.

— Что вы сказали?! — взревел торговец. Его черные кудри, какие были в моде лет тридцать назад, разметались по мясистым плечам. В голове Фолкейна пронеслось воспоминание о том, как совсем недавно одна конкурирующая фирма разработала целую шпионскую операцию, чтобы выяснить, завивается старик или нет. Ответ на этот вопрос помог бы ей рассчитать, как скоро начнет ослабевать его хищная деловая хватка. Но попытка шпионажа провалилась.

— Не надо шутить, Леннарт! — гремел ван Рийн. — Это вам не к лицу. Даже в шутовском наряде, с красным помпоном на носу и намалеванной ухмылкой, вы все равно будете выглядеть так, словно собираетесь цитировать какого-нибудь жалкого еврейского пророка, поющего за упокой. Давайте серьезно обсудим, как нам устроить все таким образом, чтобы положить конец этой заразе!

Взгляд Ханни Леннарт буравил его с расстояния в несколько тысяч километров. Она была тощей блондинкой болезненного вида, в нелепой тунике, расшитой золотом.

— Это вы занимаетесь шутовством, мастер ван Рийн, — ответила Ханни. — Я вам понятным языком говорю: «Домашние Компании» не пойдут против законопроекта Гарвера. И позвольте мне, ради вашего же блага, внести предложение. При нынешнем настрое общественного мнения вам будут давать дурные советы натравить на этот законопроект как ваших явных лоббистов, так и тайных мастеров подкупа. Они непременно потерпят неудачу, и единственным вашим завоеванием станет всеобщая неприязнь.

— Но... *Nel en verdoemenis!** Разве вы не видите, чем это чревато? Если профсоюзы получают такой рупор в руководстве, это будет куда хуже, чем верблюжий нос в нашей палатке. Нет, черт возьми, это будет зловонное верблюжье дыхание и заляпанные песком копыта, а вскоре он втиснется в палатку целиком, и можете представить себе, что будет тогда.

— Ваши страхи преувеличены, — ответила Леннарт. — Как всегда.

— Никогда. Все, о чем я предупреждал, сбывается год за годом: хлоп, хлоп, хлоп. Слушайте. Профсоюз, как и любая компания, представляет собой организацию, предназначенную для извлечения прибылей. И неважно, как он будет сотрясать воздух, крича о рабской доле трудяг. Ладно, пока профсоюзы

* Ад и проклятье! (гол.)

честны и жадны, вреда от этого нет. Но сегодня они превратились в политические организации, связанные с правительством, будто какие-нибудь головоногие сямские близнецы. Дать им заправлять этими фондами — значит позволить правительству влезть в ваши дела.

— Но это можно поставить на взаимную основу, — заявила Леннарт. — Если честно... сейчас я говорю от себя лично, а не от имени «Домашних Компаний»; так вот, если честно, я полагаю, что ваше мнение о правительстве как о естественном враге любой разумной жизни, такое мнение характерно для мышления мезозойской эры. Хотите яркий пример того, куда оно может вас завести? Что ж, загляните за пределы Солнечной системы, посмотрите, что делает «Семерка» — методично, жестоко, губя одну планету за другой. Или вам безразлично?

— «Семерка» сама не пожелала вступить в открытое состязание...

— Мастер ван Рийн, мы оба — занятые люди. Я оказала вам любезность и позвонила, чтобы посоветовать не тратить попусту силы, пытаюсь настроить «Домашние Компании» против законопроекта Гарвера. Теперь вы знаете, что мы говорим на полном серьезе. Мы будем вполне удовлетворены, если этот законопроект пройдет, и мы имеем все основания быть уверенными в этом, несмотря на любое возможное противодействие — ваше и вам подобных. А теперь, может быть, закончим этот спор и вернемся к нашим делам?

Физиономия ван Рийна сделалась красновато-бурой. Он пробормотал несколько слов, воспринятых Ханни как свидетельство согласия.

— Что ж, тогда до свидания, — сказала она и отключилась. Пустой экран тихо загудел.

Спустя минуту Фолкейн подошел к старику.

— Похоже, дурные вести, — рискнул предположить он.

Мало-помалу ван Рийн перестал напоминать заткнутый пробкой вулкан.

— Да, весть неприятная, — пробормотал он. — Противнейшая весть. Мерзкая, гадкая, тошнотворная весть. Будем считать, что никто никогда ничего не выкал.

Коя подошла и, став рядом с креслом, погладила густую гриву деда.

— Нет, Гунунг-Туан, выкладывай, — тихо сказала она. — Тебе сразу полегчает.

Ван Рийн изложил полученную информацию, перемежая свою речь проклятиями и малопонятными фразами на разных языках. Эдвард Гарвер, парламентарий из Лунограда, внес законопроект, по которому управление частными пенсионными фондами для служащих компаний, которые являются гражданами Содружества, контролировалось профсоюзами. Применительно к Пряностям и спиртным напиткам это означало подчинение

главным образом профсоюзному объединению техников. «Домашние Компании» решили не мешать принятию этой меры. Скорее уж их представители станут работать в соответствующих комиссиях, дабы усовершенствовать законопроект так, чтобы он устраивал обе стороны. Это означало, что Торгово-техническая Лига не могла выступить единым фронтом: «Домашние Компании» и их дочерние предприятия имели слишком много голосов в совете директоров. Кроме того, «Космическая Семерка» скорее всего воспримет случившееся совершенно равнодушно, поскольку этот закон почти не затронет ее. А вот независимые предприятия, такие, как у ван Рийна, работающие на межзвездном уровне, но продающие изрядную долю своих товаров в пределах Содружества, и впрямь окажутся в затруднительном положении, с точки зрения держателей основных денежных сумм.

— И когда объединение техников начнет говорить нам, куда вкладывать деньги, оно получит немалую власть в дополнение к уже имеющейся, — закончил торговец. — И это будет не просто влияние на наши дела, но и на всю финансовую политику, деловую жизнь и правительство, а правительство все более рьяно стремится командовать народом. Ах, не завидую я вашим будущим детям.

— Разве, по-вашему, нет никакой надежды направить события в другое русло? — спросил Фолкейн. — Уж я-то знаю, сколько раз вам приходилось опрокидывать всех, кто путался под ногами. Может, приналежь на связи с общественностью? Покатить бочку на кого надо? Вы же прекрасно знаете все эти приемчики...

— Наверное, это бесполезно, если «большая пятерка» против нас, — удрученно проговорил ван Рийн. — Возможно, я ошибаюсь, но... ја, ја, Дэви, малыш, я на тридцать лет старше тебя, а человек в конце концов устает, даже если у него вечные хромосомы и хорошие специалисты по омоложению. Я мало что могу сделать. — Он встряхнулся. — Эй, да что я мямлю? Мы же собрались повеселиться и напиться нынче вечером! А потом Койя отправится вместе с твоей командой и привезет мне много новых замечательных богатств. — Старик тяжело поднялся со стула. — Надо выпить еще, а то в глотке сухо, как на Марсе. Где этот неповоротливый дворецкий? Еще пива, я говорю! Еще водки! Больше, больше, черт поberi!

Минус 7 лет

Солнце по имени Елена было карликом, но его планета, Валия, обращалась совсем близко, отчего красно-оранжевый диск солнца в небе цвета индиго казался огромным. Сейчас было утро, и зайдет солнце только спустя без малого сорок часов. Спокойная поверхность океана поблескивала, будто какое-нибудь озеро. Холмы полого сбегали к воде. Они были покрыты

бурым дерном и поросли жестким кустарником. Крошечные яркие летучие существа, которые, однако, не были насекомыми, парили на волнах теплого бриза, слегка отдающего железом.

На улице возле штаба научной экспедиции Эрик Тамарин-Асмундсен сердито и настойчиво повторял свои жалобы начальнику, Анне Карагацис. Рядом с ними неуклюже стоял долговязый, похожий на паука туземец, которого они окрестили Чарли. Он был покрыт синей шерстью, а голова его, снабженная антеннами, по форме была похожа на каплю.

— Повторяю: так вы ничего не добьетесь, только время зря потеряете, — говорила женщина. — Думаете, я сама не возвращала, не молила и не прибегала к угрозам? Но Уайлер только смеялся надо мной — до тех пор, пока не разозлился и не начал угрожать мне расправой в случае, если я не перестану ему документировать.

— Я этого не знал! — Эрик застыл, кровь прилила к лицу, и он попытался взять себя в руки. — Пустые угрозы. Они не посмеют причинить вред кому-нибудь из нас. Да и что они могут сделать?

— Не знаю. — Карагацис вздохнула. — Но я была в их лагере и видела, как хорошо они вооружены. А мы? Всего лишь община, состоящая из исследователей и обслуживающего персонала. В нас сроду никто не стрелял. Люди из «Звездных» могут сотворить с нами все, что пожелают. И здесь не действуют законы ни одной цивилизации.

— Неужели? Содружество требует права наказывать своих граждан за проступки, совершенные в любом месте.

— Верно. Но я подозреваю, что многие члены группы Уайлера, если не все, имеют другое гражданство. Кроме того, никакая полиция не попрется проводить расследование по нашему вызову за две сотни световых лет.

— Гермес не так уж далеко отсюда.

Карагацис окинула его пытливым взглядом. Эрик был здоровенным верзилой. Из-за бурого загара он выглядел старше своих лет (ему был двадцать один год по стандартному летоисчислению). У него было широкое лицо с римским носом, квадратным подбородком и карими глазами. Обычно оно выглядело мило-видным-безобразным, но сейчас окаменело от возмущения. Подобно мужчинам своей родной планеты и землянам, он не носил бороды и зачесывал черные кудри на уши. На нем был простой рабочий комбинезон и сапоги, но на лямке красовался герб герцогского рода.

— А что может сделать Гермес? — с сомнением проговорила Карагацис. — И что он станет делать? Валя не имеет для вашего народа никакой ценности, уж это точно.

— «Звездные металлы» ведут с нами торговлю, — напомнил ей Эрик. — Не думаю, что начальство скажет Уайлеру

спасибо, если он станет провоцировать надежного торгового партнера.

— Неужели очередные беспорядки на какой-то отсталой планете и впрямь кого-нибудь разозлят? Если бы вы были там, никогда не служили здесь и знали обо всем этом только понаслышке, разве вас волновали бы здешние дела? Хоть себе-то не врите.

Эрик вздохнул:

— Госпожа, я здесь. Я должен попытаться. Или нет?

— Ну... — Она наконец пришла к решению. — Что ж, очень хорошо, лорд Эрик, — осторожно произнесла Анна, обращаясь к нему так, словно тот диалект английского, на котором говорили на Гермесе, был и ее родным языком. — Можете отправиться туда и выяснить, способно ли ваше влияние как-то исправить положение. Только не задирайте их. Не делайте глупостей. И не давайте никаких обещаний туземцам. — Боль прорвалась сквозь броню ее сдержанности. — Мне и без того мучительно видеть их, когда они в растерянности приходят сюда. Они ведь думали, что люди — их друзья. Больно сознавать, что в своем бессилии хоть что-то для них сделать.

Эрик опустил глаза и искоса взглянул на Чарли. Этот туземец отыскал Эрика тотчас после его возвращения. Познакомились они, когда гермесец вел изыскания в горах, из которых Чарли бежал и где теперь не мог появиться. Эрик в растерянности произнес:

— Я не старался внушать этому парню ложных надежд, госпожа.

Карагагис грустно улыбнулась ему:

— По крайней мере, мне вы их не внушили.

— Наверное, я скоро вернусь, — сказал Эрик. — Пожелайте мне удачи. До свидания.

Он быстро зашагал прочь в сопровождении Чарли.

Несколько человек окликнули их, пока они шагали мимо. Приветствия были невеселые. Вторжение прямо или косвенно расстроило планы всех и каждого. Но гораздо важнее, вероятно, было то обстоятельство, что рабочие любили обитателей Валии. И им было нелегко стоять и беспомощно смотреть, как грабят горцев.

«Беспомощно? — подумал Эрик. — Это мы еще посмотрим». Но в то же время где-то на задворках сознания зудела мысль о том, что грабеж продолжается уже не первую неделю. И если обзудать «Звездные металлы» в принципе возможно, неужели никто до сих пор ничего не предпринял бы?

Сам он и его товарищи были на другом континенте и занимались в основном изучением ритуальных танцев. На этой планете хореография повсеместно считалась сокровенной и очень сложной стороной жизни здешнего общества. Дабы свести к минимуму эффект своего присутствия, Эрик и его товарищи поставили

машину подальше от селения. Риск, связанный с отсутствием радиосвязи, был, похоже, несущественным. Но, вернувшись, он узнал, что стряслась беда, которую он, вероятно, мог предотвратить...

За пределами базы стояли штук пять покосившихся навесов. Их пластик резко выделялся на фоне тусклой красно-бурой местной растительности. Карагачис рассказывала Эрику, как работники «Звездных металлов» преследовали немногих независимых старателей, добывавших золото. Их деятельность не причиняла вреда — слишком невелик был ее размах. Тем не менее их прогнали, как и местных жителей, которые посмели оказать сопротивление. Беженцы ждали следующего корабля с припасами, чтобы улететь на нем.

Эрик увидел несколько человек, празднично сидевших неподалеку с унылым видом. Один из них поднялся и пошел навстречу. Эрик уже встречал его прежде. Человека звали Леандро Мендоса.

— Привет, мастер Тамарин-Асмундсен, — сказал он, но не улыбнулся.

Гермесец думал о своем и на долю секунды растерялся. Кто? К представителям его сословия редко обращались по фамилии. Его называли «лордом Эриком», а близкие друзья — просто Эриком или Стрелком. Но тут он вспомнил, что Мендоса предпочитает земной английский, и выругал себя.

— Здравствуй, — сказал он и неохотно остановился.

— Уезжал, что ли? — спросил Мендоса. — Только что узнал, да?

— Да. Извини, я тороплюсь.

— К Шелдону Уайлеру? Думаешь, ты сможешь что-то сделать?

— Я это выясню.

— Только осторожнее, если хочешь выяснить все по-хорошему.

— Да, я слышал, его вооруженные громилы выставили вас с ваших копей. Где ваше оборудование?

— Распродано. Выбора не было. Мы вложили в него все, что имели, и еще не успели заработать денег на перевозку оборудования в другое место. У нас его выкупили по приемлемой цене, так что мы еще только наполовину ободраны.

Эрик поморщился:

— Разумно ли это? Разве это не ослабит ваши позиции при судебном разбирательстве? Вы же будете подавать в суд?

Мендоса издал трескучий смешок:

— В суд Содружества? Если «Звездные металлы» и не купили судью, то его купит другая компания. А у них все просто: услуга за услугу. Наше заявление выбросят, прежде чем мы успеем составить его по всей форме.

— Я имел в виду этический трибунал Торгово-технической Лиги.

— Ты шутишь? — Мендоса вздохнул раз-другой и добавил: — Ладно, если нейдет, действуй. Ценю твои благие намерения.

Он понурил голову и отвернулся.

Эрик пошел дальше.

— Что сказал твой другой ты? — спросил Чарли — так звучал грубый перевод его певучей речи. Психологи по-прежнему бились над вопросом, какой смысл вкладывают жители гор в понятия «ты» и «я». А теперь всей горской культуре грозит уничтожение из-за развернувшихся там широкомасштабных разработок минералов.

Его собственный словарный запас был весьма скуден — итог занятий с индуктивным преподавателем.

— Он был одним из тех, кто забирал золото, прежде чем пришельцы выдворили их, — объяснил Эрик.

— Да, мы сами знаем их самих хорошо. Они щедро заплатили инструментом и одеждой за право выкопать несколько дыр. Пришельцы не платят ничего. Что есть много хуже, они разгоняют лесной скот.

— Человек, который говорил со мной, не надеялся, что я добьюсь успеха.

— А ты надеешься?

Эрик не ответил.

В гараже он выбрал машину и взмахом руки велел Чарли залезать. Антенна валианца дрогнула. Прежде ему ни разу не приходилось летать. Но когда аппарат бесшумно поднялся благодаря антиграву, Чарли посмотрел вниз сквозь пузырь кабины и сказал:

— Я могу указывать дорогу. Правь вон туда, — он показал на северо-восток.

«Человек, получивший сходное воспитание, не смог бы с первого раза так быстро сориентироваться в воздухе», — подумал Эрик. Он прибыл сюда около года назад, настроив себя на дружелюбно-покровительственный лад по отношению к существам, самая передовая культура которых достигла уровня каменного века. Постепенно Эрик дорос до восхищения ими. В технологическом отношении они не могли дать расам, освоившим межзвездные путешествия, никаких полезных знаний, но тем не менее он задавался вопросом, какой вклад в конечном итоге их искусство и философия внесут в общее дело.

Если, конечно, их общества вообще сохранятся. Устои существования зачастую бывают очень уязвимы. Вот вам пример. Горцы кормились в основном мясом травоядных животных, не диких, но и не домашних; к ним не было вполне применимо любое из этих определений. Заполонив лучшие земли ищущими, рышущими, копающими, ревушими машинами, экспедиция

«Звездных металлов» прогнала стада, чем поставила себя на одну доску с саранчой древней Земли.

«Клянусь тремя слепыми Парками, — вдруг подумал Эрик, — ну почему именно золото стало важным промышленным сырьем?»

На это взрослый человек в нем сухо ответил: «Потому что оно — проводник, потому что оно — ковкий металл, потому что оно относительно инертно». Но мальчик продолжал спор: «А почему эти чужаки со своей корпорацией приехали грабить именно этот мир, когда есть тысячи необитаемых планет?» — «А потому, — ответил взрослый, — что один планетолог нашел богатое месторождение и об этом стало известно корпорации. Геологические изыскания уже были проведены, а к тому же на Валии не нужна дорогая и замедляющая работы аппаратура жизнеобеспечения».

«Но почему эти залежи оказались именно там, а не в другом месте?»

На этот вопрос ответа не было.

Машина стремительно летела над прибрежной равниной. Суща постепенно поднималась, превращаясь в лесистый горный склон. Вдруг в поле зрения попала безобразная полоса голого грунта возле какого-то озера. Чарли указал на нее, и Эрик пошел на снижение.

На земле, когда Эрик вылез из машины, к нему торопливо приблизились два охранника, человек и уроженец Мерсея.

— Что вы здесь делаете? — прошипел человек. — Здесь запретная зона.

— Кто дал вам права на владение этой землей? — сердито спросил Эрик.

— Не твоё дело. Мы их имеем и пользуемся ими. Убирайся.

— Я хочу видеть Шелдона Уайлера.

— Хватит с него придурков вроде тебя, — рука охранника легла на кобуру бластера, висевшего на поясе. — Добром убеешься или погнать тебя взашей?

— Не думаю, что он одобрит ваше нападение на наследника гермесского трона, — сказал Эрик.

Наемникам не удалось скрыть волнения. До Великого Герцогства было не так уж много световых лет, и оно имело свой маленький военный флот.

— Ну ладно, пошли, — проговорил человек после долгих раздумий.

Пересекая пыльную площадку, Эрик видел всего нескольких рабочих. Почти все отправились валить лес. «Звездные металлы» не довольствовались разработкой жил и добычей золота из горных речек. Они брали золотonosный кварц, взрывая склоны гор, пропускali его через передвижной обогатитель и оставляли после себя ядовитый шлак. Компания пускала целые реки воды

в гидросепараторы, не думая о том, сколько при этом погибнет плавучей живности.

В сборном бараке разместился по-монашески скромный кабинет. Уайлер восседал за письменным столом. Он был грузным мужчиной с грубыми чертами лица и усами, как у моржа. Поначалу он держался на удивление мягко. Отослав охранников, Уайлер гостеприимно сказал:

— Присаживайтесь. Вы курите? Эти сигары — из земного табака.

Эрик покачал головой и опустил на стул.

— Так, значит, когда-нибудь вы станете Великим Герцогом? — продолжал Уайлер. — Я полагал, что это выборный пост.

— Да, но обычно избирают старшего сына.

— Как же тогда вас угораздило угодить сюда в качестве ученого?

— Я готовлюсь. Великому Герцогу приходится иметь дело не только с человеческими существами. Кроме того, ксенологический опыт... — голос Эрика внезапно оборвался. «Проклятье! Этот хитрый гад уже вынудил меня оправдываться», — подумал он.

— Значит, вы не уполномочены говорить от лица вашей планеты?

— Нет, но... нет... Я пишу домой. А со временем вернусь туда.

Уайлер кивнул:

— Разумеется, мы хотели заручиться вашим добрым мнением о нас. Не желаете ли выслушать нашу точку зрения в этом споре?

Эрик подался вперед, оперевшись кулаками в колени.

— Госпожа Карагацис уже сообщила мне то, что... вы сказали ей. Я знаю, как вы получили ваши «права на изыскания и добычу». Как мне известно, вы утверждаете, что недвижимость не подпадает под местные юридические установления и, таким образом, вы не нарушаете ничьих прав. Кроме того, вы утверждаете, что через год-другой работы будут завершены и тогда вы соберете манатки и отправитесь восвояси. Да. Вам нет нужды повторять все это.

— Тогда, возможно, вам нет нужды повторять слова вашего начальника.

— Но разве вас оставляет равнодушным то, что вы творите?

Уайлер передернул плечами:

— Всякий раз, когда корабль садится на новую планету, это ведет к определенным последствиям. Насколько мы знаем, никто не возражал против вольного старательства, хотя у этих ребят не было никаких договоров и законных оснований на работы. Я был готов договориться о возмещении для попрыгунчиков...

туземцев то бишь. Но тут мне понадобится помощь ваших знатоков. Однако я столкнулся с этим чертовым тупым сопротивлением.

— Да, поскольку уничтожение страны ничем не возместишь. Черт, да к чему этот разговор? — вспыхнул Эрик. — Вам все время было плевать на них. Вы с самого начала вели себя, как шайка мародеров.

— Это решит суд, не правда ли? Вряд ли они попытаются вчинить иск, коль скоро не могут предъявить свидетельств серьезного ущерба. — Уайлер водрузил локти на стол и соединил подушечки пальцев. — Откровенно говоря, вы меня разочаровали. Я-то надеялся, что вы не станете мусолить эту набившую оскомину тему. Я тоже могу заявить, что делаю благое дело, знаете ли. Промышленности нужно золото. А вы готовы противопоставить благополучие нескольких сотен этих чертовых дикарей потребностям миллиардов цивилизованных существ.

— Я... я... Очень хорошо. — Эрик вскинул голову. — Давайте начистоту. Вы нажили себе врага в моем лице, а я пользуюсь влиянием на Гермесе. Вы желаете, чтобы положение дел оставалось таким, как сейчас, или нет?

— Естественно, «Звездные металлы» хотели бы иметь друзей, с вашего позволения. А что касается ваших угроз... Признаюсь, я не знаток вашего народа, но, насколько помню, у вас есть свое собственное обездоленное сословие. Захочет ли оно проникаться чаяниями горстки паршивых чужаков, да еще когда все операции здесь будут благополучно завершены? Сомневаюсь. Думается, у вашей матушки больше здравого смысла.

В конце концов Эрик несолоно хлебавши вернулся к своей летающей машине. Он впервые в жизни потерпел такое разгромное поражение. Но, как и предупреждала Карагацис, ему стало еще больнее, когда пришлось рассказать о своем провале Чарли.

Минус 5 лет

Спутник Бабура, который люди окрестили Айша, был размером с Луну. Сидя на обзорной площадке одного из куполов колонии, Бенони Стрэнг разглядывал тускло освещенный каменный грунт, пепельно-серый и испещренный воронками. Звезды ровно сияли в черном небе. Атмосферы тут не было. Планета висела в вышине почти полным диском — громадный янтарный герб, украшенный лентами облаков, белизну которых смягчали оттенки охры и киновари. Над ближним горизонтом высилась похожая на скелет испытательная мачта для космических кораблей, напоминавшая осадную башню, возведенную для защиты от происков Вселенной.

Внутри куполов было более-менее тепло, земная гравитация и в общем пригодный для дыхания воздух. Стрэнг стоял на бархатистой траве среди цветочных кустов. В парке у него за спиной были площадка для игр в мяч, бассейн, фонтаны, столы, за которыми можно было вкушать лакомств и отведать отборных вин. По всей базе были сосредоточены разнообразные увеселения, от лавки, торгующей изделиями народных промыслов, и любительского театра до самых порочных заведений, не менее изощренных, чем на любой известной планете. Здешнему народу требовалось не только отдохновение от изнурительной работы. Людей надо было вознаграждать за то, что они проводят изрядную часть личной жизни на Айше, Бабуре и в окружающем их космическом пространстве, за отсутствие отпусков, запрет на прием гостей и цензуру отправляемых ими писем. Те, кто не мог больше этого выносить, несмотря на высокую зарплату, поступающую на их счета дома, перед отъездом подвергались принудительной очистке памяти. Этот пункт был одним из условий договора, и полиция колонии строго следила за его исполнением.

Стрэнг вспомнил ранние годы станции, тяжкий труд, опасности и лишения тех дней, когда люди выскребли себе первые опоры для ног в этой пустыне. Он едва ли не жалел их. Сам Стрэнг тогда был еще совсем молодым.

«Хотя, в общем, никогда особенно не резвился, как положено молодняку, — подумал он. — Слишком много было работы».

— О чем задумался? — спросила Эмма Рейнхардт.

Он повернул голову и взглянул на нее. Это была милостивая женщина из Германии, помощник инженера, которая вполне могла стать его следующей любовницей: последнее время они довольно много общались друг с другом.

— Да просто подумал, сколько всего мы успели тут натворить, — ответил он. — И сколько еще надо будет сделать.

— Неужели ты никогда не размышляешь о вещах, не связанных с твоим... с твоим делом? — спросила Эмма.

— Работа всегда требовала от меня полной отдачи, — признался Стрэнг.

Эмма тоже пытливо оглядела его. Среднего роста, худощавый, с изящными движениями; лицо прямоугольное; волосы и усы гладкие, каштановые; глаза серо-голубые. Сейчас, в нерабочее время, он был облачен в изысканно сшитый свободный костюм.

— Иногда я спрашиваю себя, что будет с тобой после завершения этого проекта, — пробормотала она.

— Это случится еще не скоро, — ответил Стрэнг. — По моим нынешним оценкам, пройдет шесть стандартных лет, прежде чем мы сможем сделать первый важный ход.

— Если не будет никаких неожиданностей.

— Да. То, что не предусмотрено, практически неизбежно. Что ж, надеюсь, построенное нами окажется достаточно прочным, чтобы приспособиться к любым изменившимся условиям и не утратить способности к действию.

— Ты не так меня понял, — сказала Эмма. — Разумеется, тебе еще долго предстоит всем заправлять, но в конце концов ты перестанешь быть руководителем. Или, во всяком случае, тут разведется много других начальников. Что тогда?

— Тогда, а точнее немного раньше, я отправлюсь домой.

— На Гермес?

Он кивнул:

— Да. В каком-то смысле я считаю здешнее предприятие средством достижения этой цели. Я говорил тебе, какие страдания мне пришлось пережить там.

— Если честно, я не считаю все это чем-то ужасным, — ответила Эмма. — Ты принадлежал к траверам, не имел права голоса, вся пригодная для обработки земля принадлежала аристократам, и... Что ж, это и впрямь могло повергнуть в уныние честолюбивого мальчика. Но ты покинул планету и сделал карьеру. И никто не пытался тебе помешать.

— А как же те, кого я оставил?

— Да, как же? Им что, и впрямь житья нет?

— Они — мелкие сошки. Неважно, насколько легкой кажется их жизнь со стороны. Они — из низов общества. Их слово в политических вопросах ничего не значит. Клану плевать на прогресс, он не заинтересован в развитии; он только и делает, что цепляется за свои помещичьи привилегии. Поверь мне, всю тамошнюю гнилую систему надо было разгромить еще лет сто назад. Нет, следовало придушить ее в зародыше... — Стрэнг взял себя в руки. — Впрочем, где тебе понять? Ты ведь этого не пережила.

Эмма Рейнхардт слегка вздрогнула. На миг она увидела, что он — одержимый.

Минус 1 год

Этот мир искали несколько экипажей, и когда Леонардо Ригасси, командир земного звездолета, нашел его, то с удивлением обнаружил, что здесь уже были люди. Они называли эту планету Обитель Мрака.

А потом — то ли по воле Всевышнего, то ли по иронии судьбы или по чистой случайности — настал тот самый год.

Глава 1

Дельфинбург медленно скользил под полной луной по поверхности Филиппинского моря. Мерцали и вспыхивали тысячи огней, слышалось эхо голосов, люди, задевая друг друга, протискивались в толпе по улочкам района увеселений. Были здесь и искатели более спокойного отдыха. Среди прочих отведенных для них мест числился и висячий сад на крыше Гондвана-хауса. На правом краю ведущего понтона располагалась обзорная площадка, с которой просматривался и весь океанский город, и сам океан с другой стороны. Днем здешние воды зачастую кишели лодками, но после наступления темноты тут обычно можно было увидеть только блуждающие огоньки одного-двух «рыбьих пастухов», вышедших на дежурство, а в тропиках — еще и корабли, качающие со дна минералы, необходимые, чтобы питать планктонные плантации. Они напоминали светлячков, занесенных в морские просторы.

Нынче вечером светящиеся растения в саду потускнели, а оркестр звучал тише обычного. Он играл танцевальную музыку времен Классического Возрождения: вальсы, мазурки, танго, под звуки которых танцующие крепко прижимались друг к другу и плавно скользили по площадке, обрамленной цветочными клумбами и кустами. В мягком воздухе плыли ароматы роз, жасмина, аурелии и животвора. До висевших над головой звезд, казалось, можно было достать рукой.

— Хорошо бы, чтобы это никогда не кончалось, — пробормотала Койя Фолкейн.

Ее муж попытался усмехнуться.

— Нет, дорогая, на самом деле ты так не думаешь. Я никогда не встречал девушки, столь нетерпимой к однообразию и надежденной таким даром его избегать.

— О, я хочу, чтобы многие вещи были вечными, но только все вместе, ты понимаешь? — ответила она. По тону Койи он понял, что и она из всех сил притворяется веселой. — Жизнь должна строиться по канторианским принципам. Бесконечное множество бесконечностей, мой милый математический тугодум.

«Но вместо этого, — подумал он, — мы идем сквозь единое пространство-время по единственному доступному нам пути — лет сто или около того, если удастся создать наилучшие условия омоложения, и, разумеется, гораздо меньше, когда происходит нечто, обрывающее линию жизни того или иного мира. Мне по большому счету наплевать на то, что я смертен, Коя, но мысль о твоей смерти невыносима!»

— Были времена, — сказал он ей, — когда я мечтал о бесконечной череде женщин, прекрасных и доступных. Но вдруг обнаружил, что мне вполне достаточно тебя, даже с избытком. — Он склонил голову и прильнул щекой к щеке жены, ощущая благоухание ее волос, которое не смог заглушить тонкий аромат духов. — Но довольно, любовь моя. Вскоре у нас будет много дел, а посему давай потанцуем вволю.

Коя кивнула. Она двигалась все так же изящно, но Фолкейн чувствовал, что напряжение не оставляло ее, а пальцы Койи что-то уж слишком крепко вцепились в его руку.

Поэтому, когда танец кончился, он предложил:

— А что, если мы пропустим один номер и выпьем?

Он повел ее к бару. Взяв бокал шампанского, Коя сказала:

— Я бы с удовольствием полюбовалась морем.

Они отыскиали уединенное местечко возле внешнего ограждения. Провисшие под гнетом виноградных гроздьев лозы скрыли от них танцевальную площадку и заслонили от других парочек, искавших здесь покоя. Луна висела над правым бортом, отбрасывая на воду широкую дорожку света и заставляя искриться гребни ближних волн. За пределами лунной дорожки вода напоминала жидкий обсидиан. Во мраке тускло поблескивала листва. Палуба под ногами дрожала: там работали машины. Пульсация распространялась от стоп на весь опорно-двигательный аппарат, но была тихой и ровной, как стук сердца; шелест волн под форштевнем и вовсе был еле слышен. Ветерок приносил едва ощутимую ночную прохладу.

Фолкейн протянул руку, нежно взял Коя за подбородок и приподнял голову. Он криво улыбнулся одной левой стороной рта.

— Не тревожься за меня, — попросил он. — Ты ведь никогда не волновалась.

— О, еще как волновалась, когда была подростком, — отвечала Коя. — Стоило мне услышать о последнем приключении легендарной команды «Через пень-колоду», и я цепенела от ледяного страха при мысли о том, что может случиться с тобой.

— С тех пор как ты присоединилась к нам, я ни разу не видел тебя взволнованной, а между тем нам приходилось раз-другой попадать в передряги.

— То-то и оно. Я сама была там. Нам было либо нечего бояться, либо некогда трусить. И мне не приходилось ждать тебя дома, гадая, суждено ли нам свидеться опять.

Она отвела взгляд и подняла глаза к небу. Отыскав призрачный Млечный Путь, Коя устремила взор на одну из его белых звезд.

— Каждую ночь я смотрела на Денеб и терзалась сомнениями, — добавила она.

— Позволь напомнить тебе, — с деланной веселостью ответил Дэвид, — что в тех местах помимо Бабура и Обителю Мрака есть еще и Гермес. Если уж я вернулся оттуда один раз, наверняка вернусь и опять.

— Но если разразится война...

— Ну и что? Я по-прежнему гражданин Гермеса, а не Содружества. И еду туда с четким и ясным заданием: навести справки и оказать неофициальное дипломатическое давление. Этим моя миссия исчерпывается. Возможно, бабуристы — не самая уживчивая раса во Вселенной, но они — разумные существа и не станут без нужды наживать себе врагов.

— Но если задание такое простое и безобидное, почему должен ехать именно ты?

Фолкейн вздохнул.

— Ты сама знаешь почему. У меня есть опыт. Вот уже тридцать с лишним лет я веду дела с нечеловеческими обществами. Эдзел, Чи и я вместе действуем чертовски успешно. — Он снова улыбнулся. — Скромность — вторая из высших добродетелей, перечисленных в святцах. А первая — искренность, если желаешь знать. Но я говорю совершенно серьезно. Гунунг-Туан правильно сделал, попросив нас поехать. У нас больше шансов добиться хоть какого-нибудь толку, чем у кого-либо другого. Или, по крайней мере, привезти оттуда мало-мальски определенные сведения. И ты все это знаешь, дорогая. Если ты хотела выдвинуть какие-то возражения, зачем было тянуть с этим до нашего прощального вечера?

Коя закусила губу.

— Извини. Я думала, что сумею не выдать своих опасений... до твоего отъезда.

— Послушай, я не кривил душой, костеря судьбу за то, что она подкинула мне это задание именно сейчас, когда ты не можешь ехать со мной. Я не врал, громогласно выражая сожаление по этому поводу. Стал бы я так делать, кабы мне грозила хоть мало-мальски серьезная опасность? Самое важное неизвестное в этом уравнении сводится к вопросу, надолго ли мы уезжаем.

Коя медленно кивнула. Они с Дэвидом оба перестали бороздить космос, когда родилась Хуанита, поскольку полеты означали неопределенно долгую разлуку с Землей. Старшее поколение, более склонное к утехам и менее основательное, наплодило столько невротиков, что Коя не только сама прониклась, но и заразила мужа убеждением в том, что крепкий, надежный дом

и необходим ребенку, и положен ему по справедливости. А ведь сейчас она снова была на сносях.

— Все равно не понимаю, почему непременно ты, — сказала Койя, уже почти смирившись. — Проведя три года в Солнечной системе...

— Можно малость заржаветь, да, — закончил за нее Дэвид. — Но ты только четыре года занимаешься вместе с нами торговым первопроходчеством, а я в этом деле двадцать с лишним лет. Все премудрости этой работы уже у меня в крови. Когда старик попросил, я просто не мог отказать.

«Не мог, ибо восемнадцать лет назад я обманул его доверие из-за Обителя Мрака, — пронеслось в голове. — Меня простили, меня сделали кронпринцем империи ван Рийна, но сам я так и не простил себя до конца. И вот теперь у меня появилась возможность поправить дело».

Койя понимала, о чем он думает. Она подняла голову.

— Да, да, сэр, прошу прощения. Но если начнется война, многие женщины будут вести себя куда хуже, чем я.

— Совершенно верно, — рассудительно ответил Дэвид. — Но существует вероятность того, что моя шайка внесет кое-какой вклад в дело мира.

— Ну ладно. Однако у нас в запасе еще много часов. — Койя поднесла свой бокал к лучику лунного света. Снова грянула веселая музыка. — Первым делом мы обязаны отдать должное этому превосходному шампанскому, не правда ли?

— Вот слова, достойные моей подруги, — Фолкейн улыбнулся жене, и их бокалы соприкоснулись.

Когда два человека из команды «Через пень-колоду» удалились на покой, пути двух ее членов, принадлежавших к другим расам, разошлись. Чи Лан вступила в качестве ксенобиолога в новую команду торговых первопроходцев. Она чувствовала, что еще не созрела для оседлой жизни. Кроме того, ей хотелось до неприличия разбогатеть на своих командировках, чтобы получить возможность удовлетворить любую прихоть, когда она наконец вернется на планету, обозначенную в астрономических каталогах как α_2 Эридана А-2 и именуемую по-английски Цинтией. Когда разразился кризис вокруг Обителя Мрака, Чи была на Земле, и, возможно, это обстоятельство помогло Николасу ван Рийну утвердиться в мысли возродить эту троицу — хотя сначала он, должно быть, обратился к делопроизводителям своей фирмы, дабы узнать, есть ли надежда немедленно установить с нею связь.

— Что? — выпалила Чи, когда он позвонил ей домой. — Я? Шпионить и выманивать сведения лезть? Ни слова! Я знаю, вы назовете это «сбором разведанных» и «наведением мостов

для переговоров». Вы сыплете словами, будто пьяный лексикограф. Вы и впрямь задумали отправить нас на Бабур? — ошети-нилась Чи. — Бросить нас в котел весьма вероятной войны? Должно быть, вы спятили оттого, что каждый день сжираете бочонок сливочного масла.

Ван Рийн на экране благочестиво возвел очи горé.

— Не надо волноваться, кошечка, — произнес он елеиным голосом. — Ты только подумай: новое путешествие в обществе твоих ближайших друзей. Подумай: ты можешь оказать содействие и предотвратить беспорядки, которые губят людей, а возможно, и сокращают доходы. Подумай о славе, которую можешь сыскать себе своими дерзкими подвигами, о славе, которая бросит отблеск на твоих детей. Подумай о...

— Я лучше подумаю о наличных, — оборвала его Чи. — Назовите сумму.

Ван Рийн в страхе воздел руки.

— Ты столь корыстолюбива, а ведь речь идет о возможности ужасных событий! Да что же ты за создание такое?

— Мы оба знаем, что я за создание. А теперь давайте договоримся о стоимости моих услуг. — Чи поудобнее устроилась на мягком сиденье. Вместо того чтобы освежиться спиртным, которое не оказывало на нее ровным счетом никакого воздействия, Чи вставила в древний мундштук из слоновой кости сигарету с легким наркотиком и раскурила ее. Похоже, разговор будет долгим.

Он причитал, она презрительно насмехалась над ним, и оба немало позабавились, обсуждая гонорар за работу, которая, возможно, окажется опасной и уж наверняка не принесет денежной выгоды. Чи добила, чтобы Эдзелу заплатили столько же. Оставшись не у дел, одиноким совсем пал духом, и, позаботившись об интересах этого здравомыслящего книжника, Чи сочла, что доброе дело, намеченное на этот месяц, сделано. Ван Рийн подтвердил ее подозрения: он и впрямь подрядил Эдзела, бесстыдно воззвав к его чувству долга.

Тот по-прежнему был в Андах и собирался покинуть горы только накануне отлета. Когда этот день настал, Чи узнала из сводки справочной службы, что Эдзел снял комнату в дешевой гостинице Террапорта. Название гостиницы она сразу вспомнила: там не умели создавать домашние условия представителям негуманоидных рас. «Ну и что? — подумала она. — Эдзелу в общем-то и не нужна гравитация, в два с половиной раза превышающая обычную, не нужен плотный жаркий воздух, слепящий свет Солнца класса F5, не нужны и иные прелести, которыми изобилует планета, известная людям под именем Один. Он годами обходился без всего этого на борту “Через пень-колоду”, не говоря уж о буддийском монастыре, где провел последние три года в качестве брата-мирянина».

«Несомненно, он замыслил отдать все свои сбережения бедным или пожертвовать на какую-нибудь другую глупость того же пошиба», — решила Чи, а потом поймала такси и отправилась в ближайший аэропорт, чтобы вылететь оттуда первым же трансокеанским рейсом.

На борту к ней были прикованы взгляды всех пассажиров. Инопланетянин в качестве попутчика все еще был редкостью на Земле. Даже обитатель Цинтии, самая развитая цивилизация которой уже давно освоила космические маршруты. Чи к этому привыкла и была не прочь продемонстрировать людям, как выглядят истинно грациозные создания. Они увидели перед собой маленькое существо, девяносто сантиметров в длину, с пушистым хвостом, добавлявшим еще полстолько. Ноги у нее были длинные относительно туловища, стопы заканчивались пятью цепкими пальцами; руки были такими же длинными и шестипальными. Круглая голова, огромные глаза цвета изумруда, острые уши, короткая мордашка с широким носом; изящный ротик с очень острыми зубками обрамляли густые жесткие бакенбарды. Шелковистый мех покрывал все ее тело, за исключением серых стоп и кистей рук; он был белоснежный, только вокруг глаз виднелись похожие на маску серо-голубые круги. Однажды Чи довелось услышать, как ее сравнивают с помесью ангорской кошки, обезьяны, белки и енота. Тогда она лениво подумала, что неплохо бы выяснить, которые из этих тварей составляли мужскую линию ее рода, а которые — женскую. Такие мысли были вполне естественны, ибо Чи происходила от состоящей из представителей двух полов живородящей расы, что роднило ее с Эдзелом; кроме того, оба они были теплокровными, хотя ни того ни другого, строго говоря, нельзя было называть млекопитающим.

Какой-то маленький мальчик воскликнул: «Ой, кошечка!» — и хотел было погладить ее. Чи подняла глаза от распечатки лондонской «Таймс» и любезно спросила мать малыша:

— А почему вы не поедаете свой молодняк?

После чего ее оставили в покое. Прибыв на место, Чи опять взяла такси и дала машине адрес гостиницы. Солнце здесь уже зашло, значит, Эдзел, должно быть, сидит дома. Чи надеялась, что он не слишком погружен в медитацию и услышит дверной звонок. Когда до нее донеслось сухое шуршание чешуи, Чи поняла, что Эдзел распрямляет свое тело и сейчас впустит ее. Вот и хорошо. Наверное, приятно будет снова увидеть старого нескладеху.

Дверь открылась. Чи подняла голову, а цотом и вовсе задрала ее. Голова Эдзела возвышалась над полом на два с лишним метра; ее поддерживали толстая драконья шея и грузное кентаврье туловище, из которого торчали две мощные руки с четырехпальными кистями. Длина тела этого создания составляла, от шеи до кончика хвоста, похожего на крокодилий, четыре с полови-

ной метра. Голова тоже отдаленно смахивала на голову земноводного: удлинённая пасть, плотные, будто резиновые, губы, зубы всеядного существа, перемежающиеся несколькими клыками зловещного вида; большие глаза цвета янтаря, защищенные выпуклыми надбровными дугами; костистые уши. Вдоль всей спины тянулся ряд треугольных пластинчатых зубцов. Один из них, чуть позади торса, был удален хирургическим путем, дабы друзья Эдзела могли ехать на нем, не опасаясь увечий. Все его тело было покрыто блестящей чешуей, темно-зеленой на спине и золотистой на брюхе.

— Чи Лан! — загремел он по-английски. — Какой милый сюрприз! Входи, дорогая, входи. — Четыре раздвоенных копыта, поддерживавшие тушу весом в тонну, выбили громовую барабанную дробь, когда Эдзел посторонился, чтобы пропустить гостью. — Я и не надеялся, что смогу приветствовать тебя раньше завтрашнего дня, когда мы встретимся на корабле. Я думал, мне лучше...

— Вряд ли нам понадобится проводить предварительную проверку. Нам троим и Пню*, — согласилась Чи.

— ...лучше попробовать...

— Но все-таки я решила, что мы правильно сделаем, если благоговременно обменяемся информацией. Дэви от семьи багром не оттащишь, пока не наступит время отбытия, но мы с тобой сейчас никем не увлечены.

— Я пытаюсь...

— Правда?

— Что? Я пытаюсь ознакомиться со сложившейся обстановкой, — Эдзел указал на видеозэкран. Диктор говорил:

«...сделать обзор событий, предшествовавших кризису. Предпосылки к нему возникли гораздо раньше, чем была открыта Обитель Мрака, а это случилось в прошлом году. По сути дела, это было повторное открытие. Прежде планета около пятнадцати лет принадлежала консорциуму "Сверхметаллы", который добывал из ее недр богатства, не ставя никого в известность о том, откуда берутся сокровища, которые он продает. Консорциум пытался создать впечатление, будто источником его богатств была некая секретная технология производства, гораздо более высокая, чем любая из уже известных. Этот обман до известной степени удался. Но в конечном итоге многочисленные ученые пришли к заключению, что сверхметаллы, вероятнее всего, производит и концентрирует сама природа...»

— Ты слышал? — спросила Чи, махнув хвостом в сторону экрана.

— Да, разумеется, но у меня есть надежда, что он толком объяснит, что сейчас происходит, — ответил Эдзел. — Не забывай, я три года не слышал ни одного выпуска новостей, не

* Пень — корабельный компьютер «Через пень-колоду».

читал никакой светской литературы, кроме журналов по планетологии.

Чи обрадовалась, узнав, что Эдзел не забыл свою работу. Возможно, в нынешнем путешествии его профессиональные умения не понадобятся, но как знать? В любом случае, раз Эдзел следил за последними достижениями науки, значит, он еще не совсем соскочил с катушек с этой своей кармой.

— Время от времени к нам приезжали посетители, — продолжал дракон, — но я старался по возможности избегать общения с ними, боясь, что моя наружность может отвлечь их от восприятия просветляющего влияния тамошнего окружения.

— Наверняка, особенно если бы ты попытался сесть в позу лотоса, — съязвила Чи. — Ладно, я объясню тебе все куда лучше, чем этот пустозвон.

— Не желаешь ли выпить чаю? — спросил Эдзел, указывая на пятилитровый термос. — Мне его заварили в том месте, где я ужинал. Вот эта пепельница чистая.

Он поставил пепельницу на пол и до краев наполнил ее чаем, чтобы Чи могла вылакать его, а сам поднес свой термос ко рту.

Телевизионный лектор тем временем принялся бегло повторять основы физики.

После ряда актиноидов в Периодической системе числятся только радиоактивные элементы. В крупнейших атомах взаимотталкивающее действие протонов обязательно берет верх над силами притяжения в ядре. У трансурановых элементов скорость распада настолько велика, что древние ученые Земли не обнаружили этих элементов в природе. Им пришлось создавать нептуний и плутоний самим. Позднее выяснилось, что микроскопические количества этих элементов все-таки попадают в скальных породах. Но их присутствие — не более чем свидетельство желания природы соблюсти формальности. Почти все, что существовало в самом начале, распалось на более мелкие ядра. А у всех трансплутониевых элементов период полураспада настолько короток, что даже самые мощные и действенные средства едва способны произвести их в количестве, достаточном для обнаружения сверхчувствительными приборами. А мгновение спустя исчезает даже эта толика вещества.

Однако теория предполагает существование некоего «островка устойчивости», и расположен он между 114-м и 122-м элементами Периодической таблицы: это девять элементов, большинство изотопов которых обладает лишь слабой радиоактивностью. Получение бесконечно малых количеств этих элементов в лабораторных условиях стало триумфом науки. Чтобы соединилось такое сонмище частиц, требовалась гигантская энергия. Теория туманно намекала на существование каких-то физических и химических свойств, присущих то ли этим материалам, то ли их

устойчивым составляющим, которые сами по себе, взятые отдельно, устойчивы не были. Инженеры мечтали получить такие материалы, чтобы сделать из них катализаторы, проводники, создать сверхпрочные сплавы. Но никто не видел способа осуществить эту мечту. До тех пор, пока вдруг не родилась одна идея.

(Первым, кого осенило, был Дэвид Фолкейн, и случилось это восемнадцать лет назад. Но теледиктор не знал об этом и теперь повторял выкладки более поздних мыслителей.)

По нашим представлениям, материя начиналась с беспорядочного скопления атомов водорода, самых маленьких на свете. Некоторые из них соединились, когда случился большой взрыв, и образовался гелий; процесс этот продолжался и потом (при гигантских температурах и давлениях), в недрах звезд, рожденных из сгустков газа. Там-то и образовались более сложные элементы. Это происходило постепенно, по мере взаимодействия атомов. Звезды разбрасывали свое вещество солнечным ветром, превращались в умирающих красных гигантов, в новые и сверхновые; первые поколения светил насытили межзвездный вакуум ядрами, которым впоследствии и было суждено превратиться в солнца и планеты. Углерод в наших белках, кальций в наших костях, кислород, которым мы дышим, — все это было создано в древних горнилах Вселенной.

Если бы в космосе не образовались очень большие звезды, цепочка превращений оборвалась бы на железе. Этот элемент занимает место в низшей точке энергетической кривой. Стянуть вместе большое количество протонов и нейтронов не под силу ни одному равно горящему солнцу. Но чудовищно крупные звезды не умирают тихой смертью. Они превращаются в сверхновые и какое-то мгновение сияют так же ярко, как все остальные светила Галактики, вместе взятые. В этот миг непостижимому уму неистовства стихий и происходят химические реакции, невозможные при любых других условиях. И рождаются медь, золото, уран, равно как и элементы с атомным весом меньше, чем у железа. Их выбрасывает в пространство, и они соединяются с веществом других звезд и планет.

Среди веществ, зародившихся таким образом, — и сверхметаллы с «островка устойчивости». В результате всех трудностей их возникновения эти металлы встречаются в очень маленьких количествах, настолько мизерных, что поначалу их вовсе не могли обнаружить в природе. Даже после того, как человек вырвался за пределы Солнечной системы и стал исследовать свой уголок Галактики. И все же эти металлы наверняка были. Задача заключалась в том, чтобы обнаружить такое их скопление, которое можно измерить с помощью приборов.

Представьте себе гигантскую звезду, у которой есть гигантская планета, достаточно тяжелая, чтобы ее ядро могло уцелеть после взрыва. Теоретически это невероятно, но все-таки не невозможно. Взорвавшееся солнце обдаст ядро планеты неистовым

потоком элементов. Самые тяжелые из них образуют сгустки, а возможно, даже твердые пластины. Разумеется, они будут составлять ничтожную толику всего того вещества, которое извергнет в пространство сверхновая. Но и эта толика даст миллиарды тонн ценных металлов и какое-то количество неизмеримо более дорогих сверхметаллов. При их сравнительно малой радиоактивности сверхметаллы, судя по всему, могут в течение нескольких миллионов лет существовать в виде месторождений, достойных промышленной разработки...

«...очевидно, ее первооткрыватели проводили математический анализ с помощью самого мощного компьютера, — продолжал диктор. — Используя имеющиеся данные о плотности и орбитах звезд в этом районе Галактики в сочетании с данными о межзвездном газе и пылевых скоплениях, магнитных полях и так далее, можно было создать сложную программу и рассчитать вероятность существования в соответствующих пространственно-временных пределах сверхновой звезды, имеющей планету, которая больше Юпитера. Программа позволяла весьма приблизительно определить вероятное местонахождение такой звезды в современную эпоху. Затем более точная программа рассчитывала пространственно-временное распределение координат по степени вероятности, а это, в свою очередь, позволяло выработать наилучшую схему поисков. Судя по всему, самые высокие шансы давал поиск в направлении Денеба, примерно на полпути к нему.

Если наши ученые смогли прийти к этому заключению год или два назад, значит, вполне разумно было бы допустить, что “Объединенные сверхметаллы” сделали такой же вывод еще раньше. Следовательно, сокровищница существует, и ее в конце концов обнаружат, если поиски будут вестись достаточно энергично. И вот в космос отправились корабли с пылкими искателями на борту.

Повезло капитану Леонардо Ригасси из Европейского исследовательского объединения.

Тайна стала достоянием гласности. Существа, представлявшие интересы “Сверхметаллов”, теперь открыто хвастались тем, что разрабатывали богатства планеты, которую они называли Обитель Мрака. Они пытались узаконить свое обладание ею, но тотчас возник целый рой вопросов. Первым и самым острым из них стал вопрос о юрисдикции. Какое из правительств имеет право распоряжаться здесь? Существа, руководящие “Сверхметаллами”, не получают поддержки ни от одного из правительств, они сами по себе, и...»

— Да выключи ты этот болтливый ящик, — потребовала Чи Лан. — Наверняка ты уже знаешь все то, что он может тебе сообщить.

— Извини меня, но это — весьма легкомысленное отношение, — укорил ее Эдзел, но тем не менее протянул руку и нажал выключатель. Невзрачная комнатка на миг наполнилась тишиной.

Наряду с тишиной ее заполнило и громадное туловище Эдзела. Продолав уже знакомые Чи по былым временам телодвижения, он уселся на пол и свернул свой хвост колечком, чтобы Чи могла вольготно расположиться на нем. Она воспользовалась приглашением и села, прихватив с собой пепельницу с чаем.

— Во-первых, — сказал Эдзел, — для меня было большим облегчением узнать, что мы, то есть ты, Дэви и я, пока не разоблачены как подлинные первооткрыватели Обители Мрака, которым планета и обязана своим названием. От известности и славы одно расстройство, правда?

— О, я уже подумывала, как бы нажиться на этом, буде такое случится, — ответила Чи. — Но при нынешней безумной неразберихе... Да, несомненно, ребята из «Сверхметаллов» правильно сделали, сдержав слово. Не знаю, надолго ли их еще хватит. У них больше нет никаких видимых причин хранить в тайне наши имена. Полагаю, они и сейчас делают это скорее по привычке, чтобы не делиться ничем, даже воспоминаниями, с теми слизняками, которые норовят отнять у них сокровище.

— И надежду, — полногласно добавил Эдзел. — Как ты думаешь, они получат справедливое возмещение?

— От того правительства, которое сумеет отстоять свои притязания? От Бабура или Содружества? Хо-хо-хо! Власть Содружества — это власть корпораций, которые интересуются только богатыми месторождениями, это власть политиканов и столочальников, которые ненавидят «Сверхметаллы», потому что эта компания никогда не раболепствовала перед ними. А власть Бабура — кто знает, что это такое. Но я верю, что бабуриты возвысят голос в защиту прав горстки существ, дышащих кислородом.

— Ты и впрямь думаешь, что Обитель Мрака может достаться Бабуру? Их притязания основаны на принципе «области интересов», а это звучит нелепо.

— Но не более вздорно, чем выдвигаемый Содружеством довод о «праве первооткрывателей». Осмелюсь предположить, что этот спор разрешит какая-нибудь молниеносная война.

— Неужели они и впрямь будут драться за... за несчастный комок затвердевшего сплава? — с горечью спросил Эдзел.

— Друг мой, им придется хорошенько постараться, чтобы избежать войны. Разве что Бабур блефует, в чем я сомневаюсь. — Чи глубоко вздохнула. Воздух пах чаем и чуть-чуть отдавал теплым терпким духом, присущим одинитам. — Ты ведь понимаешь, почему ван Рийн посылает нас туда, не правда ли? Главным образом за сведениями какого угодно содержания, они необходимы ему, чтобы продумать дальнейшие действия. Сейчас у всех голова кругом. Правительство Содружества, подобно

всем остальным, вынуждено действовать вслепую, оно не знает, чего можно ждать от столь чуждых созданий, как бабуристы. Но кроме добычи сведений мы должны, если удастся, попробовать заключить, или хотя бы предложить, сделку. При их нынешнем настрое они могут причинить серьезный ущерб недвижимости Галактической компании пряностей и спиртных напитков и повредить ее торговой деятельности. Ну а на нас они и вовсе зуб точат.

— Почему?

— А ты не знаешь? Лет тридцать назад Бабуры пытался втереться в компаньоны компании при заключении сделки с товаром, именуемым «голубец», на одной из соседних планет. Бабуристы могли извлечь из этого «голубца» большую выгоду, чем мы. Тем не менее глава нашей тамошней фактории не видел причин покорно мириться с откровенным грабежом. Он сделал хитрый ход и отнял у бабуритов всю их добычу, а заодно устроил все таким образом, чтобы возмещение на планету не принесло им никаких выгод. Это было первое воинственное деяние бабуритов в космосе. Теперь они, похоже, считают, что готовы к настоящей битве, а всему космосу хорошо известно, что Содружество к такой битве не готово.

— И поэтому мы снова отправимся в путь. Наша тройка и наш корабль. Будто молодость вернулась, — со вздохом сказал Эдзел. — Разве что на этот раз нас отправляют не в страну надежд.

Глава 2

Мая, солнце Гермеса, еще пряталось за горизонтом, но шпили и верхушки башен Звездапада уже поблескивали, будто позолоченные. Когда светило поднялось над Рассветной бухтой, его лучи устремились на запад, через реку Паломино, вдоль Олимпийского проспекта, к холму Паломников. Здесь яркое сияние рассеивалось и тускнело в кронах деревьев, в садах, под сенью зданий — серого нагромождения камней, именуемого Старой Крепостью, среди плавных линий и стеклянных стен Новой Крепости, строгих высоких корпусов Сигнальной Станции. Один лучик ниточкой протянулся над перилами балкона на верхнем этаже Новой Крепости, проник в спальню через застекленную дверь и упал на кровать Сандры Тамарин-Асмундсен.

Сандра проснулась.

— Пит, дорогой, — шепнула она и протянула к нему руки. Глаза Сандры открылись, и она вспомнила, что одна. На миг ее охватило ощущение пустоты.

Но ведь несчастный случай, лишивший жизни Петера Асмундсена (здоровенного, сильного, шумного, но, прежде всего, доброго человека), произошел четыре с лишним года назад. Время притупило боль — время и тяжкий труд: она была Великой.

Герцогиней и возглавляла планету, на которой жили пятьдесят миллионов своенравных упрямцев.

Сандра села на постели, заставляя себя насладиться прохладным воздухом и мягким светом. Она, как обычно, проснулась раньше, чем зазвонил будильник. Выключив его, Сандра поднялась и вышла на балкон. Бриз, напоенный свежестью росы на клумбах внизу, ласково коснулся обнаженной кожи. Вокруг, похоже, не было ни одной живой души, хотя Сандра и смотрела вниз с верхушки холма, откуда открывался вид на город, бухту и океан Авроры. Мимо пролетел нидифекс с его пестрыми шелестыми крыльями и мелодичными трелями.

Спустя минуту Сандра снова вошла в комнату, переключила телефон на режим телеприема и приступила к ежедневной получасовой зарядке, в которую верила куда больше, чем в искусственное омолаживание, хотя прилежно принимала и эти процедуры, поскольку ей было уже за пятьдесят. Ее крупное тело мало изменилось со времен юности. На широком скулатом лице почти не было морщин, разве что «сорочьи лапки» вокруг зеленых глаз под темными бровями. А вот белокурые волосы сделались серебряными. Она двигалась совершенно бездумно и разгоняла скуку, слушая утренние новости. Перво-наперво сообщали о кризисе, связанном с Обителью Мрака.

«Широкое распространение получили слухи о том, что Бабур выступил с новым заявлением, один экземпляр которого попал на Гермес. Представители престола отказываются подтвердить или опровергнуть это, но обещают вскоре сделать публичное заявление.

Возникновение такого рода слуха связано со вчерашним приземлением в Уильямс-Филд скоростного военного корабля, прибывшего с Валии. Вот краткий обзор создавшегося положения. Бабуриты передали три свои последние заявления на англике через примитивную планету Валию, выведя на орбиту вокруг нее космический корабль, который и передал сообщение на научную станцию на Валии, а заодно и просьбу как можно шире распространить его содержание. Поэтому несколько правительств, и наше в том числе, держат поблизости от места событий свои корабли и по общему согласию не допускают туда представителей информационных служб. Никто еще не соприкасался так близко с этой негуманоидной расой, и правительственные чиновники опасаются вредных последствий, которые может повлечь за собой преждевременное разглашение любых сведений».

Слухи оправдались, хотя вряд ли стоило так уж волноваться. В действительности «Автархия Объединенного Бабура» (что бы сие ни означало) просто подтвердила свои притязания. Поскольку Обитель Мрака находится совсем близко (по межзвездным меркам), а также из-за неизмеримо большой важности сверхметаллов как стратегического сырья, Бабур не может и не

желает смириться с тем, что эта планета, возможно, станет собственностью одной из держав, выразивших свое враждебное отношение к вполне законной деятельности бабуритов в космическом пространстве. Новым в заявлении было лишь то, что на сей раз бабуриты открыто назвали эти державы: Галактическое Содружество и Торгово-техническая Лига. Прислушавшись к настоятельным призывам своих советников, Сандра отложила обнаружение этой ноты до тех пор, пока комиссия ксенологов не исследует ее на предмет наличия некоего скрытого подтекста. Впрочем, она сомневалась, что они обнаружат его.

«Вчера мы получили также запись обращения премьер-министра Галактического Содружества, Лапьера, к участникам Партии Справедливости. Он по-прежнему утверждал, что его правительство охотно вступит в переговоры, однако Бабур до сих пор не предпринял никаких общепринятых предварительных шагов в этом направлении, таких, как, скажем, обмен посланниками. В то же время, по словам министра, Содружество ни при каких обстоятельствах не отступит перед лицом “неприкрытой агрессии”, как выразился Лапьер. Он с огорчением признал, что, судя по всему, Бабур располагает огромным военным флотом. Министр упомянул о том, как офицеров, представителей человеческой расы, вызывали для наблюдения за скоплением военных кораблей, обнаруженным вскоре после того, как один из звездолетов Бабура с поразительной наглостью передал с околоземной орбиты первое заявление о притязаниях на Обитель Мрака. Подчеркнув, что имеющиеся у него сведения далеко не исчерпывающи, министр сказал, что, судя по некоторым признакам, Бабуру долгое время удавалось каким-то образом скрывать строительство своего флота, гораздо более многочисленного, чем та его часть, которую бабуриты сочли возможным выставить напоказ. Но тем не менее, подчеркнул Лапьер, Содружество намерено проявить твердость, а при необходимости, цитирую, “принять меры силового воздействия”».

Сандра тихо чертыхнулась. Глубокая древность. Самое быстрое судно на гиперпространственной тяге не доберется от земного Солнца до звезд Бабура, Гермеса или Обители Мрака и за две недели по земному календарю. Время в пути даже и между любыми двумя системами в этом секторе измеряется в сутках. Общества могут вступить в столкновение просто потому, что у них не будет нужных сведений. «Жаль, что не существует никакого сверхсветового эквивалента радио», — с горечью подумала Сандра.

С другой стороны, благодаря изоляции у ранних поселенцев на Гермесе было достаточно свободы, чтобы создать совершенно новую цивилизацию, которая в общем и целом устраивала Сандру.

Но не все разделяли мнение Великой Герцогини. В телепрограмме сообщили о последней шумной выходке Освободитель-

ного Фронта, снабдив материал видеорядом. Горячность ораторов, численность и воодушевление толпы встревожили Сандру. Если уж столько траверов собралось на холодном морском берегу, сколько же их осталось дома и смотрело митинг по телевизору, поддерживая участников?

Менее важные новости вскоре заставили ее переключить внимание на докладные записки, составленные помощниками, пока она спала. Сандра тотчас насторожилась. Забыв о зарядке, она села на пол и устремила взор на изображение своего исполнительного секретаря.

«Около полуночи в Уильямс-Филд сел корабль “Сверхметаллов”, — вещал тот. — Капитан доложил портовому начальству и позвонил мне домой. Он настоятельно просил о личной встрече с вами наедине, мадам. Я подумал, не разбудить ли вас, но, вероятно, поступил правильно, назначив прием на половину десятого, если вы согласны. Пока же, предосторожности ради, я распорядился, чтобы его команду не выпускали с корабля. Командир — одинит по имени Нади. — На экране появилась громадная фигура, шествовавшая в толпе людей. — Он возглавляет небольшой отряд сил обороны, который “Сверхметаллы” держат в окрестностях Обители Мрака. Теперь вы, возможно, вспомнили, что Нади захватил корабль Леонардо Ригасси, недавно повторно открывшего планету, но вскоре приказал освободить его, поскольку тайну сохранить не удалось, а пленение людей могло лишь обострить вражду, почти не отсрочив наступления неизбежного. Вместо этого компания решила обратиться к Гермесу с просьбой установить наш протекторат над Обителью Мрака. Вот что он хочет обсудить с вами».

Сандра оцепенела. «Вот она, раскаленная докрасна железка, брошенная мне на ладонь», — подумала она, заставляя себя возобновить занятия гимнастикой. Благодаря этому она немного успокоилась, а после холодного душа ей стало еще лучше. Потом Сандра неторопливо уложила волосы и оделась, облачившись в более строгий костюм, чем обычно; единственным ярким пятном на платье был погон на плече — знак рода Тамаринов. Одевшись, она ленивым шагом отправилась завтракать.

Двое младших детей, подаренных ей Питом, еще не жили в постелях. Эрик сидел за столом и жадными глотками пил кофе. В комнату просачивались вкусные ароматы с кухни. Западная стена представляла собой сплошное окно, из которого открывался вид на склон холма Паломников, окраину Звездопода и ярко-зеленые поля. Над горизонтом плыла бледная заснеженная вершина Облачного Шлема.

Когда Сандра вошла, Эрик встал, как было принято у мужчин Гермеса при появлении женщины. Он был облачен в свежую тунику и отглаженные брюки, но выглядел как после бессонной ночи. Неужели где-то пировал? Обычно ее старший сын и

возможный наследник вел себя довольно ровно, но иногда в нем нет-нет да и выигрывает отцовская кровь.

— «Нет, — подумала Сандра, взглядевшись в его черты, — на сей раз пронесло».

— Доброе утро, матушка, — буркнул Эрик. — Вот что, я слышал о Нади, ходил к нему и разговаривал с его командой... Мы ухватимся за эту возможность? Еще чуть-чуть, и мы ее упустим.

Сандра уселась и наклонила кофейник, наполняя чашку.

— Спустишься с небес, — посоветовала она сыну.

— Но мы можем этим воспользоваться! — Эрик принялся расхаживать туда-сюда, шлепая по паркету. — Бабур, Содружество, Лига — все они дрожат от страха, хоть и бахвалятся. Боятся влипнуть в заваруху. Один решительный шаг...

Появился официант с подносами.

— Садись и ешь, — велела сыну Сандра.

— Но послушай, матушка, ты же знаешь, я не питаю иллюзий и не считаю, что мы — империя. Нам не удастся противостоять никакой другой державе. Но если мы будем владеть Обителью Мрака и вступим в тесный союз с ее первооткрывателями, имеющими очевидное моральное право на планету, разве остальные не отступятся?

— Не знаю. Похоже, нынче моральное право мало что значит. Да сядь же. Твоя еда остынет.

Эрик послушался. Он сжал левую руку в кулак, но продолжал резко размахивать правой.

— Само собой разумеется, что третейскими судьями должны стать мы, — сказал он. — Никому нет нужды бояться нас. Мы способны позаботиться о том, чтобы все получили по справедливости. — Лицо Эрика было безмятежно, но в душе бушевал огонь. — Но прежде, черт возьми, нам надо как можно быстрее заявить о своих правах!

— Торгово-техническую Лигу тоже выдвигали на эту роль, — напомнила ему Сандра.

— Эти? — Эрик презрительно рубанул рукой воздух. — Они слишком разобщены и продажны, не в силах даже собственных членов удержать в этических рамках. Нет, ты шутишь?

— Не знаю, — мрачно ответила Сандра. — В дни моей юности Лига стояла за мир, потому что по большому счету мир выгоднее войны. А теперь... Порой я содрогаюсь. А иногда сплю и вижу, что ее успеют реформировать, пока не поздно.

«Но кто? Такие люди, как Николас ван Рийн, твой отец, Эрик? — подумала она. — Вряд ли ему когда-нибудь захочется сделать святое дело. Скорее уж он хотел бы сохранить свою независимость, а заодно всеми правдами и неправдами вытрясти из Вселенной побольше денег».

Неужели слишком поздно?

В ее сознании промелькнули картинки истории, знакомые ей не хуже, чем эпизоды собственной жизни. Но Сандра решила вспомнить их еще раз, в слабой надежде на то, что ей удастся обрести надежду.

Имея вдоволь ядерной энергии, сравнительно дешевые и простые в управлении космические корабли с гиперпространственными двигателями и технические разработки соответствующего уровня, межзвездные торговцы, по идее, должны были процветать. Теоретически всякая обитаемая планета могла сама обеспечить себя, синтезируя любые вещества, которые не встречались в природе. На практике же зачастую было выгоднее ввезти товар извне, особенно при существующих ограничениях на промышленное производство, введенных в целях защиты окружающей среды. Кроме того, по мере обогащения технологическая цивилизация все больше торговала предметами роскоши, произведениями искусства, изощренными услугами и иными товарами, которые она не могла производить или воспроизводить в домашних условиях.

Частные предприятия, умеющие достигать таких глубин космоса, которые недоступны правительствам и где зачастую вовсе не существовало сколь-нибудь работоспособных властей, вскоре становились богаче любого государства и прибирали к рукам едва ли не всю экономику. Эти предприятия и образовали Торговотехническую Лигу — ассоциацию взаимопомощи и в какой-то степени всеобщую жандармерию. Рах Mercatoria* расползался по межзвездному пространству.

«Когда он сбился с правильного пути? Неужели все эти недостатки — суть продолжение достоинств?»

Великим купцам Лиги часто приходилось выступать в роли правителей, законодателей, полководцев. Обычно это были люди необузданные, алчные, индивидуалисты с громадным самомнением, а посему со временем они начинали все более и более жить так же, как короли древности. Злоупотребления превращались в нечто повседневное; насилие, подкуп, хищническое разграбление недр стали обычным делом. Необъятная сфера деятельности и огромный информационный поток сделали борьбу с большинством этих злоупотреблений явно невозможной.

«Погодите-ка. Но ведь Лига могла бы снова взять себя под контроль — если бы такая попытка не привела к образованию двух могучих фракций, с годами становившихся все более разительно непохожими одна на другую».

Первая называлась «Домашние Компании» и вела дела главным образом в пределах Солнечной системы: «Глобал кибернетикс»,

* Мир торговли (лат.) — по аналогии с Рах Романа — римский мир.

«Дженерал атомикс», «Объединенные средства связи», «Терран синтетикс», «Планетарная биология». Их связи с крупнейшими профсоюзами — Союзом техников, Кораблестроителями, Ассоциацией ученых Содружества — становились все теснее.

А вторая именовалась «Космической Семеркой»: «Галактические проекты», «Ксенотехнологические системы», «Межзвездные перевозки», «Санчес инжиниринг», «Звездные металлы», страховая компания «Остановись, время», «Предприятия Абдаллы». Это были гиганты предпринимательства, действующие в других звездных системах.

Остальные, такие, как Галактическая компания пряностей и спиртных напитков, сохраняли шаткую независимость и открыто соревновались со всеми. Большинство из них управляли либо один человек, либо какое-нибудь семейство.

«Есть ли у них будущее? — спрашивала себя Сандра. — Или они — просто ископаемые останки прежних, более свободных эпох? О, Ник, бедняга ты мой!»

— Хватит сотрясать воздух, давай добьемся присутствия Гермеса на Обителе Мрака, — сказал Эрик. — Подумай, какой мощный рычаг это нам даст, если придется торговаться с «Семеркой». Они уже давно вытворяют с нами все, что хотят. Нам нет нужды бояться войны с Содружеством. Общественное мнение не потерпит, чтобы человеческие существа дрались между собой, а бабуристы оставались в тени и злорадствовали.

— В этом я не уверена. Как и в том, что бабуристы будут сидеть сиднем. Честно говоря, их держава внушает мне страх.

— Они блефуют.

— Лучше на это не рассчитывать. Все всегда считали, что существа, дышащие кислородом, и твари, которые дышат водородом, никогда не будут всерьез враждовать между собой, потому что им нет нужды делить территории, а война на идеологической почве невозможна, поскольку эти расы слишком не похожи одна на другую. Вот почему на Бабур почти не обращали внимания, вот почему он до сих пор окутан тайной. Но... судя по имеющимся у меня разведанным, Имперское Кольцо Сиземы — сильный агрессор, который заграбастал всю планету, но так и не насытился. А Обитель Мрака — лакомый кусочек для кого угодно.

«И дело тут не в жадности, — подумала Сандра. — «Сверхметаллы» уже оказывают революционное влияние на технологию — в электронике, металлургии, ядерной промышленности и еще неизвестно, в каких областях. И если Бабур наложит лапу на их единственный источник, он может лишить человечество этих материалов».

— Я согласна, что людям, пожалуй, стоило бы оставить свои междоусобицы до лучших времен, — сказала она. — Возможно, Гермесу надо начинать сотрудничать с Содружеством.

— Возможно. Но разве ты не понимаешь, матушка? Если мы выступим первыми, то сможем обставить передачу Обители Мрака своими условиями, а если... если будем сидеть сложа руки, нам придется довольствоваться чужими подачками.

Эрик напомнил Сандре его отца — не столько этой вспышкой идеализма, сколько своей яростной и неукротимой жадной деятельностью.

Одинит в людской толпе был личностью весьма приметной, и Звездопад, должно быть, уже наполнился пересудами. Тем не менее содержание утренней беседы между Сандрой и Нади было известно только им двоим.

Комната, в которой они встретились, была предназначена для закрытых совещаний: длинная, с темными деревянными панелями на стенах, с окнами, выходившими на лужайку, где сидел бдительный мастифф. Сандра убрала комнату по своему вкусу, украсив трофеями, которые привозила в юности из космоса; на стенах висели фотографии далеких планет, разные мелкие художественные поделки, образчики оружия, сделанного в расчете на руки существ, непохожих на людей. Войдя сюда за несколько минут до аудиенции, Сандра поймала себя на том, что разглядывает боевой топорик с Диомеда. И душа ее вновь устремилась сквозь толщу лет в прошлое, к Николасу ван Рийну.

Она никогда не любила этого купца. Даже на том этапе жизни, когда Сандра не отличалась особой разборчивостью, этот человек казался ей до невозможности примитивным во многих отношениях. Но, с другой стороны, именно его неотесанная сила спасла их обоих от гибели тогда, на Диомеде. А она как раз искала мужчину, который мог бы стать партнером, не деспотом и не подкаблучником, а ровней, под стать ей, наиболее вероятной наследнице гермесского престола. (Герцог Роберт был стар и бездетен. Выборщики, естественно, проголосовали бы за Сандру, его племянницу, поскольку другие возможные кандидаты из рода Тамаринов мало что из себя представляли.) Никто из мужчин, встреченных Сандрой на Гермесе, не смог сколь-нибудь серьезно увлечь ее. Отчасти именно поэтому она и отправилась путешествовать. При всех своих недостатках ван Рийн не мог оставить ее равнодушной. Ни один ее прежний роман не был до такой степени насыщен бурями и катаклизмами и не оставил по себе столько радостных и потешных воспоминаний. Спустя год после знакомства Сандра поняла, что он и не думает на ней жениться и вовсе не хочет того, чего хотела она. Эрик уже лежал в ее чреве, ибо в те времена Сандра рьяно увлекалась евгеникой. Но, несмотря на беременность, она ушла от ван Рийна, а тот и пальцем не шевельнул, чтобы удержать ее.

Расстались они, почти не держа зла друг на друга, и потом изредка обменивались деловыми посланиями, составленными в

отноюдь не враждебных выражениях. Шли годы, и в воспоминаниях Сандры о ван Рийне начали преобладать добрые нотки, не те, что прежде. Впрочем, после встречи с Петером Асмундсенем она редко думала о Николасе.

Петер был уроженцем Гермеса, но не из правящего клана, а из почтенной семьи Последователей. Он основал и лично возглавил разные предприятия на соседних с Гермесом планетах системы Майи и совершил множество подвигов, сделавших его народным героем. Когда он женился на Сандре и законным порядком усыновил Эрика, скандал, связанный с ее возвращением домой, утих. Впрочем, и скандал-то был не ахти какой. Равняясь на Лигу и Содружество, аристократия Гермеса тоже стала проще относиться к личной жизни граждан. Тем не менее, вероятно, именно супругу Сандра была в огромной степени обязана своим избранием на престол после смерти Герцога Роберта.

А когда и сам Пит ушел из жизни, Сандра даже мысли не допускала о том, что ей снова захочется замуж.

«Тогда почему я думаю о Нике, когда мне полагалось бы размышлять о том, как быть с Нади? — спросила она себя и тотчас ответила: — Да, наверное, потому, что у меня есть Эрик. Эрик унаследует эту планету в том виде, в какой она была приведена не без моей помощи, будь то к добру или к худу. То же, разумеется, относится к Джоан и Сигурду, но на Эрика, возможно, ляжет вся тяжесть власти.

Если, конечно, ему будет чем править».

Сандра в волнении прошла по комнате, остановилась возле топорика, и ее пальцы сомкнулись на рукояти. Как же ей не хотелось в такой чудесный день сидеть в четырех стенах. Сейчас бы поохотиться, проехаться на лошади, перескакивая через препятствия, покататься на лыжах, поплавать на лодке, погонять на крылатом мотоцикле со скоростью, повергающей в ужас ее добрых подданных. Или навестить актеров, которым она покровительствует. Сандра всю жизнь обожала театр. Или...

Открылась дверь.

— Мадам, капитан Нади, сотрудник компании «Сверхметаллы», — объявил охранник и, пропустив в комнату огромного единита, закрыл дверь.

Прежде Сандре не доводилось встречаться с единитами. Большинство обитателей этой планеты были дикими охотниками, хотя и смогли создать несколько культур, весьма сложных и утонченных. Те немногие единиты, которые поддерживали связь с торговыми центрами Торгово-технической Лиги, сумели либо получить образование, либо найти какой-то иной способ попасть в космос.

Нади с мрачной торжественностью протянул руку, и ладонь Сандры утонула в его ладони. Почувствовав, какая она теплая, Сандра удивилась. Ей казалось, что это покрытое чешуей суще-

ство должно быть холодным, как чешуйчатые создания Гермеса или Земли.

— Добро пожаловать, — с легким смущением проговорила она.

— Благодарю вас, моя госпожа, — Нади говорил по-английски бегло и отчетливо, но с каким-то неопишемым акцентом, поскольку его речевой аппарат был устроен совсем не так, как у человека. — Я постараюсь не отнять у вас слишком много времени. Тем не менее я чувствую, что мое сообщение в высшей степени важно для вашего народа, как и для моего.

— Полагаю, это так. О... извините, но здесь нет подходящей для вас мебели. Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, насколько это возможно.

— При вашей ничтожной силе тяготения я могу стоять сколько угодно долго. — Притяжение Гермеса составляло 0,97 земного. — Как я понимаю, вы, люди, предпочитаете сидеть.

— Да, я присяду. Но прежде позвольте предложить вам закурить. Не хотите?

Сандра извлекла из коробки сигару, раскурила ее и опустилась в унаследованное от предков кресло. Массивное, украшенное резьбой, оно придавало Сандре чувство уверенности в себе, а дым сигары успокаивал нервы.

— Перейду прямо к сути дела, — пророкотал Нади. — Вам известно, как и почему я покинул Обитель Мрака?

Сандра кивнула. После завтрака ее целый час вводили в курс дела.

— Вы предлагаете Гермесу предпринять определенные действия, чтобы предъявить свои права на планету.

— По четко и ясно выраженной воле первооткрывателей и законных владельцев, моя госпожа. Разумеется, мы понимаем, что вам придется подумать и о других, но вы сможете устроить все таким образом, что каждая группировка получит свою долю, и мы в том числе.

— Если нам позволят великие державы.

— Быть может, они еще и обрадуются, если вы предложите им такую формулу. Пожалуйста, поверьте, наше решение принималось не во внезапном приступе отчаяния. Мы с самого начала знали, что не сохраним свою монополию надолго, и прикидывали, какой тактики нам придерживаться, когда весть распространится. Сам Дэвид Фолкейн предложил Гермес в качестве попечителя. Правда, он думал, что Обитель Мрака будут оспаривать только Лига и Содружество. Он не предвидел вмешательство Бабура. Тем не менее мы решили, что его предложение — лучшее, что нам удалось придумать.

— Дэвид — герой Датины? Как, вы сказали, его имя?

— Так вы не знаете? Я полагал, что сведения уже получили широкое распространение. — Нади ненадолго умолк. Сандре показалось, что она видит, как в его голове крутятся громоздкие

шестеренки. Наконец он сказал: — Что ж, я не обману ничье доверие, рассказав вам все без утайки. Возможно, вы лучше поймете нашу точку зрения, если узнаете, на чем она основывается.

Она откинулась в кресле. Нади был прав. Даже если экскурс в историю ничего не даст, у нее хотя бы будет время привести в порядок нервы и мысли.

— Продолжайте, — попросила Сандра.

— Восемнадцать стандартных лет тому назад, — сказал Нади, — Дэвид Фолкейн, как вы, несомненно, помните, был торговым первопроходцем Галактической компании пряностей и спиртных напитков. Вместе с партнерами он тайно отправился в космос, имея целью отыскать планету, похожую на Обитель Мрака. Оценка астрономических данных убедила его, что такая планета, возможно, существует, и подсказала ее приблизительное местонахождение. Фолкейн нашел планету.

Вместо того чтобы сообщить о находке своему работодателю, как полагается делать торговому первопроходцу при обнаружении многообещающих новых территорий, Фолкейн отправился с этими сведениями совсем в другое место. Он обратился к некоторым вождям отсталых народов, бедных и униженных, таких, которыми Лига пренебрегала и которых притесняла. Это возмутило его. И он помог им образовать консорциум старателей и торговцев богатствами Обители Мрака, дабы выгоду извлекали народы.

Сандра кивнула. Со времен экспедиции Ригасси представители «Сверхметаллов» именно в этих выражениях отстаивали правоту своего дела. Она вспомнила одного человека, произносившего в Звездопаде такую речь:

«Как могут обитатели планет вроде Одина, Икрананки, Айвенго, Ванессы добраться до звезд? Как могут они прибегнуть к технологии, облегчающей труд, защищающей здоровье, предотвращающей голод, обучающей, дающей господство над безучастной природой? Им почти нечего продавать, разве что пряности, меха, произведения искусства, возможно, какие-нибудь полезные ископаемые вроде нефти или доступных минералов. Но вырученных на все это денег не хватит на приобретение космических кораблей, энергетических установок, автоматов, исследовательских лабораторий, школ. Лига не заинтересована в их материальной поддержке. Частные и общественные благотворительные организации уже не справляются с наплывом просьб. Неужели целые расы должны тысячелетиями испытывать мучительные лишения, чтобы создать для себя все то, что уже существует в других местах?

А поселения, которые так и плодят повсюду люди, цинтиане и иные существа, осваивающие космос? Это не счастливые и процветающие колонии типа Гермеса, а голодные и заброшенные в глухомань поселения, почти единственное достояние жите-

лей которых — независимость и гордость. Они могли бы смягчить суровые природные условия, будь у них возможность купить средства для этого. В противном случае им грозит вымирание.

Компания “Сверхметаллы” основана заслуживающими доверия обитателями таких планет. Прибыль, которую можно было получить при сравнительно низких капиталовложениях, казалась баснословной. Но станут ли магнаты Лиги уважать чужие права собственности? Оставят ли их в покое правительства? Приз-то был слишком велик...»

— Э... моя госпожа, — донесся до нее голос Нади.

Сандра мало-помалу очнулась от воспоминаний.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я отвлеклась.

— Боюсь, я вас утомил.

— Нет, нет, отнюдь. Даже наоборот. Чуть позже мне хотелось бы подробнее узнать о тех приемах, которые вы применили, чтобы скрыть свои владения. Обманные маневры, чтобы сбить с толку разведывательные корабли, предосторожности против подкупа, похищений, вымогательств. Удивительно, что вы продержались так долго.

— Мы почувствовали близость конца, когда работодатель Фолкейна, Николас ван Рийн, догадался, что сверхметаллы, очевидно, поступают с планеты того же типа, что и Обитель Мрака, и прибег к такому же методу ее поиска... Я вас расстроил?

— Нет. Но вы сказали вещь, для меня неожиданную. Ван Рийн? Когда же?

— Десять стандартных лет тому назад. Фолкейн и его будущая жена уговорили ван Рийна хранить молчание. По сути дела, он любезно помог нашим агентам внести в дело путаницу, и это позволило оттянуть повторное открытие планеты.

— Гм, да. Ник наверняка немало позабавился бы, занимаясь этим, — Сандра подалась вперед. — Ну что ж. Это интересно, но все уже в прошлом. Как вы сказали, сведения эти большей частью давно мне известны, а подробности можно выяснить и потом, если мы с вами и впредь будем поддерживать связь. Я вам сочувствую, но вы понимаете, что превыше всего для меня — мой долг перед Гермесом. Что получит мой народ? Чем оправдать риск и расходы?

Исполинское существо тотчас сделалось одиноким и беспомощным.

— Мы просим вашей помощи. Если благодаря вам мы остаемся в деле, вы разделите с нами прибыли.

— И станем мишенью для любого, кто захочет получить такую же прибыль или еще большую. — Сандра глубоко затянулась сигарой. — Быть может, вам это неизвестно, капитан, но я — не самодержавный правитель. Великого Герцога или Великую Герцогиню избирают из представителей рода Тамаринов, не связанного ни с одной из территорий, а выборщики —

президенты территорий Гермеса. Я имею лишь очень ограниченную власть.

— Я понимаю, моя госпожа. Но мне сказали, что вы можете созвать законодательное собрание при помощи электронных средств связи, и на это у вас уйдет не более часа. Я слышал, что ваши вожди, живущие на планете, являющей собой пограничный мир, привыкли быстро принимать решения. Моя госпожа, ваше вторжение предотвратит столкновение огромных армاد. Но у вас осталось очень мало времени, чтобы что-то предпринять. Если не начать действовать быстро, лучше и вовсе не начинать.

У Сандры заколотилось сердце. «Клянусь космосом, он прав, — думала она под стук пульса. — И он, и Эрик, и... наверняка многие другие. Риск не так уж велик, если действовать осторожно и оставить за собой пути к отступлению. Разумеется, мне понадобятся дополнительные сведения, мнения, и только потом можно собирать президентов и выкладывать им свои рекомендации. Но сейчас мне кажется, что у нас есть шанс.

Да, у нас! Слишком долго я работала дотошно и осторожно, а ведь я — главнокомандующий военным флотом. И если Гермес снарядит экспедицию, возглавить ее должна буду я».

Глава 3

Совет Торгово-технической Лиги собрался в Лунограде, чтобы обсудить все, что связано с Обителью Мрака. Созывали его в спешке, поэтому представители некоторых членов Лиги не прибыли. Кое-кого из руководителей независимых компаний не успели разыскать, другие не могли бросить все дела и тотчас сорваться с места. Но «Домашних Компаний» и «Космической Семерки» почти хватило для кворума; кроме того, приехавших и уже бывших на месте представителей независимых компаний оказалось достаточно, и кворум составил.

Прошло двадцать четыре часа, а Совет так и не сдвинул дело с мертвой точки. Тогда Николас ван Рийн пригласил двух делегатов в свои покои в гостинице «Вселенная». Они приняли приглашение, хотя вряд ли поступили бы так, если б оно исходило от любого другого независимого торговца. Предприятие ван Рийна было настолько крупным, и щупальца его протянулись так далеко, что он стал очень влиятельной фигурой. Многим наблюдателям с трудом верилось, что один человек, даже обладающий современными системами обработки данных и компьютерами, способен возглавлять такую фирму, избегая слияния с другими компаниями, которые объединились, дав начало гигантским корпорациям. Он оказался естественным предводителем для всех тех предприятий, которые избегали слишком тесных союзов, таких, как «Космическая Семерка» или пять «Домаш-

них Компаний». Первой руководил гений Байарда Стори, вторыми — Ханни Леннарт.

Близилась лунная полночь. Вид, который открывался из широкого окна в главной комнате покоев ван Рийна, повергал в трепет. Здания стояли поодаль друг от друга и были довольно низкими, чтобы поместиться в создаваемом силовыми полями куполе, удерживающем воздух и озоновый слой. Между домами раскинулись парки, деревья в них взмывали вверх и изгибались, делаясь похожими на струи фонтанов благодаря небольшой силе тяжести; вокруг буйно цвели огромные яркие цветы. Повсюду сияли фонари, установленные на шестах, похожих на виноградные лозы. Их свет не мешал видеть голую поверхность кратера за силовыми барьерами, крутые утесы и склоны цирка Платона на ближнем горизонте и небосвод. На фоне крошечной бесконечной черноты горели мириады звезд, ярких, похожих на бриллианты, светивших ровно, без мерцания; Млечный Путь напоминал реку из ртути; на юге висела бело-голубая Земля, такая прекрасная, что сжималось сердце. На фоне этого великолепия роскошно убранный зал казался кричаще-безвкусным.

Леннарт и Стори пришли вместе. Ван Рийн подплыл к двери, чтобы впустить их. Он не стал включать прибор, создававший притяжение, равное земному.

— Хо-хо! — воскликнул он, открывая дверь. — Не иначе как вы уже посоветовались перед приходом сюда, *pie**? Не отрицайте, не лгите старому одинокому толстяку, который стоит одной ногой в могиле. Лучше угоститесь его выпивкой.

Стори смерил его быстрым взглядом и добродушно сказал:

— С тех пор как я впервые услышал о вас, мастер ван Рийн, а это произошло раньше, чем мне хотелось бы, все только и говорят о том, как вы сетуете на старость и немощь. Готов биться об заклад, что вы будете шалить еще лет двадцать, если не больше.

— Я, вид у меня здоровый, я сложен, будто кирпичный свадебный торт. Но это из-за низкой гравитации, вы и представить себе не можете, как она помогает. Вы, двое, которые могли бы быть мне сыном и дочерью, если бы я не смыслил в женщинах достаточно, чтобы этого не случилось. Как я мечтаю удалиться от дел, отрешиться от глупостей и ловушек этого нечестного мира, отмыть свою грешную душу, пока она не заскрипит, как чистая кожа.

— Дабы освободить в ней место для новых и более тяжелых грехов?

— Прошу вас, прекратите эту болтовню, — подала голос Леннарт. — Мы собираемся вести серьезный разговор.

— Если вы настаиваете, *госпожа*, — сказал Стори. — Что до меня, то я не прочь немного позабавиться. Вам это тоже не

* Нет (*гол.*).

помешало бы. Нынешний Совет — образчик бесплодия. И за чем только я на него приехал?

Леннарт и ван Рийн прищурились и посмотрели на него, как будто и их тоже занимал этот вопрос. Прежде они никогда не видели Стори и знали лишь (благодаря рутинному сбору сведений), что вот уже десять лет его имя числится в списке директоров «Галактических предприятий» и живет он в штаб-квартире этой корпорации на Германии. Очевидно, денег и влияния у него было столько, что он мог позволить себе пресечь любую огласку и сделаться едва ли не невидимкой.

Он был довольно привлекательным мужчиной: среднего роста, худощавый, с правильным загорелым лицом; глаза у него были серо-голубые, волосы и усы каштановые с искорками седины. Судя по упругой походке, он давал своим мускулам достаточную нагрузку и, возможно, в весьма неблагоприятных природных условиях. Его мягкий выговор был едва заметно одобрен неземным акцентом, но время уже успело сделать этот акцент совершенно неузнаваемым. Свободный дорогой костюм, выдержанный в мягких зеленых тонах, сидел на Стори столь естественно, что казался частью его тела. Рядом с ним облаченная в черное Леннарт выглядела безвкусно и болезненно. Ван Рийн на их фоне являл собой вызывающее зрелище — в своем любимом одеянии, заляпанной нюхательным табаком рубашке и саронге, охватывающем его телеса, не уступающие по округлости Юпитеру.

— Ешьте, пейте, курите, — настойчиво пригласил хозяин, взмахом руки указав на изобилующий напитками бар, подносы, уставленные тонкими яствами, коробки с сигарами и сигаретами. Сам он попыхивал длинной трубкой, служившей ему уже долгие годы и день ото дня делавшейся все более вонючей. — Я хотел поговорить с вами здесь, а не посредством защищенной от подслушивания электронной связи, чтобы мы могли расслабиться, не темнить и не обижаться на высказывания собеседников.

Стори кивнул и жестом хорошо воспитанного человека налил себе шотландского виски, запив его водой. Ван Рийн снова наполнил свой высокий стакан дженеверским джином, добавив в него чуточку какого-то горького зелья, которое он называл *angst en onrust**. Мужчины уселись в кресла, а Леннарт опустилась на диван напротив. Она сидела прямо и не притрагивалась к угощению.

— Итак, — проговорила она, — что вы задумали?

— Мы должны выяснить, можем ли мы пойти на взаимные уступки, и, если нет, обозначить те области, в которых между нами нет согласия. Верно? — предложил Стори.

— И обмениваться сведениями, — добавил ван Рийн.

* Страх и смятение (гол.).

— Этот товар может быть чертовски дорогим, особенно когда его не хватает, — заметил Стори.

— Надеюсь, вы понимаете, что никто из нас не может ничего обещать, мастер ван Рийн, — произнесла Леннарт, чеканя слова. — Мы — всего-навсего исполнители, работающие на свои корпорации. — Сама Ханни была одним из вице-президентов «Глобал кибернетикс». — Да и вообще, ни «Домашние Компании», ни «Семерка» не являются собой монолиты. Их составные части связаны между собой лишь определенными деловыми соглашениями.

Это повторение школьной программы не обидело ван Рийна.

— И еще общими Советами директоров, — вкрадчиво добавил он, беря маленький бутерброд с копченым угрем и кусочком холодной яичницы. — Кроме того, в делах ваш голос значит гораздо больше, чем вы хотите показать. Я, стоит вам захотеть, и вы можете рывкнуть, как взрывное устройство. А все эти деловые соглашения означают лишь, что «Семерка» и «Домашние Компании» — два картеля, имеющие немало лакеев из числа высокопоставленных политиканов.

— Только не мы, — сказал Стори. — Это у вас плутократия, госпожа Леннарт, а не у нас.

Впалые щеки Ханни залились румянцем.

— Вы можете с полным основанием сказать это и про свои марионеточные государства с ваших несчастных маленьких планеток, — парировала она. — А если уж говорить о Содружестве, то мы уже пятьдесят лет проводим прогрессивные преобразования, направленные на укрепление демократии.

— Проклятье, — пробормотал ван Рийн, — вы и впрямь, небось, в это верите.

— Надеюсь, мы собрались здесь не для того, чтобы упражняться в этой набившей оскомину партизанской политике, — сказал Стори.

— Я тоже, — ответил ван Рийн. — Этим и кончится нынешний Совет, если мы пустим его на самотек. Члены Совета упрутся, и их уже не сдвинешь, потому что они слишком унавозили почву. Теперь они будут грызться, покуда с неба не посыплется штукатурка, но ничего не добьются... если некоторые ведущие личности не позаботятся об этом. Вот о чем я и хочу поспудачить с вами.

— Предмет спора очень прост, — заявила Леннарт. И повторила то, что уже не однажды утверждала за столом переговоров: — Обитель Мрака — слишком ценный источник стратегического сырья, чтобы мы могли позволить расе, уже вызывавшей враждебность к нам, наложить на него лапу. Я имею в виду и человеческие существа тоже. Содружеству по справедливости принадлежат права на эту планету, коль скоро первооткрыватели не представляли никакого правительство, а экспедиция Ригасси состояла из наших граждан. Содружество имеет

обязательства перед человечеством, перед самой цивилизацией и должно охранять эту планету. «Домашние Компании» разделяют эту точку зрения. Это патриотический долг, и я искренне удивлена тем, что такие образованные люди, как вы, пренебрегаете им.

— Я получил образование в школе синяков и шишек, — ответил ван Рийн. — Подозреваю, что и вы тоже, мастер Стори, верно? Мы с вами должны понимать друг друга.

— Понимаю, почему вы меняете тему, — бросила Леннарт. — Разговоры о нравственности смущают вас.

— Кстати, о нравственности, не говоря уже об ее отсутствии, — сказал ван Рийн. — Что там с первооткрывателями Обители Мрака, а? Какие, по-вашему, права у них?

— Это может решить суд, но после того как Обитель Мрака будет в безопасности.

— Ja, ja, в суде, судей которого вы продаете и покупаете, как биржевые акции. Я уже слышал шепоток о том, что вы подмазываете своих законников. Вот почему «Сверхметаллы» действовали втайне.

Стори вскинул брови:

— Думаете, мы поверим, что вы десять лет помогали и попустительствовали им из обостренного чувства справедливости, а, мастер?

— Почему вы считаете, будто я участвовал в каком-то заговоре? Это я-то, простой старый толстый корабейник, впавший в чревоугодие?

— Огласке это не предавалось, но Ригасси узнал от рабочих на Обители Мрака, что один из членов Торгово-технической Лиги помогает прикрывать их с тех пор, как отыскиали планету. Рабочие не сказали, кто он. Они просто предприняли довольно жалкую попытку похорохориться...

Леннарт ахнула.

— Откуда вы это знаете? — воскликнула она.

Стори усмехнулся. Он не собирался приоткрывать завесу над системой шпионажа, разработанной его группировкой. Он продолжал, обращаясь к ван Рийну:

— Сейчас, задним числом, я полагаю, что это были вы. Великолепно поработали. В особенности когда роняли намеки и подбрасывали свидетельства тому, что сверхметаллы производит целая цивилизация, гораздо более развитая, чем наша. Торжественные проводы исследовательских экспедиций, отправляющихся на поиски... Да, наверняка это самая блистательная мистификация в истории. — Он мгновение помолчал. — Вы не хотели бы рассказать нам, зачем все это делали?

— Вы бы назвали меня лжецом, кабы я сказал, что считал свои действия правильными, да и сам я, вероятно, думал бы так же. — Ван Рийн проглотил пирожок с сыром лимбургер и луком, приняв табак в трубку указательным пальцем с толстым

ногтем и втянул в легкие дым. — Готов признать, отчасти я пошел на это потому, что меня уговорило одно дорогое мне существо, — продолжал он, пуская кольца дыма. — А отчасти — потому, что независимые торговцы вроде меня предпочитают, чтобы сверхметаллы свободно продавались на рынке. Я не хочу, чтобы один из ваших картелей обрел мощь, которую дает обладание монополией на Обители Мрака. Куда разумнее сохранить это предприятие в его первоизданном виде.

Вот в чем он убеждал Совет. Торгово-техническая Лига должна собраться с силами, вспомнить времена своего бывшего единства и попытаться сделать так, чтобы Обитель Мрака была объявлена независимой планетой под протекторатом Лиги, в которую вступит и компания «Сверхметаллы». Он прекрасно понимал, что такую резолюцию можно будет принять, только переубедив множество упрямцев. «Домашние Компании» твердили, что будут поддерживать Содружество; «Семерка» ратовала за неучастие Лиги в какой-либо борьбе вообще, ее строгий нейтралитет и готовность вести переговоры с теми, кто возьмет верх.

Ван Рийн решил снова поднять этот вопрос.

— Стори, — сказал он, — какой смысл сидеть и сосать большой палец? Госпожа Леннарт по-своему права: если Бабур завладеет Обителью Мрака, это станет худшим исходом для всех нас. А Бабур, возможно, вооружен лучше, чем Содружество. Во всяком случае, у него не так растянуты коммуникации.

— А кто довел дело до этого? — Голос Леннарт зазвучал пронзительно. — Кто первым начал торговать с бабуритами, кто продал им космическую технологию, польстившись на презренный металл? «Семерка»!

— Да, мы заключали сделки, — мягко ответил Стори. — В те времена такого рода обмена были в порядке вещей, как вы помните. Никто не возражал. А позднее... что ж, готов признать, что торговля наших компаний почти сошла на нет, потому что перестала приносить хороший доход, а вовсе не потому, что мы предвидели милитаризацию Бабура. Этого не предвидели ни мы, ни кто-нибудь другой. Да и кто мог предвидеть такое? Там еще только начинались исследования, а необходимое развитие... Невероятно, что они проделали все это за какие-нибудь несколько лет.

Однако, — тут он поднял руку, будто читал лекцию, — однако из всего предыдущего опыта мы знаем, что с бабуритами можно вести дела. Перспектива покупать сверхметаллы у них пугает нас ничуть не больше, чем перспектива приобретать их у «Домашних Компаний», ведь этим дело и кончится, если Содружество приберет планету к рукам. Нам, так или иначе, будет что предложить Бабуру для удовлетворения его нужд.

— А не лучше ли закупать сверхметаллы по более низким ценам у нынешних владельцев и у других компаний, которые

тоже будут разрабатывать недра Обители Мрака и продавать сырье на свободном рынке? — спросил ван Рийн.

— Еще неизвестно, подешевеет ли оно, — ответил Стори. — Существа, дышащие кислородом, слишком рвутся открыто состязаться с нами. — Он соединил кончики пальцев и посмотрел поверх них сначала на Леннарт, затем на ван Рийна. — Если начистоту, то я думаю, что страх перед Бабуrom — это не что иное, как детская боязнь неведомого. Вы даже не потрудились что-нибудь разузнать о Бабуре, хотя он, похоже, был самой таинственной планетой в обследованной части космического пространства. Но я волею судеб когда-то был ксенологом и занимался планетами меньше Юпитера. Я изучил все имеющиеся у «Семерки» отчеты о ее сношениях с Бабуrom. В прошлом я и сам побывал там и вел переговоры с предводителями бабуритов. Поэтому я заявляю вам, а заодно намерен заявить и всему Совету, что Бабуr — отнюдь не логово великана-людоеда. Это — обитель существ, которые по своим меркам так же разумны, как мы — по нашим.

— Вот именно, — прорычал ван Рийн, — да поможет Бог разуму, если мы и бабуриты — лучшее, что этот разум смог сотворить. Однако у меня у самого как-то раз возникли легкие трения с бабуритами. А недавно я просмотрел все данные о них, какие только можно достать в Солнечной системе. Их цели очень переменчивы.

— Их притязания на Обитель Мрака смехотворны, — встала Леннарт. — Это всего лишь лозунг, прикрывающий захват чужих владений.

— Но только не с точки зрения господствующей на Бабуре цивилизации, — ответил Стори.

— Значит, нельзя допустить, чтобы эта цивилизация вошла в силу. Она исполнена решимости основать собственную империю. Добро бы, если б речь шла только о родственных Бабуру планетах. С этим мы, возможно, и смирились бы. Но, насколько я поняла по их заявлениям и недавним действиям, они намерены добиться господства над всем открытым космосом, а этого терпеть нельзя.

— А как вы им помешаете?

— Для начала примем соответствующие меры в отношении Обители Мрака. Быстро и решительно. Из наших разведанных ясно, что Бабуr отступит, если поставить его перед свершившимся фактом.

— Из «наших» разведанных? — пробормотал Стори. — У вас что, такие тесные связи с Министерством обороны?

Ван Рийн выдул несколько клубов густого сизого дыма.

— По-моему, вы только что дали мне ответ на один занимавший меня вопрос, Леннарт, — сказал он.

Ханни вытаращила глаза. Судя по выражению ее лица, она была обеспокоена.

— Я не... я просто высказываю свою точку зрения, вы понимаете...

— У меня там тоже есть связи. Правда, я не имею допуска к тайнам, в которые, похоже, посвящены вы. Нет, мне известны самые пустячные сведения, такие, как, к примеру, разрешения на полеты в дальний космос для гражданских кораблей. Недавно большую их часть вдруг перестали выпускать туда. Я, я собираю факты по крупицам. Кап-кап-кап, пока не натечет целая лужа. Я знаю вас не первый год, Леннарт, и то, как вы ведете беседу, тоже о многом мне говорит.

Ван Рийн поднялся. При здешней гравитации он сделал это так же легко, как встающая Луна заслоняет собой сияющий диск Земли.

— Стори, — сказал он, — об этом еще не скоро объявят, но я готов поставить свои рубины против вашего ревеня, что правительство Содружества уже отправило к Обитатели Мрака военный отряд. И я совсем не уверен, что Бабура стерпит это, поджав хвост. — Он повернулся к вырезанной из марсианского песчаного корня фигурке святого Дисмаса, стоявшей на баре и всю жизнь сопровождавшей ван Рийна в странствиях. — Пожалуй, тебе стоило бы помолиться за нас, — сказал он святому.

Глава 4

Космический корабль «Через пень-колоду» на полной тяге уходил от Солнечной системы в направлении звезды, которую люди окрестили Могулом. Пульсирующие волны Шредингера влекли корабль вперед с псевдоскоростью, в тысячи раз превышающей истинную скорость светового луча, а по галактическим меркам Солнце и Могул были близкими соседями. Тем не менее корабельные часы отмеряют две с половиной недели, прежде чем он прибудет на место, — настолько огромна наша Вселенная. Мыслящие существа легко говорят о путешествиях на расстояния во много световых лет, ибо они и сами не понимают, что делают.

Дэвид Фолкейн, Чи Лан, Эдзел и Пень дулись в покер в салоне. Точнее, играли только трое. Компьютер был представлен в их обществе аудиовизуальным сенсором и парой металлических рук. Это была новейшая модель, действующая на уровне сознания и способная управлять системами корабля в полете, используя лишь малую толику своей мощности. Ну а живым существам на борту и вовсе почти нечего было делать.

— Ставлю кредит, — сказала Чи. Синяя фишка с треском покатила к центру стола.

— О Боже, — Эдзел положил карты. — Принести кому-нибудь еще прохладительного?

— Спасибо, — Фолкейн протянул ему пустую пивную кружку. — Повышаю, — он удвоил ставку. Прошло пол-

минуты, слышалось только тихое урчание механизмов и вентиляторов. — Ну, что ты там застрял, Пень?

— Шансы за и против меня оценены как равные, — произнес ровный механический голос. Электронные раздумья продолжались еще несколько секунд. — Ну что ж, — решила машина и поставила столько же, сколько Фолкейн.

— Кияо? — с вопросительной интонацией произнесла Чи. Ее бакенбарды начали топорщиться, а хвост принялся постукивать по стулу. — Ну, если вы настаиваете, — сказала она и тоже подняла ставку.

Фолкейн возликовал в душе. У него была отличная карта. Но он нарочито поколебался, прежде чем опять поднять ставку. Пень раскусил его.

— Ты уверен, что тебе не нужна подстройка? — угрожающе спросил Фолкейн машину.

— Кого боги хотят наказать... — самодовольно проговорила Чи, тоже поднимая ставку. Глухо стуча копытами по ковру, вернулся Эдзел с кружкой пива для Фолкейна. Сам одинит не употреблял этот напиток во время перелетов, ибо ни один корабль не мог взять на борт необходимое ему количество пива. Он потягивал martini со льдом из литрового стакана.

Фолкейн снова увеличил ставку. Пень удвоил. Чи и Фолкейн взглянули на него, словно могли уловить какое-то выражение в его витриловых линзах. Чи медленно положила в банк две фишки. Фолкейн подавил улыбку и снова поднял ставку. Пень сделал то же самое. Мех Чи встал дыбом.

— Будь ты неладен со всеми твоими лживыми транзисторами! — воскликнула она и швырнула карты.

Фолкейн заколебался. Пень дал понять, что карта у него неважная, но... Дэвид предложил открыться. Пень показал четыре дамы.

— Что за черт? — возмутился Фолкейн, приподнимаясь со стула. — Ты же сказал, что шансы...

— Я имел в виду шансы надуть тебя, — объяснил Пень и сгреб банк.

— Похоже, после долгой разлуки нам придется заново изучать манеру игры друг друга, — заметил Эдзел.

— Послушайте, — сказала Чи, тасуя карты, — мне уже надоел простой покер. Выбирает банкующий, верно? Так вот, все бьет семерка карт подряд, маленьких ставок не делать.

Фолкейн поморщился:

— Ты говоришь ужасные вещи.

— Шансы при игре вразнос точно так же непредсказуемы, как и при обычной, — объявил Пень.

— Да, но только ты ведь компьютер, — проворчал Фолкейн.

— Не хочешь снять? — спросила Чи Эдзела.

— Что? — дракон хлопнул глазами. — О, прошу прощения. Я воспользовался случаем и занялся медитацией.

Громоздкая рука с удивительным изяществом разделила колоду карт.

На этой раздаче ему крепко досталось, но Эдзел, похоже, не расстроился. Однако, когда пришла его очередь сдавать, он невозмутимо объявил:

— Теперь счет будет, как в бейсболе.

— О нет, — застонал Фолкейн. — Что с вами случилось за эти три года?

Он сложил руки на груди и погрузился в мрачное раздумье, потягивая пиво.

Потом пришла его очередь сдавать.

— Ну, негодяи, я вам покажу, — сказал он. — Номер первый. Знаете, что это такое? Старшая комбинация — семь карт подряд, короли и десятки не в счет, семерки и двойки — только одной масти.

— *Om mani padme hum**, — прошептал потрясенный Эдзел.

Чи выгнула спину и фыркнула. Вновь устроившись на сиденье, она возразила:

— У Пня предохранители стоят.

— Эта задача проще, чем расчет орбиты снижения, — заверил ее корабельный компьютер, — хотя она довольно нелепа.

Игра продолжалась, но как-то бестолково. Фолкейн сорвал банк главным образом благодаря тому, что вовремя перестал торговаться.

— Надеюсь, все мы усвоили урок, — сказал он. — Тебе сдавать, Пень.

— Полагаю, мне тоже разрешат объявить необычную игру, — ответила машина.

Фолкейн поморщился, Чи Лан распушила хвост, но Эдзел предложил:

— Пусть будет по справедливости. Однако потом давайте ограничимся простым штудом и прикупом.

— По моей оценке, эта игра укрепит тебя в таком желании, — пообещал Пень, тасуя карты. — Сделаем так: можно брать прикуп, хотя в этом нет смысла: игроки держат карты рубашками к себе, так что все видят, что сдано другим, а своих карт не видят.

Все оторопело замолчали, потом Чи сердито спросила:

— Что за извращения программировали тебя в последний раз?

— Я самопрограммируюсь в рамках того типа задач, для решения которых предназначен, — напомнил ей компьютер. —

* Буддийская молитвенная формула.

Поэтому всякий раз, когда меня включают, но не нагружают, я стараюсь использовать это в созидательных целях.

— Один-ноль в пользу манихейской ереси*, — заметил Эдзел. Ван Рийн понял бы, что он имеет в виду, но до Фолкейна так и не дошло, хотя он был неплохо начитан.

Что ж, по крайней мере, игра, к счастью, не затянулась. Когда кон завершился, Фолкейн встал.

— Играйте без меня, — сказал он. — Хочу проверить, как там наш обед.

Приготовление лакомств было одним из увлечений, помогавших Фолкейну скоротать время в полетах; Чи занималась для этой цели живописью и лепкой, а Эдзел музицировал и изучал историю Земли.

Полив жаркое подливкой, Фолкейн не сразу вернулся в салон, а раскурил трубку и отправился на мостик. Его тяжелые шаги громко отдавались в тишине. Каждые сутки в течение нескольких часов корабельный генератор тяготения бывал настроен на 155 процентов земной силы тяжести, и сейчас был именно такой отрезок времени. Благодаря этому экипаж привыкал к условиям, ожидавшим его на Бабуре, если придется садиться там. Лишние 45 килограммов веса не очень утомляли Дэвида. Нагрузка равномерно распределялась по всему хорошо тренированному телу. Фолкейну и его товарищам требовалось адаптировать главным образом сердечно-сосудистые системы. Тем не менее опорно-двигательный аппарат чувствовал избыточную тяжесть.

Оптические преобразователи в рубке с точностью воспроизводили вид того полушария небесной сферы, на которое были настроены. Фолкейн остановился перед панелью управления. Над перемигивающимися огоньками приборов обзорный экран разворачивал панораму бесчисленных звезд. Их сверкающие рои окружали корабль со всех сторон, Млечный Путь казался серебряным водоворотом, Магеллановы облака и туманность Андромеды в своем недостижимом далеке выглядели маленькими и чуждыми. Как будто ощутив космический холод, Фолкейн сжал в руке свою трубку — символ костра на привале. За пределами корабельных шорохов лежала необъятная тишина.

«И, однако, — подумал он, — дальние солнца не безмолвны. Их пылание ошеломляло, пространство вокруг них кипело материей и энергией, рождая новые светила и новые миры. Вселенная не бессмертна: она имеет начало и конец, собственную странную судьбу. Заглянуть в эти глубины — значит познать печаль и величие жизни».

* Манихейская ересь — религиозное учение, в основе которого лежит дуалистическое представление о борьбе добра и зла.

Койя не раз говорила, что хочет заняться в космосе любовью.

Фолкейн попытался отыскать глазами Солнце, хотя оно, разумеется, уже давно скрылось из виду. Наметанным глазом он все еще мог ориентироваться по созвездиям, облик которых успел измениться (некоторых — до полной неузнаваемости). Они уже почти растворились в сонмище звезд, сиявших в безвоздушном пространстве.

«Как ты там, милая? — подумал Дэвид, понимая, что “там” — всего лишь бессмысленный набор звуков, возглас, летящий из межзвездной дали. — Я не ожидал, что в этом полете меня охватит тоска по дому. Я забыл, что дом — это место, где находишься ты».

Дэвид почувствовал, что к грусти примешивается ощущение вины. Он не был честен с женой. По его мнению, путешествие сулило большие опасности, а он не признался ей в этом (хотя, с другой стороны, она ведь пыталась скрыть от него, что думает о том же). Но все равно после трех лет размеренной жизни кровь в его жилах тотчас закипела, стоило ван Рийну подбросить ему эту идею полета. В голове пронеслись строки какого-то из древних поэтов, которых Фолкейн так любил:

*Я часть всего, что встречу на пути,
Пусть жизнь — лишь образ, видимый в окне,
Открытое в неведомый мне мир, куда идти,
Не ведая преград, мне суждено.
Как скучно завершить свой путь, уснуть,
Подобно лезвию, ржавеющему в туне.
Ведь жизнь — борьба, вот суть...*

Ощущая утешительное тепло трубки, Дэвид подумал, что, пожалуй, стоит признать очевидное: он безнадежно болен лихорадкой странствий. Возможно, потом Койя и... о да, и дети тоже начнут скитаться вместе с ним, ну а пока:

*Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепого силой циклопа...*

Он усмехнулся. Вряд ли Эдзелу или Чи Лан придется по душе мысль об уделе гребца на греческой галере. Хотя им иногда доводилось и, возможно, еще предстоит заниматься не менее странными делами. Пожалуй, лучше вернуться за карточный столик. После обеда, если они будут в соответствующем настроении, он достанет свою скрипку и поиграет им. Ему никогда не наскучит смотреть, как эта парочка отплясывает джигу.

Глава 5

Солнце Бабура в два с лишним раза превосходило яркостью земное, но планета была в шесть раз дальше от него, чем Земля — от своего светила. Могул представлял взору в виде нестерпимо яркого маленького диска на небесных просторах. Одна из четырех лун Бабура была так близко, что виднелись кратеры, но остальные три напоминали тонкие острые серпы. Сама планета представляла собой рыжевато-бурый шар, частично затемненный, частично скрытый полосками и спиралями облаков, белых с золотистым, буроватым или красным отливом. Увидев это величественное зрелище, Фолкейн понял, почему открывшие планету люди нарекли ее в честь завоевателя, которого многие поколения индусов помнили под прозвищем Тигр. «Они и сами не знали, насколько удачным оказался их выбор», — подумал Фолкейн.

На мостике Дэвида окутала глубокая тишина, слышалось только дуновение вентиляторов. Гиперпространственные двигатели были выключены, и «Через пень-колоду» маневрировал на гравитационных со скоростью несколько кидометров в секунду. Чи сидела в рубке управления вооружением, Эдзел — в машинном отделении, то есть в местах, куда они отправлялись, когда складывалась тревожная обстановка. На Фолкейне лежала нелегкая обязанность определить степень опасности и решить, настало ли время драться или бежать. Дэвид сомневался, что либо то, либо другое возможно здесь. Два военных корабля, окликнувших их на подходе к планете и теперь сопровождавших звездолет на посадку, летели справа и слева от остроконечного носа «Через пень-колоду», будто два волка, гнавших добычу. На расстоянии они казались крошечными, но, увеличив изображение, Дэвид увидел, что корабли не уступали размерами броненосцам Торгово-технической Лиги, но были оснащены гораздо более тяжелым вооружением и представляли собой летающие арсеналы.

Когда Пень заговорил, Дэвид вздрогнул, натянув сетку безопасности, удерживающую его в кресле.

— Я начал анализ данных, полученных детекторами нейтрино и массы, радарам, датчиками гравитации местного межпланетного силового поля. По предварительным сведениям, примерно пятьдесят кораблей обращаются на отдаленных орбитах вокруг Бабура. Лишь один из них имеет размеры, сопоставимые с габаритами дредноута или корабля того же класса. Многие, похоже, вовсе небоеспособны. Вероятно, транспортные челноки. Скоро, я полагаю, мы получим более подробные сведения.

— Полсотни? Ого! — воскликнул Фолкейн. — Но после того представления, которое Бабур устроил возле Валии, мы знаем, что их флот по меньшей мере не уступает флоту Содружества. Где же основные силы?

Товарищи слушали его по внутренней связи. До Фолкейна донесся ленивый бас Эдзела:

— Гадать бесполезно. Нам не хватает сведений о замыслах бабуритов и даже об обществе, руководители которого вынашивали эти замыслы.

«Никого это не волновало, а когда спохватились, было уже поздно, — подумал Фолкейн. — Мы не обращали внимания на этих существ, дышащих водородом. Они мало что могли предложить нам, потребителям кислорода. Они так чужды нам, что не в состоянии дать почти никаких товаров и ресурсов. По той же причине нам нечего было с ними делить. Слишком много нашлось планет, которые манили нас своими богатствами, пригодными для жизни условиями, жители которых были не так уж безнадежно чужды нам. Мы почти забыли, что Бабур вообще существует — целый мир, такой же древний, многоликий и чудесный, как сама Земля».

— Кажется, я знаю, где их недостающие корабли, — сказала Чи. — Их ведь строили не для того, чтобы дать прохладяться на орбите.

Мысли Фолкейна устремились по наезженной колее.

«Как же Бабуру это удалось? Как можно создать такую громадную военную мощь за жалкие два-три десятка лет? Ведь они не просто вооружили те считанные купеческие суда, которые смогли построить. И они не могли просто воспользоваться чертежами военных кораблей, построенных людьми. Им пришлось подгонять все конструкции под весьма необычные условия Бабура, приспособливать их к нуждам его обитателей».

Он вспомнил, как выглядели сопровождающие «Через пень-колоду» корабли. Пузатые, будто на сносях. (Интересно, что за детенышей они выродают?) В их несуразно больших корпусах помещались криогенные камеры. Одной лишь очистки воздуха потребителям водорода было мало, поскольку этот газ медленно утекал, просачиваясь между атомами оболочки корабля, и его запасы надо было пополнять за счет жидких газов. Тонкий слой одного из сверхметаллических сплавов на корпусе мог бы остановить утечку, но, когда принималось решение строить военный флот, ни один бабурит еще не знал о существовании Обителя Мрака. А ведь течь — самая малая и явная из всех напастей, с которыми столкнулись инженеры.

Исследовательская и подготовительная работа, предшествовавшая постройке кораблей, очевидно, была весьма и весьма сложным делом. Как же бабуритам удалось провести ее за столь короткое время? Ведь в ту пору когда люди впервые встретили этих существ, они еще ни разу не покидали родную планету.

Могли они нанять специалистов со стороны? Если да, то откуда? И чем расплачивались?

Бессмысленная череда вопросов, которые возникли, когда люди впервые ощутили угрозу, вдруг оборвалась, потому что Пенъ решил внести свою лепту в разговор, что случалось нечасто.

— Судя по всему, бабуриты предвидели возможность столкновения с другими существами, дышащими водородом, — сказал он.

— Нет, — возразил Эдзел. — В исследованной части космоса нет других существ, которые бы имели сопоставимую по уровню технологию. Только аймириты, а они так же похожи на бабуритов, как и на нас.

— Предлагаю ввести в меня программу политических наук, — заявил компьютер.

— Может, перестанете наконец болтать, трепачи? — рявкнул Фолкейн. — Истина заключается в том, что бабуриты имеют в своем распоряжении гораздо больше кораблей, чем держат здесь. И я разделяю опасения Чи относительно того, куда направятся остальные их корабли. Если мы...

Пискнул сигнал внешней связи. Дэвид включил прибор, и на экране возникло изображение бабурита крупным планом.

Его жуткую фигуру, похожую на гусеницу, кентавра и морского рака одновременно, но ни на какую из этих тварей в отдельности, окутывал сумрак, в котором мелькали какие-то призраки. Четыре крошечных глаза, расположенные позади губчатого рыла, никак не могли поймать взгляд Дэвида. Существо загудело на латыни Лиги, и переговорное устройство превратило этот шум в членораздельные звуки:

— Мы поставили в известность Имперское Кольцо Сиземы, и скоро вы получите указания. Оставайтесь на связи.

Это заявление прозвучало ни вежливо, ни грубо. Им просто сообщили, как обстоят дела.

Изображение потускнело и исчезло. С минуту Фолкейн сидел, погрузившись в раздумья, перебирая в памяти те скудные сведения, которые были ему известны.

«Сизема» — всего лишь слово, которым переговорное устройство передавало тихий писк. А «Имперское Кольцо» представляло собой попытку бабуритов (вероятно, с легкой руки первых исследователей-людей) облечь в слова некое понятие, тождественного которому на Земле не было. Судя по всему, в Акарро (так переговорное устройство окрестило один из районов планеты) первичной ячейкой общества была не личность, семья, клан или племя, а некое объединение существ, связанных между собой такими крепкими и всепроникающими узами, какие неведомы и недоступны человеку. Основывались они на какой-то взаимозависимости, или взаимном дополнении, циклов половой активности, но распространялись на все стороны жизни. У каждого Кольца была своя индивидуальность, и кольца эти отличались друг от друга больше, чем составляющие их особи. И тем не менее, как сообщили ксенологам наблюдатели, каждая

личность в составе Кольца была уникальной и вносила свой особый вклад. В этих конгломератах не было никакой субординации, там царило то ли единение, то ли слияние, существовавшее на каком-то более глубоком уровне, чем уровень сознания. Телепатия? Трудно сказать, какой смысл следует вкладывать в это слово на Бабуре. Более толковых объяснений наблюдатели дать либо не смогли, либо не пожелали. Каждый бабурит испускал разнообразные излучения на радиочастотах, достаточно мощные, чтобы их мог принять чувствительный прибор, находящийся неподалеку. Если дело было в специфике нейрохимических процессов (?), то, вероятно, другая нервная система (?) могла действовать как приемник. Возможно, именно поэтому какая-то часть здешнего культурного наследия передавалась не устно или письменно, а воспринималась непосредственно.

Потенциально бессмертное, Кольцо пополнялось как путем приема новых членов, так и через рождение потомства. Перекрестные «усыновления» связывали группы так же, как династические браки некогда объединяли семейства людей. Имперское Кольцо, похоже, пользовалось при этом преимущественным правом выбора и, таким образом, могло считаться господствующим. Постепенно под его предводительством оказалась вся планета, но Кольцо представляло собой вовсе не монархию или диктатуру в строгом смысле этого слова. Самоуправляемые и не склонные к столкновениям с себе подобными, кольца почти не нуждались в верховной власти в ее земном понимании.

«И это еще больше затрудняло оценку причин внезапного приступа воинственности бабуритов, — подумал Фолкейн. — Лет тридцать назад они попытались было вести не очень честные дела в этом секторе, но были побеждены “Пряностями и спиртными напитками”». Однако это, клянусь солнцепексом, было пустячное столкновение. Из-за такой мелочи они не стали бы потом трубить о своем “праве распоряжаться окружающим космосом”. Идея о разделе звезд на области интересов тоже вряд ли годится в качестве объяснения. Лига никогда не смирилась бы с этим, коль скоро она намерена сохранить себя как систему участников свободного рынка. Содружество еще могло бы в принципе согласиться с такой идеей, но только при условии сохранения за собой Обитатели Мрака. А ведь бабуриты решили поднять именно этот взрывоопасный вопрос и таким образом ускорили кризис.

Наверное, даже агенты компаний “Семерки”, которые первыми начали вести тут дела, были сбиты с толку и никак не могли предугадать, что замышляет этот разум, столь чуждый нашему, — подумал Дэвид. — Хо-хо!»

В этот миг экран снова преподнес ему подарок в виде изображения бабурита. Хотя Фолкейн неплохо умел примечать индивидуальные особенности нечеловеческих особей, он распознал нового собеседника лишь по цвету и покрою одежды. Причудливость

образа затмевала все детали, делая их недоступными для его восприятия.

— Ты — капитан А-кайе? — без предисловий спросило существо. Похоже, оно не расслышало имя Фолкейна и не смогло достаточно точно воспроизвести его мычанием. — Этот член говорит с тобой от имени Имперского Кольца Сиземы. Ты сообщил нашим часовым цель своего прибытия. Переизложи ее в точных подробностях.

Мышцы на животе и между лопатками напряглись, и на миг Фолкейн вдруг воспринял звезды, планету, ее спутники и солнце на небосводе гораздо острее, чем стоявший перед его глазами образ. «Умереть, лишиться всего этого великолепия, потерять Койю, Хуаниту и еще не родившееся дитя... Но эти военные корабли, сопровождающие его к планете, вряд ли станут открывать огонь без всяких на то причин. А может, станут?» Но тут в нем проснулось привычное бесстрашие, и Дэвид спокойно ответил:

— Прости, если я обойдусь без приветствий и тому подобных любезностей. Мне сказали, что твой народ не нуждается в такого рода фразах, во всяком случае, при общении с существами других видов. — *И это было вполне разумно, ибо какие уж тут общие ритуалы?* — Мои товарищи и я прибыли сюда не как правительственные посланники, а как представители одной из компаний Торгово-технической Лиги, Галактической компании пряностей и спиртных напитков. Как нам известно, более двух ваших лет назад мы не поладили друг с другом на планете, которая зовется у нас Сулейманом. Надеемся, это не помешает вам выслушать нас.

Он пустил в ход переговорное устройство — не потому, что был мало-мальски знаком с языком бабуритов, а для того, чтобы оно превратило его слова в звуки, которые собеседник сможет воспринимать без всяких усилий. «Интересно, насколько же прибор исказил смысл его высказываний?» — подумал Дэвид. Если речь Сиземы так же тональна, как, скажем, китайская, до бабурита дойдет почти бессмысленное верещание. Но у туземца достало мудрости потребовать повторить.

— Мы слушаем, — сказал он.

— Боюсь, что не смогу изложить вам какой-либо конкретный план. Нас очень беспокоит противостояние, связанное с Обителью Мрака. «Нас» означает компанию, на которую работаем я и мои спутники. Разумеется, это беспокойство разделяют и руководители сотрудничающих с нами фирм. Война столь же губительна для торговли, как и для всего остального. Не только... гм... экономические соображения, но и справедливость, как таковая, вынуждает нас сделать все возможное, чтобы предотвратить войну. Вам, несомненно, известно, что Торгово-техническая Лига — не государство, однако ее мощь сопоста-

вима с мощью любой державы. Она с радостью окажет любую помощь в деле достижения мирного соглашения.

— Ты говоришь не от имени всей Лиги. В ней больше нет единогласия.

«Туше*, — подумал Фолкейн: чувство было такое, будто его и впрямь пронзили клинком. — О космос, откуда бабуристам это известно? По идее, они должны знать о политике Технических цивилизаций так же мало, как мы — об их политической возне.

Правда, если они уже долго готовятся к войне с нами, значит, заранее успели тщательно нас изучить. Но когда и как?

Если бы среди нас терся не в меру любопытствующий бабурит, ван Рийн наверняка прослышал бы об этом: слишком уж приметные они создания. Разумеется, бабуриты не могли надеяться, что такого рода сведения им будут доставлять заезжие купцы “Семерки”, особенно после того как торговля, по сути дела, замерла.

Узнать о том, что они так хорошо осведомлены, уже само по себе означало добыть животрепещущие важные сведения. Надо поставить в известность ван Рийна».

Фолкейн принял решение едва ли не по наитию. Лучше всего, пожалуй, не показывать этому офицеру (?), что он в смятении.

— Мы будем рады обсудить с тобой и этот, и какой угодно другой вопрос, — сказал Дэвид, стараясь выиграть время. — Если мы сумеем что-то вам объяснить и получить объяснения от вас, наше путешествие можно будет считать успешным. Хотел бы подчеркнуть, что мы никоим образом не представляем Содружество. Скажу больше, ни один из нас троих не числится среди его подданных. Не имеет значения, к кому в конце концов отойдет Обитель Мрака: компании Лиги все равно будут торговать с ее владельцами (*если только планетуне захочется Бабура и не оставит все сверхметаллы себе*). Надеюсь, вы воспримете нас как своего рода послов (*при первой же возможности готовых заняться заодно и шпионажем*). Мы имеем опыт сношений с разными расами, поэтому, возможно, наши шансы произвести обмен сведениями и идеями намного выше среднего.

Бабурит выстрелил очередью каверзных вопросов, на которые Фолкейн дал как можно более уклончивые ответы. Коль скоро это существо знало, что в Лиге раздор, Дэвид постарался создать впечатление, что дразги не такие серьезные, какими они были на самом деле. В конце концов проводивший допрос бабурит сказал:

— Вас сопровождают к месту посадки на Бабуре. Вам будут отведены покои с земными условиями.

* Туше — дословно: «попал» — фехтовальный термин.

— Мы вполне можем остаться и на борту находящегося на орбите корабля и общаться с вами посредством экрана, — ответил Фолкейн.

— Нет. Мы не можем допустить, чтобы вооруженный корабль, наверняка оборудованный приборами наблюдения, оставался без присмотра в ближнем космосе.

— Я вас понимаю, но... Мы могли бы сесть на одной из лун.

— Нет. Возможно, нам понадобится тщательно изучить вас, и вам будет закрыт доступ на ваш корабль. А еще вы можете попытаться ускользнуть от нас, если дело примет нежелательный для вас оборот. Корабль сопровождения уже выслан. Исполняйте указания его командира.

Экран померк.

Какое-то время Фолкейн просто сидел и слушал, как ругается Чи. Наконец он сказал:

— Ладно. На худой конец сможем осмотреть поверхность невооруженным глазом. Пень, не отключай приборы наблюдения.

— Они работают, — заверил его компьютер. — Анализ данных тоже идет полным ходом. Теперь очевидно, что большинство кораблей в окрестностях Бабура принадлежит существам, дышащим кислородом.

— Вот как?

— Судя по инфракрасному излучению, в кораблях слишком жарко для обитателей этой планеты.

— Да, да, это очевидно, — донесся голос Чи. — Но что там за экипажи? Наемники? О, волосатый пупок Ника ван Рийна! Как бабуритам удалось вступить с ними в контакт? Я уж не спрашиваю, каким образом они исхитрились нанять их.

— Подозреваю, что нам лучше воздержаться от такого рода вопросов, — сказал Эдзел. — Хотя мы наверняка обязаны попытаться найти ответы на них.

Появился корабль сопровождения. Он был побольше «Через пень-колоду», но имел такие же обводы корпуса, свидетельствовавшие о способности садиться на поверхность планеты. Только видимая часть его вооружения превосходила весь арсенал любого из кораблей Лиги. Фолкейн даже и не помышлял о побеге.

Он получил указания касательно курса, передал их Пню для исполнения и сосредоточился на появлявшихся на экране изображениях. Время от времени он менял изображаемый сектор или увеличивал какой-то его фрагмент, стараясь рассмотреть все, что только можно, причем не только в надежде извлечь пользу из увиденного. Здесь был новый, совершенно чужой мир, и Дэвиду предстояло вот-вот ступить на него. *Мир*. Несмотря на то что Фолкейн много лет странствовал по Вселенной, несмотря на то что сейчас он летел под конвоем, его охватило давно знакомое волнение.

Бабур рос перед глазами, когда корабли начали торможение. Следуя посадочной траектории, «Через пень-колоду» облетел вокруг планеты, и Фолкейн видел, как маленькое огненное солнце сначала село в золотых лучах заката, а потом возшло над окрашенным всеми оттенками алого океаном облаков. Потом «Через пень-колоду» резко сбавил скорость. Теперь планета была уже не прямо по курсу и не сбоку, а внизу. Фолкейн услышал тонкий визг разрываемой атмосферы. Звезды исчезли в бездне лилового неба. Корабль с ревом пронзал воздух; где-то далеко внизу вспыхнула молния — там была гроза.

Показалась поверхность планеты. Тускло поблескивали синеватые горы, либо покрытые льдом, либо сплошь ледяные. Вода здесь существовала в виде твердого минерала. Ее место занял жидкий аммиак. Воздух состоял из водорода и гелия, с маленькой примесью аммиачного пара, метана и более сложных органических веществ. Некоторые из здешних соединений эволюционировали и превратились в живые существа.

Под розоватыми облаками тяжело вздымались волны серого океана. Он был довольно мал для планеты, имевшей массу в двенадцать и три десятых больше земной и диаметр, превышавший поперечник земного шара в два и восемь десятых раза. Аммиак распространен не так широко, как вода. Внутренние районы громадных континентов были засушливы, растительность — черная и редкая; на широком горизонте поблескивали пылевые облака, и нигде не было видно ни единого признака того, что планета обитаема.

Какой-то вулкан извергал высоченный столб дыма и пламени. Извержение не было похоже на земное; вулкан расплавлял сам себя, огненные потоки неслись вперед, застывали и замерзали в виде гладких, как зеркала, листов или сеточек, подобных хитросплетению кровеносных сосудов. Бабур был чужд Земле даже самым своим строением: металлическое ядро, покрытое льдом и скальными породами; вода в недрах превратилась в горячее твердое тело, готовое взорваться, едва лишь ненадолго ослабнет давление. На Бабуре были настоящие Атлантиды — страны, погружившиеся в пучину волн всего за какой-нибудь год, если не меньше. Новые участки суши возникали с такой же быстротой. Фолкейн мельком заметил одно такое место, пока не имевшее почти никаких признаков жизни; дикие горные кряжи и равнины все еще содрогались от толчков.

Идя по пологой траектории снижения, корабли пролетели над пустыней, потом — над плодородным морским побережьем и лесом, в котором росли низкие коренастые деревья с длинными черными беспокойными кронами. Летающие создания с короткими крыльями неслись по воздуху навстречу ураганному ветру. В сером озере, поверхность которого секли струи аммиачного дождя, неуклюже барахтался какой-то зверь, схожий обликом и размерами с левиафаном. Постепенно дикая местность сменялась

возделанными участками, темными шестиугольными полями, зданиями из тусклого блестящего льда, прикрепленными к грунту кабелями, чтобы их не повалило ураганом. Увеличив изображение, Фолкейн разглядел рабочих и вьючных животных. Он едва сумел отличить их друг от друга. Неужели и бабуриты не заметят разницу между человеком и лошадей?

Показался прибрежный город. Поскольку он не мог вознестись ввысь, ему оставалось лишь расползаться вширь. Многие километры куполов, кубических коробок, пирамид, окрашенных в мрачные, тусклые цвета. В новых районах дома были построены с учетом аэродинамики, чтобы выдерживать напор ветров, каких на Земле никогда не было и не будет. Среди домов сновали колесные и гусеничные транспортные средства, над городом проносились самолеты, но для такого огромного поселения движение было на удивление вялым.

Город исчез за горизонтом.

— Берите курс на то поле, — передали с корабля сопровождения.

Фолкейн увидел площадку, испещренную огромными круглыми комингсами, в большинстве своем прикрытыми откидными стальными дисками. Несколько таких труб стояли открытыми, виднелись внутренности пустых цилиндров, уходивших глубоко в толщу грунта. Фолкейну объявили, что из соображений безопасности все садившиеся здесь космические корабли держали в таких шахтах. Проводник указал Фолкейну, какую из них занять, и «Через пень-колоду» пошел на снижение.

— Приехали, — без всякой нужды произнес Фолкейн. Слова звучали громко, но глухо; теперь он видел только залитую светом пустоту. — Надеваем скафандры, живо! Вряд ли хозяевам понравится, если мы заставим их ждать... Пень, всем системам — полная готовность к действию. Никого, кроме нас, на борт не пускать. Если начнутся пререкания по этому вопросу, отсылай всех спорщиков к нам.

— Нам может понадобится пароль, — раздался голос Эдзела.

— Хорошая мысль, — похвалил его Фолкейн. — Хм... кому-нибудь из вас знакома эта мелодия? — Он просвистел несколько нот. — Мне почему-то кажется, что бабуриты никогда не слышали «Одноглазого Райли».

Но он просто хорохорился. На самом же деле Фолкейн думал: «Что в этом толку? Мы же в их власти». Но потом в голову пришла другая мысль: «Ан нет, не обязательно, Богом клянусь!»

Возле главного люка Фолкейн, Чи и Эдзел облачились в скафандры. Они не поленились тщательно все проверить. Идти предстояло недалеко, но любая неисправность могла погубить их.

— Счастливого оставаться, Пень, — произнес Эдзел, опуская забрало шлема.

— Но только не надо выдумывать, как бы еще изуродовать покер, — добавила Чи.

— Как насчет вариантов игры в триктрак? — спросил компьютер.

— О Юпитер, да идемте же! — позвал их Фолкейн.

Покончив с приготовлениями, они взяли загодя упакованные сумки и протиснулись в люк. В нише изогнутой стены помещалась платформа подъемника с рычагом управления. Она вынесла их на поверхность. Эдзелу пришлось подниматься в одиночестве, но все равно добрая половина его туловища свисала с края платформы. Тем не менее способность лифта поднять дракона говорила о многом. Подъемник был сугубо пассажирский: в разных концах поля Фолкейн видел клетки для обслуживания кораблей и погрузочно-разгрузочное оборудование. Значит, у бабуритов довольно часто бывали гости, превосходившие размерами их самих, иначе в такой машине не было бы нужды, верно?

Выходя, Фолкейн заметил, как управляется крышка люка. При помощи колеса можно было включать и выключать моторчик, поднимавший и опускавший тяжелую металлическую плиту.

Тяжесть. Теперь, когда Фолкейна не защищало внутреннее гравитационное поле корабля, тяжесть навалилась на него. Без оптического усилителя окружающий мир показался сумрачным. Слева сиял Могул, висевший над самыми крышами домов; короткий день Бабура был на исходе. В лиловом небе плыли янтарные облака, а под ними неслись гонимые ветром розовые клочья тумана. Напор ветра составлял три и три десятых земных атмосферы, поэтому создавалось ощущение, что идешь по груди в водах реки. Ветер пронзительно завывал. Впрочем, все звуки в здешнем воздухе становились истошно-визгливыми.

Фолкейна встретила группа бабуритов, вооруженных энергетическим оружием. Указывая дорогу, они повели гостей по широкой площади. Один ее край полностью занимал комплекс каких-то сооружений. Когда Фолкейн подошел достаточно близко и мог различить детали, он увидел, что это не цеха и не склады, сложенные из ледяных глыб, блестевших вокруг, а построенная людьми планетарная станция — продолговатое здание из долговечных сплавов и прочных пластмасс, возведенное надолго, с толстыми стенами и тройной изоляцией. Из армированных окон лился желтый свет. Фолкейн знал, что здание наполнено теплым очищенным воздухом. Цикл очистки предусматривал обработку просачивающегося внутрь водорода катализаторами. Таким образом осуществлялось водоснабжение. Проникавший в здание гелий занимал место азота в соответствующей пропорции, а двадцать процентов атмосферы составлял кислород. Генератор гравитационного поля поддерживал земную силу тяжести.

— Наш дом вдали от дома, — пробормотал Фолкейн.

В наушниках раздался удивленный голос Чи:

— Такое здоровенное сооружение! Сколько же народу умещается там одновременно? И зачем?

Один из конвоиров завершал что-то в переговорное устройство возле шлюзовой камеры. Очевидно, существо просило обитателей здания о помощи: через две минуты внешний клапан открылся, уйдя внутрь помещения. Трое гостей из Солнечной системы вошли в шлюзовую камеру, когда их жестами пригласили внутрь. Тут едва хватило места. Взревели насосы, изгонявшие воздух Бабура. Из патрубка пошел газ, заполнявший помещение станции, и открылся внутренний шлюз.

За ним располагалась своего рода прихожая, совершенно пустая, если не считать шкафчика для скафандров. Тут гостей поджидали два существа. Одежда на них была очень легкая, зато оба были при оружии. Один был обитателем Мерсейи, двуногим существом, с лицом, немного смахивающим на человеческое, но с зеленой кожей, тощим туловищем и грузным хвостом. Рядом с ним стоял человек.

Фолкейн вышел из шлюзовой камеры, едва не потеряв равновесие, потому что сила тяжести уменьшилась. Он отстегнул забрало шлема и услышал:

— Привет. Добро пожаловать в нашу обитель.

— Спасибо, — промямлил Фолкейн.

— Первым делом хочу предостеречь, — сказал человек. — Не пытайтесь дергаться, как бы ни был силен ваш приятель одинит. У бабуритов везде вооруженные часовые. Вы пробудете здесь довольно долго.

— Почему?

— Вы же не думаете, что они отпустят вас до окончания войны? Или вы еще ничего не знаете? Основные силы флота Бабура отправились на захват Обители Мрака. Разведчики сообщают, что земные корабли тоже летят туда.

Глава 6

Человек — здоровяк с грубыми чертами лица и жесткими губами усами — сказал, что его зовут Шелдон Уайлер.

— Естественно, я работаю на бабуритов, — с легкой прохладцей добавил он. — Содружество и Лига для меня — ничто. Нет, нет, никаких подробностей вы от меня не получите, и не спрашивайте.

Тем не менее Уайлер назвал имя своего угрюмого и молчаливого напарника, Блиндвира с Вах Рюэтена.

— Немало мерсейцев служат в военном флоте, — пустился он в объяснения. — В большинстве своем они принадлежат к аристократии Мерсейи и недолюбливают Лигу, что неудивительно, если вспомнить, как она оттеснила их, чтобы прибрать к рукам торговлю с Гетфенньюэйской группировкой. Мало кто в

Лиге понимает, сколько врагов в космосе она нажила себе за эти годы.

Когда вновь прибывшие сняли скафандры, Уайлер протиснулся мимо Эдзела к встроенному в стену телефону. Он нажал кнопку, и на экране появилось изображение бабурита.

— Они здесь, — по-английски доложил Уайлер и рассказал о трех пассажирах «Через пень-колоду». — Сейчас мы покажем гостям отведенное им жилье, — закончил он.

— Вы проверили их вещи на предмет наличия оружия? — раздалось из переговорного устройства.

— Нет, а зачем? Что толку... ну ладно, подождите. — Уайлер повернулся к пленникам. — Слышали? Мы должны посмотреть все ваши пожитки.

— Приступайте, — обиженно ответил Эдзел. — Мы не такие дураки, чтобы пользоваться огнестрельным оружием внутри единственного помещения с пригодной для нашей жизни средой, поэтому и не привезли его с собой.

Уайлер расхохотался:

— Мы с Блиндвиром достаточно хорошие стрелки и способны разнести вас на части, не проделав в стенах ни единой дырочки.

Он быстро перетряхнул багаж. Мерсеец тем временем продолжал держать руку на рукоятке своего оружия. Бакенбарды Чи яростно встопорщились, шерсть встала дыбом, а в глазах загорелся ледяной зеленый огонь. Фолкейн почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Убедившись, что самыми опасными предметами в сумках были наборы рабочих инструментов, Уайлер отключил экран и повел гостей по коридору в комнату; там оказалось четыре койки и окно, за которым быстро темнело.

— Ванная и прочие удобства — вон там, — Уайлер махнул рукой. — Можете сами стряпать себе еду, на кухне всего полно. Мы с Блиндвиром сейчас живем в другом месте, но, держу пари, вам придется немало общаться с нами. Ведите себя прилично, и вам не причинят вреда. Хорошее поведение включает в себя и ответы на наши вопросы.

Передние конечности Эдзела переступили через порог, и в комнате сразу сделалось тесно.

— А тебе, парень, лучше, пожалуй, спать в холле, — сказал Уайлер. — Знаете что, пойдете-ка прямиком в кают-компанию, где нам всем хватит места. Там и поговорим.

Фолкейн оставался настороже, как при схватке врукопашную; даже шея заболела от напряжения. «Нужно его разговорить, — подумал он, — собирать сведения, как бы ни малы были шансы передать их тем, кто может ими воспользоваться».

— Для чего предназначено это здание? — спросил Фолкейн, стараясь говорить как можно более ровным тоном.

— Поначалу его использовали инженерные бригады, — ответил Уайлер. — Потом тут жили дышащие кислородом офицеры вспомогательных сил, проходившие обучение.

— Ты слишком разболтался, — укорил его Блиндвир.

Уайлер закусил губу.

— Я не нанимался в следователи, черт возьми, — сказал он, потом немного расслабился. — Да и в чем дело? Разве они не знали ответ заранее? К тому же они никуда эти сведения не увезут. Ну вот, мы пришли.

Кают-компания представляла собой просторное гулкое помещение. Вдоль стен теснилась мебель, воздух был затхлый, как будто здесь уже давно не настраивали кондиционирующее оборудование. Эдзел застыл, будто статуя демона стихий. Чи присела у него в ногах, постукивая хвостом по полу и собственным бокам. Фолкейн и Уайлер пододвинули себе стулья и уселись. Блиндвир стоял поодаль, ни на миг не ослабляя бдительности.

— Начните, пожалуй, с рассказа о том, кто вас прислал и зачем, — потребовал Уайлер. — До сих пор вы изъяснялись чертовски туманно.

«Само наше задание весьма туманно, — подумал Фолкейн. — Ван Рийн понадеялся на наше умение импровизировать по ходу дела и по мере накопления сведений. А вместо этого нас поймали, будто рыбу в сети. С легкостью. И, возможно, без всякой надежды на освобождение?»

Он рискнул заговорить вызывающим тоном:

— Возможно, нам обоим стоит повнимательнее приглядеться к тому, чем вы тут занимаетесь. Какие у вас основания утверждать, что это не измена собратям по виду?

Уайлер нахмурился.

— Вы намерены читать мне проповедь, капитан? Я в этом не нуждаюсь. — Он задумался. — Ну ладно, ладно, я объяснюсь. Что плохого в этих бабуриках? Без военного флота у них нет ни единого шанса. Содружество загребет Обитель Мрака и совершит промышленную революцию, которую сулит обладание этой планетой, а всем остальным достанутся лишь крохи. А может быть, это сделает Лига. Но у бабуритов — свое мнение. Для них это — не вопрос прибылей и издержек. Нет, это шанс, который предоставляется расе. Владея планетой, они купят себе место в первом ряду. Они приобретут корабли, снарядят экспедиции, обустроят поселения, не говоря уже о том, что смогут сделать на собственной планете. Причем очень быстро!

— Но никто не мог предвидеть открытие Обители Мрака, — возразил Фолкейн. — Почему же Бабур начал вооружаться? Почему стал вынашивать воинственные замыслы и с кем собирался сражаться?

— У Содружества есть военный флот, не так ли? Компании Лиги тоже держат боевые корабли. И они знали, зачем это нуж-

но. Мы понятия не имеем, с чем можем столкнуться завтра. Уж вам ли не помнить Шенну?! Бабур имеет право на самооборону.

— Вы говорите как новообращенный.

— А вы не хотите говорить как деловой человек, капитан Фолкейн, — сердито ответил Уайлер. — По-моему, вы лукавите. А я этого не потерплю, слышите? Может, вы надеетесь, что ваша слава защитит вас? Забудьте об этом. Вы находитесь на территории, где ваша слава ничего не значит. Тут никто не считает своим долгом отправить вас восвояси целым и невредимым и даже отпустить вас вообще. Если возникнет необходимость, мы накачаем вас наркотиками правды. А коли это не поможет, пойдем еще дальше. — Уайлер сглотнул и совладал с лицом и голосом. — Хотя что это я? Давайте не будем ссориться. Вы — разумный собеседник, я в этом уверен. Вы говорите, что одна из целей полета — добыча сведений для вашего нанимателя. Что ж, возможно, я сумею помочь вам в этом, если сначала вы поможете мне. Давайте заварим кофе и поговорим как умные люди.

Чи Лан выдала очередь непонятных звуков.

— Что? — спросил Уайлер.

Чи принялась выстреливать слова, будто пули:

— Я высказала кое-какие замечания относительно этих ваших замороженных сороконожек. Вряд ли вам захочется перевести мои слова на их язык.

Фолкейн застыл. Пульс в ушах мешал слушать. Чи перешла на хайякатанский язык, которого в радиусе многих световых лет наверняка никто, кроме них, не знал:

— Если мы не сбежим отсюда, рано или поздно нам конец. Важно привезти домой даже ту малость, что мы узнали. Думаю, с этими двумя мы справимся, а потом Дэви переоденется в одежду одного из них и доберется до корабля.

— Ее замечания, однако, весьма уместны, — вставил Эдзел. — Я и сам, вероятно, мог бы сказать... — Тут он перешел на хайякатанский: — Если ты набросишься на зеленокожего, Чи, я возьму на себя человека.

— Правильно, трижды правильно, — цинтианка не расхаживала по комнате, а прыгала, будто игривая кошка, но хвост ее воинственно распушился.

Рука Уайлера скользнула к оружию. Блиндвир издал шипящий вздох и попятился прочь, схватившись за лежавший в кобуре лучемер. Фолкейн застыл в неподвижности; как ему казалось, он понимал, что задумали его товарищи, но полной уверенности в этом Фолкейн не испытывал, и ему оставалось лишь положиться на них.

Для начала надо отвлечь внимание.

— Вы не можете винить моих друзей за эту вспышку негодования, — заговорил он. — Они — не подданные Содружества. Я тоже. Мы прибыли сюда вовсе не от имени Лиги, а

представляем лишь одну компанию. Тем не менее нас намерены интернировать на неопределенный срок и допрашивать, прибегая к угрозам, а возможно, даже к наркотикам и пыткам. Лучшее, что вы можете сделать, Уайлер, — это добиться, чтобы нас выслушали предводители бабуритов. Пора бы им покончить с этой слепой враждебностью по отношению к Лиге. Ее незасимые члены желают, чтобы Лига осуществляла управление Обителью Мрака. Это обеспечит доступ к сверхметаллам всем желающим.

— Правда? — фыркнул Уайлер. — В Лиге разброд, и бабуритам это известно.

— Откуда? При том, что мы знаем о них так мало, им вдруг удалось столько о нас разнюхать. Каким образом? Кто просветил их? И почему они ставят на карту все свое будущее, основываясь лишь на утверждениях этих осведомителей?

— Я знаю далеко не все, — признался Уайлер. — Проклятье, площадь поверхности этой планеты в восемь раз превышает земную, и большую ее часть составляет суша. Почему же Имперское Кольцо не должно испытывать уверенности в себе? — Он вздернул подбородок. — Ну, задавайте свой последний вопрос, Фолкейн, мне пора отправляться.

Бегая по комнате, Чи будто невзначай оказалась возле мерсейца, который опять перевел настороженный взгляд на сидевших людей. И тут Чи резко прыгнула на него, развернувшись боком. Приземлившись прямо посреди брюха мерсейца, она вцепилась пальцами ног в его одежду, а руками обхватила оружие. Мерсеец закричал и попытался высвободиться, но Чи была слишком сильна и удержалась на нем. Мерсеец ударил ее кулаком, но только разбил его в кровь о зубы Чи.

Эдзелу хватило одного шага, чтобы оказаться вплотную к Уайлеру. Дракон выдернул человека из кресла, швырнул на пол, и Уайлер покатился вверх тормашками. Эдзел ударил его хвостом в диафрагму и пригвоздил к полу. Тем временем туловище Эдзела продолжало движение. Дракон приблизился к Блиндвиру, схватил его за шею, осторожно встряхнул и опустил ошеломленное создание на пол. Чи завладела лучеметом и отскочила в сторону. Уайлер попытался дотянуться до оружия, но подоспевший Фолкейн извлек лучемет из его кобуры.

Эдзел отпустил Уайлера, отступил на шаг и присоединился к своим товарищам. Уайлер с трудом поднялся на ноги, Блиндвир сидел на полу, пыхтя и отдуваясь.

— Вы что, спятили? — запричитал человек. — Что за глупость? Вы же не сможете, не сможете...

— Вероятно, сможем. — Фолкейна вдруг охватило веселье. Он понимал, что следовало бы действовать более осторожно, запретить это нападение и вести себя кротко, дабы не доводить дело до смертоубийства.

«Но если даже ни один из нас не гражданин Земли, все равно остается землянка Койя, — подумал он. Да и к нам Земля была довольно добра. Кроме того, в этих местах в нашем распоряжении только один корабль, принадлежащий старому Нику. Он прислал нас главным образом за сведениями, дабы ему не пришлось действовать совсем уж вслепую. А благополучие Ника означает благополучие тысяч его работников, миллионов существ на разных планетах, торгующих с ним... А, к черту все это. Главное — вырваться на свободу!»

Его объял огонь, и огонь этот ревел так громко, что заглушал голос страха. В то же время разум Дэвида напряженно работал. — Не двигайтесь, вы оба, — велел Дэвид Уайлеру и Блиндвиру. — Эдзел, Чи, ваша идея — чтобы я вышел наружу в одежде этого парня, так?

— Разумеется, — цинтианка опустила на все четыре конечности и принялась приводить себя в порядок. — С точки зрения бабурита, все люди, наверное, на одно лицо.

Эдзел склонил голову и потер морду; звук был громкий, будто дракон тер себя наждачной бумагой.

— Возможно, не совсем. У мастера Уайлера темные волосы и усы. С этим надо что-то делать.

— Ну а пока снимай одежду, Уайлер, — велела Чи. Тут мерсеец, частично пришедший в себя, дернулся, будто намереваясь встать. Чи быстро направила на него лучемет. — Оставайся на месте, — приказала она на его родном наречии эрио. — Я неплохо стреляю.

Уайлер побледнел и воскликнул:

— Зачем пробивать лбом стену? Говорят же вам, что уйти не удастся. Погибнете ни за что, черт возьми!

— Тебе велели раздеваться, — повторила Чи. — Или хочешь, чтобы Эдзел сделал это за тебя?

Увидев дуло лучемета и неумолимый взгляд ее глаз за прорезью прицела, Уайлер начал снимать одежду.

— Фолкейн, у вас что, совсем нет здравого смысла? — воззвал он.

— Да, — задумчиво ответил Дэвид. — Я как раз пытаюсь сообразить, как нам взять вас с собой для допроса.

Чи вздернула уши.

— Нам, Дэвид? — спросила она. — Но как мы с Эдзелом выберемся отсюда? Нет, лучше ты потом выкупишь нас.

— Нет уж, вы двое наверняка пойдете со мной, — ответил Фолкейн. — Мы не знаем, насколько мстительны бабуриты или их приятели, люди и мерсейцы.

— Но...

— Кроме того, вы должны будете помочь мне с Уайлером. Я уж не говорю о том, как вы нужны мне в космосе.

Эдзел, рывшийся на кухне, вернулся в комнату.

— Вот средство, которое даст тебе черные волосы и усы, — горделиво объявил он. — Бутыль шоколадного соуса.

Средство было не из тех, которыми воспользовался бы настоящий герой, бегущий из узилища, но придется удовольствоваться тем, что есть. Пока Фолкейн переодевался в платье Уайлера и покорно сносил все издевательства гримеров, он обменялся несколькими словами со своими спутниками, и они разработали план действий, немногим более рискованный, чем тот, которым руководствовались до сих пор.

Эдзел стащил с Блиндвира одежду и надежно связал его. Уайлера они связывать не стали. Он сидел голышом, и Чи держала его на прицеле. Одинит пробормотал слова благословения. На более пространное прощание, по мнению Фолкейна, времени не было. Возможно, им троим больше не суждено путешествовать вместе, быть может, он уже не вернется к Койе и Хуаните, но сейчас нельзя тратить время на раздумья об этом.

Шаги его четко прозвучали в коридоре. Возле шлюзовой камеры он нажал кнопку с заранее примеченной цифрой и принялся ждать. Чувство было такое, будто он участвует в дуэли и его вот-вот застрелят. Когда четыре глаза бабурита уставились на Дэвида с экрана, он невольно облизал пересохшие губы. Сладкий привкус во рту напомнил Фолкейну, насколько несовершенен его грим.

Следуя примеру Уайлера, он заговорил без всяких предисловий:

— Похоже, пленники приуныли. Они попросили меня доставить с корабля кое-какие лекарства и предметы первой необходимости. Думаю, это поможет нам заручиться их сотрудничеством.

Фолкейн рассчитывал на то, что о человеческой психологии здесь знают не больше, чем о строении человеческого тела.

Его сердце успело сократиться дважды, прежде чем существо ответило:

— Хорошо, охране сообщат о твоём приходе.

Экран потух.

Фолкейн отыскал в шкафу скафандр Уайлера и внутренний комбинезон. Скафандр был покрыт особым узором. Вероятно, каждый инопланетный служащий для простоты опознания имел свой неповторимый рисунок на костюме. Стало быть, надо подогнать скафандр так, чтобы он налез на Фолкейна, который был немного выше Уайлера. Дэвид не отказался бы от помощи, но не осмеливался позвать кого-нибудь сюда, в зону обзора переговорного устройства. Вполне возможно, что бабурит снова выйдет на связь.

Протиснувшись в люк, Фолкейн попал в бульдожью хватку местной силы тяжести. Перед ним раскинулось голое поле, испещренное крышками шахт. Время от времени его пересекали гусеничные машины, выполнявшие какие-то непонятные зада-

ния. Сине-белые огни горели на фасадах домов, заставляя лед поблескивать, будто сам холод вдруг стал видимым. Завывал порывистый ветер. В нависавшей над головой мгле тускло светились две луны, но звезд видно не было. Дэвиду предстоял долгий пеший переход.

Невероятно, но факт: никто не окликнул Фолкейна, когда он открывал шахту, вставал на площадку подъемника и спускался вниз. Когда он добрался до входного люка корабля, в шлеме уже было столько пота, что Дэвид начал задыхаться, и он еле-еле сумел издать условный свист. Из темных глубин детских воспоминаний всплыло суеверие: это не может продолжаться долго, ты слишком искушаешь судьбу.

«Но мы уже проиграли, — как бы оправдываясь, подумал Фолкейн. — Мы прибыли слишком поздно: Флот уже в пути.

Нас не стерегли бы так беспечно, будь он еще здесь».

Крышка люка повернулась. Стоя в шлюзовой камере и дожидаясь, пока сменится воздух, Фолкейн вспомнил кое-какие буддийские приемчики Эдзела и сумел в какой-то степени вновь обрести спокойствие.

«Тут не будет ни луков, ни лучников, ни стрел, а будет только пальба».

Очутившись в корабле, Дэвид не стал снимать свой космический доспех, хотя его тотчас покрыл белый иней. Щелкнув выключателем отопителя, он очистил от изморози забрало шлема и поспешил на мостик. Неуклюже втискиваясь в противоперегрузочное кресло, Дэвид сказал в микрофон радиосвязи:

— Пень, нам надо освободить Эдзела и Чи. Ты не видел место, где они находятся, поэтому поведу я. Мы сядем перед входным люком. Тотчас взрывай его, ибо иначе они не успеют выбраться, и открой для них внешний клапан грузового люка номер два. Как только они будут на борту, взлетай в космос и выписывай самые хитрые кренделя, какие только могут придумать твои приборы. Едва мы удалимся на достаточное расстояние, включая основную тягу. Подчеркиваю: сразу же. Забудь обо всех ограничениях. Тебе ясно?

— Как обычно, — ответил компьютер.

Машина с гудением пробудилась к жизни. Антигравитационные генераторы оттолкнулись от хитросплетения разнообразных физических взаимодействий и сил, которые мы в обиходе называем пространством, и корабль скользнул вверх.

— Вон туда! — непонятно зачем закричал Фолкейн. Его пальцы плясали на кнопках ручного управления. Перчатки стесняли движения. Но если противник выстрелит и в корпусе образуется большая пробоина, любому беззащитному дышащему кислородом существу на борту придет конец. Послышался рев забортного воздуха. Дэвид не стал выключать амортизатор ускорения, потому что хотел иметь лишний сенсор, необходимый для выполнения хитрого маневра, и теперь на него навалились

перегрузки. Дэвида прижало к защитной сетке, потом опять швырнуло в кресло. Эх-ха!

Здание было прямо по курсу. Дэвид резко снизился и перешел на режим парения. Из оружейной башни вылетел конический заряд. Вспыхнуло пламя, и весь передний портал здания обрушился. Энергетическая пушка выпустила луч, который взрезал внутренний клапан шлюза, будто скальпель хирурга. Металл раскалился добела и потек.

Гусеничные машины на поле бросились врассыпную. «Неужели тут нет противовоздушной обороны? Хотя кто мог ожидать такого нападения? Стоп, вот они, наверху, в лунном свете. Пикируют. Самолеты».

Преграда рухнула. Закипело морозное облако — это воздух Бабура слился с земным. Фолкейн почувствовал мимолетную радость при мысли, что автоматические двери закупорят модуль, в котором лежал Блиндвир. На улицу выскочил Эдзел, еще более громадный в своем скафандре. Может быть, он тащил на себе Чи и Уайлера? Сверху открыли огонь. Эдзел скрылся из виду, забежав под обвод корпуса корабля. «Что же случилось? Господи, что же произошло?»

— Они на борту, — доложил Пень и резко направил корабль вверх.

Ускорение припечатало Фолкейна к креслу.

— Компенсаторы, — хрипло выдал он, и тотчас тяготение уменьшилось до одного g. Ревела разрываемая кораблем атмосфера; уже показались первые звезды. Фолкейн открыл замок забрала и дрожащей рукой потянулся к кнопке внутренней связи.

— С вами все в порядке? — крикнул он.

Совсем рядом взорвался снаряд. Грохот, вспышка, палуба под ногами заходила ходуном. «Через пень-колоду» несясь прочь от планеты.

Сквозь эту адскую какофонию до Дэвида донесся раскатистый голос Эдзела:

— Мы с Чи в общем-то целы и невредимы. К сожалению, в нашего пленника угодила пуля, выпущенная с самолета. Я прижимал его к правому боку. Пуля проникла в скафандр и убила человека на месте. Я бросил труп.

«Вот не повезло! — с яростью подумал Фолкейн. — Я мог бы одурманить его и, вероятно, выяснить... Проклятье! О проклятье!»

— Мой скафандр тоже был поврежден, но не очень серьезно, и заклеился, а меня только немного обожгло, — продолжал Эдзел. — Чи была слева от меня, и ей ничто не угрожало... Я хотел бы помолиться за Шелдона Уайлера.

Фолкейн снова успокоился.

— Потом, — сказал он. — Сначала надо уйти от преследования. Мы имеем преимущество в скорости и застали их врас-

плох, но сейчас уже, наверное, объявлена космическая тревога. Займите боевые посты.

Все знали, что им конец, если придется вступить в ближний бой с любым кораблем тяжелее корвета. Какое-то время они смогут отражать снаряды, но это вполне по силам и противнику. А его энергетические лучи, выпускаемые такими массивными генераторами, что «Через пень-колоду» их было бы не поднять, будут тем временем прогрызать обшивку, которая значительно тоньше корпусов бабуритских кораблей.

Но вероятность столкновения была не так уж велика. Возможно, сейчас ни один корабль бабуритов не занимал выгодной позиции и не имел достаточной скорости, чтобы уравнивать векторы при помощи гравитационного двигателя и оказаться в той точке пространства, куда с диким ускорением неслись земной корабль. Между тем почти все перестрелки в космосе возникали именно тогда, когда противники настойчиво стремились к встрече.

Другое дело — самонаводящиеся торпеды. Масса их была достаточно мала, и они могли менять скорость и направление полета в широчайшем диапазоне. Или лучи, несшиеся со скоростью света.

Небосвод Бабура остался далеко за кормой, а диск планеты хоть и казался огромным, но понемногу уменьшался в размерах. Вспыхнули многочисленные звезды, некоторые из них имели цвет крови.

— Когда мы сможем совершить прыжок, Пень? — спросил Фолкейн.

Должно быть, уже скоро. Корабль уже преодолел гравитацию Могула и быстро вырывался из поля тяготения Бабура. Вскоре метрика пространства станет ровной и не сможет влиять на тонко настроенные осцилляторы. А как только корабль пойдет с максимальной псевдоскоростью, превышающей скорость света, никакой рукотворный летательный аппарат уже не сможет догнать его.

— Один и шестнадцать сотых часа, при нынешнем векторе, — ответил компьютер. — Но я предлагаю увеличить это время на несколько минут, включив боковую тягу. Это позволит нам приблизиться к спутнику Бабура, имеющему название Айша. Мои приборы говорят, что там, возможно, существует радиационная аномалия.

Фолкейн на мгновение заколебался. Если на поверхности спутника установлено тяжелое вооружение...

— Ладно, действуй, — решил он.

Время еле ползло. Дважды доносились злорадные возгласы Чи, когда ее пушки уничтожали пущенные на перехват ракеты. Фолкейну же оставалось только сидеть и размышлять, а мысли его представляли собой главным образом обрывки воспоминаний. Полеты над Луноградом с Койей, вечное красное солнце над пустыней на Икрананке, отец с его неизменным «положение

обязывает», боязнь уронить только что родившуюся Хуаниту, когда ему впервые позволили взять ее на руки, его первая ночь с Койей и последний юношеский спор о Боге и девушках в пивнушке, роденовские «Граждане Кале», двойная лунная дорожка на поверхности Аврорианского океана, огнепад на полпути между двумя звездами, Койя, стоящая рядом с ним и глядящая на причудливые башни города на планете, которой люди еще не успели дать имени, мать, которая с помощью призмы показывала ему, как зарождается радуга, опять Койя, со смехом играющая с ним в снежки на курорте в Антарктиде, великолепие крылатого итрианина, снова Койя, притащившая ему бутерброды, когда он сидел в ночной вахте и изучал поступавшие данные о новой планете, вокруг которой летал их корабль; Койя...

На экране появился выщербленный лунный диск. Его изображение все росло, но Фолкейн включил увеличение и пристально взгляделся в картинку. Внезапно он нашел то, что искал: большой комплекс куполов, башен, ангаров для кораблей, космодром, испытательные установки...

— Данные! — вырвалось у него.

Неужели в голосе Пня прозвучали нотки обиды? Быть того не может!

— Разумеется, — ответил компьютер. — Инфракрасное тестирование показывает наличие существ, чья термодинамика либо очень похожа на человеческую, либо тождественна ей.

— Ты хочешь сказать, что все эти постройки предназначены не для бабуритов? Но ведь тогда...

— Айе! — вскрикнула Чи Лан. Вспышка была совсем рядом. — Они почти попали в нас, друзья.

— Предлагаю не мешкать здесь, — сказал Эдзел.

Поселение, или что там это было, исчезло из виду, скрывшись за горным хребтом. Корабль пронесся мимо Айши.

— Судя по приборам, — доложил Пень, — если мы и дальше будем идти нынешним курсом, окружающие условия начнут становиться все менее неблагоприятными для нас.

«Значит, мы унесем ноги, — подумал Фолкейн. — Мы вырвались».

Боль и покалывание от перенесенного напряжения поползли вверх, к голове. Он услышал, как Чи спросила:

— Куда же мы направляемся?

— К Обителю Мрака, — выдавил Дэвид. — Возможно, мы прибудем туда раньше бабуритов и успеем предупредить приближающиеся корабли людей, кто бы они ни были, и тамошних рабочих.

— Я в этом сомневаюсь, — ответила цинтианка. — Вероятно, противник слишком опережает нас. Да и стоит ли рисковать? Разве не важнее привезти домой добытые сведения и сообщить, что бабуритам как-то удалось получить в свое распоряже-

ние большой отряд дышащих кислородом военных и техников? Курьерская торпеда может и не дойти.

— Нет, мы должны попытаться предупредить своих, — сказал Эдзел. — Это могло бы предотвратить сражение. Хватит и одной насильственной смерти.

Фолкейн устало кивнул, снова обратив взор к безучастным, равнодушным звездам.

«Бедняга Уайлер, — подумал он. — И все мы бедняги».

Глава 7

На экране внутренней связи появился капитан «Альфы Лебедя».

— Мадам, — проговорил он, — штурманы докладывают, что мы на расстоянии одного светового года от места назначения.

— О! — Сандра собралась с мыслями. «Уже? Но почему же тогда путь от Гермеса занял так много времени? Световой год, — мелькнула мысль. — Максимальное расстояние, на котором можно уловить колебания пространства, порожденные нашими кораблями на гиперпространственной тяге. Уловить мгновенно. Теперь они знают, что мы приближаемся к планете. А “они” могут оказаться и врагами».

— Прикажите всем расчетам готовиться к бою.

— Всем — повышенная боевая готовность. Есть, мадам.

Изображение исчезло. Сандра огляделась. Адмиральский мостик был похож на узкую мрачную пещеру, которую скрашивали только экраны с видами неба. Он слегка дрожал в такт пульсации двигателя; в теплом воздухе едва уловимо пахло маслом и какой-то химией. Сандру охватило ощущение нереальности, мундир военных космических сил показался ей театральным костюмом, а все происходящее — нелепой сценой из спектакля.

Эрик был облачен в такую же двухцветную форму, поверх которой можно было натягивать скафандр. Он искоса посмотрел на мать.

— Медвежья болезнь? — пробормотал он. — У меня тоже.

Эрик мог не стесняться в выражениях, потому что, кроме него и матери, на мостике никого не было.

— Полагаю, она самая, — ответила Сандра, тщательно пытаясь улыбнуться.

— Удивляюсь, — сказал Эрик. — Ведь ты — одна из немногих присутствующих здесь людей, у которых есть хоть какой-то боевой опыт.

— На Диомеде все было не так. Там дрались врукопашную. И... и никто не рассчитывал, что я буду отдавать приказы.

«И почему только я много лет назад не набрала наемников, чтобы составить из них костяк полноценного офицерского корпуса? — подумала она. — Да потому, что, как нам казалось,

царивший на Гермесе вечный мир никогда не подвергнется опасности. Военные стычки из-за звезд происходили так далеко, что мы их, по сути дела, и не замечали; ничего более серьезного не случилось. Нас предупреждали о том, что чуждые расы осваивают космос, но они не представляли такой уж большой опасности — даже шенны, которых Лига положила на лопатки раньше, чем те сумели всерьез навредить нам. Мы были дважды, даже трижды уверены, что внутри Технической цивилизации никогда не будет междоусобиц. Человек перерос это, как перерос он паранджу, тиранию и людоедство. Мы держали несколько военных кораблей с минимально необходимыми командами, используя их в качестве блюстителей порядка или спасателей, а также для отражения нападений, которые вряд ли считали возможными. Теперь-то я вижу, что это было непозволительное благодушие, но тогда мы рассматривали учебные стрельбы из тяжелых орудий как своего рода забаву, и нам бывало не до шуток, только когда объединения налогоплательщиков присылали нам жалобы».

— Да чтоб мне пусто было! — проворчала Сандра. — Зря я позволила тебе поехать. Тебе стоило остаться и возглавить резервные силы.

— Не слишком ли часто мы это обсуждаем, как ты думаешь, матушка? Никто не справится с делами дома лучше, чем Майк Фолкейн. Я о другом жалею — о том, что мне не достало ума попросить задание, благодаря которому я был бы по-настоящему занят здесь. Твой офицер по особым поручениям — это звучит громко, но на деле я — персонаж комической оперы.

— Ну что ж, я и сама мало чем отличаюсь от простого пассажира, и что-то изменится только с началом переговоров. Молю Бога, чтобы я справилась. История учит, что комические оперы зачастую превращались в трагедии.

«Если бы только Нади был со мной, — подумала Сандра. — В его обществе я успокаиваюсь».

Но она отправила командира патруля «Сверхметаллов» вперед, чтобы он заранее подготовил свою команду к сотрудничеству с ней.

Идя на максимальной псевдоскорости, они прибудут на место часа через три... Сандра несколько раз глубоко вздохнула. «Не думай о бое. Если начнется, предоставь все капитанам, а общее руководство доверь командиру флагманского корабля, как было решено перед отлетом». Цель их почти наверняка сведется к тому, чтобы отбиться и убежать. Сил у них немного. Легкий линкор «Альфа Лебеда», два крейсера, четыре броненосца и носитель десяти истребителей класса «метеор». И при этом дома не осталось почти никакой охраны.

Сандре надлежало предотвратить столкновение и добиться для Гермеса статуса единственной силы, которая будет следить

за соблюдением правовых норм и восстановлением порядка. А она кое-что понимала в управлении людьми.

Сандра опустилаcь в противоперегрузочное кресло, закурила сигару и заставила себя расслабить мышцы, одну за другой. Эрик принялcя расхаживать взад-вперед.

— Мадам! — послышался резкий и немного дрожащий голос. — Мы засеки корабль с гиперпространственным двигателем.

Сандра сделала над собой усилие и не встала.

— Нас кто-то встречает?

— Нет, мадам. Они в нашем четвертом секторе. Насколько можно предположить, у нас с ними одна цель.

Сандра завертела головой, пытливо вглядываясь в экран. Солнце Обители Мрака все еще пряталось во тьме. Они увидят это тусклое небесное тело, доживающее свой век, лишь когда окажутся прямо над ним. Четвертый сектор. Сандра никак не могла найти то, что искала. Это была лишь крошечная далекая искорка, затерянная среди тысяч себе подобных. Но ведь в четвертом секторе находился и Могул.

Эрик ударил кулаком по ладони.

— Бабуриты!

— Минутку, сэр, прошу вас, — ответил капитан. — Поступают результаты предварительной обработки данных... Отряд крупный. Подробности пока недоступны, но, во всяком случае, численность армады огромна.

На миг к горлу Сандры подкатил тошнотворный комок, будто ее ударили в солнечное сплетение. Мгновение спустя разум ее заработал в аварийном режиме. Всякие сомнения рассеялись, и она приняла решение.

— Это меняет дело, — сказала Сандра. — Пожалуй, нам стоило бы попытаться вступить в переговоры. Коль скоро я здесь, будем вести их с борта этого корабля. Рассчитайте наш курс перехвата. А остальные наши смогут прибыть к Обители Мрака гораздо раньше, не так ли? Хорошо. Пусть летят прежним курсом под предводительством «Ахиллеса», встретятся с Нади и будут в боевой готовности. Но если возникнут сомнения и если по каким-то признакам они поймут, что здесь, на «Альф», с нами стряслась беда, пусть немедленно возвращаются домой.

— Есть, мадам.

В глубине души Сандре стало жаль капитана. Он был еще молодым человеком, но изо всех сил старался сохранить хладнокровие и деловой вид перед лицом катастрофы. Он повторил указание Сандры, и его изображение исчезло с экрана.

— О нет, — простонал Эрик. — Что мы можем сделать?

— Боюсь, что очень мало, — признала Сандра. — Пожалуйста, не разговаривай сейчас со мной, я должна подумать.

Она откинулась на спинку кресла и смежила веки.

Прошел час. Время от времени поступающие сведения ненадолго отрывали ее от навязчивых мыслей. Бабуристы шли по курсу с умеренной псевдоскоростью. Их самодовольство было почти оскорбительным. Наконец один корабль покинул боевые порядки и пошел навстречу приближающемуся гермесцу. Чуть погода начался обмен сигналами: модуляция гиперпространственных колебаний: «Мы хотим вести переговоры — мы будем их вести». Сигналы были шаблонные, обычная морзянка в режиме, достаточном для восприятия смысла, и передавались мучительно медленно, ибо принцип неопределенности очень быстро превращал импульсы пространства в полную неразбериху. Достаточно внятное общение посредством голосовой связи возможно, лишь когда корабли сближаются на две-три тысячи километров. А видеокартинка появлялась на еще меньших расстояниях.

«Вот почему мы не можем посылать сообщения напрямую от звезды к звезде, — мелькнула у Сандры мысль, скорее воспоминание об усвоенных в молодости уроках физики. — Никто не в состоянии поставить столько ретрансляторов. Да и не остаются они на месте. Вот и приходится использовать гонцов, а посему может случиться черт-те что, прежде чем мы узнаем, что творится неладное».

Приборы накапливали все больше данных, компьютеры обрабатывали их, пока наконец не стало ясно, что незнакомый корабль примерно равен размерами «Альфе» и наверняка так же хорошо вооружен. Наконец на экране вновь появилось лицо капитана. Он был бледен.

— Мадам, мы получили устное сообщение. Там сказано... там сказано... цитирую: «Не приближаться, уравнивать гипер-скорость с нашей и ждать указаний». Конец цитаты. Вот что они говорят.

Эрик побагровел. Сандра закусил губу, потом сказала:

— Мы согласимся. Но сформулируйте вот как... гм... «Мы выполним вашу просьбу».

— Благодарю вас, ваша светлость. — Всем своим обликом капитан выказывал признательность, которую, очевидно, испытывала и команда... Хотя, разумеется, тонкости английского языка ускользнут от бабуристов.

На экранах по-прежнему были только звезды. Сандра представляла себе чужой корабль, такой же шар, как и ее собственный, не предназначенный для посадок на планеты, испещренный пушками, пусковыми установками, энергетическими лучеметами, покрытый броней из стали и силовых полей и несущий боезапас, достаточный для уничтожения половины континента. Наяву Сандра его никогда не увидит, даже если начнется бой. Одушевленные создания на его борту не вступят в соприкосновение с созданиями из плоти и крови на борту «Альфы», не увидят гибели друг друга и не услышат стонов раненых. Эта

безликость боя была сродни кошмару. Петер Асмундсен, Николас ван Рийн, сама Сандра — все они присутствовали на месте действия во плоти: дерзко встречали опасность, обменивались ударами, словами, рукопожатиями. И все это — при непосредственном соприкосновении: «Неужели наше время прошло? Неужели кончился безумный и счастливый век пионеров? Быть может, сейчас мы уже переступаем через порог будущего?»

Должно быть, капитан уже успел провести предварительные переговоры.

— Госпожа Сандра Тамарин-Асмундсен, Великая Герцогиня Гермеса, — объявил он. — Делегат имперского военного флота Сиземы.

Голос в переговорном устройстве звучал бесстрастно и невинно из-за перебоев несущей волны. Но неужели она все-таки услышала грубые нотки?

— Приветствую, Великая Герцогиня. Почему вы здесь?

Сандра подавила отчаяние и метнула ответную стрелу:

— Приветствую, адмирал, или какое там наименование вы предпочитаете. Мы тоже испытываем вполне естественное любопытство. Какова ваша цель? Вас занесло так же далеко от дома, как и нас.

— Нам приказано овладеть Обителью Мрака в интересах Автархии Объединенного Бабура.

Сандра немного жалела, что корабли так далеко друг от друга и видеосвязь невозможна. Почему-то ей казалось, что будет легче, если она заглянет в четыре маленьких глаза на этой нечеловеческой физиономии. Тогда ей уже не будет казаться, будто она беседует с привидением.

«Однако его решимость так же весома, как и их невидимое солнце, — подумалось ей. — И поддерживающее ее оружие столь же осязаемо».

Сандра осторожно проговорила:

— Разве не ясно, зачем сюда прибыли представители Гермеса? Наша цель состоит в том, чтобы просто... принять на себя ответственность и попечение о планете до тех пор, пока не будет выработано соглашение. Поскольку мы независимы от Содружества, Лиги и Бабура, мы надеемся, что сможем удержать все спорящие стороны от опрометчивых поступков, убедить их подумать еще раз и избежать войны. Еще не поздно, адмирал.

— Поздно, — отозвался искусственный голос. Неужели в нем прозвучала едва заметная нотка язвительной насмешки, когда он сообщил ей эту ошеломляющую весть? — Мы не станем говорить о том, что Имперское Кольцо считает ваше вмешательство нежелательным. Достаточно и того, что, по данным нашей разведки, флот Содружества уже находится на Обители Мрака. Мы прибыли, чтобы прогнать его отсюда. Гермесцы должны послушаться доброго совета и удалиться до начала боевых действий.

Сандра услышала, как Эрик выдохнул: «Сукин сын!», а потом и свой собственный голос: «Боже милостивый!»

— Присоединяйтесь к вашей эскадре и ведите ее домой, — сказал бабурит. — Когда начнется битва, мы будем нападать на любой корабль людей, который увидим.

— Нет! — вскричала Сандра, приподнимаясь с кресла. — Подождите, подождите!

Ответа не последовало. Спустя минуту капитан доложил:

— Чужак удаляется, мадам, и возвращается к своим кораблям.

— Боевым постам — товсь! — приказала Сандра. — Курс — на перехват наших кораблей. Полный вперед!

Звезды, будто струйки воды, потекли по экранам, когда «Альфа» резко развернулась. Дрожь двигателей стала заметнее.

— Этот гад ползучий врал? — закричал Эрик.

Словно отвечая ему, капитан начал считать показания приборов: в окрестностях планеты обнаружили многочисленные корабли с гиперпространственными двигателями. Очевидно, здесь был еще кто-то. И эти пришельцы обнаружили вновь прибывших захватчиков. Но кто это мог быть, если не экспедиционные силы Солнечной системы?

— Клянусь космосом, мы просто сборище любителей, — сказал Эрик, и рот его растянулся в болезненной усмешке. — Бабуриты наблюдали за Обителью Мрака. Они знали, когда придут земляне. А мы... мы неслись сломя голову, будто бык, у которого лихорадка.

— Нет, вспомни, мы понадеялись на патруль Нади, который должен был предупредить нас, — машинально возразила Сандра. — Я не сомневаюсь, что земляне захватили их: у Нади не было очень быстроходных и мощных кораблей. Захватили их под тем предлогом, что-де надо сохранить преимущество внезапности. А у бабуритов в тех местах были скоростные разведчики, — Сандра поморщилась. — Похоже, самые бездарные любители сидят в адмиралтействе Содружества.

«Им никогда не приходилось воевать, — подумала она. — Воинское искусство, доктрина, мышление — все это сошло на нет много поколений тому назад. Этому придется учиться заново, а времени нет».

Известия продолжали поступать. Разместившийся прямо по курсу флот покидал Обитель Мрака и строился в нечто, похожее на боевой порядок. Он значительно уступал армаде бабуритов. Разумнее всего было бы обратиться в бегство, но командир флота, несомненно, руководствовался приказами, полученными дома от политиков:

— Не сдаваться. Мы уверены, что эти клопы просто блефуют. Не могут же они на полном серьезе напасть на нас.

«Еще как могут, — подумала Сандра. — И нападут».

Эрик замер. Казалось, в душе его пылает огонь, хотя голос и звучал негромко:

— Матушка... матушка, если мы присоединимся к флоту Содружества, к таким же людям, как мы... может, в конце концов...

Сандра покачала головой:

— Нет. Это почти ничего не изменит, мы только положим гермесцев и лишимся кораблей, необходимых для обороны родной планеты. Я намерена приказать нашим кораблям разворачиваться и немедленно отправляться восвояси.

Эрик угадал, что она задумала.

— А мы? «Альфа Лебеда»?

— Мы пойдем дальше, к Обители Мрака. Очевидно, когда мы прибудем туда, все силы Солнечной системы уже отправятся навстречу бабуритам. Как бы там ни было, никто не станет связываться с таким грозным кораблем. Мы должны помочь соплеменникам Нади обрести свободу, если удастся. Они в какой-то степени наши союзники. И технические специалисты на поверхности планеты тоже. — Сандре удалось выдавить улыбку. — К тому же с тех пор как я впервые прослышала об Обители Мрака, мне всегда хотелось увидеть ее.

На планете не было никакой охраны. Дозорные корабли «Сверхметаллов» находились на орбите в беспилотном режиме. Быстрый обмен радиосигналами подтвердил, что их командиры отправили команды на базу старателей, тщательно запрятанную в недрах планеты. Гермесский корабль лег на орбиту, и из портов вылетели космические шлюпки, чтобы эвакуировать с планеты персонал. Несмотря на возражения Эрика, Сандра оставила его на борту якобы за старшего, а сама улетела на одном из вспомогательных судов.

Впереди маячила чудовищная громада Обители Мрака. Отсюда было не разглядеть тускло светящиеся останки ее солнца, и планету можно было принять за бродячее небесное тело, вечно плывущее среди ярких, как зимний снег, созвездий. Правда, такое сходство было неполным. Планета не была от полюса до полюса покрыта снегом скованной морозом атмосферы. Она испускала металлический блеск, яркий и острый, местами почти зеркальный. Горы и ущелья были бесформенными пятнами тьмы. Потечи темного железа образовывали узор, похожий на лик тролля.

Вскоре шлюпка приблизилась к поверхности и пошла горизонтально. Позади Сандры простиралась равнина, а горизонт был так далеко, что рождал в душе наблюдателя страх перед бескрайней пустыней. Здешний грунт не был покрыт пылью и испещрен кратерами, как на других, лишенных атмосферы планетах. Поверхность была ровной, тускло блестя, а кое-где ее

пересекали немыслимые горные хребты — в этих местах отвердевал жидкий металл. Темная планета резко выделялась на фоне Млечного Пути. И слева, и справа по курсу на равнине были видны признаки разработки недр. Это было невероятно (хотя нет, наоборот, вполне естественно), но работы шли своим чередом. Трактор-робот тащил вереницу вагонов с рудой. Впереди громоздился крутой откос — результат древних конвульсий планеты: сверхновая заставила металл прорвать застывшую кору. Откос представлял собой черную стену, под которой теснились кубы, купола и башенки рудника, казавшиеся игрушечными по сравнению с природным образованием; радиомачта на верху откоса выглядела приставшей к нему паутинкой.

Эта картина покосилась и, казалось, подпрыгнула, когда шлюпка пошла на снижение. Посадочные стойки коснулись грунта, и шлюпку, а заодно и команду, резко встряхнуло. Гул двигателя смолк, и на судне воцарилась гнетущая тишина.

Ее нарушила Сандра.

— Я пошла наружу, — сказала она, поднимаясь с кресла.

— Мадам, — возразил пилот, — здесь же пять с лишним g гравитации.

— Я довольно сильная.

— Мы... вы ведь знаете, сами же приказали. Мы просто заберем их прямо на борт и стартуем.

— Я не сомневаюсь, что даже с этим возникнут сложности, и хочу быть на месте лично, чтобы справиться с ними, а не вести переговоры по радио.

«Вряд ли я смогу сказать об этом вслух, — подумала она, — но я чувствую, что мне надо... испытать это, пусть и совсем недолго. Узнать, из-за чего было принесено столько жертв и вскоре, возможно, прольется море крови. Обитель Мрака должна стать реальностью для меня».

Ее сопровождали двое членов экипажа; они с особым тщанием проверили скафандр Сандры и стали слева и справа от нее, когда она протиснулась в люк и шагнула вперед. И слава Богу! Покинув гравитационное поле шлюпки, Сандра попала в объятия такой мощной силы тяжести, что наверняка рухнула бы и переломала себе все кости, если бы мужчины вовремя не поддерживали ее. Все трое поспешно включили пропеллеры; прикрепленный к ним каркас давал опору и позволял с горем пополам перемещаться по металлической поверхности. Люди с усилием вдыхали и выдыхали воздух, потому что ребра их стали тяжелые как свинец. Веки и глазные яблоки тоже отяжелели, и зрение утратило четкость, перед глазами заплесали пятна. Невидимой и неосязаемой радиации было достаточно, чтобы убить их за несколько недель.

«А рабочие приезжают сюда на восемнадцать лет, — вспомнила Сандра. — Способна ли я на такую любовь к своим согражданам?»

Они выходили из купола. Несмотря на скафандры разной формы, Сандра узнавала представителей многих рас — либо потому, что уже встречала прежде, либо потому, что видела изображения в книгах или на фотографиях. Вел их, конечно же, одинит Нади. Рядом с ним шли два икрананкца, напоминающие обликом воронов, четверорукий косматый обитатель Горзуны, похожий на льва уроженец Айвенго, отдаленно смахивающий на динозавра посланец Ванессы, двое цинтиан (из более отсталых сообществ своей планеты, нежели то, которое уже начало осваивать космос и не выказало желания помочь в развитии другим) и четыре человека (с планет-колоний, жизнь на которых можно было бы значительно облегчить путем соответствующих финансовых вливаний, однако капиталы Технической цивилизации были вложены в более заманчивые проекты). Здесь, среди пустыни, эти существа казались гротескными символами жизни. Быть может, Вигеланн* даже создал бы их скульптурный портрет.

Неудивительно, что их так мало. В здешних условиях тепловые могли работать лишь очень недолго и были вынуждены проводить почти все время в помещении. Существа из плоти и крови занимались здесь в основном ремонтом, связью и решением необычных задач. В основном же Обитель Мрака была обителью машин. Машины вели поиск и добычу, машины перевозили руду, обогащали ее, грузили, выполняли самую тяжелую работу, а заодно и почти всю квалифицированную. Некоторые механизмы трудились в рабстве у других машин, оснащенных самопрограммирующими компьютерами, а главный компьютер базы работал на уровне сознания. Все это было чудом технической изобретательности, но в еще большей степени, по мнению Сандры, — примером *sisu*, *esprit***, упорства и самоотверженности.

С трудом передвигая ноги, вперед выступил один из людей. Лицо за витриловым забралом шлема было усталым и изможденным.

— Миледи с Гермеса? — начал он по-английски, но с сильным акцентом. — Я — Генри Киттредж с Виксена, начальник этой смены.

— Рада... вас... видеть... — задыхаясь, ответила Сандра.

— Уж и не знаю, госпожа, — с тусклой улыбкой проговорил бригадир. — Обстоятельства не очень радостные, не так ли? Но... э... я хочу сказать, что мы безмерно признательны вам. Мы уже работаем сверхурочно, нас должны были сменить много дней тому назад. Если бы пришлось остаться дольше и работать в обычном режиме, мы бы схватили опасные дозы. И вскоре умерли.

* Вигеланн Густав (1869—1943) — норвежский скульптор.

** Дух (фр.).

— Разве вы не могли оставаться в помещении?
— Вероятно, земляне разрешили бы нам, но бабуриты вряд ли позволят. Какое им до нас дело? И они наверняка захотят, чтобы мы показали им, как работает прииск.

Сандра кивнула, хотя ей пришлось приложить усилие, чтобы снова поднять голову.

— Вы много лет накапливали опыт, иногда даже ценой жизни, верно? — сказала она. — Со стратегической точки зрения это — достаточно веская причина, чтобы эвакуировать вас, поскольку без вашей помощи любым существам придется изрядно раскошелиться и потратить очень много времени, прежде чем они смогут возобновить добычу. Вы и ваши коллеги — неважно, откуда они родом, — можете стать весьма ценным предметом торгов.

— Да, мы уже обсуждали это между собой. Послушайте, — в усталом голосе вдруг зазвучали нотки возбуждения, — давайте заберем с собой хоть часть самого необходимого оборудования. А если вы не хотите ждать так долго, давайте его уничтожим. Ну как?

Сандра заколебалась. Она не задумывалась о такой возможности и теперь оказалась не готова принять решение. Осмелится ли она провести здесь несколько лишних часов?

Да, осмелится. Похоже, битва армад кончится еще не скоро.

— Мы вывезем оборудование, — сказала она и спросила себя: что это, мудрость или просто злость?

Глава 8

— Мы опоздали.

Казалось, слова на миг повисли в тишине мостика, наполненной легким урчанием машины. Их мог произнести любой — и Эдзел, и Чи Лан, и Дэвид Фолкейн, потому что все трое чувствовали боль и ярость. Они пустыми глазами смотрели во тьму, где сияли безучастные, отрешенные звезды. Там полыхало зарево — далекое и совсем маленькое, но яркое и страшное.

Еще искорка, еще. Вокруг Обитатели Мрака рвались ядерные боеголовки.

Чи потянулась к гиперволновому приемнику. Она вертела ручки настройки, и в зависимости от диапазона динамик то гудел, то трещал, то булькал, то кудахтал: это были шифрованные сообщения, передаваемые с корабля на корабль на расстояния в несколько световых часов. Передовые подразделения флотов вступили в бой и перешли в нормальное пространство; теперь они двигались с истинными скоростями, измеряемыми в километрах в секунду, и истинными ускорениями, равными нескольким g. Корабли норовили достать друг друга ракетами, энергетическими лучами, снарядами, шлюпками класса «метеор».

Эдзел изучил показания приборов, тихонько посоветовался с Пнем и объявил:

— Бой не мог начаться очень давно. Иначе мы увидели бы гораздо больше взрывов, более сложные нейтринные шлейфы, оставляемые двигателями. Нам не удалось добраться вовремя, мы опоздали на издевательски короткое время.

— Не знаю, так ли уж им помогло бы наше предупреждение, — со вздохом ответил Фолкейн. — Судя по этим данным, — он широким жестом обвел циферблаты, — первым прибыл флот Содружества; он бросил вызов бабуритам, надеясь, что они пойдут на попятный, а когда оказалось, что не тут-то было, вступил в бой с единственной целью: выжить.

— Но почему он попросту не обратился в бегство?

Фолкейн пожал плечами, словно ему было противно отвечать вслух.

— Конечно же, из-за приказа. Причинить максимально возможный ущерб, если разразится сражение. Эти приказы отдают политики, которые сидят дома в полной безопасности и считают, что военная теория и практика являют собой науку, недостойную цивилизованных людей.

«Бой может длиться несколько суток, прежде чем адмирал Содружества примет решение отступить, — подумал он. — Корабли станут ускоряться, замедлять ход, налетают по кругу миллионы километров, отыскивая противника, сближаясь с ним, изрыгая огонь в оргазме насилия и снова расходясь с огромными скоростями, чтобы развернуться и опять броситься навстречу, возможно, уже новому врагу».

— Конечно, мы должны были попытаться, — глухим голосом продолжал он. — Но сейчас надо решить, как быть дальше.

Они ломали головы, выдумывая планы и отвергая их один за другим, а «Через пень-колоду» тем временем неслись от Бабура к Обителю Мрака.

— Не стоит вступать в контакт, — сказал Эдзел.

Они могли бы встретиться с каким-нибудь кораблем из Солнечной системы и через него связаться с адмиралом, но им нечего было теперь ему предложить, а между тем такой контакт сулил немалую опасность.

— Болтаться поблизости и выжидать? — спросила Чи.

Это означало ждать, приглушив силовую установку до такого режима, когда ее работу уже почти невозможно обнаружить, и болтаться на краю театра военных действий до тех пор, пока не станет ясно, что произошло. Но ведь те, кто выживет, все равно привезут эти сведения на Землю.

Но теперь нельзя было наверняка знать, что правительство Содружества будет откровенным со своим народом, как прежде. А ван Рийну нужен полный отчет.

Неизвестно даже, получит ли он депешу, которую они отправили ему с курьерской торпедой сразу же после побега. Когда

эта штукавина войдет в Солнечную систему и передаст сигнал, космическая служба, которая заберет торпеду, может и не переслать заложенную в нее записку. Фолкейн сомневался, что шифр будет разгадан достаточно быстро, но от этого не легче: все равно ван Рийн останется в неведении.

Значит, прежде всего надо руководствоваться соображениями безопасности команды, не говоря уже о Койе, Хуаните и еще не родившемся малыше. Но тем не менее здесь уже погибли и продолжали гибнуть живые существа; они получали раны и увечья, подвергались смертельной опасности. И этот ужас продлится еще долго. А посему отсиживаться в бездне и удирать домой было неприлично.

А еще...

— Пока нам вообще-то не очень везло, верно? — пробормотал Фолкейн. — Угодили в плен, смылись, из-за нас убили человека.

— Не считай себя виноватым в этом, Дэви, — посоветовал Эдзел. — Да, это была трагедия, но Уайлер сотрудничал с врагом.

— Но это так бессмысленно! — костяшки пальцев Дэвида побелели.

— Вам следовало бы совладать со своей совестью, — сказала Чи. — Слишком она вас терзает. — В ней проснулись хищные инстинкты, Чи прыгнула на консоль и остановилась — белая фигура на фоне черного неба, звезд и далеких взрывов, там, где погибали корабли. — Мы можем заняться активным, а не пассивным сбором разведанных, — с жаром заявила Чи. — Чего мы ждем? Летим к Обителю Мрака.

— Есть ли смысл высаживаться там? — возразил Эдзел. Они уже обсуждали спасение служащих «Сверхметаллов», попавших в плен к планете, но все равно им удалось бы взять на борт только двух-трех существ, чтобы не перегрузить систему жизнеобеспечения.

— Вероятно, нет, — ответила Чи. — Однако мы попадем в гущу боя, если возьмем курс туда. А там уж кто знает, что из этого выйдет. Поехали!

На подходе к планете они получили сообщение, переданное по лазерному лучу. Следовательно, оно предназначалось только им. Стало быть, их обнаружили. Сообщение было закодировано шифром Содружества. Фолкейн понял это, сравнив разные полученные сигналы. Прочсть его Фолкейн не смог, но смысл был ясен: назовитесь, иначе подвергнетесь нападению.

Пень принялся выдавать анализ данных. Встречный корабль скорее всего был броненосцем класса «континент». Его координаты, скорость и ускорение поддавались более точному определению. На своем теперешнем курсе корабль не мог приблизиться на

расстояние, позволяющее разглядеть его невооруженным глазом, пусть даже как черную полоску не толще бритвы на фоне Млечного Пути. Но его дальнобойные снаряды и ракеты вполне могли достать «Через пень-колоду». К тому же мертвое солнце было слишком близко, и ни один из кораблей не мог перейти на гиперпространственную тягу.

— Уходим, — приказал Фолкейн и послал в ответ устное сообщение на английском: «Мы не враги. Нас случайно занесло сюда с Земли».

Минуту спустя Пень доложил, что в них пустили ракету. Фолкейн не удивился: люди в этом корабле, должно быть, ошалели от усталости и подавляемого ужаса; нервное напряжение превратило их в машины, выполняющие свои обязанности, и если он, Фолкейн, не ответит им кодовым сигналом, стало быть, он — бабурит, который норовит нанести удар.

На таком расстоянии луч успеет рассеяться и не сможет причинить вреда. Маленький корабль, на каком летел Фолкейн, был не в состоянии нести на борту достаточно мощный генератор силового поля, способный отразить скоростную боеголовку. И этот корабль, даже при небольшой массе, не сумеет удрать от смертоносной торпеды, наводящейся на выхлоп от дюз.

Но «Через пень-колоду» имел мощность, которой хватило бы на два таких корабля, и он не должен был тратить ни капли этой мощности на энергетические экраны. Небосвод неистово завертелся перед глазами Фолкейна — это компьютер послал корабль по дуге. Двигатель обычного судна не выдержал бы такой нагрузки. Увернувшись от торпеды, «Через пень-колоду» открыл по ней стрельбу. Торпеды развалились, превратившись в ливень огня и раскаленных обломков стали. Корабль снова развернулся и лег на прежний курс, а крейсер землян пошел прочь, не пытаясь атаковать еще раз.

На миг перед глазами Фолкейна возник образ: человек на борту броненосца. Он родом... возможно, из Японии, и в нем всегда жива память об этих прекрасных островах, о древних изогнутых кровлях, цветущих вишнях у подножия чистых склонов Фудзи, о садике, где жили садовник и бонсаи*, всю жизнь любившие друг друга, о холодном звоне вечерних колоколов, под который он брел по улице бок о бок с девушкой. А сегодня он сидит как привязанный перед дурацкими мордами приборов, и в костях его отдается рев двигателей. Язык распух от жажды, от волнения человек весь покрылся потом, одежда воняет, соль щиплет глаза, горькой коркой лежит на губах. Проходят томительные часы, а он ждет, ждет, пока дом не превращается в полузабытый, лихорадочный сон; потом раздается тревожный гудок, существа, которых он никогда не видел даже в кошмарах, появляются где-то далеко за переборками (во всяком случае,

* Бонсаи — особым образом выращенное в горшке миниатюрное дерево.

так говорят приборы), и человек выполняет приказ рассчитать траекторию торпеды, поставить ее на боевой взвод и снова ждет, чтобы узнать, стал ли он убийцей или, наоборот, ему суждено быть убитым. И мечтает, чтобы гибель его была быстрой и безболезненной, чтобы не трещала рвущаяся кожа и не плавились глазные яблоки. А может, на миг и в его голове промелькнет мысль о том, вспоминают ли свою прекрасную родину эти чудовища, в которых он только что выстрелил.

Интересно, где родился Шелдон Уайлер?

Фолкейн взял микрофон внутренней связи и произнес:

— Кажется, на этот раз пронесло.

Любую команду происшествие вынудило бы спешно искать укрытие. А вот Чи оно навело на одну мысль. Эдзел выслушал ее, задумался и решил, что возможный выигрыш оправдывает риск. Фолкейн малость поспорил, но потом сдался; юноша, которого он считал оставшимся в далеком прошлом, взял в нем верх над мужем Койи.

Не то чтобы у них был шанс совершить молниеносный бесшабашный подвиг. Время уходило, корабль осторожно продвигался вперед, напрягая все свои детекторы. Пень просеивал и отбрасывал данные. Фолкейн пытался трубкой до тех пор, пока обожженный язык не перестал ощущать вкуса пищи, которую он заставил себя проглотить. Чи лепила фигурку из глины — так яростно, словно этот материал был ее злейшим врагом. Эдзел медитировал и спал.

Бесконечность наконец кончилась.

— Корабль Солнечной системы уничтожил корабль бабуристов, — объявил компьютер и выдал координаты.

Задремавший в кресле Фолкейн вздрогнул.

— Ты уверен? — спросил он, вскакивая на ноги.

— После характерной для взрыва вспышки один из двух источников нейтринного излучения перестал действовать. Второй источник удаляется и при любом доступном ему ускорении не сможет вернуться к месту боя раньше, чем через стандартные сутки.

— Да и вряд ли у него возникнет такое желание...

— Мы сумеем подойти к уничтоженному кораблю через три и семь десятых часа, плюс-минус примерно сорок минут по нашим расчетам.

Фолкейна охватило возбуждение.

— И, надо полагать, пятьдесят шансов из ста — за то, что корабль будет с Бабура?

— Нет, это известно наверняка. Я провел статистическое исследование состава излучения термоядерных реакторов обеих армад. У выведенного из строя корабля спектр строго бабуритский.

Фолкейн кивнул. Двигатели, принцип действия которых основан на слиянии ядер, предназначенные для работы в усло-

виях планет с массой, близкой к юпитерианской, отличаются по спектру излучения от двигателей, взятых на вооружение существами, дышащими кислородом. Фолкейн это знал, но не думал, что удастся собрать достаточное для точного математического расчета количество данных.

— Браво, Пень, — сказал он. — Ты не перестаешь удивлять меня своей инициативностью.

— А еще я изобрел три новых карточных игры, — сообщил Фолкейну компьютер.

Неужели с надеждой в голосе?

— Забудь о них! — прошипела Чи. — Бери курс на эти хорошенькие обломочки.

Вибрация двигателя усилилась.

— Когда мы впервые попали в этот уголок космоса, наше путешествие было более веселым, — задумчиво произнес Эдзел. — Но ведь восемнадцать земных лет тому назад и мы были моложе.

Неужели Эдзел щадил их чувства? Такой срок при средней продолжительности жизни на его планете значил для него гораздо меньше, чем для обитателей Земли или Цинтии.

— Мы были полны гордости, — ответил Фолкейн. — Это было наше открытие, и оно могло дать десятку рас тот шанс, в котором они так отчаянно нуждались. А теперь... — Его голос замер.

Эдзел положил руку ему на плечо. Фолкейну пришлось напрячься, когда ее вес прибавился к силе тяжести.

— Не считай себя виноватым в том, что из-за планеты идет война, Дэви, — с жаром проговорил одинит. — Наше открытие принесло пользу. А возможно, и опять принесет.

— Мы же понимали, что долго хранить тайну невозможно, — добавила Чи. — Лишь по чистой случайности первым, кто повторил наши логические выкладки, был старина Ник, и нам удалось уговорить его не распространяться. Но рано или поздно наверняка должна была начаться какая-нибудь заваруха.

— Конечно, конечно, — ответил Фолкейн. — Но война! Я-то думал, цивилизация уже переросла это.

— Шенны не переросли, и бабуриты тоже, — сердито сказала Чи. — Ты не должен винить Техническое общество, если у чужаков дурные манеры. Это чувство симметрии порочности, присущее вашему виду, — весьма странная штука.

— Почему-то я не вижу здесь параллелей, — возразил Фолкейн. — Проклятье, когда шенны плели заговоры и нападали на нас, ими руководил какой-то извращенный здравый смысл. Но бабуриты? Зачем они так вооружились? Они же не предвидели, что придется биться за Обитель Мрака. Да и зачем им вообще воевать? Если они смогли купить инструменты и технологии, необходимые для строительства такого флота, то могли бы за ничтожную толику этих денег приобрести все

сверхметаллы. Меня не оставляет чувство, что мы, Техническая культура, как-то повинны в этом.

— Уайлер мог бы малость просветить нас, останься он в живых. Перестал бы ты так убиваться по нему, Дэви. Он не был хорошим человеком.

— А кто в наши дни может позволить себе быть хорошим? Ладно, к черту! — Фолкейн упал в кресло.

— Согласна. К черту, и побыстрее! Что до меня, то я намерена опять заняться лепкой, — сказала Чи и покинула мостик.

— Пожалуй, уж я-то могу поиграть с тобой в карты, Пень, если ты хочешь отвлечься, — предложил Эдзел. — Все равно до прибытия на место нам нечего делать.

«Разве что сидеть и надеяться, что на нас не свалится какая-нибудь задачка, которая окажется нам не по силам», — подумал Фолкейн.

«Страх и трепет надежды, безмолвие и предвидение; смерть костлява, время сумрачно...»

Облачившись в скафандр, он включил ракетный ранец на самую малую мощность и преодолел сотню метров вакуума, отделявшего его корабль от разбитого звездолета.

Его окружали звезды и окутывало безмолвие. Здесь не видно было никаких следов боя; боль и страдание растворились в глубинах космоса, осталась только эта искореженная грудa, маячившая впереди и окруженная металлическими обломками. Дэвид боялся даже подумать о том, сколько жизней было загублено здесь (бабурицы наверняка радовались своему солнцу не меньше, чем он земному), и предпочел равнодушно сосредоточить свое внимание на стоявшей перед ним задаче.

Размеры корабля более-менее соответствовали габаритам крейсера. Ракета преодолела защиту и врезалась в борт. Поскольку вокруг корабля не было воздуха, мощности взрыва не хватило, чтобы превратить его в грудy обломков. Те, кто выжил (если таковые вообще были), нашли спасательную шлюпку, помещавшуюся в отсеке, который автоматически отстыковывался в случае столкновения или удара, и спаслись бегством. Самый большой из уцелевших обломков корпуса превосходил размерами «Через пень-колоду» и, должно быть, был щедро оснащен всевозможной аппаратурой, которую еще можно было осмотреть, поскольку она вряд ли получила слишком уж большие повреждения. Счетчик на запястье подсказал Дэвиду, что уровень радиации не превышает допустимый.

Он услышал и почувствовал глухие удары, едва его подошвы коснулись настила и прочно закрепились на плитах. Чи парила неподалеку, а чуть дальше на фоне неба виднелся громадный силуэт Эдзела.

— Оставляйтесь снаружи, а я пойду осмотрюсь, — велел им Дэвид и тяжелой поступью двинулся дальше. Ощущение было немного сродни тому, какое испытываешь, когда идешь вниз головой, потому что Дэвид ничего не весил, а мертвый корабль медленно поворачивался вокруг продольной оси. Созвездия плавно скользили мимо, и казалось, будто рубки и орудийные башни окутаны мглой. Дэвид слышал свое громкое дыхание.

Добравшись до того места, в котором корпус разломился пополам, он осторожно протиснулся сквозь хитросплетение торчащих во все стороны искореженных железок. Между двумя заусенцами застряло мертвое тело. С минуту Фолкейн смотрел на него, подсвечивая себе фонариком. В безвоздушном пространстве луч не рассеивался, и тусклый свет окутывал фигуру, слишком чуждую, чтобы вызывать ужас, какой обычно чувствуешь, глядя на тела людей, погибших насильственной смертью: бабурит казался жалким, маленьким и хрупким.

«Я теряю время, которое у меня еще есть, но у него уже нет», — подумал Фолкейн и пошел дальше; преодолев край корпуса, он очутился в чреве вымершего корабля.

В свете звезд и фонарика виднелись какие-то сюрреалистически сложные формы, тонувшие во тьме. Дэвида охватило мрачное удовлетворение.

«Как нам повезло! — подумал он. — Похоже, тут главное машинное отделение. А значит, и приборы управления, если бабуриты строят свои корабли приблизительно так же, как мы».

Это могло оказаться осуществлением той надежды, которая подвигла Фолкейна и его спутников на эти поиски. Так мало было известно о существах, построивших эту захватническую армаду. Может быть, в их инженерных разработках есть нечто такое, что поможет понять их натуру?

Пришла ли такая же мысль в голову адмиралу флота Содружества? Приказал ли он провести операцию по осмотру обломков в разведывательных целях? Вероятно, нет. Слишком уж наседали на его эскадру. Кроме того, вся организация дела укazyвала на идиотизм высших чиновников правительства. Впрочем, давайте будем снисходительны и назовем это невежеством.

Кроме того, даже если допустить, что эти реликвии все-таки попадут на Землю, едва ли правительство покажет их ван Рийну. Фолкейном руководила не просто преданность своему покровителю. Он считал, что, кроме старика, в Солнечной системе не осталось больше ни одного грамотного мыслящего существа. Ван Рийн сумел бы извлечь выгоду даже из тех крох, которые любому другому показались бы бесполезными.

Фолкейн понимал, что по-настоящему серьезную работу здесь провести не удастся.

«У нас нет средств, — думал он. — К тому же застрять тут слишком долго было бы чертовски опасно. Но мы можем провести здесь несколько часов и посмотреть, что к чему, а кое-что и забрать

для более глубокого исследования. Быть может, мы ненароком сделаем какое-нибудь полезное открытие. Быть может».

— Вперед! — приказал он себе и подобрался к одной из .озывшавшихся пред ним громадин.

Глава 9

Вечером накануне отъезда Байард Стори пригласил Никола-са ван Рийна на обед. Совет Лиги разъехался, так и не придя к согласию, и теперь делегатам предстояло в меру сил и возможностей заняться каждому своим делом.

Зал Сатурна в гостинице «Вселенная» был почти полон, хотя благодаря расположению столиков и полумраку у посетителей не возникало ощущения толпы. Наверное, теперь, когда повсюду настырно расползались слухи о войне, друзья и влюбленные старались воспользоваться любой возможностью развлечься, пока она была. А может быть, дело обстояло совсем иначе. Сол-нечная система не имела опыта непосредственного участия в вооруженных столкновениях, ничего подобного не происходило так долго, что теперь даже трудно было сказать, кто как себя поведет. Танцующие на пяточке льнули друг к другу. Неужели в музыке оркестра, составленного из живых музыкантов, и впрямь сквозили тоскливые нотки?

Над головой на фоне лилового небосклона нависали громад-ные полукружия колец, окрашенных в более изысканные цвета, чем радуга; сейчас в небе было четыре луны. Ткань неба раз-рывали метеориты, оставлявшие за собой искрящиеся изогну-тые шлейфы. Крошечное заходящее солнце, тусклое из-за плот-ной атмосферы, виднелось над бурыми и розоватыми облаками.

— Это место больше подходит для влюбленных, чем для двух усталых дельцов, — с легкой улыбкой заметил Стори.

— Любое совпадение наших точек зрения будет весьма ро-мантическим явлением, — проворчал ван Рийн, углубившийся в чтение меню. Свободной рукой он по очереди подносил ко рту то рюмку с водкой, то кружку пива. Стори потягивал шампан-ское с ромом. — Дайте-ка я рассмотрю... *dood en ondergang*...* Тут темно, как в мозгах у столоначальника. Начну, пожалуй, с дюжины устриц из Лимфьорда. Лимфьорд, запомните, официан-т. Охлажденные ножки краба и спаржа, и еще пятьдесят граммов страсбургского паштета. А пока я буду поглощать за-куску, принесите-ка мне хорошенькую порцию лукового супа по-анзийски. Не упустите шанс, Стори, в этом супе есть специи, которых мы можем больше никогда не попробовать, если слу-чится какая-нибудь глупость вроде войны. Так, теперь вино к супу... — Он еще несколько минут продолжал в том же духе.

* Что за погибель эти потемки (гол.).

— Э... ну а мне принесите обычный бифштекс средней поджаристости, — со смехом сказал Стори. — И... ну ладно, отдаю лукового супа, коль уж мне советуют.

— Вам надо бы обращать побольше внимания на то, что вы едите, мальчик, — бросил ван Рийн.

Стори пожал плечами:

— Я не возвожу свой желудок в ранг божества.

— Думаете, я это делаю, ха? Нет, проклятье, я заставляю желудок работать на меня, и он вкалывает, как раб. Язык и нёбо — вот о чем я забочусь. И что в этом плохого? Кому это приносит вред? Самым первым чудом Господа нашего было превращение воды в вино, да еще какого урожая! — ван Рийн покачал головой, и кудряшки зашелестели о парчу костюма. — Смутьяны все как один недовольны доброй пищей, выпивкой, музыкой, женщинами и доходами, этими дарами Божьими. Нет, они ввергают мир в разорение, потому что сами хотят поиграть в Бога, стать на место Спасителя и вообще валять дурака.

Стори посерьезнел.

— А вы уверены, что сами не фарисействуете? То, что вы отстаивали на Совете, почти наверняка ввергло бы Лигу в войну.

Ван Рийн угрюмо насупил брови, похожие на живую изгородь.

— Не думаю. Лига и Содружество вместе Бабуру не по зубам. Бабуристы пошли бы на попятный.

— Возможно, если бы Содружество согласилось отдать Обитель Мрака под власть Лиги. Но вы знаете, что «Домашние Компании» ничем не пошли бы на это. Власть или опекунство Содружества означают, что именно они распоряжались бы сверхметаллами. И получили бы возможность вести операции в космосе с таким размахом, что могли бы угрожать «Семерке» и независимым торговцам, а то и вовсе прижать их к стенке.

— И вы лишили нас возможности действовать, вы со своей «Семеркой», чума на нее. Теперь объединенная Лига ничего не предпримет, как если бы ее и вовсе не существовало.

— Вы хотите сказать, что Лига останется нейтральной. Вам и впрямь нужно, чтобы в ней шли открытые нескончаемые раздоры? Ведь при более-менее добрых отношениях между «Семеркой» и Бабуром Лига как целое сохранит за собой право голоса в случае победы любой из сторон. Более того, вернувшись в свою штаб-квартиру, я попытаюсь выяснить, способна ли «Семерка» оказать помощь в улаживании разногласий, — Стори поднял палец. — Вот почему я хотел встретиться с вами сегодня вечером, мастер ван Рийн. Это последняя просьба. Если вы согласитесь сотрудничать с нами и попытаетесь сплотить вокруг себя независимых торговцев...

— Сотрудничать? — ван Рийн достал табакерку и поднес к носу понюшку табаку. — Чем же это кончится? Исполнением всех ваших повелений? Хррррыххх! Ап-чхи!

— Ну разумеется, мы должны будем выработать определенную стратегию. Она включит в себя гласное или негласное эмбарго на торговлю с любой из сторон. Мы можем использовать в качестве предлога риск, это позволит нам обставить дело дипломатично. Очень скоро обе стороны почувствуют нехватку материалов, в том числе военных, и с большой охотой вникнут в доводы Лиги.

— Только не Лиги, — ответил ван Рийн. — Не всей Лиги. Каким боком сюда смогут затесаться «Домашние Компании»? Они и правительство Содружества — что орел и решка фальшивой монеты, черт побери. И такое положение сохраняется и укрепляется уже... сколько? Да, пожалуй, что со времен Совета на Гайавате.

— Я повторяю лишь то, что уже не раз говорил прежде, — стоял на своем Стори. — Просто у меня есть... Не буду называть это способом заставить вас взглянуть на вещи разумно. Давайте выразимся так: я считаю своим долгом до последней минуты не оставлять попыток убедить вас.

— Но слушать вас — вовсе не мой долг. Уж сколько раз я вам говорил: если независимые торговцы примкнут к «Семерке» или «Домашним Компаниям», Лиге конец, поскольку вольные торговцы — последние носители ее духа, — ван Рийн откинулся на спинку кресла, поднес стакан к губам и поднял глаза к огромной живой картине над головой. Там уже настала ночь, спутники были обрамлены холодными коронами, а тень Сатурна начала наползать на кольца. Ни единой звезды в небе. Ван Рийн вздохнул. — Мы опоздали родиться на свет. Кабы я был на Совете Гайаваты, уж я бы их предостерег!

— Они вынесли вполне логичное решение, — ответил Стори.

Ван Рийн кивнул:

— Да. Это нас всех и погубит.

В том, что собрание состоялось именно там, а не в каком-либо ином месте, заключалась определенная ирония, но историки еще не скоро осознают и оценят ее. Если выбор места и диктовался какой-либо символикой, то лишь самой оптимистической. Так казалось тогда. Ведь колонии О'Нейла стали не просто первым космическим обиталищем человечества — в них расцвели совершенно новые отрасли промышленности, и это сыграло важнейшую роль в возрождении свободного предпринимательства. Ну а уж оно решительно изменило не только экономику, но и сам образ мысли, да так, что прежде разрозненные земные общества слились воедино, и все это в совокупности привело к возникновению новой цивилизации — Технической. После изобретения гиперпространственного двигателя началась стремительная экспансия человечества за пределы Солнечной системы, и маленькие рукотворные планеты пришли в запустение. Тем

не менее они продолжали исправно двигаться по орбите в своих точках Лагранжа*, следуя по тому же пути, что и Луна, но с шестидесятиградусным опережением или отставанием. И люди не сразу покинули их. Например, Гайавата и ее сестра Миннеаха все еще давали приют значительному числу работающих людей даже в те времена, когда Торгово-техническая Лига собралась на самую судьбоносную из своих сессий.

Стоявшая перед участниками задача была очень сложна, и большинство правительств, естественно, было настроено самым задиристым образом. Хотя по конституции Лига представляла собой лишь ассоциацию взаимопомощи, она превосходила силой любое отдельно взятое государство. Лига и утешала, и унижала правительства, не давая им участвовать в принятии решений, которые в значительной степени влияли на местную торговлю. То ее твердая валюта вытесняла их пустые деньги, то она тайком срывала или открыто презирала все их попытки навести порядок. И дело было не только в чиновничьем властолюбии. Многие претензии и впрямь были справедливы. Ни одна система, созданная смертными, не являет собой образчик совершенства: все они ломают судьбы, одни — в большей степени, другие — в меньшей. Парень или девушка из бедной семьи, равно как и не-человек, могли достичь уровня жизни, достойного богов, и управлять силами, которые творцы мифов даже и представить себе были не в состоянии. Наделенные хваткой обыватели из низших сословий тоже вполне могли прекрасно обеспечить себя. Но, как водится, были и простофили, и неудачники. В большинстве своем они не очень огорчались, становясь илотами, хотя некоторые и превращались в желчных злословов. Гораздо важнее было то, что изрядное число людей никогда и не хотело обрести подлинную свободу. Большинство этих людей желало безопасности, которую сулили им политики. Более деятельное меньшинство так и подмывало сплотиться под какими-нибудь зажигательными лозунгами, и этому меньшинству казалось, что все остальные жаждут того же.

У Лиги были свои трудности. Широкий размах и разнообразие деятельности, захлестывающий с головой поток информации — все это осложняло руководство крупнейшими компаниями. Система свободных контрактов все чаще страдала от злоупотреблений, как, к примеру, произошло, когда в обиход ввели договоры с печатями. Оголтелая эксплуатация народов и природных ресурсов переходила всякие границы. Отсталым расам за просто навязывали современные технологии, это делалось бездумно и безответственно, ради быстрого обогащения, и никого

* Точки Лагранжа — точки на орбите, находясь в которых небесное тело образует равносторонний треугольник с Солнцем и планетой (или планетой и спутником).

не заботил вопрос о том, стоило ли позволять таким культурам свободно владеть космическими кораблями и ядерным оружием.

Наконец был избран парламент Содружества, который клятвенно обещал провести всеобъемлющие и коренные преобразования. Под юрисдикцию парламента попал самый крупный рынок Лиги и источники рабочей силы. За «тысячу дней» он принял на удивление много новых радикальных законов и, что гораздо важнее, начал проводить их в жизнь наряду с большинством уже существовавших.

Поэтому Торгово-техническая Лига созвала на Гайавате большой Совет, чтобы обсудить, как быть дальше.

Совет принял несколько резолюций, положивших начало более гуманной и дальновидной политике. Но, сам того не ведая, потерпел неудачу в вопросе об общих для всего Содружества мерах. К их числу относились полномочия банков, проценты на капитал, подоходные налоги, антитрестовские законы, обязательный арбитраж при возникновении споров определенного рода, государственные займы убыточным предприятиям, вливания в отрасли, переживающие кризис, квоты на производство и многое другое.

Несколько горячих голов из числа делегатов ратовали за решение разногласий силой оружия, но их заставили замолчать. Если отдельные члены Лиги иногда свергали неугодные правительства, то вся Лига в целом и правительства-то не имела. И надо было решать, то ли бойкотировать Содружество до тех пор, пока не будет избран новый законодательный орган, то ли уйти на вторые роли в Солнечной системе.

Верх взяли приверженцы смирения. Бойкот обошелся бы неслыханно дорого, напроць разорил членов, не имеющих страховок, и нанес серьезный ущерб всем остальным. Кроме того, он был бы чреват созданием неприглядного образа алчного хищника, выступающего против сердобольного государства. Напрасно некоторые ораторы настойчиво убеждали остальных, что по большому счету лучше твердо придерживаться принципов, а принципом, благодаря которому Лига обрела свое исключительное значение и право на существование, была свобода. Противники утверждали, что-де свобода предполагает многочисленные компромиссы, а если выражаться не столь возвышенным языком, то требует здравого смысла. Законы не так уж и плохи, с точки зрения выгоды в них есть немало привлекательного. Да и вообще, оставшись на сцене, компании Лиги смогут сохранить влияние и добиваться усовершенствования законов.

Оказалось, что так оно и есть. Управлявшие отраслями производства комиссии вскоре превратились в ставленниц этих отраслей и поначалу мешали новым конкурентам, а впоследствии принялись попросту душить их. Этому немало способствовала

налоговая политика, возлагавшая самое тяжкое бремя на низшие классы. Вскоре крупнейшие банки уже не просто хранили деньги, но воспроизводили их инфляционным путем. Ворочавшие огромными фондами профсоюзные деятели очень хорошо вписались в систему: не вступишь в профсоюз, не получишь работу, а директора и профсоюзы договариваются между собой об условиях твоего труда. Антитрестовские мероприятия вредили толковым руководителям к вящему удовольствию менее предпримчивых. Той же цели служили квоты, тарифы, ограничения зарплат и цен, льготная контрактная политика. Целый ряд бесполезных, но самовоспроизводящихся социальных программ помогал получить голоса, необходимые для поддержания корпоративного государства.

Ибо именно таким государством стало Содружество. Магнаты «Домашних Компаний» уже не отмежевывались от политиков и чиновничества и получили право участвовать в принятии решений, никак не связанных ни с финансами, ни с техникой. Их естественные союзники заправляли всеми сторонами жизни общества — культурой, геополитикой, подготовкой специалистов, что позволило поставить это под неусыпный контроль правительства.

А компании, которым не удалось с самого начала занять прочное положение в Содружестве, вскоре почувствовали, что их вытесняют. Разумеется, они направили свои усилия на создание рынков за пределами Содружества. С их легкой руки несколько планетарных поселений заявили о своей независимости. Со временем компании прибрали к рукам политику некоторых из этих планет. Пошли в ход соглашения о сотрудничестве, ограничивающие внутреннюю конкуренцию, но не распространявшиеся на всю остальную Лигу. Так мало-помалу на свет появилась «Космическая Семерка».

Компании помельче боялись, что их проглотят, а оттого не примыкали ни к одной из враждующих сторон и не создавали никаких организаций. Это и были независимые торговцы.

Разумеется, такое положение создалось не сразу после Совета на Гайавате. Напротив, тогда казалось, что наступили времена невиданного доселе расцвета капитализма. Это была самая вольная, самая блистательная пора, какую когда-либо переживала Техническая цивилизация. Лекарства, которыми лечили политику, мало-помалу всасывались в кровь, а побочное их действие было совершенно незаметно. На границах звездного мира открытие следовало за открытием, триумф за триумфом; каждый год поступали сообщения о победе над очередным врагом, о найденном сокровище. Людям приходилось бороться, не жалея сил, но зато они были полны надежд. Древо цело, и крона его никогда не оголялась, хотя корни уже подтачивал червь. В прошлом такое

часто случалось и на Земле — во времена Чуньцю*, в эпохи Делийского султаната** и Возрождения.

Но вот прошло столетие...

— Оставьте в покое историю, — сказал Стори. — Мы живем в век нынешний. Вы присоединитесь к «Семерке», чтобы попытаться добиться мира?

— Присоединиться? — переспросил ван Рийн, дергая свою козлиную бородку. — Вы хотите сказать, что я буду выполнять все распоряжения, не задавая никаких неудобных вопросов?

— Разумеется, мы приложим все усилия, чтобы создать свой Совет, но средства связи работают так медленно, а кризисы назревают молниеносно, поэтому нам понадобится четкая и ясная структура командования.

Ван Рийн покачал головой.

Стори рубанул рукой воздух.

— Нет, такие проволоочки с кормежкой не для моего аппетита.

— Стало быть, вы хотите отмежеваться от любого объединения миротворцев?

— Не уверен, что объединение будет, и уж тем более не знаю, под какую дудку оно станет плясать, если все же возникнет. О, вот и мои закуски. Вы удивитесь, сударь, когда увидите, сколько я способен проглотить один, без посторонней помощи.

Глава 10

Сандра Тамарин-Асмундсен охотилась в Аркадианских горах, когда ей сообщили новость. Она чувствовала себя виноватой, потому что покинула Звездопад во время кризиса (не только внешнего, но и внутреннего, поскольку сословие траверов совсем разбушевалось), но ей хотелось убежать хоть ненадолго. Отдых был сродни глотку ключевой воды, смочившей пересохшее горло.

Собаки взяли след сианопса. Их лай эхом гулял под пологом леса, будто песнь дикарей под зеленой сенью собора. Сандра бежала на шум, раздвигая руками ветки и густые кусты, перепрыгивая через поваленные деревья; легкие вновь и вновь втягивали сладкий воздух, перед глазами мелькали высокие стволы и пышные ветви деревьев, мельтешили солнечные блики и сверкающие крылья нидифлекса. Тело ликовало. За Сандрой бежали человек пять мужчин из ее фамильного поместья на Ветре-

* Чуньцю — период истории Китая (722—481 гг. до н.э.), характеризовавшийся междоусобной борьбой между отдельными царствами.

** Делийский султанат (1206—1526) — государство в Индии, где господствующую верхушку составляла чужеземная мусульманская феодальная знать.

ном Кольце. Кроме охотников, в этих диких местах не было ни души.

Сандра взлетела по склону и очутилась на лугу, который тянулся над обрывом. Здесь, на открытом месте, среди маленьких белых цветов, сияние Майи почти слепило. Перед Сандрой простирались холмы и горы, они возносились к небу горделивыми кряжами, а вдали виднелся одинокий снежный пик Облачного Шлема, окутанный туманом. Собаки загнали сианопса на самый край. Это были стройные мускулистые твари с мощными челюстями и серовато-бурой шерстью. Породу вывели местные жители. Собаки были слишком умны, чтобы атаковать серый, как сталь, панцирь и вооруженные мощными когтями лапы. Но поскольку все же они могли скопом завалить этого крупного герпетоида, он предпочитал бежать от них своей тяжелой, неуклюжей рысью. Теперь сианопс стоял, готовый к бою, и издавал вызывающее шипение.

— Прекрасно! — радостно воскликнула Сандра. Она сняла с плеча винтовку и осторожно двинулась вперед. Чересчур поспешный выстрел мог убить собаку или привести зверя в бешенство. Убить сианопса наповал было непросто, требовалось всадить пулю точнехонько в один из его невинных испуганных синих глаз.

В этот миг зажужжал висевший на поясе Сандры телефон. Она замерла, слух ее разом перестал воспринимать и лай собак, и крики мужчин. Через ретранслирующий спутник телефон связывал Сандру только с Новой Крепостью. Он загудел снова. Отстегнув маленькую плоскую коробочку, Сандра поднесла ее к лицу.

— Да?

— Это Эндрю Брэйд, ваша милость, — послышался надтреснутый голос чиновника, которого она оставила за старшего на время своего отсутствия. — Мы получили вести от адмирала Майкла. — Майкл Фолкейн был заместителем командующего маленьким флотом Гермеса. — Они обнаружили довольно крупную эскадру, направляющуюся к нам на гиперпространственной тяге. Очевидно, она идет от Могула. Еще очень далеко, и связь возможна только посредством простейших кодовых сигналов. До сих пор пришельцы таких сигналов нам не посылали и не отвечали на наши.

Казалось, вместо охваченной ужасом женщины заговорила не ведавшая страха машина:

— Поднимите в космос все боевые корабли, которые еще не там, — велела Сандра. — Пусть доложат адмиралу, что готовы выполнить свои задачи. Всем полицейским силам и спасателям — тревога. Держите меня в курсе событий. Приблизительно... через девяносто минут я доберусь до своей машины, а еще через час прилечу к вам.

Не тратя времени на слова прощания, Сандра снова укрепила телефон на поясе и резко повернулась. Охотники стояли, сбившись в кучку, и в тревоге смотрели на нее. Словно почуяв что-то, притихли и собаки.

— Я должна немедленно вернуться домой, — сообщила Сандра. Она поднесла к губам фляжку, прополоскала рот и медленной трусцой побежала вниз, к лесу. Двое охотников замешкались, отзываясь всору. Сианопс смотрел им вслед, не понимая, почему ему посчастливилось остаться в живых.

Сандра летела на восток, держась реки Паломино, которая блестела, будто брошенный на равнину клинок сабли. Вокруг раскинулись сельскохозяйственные угодья имения Рюнеберг. В эту пору зелень пастбищ уже начинала тускнеть, но даже отсюда, с высоты, гулявшие на них стада являли собой величавое зрелище. Изобильные пшеничные поля перемежались рощами и фруктовыми садами. Виднелись красные черепичные крыши в обрамлении зеленых садов — это были родовые дома Последователей, отвечавших за те или иные производства. Вдали мелькнул особняк Рюнебергов. Сандра бывала там и помнила уютные комнаты, портреты предков, неукоснительное соблюдение традиций, детский смех, звучавший здесь как бы в знак того, что древность не в силах подавить фонтан новой жизни.

В который уже раз Сандра почувствовала мимолетную тоску. Если бы только она была отпрыском кланов, той тысячи семей, которые управляли имениями. Род ее был таким же древним, предки Сандры тоже принадлежали к числу первых переселенцев с Земли. Едва ли не по чистой случайности родоначальники Тамаринов не основали собственную корпорацию, чтобы закрепить за собой и освоить уголок этой планеты. Они предпочли заниматься главным образом наукой и техникой. В роду были советники, исследователи, учителя, люди свободных профессий.

«Слишком поздно что-то менять», — подумала Сандра. Когда писалась конституция независимого Гермеса, в ней было сказано, что высшие чиновники должны принадлежать к роду Тамаринов, но им не полагалось иметь вотчин. Слава и одиночество — вот их удел.

«Я могла бы взять самоотвод на выборах, — вспоминала Сандра. — Почему я не сделала этого? Гордыня. Да еще Пит, мой помощник, мой супруг. Ну а если бы его не было? Взяв самоотвод, я стала бы такой же, как любой другой Тамарин, которому недоступен пост Великого Герцога или Герцогини. Пришлось бы по мере возможности зарабатывать на жизнь, и стала бы я травером, только с именем и... и еще с правом голоса».

И, как бы в оправдание, она добавила про себя, будто обращалась к оппоненту из этого сословия на очередных открытых дебатах:

«А чем плох удел травера? Разве это слово не происходит от французского “гравайс”, “рабочий”? Разве не означает оно “потомок поздних поселенцев”, “наемный работник” или “неприсоединившийся делец”?»

Я могла бы стать членом какого-нибудь семейства из кланов, породнившись с ним через брак. И это было бы лучше всего».

Точно так же Сандра могла бы получить промежуточный титул Последователя, связав себя узами крови с семейством, владевшим долей заповедного имущества, которая давала право на партнерские отношения с хозяином угодий. Но ей было неловко делать реверансы перед высокопоставленными людьми, когда-то бывшими наперсниками ее детских игр.

А вот приобщившись к кланам (не обязательно к сонму сиятельных землевладельцев, скорее уж к промышленникам, ученым, деятелям культуры или служащим по связям с общественностью в какой-нибудь корпорации), она могла бы пустить на своей планете глубокие корни и наверняка обеспечить детям прочное положение.

На экране в машине возникло изображение Эрика.

— Матушка! — вскричал он. — Ты слыхала? Знаешь, что... Я сейчас... и... и...

— Не занимай линию, — перебила Сандра. — Брэйд может выйти на связь в любую минуту.

Эрик был обручен, и Сандра надеялась, что у нее будут внуки, поэтому она добавила:

— Ты бы лучше позаботился о Лорне и отвез ее в безопасное место. Ведь сам ты, осмелюсь предположить, захочешь остаться в Крепости.

— Да... я... я буду в Сапфировой Палате.

Изображение исчезло.

Машина неслась, с ревом рассекая воздух фонарем кабины. Сандра выпрямилась и поудобнее устроилась в кресле. Что проку жалеть? Она такая, какая есть. Да неужто она и впрямь сетует на это? Кому-то ведь надо держать бразды правления государством. А она, вероятно, справляется с этим лучше, чем кто-либо другой, хотя бы в силу одного лишь опыта.

«Держитесь, — мысленно обратилась Сандра к тем, кто ждал ее прибытия. — Я скоро».

На горизонте возник Звездопад, сперва черной полоской на фоне яркой глади Рассветной бухты, а потом, когда Сандра пошла на снижение, полоска превратилась в дома, улицы, парки, набережные, памятники столь любимой ею старины. Вон мэрия — исполненное достоинства здание из красного кирпича. Рядом — тонкий шпиль собора Святого Карла. А вот отель «Зевс», вознесшийся над бульваром Феникса. Цветы, будто

знамена, обрамляли изваяние Элвандера на Прибрежной Пустоши. На площади Конституции было полно машин, а в уличных кафе — битком народу. Сандра разглядела Сапожную улицу, на которой стояла таверна «Приют разведчиков». В юности она заходила туда выпить, поболтать, попеть песни, следуя примеру своих многочисленных предшественников... Впереди маячил холм Паломников. Над Сигнальной Станцией зависла полицейская летающая машина. Сандра передала свое имя световыми сигналами и направилась к герцогской посадочной площадке на крыше. Ей стало невыносимо больно при мысли о том, что город может в мгновение ока погибнуть в пламени ядерного взрыва.

Гербовый зал был просторен и строг; стены украшали лишь гербы и девизы кланов. Они были цветные, но вся эта пестрота очень скоро переставала восприниматься сознанием, потому что в совокупности гербы выглядели безлико. Зал располагался на верхнем этаже, и окна смотрели прямо в небо. Отсюда была видна длинная полоска заката, кусочек океана. Мимо окна пролетел орнитоид.

Но когда Сандра села за свой стол, зал показался ей маленьким, уютным, теплым, хотя дальний его конец был погружен во мрак.

Половину той дальней стены занимал трехмерный экран. От изображения, казалось, веяло холодом, пронизывавшим до самых костей. Бабуриг на экране не был ни карликом, ни какой-нибудь причудливой диковиной. Напротив, это было изображение ликующего гиганта. Кроме него в кадре виднелся уголок корабельного отсека. Корабль висел над городом на стационарной орбите и посылал вниз узкий луч. Приборы и обстановка отсека были слишком чужды и непонятны, и Сандра даже толком не разглядела их. Существо на экране окутывал красноватый сумрак, в котором мельтешили какие-то тусклые фигуры.

— Слушайте нас внимательно, — произнесло переговорное устройство. — Мы представляем Имперское Кольцо Сиземы и объединенную расу.

Война между Автархией Бабура и Солнечным Содружеством неизбежна. По нашим разведанным, Содружество попытается захватить систему Майи. Совершенно очевидно, что ваши ресурсы представляют огромную ценность для флота, воюющего вдали от своих баз. Тем более что Гермес — планета земного типа. Здесь нетрудно построить базы, производить ремонт и пополнять боезапас, вымывать из систем жизнеобеспечения кораблей накапливающиеся там токсичные вещества. Личный состав может отдыхать и лечиться здесь, а среди населения, вероятно, найдутся новобранцы для подкреплений. Имперское Кольцо не может этого допустить.

— Мы соблюдаем нейтралитет, — ответила Сандра, соединив ладони и плотно сжав их. Ладони были влажными от испарины, а пальцы словно заledenели.

— Мы не намерены уважать ваш нейтралитет, — заявил бабурит. — Имперскому Кольцу необходимо остановить Содружество и учредить свой протекторат. Слушайте нас внимательно. Подразделение флота, которое, как в должное время скажет вам адмирал, значительно превосходит силой весь ваш флот, сейчас заняло позиции на дальних подступах к системе Гермеса. Ему поставлена задача не пропустить сюда силы Содружества. Вы окажете содействие этому подразделению. Команды составлены в основном из существ, дышащих кислородом, и они будут базироваться на Гермесе. Мы ручаемся за их корректное поведение, но любое враждебное действие против них повлечет за собой суровое возмездие. Вы будете держать связь с ними, равно как и с командованием бабуритов, через нашего военного уполномоченного. Ведите себя должным образом, и вам не будет нужды чего-либо бояться. В системе Майи нет ни одной планеты, пригодной для устройства поселения бабуритов. Вы так не похожи на нас, что возникновение споров и трений крайне маловероятно. Вам бы следовало бояться империалистов из Содружества, от которых мы вас защитим.

Сандра приподнялась со стула.

— Но мы не нуждаемся в вашей защите, — сказала она и хотела добавить еще пару ласковых слов вроде «грязный червяк», но осеклась.

— Нужно, чтобы вы согласились, — ответил ей бесчувственный голос. — Если вы окажете сопротивление, Имперское Кольцо понесет потери, но вы лишитесь всех своих вооруженных сил. И тогда Гермес не будет иметь защиты от космической бомбежки. Подумайте о благе вашего народа.

Сандра снова села.

— Когда вы намерены прибыть? — шепотом спросила она.

— Мы отправимся в путь, как только закончится этот разговор.

— Нет, подождите. Вы не понимаете. Я не могу приказывать всей планете, я не облечена диктаторской властью...

— У вас будет время для убеждения. Корабли Имперского Кольца должны развернуться в порядок, коль скоро они не могут идти на гиперпространственной тяге во внутренних районах планетной системы. Вам дается время, за которое ваша планета совершает четыре оборота, потом ваш флот должен сдаться, а вы — принять первые оккупационные войска.

Засим последовало продолжение: горячие протесты и ледяное «вынь да положь», мольбы и отказы, бесконечный мелочный торг, гнев и отчаяние, наталкивавшиеся на непоколебимое спокойствие. Но на все это ушло гораздо меньше времени, чем если бы переговоры вели два человеческих существа. Бабурита

просто не интересовали такие вещи, как уважительные формулировки, стремление сохранить лицо, право выбора, взаимные уступки. Вероятно, все могло быть иначе, не будь между двумя расами такой непреодолимой пропасти. Сандре вспомнился сианопс на краю обрыва, собаки и охотники.

Когда экран наконец опустел, она ненадолго смежила веки, а потом созвала кабинет министров, чтобы показать видеозапись и, возможно, получить какой-нибудь совет.

Эрик Тамарин-Асмундсен мерил шагами гостиную в апартаментах матери. Сандра приглушила освещение и оставила открытой стеклянную дверь, выходящую на балкон. Стоял дивный вечер. В небе висели две почти полные луны, на лужайках и кронах деревьев блестела роса, холодный воздух был напоен благоуханием далецвета и наполнен трелями тилирры. За садовой оградой, в неярком зареве над городом виднелись несколько пирамидальных крыш. Фары пролетающих над головой машин сверкали, будто разноцветные светлячки.

Эрик вышагивал по ковру, сердито топая сапогами.

— Мы не можем просто сдаться, — в десятый раз пылко повторил он. — Иначе навеки угодим в рабство.

— Нам обещают самоуправление, — напомнила ему сидевшая в кресле Сандра.

— А чего стоит это обещание?

Сандра глубоко затянулась сигарой. Дым драл горло: последние несколько часов она слишком много курила.

— Не знаю, — бесцветным голосом проговорила она. — Но не представляю себе, с чего бы вдруг бабуритам интересоваться нашей внутренней политикой.

— И ты собираешься сидеть сложа руки, пока не выяснишь это?

— Мы небоеспособны. Майкл считает, что у противника подавляющее численное преимущество. Зачем же это бессмысленное убийство своих и чужих?

— Мы можем организовать партизанское движение.

— Партизанам придется заботиться только о том, как бы выжить самим.

Сейчас на Гермесе был только один континент, Великая Земля, такой огромный, что почти все его глубинные территории представляли собой пустыню, где летом стояла немилосердная жара, а зимой — стужа.

— Хуже того, они навлекут кару на всех остальных, — продолжала Сандра. — И им никогда не победить хорошо вооруженные войска на поверхности, не говоря уж о кораблях, пускающих ракеты с орбиты.

— О, конечно, в одиночку нам не освободиться, — Эрик рубанул рукой воздух. — Но разве ты не понимаешь? Если мы

ляжем им под ноги, если сами начнем топтать себя, позволив нашим заводам работать на них, объединив наш флот с их флотом, то почему Содружество должна волновать наша судьба? Оно может оставить нас под пятой Бабура, если это будет частью сделки. А вот став их союзниками, пусть и совсем незначительными...

Сандра кивнула:

— Поверь мне, я уже давно обсуждала это с членами Совета. Я не осмелюсь приказать Майклу увести наши корабли. Их перехватит эскадра бабуритов, и нашим придется прорываться с боем.

Эрик стал как вкопанный.

— Гермес не будет нести ответственности, если Майкл и его люди нарушат твой приказ, не так ли?

Несколько секунд Сандра смотрела ему в глаза.

— Между мной и адмиралом существует взаимопонимание, — сказала она наконец.

В сознании Эрика будто сверкнула вспышка.

— Что?

— Мы с ним не обменялись ни одной неосторожной фразой. Пожалуй, мне лучше больше ничего не говорить даже тебе.

— Ты тоже отправишься! — закричал Эрик. — Правительство в изгнании, о Святая Троица!

— Долг повелевает мне остаться здесь.

— Нет.

Сандра тяжело опустилась на стул.

— Эрик, дорогой, меня уже выжали досуха. Не дергай меня больше. Ты должен идти к Лорне.

Эрик уставился на крупную женщину, которая сидела вполоборота к нему и глядела в ночь. Наконец он сказал:

— Ладно. Понимаю. Ну а ты поможешь Лорне простить меня?

Сандра устало кивнула.

— Я знала, что ты захочешь присоединиться к флоту, и не буду умолять тебя, — тихо ответила она. — Ты — мой сын.

— И сын своего отца.

Сандра покачала головой. По губам ее пробежала тень улыбки.

— Он бы не бросился очертя голову щеголять воинской доблестью. Он бы сидел на месте и плел заговоры до тех пор, пока бабуриты не пожалели бы, что вообще покинули свою планету. — Тут спокойствие изменило ей.

— О, Эрик! — Она бросила сигару и, поднявшись, протянула руки к сыну. Говорить было больше не о чем. Они стиснули друг друга в объятиях, потом Эрик поцеловал мать и ушел.

Он не стал брать герцогскую космическую яхту, а воспользовался своим челноком, которому с горем пополам удалось догнать гермесские корабли. Они уже набирали скорость, выходя

из планетной системы. Адмирал Фолкейн не стал приглашать Эрика на борт «Альфы Лебедя», а послал его на броненосец «Северная Атлантида». Это оказалось весьма разумно.

Как можно было без труда предсказать, вскоре они встретили те из бабуритских кораблей, которые были ближе и могли перехватить их. Гравитационное поле Майи не давало возможности без риска перейти на гиперпространственную тягу.

— Продолжайте движение в прежнем направлении, — приказал Фолкейн. — Этот бой будет единственным. Открывайте огонь, не дожидаясь приказа.

Капитан «Северной Атлантиды» любезно разрешил Эрику находиться на мостике при условии, что наследник престола станет хранить молчание. Это был приказ, скрывавший не хуже любых цепей. А вскоре, когда вражеские силы пошли на сближение, Эрик почувствовал и плетку.

Вокруг, куда бы он ни посмотрел, сияли тысячи звезд. Млечный Путь, будто пенная полоса, опоясывал небосвод; где-то далеко тускло сияла туманность, носившая в чреве своем солнца и миры. Поблескивали таинственные галактики Магеллановых облаков и Андромеды. Но это была только половина действительности. Вторая, совсем не похожая на первую, была жестка и сурова: тихое биение двигателей, шуршание вентиляторов, люди, поработанные приборами и рычагами управления, мокрая и зудящая от пота кожа, шепот: «Они первыми пустили снаряд. Должно быть, его отразила ракета с “Кадусея”», короткий проблеск пламени вдали.

Кинетические скорости двух эскадр были слишком высоки, и их не удалось уравнять во время первого захода. Флоты смешались, обмениваясь залпами, и это продолжалось несколько минут. Потом дистанция стала чересчур большой для прицельного огня. Эрик увидел безобразную распускающуюся розу в том месте, где ракета с его корабля настигла очередного противника. Остальные взрывы были далеко, за сотни километров, и с борта броненосца виднелись только тусклые искорки. А энергетический луч, поражающий цель, был и вовсе невидим.

Капитан броненосца сидел, будто изваяние, и слушал доклад офицера, проводившего анализ боя. Тот вещал трескучим хриплым голосом:

— Сэр, почти все их удары нацелены на «Альфу Лебедя». Должно быть, они надеются подавить его защитные поля.

— Этого я и боялся, — глухо ответил капитан. — Наш единственный линкор. Естественно, бабуриты хотят остановить его, а не заниматься битьем мух вроде нас.

— Если мы с хорошим ускорением пойдем в ту сторону, то сможем перехватить несколько предназначенных ему ракет, сэр.

— Нам приказано держаться своих векторов. — Лицо капитана оставалось совершенно бесстрастным, но он бросил взгляд

на Эрика. — Самое главное — увести хотя бы несколько наших кораблей.

Офицер сделал глотательное движение.

— Есть, сэр.

Спустя несколько минут поступило сообщение о том, что в «Альфу Лебеда» угодила боеголовка. Больше с линкора не передали ни слова, но в той стороне вспыхивал один огненный шар за другим: системы перехвата и защитные экраны линкора были выведены из строя, и бабуриты, даже отступая, могли превратить его корпус в пыль и шлак.

Капитан «Северной Атлантиды» в упор посмотрел на Эрика.

— Полагаю, вы наш новый главнокомандующий, сэр, — сказал он.

— Так держать, — ответил сын Герцогини, подавляя стон.

Битва стала угасать, и в конце концов эскадра Гермеса отважилась перейти в гиперпространство. Датчики показали, что неприятель не бросился в погоню. Поскольку все их внимание было сосредоточено на линкоре, бабуриты тоже понесли потери, и их флот временно утратил численное превосходство. Дивизионы их армады разлетелись слишком далеко, и пытаться преследовать гермесцев не имело смысла. Кроме того, бой на сверхсветовых скоростях требовал довольно мудреных маневров: надо было подойти борт к борту и уравнивать фазы, но ради уничтожения какого-то корабля не стоило этим заниматься. Надо было еще надеть ярмо на шею Гермеса.

Эрик поднялся, чувствуя боль в каждой мышце.

— Следуйте полным ходом к Солнцу, — приказал он. — Всем приготовиться выслушать мое обращение. — Юноша кисло улыбнулся. — Пожалуй, сейчас мне следовало бы поговорить с ними, не так ли?

Эта битва стоила жизни Майклу Фолкейну, старшему брату Дэвида. Вот уже два года, со дня смерти их отца, Майкл был главой рода Фолкейнов.

Глава 11

«Через пень-колоду» на полной скорости пересекал ничтожный, мало-мальски исследованный участок нашей Галактики. Поэтому он прибыл на Землю почти одновременно с первыми гонцами, которые принесли весть о разгроме экспедиции к Обители Мрака. Ее оставшиеся в живых участники притащатся домой только через две недели, если не больше. Служба управления движением много часов продержала «Через пень-колоду» на орбите, но экипажу удалось снестись по радио с Николасом ван Рийном.

— Буду встречать вас на Ронге, — сообщил торговец, но больше почти ничего не сказал, поскольку переговоры наверняка прослушались.

Осознав вероятность войны, чиновники, отвечавшие за космическую безопасность, похоже, насмерть перепугались. Но все-таки в конце концов дали разрешение на посадку. И корабль, и его капитан могли приземлиться в любой точке планеты, где была пригодная для этого посадочная площадка. «Через пень-колоду» направился к одному из атоллов в южной части Тихого океана.

Пейзаж, если смотреть на него сверху, был невероятно красив. Вода блестела, отливая тысячей оттенков голубого и зеленого; подернутые рябью просторы искрились на солнце, коралловое ожерелье острова было окружено серебристой пеной прибоя, а за изогнутой линией рифов лежала похожая на аметист лагуна. На западе виднелась высокая гряда облаков, их девственная белизна оттеняла морскую лазурь. На севере, на юге и востоке небосвод был ясным и светлым. ~

«На Земле теперь почти не осталось таких мест, — мельком подумал Дэвид Фолкейн. — Не честолюбие, не любовь к приключениям, а тоска по тому покою, который сохранился только в нашей генетической памяти, — вот что, наверное, гонит нас во Вселенную».

Посадочные опоры легко и мягко коснулись мощеной поверхности летного поля. Открылся главный люк, опустился трап. Фолкейн замешкался, и Чи Лан, прошмыгнув у него между ног, первой спустилась на землю; подпрыгнув высоко в воздух, она стремглав бросилась к ближайшему пляжу и принялась кататься по теплomu белому песку. Дэвид пошел следом. Он двигался чинно, но лишь до тех пор, пока не увидел, кто прибыл встречать его. А увидев, тоже помчался во все лопатки.

— Дэви, о, Дэви!

Коя бросилась к нему, и они слились в поцелуе на целую минуту или больше. Эдзел тихонько прошествовал мимо. С шелестом набегали на берег волны, кричали морские птицы.

— Я пытался дозвониться до тебя после разговора с боссом, — пробормотал Фолкейн. Все-таки слова были никуда не годным средством выражения радости при встрече.

— Он связался со мной и велел ехать сюда, — ответила Коя, блаженно прильнув к мужу.

— Как наши Хуанита и Икс?

Все эти недели, пока его не было, Дэвид чувствовал, как в ее чреве растет дитя, а теперь и увидел это.

— Толстая и бойкая на язык. Посмотри-ка туда. Идем, — Коя потянула его за собой.

У края поля стоял ван Рийн, держа за руку свою внучку. Когда вновь прибывшие приблизились к ним, девочка высвободилась, бросилась навстречу отцовским объятиям и, подняв глаза на Эдзела, прошептала:

— Покатаешь?

Дракон усадил ее к себе на спину, и все направились к дому. Пальмы щелестели на соленом ветру, подслащенном благоуханием жасмина; буйно цвели гибискус и бугенвиллеи.

— С приездом, черт возьми! — зычно воскликнул ван Рийн. — Мы тут все истомились, не знали, то ли вас на котлеты изрубили, то ли еще что стряслось.

Фолкейн остановился. Его ликующую душу будто обдало холодом.

— Значит, вы не получили нашу депешу? — спросил он. — Мы послали ракету из окрестностей Могула.

— Нет, ничегошеньки. Наш банк данных был гол, как зад русалки.

Фолкейн крепче обнял Койю за талию. За время его отсутствия она, должно быть, прошла по девятому, ледяному, кругу ада.

— Я боялся, что она не дойдет, — задумчиво проговорил он.

— Ты хочешь сказать, что ее могли перехватить? — спросила Койя.

— Я, — прорычал ван Рийн. — Космическая служба, больше некому. Нетрудно понять, что им приказали всю корреспонденцию на мое имя переправлять куда-то еще.

— Но это незаконно! — возмутилась Койя.

— За всем этим, разумеется, стоят «Домашние Компании», и при сложившихся обстоятельствах им чихать, законно это или незаконно. Надеюсь, ты пользовался шифром, Дэви.

— Да, разумеется, — ответил Фолкейн. — Не думаю, что они уже успели разгадать его.

— Нет, но, как ты понимаешь, они не позволили мне получить преимущество, а обстановка хуже поноса. Я был в этом уверен на семь и три десятых... А, вот мы и пришли.

Все поднялись по ступенькам, пересекли веранду и вошли в несколько легкомысленно обставленную комнату, где стоял накрытый стол, ломившийся от яств и напитков.

Чи вспрыгнула на стул, свернулась на нем и затараторила:

— Полагаю, вы слышали о битве, которая разгорается на Обители Мрака. Мы там побывали. Но прежде эти wan-yaao jap-qwo chai reng pfs-s-s-t бабуристы упрятали нас за решетку.

В этой фразе, произнесенной на родном языке цинтианки, содержалась краткая оценка всех предков бабуристов, их нравственной и телесной чистоты, равно как и участи, которая постигла бы их, будь на то воля Чи Лан.

— О нет, — выдохнула Койя.

— Погодите, погодите, — скомандовал ван Рийн. — Я решил, что сперва нам надо отведать шнапса, да запить его литровым глоточком пива и закусить спинкой селедки или еще чем-нибудь таким, дабы наполнить трюмы. Ты же не хочешь, чтобы твой новый малыш пристрастился к адреналину, а?

— И эта юная леди тоже, — вставил Эдзел, потому что смех Хуаниты стих, сменившись тревожным молчанием. Эдзел повернулся, снял девочку со своих плеч и принялся перебрасывать с одной исполинской ручки на другую. Хуанита завизжала от восторга. Родители не роптали, ибо с Эдзелом ребенок был в большей безопасности, чем с любым другим их знакомым, да и с ними самими.

— Ну-с... — что-то мешало Фолкейну безоглядно предаться удовольствиям, — как дела дома?

— Да никак, разве что часовой механизм адской машины уже тикает, — отвечал ван Рийн. — Байард Стори в последний раз попытался втянуть меня в союз с «Семеркой», сиречь сделать ее подчиненным. Я велел ему катиться, и он покинул Солнечную систему. В остальном — только слухи да радиобзоры, авторам которых я бы сделал прививку от истерии.

— Кто такой Байард Стори? — спросила Чи.

— Один из директоров «Галактических проектов», делегат луноградского слета, — ответил ван Рийн. — Нечто вроде рупора «Семерки», но я подозреваю, что он и есть рулевой.

— Хм-м, да, теперь припоминаю. Я случайно увидел его в выпуске новостей, — вставил Фолкейн. — Мне очень понравилось его краткое, резкое и прямое заявление для репортеров, в котором ровным счетом ничего не говорилось. — Он повернулся к Койе: — Ну да ладно. Ты не хочешь рассказать мне что-нибудь интересное, дорогая?

— О, мне предложили контракт с «Грузовыми перевозками Дэнструпа», — ответила Коя, назвав одну из независимых компаний в рамках Лиги. Коя уже не занималась торговым первопроходчеством и поэтому работала на дому в качестве компьютерного программиста высокой квалификации. — Они хотели получить оценку своей наилучшей стратегии на случай войны. Она всех приводит в ужас, никто не знает, какие будут последствия, никто не хочет войны, но мы безвольно плывем по течению. Это ужасно, Дэви. Ты представляешь себе, насколько это ужасно!

Фолкейн коснулся губами ее волос.

— Ты согласилась на эту работу?

— Нет. Как я могла согласиться, не зная, что случилось с тобой? Я занималась всякой текучкой, чтобы скоротать время. И... много играла в теннис и ему подобные игры, это помогало засыпать.

Подобно мужу, Коя не верила в успокоительные снадобья.

В какой-то степени не верил в них и ван Рийн. Алкоголь был нужен ему не как костыль, а скорее как хворостина.

— Пейте вы, слонтяи! — взревел он. — Или я должен вливать это в вас через капельницу? Вы благополучно прибыли домой, вот что важно. Так радуйтесь же. А потом взгляните на этот заваленный лакомствами стол и набрасывайтесь на них.

Эдзел поставил Хуаниту на землю.

— Пошли, — сказал он. — Сядем в уголке и устроим чаепитие.

Девочка погладила Чи. Цинтианка покорилась судьбе и только помахала хвостом.

И все же они не могли долго делать вид, будто за голубым небосводом не существует вовсе никакой вселенной. Вскоре троица с «Через пень-колоду» уже рассказывала о том, что ей довелось пережить. Ван Рийн слушал внимательно и прерывал повествование гораздо реже, чем Койя, то и дело вставляющая то вопрос, то восклицание. Наконец ван Рийн спросил:

— А это оборудование, которое вы сняли с подбитого корабля? Вам удалось что-нибудь узнать о нем по пути домой?

— Очень мало, — Фолкейн почесал в затылке. — А то, что узнали, сбивает с толку. Почти все, что мы видели и забрали с собой, сделано по чертежам Технической цивилизации, как и следовало ожидать. Но вот некоторые транзисторы... мы не можем представить себе, как их смогли изготовить в водородной атмосфере. Водород выводит из строя полупроводники.

— А может, их делали не на Бабуре, а на каком-нибудь спутнике, — предположила Койя.

— Возможно, — ответил Фолкейн. — Хотя я и не понимаю почему. Существуют же альтернативные транзисторы, не требующие таких ухищрений. Была там и еще одна штуковина, как мы поняли, генератор сдерживающего силового поля. Там применен химический очиститель, работающий при высоких температурах. Это понятно. Но очиститель состоит из окиси меди. При нагревании водород восстанавливает это вещество, и получаются медь и вода. Да, конечно, деталь заключена в чугунный защитный кожух. Но водород просачивается сквозь чугун. Значит, эта деталь ненадежна, и бабуритам приходится заменять ее чаще обычного.

— Плохая конструкция, сделанная второпях, — с лукавой улыбкой предположила Койя. — Эка невидаль.

— Правильно, — согласился Фолкейн. — Однако... Слушайте, бабуритам помогли инопланетяне. Это они согласились признать, а на одном из спутников Бабура мы распознали поселение существ, дышащих кислородом. Помните? Да еще эти наемники со стороны, тоже дышащие кислородом. Очевидно, бабуриты наняли таких пришельцев, чтобы те помогли им в исследованиях, проектировании и при строительстве военной машины. Почему же эти пришельцы не сделали свою работу получше?

Ван Рийн мерил комнату тяжелыми шагами, теребя свою козлиную бородку и хрустя испанской луковицей.

— Гораздо любопытнее узнать, как бабуриты отыскивали этих людей и чем оплачивали их труд, равно как и другие издержки, — рассудил он. — Бабур — планета небогатая и не очень населенная,

если учесть ее размеры. Не говоря уж о ее промышленной отсталости. Там мало жидкого аммиака, поэтому значительная часть поверхности представляет собой пустыню. Чем Бабур может расплатиться?

— В прошлом они вели кое-какую межзвездную торговлю, — напомнил Фолкейн. — Может, кто-то вступил с ними в контакт, или... Не знаю. Вы правы: их достижения трудно объяснить с точки зрения экономики.

— А их действия — с любой точки зрения, будь я проклят. Посылая вас туда, я никак не предполагал, что вы попадете в такую передрагу. Нет, я был уверен, что бабуристы поговорят с вами. Быть может, не скажут вам слишком много, но, по крайней мере, проведут переговоры. С их точки зрения, разумнее всего было бы сохранить дружбу с Лигой, коль уж они собрались бодаться с Содружеством. Или, во всяком случае, не наживать в лице Лиги активного врага. Nie?

— Нам показалось... На основе того мизерного контакта, который все же был у нас с ними, нам показалось, что бабуристы презирают Лигу. Они наверняка знают, что в ней царят распри.

— Как они могут быть столь непоколебимо убеждены в этом? Мы что, знаем все тайные ходы и выходы их политики? И почему они не попытаются извлечь выгоду из наших разногласий? Например, бабуристы могли бы заставить «Семерку» и независимых торговцев драться за право вести с ними дела... Если бы только мало-мальски вежливо обращались с их представителями.

— А вы не могли попросту нарваться на какого-нибудь слишком усердного чиновника? — спросила Кояя.

Фолкейн покачал головой.

— Вряд ли, если судить по той малости, которую мы знаем о бабуристах, — ответил он. — Похоже, у них вовсе нет такого института. Там не существует иерархии личностей, занимающих те или иные посты. Их главная культура, если не все, построена по принципу переплетения колец. Какое-то количество отдельных существ несет ответственность за определенную часть совместной работы, обсуждая ее между собой. Одно существо может состоять сразу в нескольких таких командах.

— Это помогает свести к минимуму противоречия, — добавил Эдзел, — хотя в то же время, я подозреваю, затрудняет работу воображения и замедляет восприятие нового.

— А значит, они загодя решили сразу бросать в морозилку всех пришельцев, — сказала Чи. — О, у нас было немало времени на всякого рода догадки!

— А вы пытались угадать, какие компании «Семерки» могут тайком поддерживать отношения с Бабуrom? — спросила Кояя.

— Пытались, — ответил Фолкейн, пожимая плечами. — Если это правда, вряд ли при сложившихся обстоятельствах они станут афишировать такое сотрудничество, верно? «Семерку»

без труда можно десятилетиями держать в неведении относительно намерений Имперского Кольца.

— Ты в этом уверен, дорогой?

— Ну а к чему могли свестись такого рода отношения? Редкие наезды одного или нескольких агентов в строго ограниченный район планеты, которая в двадцать два раза превосходит Землю площадью поверхности и имеет гораздо большую пропорцию пустынь по отношению к другим территориям.

— И тем не менее, — промурлыкала Чи, — район, в котором разворачиваются сколь-нибудь значительные события, вовсе не обязательно должен быть обширным.

Запищал телефон.

— Kai-yu! — вскричала Чи. — Эта штукавина — жесточайший из всех тиранов, которых вы, люди, когда-либо сажали себе на шею!

— О том, что я здесь, известно только моему старшему секретарю, — сказал ван Рийн и, шлепая по татами босыми ступнями, подошел к телефону. Когда он нажал кнопку приема, аппарат объявил: «Эдвард Гарвер желает лично говорить с вами. Что мне ему сказать?»

— То, что вы могли бы ему сказать от моего имени, совершенно нецензурно, — проворчал ван Рийн. — Ладно, давайте его. Э... а вы отойдите подальше от экрана. Какой смысл просто так раздаривать информацию?

На экране возникли квадратные плечи, лысая голова и физиономия мопса.

— Так вы на Ронге. Там же, надо полагать, и ваш шпионский корабль, — без всяких предисловий заявил министр безопасности Содружества.

— Так вам о нем рассказали? Ха! — отвечал ван Рийн. Он был спокоен, как центр урагана.

— Я отдал приказ о наблюдении, как только узнал о его отлете, — Гарвер сгорбился и подался вперед, словно хотел пролезть сквозь витрил экрана. — Вы уже чертовски давно стали объектом моего особого интереса.

Фолкейн помнил об этом. Но еще лучше помнил Эдзел, ибо однажды его арестовали после некоего происшествия, участником которого он стал. Гарвер ненавидел ван Рийна еще в те годы, когда служил старшим офицером бюро наблюдения за исполнением законов Лунной Федерации. Отношения ван Рийна с парламентом Содружества еще больше обострили эту ненависть. Чувство было необычайно стойкое и однозначное. После нескольких случайных и весьма примечательных встреч ван Рийн стал в глазах Гарвера олицетворением всех тех черт Торгово-технической Лиги, которые были ему особенно омерзительны.

— Я хочу знать, где была команда, что она делала и с какой целью, — заявил Гарвер. — Я звоню вам самоллично, чтобы вы знали, что для меня это — личное дело.

— Что ж, можете и впредь хотеть всего, что душе угодно, — ван Рийн лучезарно улыбнулся. — Хоть купайтесь в своих желаниях. Хоть брюхо ими чешите. Хоть пузыри из них пускайте. Хоть букет из них составьте.

Он спрятал руку за спину и согнул палец. Фолкейн, в свою очередь, подал знак Чи и Эдзелу, и те быстро вышли из комнаты. Дэвид остался с Койей. Его друзья и вдвоем могли снять с корабля бортовой журнал и аппаратуру бабуритов (на которую карантинный инспектор не обратил особого внимания, когда давал разрешение на посадку), прежде чем туда нагрянет бригада с ордером на обыск.

На борту останется другой журнал, поддельный. Такая практика была в порядке вещей. А сейчас надо быстро проинструктировать жену и ее деда.

— ...довольно с меня ваших обезьяньих ужимок, — шипел Гарвер. — Полагаю, вам известно об учиненном бабуритами нападении на наши корабли. Это война, ручаюсь вам. Не пройдет и часа, как начнется сессия парламента по многоканальному телефону. Но я и так знаю, за что они проголосуют.

«Я тоже знаю, — с грустью подумал Фолкейн, видя, как к глазам безмолвной Койи подступают слезы. — Конечно, мы не должны бездействовать, когда убивают наших людей. Но неужели надо так торопиться? Что ж, «Домашние Компании» видят в Обители Мрака зону жизненных интересов. Пусть ею владеет Содружество, это будет его космическая опора в борьбе против «Семерки»».

— Война станет нашим обрядом очищения, — заявил Гарвер. — Она даст правительству небывалую доселе власть над свободным предпринимательством. Теперь «Домашние Компании» больше нельзя считать вольными предприятиями. Нет, они — уже частица властных структур. Они ненавидят нас, потому что мы никогда не присоединялись к коалиции картелей и не заискивали перед политиканами и чиновниками. Для них мы — олицетворение Хаоса.

Гарвер опомнился и перестал ораторствовать. С ледяным злорадством он продолжал:

— Около часа назад премьер объявил чрезвычайное положение. По его условиям все космические корабли переходят в ведение моего учреждения. Отныне командовать будем мы, ван Рийн, и ни один корабль не сдвинется с места без нашего разрешения. Я позвонил вам в слабой надежде, что смогу заставить вас осознать всю серьезность положения и понять, что вас ждет, если вы откажетесь сотрудничать.

— Как любезно с вашей стороны сообщить мне об этом, — бесцветным голосом ответил торговец. — Что-нибудь еще? Хорошо, тогда — пи-пи-пи!

Ван Рийн отключил связь. Повернувшись, он сказал:

— Не хватало еще, чтобы он злорадствовал! — ван Рийн подпрыгнул так, что загрохотал пол, и принялся колотить кулаками по воздуху. — *Shijt, pis, en bederf!** — гремел он. — Боже, швырни его в выгребную яму преисподней! О плод кровосмешательства! Пусть он пожалеет о своей подлости! Да чтоб ему знать только четыре англо-саксонских буквы, из которых составлено неприличное слово! Эх-х-х!

Эдзел уже успел вернуться в дом и, поспешно бросив свою ношу, зажал Хуаните уши. Чи прошмыгнула мимо него, держа в руках катушку с бортовым журналом и выискивая, куда бы ее понадежнее спрятать. Коя и Фолкейн прильнули друг к другу. С улицы доносился пронзительный нарастающий вой: две машины центральной полиции показались из-за горизонта и стали заходить на посадку.

Глава 12

Неужто это и впрямь Земля?

Эрик больше не мог усидеть на месте. Программа, которую он смотрел, была интересная. Местному жителю она, несомненно, показалась бы банальной, но Эрику — весьма экзотической. Однако он был слишком взволнован. Рывком поднявшись с кресла, он широким шагом пересек комнату и остановился у окна.

На Объединенный Рио-де-Жанейро крадучись надвигались сумерки. Эрик разглядывал с высоты плавные линии ярко раскрашенных небоскребов, четкие силуэты Сахарной Головы и Корковадо, блестящие, будто полированные, воды бухты, мост Нитерон, легкий и воздушный, как рисунок на кальке. Внизу, по улицам и надземным эстакадам, двигался стремительный поток машин;верху летательные аппараты исполняли какой-то замысловатый танец, следуя своими воздушными коридорами. Эрик коснулся кнопки, окно открылось, и он втянул в легкие влажный теплый некондиционированный воздух. По сути дела, шум транспорта не долетал до него, но Эрик чувствовал присутствие машин, ощущал неслышимые содрогания чудовищного механизма, очень похожие на пульсацию космического корабля. Само существование такого гигантского города повергло его едва ли не в ужас, особенно теперь, когда Эрик и город смотрели в глаза друг другу.

Эрик крепче сжал правой рукой запястье левой и, как бы бросая вызов этой необъятной громадине, подумал:

«Я тебе не какое-нибудь ничтожество. Я привел сюда большой отряд военных кораблей».

* Дерьмо, дерьмо и гниль! (гол.)

От двери донесся звонок. Эрик повернулся на каблуках, и сердце у него екнуло без всяких на то причин.

— Войдите, — пригласил он. Дверь распахнулась настежь.

За порогом стоял человек в причудливом мундире и с пакетом в руках. Он был приземист и черноволос, как, очевидно, почти все бразильцы.

— Это вам, сэр, — объявил человечек по-английски, но с акцентом. В отеле «Сантос-Дюмон» работал обслуживающий персонал из плоти и крови.

— Что? — озадаченный Эрик подошел к двери. — Кто может мне что-то прислать?

— Я не знаю, сэр. Это пришло по конвейеру несколько минут назад. Мы знали, что вы еще здесь, и подумали, вам захочется тотчас получить.

— Ну что ж... э... благодарю вас, — Эрик взял посылку, завернутую в простую упаковочную бумагу, на которой, кроме его имени и адреса, не было никаких надписей. Человечек еще несколько мгновений потоптался на месте, потом ушел. Дверь за ним закрылась.

«Проклятье! — подумал Эрик. — Может, надо было дать ему денег? Разве я не читал, что на Земле так принято?» Его лицо зарделось.

Так, ладно... Он положил подарок на столик и распечатал, потянув за шнурок. Внутри оказались какая-то коробка и конверт. В коробке лежал новенький костюм, а в конверте — два листка бумаги. На первом было выведено: «Его превосходительству Эрику Тамарину-Асмундсену в знак признательности за его рыцарские подвиги — от члена Объединенного Человечества».

«Кто? Стоп! Вчера, когда я общался с политиками и офицерами, об этом упоминали. Умеренно расистское объединение, которое, естественно, терпеть не может бабуритов. А если учесть, какую огласку получило наше бегство с Гермеса... Хм, еще одна записка. Стоп, стоп, минуточку!»

«Сын мой, прочти это и уничтожь. Вторую записку оставь на виду, дабы удовлетворить любопытство твоих соглядатаев.

Мне не терпится встретиться с тобой для твоего блага и для блага двух наших планет, а возможно, и многих других. Это надо сделать тайно, иначе встреча потеряет смысл. Сейчас могу сказать лишь, что ты и твои люди в опасности и вас могут взять в заложники.

Если есть возможность, отмени все встречи, которые назначил, облачись в присланный мною наряд и в 20.00 по земному времени, а не гермесскому, ступай на стоянку на крыше. Возьми такси номер 7383 и следуй дальнейшим указаниям. Не сможешь сегодня, сделай все это завтра в то же время.

Да здравствует свобода, и к черту все идеологии! Твой отец, Н. ван Рийн».

Засим следовала подпись, похожая на росчерк сейсмографа.

Целую минуту Эрик стоял истуканом.

«Сам старина Ник, — в голове будто работал кузнечный молот. — В космосе о нем ходят легенды, будто он — уже мифический персонаж. Разумеется, я хотел поискать его, но...»

У Эрика заиграла кровь. После изнурительного перелета, настороженного приема, двух напряженных и мучительных совещаний с высокопоставленными землянами, больше похожих на допросы, после интервью для телевидения... еще и это. А почему нет?

Эрика пригласили на обед в Петрополис, в дом гермесского посла. Он мог остановиться там, но у посольства был очень маленький бюджет (коль скоро до сих пор послу было почти нечего делать), и оно не имело возможности принимать гостей. Поэтому правительство Содружества предоставило Эрику его нынешнее жилье. Вполне возможно, тут стоят подслушивающие устройства. Эрика и команды его кораблей держали врозь. Остальных поселили на... как бишь ее? На базе на островах Зеленого Мыса.

Но почему он должен подозревать в чем-то Содружество? Его повсюду принимали если и не восторженно, то, по крайней мере, вежливо.

«Может быть, нынче вечером я что-то узнаю», — подумал Эрик. Он позвонил, сказался усталым и перенес назначенную встречу на следующий день. Прислуга принесла ему бутерброды и молоко. (Земные еда и питье имели немного странный привкус.) Затем Эрик облачился в свои обновки. Костюм был пышный и цветистый: блестящая голубая туника из вельвила, белые иридоновые чулки, багровая шимерлиновая накидка. Он будет бросаться в глаза даже здесь, где принято носить яркие наряды. Может быть, разумнее было бы оставаться неприметным?

Эрику кое-как удалось скоротать часы ожидания. Стемнело. Точно в назначенное время он вышел из гравифлифта и ступил на крышу. Удушливый воздух почти не остыл; весь горизонт был озарен радужными огнями, и казалось, будто город мучает лихорадка. На крыше стояла шеренга такси, а напротив, возле парадета, какой-то человек делал вид, будто любуется местными красотами.

«Может, это соглядатай?» — подумал Эрик.

На бортах обтекаемых, похожих на слезинки машин были начертаны номера. Эрик стоял в самой середине ряда.

«Как же мне сесть в такси, не подавая виду, что я хочу взять именно эту машину? Ага, знаю! Надеюсь, что знаю».

Он немного побродил туда-сюда; накидка развевалась за плечами. Эрик был похож на человека, который толком не знает, что ему делать. Проходя мимо такси под номером 7383, он будто спохватился и взялся за дверцу машины.

Та открылась. Эрик влез и увидел свернувшуюся на полу темную фигуру.

— Тихо, — прошептала она и добавила вслух, обращаясь к автопилоту: — Дворец Любви.

Такси взмыло вверх, заняло воздушный коридор, отведенный ему службой управления, и направилось на запад.

Человек поднялся с пола.

— Теперь хоть сесть можно, — сказал он по-английски. — За нами следят, но с такого расстояния они не смогут заглянуть в окна. — Человек протянул руку. — Встретиться с вами — честь для меня, сэр. Можете называть меня просто Том.

Эрик вяло ответил на рукопожатие. Перед ним был его двойник. Впрочем, не совсем. Одежда была совершенно такая же, телосложение — почти такое же, лицо — более или менее похожее, но при беглом взгляде их вполне можно было перепутать.

Том усмехнулся.

— Кое-какой грим я наложил. Подкрасил волосы, подправил тут и там кремом под цвет кожи и так далее, — объяснил он. — К тому же яркий костюм, отвлекающий внимание от лица. Походка тоже важна. Вы знаете, что поступь гермесцев отличается от шага любого землянина? У вас более гибкие суставы. Я вчера весь день разминался.

— Вы... человек ван Рийна? — спросил Эрик. У него пересохло во рту.

— Да, сэр. У него есть несколько человек на подхвате. А теперь, пожалуйста, слушайте внимательно. У Дворца я сойду, а вы пригнитесь точно так же, как я. Там я дам им вволю наглядеться на меня и только потом войду внутрь. Вы тем временем скажете машине: «К яхте». Это не такси, сходство только внешнее. Машина доставит вас к нему. Завтра в шесть часов утра она привезет вас обратно, туда, где буду я. Я сяду, а вы сойдете возле своей гостиницы. И секретная служба будет считать, что вы провели ночь во Дворце.

— А чем... чем я там занимался?

Том заморгал, потом громко расхохотался:

— Весело проводили время с отборными сладкими девицами, отдыхая после долгого путешествия. Не волнуйтесь, я оставлю после себя пышный шлейф побасенок о вашей доблести. Временами мне нравится моя работа, как сейчас, например. Никто вам в этом не признается, на Земле такое считается дурным тоном. Но приготовьтесь самодовольно ухмыльнуться, когда будете жаловаться на усталость, поскольку-де плохо спали.

Отвечать на это не было нужды, потому что Том сказал:

— Ложитесь на пол.

Показался ярко освещенный фасад: Через минуту машина опустилась, Том вылез, и такси снова взлетело.

Вся эта сцена показалась Эрику нереальной. Он прижался лицом к окну и выглянул наружу. Город удалялся от него — бухта, побережье с многокилометровой полосой величественного прибоя. Машина была над океаном. Прямо по курсу стояла

низкая полная луна, бросавшая на волны волшебный свет. Звезд было почти не видно. Вон та, яркая — неужели это альфа Центавра, служившая людям маяком, когда они впервые покинули Солнечную систему? А эти четыре — Южный Крест? Знаменитое созвездие, о котором он столько читал, когда был мальчиком. Созвездия имели причудливый вид, а Майя и вовсе терялась вдали.

Машина накренилась. Эрик увидел кораблик в пустом просторе. Это был парусник с тремя мачтами, хотя подняты были только бизань и кливер. Эрик не помнил, как называли эти суда: на Гермесе не было ни одной прогулочной лодки такого размера. Наверняка у этой есть вспомогательный двигатель...

Ну что за место встречи? Его выбрали, потому что нужна была полная секретность, но все равно в этом есть некая безумная романтика. И этот свет земной луны. Как это называется? Лунатизм?

Лжетакси зависло у поручней правого борта яхты. Эрик прыгнул на палубу, ноги глухо ударили по настилу. В воздухе стояла приятная прохлада. Какой-то человек сел в машину, и она пошла вверх, чтобы переждать поодаль, пока не придет время возвращаться.

Тут было несколько моряков, но Эрик сразу же узнал капитана, громадного человека, залитого бледным лунным светом. На нем была простая блуза и лоскут ткани на бедрах; на пальцах блестели бриллианты.

— Мой мальчик! — заревел он и, топая ногами, двинулся навстречу гостю. Он едва не оторвал Эрику руку, пожимая ее, а потом так хлопнул гермеса по спине, что тот зашатался. — Хо-хо! Проклятые, добро пожаловать! За это я поставлю святому Дисмасу столько свечей, что он подумает, что его предают мученической смерти через сожжение в расплавленном воске. — Ван Рийн схватил сына за плечи. — Я, в тебе есть кое-что от матери, хотя в основном ты — в меня. У тебя такой же вид, как у меня. Они называют это вымирающей породой. Ну что за веселого Роджера подняли мы с твоей матушкой! Я часто жалую, что был таким ублюдком, и она не смогла долго ужиться со мной. Слишком уж я был шумный. Ну а ты у нас — ублюдок хороший, честный, пие? Идем вниз, поговорим. — Ван Рийн развернул Эрика и погнал вперед.

У двери каюты стояли худощавый мужчина средних лет и беременная женщина помоложе. Ван Рийн остановился.

— Это Дэвид Фолкейн, ты слышал о нем после той заварухи на Датине. Его жена Койя. Эй, что с тобой, jongen*?

«Дэвид Фолкейн. Я должен был это предполагать», — подумал Эрик и раскланялся, как было принято у представителей кланов.

* Мальчик (гол.).

— Рад видеть вас, — произнес он положенную фразу, не зная, как ему приступить к сообщению печального известия.

— Вниз, вниз, водка зовет нас, — поторопил его ван Рийн, однако уже не так громко, как в самом начале.

Салон корабля был отделан красным деревом и начищенной до зеркального блеска бронзой. Стол ломился от напитков и холодных закусок. Все четверо уселись, и ван Рийн разлил питье, на удивление искусно для такого порывистого в движениях человека.

— Как чувствовала себя госпожа Сандра, когда ты расстался с ней? — спросил он, еще больше понизив голос.

— Бодрилась, — ответил Эрик.

— Proost!* — ван Рийн поднял бокал. Остальные последовали его примеру, залпом осушив стаканы ледяной тминной настойки и запив ее пивом. Не отрывая кружку от губ, Эрик вглядывался в лица сотрапезников. У Койи были тонкие черты, хотя и излишне резкие, чтобы ее можно было назвать просто хорошенькой. Лицо Дэвида свидетельствовало о лихом нраве, но сейчас на нем застыло выражение мрачной задумчивости.

«Стоп, — одернул себя Эрик. — Лучше, пожалуй, мысленно называть его Фолкейном. Похоже, земляне в большинстве своем обращаются к малознакомым людям по фамилии, как траверы, а не по имени, как члены кланов. А Фолкейн уже давно покинул Гермес».

Лицо ван Рийна, которое он прекрасно помнил по документальным фильмам, снятым десять лет назад после событий на Датине, было самым подвижным и в то же время самым бесстрастным.

«Что я о нем думаю? — спросил себя Эрик. — И что должен думать?»

Сандра почти ничего не рассказывала об этом своем давнем увлечении. Она ни о чем не жалела, просто ей не хотелось мусолить прошлое. Сандра вышла замуж за Петера Асмундсена, когда Эрику было четыре стандартных года. Отчим завоевал беззаветную любовь мальчика. Вот почему Эрику никогда не приходило в голову разыскать ван Рийна, да и вообще, он почти не думал об отце до недавнего времени. Это было бы едва ли не отступничество. Но тем не менее это громадное тело дало ему половину генов.

И... будь он неладен, если ему не нравится это приключение!

Фолкейн заговорил. Эрик тотчас вспомнил, какие вести он привез, и радостного возбуждения как не бывало.

— Давайте, пожалуй, сразу приступим к делу. Вас, несомненно, интересует, почему мы с таким тщанием соблюдаем секретность. Что ж, мы могли устроить вам прием при всем народе, но там были бы тайные соглашения, которые в придачу не очень

* Ваше здоровье! (гол.)

заботились бы о том, чтобы их никто не заметил. А так у вас остается возможность сделать какой-никакой, а выбор.

— Я знал, что ты придешь, — добавил ван Рийн. — Еще до твоего рождения, на Диомеде, твоя мать убедила меня в этом.

— Мы не знаем, насколько полными сведениями о Содружестве вы располагаете, — сказала Койя. У нее был приятный низкий голос. — Дело в том, что мы в немилости у нашего правительства.

«Я должен выиграть время и придумать, как сообщить Фолкейну печальную весть», — решил Эрик.

— Пожалуйста, продолжайте, моя госпожа, — попросил он.

Койя обвела взглядом лица мужчин. Они знаками велели ей продолжать, и тогда она заговорила, быстро и немного рассеянно, вероятно, желая скрыть волнение:

— Ну что ж... В самых общих чертах. В Солнечной системе уже давно под разными лозунгами и под прикрытием всевозможных ссылок на общественное мнение муссируется вопрос о том, кто должен стать вершителем судеб — государство, которое в конечном счете прибегает к физическому принуждению, или разношерстная компания свободных личностей, обладающих только экономической мощью... Я понимаю, что все далеко не так просто. Любое руководство, например, может играть на чувствах и делает это, поскольку в глубине души вы прислушиваетесь именно к чувствам, когда делаете выбор между двумя этими формами правления. Он зависит от вашего мировоззрения. Разумеется, эти формы правления смешиваются. К примеру, у вас на Гермесе наблюдается любопытное явление — государство, развившееся из частных корпораций. С другой стороны, в Солнечной системе так называемые «Домашние Компании» стали неофициальной, но вполне ощутимой ветвью власти. По сути, именно им принадлежит основная заслуга в деле укрепления позиций правительства и его вмешательства в жизнь всех и каждого. Правительство, в свою очередь, оберегает «Домашние Компании» от большинства их давних конкурентов и оказывает им разнообразнейшие услуги, если «Компании» просят об этом. — Койя нахмурилась, вперив взгляд в стол. — Это — не результат какого-то там заговора, понимаете? Просто так уж вышло. Совет Гайаваты... а впрочем, неважно.

— Ты напомнила мне о выпускном экзамене по философии, дорогая, — сказал ван Рийн. — Там задавали только один вопрос: почему? Те, кто отвечал: «А почему нет?» — получали «отлично». Ответившие: «По кочану» — «хорошо», а любой другой ответ приносил «тройку».

Лица осветились улыбками. Койя посмотрела Эрику в глаза и продолжала:

— Должно быть, вы достаточно знаете о Галактической компании специй и спиртных напитков и таких же независимых компаниях и понимаете, почему мы не в чести у тех, кто сидит

в Капитолии. Мы не можем пенять на них за то, что они боятся нас. В конце концов, потребовав неограниченной свободы действий, мы потом, чего доброго, натворим дел. Даже само это требование несет в себе угрозу государственности. Когда Гунунг-Туан, то есть мастер ван Рийн, послал моего мужа в независимую экспедицию, потому что начался кризис, это стало последней каплей. Агенты Содружества обыскали корабль, когда он вернулся на Землю, и наложили на него арест. Они не нашли улики, а то бы арестовали Дэвида, хотя он не сделал ничего незаконного. Однако нам, как и всем прочим, запрещено покидать Землю, мы можем улететь только на общественном космическом транспорте. Кроме того, за нами неусыпно следят.

Эрик заерзал и нерешительно проговорил:

— Э... но разве сейчас, когда идет война, ваши интересы не совпадают с интересами Содружества?

— Если вы имеете в виду правительство Содружества, то нет, не совпадают, — ответил Фолкейн. — Как и ваши. Не забывайте, что я тоже гражданин Гермеса.

«А теперь ты еще и первый из Фолкейнов», — подумал Эрик.

— У меня есть кое-какие тайные связи, — добавил ван Рийн. — Поэтому я знаю, что и ты под наблюдением с той минуты, когда приехал. Они думают, ты явился искать союзника. Хорошо, но насколько тебе можно доверять? В конце концов, любопытство присуще всякому правительству.

— Не беспокойтесь, — посоветовал Фолкейн. — Я уверен, что к вам отнесутся сообразно вашему положению, возможно, воздадут такие почести, которые вы сочтете излишними. Мы не станем просить вас совершить какие-либо изменнические действия. Сейчас я еще и сам не знаю, о чем мы вас попросим. Возможно, лишь о том, чтобы вы использовали свое влияние — вы ведь народный герой и занимаете особое положение, — чтобы вернуть нам хоть какую-то свободу передвижений. Думаю, вряд ли вы будете считать нас такими уж страшными злодеями, если вспомните о наших прошлых заслугах.

«Шахтеры Обитатели Мрака с их необузданными надеждами», — подумал Эрик и кивнул.

— А мы, со своей стороны, попробуем помочь уберечь Гермес от участи пешки в игре, — добавила Койя. — Потому что Бабур и Содружество не станут вести борьбу до полного уничтожения одного из противников. Вряд ли они на такое способны. Помажав кулаками, они вступят в переговоры, и та сторона, которая взяла верх на поле брани, возглавит эти переговоры. Сейчас все вроде бы свидетельствует о том, что клешня бабуристов припечатает к столу руку Содружества, а коммуникации последнего непомерно растянуты в сравнении с коммуникациями бабуристов. За какую-нибудь ежегодную квоту сверхметаллов Содружество вполне может согласиться оставить Гермес под так назы-

ваемым «протекторатом». Освобождение вашей планеты наверняка не входит в число первоочередных задач Содружества.

«Лорна, — подумал Эрик. — Лорна и наш будущий дом».

— Я хотел бы сделать вот что, — подал голос ван Рийн. — Отправить послания главам независимых компаний и сплотить их, чтобы предпринять какие-нибудь совместные действия. Сейчас у них нет никакого общего руководства, а я знаю всех их лично. Если ты сумеешь устроить так, чтобы наши люди отправились к ним, это будет *coup de poing*.

— *Coup de main**, — тихонько поправила его Койя. — Так, кажется.

Ван Рийн взялся за бутылку с водкой.

— Дай-ка я налью тебе еще стаканчик, сын мой, — предложил он. — Впереди у нас длинная ночь.

Эрик согласился, глотнул обжигающей жидкости и, боясь вот-вот утратить присутствие духа, поспешно сказал:

— Да, нам надо многое обсудить и рассказать друг другу, но прежде... Насколько я знаю, это не попало в выпуски новостей, и никто ни словом не обмолвился об этом в беседах со мной и моими людьми, поскольку в пути мы договорились не называть никаких имен, дабы не навлекать кару на тех, кто остался дома. Но... как вы помните, прорываясь в космос, мы потеряли линкор. Им командовал Майкл Фолкейн. Как я понимаю, он был вашим братом, капитан.

Белокурый мужчина застыл как изваяние. Жена взяла его под руку.

— Мне очень жаль, — голос Эрика дрогнул. — Он был блестящим офицером.

— Майк... — Фолкейн потряс головой. — Извините меня.

— Милый, милый, — прошептала Койя.

Тяжелый кулак Фолкейна обрушился на стол. Дэвид заморгал, посмотрел в глаза ван Рийну и спросил бесцветным голосом, неотрывно глядя на старика:

— Вы понимаете, что это значит, Гунунг-Туан? Теперь я — глава семьи и президент имения. И первым долгом обязан заботиться о них.

Глава 13

Ирвин Милнер сказал с экрана:

— Приветствую, ваша милость. Надеюсь, вы здоровы.

«Да уж ты надеешься, как же», — подумала Сандра. Она коротко кивнула в ответ, но не смогла заставить себя пожелать доброго здоровья командиру обосновавшихся на планете оккупационных сил Бабура.

* Подспорье (*фр.*).

Неужели он и впрямь немного напрягся? Сандра повнимательнее взглядела в его черты. Это был низкорослый коренастый рыжеволосый человек в сером мундире, почти не отличавшемся от униформы самого последнего вояки из его отряда. Милнер родился на Земле, и в его английском сохранился акцент, который, как говорили Сандре, назывался североамериканским. По словам Милнера, он натурализовался на Германии — далекой нейтральной планете — и поэтому, служа Бабуру, не совершал никакого предательства.

Во всяком случае, так утверждал он сам.

— Что вы хотели обсудить, генерал? — спросила Сандра скорее с раздражением, чем с любопытством.

— Необходимые перемены, — ответил Милнер. — До сих пор мы налаживали работу своего протектората. Я имею в виду военную сторону дела.

«Военные корабли на орбите, члены команд которых похожи на людей меньше, чем акулы или волчье лыко. Корабли, готовые сбросить вниз свои ядерные бомбы. А на поверхности планеты — дышащие кислородом наемники — люди, мерсейцы, горзунийцы, донорианцы — искатели приключений, помои Вселенной. Хотя до сих пор они соблюдали дисциплину. Да и не так уж часто мы их видим. Они заняли покинутые базы наших кораблей, отель “Зевс” и еще несколько зданий в разных концах Звездопода. Милнер говорит, что они покинут город и станут гарнизонами во всех населенных уголках Гермеса. Он не смог вразумительно объяснить мне, зачем это нужно: ведь кружащие над нами корабли вполне способны заставить нас вести себя кротко».

— Это будет делаться и впредь, — продолжал Милнер. — Но теперь мы готовы и к созданию... э... прочной основы для жизни. Уверен, что ваш народ понимает: мы не можем защищать его, не получая ничего взамен. Вам придется взять на себя часть трудов: производство на ваших заводах всего необходимого нам, поставки продовольствия и иных сельскохозяйственных продуктов. Вы наверняка понимаете, что я имею в виду, мадам. — Он противно осклабился. — Я уже говорил вам: нападение ваших кораблей на наши, невыполнение приказа... Да, да, это не ваша вина, мадам. Но если уж у вас на флоте столько смутьянов, сколько же их среди штатских? Может начаться саботаж, шпионаж, пособничество вражеским лазутчикам и их укрывательство. Нам надо принять меры предосторожности, не так ли?

Он умолк.

— Продолжайте, — сказала Сандра. Голос звучал будто издалека. Женщина напряглась в ожидании удара.

Первые несколько дней оккупации прошли в жутком спокойствии. То ли люди были слишком ошеломлены и по инерции бездушно занимались своими повседневными делами. А может,

будничная жизнь продолжалась: люди учились, отдыхали, занимались любовью, даже смеялись, будто ничего особенного не произошло? Сама Сандра с удивлением обнаружила, что по-прежнему способна отдавать должное вкусной еде, интересоваться тем, как ее любимую лошадь угораздило захромать, с любопытством слушать разные забавные мелочи, попадающие в выпуски новостей.

То, что лишь немногие обитатели планеты вообще видели захватчиков, тоже, несомненно, сыграло свою положительную роль. К тому же Сандре было приятно думать, что и ее речи оказали соответствующее воздействие. Сначала она выступала по парламентской трансляции, обращаясь к законодателям планеты и президентам имений, а потом — по общедоступному телевидению.

«Выбора у нас нет. Только бессмысленная гибель наших детей... Мы вынуждены уступить и будем молиться, дабы в конце концов справедливость восторжествовала... Наши предки вступали в дикие уголки, где жили почти неведомые им существа; многие из них приняли мучения или смерть, но в конце концов они одержали победу. В этот час мы должны быть достойны их. Осторожность... Терпение... Стойкость...»

— Нам придется сделать все, чтобы обеспечить наше длительное присутствие, — сказал Милнер. — Сейчас я — простой солдат. Мне неизвестна расстановка сил в вашем обществе. Но я знаю, что здешняя жизнь не похожа на жизнь любого другого человеческого поселения. Поэтому мы привезли сюда верховного комиссара. Он и его штат будут работать в тесном взаимодействии с вами, дабы облегчить... Э... передачу полномочий и провести необходимые преобразования. Он уроженец Гермеса, мадам, понимаете? Его зовут Бенони Стрэнг.

«Стрэнг? Не из Тысячи Семейств. Возможно, Последователь, хотя и это сомнительно, — подумала Сандра. — Иначе я наверняка вспомнила бы. Тогда, должно быть, он...»

— Он прибыл сегодня и хотел бы как можно скорее встретиться с вами в неслужебной обстановке, — продолжал тем временем Милнер. — Ну, познакомиться, показать вам, что это и его планета и что он всем сердцем желает ей блага. Когда вам будет удобно, мадам?

«А они очень любезны с пленниками, не правда ли?»

Поджидая Стрэнга, Сандра преодолела вершину холма Паломников и прогулялась до Старой Крепости в сопровождении одной из своих собак. Теперь в каменной твердыне размещались только архивы и музей, а в окружавшем ее английском парке никого не было. Сандра ступала по посыпанному щебнем дорожкам, и шаги ее в тишине звучали на удивление громко.

Клумбы и живые изгороди образовывали хитрый лабиринт вокруг росших тут и там деревьев. В большинстве своем растения уже отцвели; на фоне зелени выделялись только багровые долинные, маленькие белоножки, кусты, на которых вызревали ярко-лазурные небесные ягоды, первые желтые и багряные листья берез и осин. В подернутом дымкой небе висела тусклая Майя. Воздух был мягкий, чуть терпковатый. Над головой шелестели крылья перелетных птиц. Осень в окрестностях Звездапада нежная, хоть город и расположен в высоких широтах: ось Гермеса наклонена под меньшим углом, чем земная. У подножия холма поблескивала река, крыши и башни города тянулись на восток до самой бухты, но на западе почти сразу начинались пашни и пастбища, за которыми маячила призрачная вершина Облачного Шлема. Сандра почти не видела машин, а шума моторов не слышала вовсе. Казалось, сегодня весь мир соблюдал нечто вроде дня субботного.

Но на самом деле работа продолжалась, и уж силы разрушения отнюдь не предавались праздности. Вскоре ей предстояло вернуться к себе и начать выторговывать для своего народа хоть какие-то вольности. Она вспомнила, что, когда они с Питом попали в передрягу в Ручье-Свистуне, была та же пора и стояла точно такая же погода. Пит... Мысленно Сандра вернулась назад, на двадцать два гермесских года в прошлое.

Это было вскоре после их знакомства. Тот час, когда либо Питер, либо она сама (они никогда не знали толком, кто именно) заговорит о женитьбе, еще не настал. Но тем не менее встречались они часто и подолгу бывали вместе. Питер предложил Сандре отправиться с ним провести время на свежем воздухе. Оставив Эрика с бабушкой, Сандра полетела на северо-восток, прочь от Ветреного Кряжа, через долину Аполлона, к Брайтуотеру, что у подножий Грозных гор.

Брайтуотер не принадлежал Петеру. Асмундсены были Последователями Рюнебергов, род которых владел землями не только здесь, но и на прибрежных равнинах, да и в других местах тоже. Тем не менее уже не одно поколение Асмундсенов жило в поместье под названием Брайтуотер; они были управляющими медными рудниками и горнообогачительными фабриками — единственным промышленным производством в тех местах. Питер с удовольствием отдал эту работу на откуп своему старшему брату, а сам открыл собственное дело и занялся исследованием планет системы Майи и разработкой их богатств. (Имение, понятное дело, получало от этого долю прибыли, но ведь оно же первым и вложило деньги, когда Питер убедил президента и советников, что это хорошая мысль.)

Семейство радушно приняло Сандру; поначалу гостье оказывали сообразные ее положению знаки внимания, но вскоре

они сменились проявлениями свойской теплоты и радости. По-видав за время странствий немало культур, Сандра стала замечать вещи, которые прежде приняла бы как нечто само собой разумеющееся. К примеру, полное отсутствие какого-либо работорения. По праву рождения каждый взрослый Асмундсен имел один голос во всем, что касалось ведения дел в имении, а каждый Рюнеберг имел десять голосов. Ну так что с того? Их права так же нерушимы, они тоже могут пользоваться наследственными льготами, эксплуатировать эти изобильные земли и не обязаны исполнять утомительных повинностей по отношению к соседним имениям; если одно из них попадало в беду, обязанность собирать все необходимые средства и оказывать помощь лежала на президенте и его кровных родственниках. По сути дела, Асмундсены занимали по отношению к Рюнебергам такое же положение, какое Рюнеберги — по отношению к любому главе государства, избранному законодателями из рода Тамаринов. Со временем Сандра все острее осознавала эту зависимость и часто ловила себя на том, что не знает, кому она завидует больше — кланам или Последователям.

В тот надолго запомнившийся ей день они с Петером взяли лошадей и отправились к Ручью-Свистуну. Так называлось поселение фабричных рабочих. Пит и Сандра собирались посетить завод и после позднего ленча возвратиться домой. Ехать было приятно, тропа тянулась вдоль горных кряжей, сбегала в маленькие долины, поросшие лесом, зелень которых уже была разбавлена золотистыми, бронзовыми, черепаховыми, аметистовыми, серебряными тонами; путь лежал по берегам торопливых ручейков, по лугам под сводом небес. Петер и Сандра ехали большей частью в молчании, которое скорее помогало, чем мешало общению. Но около часа Пит изливал ей душу, делясь кое-какими своими тревогами. Великий Герцог Роберт, старый и дряхлый, поначалу интересовался его мнением по некоторым вопросам, связанным с межпланетными проектами, но потом стал расспрашивать Петера и о многом другом. Петеру не хотелось брать на себя роль серого кардинала. Сандра в меру сил попыталась неуклюже заверить своего друга, что его просто считают весьма ценным советником, а про себя решила, что, если ее вдруг изберут наследницей престола, она никогда не позволит Петеру уклоняться от этих обязанностей.

Они и сами не заметили, как оказались в городке, потому что тут не было ни пригородов, ни прилегающих сельскохозяйственных угодий. Через город проходила только одна дорога, которая вела к руднику; почти весь транспорт здесь был воздушный. Основу Ручья-Свистуна составляла чистенькая и почти полностью автоматизированная горнообогажительная фабрика, построенная так, чтобы не вредить окружающей среде. Вокруг нее сгрудились лавчонки, жилые дома и общественные постройки,

обслуживавшие две-три тысячи обитателей. Над улицами витали ароматы леса.

Сегодня они были непривычно безлюдны.

— Что тут творится? — спросил Пит, гарцуя по улице. Скорее до них донесся шум, явно производимый людьми: это был гвалт толпы. Направив коней к его источнику, всадники обогнули угол и увидели маленький парк, в котором стояло человек триста или четырехста. Облачены они были большей частью в одежды без всяких знаков различия и, стало быть, принадлежали к сословию траверов, местного рабочего люда. Некоторые носили погоны Последователей из имения Рюнебергов; эти держались поодаль от остальных, и вид у них был невеселый. Стоявшие по углам сквера полицейские тоже принадлежали к сословию Последователей. По-видимому, тут могли вспыхнуть какие-то волнения.

Дневной перерыв уже заканчивался. Очевидно, сходка будет продолжаться и в рабочее время, и руководство решило посмотреть на это сквозь пальцы. Зачинщики митинга выбрали время с умом: брат Петера был в отъезде, наблюдал за открытием нового рудника.

На платформе грузовика, въехавшего на тротуар, стояла женщина и держала речь, поднеся ко рту мегафон. Сандра уже видела ее в тех выпусках новостей, которые транслировались на Ветреный Кряж, и тотчас узнала жилистую фигуру, мрачное напряженное лицо, костюм военного покроя. Это была Криста Бродерик, травер по рождению, но наследница огромного состояния, которое сколотили ее отец и мать, морские фермеры.

Речь ее звучала пылко и яростно:

«...давно пора положить конец владычеству Тысячи Семейств и их лакеев. Что такое имения, если не закрытые корпорации, акции которых в обязательном порядке передаются по наследству из поколения в поколение? А чем были эти корпорации, если не экспедициями, которые сумели добраться сюда раньше других, а посему захватили себе лучшие земли планеты? А Декларация Независимости? Разве не было ее принятие попыткой избежать демократии, ростки которой уже пробуждались к жизни в Содружестве, попыткой увековечить засилие аристократии, позаимствовавшей у средневековья даже титул главы своего нового государства? А что такое вы, траверы, если не рабочие и дельцы, отрешенные от наследственных привилегий и лишённые права голоса во всем, но тем не менее производящие ту энергию, которой Гермес обязан своим развитием? Что вы такое, если не часть населения, которая не запуталась в тенетах обычаев и суеверий, обладающая той жизненной силой, благодаря которой этот загнивающий мир попадет в век нынешний и приблизится к порогу будущего? Разве вас не сковали по рукам и ногам эти обожатели предков? Как же так? Ведь вы — три пятых населения!

О да, я согласна: приверженцы феодализма коварны. Они нанимают вас, торгуют с вами, не лезут в вашу личную жизнь; время от времени они принимают в свое сословие одного-двух из вас и, самое главное, освобождают вас от налогов. Я частенько слышала, как траверы, мужчины и женщины, заявляли, что вполне довольны нынешним положением дел. Но спросите себя: разве это не изощренная форма рабства? Разве вам не отказывают в праве платить налоги, которые идут на общественные нужды и тратятся по усмотрению ваших демократически избранных представителей? Вас устраивает бездействующее правительство, которое служит погрязшей в упадничестве аристократии, или же вы хотите оставить в наследство своим детям государство — да, назову его содружеством, — которому по плечу любое дело? Ответьте мне!»

Одни слушатели разразились одобрительными возгласами, другие негодуяще взревели, но большинство стояло в тревожном молчании. Прежде Освободительный Фронт никогда не посылал оратора (тем более своего предводителя) в Ручей-Свистун. Разумеется, Сандра понимала, что присутствовавшие здесь люди уже бывали на таких вот сходках и слышали похожие речи по телевидению; кое-кто читал и бунтарскую литературу, а некоторые, возможно, заходили в штаб-квартиру движения в Звездопаде. Но сейчас Сандра с пугающей внезапностью осознала непрезойденную силу воздействия такой вот встречи наяву, когда глаза видят говорящего во плоти, уши непосредственно воспринимают голос, а тела плотно прижаты друг к другу в толпе. В человеке просыпается его древний пращур, обезьяна. В голове у нее промелькнула злорадная мысль: быть может, именно поэтому кланы и Последователи так увлекаются пустой показухой?

Повернув голову, Бродерик увидела их с Питом на лошадях. И Пит, и Сандра уже пользовались определенной известностью, и Бродерик знала их в лицо. Она тотчас набросилась на них, заявив с тонкой насмешкой:

— О, приветствую! Смотрите все, кто к нам пришел. Петер Асмундсен, братец вашего управляющего; Сандра Тамарин, возможно, ваша следующая Великая Герцогиня. Сэр, мадам!

Титул Сандры напомнил тем, кто знал об Эрике, что он может в свое время взойти на трон, и тогда ими будет править человек, чуждый им по крови.

— Надеюсь, вас не обидело мое предложение провести кое-какие реформы?

— Нет, нет, — крикнул Пит. — Продолжайте в том же духе.

— Быть может, вы хотели бы ответить?

— Нет, это ваша речь.

Последователи рассмеялись, их поддержала половина траверов. Бродерик сразу поняла, что чары разрушены: и мужчины,

и женщины начали поглядывать на часы. В большинстве своем это были искусные технические специалисты, которые не могли долго отсутствовать на своих рабочих местах без ущерба для производства. Теперь, чтобы оживить их интерес, Бродерик пришлось бы начинать сызнова.

— Я рада, что вы здесь, — сказала она. — Мало кто из вашего сословия считает нужным вести споры по вопросам, поднимаемым Освободительным Фронтом. Благодарю вас за это доказательство приверженности чаяниям общества... Вы хотите ответить мне?

Все выжидательно уставились на Пита и Сандру. Охваченная смятением, Сандра почувствовала, что язык у нее будто к небу прирос. Казалось, небосвод навалился на нее всей своей тяжестью. В этот миг Пит подал лошадь чуть вперед; свет заиграл на его пышной белокурой шевелюре, глаза заблестели, и он произнес своим зычным голосом, донесшимся до самых дальних закутков сквера:

— Что ж, благодарю вас, но мы здесь — всего лишь гости. Любой, кого интересуют все стороны обсуждаемого вопроса, может отправить факс в редакцию квидропрограмм двенадцатого номера «Уикли метеор» в Звездопад. А потом найти и прочесть множество книг, стенограмм переговоров и всего, что только душе угодно.

Я же могу сказать лишь одно, нравится вам или нет. Я не думаю, что народовластие или всевластие знать, равно как и любое другое общественное устройство, должны рассматриваться как некая самоцель. Все это — лишь средства достижения чего-то, верно? В таком случае спросите себя: может быть, то, что мы имеем сегодня, хотя бы помогает сделать Гермес пригодным для жизни, а саму эту жизнь приятной?

Если вы обеспокоены, то... Полагаю, почти все вы знаете, что я отвечаю за работы по исследованию и эксплуатации других планет, а не за хищнический грабеж нашей собственной, той, на которой вы живете. Работа эта трудна, а зачастую и опасна, но если тебе суждено остаться в живых, появляется неплохая возможность разбогатеть, а кроме того — непременно испытать удовлетворение при мысли, что ты сделал дело, которое мало кому по плечу. Нам постоянно не хватает рабочей силы. Я буду рад, если вы пришлете мне по почте заявление о приеме на работу. — Он немного помолчал. — А вот мой брат обрадуется этому куда меньше. Продолжайте ваше собрание! — воскликнул он под общий хохот и увел Сандру прочь.

Потом, когда они, так и не пообедав, ехали через лес обратно, Петер извинился:

— Мне очень жаль. Давай повторим эту поездку как-нибудь в другой раз. Я и понятия не имел, что тут может случиться такое.

— Я рада, что это случилось, — ответила Сандра. — Было весьма занято. Даже более чем занято.

«Я кое-что узнала, — вспоминала теперь Сандра Тамарин-Асмундсен. — Может быть, тогда, а может быть, чуть позже я поняла, что люблю тебя, Пит».

Шли годы, Освободительный Фронт набирался сил. Ее правление превратилось едва ли не в постоянные поиски компромиссов. Хотя теперь траверы получили право голоса при выборах местных властей, Бродерик и ей подобные продолжали твердить, что-де это право сродни кости, брошенной собаке. И им, похоже, удалось обратить в свою веру еще больше народу.

Интересно, каков этот Бенони Стрэнг?

Сандра приняла его в своей комнате для закрытых совещаний, и ее ждал сюрприз. Стрэнг оказался среднего роста, худощавым, с довольно миловидным квадратным лицом, загорелым и украшенным тонкими усиками; чуть тронутые сединой каштановые волосы были зачесаны назад. Мягкие речь и повадка, одежды из дорогой ткани неброских тонов, но сшитые по последней земной моде. Стрэнг поклонился Сандре так, как к тому приличия обязывали травера. (Член кланов пожал бы Герцогине руку, а Последователь отдал бы честь.)

— Приветствую, ваша милость, и благодарю за оказанную мне честь, — произнес он традиционные слова, хотя гермесский выговор уже выветрился из его речи. Должно быть, он много лет прожил вдали от тех Стрэнгов, которые были внесены в городской справочник в разделе «Траверы».

Горло Сандры напряглось, словно для того, чтобы не дать сердцу выпрыгнуть наружу. *«Изменник. Изменник»*. Она с великим трудом заставила себя произнести:

— Садитесь.

И опустилась в свое резное кресло.

Стрэнг сел.

— Как приятно вернуться домой, мадам. Я уже почти забыл, какие тут прекрасные места.

— А где еще вам довелось побывать? — спросила Сандра и подумала: «Я должна узнать о нем все, что только смогу, даже если для этого мне придется улыбаться ему».

— Да мало ли где, мадам. Моя карьера похожа на игру в шашки. Если угодно, я с удовольствием окунусь в воспоминания, но подозреваю, что сегодня вам захочется сразу перейти к делу.

— Да. Почему вы работаете на бабуристов?

— Я не то чтобы работаю на них, мадам. Я надеюсь, что смогу всеми силами служить Гермесу. Он не всегда бывал добр ко мне, но это — планета моих предков.

— Подвергнувшаяся нашествию!

Стрэнг нахмурился, словно это замечание ранило его.

— Я сочувствую вам в вашем несчастье, мадам. Но Бабур только пытается остановить Содружество. Разведка узнала, что вражеский генштаб разработал и уже начал проводить в жизнь план захвата этой системы.

«Это — только твои слова», — подумала Сандра, но невольно почувствовала сомнение.

— Вряд ли стоит пенять на Бабур за эти воинственные действия, — продолжал Стрэнг. — Да и с вашей точки зрения, это, очевидно, меньшее из двух зол. Бабур не хочет править вами, да и не может. Такая мысль просто нелепа. Самое большее, чего он, вероятно, пожелает, — это какое-нибудь соглашение о послевоенном оборонительном союзе. А вот Содружество все время выражало сожаление, что несколько его колоний отделились от него.

Верно. Наши предки сделали это, потому что они создавали в своих новых домах общества, интересы и философии которых были слишком чужды Земле, Луне или Венере и не вписывались в рамки законов и жизненных укладов, получивших развитие на этих планетах. Содружество не пыталось задавить независимость силой оружия, но многие его граждане считали, что оно должно было это сделать.

— Мадам, — с серьезной миной проговорил Стрэнг, — когда я работал ксенологом, изучал планеты типа Юпитера и, в частности, Бабур. Я лучше других людей знаю эту расу и разные ее культуры. Это не похвальба, а чистая правда. Кроме того, как уже говорилось, я — гермесец и патриот Гермеса. Видит Бог, я не безгрешен. Но сделать верховным комиссаром именно меня было разумнее всего. Вот почему я вызвался исполнять эти обязанности.

— И отнюдь не повинуюсь какому-то сиюминутному порыву, — насмешливо ответила Сандра. — Должно быть, эту операцию планировали уже давно.

— Совершенно верно, мадам. В каком-то смысле ее планировали всю мою жизнь. Еще мальчиком, тут, в Звездопаде, я видел, что дела обстоят совсем не так, как следовало бы, и обдумывал способы исправления несправедливости.

Сандру охватил страх, заставивший ее огрызнуться.

— Я потратила гораздо больше времени, чем мне хотелось бы, выслушивая сетования Освободительного Фронта на его горькую долю. Ну а какую сказку расскажете вы?

Стрэнг вспыхнул от ярости.

— Если вы еще ничего не поняли, то, вероятно, не поймете никогда. Неужели вы лишены воображения? Представьте себе, что вы — ребенок, которого записали в государственную школу, тогда как дети из кланов получали домашнее образование у лучших учителей планеты. Подумайте о тех, кто мечтал достичь совершенства, увековечить свои имена — и вдруг

увидел, что все стоящие земли, все природные богатства и ключевые предприятия принадлежат имениям, кланам и их Последователям, которые в зародыше пресекают любые возможные перемены, поскольку перемены могут лишить их льгот и вынудить жить своим умом. Подумайте о влюбленных, которые хотели пожениться и сделали бы это, если бы не вмешались родители невесты, боявшиеся, что зять-травер подорвет их положение в обществе и не позволит им использовать дочь для заключения выгодного союза... — Стрэнг осекся. С полминуты в комнате царило молчание, потом он снова заговорил, уже спокойнее: — Мадам, оставим в покое справедливость. На Гермесе надобно провести преобразования, чтобы он мог хотя бы сам себя защитить. Это древнее полуфеодалное общество слишком громоздко, слишком недееспособно... и, что самое главное, слишком отвратительно. Бунт на военном флоте и побег на Землю доказали, что даже ваше правительство не может обезопасить себя от дерзких выходок и непокорности офицерского корпуса, состоящего из представителей знати. Не только по нравственным, но и по чисто житейским соображениям вам следовало бы заручиться преданностью траверов, большинства населения. Но какое дело этому большинству до участи кланов и Последователей? Каково их значение в масштабах планеты? Производство больше не может распределяться между имениями. Его надо объединять на всемирном уровне. Как и систему распределения, суды, полицию, образование, общественные службы и все остальное. А для этого имения должны быть расформированы. Нам нужны не они, а единое население.

Ну а после войны Вселенная полностью обновится. Кончится господство Торгово-технической Лиги. Содружество уже не будет самой сильной державой. Вялые досужие переговоры перестанут служить единственным способом улаживания споров между народами и расами. Гермес либо приспособится к этому, либо погибнет. И я хочу, чтобы он начал приспосабливаться незамедлительно.

Мы намерены совершить здесь переворот, мадам. Надеюсь, что вы и ваша знать окажете нам добровольную помощь. Но революция произойдет в любом случае.

Глава 14

Ханни Леннарт, получавшая от Содружества кредит в год за то, что служила специальным помощником министра по связям за пределами Солнечной системы, обратилась к Эрику с другого континента:

— Вы понимаете, в какое трудное положение поставили нас своим прибытием, адмирал Тамарин-Асмундсен. Мы приветствуем ваше предложение объединить силы. Однако, как вы сами

сказали, ваше правительство, которое мы до сих пор признаем, не приказывало вам прибыть сюда.

— Мне уже несколько раз это говорили, — ответил Эрик телефонному аппарату, стараясь, чтобы его слова звучали как можно суше. Но в голове звенел гневный вопрос: может, ты скажешь хоть что-нибудь стоящее, а, мумия?

Она сказала. Напряжение отпустило Эрика так резко, что это было сродни удару под дых.

— Я звоню вам неофициально, чтобы как можно скорее сообщить о своем решении поддержать вашего посла. Иными словами, согласиться с тем, что, коль скоро правительство Гермеса попало в плен, только те его служащие, которые остались на свободе, способны должным образом представлять свои власти. Надеюсь, кабинет это одобрит.

— Благодарю вас... очень, — выдохнул Эрик.

— На это уйдет по меньшей мере месяц, — предупредила Леннарт. — А ваше дело терпит, поскольку наш флот не тронется с места, пока не получит сколь-нибудь надежных разведанных о численности и местонахождении сил бабуритов. Нам не нужна вторая Обитель Мрака!

— Если верить выпускам новостей, — рискнул Эрик, — изрядная часть ваших граждан не хочет, чтобы флот вообще трогался с места. Они желают мира через переговоры.

Леннарт насупила жидкие брови.

— Да, но они дураки, и это — еще самый мягкий эпитет, которым я могу их наградить. Дураки. — Она вновь напустила на себя деловой вид. — До того как они согласятся с моим предложением, касающимся вас, я и уполномочена, и обязана определить ваш нынешний статус. Честно говоря, я не понимаю, почему посол Рюнеберг так горячо возражает против того, чтобы вас считали интернированными. Ведь это простая формальность, и к тому же ненадолго.

«Да потому, — подумал Эрик, — что Николас ван Рийн настроил его таким образом». Молодой человек вдруг понял, что выигрывает этот раунд. Но борьба будет долгой, и до победы еще далеко. Поэтому он постарался и соображать, и говорить как можно быстрее.

— Уверен, что он все вам объяснил, сударыня. После войны мы будем нести ответственность перед нашим правительством. Приняв статус интернированных, мы признаем, что положение этого правительства сомнительно. Но мы не можем и поступить под ваше командование до тех пор, пока вы не признали нас как полноправных союзников.

Леннарт поджала губы:

— Когда-нибудь мне придется изучить ваш мудреный свод законов, адмирал... Очень хорошо. Полагаю, вы хотели бы приступить к неофициальному обсуждению плана присоединения вашей эскадры к нашему военному флоту?

— Плана слияния нашего флота с вашим, если вы не возражаете, госпожа, — ответил Эрик, почувствовав прилив уверенности в себе. — Да, разумеется, но лишь в свободное от забот о благополучии моих людей время. Кстати, их уже, кажется, интернировали, да еще как. Это необходимо прекратить. Мне необходимо письменное заявление, в котором говорилось бы, что мои люди имеют право свободно перемещаться и выполнять любые мирные поручения.

Последовавшие засим препирательства оказались короче, чем предполагал Эрик. Леннарт уступила его требованиям. В конце концов, речь, похоже, шла о мелочах. А правительство Содружества не имело военного опыта и толком не знало, как следует вести себя со своими собственными гражданами. Оно не хотело без всяких на то причин оскорблять гостей с Гермеса, героев дня. Нанятые ван Рийном публицисты неплохо справились со своей работой.

Наконец Эрик отключил связь, откинулся на спинку кресла и издал тяжелый вздох, а потом и проклятие. Оторвав глаза от экрана на столе, он устремил взор на окно, за которым виднелись зеленые пастбища, полого поднимавшиеся к снегам и тускло блестящему леднику. Его новые жилье и штаб размещались в шале в новозеландских Южных Альпах, куда поспешно перевезли электронное оборудование и аппаратуру связи. При соблюдении необходимых мер предосторожности тут можно было не опасаться лазутчиков и подслушивающих устройств. Богатый «сочувствующий», который предоставил этот дом, был марионеткой ван Рийна.

Но вскоре волна гнева потеснила радость Эрика.

«Торговаться, — подумал он. — Хитрить. Выжидать. Выжидать. Когда же мы вступим в бой? Ради Бога! Ради Лорны». Образ суженой возник перед глазами; он был ярче любого призрака, созданного электроникой, но не обладал способностью говорить. Она была за двести двадцать с лишним световых лет от здешнего ласкового небосвода, под пушками бабуристов, а он даже не смог поцеловать ее на прощание. Он так сжал пальцами авторучку, что она треснула.

Вошел ван Рийн, который подслушивал разговор, сидя в соседней комнате.

— Мы получили то, что хотели, ха? — в голосе его не было ноток радости от только что одержанной мизерной победы. — Я бы кричал «ура» и подбрасывал шляпу, да вот душа к этому не лежит. Мы по-прежнему должны действовать быстро, піе? Давай-ка сразу наметим план.

Эрик заставил себя обратить на него внимание.

— Я уже это сделал, — сказал он.

— Ха! — ван Рийн захлопал своими маленькими черными глазками. — Я и приехал потому, что здесь мы наверняка можем говорить, ничего не опасаясь.

Эрик подавил раздражение. Ему предоставлялась возможность сделать еще один шаг к исполнению своей мечты.

— Я все обдумал, пока ты был в пути. Потом, как мы и надеялись, позвонила Леннарт. Это случилось тотчас после твоего приезда. Тебе лучше потихоньку отправиться вместе со своими агентами в морское жилище на Ронге, якобы отдохнуть несколько дней после всех тех тревог, которые пережил по милости правительства.

Усы ван Рийна задрожали.

— Кто тебе сказал об этом месте?

— Дэвид Фолкейн, — говоря, Эрик чувствовал себя все лучше и лучше. — Помнишь ночь на твоей яхте? Под утро, когда мы вроде уже обо всем переговорили, я поднялся с ним наверх глотнуть свежего воздуха и подождать машину, которая должна была прибыть за мной. Тогда-то он и рассказал мне о твоих логовах, устроенных на случай нужды. Ронга показалась мне наиболее подходящим местом.

«Но Дэвид рассказал и еще кое-что, — подумал Эрик. — Уже тогда он знал, что надо сделать, и имел ясное представление о том, как добиться желаемого. И сегодня я не только сам по себе. Я исполняю и его указания тоже».

— Так вот, — продолжал он, глядя в выпученные, будто у креветки, глаза собеседника. — Каждый из моих крейсеров несет скоростной катер, снаряженный для межзвездных перелетов. Я лично вызову один из них с орбиты и прикажу сесть на Ронге. Пусть какой-нибудь флотский командир Содружества даст разрешение. Думаю, он просто запросит данные, узнает, что на Ронге есть посадочная площадка для гражданских судов такого размера, и не станет копаться дальше, пытаясь, к примеру, выяснить, кому принадлежит эта площадка. Он не осмелится заставить меня ждать, ты заметил, как высокомерно я разговаривал с Леннарт. Я надеялся, что она даст указание исполнять все мои прихоти.

Чтобы никто не подслушал телефонных переговоров, тебе следует прямо отсюда отправиться к нашему послу. Если надо, подними его с постели и вручи мой приказ о приеме твоих агентов на службу в качестве офицеров военного флота Гермеса. Потом привези их на остров и передай им мой приказ покинуть Солнечную систему в соответствии с дополнительными устными указаниями. Пусть отправляются немедленно. Найди подходящего пилота. Запасов и всего необходимого на катере хватит на несколько недель. Ты сможешь сделать так, чтобы не-люди получили корм, который им нужен?

Недумаю, чтобы у катера возникли какие-нибудь сложности при взлете. Дежурный офицер подумает, что я хочу посетить свои корабли, оставшиеся на орбите. Но как только корабль удалится от Земли, он тотчас направится в открытый космос.

Вселенная большая, и вряд ли его перехватят, если командир знает свое дело. Флот Содружества развернут таким образом, что не может пресечь попытку вырваться в космос. Не то что флот бабуристов на Гермесе.

Эрик усмехнулся.

— Разумеется, я готов выдержать бурю, которая обрушится на меня. Мне будет даже приятно тыкать всем в нос, что-де я не вышел за рамки своих законных прав. Мы не интернированы и пока не подчиняемся верховному командованию Содружества. Я не виноват, что их офицер подумал, будто я намерен отправиться на увеселительную прогулку. Я не обязан отчитываться в том, какие приказы отдаю своему личному составу, хотя, по правде говоря, я поступил бы вполне разумно, послав разведчиков, чтобы они посмотрели (оставаясь на почтительном расстоянии), как идут дела на Гермесе. Да, эта заварушка, похоже, станет моим первым развлечением с тех пор, как ты тайком вывез меня из Рио.

Несколько мгновений ван Рийн стоял, будто истукан. Потом воскликнул:

— Ох-хо-хо-хо! Да уж, ты — мой сын, это точно. Щепка со старого пня. Я, в тебе воплотились все выкладки Менделя! Дай-ка я отыщу бутылочку «дженеверы», которую велел привезти вместе с конторским оборудованием, и мы выпьем до дна за погибель врагов наших!

— Потом, — ответил Эрик, испытав теплое чувство. — Хотя мне и не терпится нализаться вместе с тобой... папа. Но сейчас надо действовать. Ты говоришь, что никто не мог выследить тебя по пути сюда, и я в это верю. Тем не менее, если ты надолго ускользнешь из-под наблюдения и соглядатаи не будут знать, где тебя искать, это наведет их на определенные мысли, верно? — Он потянулся к письменным принадлежностям. — Повтори мне имена партнеров Фолкейна.

Ван Рийн вздрогнул:

— Фолкейна? Дэвида? Нет, нет, мой мальчик, у меня на примете совсем другие люди.

Эрик удивился:

— Разумеется, тебе не хочется опять посылать его в опасный полет. Но есть ли у тебя более знающие специалисты?

— Нет, — ван Рийн принялся мерить комнату тяжелыми шагами. — Эх, черт, не стану отрицать: мне невыносимо видеть, как Койя пытается скрыть горе, когда Дэвид уезжает. И все равно я отправил бы его, вот только... Ты слышал той ночью на яхте. Он не собирается создавать союз независимых компаний, как ему полагалось бы делать. Он даже не пытается лгать мне. При первой же возможности Дэвид отправится на Гермес.

— Разумеется. Почему я должен возражать?

— О муки и смерть! — вскричал ван Рийн. — Но что он может там *сделать*? Сложить голову? На кой черт тогда были нужны все эти ухищрения?

— Полагаю, тогда утром, на яхте, он не бахвалился, говоря, что может незаметно проскользнуть на любую планету вместе со своей командой, — сказал Эрик. — Попав туда, Дэвид, вполне вероятно, застрянет надолго. С моей точки зрения, это хорошо, потому что его советы и руководство наверняка будут очень ценными. Кроме того, Дэвид сказал, что куда труднее будет вывести судно обратно в космос, когда он высадится, но его партнеры рискнут это сделать, и, возможно, у них получится. Они не раз выкидывали такие номера. Ну а убравшись с Гермеса, они соберут для тебя всех твоих торговцев. Хотя, честно говоря, я весьма смутно представляю себе, чего могут добиться эти люди.

— Быть может, и немного, — согласился ван Рийн. — И все же... У меня такое чувство, сынок, что мы должны прошерстить обломки Лиги, и тогда, возможно, узнаем, каковы причины такого поведения Бабура. А узнав, попробуем изменить положение. Поскольку чисто внешне действия бабуритов выглядят лишенными всякого смысла, — он поднял громадную ручищу. — О ја, знаю: войны зачастую кажутся бессмысленными. Но я все равно не перестаю задаваться вопросом: что надеются получить вожди бабуритов в результате империалистической агрессии, направленной против нас? — Ван Рийн постучал себя по лбу костяшками пальцев. — И тут, в этом старом твердом черепе, уже забрезжила одна мыслишка...

Дэви будет настаивать, чтобы первым делом отправиться на Гермес. В таком случае вполне вероятно, что Эдзел и Чи никогда не смогут продолжить свою работу. Опасность, она ведь для всех одинакова. Позволь мне послать не их, а кого-нибудь другого. Пожалуйста.

Наконец-то отец употребил в разговоре с ним это слово, и Эрик испытал странный укол вины.

— Прости, — сказал он. — Это должен быть Фолкейн, какие бы условия он ни выдвинул. Понимаешь, мне необходимо иметь розу на хвосте... Это гермесское выражение. Я должен оберегать свои тылы и держаться в рамках закона ради блага моих людей. Фолкейн — мой соотечественник. И его спутники тоже не имеют никакого отношения к Содружеству, не так ли? Стало быть, я имею право давать им поручения. У тебя есть такие же грамотные космонавты, отвечающие этому требованию?

Ван Рийн как-то разом сник.

— Нет, — прошептал он.

«Он стар, — пронеслось в голове у Эрика. — Он устал и никому не нужен, по крайней мере здесь».

Ему захотелось стиснуть поникшие плечи отца, но он лишь сказал:

— Разве это имеет такое уж большое значение? Самое большее, что нам удастся сделать, это установить связь. Сперва — с моими домашними, потом — с твоими коллегами. Надеюсь, из этого выйдет толк. — И он добавил, возвысив голос так, что тот зазвенел: — Однако главный вопрос заключается в том, насколько хороши мы будем в бою.

Ван Рийн окинул его долгим пытливым взглядом.

— Так ты ничего не понимаешь, да, мальчик? — спросил он тихим, с хрипотцой, голосом. — Победа, поражение, ничья, затяжная война — все это означает конец Содружества в том виде, в каком мы его знаем. Конец Лиги. Конец Гермеса. Молись святым, чтобы нам не пришлось бороться до так называемого «решающего мига». — Он ненадолго умолк. — Быть может, и сейчас уже слишком поздно. Ну что ж, давай поступим так, как хочешь ты.

Закат заливал океан огненно-оранжевым светом, который вдаль сменялся сиянием расплавленного золота, а еще дальше — коралловым багрянцем. Солнечная дорожка протянулась от горизонта до линии прибоя. Высоко на западе стояла Венера. Волны баюкали погруженный в безмолвие атолл Ронга. Дневное благоухание цветов таяло в остывающем воздухе.

Эдзел брел по обрамляющему атолл пляжу. Слева от него на фоне фиолетового восточного горизонта поблескивала листьями группа пальм. Чешуя на правом боку дракона тускло сверкала. На спине у него сидела Чи Лан; ее мех казался позолоченным. Шел последний час перед отлетом в космос.

— Когда мы покончим с этим делом, я вернусь на Цинтию, если мы останемся в живых, — сказала Чи, нарушая долгое молчание. — Это уж точно.

Эдзел что-то вопросительно промычал.

— Я подумывала об этом с самого начала заварухи, — добавила Чи, обращаясь то ли к нему, то ли к себе самой. — А нынче вечером... здешние красоты тревожат меня. Слишком похоже на дом родной. И слишком непохоже. Пытаюсь вспомнить живые леса в Дао-Лай, деревья мало в цвету, птиц вокруг них. Там повсюду птицы. Но вижу только то, что окружает меня сейчас. Пытаюсь вспомнить дорогих мне родственников, но в памяти остались лишь их имена. Я стала холодной.

— Я рад, что твоя жажда богатства наконец удовлетворена, — заметил Эдзел.

Чи ошетижилась:

— Какого хаоса я доверилась тебе, ворчунозавру-переростку? Почем тебе знать, что такое тоска по дому. Ты со своей

дурацкой грамотностью можешь мотаться куда угодно, покуда не израсходуешь весь свой несчастный запас знаний.

Дракон покачал огромной головой. Этому отрицательному жесту он научился у людей, поскольку ни в одной из стран Одина такого не увидишь.

— Извини, Чи, я не хотел читать тебе нравоучений. Просто рад за тебя.

Она успокоилась так же быстро, как вспыхнула, и одарила Эдзела мурлыканьем. Он упрямо продолжал:

— В тщеславии своем я вообразил, будто и впрямь не связан со своей родиной никакими узами. Но здешнее солнце тусклое, горизонты тут узки, и в мечтах я часто бегу со своими бывшими товарищами по равнинам, где поет ветер. И еще я очень хочу жену — это я, существо, которое вроде бы должно испытывать такое желание, лишь встречая самку в период течки. А может, я просто хочу детенышей, чтобы путались под ногами, а потом я сгрэбал бы их в охапку и брал на руки.

— Да, наверное, — пробормотала Чи. — Возлюбленный, к которому всегда испытываешь нежность...

Огибая рощицу, пляж делался все уже. Эдзел и Чи увидели Фолкейна с Койей; они стояли друг против друга, взявшись за руки, и не замечали ничего вокруг. Эдзел не стал замедлять свой размеренный шаг. Ни он, ни его наездница не отвели глаз, но и не любопытствовали. Трое товарищей принадлежали к разным расам, и им почти нечего было скрывать друг от друга.

— Нет, я ни о чем не жалею, — сказал одинит. — Это были неплохие годы. Я и детям своим пожелаю такой же счастливой судьбы скитальцев по мирам, полным чудес.

— Я тоже, — ответила Чи, — хотя боюсь, что все лучшее выпало на нашу долю. Наступают такие времена... — Ее голос замер.

— Нет нужды уже сейчас переживать будущее, — посоветовал ей Эдзел. — Давай насладимся нашим последним приключением, каково бы оно ни было.

Чи встряхнулась, будто вылезла из ледниковой речки, и снова стала сама собой.

— Приключение? — сердито зашипела она. — Сидеть в корабле, вдвое уступающем размерами «Через пень-колоду», без наших любимых развлечений, даже без компьютера, с которым можно сыграть в покер?

Глава 15

Поначалу Гермес был просто синей звездочкой. Потом он вырос и превратился в сапфировый диск, окутанный мраморно-белыми облаками, чуть затемненный в том месте, где располагался его единственный, но огромный континент; вся остальная поверхность была покрыта водой, сиявшей на солнце или побле-

скивавшей в свете луны. Вскоре планета заслонила собой половину небосвода и оказалась уже не прямо по курсу, а внизу.

Здесь и была самая опасная точка. Команда вывела «Проныру» на гиперболическую орбиту, войдя в систему Майи под большим углом к плоскости эклиптики. Ядерный реактор был выключен, аппаратура жизнеобеспечения работала на самой малой мощности благодаря электропитанию. Теперь, если «Проныру» засечет радар сторожевого корабля бабуритов, его скорее всего примут за большой метеорит, прилетевший из межзвездных глубин, то есть за вполне обычное небесное тело. Но сейчас, дабы катер не сгорел в атмосфере, Фолкейн должен быстро включить тягу, чтобы сообщить ему требуемую скорость.

Цифры данных скользили у него перед глазами: плотность воздуха и ее градиент, сила тяжести, высота, кривизна поверхности планеты, изменчивые показатели направления движения катера. Вспыхнули данные расчетов компьютера: через тридцать секунд можно будет начинать аэродинамическое торможение, если удастся верно рассчитать замедление, и тогда «Проныра» окажется в такой-то и такой-то точке внизу. Дэвиду предстояло решить, воспользоваться этой возможностью или дожидаться следующей. Тогда понадобится меньшее антигравитационное усилие, но зато садиться придется в другом месте, а корпус корабля раскалится сильнее. Руководствуясь и разумом, и отточенным инстинктом, Дэвид нажал кнопку выбора оптимального на данный момент режима.

Уравновешивающего внутреннего поля тут не было, и Дэвида швырнуло на сетку безопасности. Тело отяжелело, перед глазами заплескали темные пятна, в голове будто грянул гром. Через несколько минут тяга отключилась, и вот они уже в режиме падения, идут по пологой траектории. На такой высоте даже в атмосфере еще были видны яркие звезды на иссиня-черном небе.

— Как вы там, сзади? — выдавил Дэвид, поднеся к губам микрофон внутренней связи.

— Как и всякий раздавленный помидор, — проворчала Чи, сидевшая в рубке управления огнем.

— О, по-моему, это маневрирование бодрит после долгой невесомости, — откликнулся Эдзел из машинного отделения. — Мне не терпится покинуть борт и размять ноги.

На «Проныре» ему хватало места только для изометрических упражнений и отжиманий. Он должен был покидать рекреационную камеру — единственное место, где Эдзел мог растянуться во весь рост, — всякий раз, когда его попутчикам приходила охота поразмяться. Иначе он рисковал превратиться в мишень для мячей.

— Возможно, тебе придется бегать гораздо больше, чем хочется, — строго сказала Чи. — Вдруг чей-нибудь детектор засек наши выбросы энергии.

— Мы были над самым центром Корибантического океана, — напомнил ей Фолкейн. — Скорее всего судьба нам благоприятствует... Эй, сейчас начнется болтанка.

«Проныра» пересекла границу стратосферы и тропосферы под острым, тщательно рассчитанным углом. Будто камешек, пущенный вприпрыжку по воде, она пошла вверх, когда столкнулась с более плотным слоем газа. Кораблик затрясло. Несколько секунд он летел вперед, почти паря, поднимаясь все выше, в космос, потом снова нырял и подпрыгивал. Затем все повторялось... опять, опять, опять. При каждом таком нырке суденышко все глубже погружалось в атмосферу и теряло скорость. Небо над ним светлело на глазах, и звезды виднелись, только когда «Проныра» оказывалась на ночной стороне планеты. Вой рассекаемого кораблем воздуха сменился ураганным ревом. Суша и вода начали вытеснять из поля зрения небосвод.

Наконец до поверхности осталось всего несколько километров, и «Проныра» стала вести себя, как воздушное судно. Фолкейн нажал кнопку, затребовав географические координаты, рассчитанные на основе непрерывных сигналов с навигационных спутников. Он взволнованно взглянул на карту, которую держал в руках. Они были над Грейтлендом и должны были совершить посадку в Грозовых горах. Под кораблем простиралась залитая солнцем континентальная пустыня; красный грунт возвышался сказочными торосами, изваянными ветром; они были покрыты скудной сухой растительностью и совершенно безлюдны. Если корабль до сих пор не заметили, то вряд ли заметят вообще. Значит, можно включить двигатель, чтобы подлететь как можно ближе к Хорнбеку, родовому гнезду Фолкейнов.

И тут раздался голос Чи; казалось, будто острый клинок полоснул по его надеждам:

— Jao leng! Два самолета, с северо-востока и юго-востока. Идут на сближение.

— Ты уверена? — вскрикнул Фолкейн.

— Радарный сигнал и... да, будь оно все проклято, нейтринное излучение, ядерные силовые установки. Вряд ли это космические корабли, но штуковины здоровые и, могу держать пари, достаточно скоростные.

«О нет, о нет, — на все лады повторял про себя Фолкейн. — Нас засекли. Но как? Что ж, должно быть, оккупационные силы многочисленнее, чем по той или иной причине думал Эрик, и контролируют более обширные территории. В конце концов, он бежал с планеты еще до их прибытия... Кто-то засек выброс энергии на большой высоте и запросил центр, а там, вероятно, сказали, что-де бабуриты ни при чем. Тогда включилась сеть детекторов широкого охвата, нас отыскиали, и вот сюда летят с проверки военные самолеты с ближайшей базы».

Он подавил отчаяние и спросил:

— Есть ли шансы сбить их, когда подойдут ближе?

— По-моему, весьма слабые, — ответила Чи.

Фолкейн кивнул. «Проныра» — это вам не «Через-пень-колоду». В атмосфере, да еще при сильном тяготении, она была гораздо менее увертлива, чем машины, созданные специально для таких условий. У нее не было генератора силового поля для отражения ракет, а лишённые брони борта не имели никакой защиты от лучей. Прежде чем «Проныра» сумеет нанести удар по первоклассному военному самолету, тот разнесет ее в клочья.

Пытаться удрать в космос было так же бессмысленно, как и вступать в бой. Аппаратура слежения уже взяла «Проныру» на прицел, а на военные корабли на орбите, должно быть, передан сигнал тревоги.

По пути сюда Чи, Эдзел и Фолкейн обсуждали возможность возникновения такого положения, равно как и любых других возможных стечений обстоятельств.

— Ладно, — проговорил Фолкейн. — В какой точке они перехватят нас, Чи?

— Километров через пятьсот, если все будут следовать своим нынешним курсом, — ответила она.

— Благодарите за такое везение. Мы будем в глубине Грозных гор, в том районе, который я хорошо знал еще мальчишкой. Я посажу машину неподалеку от места назначения, и мы скроемся в лесах. Может быть, удастся страхнуть их с хвоста. Немедленно покинуть посты! Нет никакого смысла и дальше нести вахту. Чи, собери наши рационы. — Они могли питаться местными растениями и живностью, но в здешней пище не было некоторых витаминов и микроэлементов. — Эдзел, достань походное снаряжение. — Целый узел был заготовлен заранее, там лежали даже пропеллеры, с помощью которых они могли лететь, если удастся ускользнуть от поисковой партии. — Станьте наготове у пассажирского люка, но пристегнитесь к опорам. Я вот-вот нажму на тормоза.

Оставляя за собой шлейф рева, от которого сотряслся грунт, «Проныра» продолжала идти по длинной пологой траектории снижения. Из-за горизонта вставали призрачные синие горы. Вот они обрели четкость очертаний и сделались серыми или рыжевато-бурыми, а потом внизу понеслась чересполосица скал, утесов, крутых склонов и вечных снегов. Горные пики бросались навстречу, когда корабль проносился над разделявшими их седловинами. На востоке горы были пониже и более пологи; они длинными кряжами спускались в долину Аполлона, за которой лежали холмы Аркадии, прибрежные равнины, Звездопад и океан Авроры. Воздух в той стороне был более влажным, в небе плыли облака, внизу поблескивали по-осеннему бледные луга; подножия гор были окутаны мантиями лесов.

Оп-па! Фолкейн снова включил тягу, и корабль затрясся под натиском могучих сил. Он почти остановился, задрал нос к небу,

пошел вниз и ударился о грунт. Посадочные мачты вонзились в дерн, нащупали твердую почву и надежно встали на свои места, крепко держа корабль. Фолкейн уже вскочил с кресла. Он принял дозу эквilibрола, вернувшую его телу чувство равновесия после невесомости. Он проворно сбежал по трапу, пронесся по коридору, увидел, что люк открыт, и бросился по сходням следом за своими товарищами.

Они уже были далеко впереди. Фолкейн бегом пересек поляну, на которую сел корабль, и бросился к обрамлявшей ее стене деревьев. Под открытым небом ему грозила смерть. Между стволами деревьев рос густой труднопроходимый подлесок из кустов и лоз. Фолкейн вспомнил свои старые навыки и принялся раздвигать ветки четкими движениями рук и ног. Эдзелу надо продвигаться вперед еще осторожнее, чтобы не оставить за собой полосы вытоптанной земли. Ну, да любой, даже самый мелкий, его шажок все равно длиннее человеческого. А Чи просто прыгала с ветки на ветку.

По подсчетам Фолкейна, они прошли три километра, когда над головой раздался свист. Подняв глаза, Дэвид увидел один из самолетов. Тот несся к «Проныре». У него был узкий фюзеляж, значит, самолет строили на заводах фирмы «Авелан». Их стали выпускать специально для обжитых людьми планет, когда Дантина заставляла поселенцев и вынудила их вооружаться. Более грозной боевой машины Фолкейн и представить себе не мог. На корпусе красовались переплетенные восьмерки, знак Объединенного Бабура. Этот самолет, как и ему подобные, наверняка был куплен через подставных лиц много лет назад и передан наемникам из числа людей.

Когда самолет прошел мимо и скрылся из виду, Фолкейна захлестнула волна облегчения. Их не заметили.

— Давайте я осмотрюсь, — крикнула Чи. Эдзел бросил ей бинокль, который можно было подстроить под ее глаза, и Чи ловко полезла вверх.

Фолкейн был рад остановке, хотя и не устал. По гладкой дорожке он мог пробежать хоть тридцать километров и даже не запыхаться. Но передышка дала его чувствам возможность оценить обстановку, сделала его частицей окружающего мира, чтобы тот перестал напоминать полосу препятствий.

Снопы предвечернего света пронизывали кроны, по голубому небу плыли маленькие облака. Большинство здешних деревьев составляли камнекорки, сейчас голые, и зонтики, кроны которых уже пожелтели, но вполне могли спрятать его, если он будет выбирать дорогу достаточно осмотрительно. Подлесок в этих тенистых местах был менее густой, чем в районе посадки. Опавшая листва хрустела под ногами, источая густой влажный аромат. Меж голых ветвей порхали орнитоиды, а в снопах света, будто пылинки, плясали букашки. Внезапно Фолкейна охвати-

ло острое чувство. Не радости от возвращения домой, а скорее тоски. Что это — по-прежнему его страна, или же за долгие годы странствий он стал тут чужим?

Впрочем, сейчас не время раздумывать об этом. Чи поспешно спустилась с дерева.

— Я видела, как наш бандит снизился, а второй завис, надо полагать, над «Пронырой», — доложила она. — Скоро они обнаружат, что лавочка осталась без хозяев.

— Пожалуй, нам лучше поспешить, — предложил Эдзел.

— Нет, — решил Фолкейн. — Сначала надо узнать, насколько дотошно они будут вести поиск. Давайте, пока возможно, прятаться. Особенно ты, старый буйволигатор.

Чи возвратилась на свой пост, Эдзел втиснулся в чащу. Фолкейн срезал лучеметом кусты и сучья и завалил ими торчащий хвост единита. Сам он мог без труда спрятаться в...

Чи проворно спустилась вниз и пересекла прогалину.

— Стая бросилась в погоню, — прошипела она. — Летят на пропеллерах по спирали, в режиме поиска, четыре человека. Бьюсь об заклад, что у них есть нюхач.

Фолкейн оцепенел. От этого прибора, улавливающего запахи пота и дыхания, можно было спрятаться только в пещере. Вероятно, у них будут задержки и ложные тревоги при встречах с диким зверем, но вряд ли это принесет преследуемым сколь-нибудь ощутимую пользу.

«Может быть, это конец. Нам столько лет везло». Вслух Фолкейн задал дурацкий вопрос:

— С чего бы вдруг им брать с собой нюхач?

— В качестве меры предосторожности против партизан. Может, они уже действуют, — ответила Чи. — Похоже, нюхач был только на одном самолете. Иначе бы они отрядили на поиск две команды.

— А мы не могли бы тоже подняться в воздух?

— Чу, дохлый номер! Где твои мозги? На таком расстоянии нас наверняка заметят.

Из кустов донесся голос Эдзела:

— Меня они первым делом унюхают, как только позволит дальность действия прибора. Вы идите, а я останусь и отвлеку их.

— Твои мозги, видать, тоже превратились в овсяную кашу? — фыркнула Чи.

— Послушайте, друзья, у меня в любом случае нет никакой возможности убежать...

Способность соображать вернулась к Фолкейну с быстротой клинка, возвращающегося в ножны.

— Космос и все его светила! — вскричал он. — Сделаем как раз наоборот. Эдзел, сиди тихо. Чи, идем со мной. Выведи меня туда, где они первым делом унюхают нас.

Ушки Чи встали торчком.

— Что ты задумал?
— Поторапливайся, болтунья! — велел ей Фолкейн. — По дороге объясню.

Он стоял под зонтиком на опушке леса из камнекорок. Голые ветви и сучья на фоне видимого кусочка неба казались причудливым скелетом. Над головой раздался гул, и Дэвид увидел преследователей, скользивших по воздуху довольно высоко над кронами деревьев. Это были люди, хотя и совсем не похожие на людей: пропеллеры на спинах напоминали плотные спаренные плавники, шлемы выглядели как голые черепа. В ровном свете поблескивал металл. На летунах была незнакомая серая униформа; трое держали в руках лучевые ружья, имевшие, судя по длинным стволам, немалую убойную силу. Командир, который летел ниже остальных, нес на груди ящичек с сенсорами и впускными клапанами, а на спине — счетчики. Да, это был нюхач.

Человек с прибором указал рукой, и его спутник выпустил струю ревушего ослепительного пламени, которая полоснула по веткам. Они с треском посыпались вниз, таща за собой шлейфы едкого дыма. Усиленный мегафоном голос заорал на ломаном английском:

— Фыходите на обозрение, не то мы зажжем под вами почфа!

Фолкейн шагнул вперед, подняв руки. Он уже ничего не боялся, но чувства его были обострены до предела. Он видел каждый опавший листок у себя под ногами, ощущал тихое прикосновение вертерка к потным щекам, вдыхал ароматы растений и их гниющей плоти. Казалось невозможным, чтобы преследователи не почувствовали опасности со стороны Чи.

Солдаты остановились.

— Вот правильно, стой на месте, — велел голос. Все четверо о чем-то посоветовались. Разумеется, они боятся засады, но ведь прибор обнаружил только одного человека...

Живущий на деревьях зверь, который повис на высокой ветке, в счет не шел. Он был невзрачен, с серым мехом, покрытым черными пятнами. Поза зверька свидетельствовала о том, что он оцепенел от ужаса. Прежде чем взобраться на дерево, Чи разгребла опавшие листья и вывалялась в гумусе. Преследователи не были уроженцами Гермеса и ровным счетом ничего не знали о животном мире планеты. Возможно, никто из них даже не заметил ее.

Один охотник остался в воздухе, трое других спустились, чтобы схватить пленника. Когда они пролетали мимо Чи, она извлекла из-под брюха лучемет и открыла огонь.

Первый луч угодил прямоком в нюхач, пробуравил корпус и сжег схему. Несший прибор человек вскрикнул и выпустил ящик. Луч рассек его, нанеся тотчас запекшуюся смертельную рану.

Тело продолжало медленно снижаться на пропеллере, будто сложенная кукла.

Чи опять пустила луч, но промахнулась и лишь ранила второго преследователя в ногу. Но этого хватило, чтобы вывести его из строя. Человек обратился в бегство, отвесно набирая высоту и оглашая окрестности ужасными пронзительными криками.

Третий солдат выстрелил в Чи. Она успела шмыгнуть за ствол дерева и устремилась вниз, прыгая с ветки на ветку, преодолевая разом по несколько метров. Преследователь развернул ружье и принялся искать Фолкейна, но тот уже спрятался под пологом листвы и вместе с Чи открыл стрельбу по врагам из своего укрытия. Солдат шарахнулся прочь. И он, и его напарник в слепой ярости посылали вниз струи огня. Вспыхивали деревья, дымился грунт. Сотни птиц в ужасе взмыли в воздух, их крики почти заглушили резкий сухой грохот взрыва.

Бросать гранаты было бессмысленно. Перебегая от укрытия к укрытию, Фолкейн за несколько секунд покинул место схватки. Чи было еще легче, она могла передвигаться, оставаясь невидимой. Когда они вернулись к Эдзелу и Чи снова вошла на дерево, она не увидела никаких признаков присутствия неприятеля, за исключением парящего вдали самолета. Должно быть, наемники потащили восвояси раненого товарища.

— Теперь они остались без нюхача и будут ждать, пока кто-нибудь не привезет им новый, — сказал Фолкейн.

Если прежде он не испытывал страха, то теперь не чувствовал и радостного возбуждения. Он просто знал, что надо делать, и действовал по инерции.

— Но мы должны убраться подальше, пока этого не случилось. Отправляемся сию же минуту, не спеша и сверхосторожно. Когда настанет ночь, а ждать уже, слава Богу, осталось недолго, пойдем быстро. Быстро, вы поняли? — И он добавил, обращаясь к единиту: — И чтобы впредь — без благородного самопожертвования, ладно? Я посажу на спину Чи, а ты — меня, и тогда мы сможем развить неслыханную скорость. Да еще не будет нужды устраивать привалы.

«Да, — подумал Дэвид, — старая команда еще хоть куда».

Он указал на мелькавший за деревьями ориентир — без труда узнаваемую заснеженную горную вершину.

— Давай туда. Там мои родные.

Глава 16

Угодья Хорнбека раскинулись на плато, которое примыкало к более пологому плечу горы Маунт-Нивис. На севере, за лесом, начинались взгорья, становившиеся все выше и выше, пока их не окутывала вечная сияющая белизна. Западный горизонт тоже был горист, но на юге и востоке небосвод соприкасался с границами возделанных земель. Серый каменный особняк стоял

чуть поодаль от горстки жилых домов поменьше и других построек. Отсюда начинались владения Фолкейнов, их лесопромышленная и чугунолитейная империя, и, хотя предприятия уже давно распространились по всей планете, сердце имения по-прежнему оставалось здесь.

Шагая по вившейся среди полей дороге, Фолкейн видел, что сжатые нивы опустели, оголились и обезлюдели; только скотина на пастбищах еще подбирала последнюю сухую траву — прощальный подарок осени. День был ясный, безветренный и прохладный; кругом стояла такая безграничная тишина, что хруст щебня под каблуками сапог казался исполненным какого-то таинственного смысла. Высоко над головой парил сталекрыл, высматривавший добычу. В небе не было ни одной машины, ничто его не тревожило. Не было видно и наземного транспорта. Казалось, все население скрывается внутри зданий; во внешний мир посылаются лишь немногочисленные короткие сообщения; члены семьи покидают дом лишь в случае необходимости, держа при этом рот на замке; жители перестали принимать гостей извне. Имение словно готовилось отразить яростный приступ.

«И вскоре это ему предстоит, — подумал Фолкейн. — Причем нападение будет куда опаснее простого штурма».

Наутро после своего прибытия и после вчерашней суматошной встречи любящих сердец Дэвид и его мать отправились на прогулку, чтобы спокойно поговорить. Но первые полчаса они шагали в молчании. После всех этих лет Дэвид уже толком не знал умонастроений матери. Сам он чувствовал, что не может сосредоточиться на планах: все его существо было поглощено воспоминаниями. Наконец Афина Фолкейн заговорила. Это была высокая женщина, все еще миловидная и энергичная. Густые седые волосы ниспадали на спину. Как и сын, она была облачена в комбинезон с семейной эмблемой на плече, но украсила свой наряд янтарным ожерельем из застывшей смолы осенника.

— Дэвид, дорогой, я была так счастлива снова увидеть тебя, испытала такой ужас при мысли о том, как ты рисковал, а потом — радость от сознания того, что ты прошел через все опасности целым и невредимым. Я даже не могла спросить тебя об этом прежде. Какова истинная причина твоего приезда?

— Я же тебе говорил, — ответил Фолкейн.

— Да, чтобы взять на себя функции Майкла, это твое право.

— И мой долг.

— Нет, Дэвид. Тебе ли не знать. Джон и Вики, — остальные двое детей Афины жили отдельно от матери, — и их супруги достаточно компетентны для этого. Да и вообще дела вела в основном я, потому что Майкл слишком часто был занят флотом. Или ты уже настолько отдалился от нас, что не веришь в нашу способность справиться с делами?

Фолкейн поморщился и потер лицо ладонью. Оно исхудало после многодневного трудного похода, во время которого он

питался дарами земли: лететь по воздуху Дэвид и его друзья не осмелились.

— Ничуть, — ответил он. — Но с моим... с моим опытом...

— Разве ты не мог с большей пользой применить его в космосе, помогая организовать военные усилия? — Взгляд, устремленный в небо, где сновали сторожевые корабли, был сродни яростному потрясанию кулаком.

— Сомневаюсь, — грубовато ответил Дэвид. — Думаешь, правительство Содружества пожелало бы прибегнуть к моим услугам? А что до ван Рийна... Возможно, я совершил большую ошибку. А возможно, и нет. Однако... Послушай, Гермес всегда жил в мире. Бури и треволнения истории для тебя — нечто нереальное, как и для любого другого обитателя этой планеты. Для вас все это — лишь череда имен и дат, которые все мы зубрили в детстве, а потом забывали, потому что они ничего для нас не значат. Но я видел войну, тиранию, порабощение, мятеж, видел все это на множестве планет. Вот почему я посетил заброшенные города Земли, от Иерихона и Фермопил до Хиросимы и Владивостока. А ведь их там столько, что человеку жизни не хватит осмотреть все до единого... Я кое-что знаю о механике этого кошмара. Немного, поскольку в Лиге хватает людей, осведомленных так же хорошо, а то и лучше меня, но все же я вправе считать, что понимаю в этом больше едва ли не любого жителя Гермеса. — Дэвид взял мать под руку и взмолился: — Прежде чем я продолжу, пожалуйста, заполни тот вакуум, в котором я оказался. Расскажи мне, как тут обстоят дела. Я слышал кое-что о революции, оплачиваемой оккупационными силами, но не знаю подробностей. Вчера все были слишком возбуждены и, Боже мой, встреча превратилась в одно нескончаемое «ура», сопровождаемое тостами, не правда ли? Да еще проклятиями по адресу предателей, подстрекавших траверов к бунту. Но ведь все наверняка гораздо сложнее.

— Да, — согласилась Афина. — Вероятно, ты видишь картину, отличную от той, которую, боюсь, вижу я.

— Расскажи же мне, в чем дело.

— Я тут на целый световой год оторвана от многих фактов, а те, которыми все же располагаю, могу невольно исказить в зависимости от собственных предубеждений. Тебе надо бы поговорить с другими людьми, посмотреть последние хроники...

— Да, разумеется, — Фолкейн горько рассмеялся. — Мама, мне пятьдесят лет... Это значит сорок пять гермесских.

Мать ответила ему такой же грустной улыбкой:

— А я не могу этого почувствовать. Поверить — да, но вот ощутить не способна. Не в силах почувствовать, что прошло так много времени с тех пор, как врач положил тебя мне на руки, и я убедилась в том, что у тебя прекрасные легкие.

Они продолжали свой путь. Дорога оборвалась у деревянного мостика через речку Хорнбек. Мать и сын остановились посередине и, облокотившись на перила, посмотрели вниз. Под водой, на зыбком дне, лежали камни. Поток весело журчал.

— Ну что ж, — сказала Афина тихим ровным голосом. — Как тебе известно, в нашу систему прибыли бабуриты и объявили, что-де мы находимся под их протекторатом. Они хотели захватить наши немногочисленные военные корабли, но Майкл увел их в космос. Майкл... — повторила она несколько секунд спустя, охваченная гордостью и горем.

Над водой вились золотистые мухи-драконы с прозрачными крылышками.

— Полагаю, госпоже Сандре тогда понадобилось прямо-таки невероятное самообладание, — продолжала мать. — Флот улетел, а с ним — ее старший сын. Прекрасный предлог, чтобы свергнуть ее. Должно быть, она не уступила этим тварям и доказала им, что без нее некому руководить планетой и они рискуют насадить анархию в мире, о котором почти ничего не знают, если она уйдет. И это правда. Цель Сандры — спасти наши жизни, наш уклад жизни — в тех пределах, в которых это вообще возможно. И если она вынуждена идти на уступки, я, по крайней мере, благодарна Сандре за все, что она ухитряется сохранить.

Фолкейн кивнул:

— Ты мудрая женщина, матушка. Послушал я вчера кое-кого из этих горячих голов... Помогли мне втолковать им, что война и политика совсем не романтичны.

Афина устремила взор в сторону ледника, который тускло поблескивал под снежной шапкой Маунт-Нивис.

— Вскоре бабуриты завезли сюда дышащих кислородом наемников, в основном людей, — сказала она. — Так уж получилось, что у меня есть кое-какие сведения о них, потому что Герцогиня просила меня подыскать надежных людей, чтобы они навели справки: ведь то, чем занимается наше имение, неизбежно вынудит нас вести дела с захватчиками, а госпожа Сандра знает, что я всегда поддерживала тесную связь с высокопоставленными Последователями.

И люди, и не-люди являют собой весьма разношерстную компанию. Их набирали много лет из числа сломленных жизнью, озлобленных, алчных, преступивших закон, безнравственных и безрассудных искателей приключений.

Фолкейн кивнул. Техническая цивилизация, распространявшаяся по космическому пространству стремительно и слепо, будто сила стихий, наплодила немало таких личностей.

— Уже для того чтобы их набрать, должно быть, понадобилась целая организация, располагающая немалыми средствами, — сказал Дэвид.

— Это ясно, — ответила Афина. — Полагаю, в их вышних эшелонах знали часть правды, но рядовым исполнителям ничего не сказали. А скормили им такую историю: консорциум вкладчиков, не пожелавших называть своих имен, потихоньку собирал наемную армию, отборные войска, в которые за высокую плату нанимали солдат везде, где только можно. Вероятно, это делалось во имя народов, оказавшихся перед лицом угрозы, как, например, население Датины. Или якобы для поддержки предпринимателей, рискнувших отправиться за пределы освоенного космоса. Ходили упорные слухи, что во всем этом заинтересованы, в частности, имириты, которым нужны дышащие кислородом помощники на малых планетах. К примеру, для того, чтобы собирать дань в виде изготовленных по их заказу товаров.

Фолкейн чуть вздернул уголок рта.

— Я почти восхищен... нет, какое там почти, я восторгаюсь их наглостью, — сказал он. — Впрочем, то, что выбор пал на Имир, вполне естественно: это излюбленный объект всевозможных суеверий.

«Потому что мы ничегошеньки о нем не знаем, — подумал Дэвид. — Мы просто называем так гигантскую планету, по сравнению с которой Бабур — карлик. Ее обитатели много путешествуют по космосу и колонизируют планеты, но, похоже, не заинтересованы в сношениях с нами. Или просто считают, что мы безнадежно чужды им».

— Удивляюсь, почему у вас в Лиге ни сном ни духом не ведали об этом наборе вояк, — сказала Афина. — По самым точным доступным мне данным, полученным из пересказов различных бесед и (но это — между нами) допросов нескольких захваченных в плен неприятельских солдат, уже началось кое-какое партизанское движение. Мы громогласно отрицаем это, но слухи-то доходят... — Она вздохнула. — Впрочем, это неважно. Главное — то, что мои люди сумели в меру своих возможностей оценить численность оккупационных сил. Она составляет около миллиона. По другим сведениям, еще примерно столько же Бабур держит в резерве.

Фолкейн присвистнул.

— Но все-таки...

— Вполне понятно, почему до нас не дошли никакие разведданные, — сказал он. — Два миллиона, надерганные в десятках тысяч стран, на десятках планет. Это не могло сколь-нибудь заметно сказаться на статистике. Происки — штука неистребимая. Быть может, агенты одной-двух компаний и слышали что-то краем уха. Но если даже и так, они, или их начальники, не сочли нужным делиться этими сведениями с остальной Лигой и настаивать на полномасштабном расследовании. Связи между членами Лиги сейчас уже не те, что встарь.

«Космос слишком велик, а мы так разобщены», — подумал он.

Афина вздохнула:

— Я об этом догадывалась. Ну, в общем, солдат предупреди-ли, что им придется несколько лет провести в изоляции. Но жалование в конечном счете должно было составить кругленькую сумму, и, по-видимому, им предоставили поистине роскошные возможности для отдыха и развлечений — от пивнушек и борделей до многосенсорных библиотек. Ну и, разумеется, планета, на которую их посылали, изобиловала чудесами природы, ждущими своих исследователей. Хотя она была довольно мрачной, хотя чем-то похожей на Землю, жаркой, влажной и ее вечно окутывали облака.

— Облака? — переспросил Фолкейн. — Ах да! Это чтобы те, кто не имел доступа к совершенно секретным сведениям, не смогли догадаться, где находится эта планета.

— В своей среде они называли ее Фараон. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— Может быть, она вообще за пределами изученного космоса.

— Хм, я в этом сомневаюсь: исследователи все время раздвигают границы изученного космоса и вполне могли наткнуться на эту планету. Полагаю, что однажды они посетили Фараон, занесли его в каталоги, снабдив номером, но не вписали туда название, поскольку планета не представляла серьезного интереса в сравнении с большинством других... Ладно. Войска жили и обучались там, но недавно их вывезли оттуда, и солдаты узнали, что состоят на службе у Бабура и воюют с Содружеством, а возможно, и с Лигой. Подорвало ли это их боевой дух?

— Я, право, не знаю. Мои люди, как и все истинные гермесцы, не вступают в тесный контакт с солдатами. У меня сложилось впечатление, что в большинстве своем они по-прежнему вполне уверены в себе. В любом случае они рады возможности насолить Технической цивилизации, сделавшей из них отбросы общества. Уж мерсейцы-то наверняка. Если и есть среди них отдельные недовольные, воинская дисциплина вынуждает их помалкивать. Это очень дисциплинированный отряд. — Афина опустила голову. — Боюсь, это все, что я могу рассказать тебе о них, — закончила она.

Фолкейн прикрыл рукой ее лежащие на перилах ладони и крепко сжал их.

— Господи, матушка, за что ты извиняешься? Ты могла бы сделать блестящую карьеру. Тебе бы возглавлять разведывательную службу Ника ван Рийна, — сказал он, думая при этом, что сбор таких сведений стоил огромных трудов. Должно быть, тут поработал кто-то очень высокопоставленный.

— Идем дальше, — предложила Афина. — Я хочу вытрясти из себя это ощущение несчастья.

Фолкейн вздрогнул и опять зашагал рядом с ней.

— Да, должно быть, это сродни ожиданию наступления ада — сидеть вот так, день за днем, совершенно беспомощно... Я думаю, поначалу бабуристы обещали не вмешиваться в наши внутренние дела, это так?

— Более-менее.

— А потом, утвердившись здесь, они нарушили слово и начали ввозить подкрепления, дислоцируя их по всей планете, дабы утратить возможных мятежников.

— Совершенно верно. Они посадили нам на шею верховного комиссара, который делает едва ли не все что душе угодно. Если госпожа Сандра не будет оказывать ему хотя бы минимальное содействие, он попросту свергнет ее, и нам придется жить по законам военного времени. Но бедная храбрая девочка еще держится, и Бог знает, как ей приходится бороться за то, чтобы кланы, Последователи и благонадежные траверы сохранили хоть какое-то представительство... какую-то часть наших общественных институтов.

— В то же время, оставаясь Герцогиней, она придает некоторую долю законности его указам... Впрочем, мне ли критиковать ее? Если бы мне пришлось сидеть там, на троне... Расскажи мне об этом верховном комиссаре.

— Никто почти ничего не знает. Зовут его Бенони Стрэнг. Это имя тебе тоже ни о чем не говорит? В общем, он утверждает, будто родился и рос на Гермесе, среди траверов. Мне удалось проверить метрики и школьные журналы, они подтверждают его слова. Кажется, горький опыт юности толкнул его на путь мятежа. Но вместо того чтобы вступить в Освободительный Фронт, он покинул планету, получил от «Галактических проектов» стипендию и стал изучать ксенологию. Тридцать лет тут о нем никто не слышал, даже родственники, и вдруг он появляется снова, вместе с бабуристами. Он очень дружен с ними — насколько это вообще возможно для существа, дышащего кислородом. Однако Стрэнг вращался и в высших кругах человеческого общества: он прекрасно образован.

Фолкейн хмуро оглядел поля. Из живой изгороди выбрался попрыгунчик и побежал по стерне — маленький пушистый зверек, свободу которого не могли стеснить ни солдаты, ни космические корабли.

— Он хочет воспользоваться удобным случаем и отомстить, или, как говорит он сам, исправить несправедливость. Это одно и то же. Освободительный Фронт одобряет его действия?

— В общем-то нет, — ответила Афина. — Их вождь, Криста Бродерик, выступила с речью по телевидению сразу же после того, как комиссар объявил о своем намерении провести коренные преобразования в обществе. Это она приветствовала. Несколько членов Фронта тотчас покинули его ряды, заявив, что прежде всего они — гермесцы. Да и потом, Стрэнг не прилагал никаких усилий, чтобы привлечь эту организацию на свою

сторону. Он ее и вовсе не замечает, и Бродерик обиделась. Цензура не даст ей открыто объявить о непризнании Стрэнга, но молчание Бродерик ясно свидетельствует о ее нынешней позиции. Поддерживающие Стрэнга траверы задумали основать новую партию.

— Такие действия Стрэнга не удивляют меня, — заметил Фолкейн. — Ему не нужен союзник в лице сильной местной группировки. Такой группировке придется предоставить право голоса, и этот голос не всегда будет эхом его собственного. Если хочешь перестроить общество, для начала надобно разложить его на атомы.

— Он заявил устами правительницы, что-де соберет Великую Ассамблею, дабы создать проект новой конституции. Как ты знаешь, наша нынешняя конституция позволяет это сделать. И это произойдет, как только будут разработаны соответствующие процедуры выбора делегатов.

— Хе-хе. Значит, как только ему удастся обставить все жульническим образом, дабы не выпячивать то обстоятельство, что дела делаются под дулами бабуритских ракетных установок. Ты знаешь, какие преобразования он намерен провести?

— Пока никаких сколь-нибудь определенных посулов нет, только обещание «покончить с особыми льготами». Но об одном «предложении» говорят так много, что я уверена: оно будет принято. Имена подвергнутся «демократизации» и станут вести свои дела через центральное торговое учреждение.

— Прекрасная крепкая основа для тоталитарного государства, — сказал Фолкейн. — Матушка, я поступил правильно, вернувшись сюда.

Она долго смотрела на него, потом спросила:

— Что ты намерен делать?

— Мне придется побольше узнать и крепко подумать, прежде чем я смогу определиться, — ответил Дэвид. — Но первым делом я стану президентом именина, как мне и положено, а потом налажу сопротивление и во всех остальных.

— Тебя бросят в тюрьму, как только ты заявишь о себе! — с горечью возразила мать.

— Правда? Вряд ли. Я выступлю на сцену под гром фанфар. Что я сделал незаконного? Никто не может доказательно заявить, когда и как я прибыл сюда. Может, я сидел где-нибудь в глухомани, в келье отшельника, удалившись туда еще до войны, и медитировал. А события на Датине превратили меня в образцового героя. К черту скромность! Это обстоятельство часто причиняло нам неудобства, но факт есть факт. Если Стрэнг и впрямь действует так осторожно, как ты говоришь, он не пойдет против меня, пока я как следует не спровоцирую его, а я этого не сделаю. Полагаю, что я смог бы объединить кланы и Последователей, поднять их моральный дух и обратиться с призывом ко

многим траверсам. Когда созовут Великую Ассамблею, у нас будет там кое-какой вес. Вероятно, небольшой, но все-таки. Быть может, нам по крайней мере удастся сохранить основные гражданские права и Гермес как символ их соблюдения, чтобы Содружество не могло использовать нас в качестве предмета торга.

— Боюсь, ты не в меру благодушен, Дэвид, — предостерегла его Афина.

— Да, знаю, — мрачно ответил Фолкейн. — В самом лучшем случае следующие несколько лет, или сколько там продлится эта война, я буду очень страдать вдали от Койи и наших детей, а в их душах тоже воцарится пустота... Но я должен попытаться, правильно? Только перестав надеяться, мы попадем в безнадежное положение.

Фолкейн оставил Эдзела и Чи в лесах, а сам прошагал последние несколько километров, отделявшие его от особняка. Одной из первых его забот было надежно спрятать друзей, чтобы об их присутствии даже в Хорнбеке знало как можно меньше народу.

Афина сумела устроить это незамедлительно. Как только бабуриты заявили о своих захватнических намерениях, Герцогиня Сандра разослала в самые надежные дома эвакуированных ею с Обители Мрака работников «Сверхметаллов». Афина взяла на свое попечение Генри Киттреджа, начальника разработок, и отправила его в глухомань, в охотничий домик. О его местонахождении знали только она сама и горстка наиболее доверенных слуг, снабжавших Генри всем необходимым. Когда к нему привели единита и цинтианку (они летели на пропеллерах под покровом ночи), он обрадовался их обществу.

Наутро все трое уселись и принялись болтать. Киттредж устроился на крылечке бревенчатой хижины, Чи оседлала соседний стул, Эдзел развалился на дворе, подняв голову над перилами. Лучи светила пронизывали кроны ближайших деревьев, окрашивая немногочисленные еще не опавшие листья в яркие тона: желтый, красновато-бурый, белый, синий. Жизнь иногда напоминала о себе дробным топотом лап и мелодичными трелями, доносившимися из-под пронизанной снопами света сени леса. Больше ничто не нарушало тишины, а воздух был недвижим, терпко-душист и прохладен.

— Книги, музыка, пленки, телевидение, — говорил Киттредж. — Ну, поболтаешь малость с теми, кто приносит еду. Начиная тяготиться одиночеством. Хуже того, мне сделалось тоскливо. Поймал себя на желании увидеть какое-нибудь яркое событие, неважно, худое или доброе.

— Разве вы не могли найти себе развлечения в лесу? — спросил Эдзел.

— Я не отважился заходить слишком далеко. Можно заблудиться или попасть в сотню самых невообразимых передрыг. Эта планета слишком не похожа на мою.

Чи постучала по кончику мундштука, чтобы стряхнуть пепел с сигареты.

— Но ведь среда обитания на Вискене пригодна для человека, — сказала она. — Там в числе прочего есть леса.

— Но не такие, как здесь. Сходство только внешнее, — ответил Киттредж. — Черт, вам ли этого не знать: вы повидали столько планет. Что до меня, — с тоской добавил он, — то я решил: коли увижу Вискен снова, буду сидеть там сиднем и больше никуда не поеду.

— Как, очевидно, и остальные ваши, — пробормотала Чи.

— Сочувствую вам, — ласково проговорил Эдзел. — Дом есть дом, и безразлично, насколько там суровые условия жизни.

— Сейчас на Вискене живет лучше, чем прежде, — ответил Киттредж, почувствовав внезапный прилив гордости. — Наша доля в «Сверхметаллах» позволила оплатить сеть станций искусственного климата, столь необходимую нам, и... Что ж, этого у нас уже не отнять, независимо от дальнейшей судьбы Обители Мрака.

Чи заерзала.

— Еще неизвестно, может, нам удастся изменить эту судьбу, если мы с Эдзелом сможем и впредь работать над нашим заданием, — заявила она. — Вы не знаете, как достать здесь космический корабль?

Киттредж пожал плечами:

— Понятия не имею, уж не обессудьте. Наверняка это зависит от того, как пойдут дела в других местах.

— Ну, на этот счет у вас наверняка есть какое-то мнение, — пристал к нему Эдзел. — Вы довольно долго пробыли здесь, смотрели выпуски новостей и, должно быть, общались с гермессами лично.

Киттредж вскинул брови:

— Как общался?

— Не обращайтесь на него внимания, — посоветовала Чи. — Иногда на него находит.

— Что ж, я на этой планете — чужак, — сказал Киттредж. — А вы? Что вы знаете о ней? Какого типа тут общество, к примеру?

— Дэвиду Фолкейну не раз приходилось беседовать с нами на эту тему, — заверил его Эдзел.

— Да, это понятно, — сочувственно ответил Киттредж. — Теперь, насколько я могу уразуметь, бабуриты намерены через своих наймитов из числа людей осуществить на Гермесе революцию сверху, хотя они, несомненно, рассчитывают и на поддержку снизу. Вся система законов и отношения к собственно-

сти будет пересмотрена, знать — уничтожена как класс, и на свет появится «республика дольщиков», что бы сие ни значило.

Эдзел выпрямил шею, а Чи застыла, будто изваяние; бакенбарды ее встопорщились.

— Chu wai? — воскликнула она. — Да за каким космо-сом бабуритам волноваться, что за правительство на Гермесе, если они все равно заправляют тут?

— Полагаю, они намерены остаться тут хозяевами, — ответил Киттредж. — И после войны тоже. А для этого им нужен пробабуритский режим из местных, поскольку иначе Гермес будет оттягивать на себя слишком большую часть их сил. — Генри потерял бородку. — Полагаю, захват планеты имел целью не просто опередить Содружество и не позволить ему сделать то же самое.

— А это была фарисейская ложь с самого начала, — прошипела Чи. — Содружество никогда не имело таких намерений, и бабуриты не настолько глупы, чтобы не понимать этого.

— Вы уверены?

— Вполне. Ван Рийн хоть что-нибудь да прослышал бы, а тогда уж сказал бы и нам. Кроме того, мы прямиком из Солнечной системы. Мы видели, как бестолково предпринимаются военные усилия: вооруженные силы не готовы, политики бесятся, одна из важнейших партий скулит, что-де надобно добиться мира любой ценой... Содружество не в форме, и никогда не было в достаточно хорошей форме, чтобы проводить завоевательскую политику.

— Но тогда за каким безумным чертом бабуриты вторглись на Гермес? И почему хотят сохранить его в составе империи, которую задумали построить вокруг Обители Мрака?

— Это загадка, — ответил Эдзел. — Одна из загадок, среди которых самая таинственная заключается в том, почему Бабу вообще начал завоевательскую кампанию. Чего он рассчитывает добиться? Как планета, как сообщество холоднокровных существ, он может только понести потери, подменив мирную торговлю подавлением при помощи силы оружия. Сам Наполеон однажды заметил, что штыки всем хороши, да вот только сидеть на них нельзя. Конечно, на Бабуре может быть свое немногочисленное, но господствующее сословие, которое хочет извлечь выгоду... Ого-го!

Он резко вскочил. Чи схватилась за кобуру лучемета. Над деревьями показался летательный аппарат.

— Спокойно, спокойно, — Киттредж засмеялся и тоже встал. — Это везут еду, добавку для вашего пропитания.

Эдзел расслабился. Чи тоже, но не так быстро.

— Немного рискованно, не правда ли? — спросила она. — Их может засечь патруль оккупантов.

— Я уже задавал этот вопрос, — успокоил ее Киттредж. — Госпожа Фолкейн сказала, что их семья всегда разрешала

слугам пользоваться этим домиком в свободное время, если он не был нужен для иных целей. В том, что они прилетают сюда на несколько часов, нет ничего необычного.

Машина опустилась на площадку перед хижиной, пилот выбрался наружу, и вдруг Киттредж воскликнул:

— Я его не знаю!

Рука Чи скользнула к лучемету.

— Свои! — крикнул незнакомец. — Меня послала госпожа Афина. Я привез вам еду.

Человек приблизился. Он шагал немного вразвалку — невысокий, коренастый, с обветренным лицом, в простой гражданской одежде.

— Я Сэм Ромни из Лонгстрэндза.

Последовала церемония знакомства, сопровождаемая рукопожатиями. Киттредж принес пива, и все уселись поудобнее.

— Я рыбак, — сообщил Ромни. — Независимый судовладелец, но дела веду большей частью с Фолкеями, и мы сдружились. Скажу больше: один ваш парень с Обители Мрака сейчас работает суперкарго на моем «рыбьем пастухе» и находится в море. Буфетчики Хорнбека не могут прокормить такую громадину, как ты, Эдзел. Во всяком случае, не нанося серьезного ущерба кладовым. Вот госпожа Афина и прислала вчера вечером гонца с просьбой приехать и привезти побольше всего, в общих чертах объяснив, как обстоят дела. Кроме того, она думает, и, полагаю, справедливо, что сейчас, когда никто не знает, что будет завтра, тебе было бы полезно вступить в связь с внешним миром.

— Возможно, — пробормотала Чи, свернувшись клубочком на сиденье и закулив новую сигарету. Даже если это и не так, теперь уже ничего не поделаешь.

Эдзел пылливо взглянул на вновь прибывшего.

— Извините, — сказал он, — но ведь вы из сословия траверов?

— А то как же, — ответил Ромни.

— Я не хочу подвергать сомнению вашу лояльность, сэр, но мне дали понять, что на Гермесе существуют весьма серьезные трения.

— Траверам из этой усадьбы можно доверять, — сказал Киттредж. — Будь иначе, меня бы схватили уже много недель назад.

— Да, разумеется, такое явление, как вассальная преданность, распространено весьма широко, — согласился Эдзел. — И совершенно очевидно, что капитан Ромни на нашей стороне. Мне просто любопытно, много ли еще таких, как он?!

Моряк сплунул.

— Не знаю, — признался он. — В том-то и заключается главная подлость: теперь, когда среди нас враги, мы больше не можем открыто высказывать свои мысли. Но вот что я могу вам

сказать: многие траверы так и не заглотили наживку, брошенную Освободительным Фронтом. Например, я. Зла на кланы и Последователей я не держу. Ни капельки. Их предки заработали свои льготы, и если потомки не постоят за себя, то все потеряют. Справедливо. Кроме того, если правительство начинает делить собственность, когда оно остановится? Я вкалывал изо всех сил, чтобы получить то, что имею, и хочу, чтобы после моей смерти все это получили дети, а не кучка ничтожеств, которые только и умеют, что орать в один голос по указке своего вожака, а больше ни на что не годятся. — Он достал из кармана трубку и кiset. — И вот еще что. Несколько этих освободителей сказали мне (вы ведь знаете: люди иногда болтают, несмотря ни на что, якобы по секрету), так вот, несколько освободителей говорят, что и они не больно-то рады. Они не хотят перемен, которые эти ползучие гады силой заталкивают в глотки всем и каждому. Кроме того, бабуристы добиваются своего руками предателя Стрэнга, а от этого все дело воняет еще гаже. И они, освободители то есть, не получают приглашений ни на какие совещания. Стрэнг кинул им кость, похвалив за, как он выразился, «стойкую приверженность благородным идеалам». Фи! Сказал им несколько добрых слов, будто подачку презренным кинул, и дело с концом.

Набив трубку, Ромни раскурил ее и закончил свою речь:

— Оно, конечно, ничтожеств у нас хоть и меньшинство, но их немало, и они вне себя от радости от того, что им посулили. Надо отдать ей должное, Криста Бродерик — это предводительница освободителей, — так вот, Криста Бродерик не из таких. Но что в этом проку? Ну, разве что немощные остатки старой организации, которыми ей позволили командовать. Может, когда соберется Великая Ассамблея, за Герцогиней оставят кое-какое право голоса. Но только не за Бродерик, нет, не за Бродерик.

Эдзел посмотрел в глаза Чи.

— Коллега, — сказал он, — по-моему, нам надо позаботиться о том, чтобы Дэвид поговорил с госпожой Сандрой, прежде чем объявится открыто или совершит какой-нибудь опрометчивый поступок.

Глава 17

Бенони Стрэнг сказал с экрана:

— Я звоню по поводу дня рождения Элвандера, мадам.

Несколько секунд Сандра никак не могла прийти в себя. Последнее время ей часто приходилось собираться с силами; наконец она устало откинулась на спинку стула и принялась ждать следующего раската. Наконец гром грянул, она услышала завывание ветра и шум дождя; чувство было такое, словно

мимо промчался на лошади Пит. Сандра выпрямилась и холодно ответила:

— Ну и что? До него еще целый месяц.

— Разумнее всего было бы подготовиться загодя, мадам, — заявил Стрэнг. — Я прошу вас объявить, что всенародного праздника в этом году не будет в связи с чрезвычайным положением и все демонстрации запрещены.

— Что? И это — в день всемирного праздника?

— Именно так, мадам. Лавина эмоций — слишком опасная штука. Граждане могут спокойно соблести церемонию дома, если им хочется, но и больших сборищ в частных домах мы тоже не допустим. Церкви должны быть закрыты.

«По большому счету это неудивительно», — подумала Сандра. Но ведь в первом ее осознанном воспоминании отец держал Сандру высоко над толпой на Прибрежной Пустоши, и она любовалась фейерверком; с украшенной флажками баржи пускали в небо каскады ракет, и воды реки, отражавшие их свет, казались живыми.

— А если я не выступлю с таким заявлением? — дерзко спросила Сандра.

— Вы должны, мадам. Ради блага вашего народа. Беспорядки могут привести к попыткам настоящего переворота, и войска будут вынуждены открыть огонь. — Он помолчал. — Если вы не отдадите такой приказ, его отдам я, а это серьезно подорвет ваш авторитет.

«Какой авторитет? — подумала Сандра. — Да, но ведь эта вежливо-елейная игра, в которую мы играем, — единственное средство отсрочить... Что?»

— Резня лишит вас значительной доли поддержки, — предостерегла его Сандра.

Обрамленные тонкими усиками губы Стрэнга плотно сжались.

— Вы употребили такое эмоционально окрашенное слово, мадам, а значит, любой инцидент может повлечь за собой необходимость крайних мер со стороны моей службы.

— Хорошо, я отменю празднества. Полагаю, ни у кого и так нет праздничного настроения.

— Благодарю вас, мадам... Э... вы посоветуетесь со мной о том, в каких выражениях составить заявление, не правда ли?

— Да. Хорошего вам дня, комиссар.

— Хорошего дня, ваша светлость.

Оставшись в одиночестве, Сандра поднялась и подошла к открытому окну. Она не включала освещение, и сейчас, в бурю, ее комната для совещаний выглядела мрачно, будто пещера, в которой можно было различить лишь несколько предметов: тусклый блеск деревянной облицовки, приглушенные тона картины, изогнутый боевой топорик с Диомеда. В комнату врвался свежий воздух, шумный и сырой. Струи дождя пронзали сад, будто

копья, скрывали мир, лежавший за его оградой. Сверкнула молния, и голые ветки деревьев словно прыгнули вниз с серого, как сталь, неба. Гром прокатился по бесконечным просторам, и снова вернулся мрак.

Сегодня Сандра не поедет на конную прогулку. Она каталась каждое утро, пуская свою любимую лошадь через холм Паломников, к реке, потом вдоль Паломино — к Серебряной улице, Олимпийскому проспекту и обратно. Она проезжала несколько километров, всегда в полном одиночестве, чтобы народ видел ее, успокаивался, насколько это возможно, и успокаивал саму Сандру. Часто подданные низко кланялись, посылали ей воздушные поцелуи. Но в такую погоду на улице слишком мало людей, и не стоит тратить усилий на этот красивый жест.

«Но как бы мне хотелось. Желание просто снедает меня. Только я не хочу ехать через Звездопад. Лучше — в деревню, подороже на Каньон, галопом, навстречу дождю и ветру. Нестись без остановки, раскраивая копытами черепа Стрэнга и его людей, а потом умчаться в горы, пустыни, сверзиться с горизонта и улететь к звездам».

Загудел сигнал. Сандра разжала кулаки, подошла к селектору и нажала кнопку «прием».

— Да?

— Мадам, — произнес голос ее делопроизводителя, — Мартин Шустер* ждет приема.

— Что? — Сандра очнулась и пришла в себя. — Да, пусть войдет.

«Не знаю, кто он такой, но Афина Фолкейн попросила принять его без свидетелей, вот почему я оказалась здесь, когда позвонил... — мышцы ее шеи напряглись, — ...Стрэнг».

Дверь открылась и снова захлопнулась. Как и сама Сандра, гость был высок, светловолос, средних лет. Повнимательнее взглядевшись в черты худощавого лица, Герцогиня подавила возглас изумления и оцепенела.

Пришелец поклонился.

— Приветствую, ваша светлость, спасибо, что приняли меня. — Он сохранил если и не гермесские обороты речи, то, по крайней мере, остатки здешнего выговора. Сандра знала, что вот уже много лет он не бывал подолгу ни на Земле, ни на какой другой планете, где говорили по-английски. — Я намерен говорить с вами доверительно.

— Хорошо, — сердце Сандры затрепетало. — Это помещение безопасно. — Посетитель продолжал колебаться, поэтому Сандра добавила: — С тех пор как началась оккупация, охранники и техники дежурят круглые сутки, обеспечивая мне полную безопасность.

* Мартин Шустер — герой повести П. Андерсона «Треугольное колесо», соратник и наставник Дэвида Фолкейна.

— Прекрасно, — их взгляды встретились. — Думаю, вы знаете, кто я.

— Дэвид Фолкейн?

— Да.

— Почему вы вернулись?

— Чтобы помочь в меру сил. Я надеялся, что вы, мадам, подарите мне несколько дельных мыслей.

Сандра резко взмахнула рукой:

— Добро пожаловать. Садитесь. Не желаете ли прохладительного? Закурите? Может быть, еще что-нибудь?

— Не теперь, благодарю вас. — Фолкейн оставался на ногах, пока Герцогиня не устроилась в кресле. Открыв стоявшую рядом коробку, Сандра выбрала сигару, откусила кончик и закурила.

— Что ж, рассказывайте, — предложила она.

— Эрик добрался до Солнечной системы целым и невредимым, — начал Дэвид и рассказал все. Сандра лишь изредка прерывала его, задавая вопросы.

Когда Фолкейн умолк, она покачала головой и вздохнула:

— Восхищена вашей смелостью и находчивостью, капитан Фолкейн. Возможно, вы сумеете нам помочь. Хотя я далеко не уверена. В самом лучшем случае мы можем протянуть время, выторговать у Стрэнга кратковременные уступки, если согласимся сотрудничать, помогая ему заложить основы своей диктатуры. Гермес может быть спасен только в том случае, если Бабур будет разгромлен.

— А на это уйдут годы, если такое вообще возможно. И сколько будет загублено жизнью, потрачено средств, какими волнениями в обществе это чревато — представить себе невозможно, — сказал Фолкейн. — Содружество в растерянности и смятении, ему недостает силы воли. Лига скована происками своих удельных князьков. Я думаю, вскоре Содружество бросит в бой все силы, в основном потому, что так хотят «Домашние Компании». Они видят в Обители Мрака возможность развернуть деятельность в космосе в таких масштабах, которые позволят им конкурировать с «Семеркой». Но они не волшебники и не могут в мгновение ока создать мощный военный флот и настроить население на решительный лад. А что тем временем сделает Бабур? Кто знает? Да, мадам, вряд ли Гермес может рассчитывать на чужеземных спасителей.

— Тогда что вы предлагаете? — Сандра жадно затянулась сигарой, и дым обжег ей язык.

— Политическое лавирование, которым вы занимались до сих пор. Возможно, я сумею посодействовать вам в этом. Одновременно мы тайно организуем сопротивление и будем совершать вылазки из глубинных районов нашего огромного тыла. Быть может, нам удастся доказать бабуристам, что поддерживать

Стрэнга — непозволительно дорогое удовольствие для них: Гермес мало что может дать Бабуру.

— Какова бы ни была истинная причина его нападения на нас, разве она перестанет существовать? — возразила Сандра, подавляя свои сокровенные желания. — И не надо недооценивать Стрэнга. Он наверняка предвидел нашу попытку сделать то, что предлагаете вы, и принял меры. Он — настоящий злой гений, хотя и не считает себя злым.

Фолкейн устремил взор мимо Сандры, на сплошную стену дожда за окном.

— Должно быть, вы знаете его лучше, чем любой другой обитатель планеты, — сказал он.

— Но это еще не значит, что хорошо. Он целеустремлен, как машина, и к нему так же трудно подступиться. Интересно, спит ли он когда-нибудь? Да вот вам пример. Незадолго до вашего прихода он собственной персоной позвонил мне, требуя запретить народное празднество в день рождения Элвандера. Стрэнг мог бы поручить это помощнику, но нет: ему приспичило позаботиться обо всем самолично.

Фолкейн ухмыльнулся:

— Я должен изучить его, попробовать получить представление о том, что он за человек. Говорят, он не выступает с речами и почти не делает заявлений от собственного имени.

— Верно. Должна признать, что он не эгоист. Или... скорее его интересует суть власти, а не ее внешняя сторона.

— Я даже не знаю, как он выглядит.

— Ну что ж, могу включить для вас запись нашего разговора, — Сандра испытала смутное чувство облегчения, когда поднялась, подошла к телефону и нажала кнопку. Она толком не знала, как вести себя с этим человеком, бывшим ее соотечественником, но путешествовавшим вдали от родины, знаменитым, но чужим, явившимся к ней прямо из бури.

Экран засветился, и на нем возникло знакомое ненавистное лицо. Стрэнг сказал: «Доброе утро, ваша светлость...»

— О-о-о-о!

Крик едва не вспорол ее барабанные перепонки. Сандра резко повернулась и увидела, что Фолкейн вскочил на ноги, набычился, а пальцы его сделались похожими на когти.

— Не может быть! — взревел он. Но мгновение спустя шепотом добавил: — И все же.

«Я звоню вам по поводу дня рождения Элвандера, мадам», — донеслось с пленки.

— Отключите, — хрипло выдавил Фолкейн. — О, Иуда. — Он заозирался по сторонам, будто искал что-то в полумраке. — Что еще можно сказать? Иуда.

К позвоночнику Сандры словно прикоснулась молния, только холодная-прехолодная. Она подошла к Фолкейну, ноги не слушались ее.

— В чем дело, Дэвид?

— Это... — Фолкейн встряхнулся, будто мокрый пес. — У Стрэнга есть брат-близнец, или двойник, или что-нибудь в этом роде?

— Нет, — Сандра осеклась. — Нет, я уверена.

Фолкейн принялся мерить шагами комнату, заложив руки за спину и крепко сжав их.

— Кусочек головоломки, какой-нибудь основной принцип, какая-нибудь отгадка, — бормотал он. — Тихо, дайте мне подумать.

Ни Дэвид, ни Сандра не заметили, что он вышел за рамки приличий.

Фолкейн расхаживал по комнате, а Сандра ждала, стоя на ледяном сквозняке. Губы Дэвида беззвучно произносили какие-то слова или нечеловеческие ругательства. И когда Фолкейн наконец остановился и взглянул на Сандру, она заметила некий странный символизм в том, что он стоит под ее боевым топориком.

— Эти сведения необходимо немедленно и тайно доставить на Землю ван Рийну, — выпалил он. — Вы можете тайком отправить послание?

Сандра покачала головой:

— Это невозможно.

— Должен быть способ.

— Нет. Думаете, я сама не хотела этого сделать? Не совещалась со своими офицерами, ломая голову? Планета опутана сетью радаров, окружена детекторами и кораблями. Вашим друзьям не выбраться отсюда живыми. Вы вошли в атмосферу, замаскировавшись под метеорит, но вам отлично известно, что случилось потом. Кроме того... метеориты падают, но не взлетают.

Фолкейн ударил кулаком по стене.

— Послушайте, то, что я сейчас узнал, может изменить весь ход войны, если вовремя сообщить ван Рийну. Ради этого стоит пойти на любые жертвы.

Сандра взяла его под руку.

— Почему?

Вслушав ответ Дэвида, она долго стояла в молчании. Потом он проговорил:

— Как видите, я еще не решил эту головоломку до конца. Предоставлю это старине Нику. Он хороший специалист по этой части. Я даже могу ошибаться, и в этом случае все наши усилия пропадут впустую. Но вы понимаете, почему мы обязаны сделать все, что можем, не правда ли?

— Да, — Сандра кивнула, ничего не видя перед собой. — Хотя это слишком рискованная игра. Если что-нибудь сорвется, мы потеряем гораздо больше, чем наши жизни.

— Разумеется. Но тем не менее мы обязаны попытаться, — настойчиво повторил Дэвид. — Пусть наш замысел — чистое фантазерство, но это все же лучше, чем ничего. Стрэнг наверняка обменивается посланиями с верховным командованием бабуритов. Если бы мы могли угнать один из кораблей связи...

— Невозможно. — Сандра повернулась к нему спиной и опять подошла к окну. Завывал ветер, хлестал дождь, гром грохотал, будто громадные жернова. На Звездопад надвигалась зима.

Дэвид приблизился и остановился за спиной Сандры.

— Вы что-то недоговариваете, — укоризненно сказал он.

— Да, — едва слышно ответила она, не поворачивая головы. — О Боже, мои родные, да и ваши тоже. Мать, брат, сестра, ваши спутники — все останутся здесь.

Теперь уж Дэвид утратил дар речи. Но все-таки выдавил:

— Продолжайте.

— Герцогская космическая яхта все еще в моем распоряжении, — слова падали, будто капли. — Стрэнг не раз предлагал мне отправиться на увеселительную прогулку, но я неизменно отвечала отказом. Понятно, что было у него на уме. Ведь я могла бежать в Солнечную систему, и он не стал бы чинить мне препятствий.

— Нет, не стал бы, — тихо подтвердил Фолкейн. — Это дало бы ему предлог присвоить неограниченную власть, заручившись поддержкой экстремистов из Освободительного Фронта. Только представьте себе: «Великая Герцогиня, как прежде ее сын, перебежала на сторону неприятеля, намереваясь привести сюда чужие войска, которые подавят нашу славную революцию».

— Клань, Последователи и честные траверы останутся без руководства. Они подумают, что я их предала... И, возможно, окажутся объектом террора властей.

— Я вижу, вы читали учебники родной истории, госпожа Сандра.

Они снова надолго замолчали.

— А я останусь здесь, — наконец проговорил Фолкейн. — Объявлюсь открыто и сделаю все, что смогу.

Сандра резко повернулась.

— О нет, — возразила она. — О нет, Дэвид. Я возьму членов своей семьи, в том числе и невесту Эрика, ибо тогда Стрэнг уж наверняка решит, что я намерена бежать. Но вы... вы отправитесь с нами под чужим именем, вместо одного из членов моей команды. Я не могу оставить вас здесь.

— Почему?

— Вы могли бы остаться только тайно, а значит, не принося никакой пользы. Между тем в космосе нам понадобятся ваши способности. Или в вас может разыграть честолюбие, и вы

попытайтесь занять мое место, а тогда уж террор неизбежен, поскольку Стрэнг поймет, что мы в сговоре. А поняв, захочет нанести быстрый и мощный удар. В то же время, если вас не будет здесь, если знать и впрямь останется без предводителя и впадет в смятение, Стрэнг может решить, что с политической точки зрения было бы разумнее не принимать против нее крайних мер.

— А если нет...

— Я уже говорила, Дэвид, все обитатели Хорнбека, за исключением вас, должны остаться.

Их взгляды встретились, и Дэвид опустил глаза. Будто зачарованный, он долго смотрел в пол, потом еле слышно сказал:

— Если мы поможем предотвратить вселенскую войну, то спасем сотни миллионов жизней. Но это будут жизни людей, увидеть которых нам не суждено. — Он поднял голову. — Да будет так. Вы готовы, Сандра?

Первый снежок запорошил землю, когда с Уильямс-Филд взлетела яхта «Замок Кэтрин». За железобетонным летным полем, за пусковыми салазками и наземными постройками лежала страна, покрытая белым снегом, который прочерчивали синие тени. Тишина, неподвижность. Волнистая равнина тянулась к западу до холмов Аркадии. Над ней висело вечно голубое небо. Дыхание вырывалось облачками пара, шаги гулко отдавались по мерзлой земле.

Солдаты верховного комиссара Бенони Стрэнга по его приказу выстроились в почетный караул. Когда Герцогиня и ее экипаж шли мимо, солдаты салютовали оружием. Сандра тоже приветствовала их, слегка коснувшись пальцами лба. Этикет был соблюден.

Была проделана и вся бумажная работа, необходимая для того, чтобы сегодняшнее событие стало возможным. Ее светлость пожелала посетить дальнюю планету системы, Хронос, полюбоваться ее кольцами, совершить восхождение и покататься на горных лыжах на спутнике Хроноса, Иде. Разрешение, понятное дело, было получено.

На борт поднялись сама Сандра с ее людьми, дети Герцогини и Лорна Стэнтон. К членам команды никто особенно не приглаждался, хотя по выражению их лиц было совершенно ясно, что они знают, куда отправляются на самом деле. Трап отполз прочь, люк захлопнулся. Вскоре раздалось гудение двигателей, включилась антигравитация, корабль поднялся, будто влекомая ветром снежинка. Взмыв в небо, он сверкнул, как звездочка, и скрылся из виду.

«Замок Кэтрин» миновал сторожевые корабли и, набирая скорость, помчался в космос в плоскости эклиптики. Майя сделалась совсем маленькой, Млечный Путь приветливо понесся навстречу. Удалившись на достаточное расстояние, корабль пере-

шел на гиперпространственную тягу, преодолел порог скорости света и устремился прочь от Майи.

Погони не было.

Когда стало ясно, что они на свободе, Сандра отыскала Фолкейна, увела в укромный уголок и разрыдалась у него на груди.

Глава 18

Похоже, Ханни Леннарт было не по себе. Эрик подозревал, что причиной тому не столько необходимость обратиться к нему с упреками, сколько те обстоятельства, при которых она вынуждена это сделать. Он возглавлял военный флот планеты, которую Содружество по-прежнему считало суверенной, и поэтому никто не имел формального права делать ему выговоры. Ханни пригласила Эрика пообедать вместе, и он тотчас предложил ресторан «Тхийна-хаус», выбрав его из списка, загодя полученного от ван Рийна.

Последний мальчик-официант (всего их было двадцать один) поставил на стол блюдо с приправами, соединил ладони перед грудью, поклонился и вышел из кабинета. Если сотрапезникам понадобятся еще какие-нибудь услуги, они позвонят в колокольчик. Над проливом Сунда сиял чудесный день, поэтому стену убрали, чтобы в помещение втекал тропический воздух, напоенный морской прохладой. Сады, расцвеченные тысячей красок, террасами сбегали к воде, шелестели пальмы, раскачивался бамбук. Над кобальтово-синей водой возвышался величавый силуэт похожего на торпеду грузового корабля, виднелись белые крылья парусов спортивных суденышек. Невидимый музыкант извлекал мягкие звуки из деревянной флейты.

Эрик надолго припал к пивной кружке, потом принялся поглощать кэрри. Леннарт-укоризненно посмотрела на него через стол.

— Такая неумеренность в военное время неприлична, — сказала она.

— Что еще за военное время? — парировал Эрик. — Если бы мы хоть немного шевелились, я бы еще мог согласиться.

— Терпение, адмирал Тамарин-Асмундсен, прошу вас. Боюсь, однако, что его-то вам и недостает. Как раз о терпении я и хочу с вами поговорить.

— Пожалуйста, сударыня. — При мысли о Лорне, матери и родной планете он вдруг перестал чувствовать вкус пищи. — Хотел бы я, чтобы мне растолковали стратегию Солнечной системы, если она вообще есть. Я и сам не хочу сидеть тут и набивать брюхо. С куда большей радостью я бы отправился в космический рейд.

— Наше правительство не может поддержать ваших самостоятельных действий.

— Тогда пусть примет нас в ряды своих вооруженных сил и даст нам задание!

Леннарт поджала губы:

— Откровенно говоря, адмирал, вы сами виноваты в этой проволочке. Когда вы потворствовали побегу Дэвида Фолкейна...

— Какому побегу? Я уже устал повторять, что Фолкейн и его друзья отправились с заданием как офицеры гермесской армии. Они собирают разведывательные сведения по моему приказу... поскольку Содружество настойчиво пренебрегает этой само собой разумеющейся деятельностью.

Леннарт чуть отступила.

— Давайте не будем ссориться, — сказала она, выдавив нечто похожее на улыбку. — Я отстаивала вас, говорила, что вас нельзя винить ни в желании получать вести из дома, ни в ставшем теперь очевидным союзе с вашим отцом. Да, я даже хотела, чтобы вас как можно скорее ввели в состав объединенного командования.

«Иными словами, сделали подчиненным, чтобы меня можно было отдать под военно-полевой суд, если я опять нарушу дисциплину», — догадался Эрик.

— Что ж, адмирал, — продолжала Леннарт, — сейчас я хочу обсудить с вами новые затруднения, которые вы успели создать для меня и всех ваших друзей. Ваши выступления перед гражданами, ваша речь в выпуске новостей — все это восставило против вас высшее чиновничество. Судя по этим выступлениям, вы — неисправимый смутьян, уж простите мне такое выражение.

— О, разумеется, сударыня, — отвечал Эрик, — я смутьян, или только надеюсь им стать. Но только по отношению к бабуристам. Я торопил вас, призывая действовать. Если мы еще и не готовы к новому генеральному сражению, то можем, по крайней мере, изрядно испортить жизнь нашим врагам. Мы способны разрушить их торговлю, сбросить на их базы мегатонны взрывчатки — и так до тех пор, пока бабуристы не поймут, что им выгоднее отступить от Гермеса и вступить в переговоры с целью заключить соглашение об Обители Мрака.

Лицо Леннарт омрачилось.

— Никакие уступки невозможны. Иначе получится, что агрессия принесла Бабуру выгоду. Его необходимо заставить пойти на попятную по каждому пункту, особенно в том, что касается Обители Мрака, причины всей этой войны. А для этого надо накопить гораздо больше сил, чем мы имеем сейчас. Это нельзя сделать за один день. Пока же мы должны держать свои

войска здесь, чтобы они охраняли Содружество от той тактики, о которой вы рассказывали.

Эрик представил себе обезумевшие от страха толпы людей, вышедших на улицу, чтобы поддержать такую политику, влиятельных комментаторов, дельцов, политиканов... На правительство оказывают давление, это так. Но в какой степени это давление управляемо? «Домашние Компании» более всего заинтересованы в защите своей собственности от вооруженных посягательств, в безудержном производстве оружия ради извлечения громадных прибылей, в том, чтобы приучить граждан к мысли, будто ими управляет государство, в котором изрядная доля власти принадлежит им самим. А Гермес пусть хоть провалится в преисподнюю, им плевать.

«Но почему тогда отец уговорил меня выступить с речами, негодными властям? — подумал он. — У него была какая-то своя цель. Тогда я был слишком нетерпелив и рассержен, чтобы прощупывать его. Я испытывал естественное чувство протеста. Но теперь вижу, что наш с ним разговор еще далеко не окончен».

У Эрика больше не было сил соблюдать фальшивую вежливость.

— Сударыня! — вскричал он. — Все эти доводы затащены до полной потери какого-либо смысла. Они превратились не более чем в лозунги. Давайте забудем о них. Неужели мы с вами безнадежно расходимся, или же соглашение все-таки возможно?

— Вы не очень-то дипломатичны в выражениях.

— Моя еда остывает, — заявил Эрик и принялся за жаркое.

Леннарт поковырялась в тарелке.

— Н-ну... Что ж, если вы твердо решили говорить без обиняков...

— Затем мы и встретились здесь, не так ли? Валяйте.

— Ну, тогда все очень просто. Если вы не станете высываться, откажетесь от новых публичных выступлений, проявите готовность и принудите своих приверженцев к сотрудничеству с нами ради общей конечной цели, если вы докажете, что способны на это, тогда, наверное — не наверняка, а лишь наверное, — со временем мне удастся уговорить верховное командование принять вас на службу на первоначальных условиях.

«Новая проволочка. И причиной ей стал я сам по наущению отца. Зачем ему это?»

— А что будет в противном случае? — спросил Эрик.

Леннарт пошла красными пятнами.

— Вы не можете рассчитывать на то, что Содружество вечно будет давать приют и оказывать помощь человеку, злоупотребляющему его гостеприимством.

Эрик ухмыльнулся.

— Не буду тратить времени на синтаксический разбор этого предложения, сударыня. Но не премину громогласно задать вопрос о том, что, собственно, представляет собой «Содружество». Частное лицо, к которому пришло в гости другое частное лицо? Или державу? В таком случае, кто составляет ее правительство, у кого подлинная власть? И почему тут приняли нас? И почему им не нравится, когда я высказываю точку зрения, отличную от их собственной, и делаю ее достоянием широкой гласности? Я полагал, здесь демократия.

Ну довольно, — он поднял руку. — Я не хочу вас злить и готов взглянуть правде в глаза. Вы признаете, что прежде всего я обязан заботиться о Гермесе, и если освобождение Гермеса не станет одной из целей войны, то мне и моим людям незачем в ней участвовать. Но я согласен проводить эту мысль более спокойно, высказывая ее не народу, а членам кабинета министров, председателям корпораций и профсоюзным вождям.

Леннарт немного расслабилась.

— Вероятно, это приемлемо.

— Одна мелочь, — продолжал Эрик. — Ваши власти реквизируют космический корабль, принадлежащий компании моего отца. Я хочу, чтобы его отдали мне и приписали к моему отряду.

— Зачем? — удивилась Леннарт.

— Да просто так. Это корабль отца, и мною движет сыновний долг.

«На самом деле это Койя уговорила меня проявить настойчивость. “Через пень-колоду” принадлежит не ван Рийну, а Дэвиду. Хотя... быть может, это старина Ник настроил ее на такой сентиментальный лад? Ведь у “Через пень-колоду” возможностей больше, чем у многих других кораблей».

Леннарт сжала пальцами вилку.

— Это еще один вопрос, который нам с вами надо решить сегодня же, — сказала она, — На Земле знали, кто ваши родители, но надеялись, что мастер ван Рийн не окажется вам так уж дорог. Вы же никогда не виделись с ним. Поначалу казалось, что наши надежды оправдываются. Но вы вдруг начали сотрудничать с ним, и это, несомненно, произошло после ваших тайных контактов. Мы очень разочарованы.

— Почему? Или я должен был отречься от него? Разве я обязан давать отчет о том, куда я пошел, с кем виделся, откуда вернулся? Разве ван Рийн — не уважаемый гражданин Содружества?

— Только формально, адмирал Тамарин-Асмундсен, только формально. На деле же он оказывает пагубное влияние. Иными словами, он в первых рядах борцов с растущим засилием госу-

дарства. Кроме того, время от времени он лишает «Домашние Компании» лакомых кусочков.

— Как-нибудь на досуге вы мне это растолкуете, сударыня, — примирительно сказал Эрик. — Сначала давайте разберемся с вышеупомянутым кораблем. Можете отнести эту просьбу на счет моего провинциализма: мы в колониях всегда жаждали чего-то осязаемого.

Леннарт задумалась.

— Так за корабль будете отвечать вы, а не он?

— Совершенно верно. Я устрою так, что его придадут флоту Гермеса. Значит, корабль будет принадлежать Содружеству, когда наши силы объединятся.

«Если объединятся», — подумал он.

— Хм... не вижу серьезных препятствий. Это не моя епархия, но я могу внести предложение. А вы, в свою очередь...

— Да, я прекращаю агитацию, — ответил Эрик, набивая рот. Пицца снова обрела вкус. Леннарт может весь обед читать ему лекцию, но вряд ли стоит слушать ее слишком внимательно. Лучше помечтать о том, как он в один прекрасный день привезет сюда Лорну.

Николас Фолкейн появился на свет в особняке своего прадеда в Дельфинбурге, который в те дни плыл по Коралловому морю над обломками, оставшимися после какого-то древнего морского сражения. Роды были долгие, потому что плод оказался слишком крупным для своей изящной матери. Поскольку муж был в отъезде, Койя не принимала никого, кроме врачей, которые нередко замечали на ее лице легкую улыбку, будто призывавшую Вселенную смирить свою гордыню.

Койя была рада ребенку. Она нянчилась с ним, когда в ее комнату, будто буря, ворвался ван Рийн.

— Хо-хо, хо-хо, ура! — загремел старик. — Позд-черт возьми-равляю! Это и есть наш младенец? Ну и бутуз. Видно породу. Неважно чью. Может, Адамову? В этом возрасте все они — сморщенные красные червяки. Как ты себя чувствуешь?

— Я совсем извелась, — пожаловалась Койя. — Мне разрешат вставать только завтра.

— Мне есть чем тебя утешить, — сценическим шепотом сообщил ей ван Рийн и извлек из-за пазухи бутылку бренди.

— Э... я не знаю... А почему бы ему не начать учиться этому сызмальства? Спасибо, Гунунг-Туан. — Койя надолго припала к бутылке.

Ван Рийн разглядывал ее бледное лицо, глаза, казавшиеся слишком большими, черные волосы, лежащие на подушках.

— Извини, что не пришел раньше. Дела не пускали.

— Должно быть, важные.

— Не для меня, а для моего партнера. Мелкий торговец, который поставляет мне одну инопланетную пряность. Юла. Ты когда-нибудь слыхала о ней? На мой вкус она не лучше шоколадного мыла, но на Цинтии ее любят. Война и запрет на торговлю грозят купцу разорением. Из-за этих дурацких анти-трестовских законов я не могу дать ему заем по телефону. Или, может, ему надо было ползти на брюхе к властям и выпрашивать сухую корку, пие? Вот мы и встретились, поговорили, и теперь дело в шляпе.

— Это было очень мило с твоей стороны.

— Нет, нет. Ба! Сейчас плохие времена, и настают еще худшие. Если мы не станем держаться друг друга, нам и вовсе не за что будет держаться. Не обращай внимания на всю эту чепуху. Как ты себя чувствуешь, пичуга?

Коя уже давно смирилась с тем, что дед, обращаясь к ней, использовал прозвище, которым наградил внучку еще в младенчестве.

— Прекрасно. Час назад звонили мои родители. Велели передать тебе привет.

— Ну, так отдай им его обратно, — ван Рийн обошел комнату. Вливавшийся в окно солнечный свет волнистыми сполохами играл на стене у него за спиной. — Они славные люди, но, как и все их поколение, не понимают, что образ — еще далеко не все. Мы, земляне, слишком долго умничали.

Коя молчала. Маленький Николас с аппетитом сосал.

— О, прошу прощения, — сказал ван Рийн. — Я не должен был говорить о них дурно. Всяк действует в меру своей глупости. Но сейчас, когда Дэви нет с тобой... — он указал пальцем на малыша, который временно насытился, повернулся к прадеду и принялся пускать воздушные пузыри. — Ого! Он уже умеет произносить политические речи!

— Дэви, — прошептала Коя и добавила вслух: — Нет, я не стану причитать, как бы его ни водили за нос. Но что с ним происходит, как ты думаешь, Гунунг-Туан?

Ван Рийн яростно дернул себя за локон.

— Откуда мне, старому простофиле, это знать? Слишком много неизвестных величин, дорогая, слишком много неизвестных величин.

Коя приподняла свободную руку.

— Разве ты не пытался найти ответы на все эти вопросы? Пусть самые приблизительные, но все же ответы.

Ван Рийн поморщился, с грохотом припечатал к стулу свой громадный зад и присосался к принесенной бутылке, после чего протянул ее Кое. Она отрицательно взмахнула рукой, пристально глядя на него.

— Это тайна, — сказал ван Рийн. — Что-то в ней ясно, что-то безобразно. Но что-то... — он пожал плечами, будто гора, сбрасывающая лежалый снег. — Что-то выглядит лишенным смысла. Масса парадоксов и ни одного парадоктора. Я уже об этом говорил, ты знаешь.

— Да, но я так волновалась из-за Дэви, а потом — и из-за ребенка. Пожалуйста, объясни еще раз. От повторения вреда не будет. Мне хочется верить, что я хоть как-то действую на благо Дэви.

— Ну хорошо, — ван Рийн вздохнул. — Пройдемся по всему списку. — Он принялся загибать волосатые пальцы. — Номер первый: каким образом Бабур мог вооружаться, готовясь к войне? И зачем? Никто не мог предвидеть открытие Обители Мрака. Оно послужило лишь толчком для оползня и застало врасплох всех, включая Бабура, вероятно, вынудив его начать действовать раньше намеченного срока.

Номер второй: несколько компаний «Семерки» много лет вели дела с Бабуром. Почему они ни сном ни духом не ведали о том, что он вооружается? О ја, дела велись по мелочи и от случая к случаю, а планета большая и совсем незнакомая. Но тем не менее...

Номер третий: почему Бабур так уверен в своей победе? И почему бабуриты так презирают Лигу, что даже арестовали твоего мужа, когда он пришел к ним с миром? Не такой уж Бабур райский уголок, чуть ли не всю его поверхность занимают пустыни.

Номер четвертый: похоже, у Бабура уйма наемников, дышащих кислородом. Скажи мне, как могли много лет втихаря набирать их на разных планетах? Нет, Бабуру оказывали помощь и в научных исследованиях, и в разработке и производстве вооружений. Но кто и почему помогал ему?

Номер пятый: что заставляет бабуритов полагать, будто они знают о нас, чужеродных им существах, вполне достаточно, чтобы вести с нами войну, а потом — мирные переговоры на выгодных для них условиях? Кто поставляет им сведения?

Номер шестой: с какой стати Бабуру оккупировать маленькую и почти не населенную планету земного типа...

На прикроватной тумбочке зазвенел телефон. Койя чертыхнулась и нажала кнопку приема. Экран высветил лицо исполнительного секретаря ван Рийна.

— Сэр, — заикаясь, проговорил он. — Сэр, получены известия. Корабль с Гермеса. На борту Великая Герцогиня. Объявила себя правительством Гермеса в изгнании. А с ней... Дэвид Фолкейн.

Комната будто озарилась радостной вспышкой. Но как только бывшие в ней люди начали задаваться вполне естественными вопросами, радость сменилась унынием.

За тридцать с лишним лет воспоминания Сандры о Земле потускнели. Она помнила громадные городские конгломераты, но напрочь забыла, как они могли устрашать. Она знала, что такое целиком искусственная и полностью управляемая окружающая среда, но только теперь Сандре пришло в голову, что такая среда по-своему более чужда ей, чем дальние планеты системы Майи. Кроме того, в первый раз она была здесь как турист, имевший право на свободное передвижение и возможность пережить любое приключение; тогда она еще не знала, в какие цепи Земля заковывает знаменитостей. Теперь все ее время было расписано по часам, все встречи превращались в ритуальный танец слов, все улыбки тщательно рассчитывались, дабы произвести впечатление на публику. Ей показали кое-какие еще сохранившиеся чудеса природы, но разрешили только смотреть: она не могла спуститься по крутой тропе в Большой Каньон или сбросить одежду и нырнуть в озеро Байкал. И повсюду ее обязательно сопровождала охрана.

«И кому здесь нужна власть? Такой ценой?» — посетовала она однажды.

Дэвид Фолкейн тогда, помнится, криво усмехнулся и ответил:

— Политиканам она не по карману. Они устраивают показуху, но большинством действительно важных решений принимают владельцы собственности, управляющие, чиновники, профсоюзные бонзы, люди, которые не высываются до такой степени, что им нужна защита или секретари, расписывающие их время... Разумеется, политиканы мнят себя вождями.

Сандра испытала огромную радость, очутившись среди своих, на борту ее флагманского корабля, крейсера «Хронос», хотя тут было тесновато и стерильно чисто. Остававшийся на орбите гермесский флот считался суверенной территорией. После весьма неприятных препирательств Сандре удалось избавиться даже от соглядатаев из секретной службы. Мужчины и женщины на борту были рождены под теми же небесами и возвращены теми же нивами, что и Сандра; они шагали такой же легкой поступью и говорили с такой же легкой картавинкой; они делили с ней одиночество и держались друг друга.

И все-таки сердце Сандры билось учащенно. Сегодня она опять встретится с Николасом ван Рийном. То, что встреча произойдет на ее территории, не имело значения (это было необходимо хотя бы для того, чтобы обезопасить себя от электронного прослушивания); Сандра все равно испытывала страх и злилась на себя за это. Эрик, который стоял рядом и тоже ждал, должен был бы в немалой степени успокоить ее, но почему-то казался едва ли не чужим человеком. Ей предстояло встретиться с таким

же чужаком, плотью от плоти которого был юноша, неохотно приехавший сюда с Земли, где оставил свою Лорну. Команда, облаченная в белые парадные скафандры и выстроившаяся в две шеренги у входного люка, тоже казалась Сандре чужой: как знать, что за мысли прячут они за своими нарочито непроницаемыми лицами?

Зажужжали вентиляторы, и, когда Сандру обдало прохладой, она поняла, что кожа ее покрылась испариной.

Открылся внутренний люк.

Вот он.

Первой ее реакцией было изумление. И мысль: «Какой же он невзрачный». Сандра помнила его громадным и твердым как скала, а не жирным и тучным; да и украшенная кружевами силоновая блуза выглядела на нем нелепо, равно как иридоновая куртка и лиловые штаны, которые он напялил по такому случаю. Стоявший рядом Фолкейн, в простой серой тунике и свободных брюках, резко контрастировал с ним.

«Черт, да он же стар», — дошло до Сандры, и чувство неловкости покинуло ее. Теперь чужд ей был не стоящий рядом сын, а та самоуверенная девчонка, которой она была когда-то.

— Приветствую, господа, — произнесла Сандра так, будто встречала очередных участников совещания.

Но ван Рийн, приberi дьявол его черную душу, не пожелал пощадить ее чувства. Он схватил руку Сандры, шумно чмокнул ее и принялся трясти.

— Добрый день, добрый день, — загрохотал он. — И хороших ночей. Приветствие и салюты, ваша осветительность. Да наполнится ваша жизнь радостью под завязку. О, что за зрелище для усталых глаз. Только хорошеете с годами, что добрый сыр. Я бы поблагодарил бабуритов за то, что они заставили вас приехать сюда и скрасить нашу жизнь, да вот только ведь они причинили вам беспокойство. И за это они заплатят сполна, кровь из носу, которого у них нет! Ну, да мы его им продадим по пятикратной цене, не?

Сандра высвободила руку. Внутренне кипит от негодования, она представила гостю капитана и старших офицеров корабля. Потом настала очередь Эрика; он принес гермесцам извинения за нарушение процедуры, поскольку их не пригласили в офицерскую кают-компанию промочить горло перед ужином. Но они были заранее предупреждены об этом: в депеше ван Рийна говорилось, что он хотел бы провести совещание втайне.

Офицеры отнеслись к словам Эрика как к формальности: купец привлекал всеобщее внимание, потому что он был живой легендой. Неужели это он? И какие надежды привез он им, гермесцам, в своем кармане?

Когда Сандра повернулась, чтобы пройти в салон в сопровождении их сына и Фолкейна, ван Рийн взял ее под руку. Такая фамильярность раздражала ее, но Сандра не знала, как высвободиться, не устраивая сцен. Ван Рийн понизил голос.

— Я бы сказал: *Weomag agtonach*. — Это была фраза из языка народа ланнаск с Диомеда, которая стала их присказкой в первый год дружбы. — Но это было давно, и сейчас уже поздно. Позвольте лишь сказать, что я рад вашему последующему счастью.

— Благодарю, — Сандра опять была сбита с толку.

Они вошли в небольшую кают-компанию, переборки которой были отделаны панелями из дерева железнокорки и украшены шкурой сианопса — символом родины. Здесь еще сохранились их тонкие ароматы. На переборках висели картины: вид на Облачный Шлем с поросшей лесом верхушки одного из холмов Аркадии; дюны в Радужной пустыне; южная часть Корибантического океана с его светящейся по ночам водой. Обзорный экран являл глазу разительный контраст: космические бездны, в которых был затерян корабль, миллионы звезд, миллиарды солнц Млечного Пути; земной шар был едва виден и казался хрупким, будто голубая стекляшка.

Эрик занял место за стойкой маленького бара.

— Нынче я буду вашим юнгой, — объявил он. — Чего желаете?

Это помогло справиться с некоторой неловкостью.

«Неужели он перенял это искусство у своего отца? — мелькнула у Сандры мысль. — Я никогда не умела так быстро влиять на настроение людей».

Заметив, что мужчины ждут, Сандра взяла бокал кларета из долины Аполлона. Ван Рийн отведал гермесского джина и заявил, что тот слишком крепок. Фолкейн и Эрик предпочли шотландское виски. Сандре показалось то ли забавным, то ли символичным, что виски сначала везли из Эдинбурга в Звездопад, а потом — обратно.

Все уселись на длинную скамью, огибавшую стол. Сандра почувствовала облегчение, когда ван Рийн занял место в дальнем конце, рядом с Эриком и Дэвидом. Но когда она достала портсигар, купец сделал то же самое и настойчиво предложил Сандре настоящую «гавану». Как оказалось, Герцогиня уже успела забыть, насколько та прекрасна.

Воцарилось молчание.

Спустя минуту или две Эрик заерзал, отхлебнул из бокала и грубовато сказал:

— Давайте, может, займемся делом? Мы собрались здесь, потому что мастер ван Рийн хочет что-то нам сообщить. Мне не терпится узнать, что именно.

Сандра напряглась и, встретившись взглядом со старым купцом, почувствовала; что между ними пролетела молния.

— Да, — подтвердила она. — Мы не имеем права мешать. Пожалуйста, говорите.

Она посмотрела на Фолкейна, потом на Эрика. «Мы знаем, — подумалось ей. — Мы уже говорили об этом, после того как впервые обнялись на Земле».

Ван Рийн выдул носом две струи дыма.

— Нам бы разыграть сцену в духе полицейского романа, когда я бросаю на ковер кусочки мозаики, а потом мы складываем из них лицо злодея. Кабы нашей целью были поиски виновного, мы бы так и поступили, — проговорил он. — Но вы уже догадываетесь, каков будет ответ. Посему главное для нас — решить, что делать. И все равно позвольте мне изложить то, что мы знаем. Просто чтобы убедиться в нашем единомыслии.

Он немного помолчал, переводя дух. Приглушенные корабельные шумы доносились до Сандры подобно звону натянутой струны, вот-вот готовой порваться.

— Байард Стори из «Галактических проектов», глава делегатов «Космической Семерки» на нашем Совете в Лунограде, — не кто иной, как Бенони Стрэнг, верховный комиссар Бабура на Гермесе, — сообщил ван Рийн. — Вот то обстоятельство, которое расставляет все по своим местам.

— Полагаю, что это не так. Матушка привезла фотографии и иные доказательства, но все равно я думаю, что тут возможна ошибка, — произнес Эрик. Прежде Сандра не замечала в нем этой осторожности.

Ван Рийн покачал головой:

— Нет. Сходство слишком большое. Кроме того, если это он, многое становится ясным.

— И прежде всего — помощь, которую получил Бабур, — вставил Фолкейн тоном судьи, выносящего приговор. — Вооружения, разведанные военного и политического свойства, набор наемников, общее руководство кампанией — все это указывает на причастность «Семерки».

— Но, разумеется, не всей «Семерки», — возразил Эрик, как будто до него только что дошел смысл этого поразительного открытия.

— О нет, — ответил ван Рийн. — Сохранить такую тайну было бы невозможно. Вся Галактика провоняла бы этой грязью, если бы секрет знали не только председатели корпораций, которых совсем немного. А технических специалистов из числа людей, набранных ими, держали в строгой изоляции. Разумеется, и среди бабуритов мало кто знает правду.

Он положил на стол сжатую в кулак волосатую руку — зловонную, шишковатую, полную сокрушительной силы.

— Впрочем, какая разница, — заявил он. — В политике приказы отдаются по вертикали сверху вниз. Бабуристы презируют Лигу, поскольку их предводителям известно, что Лига дала трещину.

— Какие, однако, гигантские усилия, — удивленно проговорил Эрик. — Научные исследования, разработки, строительство, и так — в течение многих десятилетий, до тех пор, пока этот исполинский транспортный самолет не оказался в полной боевой готовности и не начал извергать орды из своего чрева. Как же мы могли ничего не знать об этом? Такие расходы неизбежно были бы занесены на бухгалтерские пленки...

— Вы недооцениваете масштабы операций на межзвездном уровне, — сказал Фолкейн. — Ни один исполнитель, пусть даже достаточно высокопоставленный, не может уследить за всей деятельностью крупной компании. Если разбросать расходы по нескольким корпорациям, их нетрудно замаскировать, выдав за колебания статистических показателей. Да они никогда и не были огромными. Почти всю рабочую силу, несомненно, предоставил Бабур. Сырье тоже доставлялось оттуда и с необитаемых планет и астероидов. Как только были изготовлены основные средства производства, «Семерка» могла обходиться сравнительно малой долей своих капиталов. Должно быть, разным людям выплачивались целые состояния, дабы побудить их согласиться провести изрядную часть жизни вдали от родной цивилизации. Но то, что можно считать состоянием для отдельной личности, — всего лишь мелочь с точки зрения большой корпорации.

Он задумчиво добавил:

— Мы уже давно располагали одним важным ключом к этой тайне. Военные корабли бабуристов оснащены электронными системами, и некоторые их детали просто не могли быть сделаны на Бабуре. Другие же просто разрушились бы под действием водородной атмосферы. Разве бабуристы не могли придумать ничего лучшего? Разве были обязаны совершать такую глупость? Мы отнесли это на счет небрежной инженерной разработки, объясняли спешкой, и правители Бабура, вполне вероятно, до сих пор считают, что причина в этом. Если, разумеется, на их планете есть достаточно подкованные в научном отношении существа, у которых было время хорошенько поразмыслить об этом. Но в общем-то... «Семерка», естественно, хочет иметь в своем распоряжении средство давления на союзников — нечто способное удержать их в узде до тех пор, пока «Семерка» не достигнет своих целей. Так почему бы не организовать хроническую нехватку жизненно важных запчастей, поставляемых извне?

— Но открытие Обители Мрака подхлестнуло «Семерку» к действиям, — предположила Сандра.

— Просто приз оказался слишком огромным, чтобы упустить его. Но какова истинная цель Бабура и «Семерки»? Зачем вообще развязывать войну? Вот чего я до сих пор не могу понять.

— Не знаю, сможет ли кто-нибудь понять, зачем смертные вообще воюют друг с другом, — мрачно ответил ван Рийн. — Быть может, когда-нибудь мы найдем разумную расу, не совершившую грехопадения, и тогда они нам это объяснят.

— Что ж, мы можем прибегнуть к помощи логики, — сказал Фолкейн, обращаясь к Сандре. — При удачном раскладе империалистическая политика и впрямь оправдывает себя с точки зрения тех, кто ее проводит; она приносит и богатство, и мощь, и славу... а зачастую — и чувство исполненного долга, ощущение удачи.

— Нет уж, лучше наша честная алчность, — заметил ван Рийн.

— В случае с бабуритами, — продолжал Фолкейн, — ничего нельзя сказать наверняка, пока не будут проведены тщательные ксенологические исследования... Или пока мы не завладеем документами Стрэнга, касающимися бабуритов. Но мы точно знаем, что им пришлось не по нраву, когда остальные борцы за место на передовых рубежах цивилизации оттеснили их в сторону. Влиятельные бабуриты вполне могли решить, что существа их вида могут получить то, чего заслуживают, только благодаря форсмажорным обстоятельствам. К тому же не забывайте, что Бабур объединился относительно недавно, и сделало это Имперское Кольцо, которое взяло верх над всеми остальными. Подозреваю, что страсть к завоеваниям набрала силу, как это зачастую бывает среди людей. Кроме того, как опять же бывало в человеческой истории, правители, я полагаю, могли рассматривать авантюры в чужих странах как некую объединяющую империю цель и способ закрепиться на только что захваченных территориях.

Как бы там ни было, Бабур созрел для того, чтобы его можно было подстрекнуть (и оказать ему помощь) к захвату окружающего космического пространства. Не удивлюсь, если первым до этого додумался Бенони Стрэнг и уговорил хозяев «Семерки» согласиться с ним. Кажется, он начинал свою карьеру на Бабуре в качестве исследователя.

Сандра кивнула. Перед ее взором возник образ недруга, и она увидела, какой огонь бушует под броней светской любезности, что творится в глубине его зачастую таких отрешенных глаз, вспомнила иногда срывающиеся с его губ слова...

— А каковы побуждения «Семерки»? — спросила Сандра, хотя они с Фолкейном часами обсуждали этот вопрос по пути к Солнечной системе.

— Я уже пытался назвать ряд причин, по которым люди могут соскочить с катушек, — напомнил он ей.

— Есть и еще одна, — добавил ван Рийн. — «Домашние Компании» чертовски близки к тому, чтобы стать правительством Содружества. Во всяком случае, нынешние власти действуют исключительно в угоду им и не делают ничего против их воли. Я как независимый торговец усматриваю в этом угрозу, но сам я не жажду власти: мне просто хочется, чтобы люди оставили меня в покое и позволили играть в мои маленькие игры.

— Хозяева «Семерки» настроены по-другому. Иначе они не были бы так хорошо организованы. Должно быть, их страшит тот день, когда «Домашние Компании» сделают решительный шаг в космос. Чтобы это предотвратить, нет лучшего средства, чем собственное сильное правительство. Но вот беда: на блюдечке это получить нельзя. Значит, приходится создавать империю. А после этого можно позволить себе громогласно заявить о заговоре.

— В союзе с Бабуrom... да, в этом есть некий жуткий смысл, — сказал Эрик. — Вряд ли эти расы поссорятся: им не нужны одни и те же территории, за исключением таких, как Обитель Мрака, а ее они могут поделить между собой. А Гермес под властью тоталитарного режима стал бы опорной базой «Семерки» в тех местах. — Он хлопнул по столу ладонью и воскликнул: — Нет!

— На этот счет мы достигли согласия, — сказал ван Рийн. — И сегодня собрались тут, чтобы выработать наилучший образ действий. Всем понятно, какая складывается обстановка? Отлично, давайте засучим рукава и приступим к делу.

Сандра отпила глоток кларета, будто надеялась, что вкус солнечных лучей прошлых лет придаст ей сил.

— Вы не хотите поставить в известность Содружество, — сказала она уверенно.

— Определенно нет, — ответил ван Рийн. — Они увидят слабое место, нанесут удар, одержат победу, и кому тогда достанется Обитель Мрака? «Домашним Компаниям».

— Они попытаются разрушить «Семерку» до основания, — добавил Фолкейн. — Я не верю, что космическая империя, которая возникнет в результате, будет менее порочной... или более склонной дать свободу Гермесу. Да, они заставят Бабуr отступить. Но искушение навязать нам правительство «покровителей», которое построит корпоративное государство по образцу Содружества и будет послушно во всем, что касается внешних связей, может оказаться весьма труднопреодолимым.

Ван Рийн повернулся к Эрику.

— Вот почему я задержал слияние твоих сил с силами Солнечной системы, — объяснил он. — Тогда я просто нутром чувствовал, что тебе лучше сохранить свободу действий. Теперь же мы знаем это наверняка.

Эта мысль много дней преследовала и Сандру, но все же ей казалось, что высказать такое вслух — все равно что ступить на мостик, который наверняка рухнет под тяжестью идущего.

— Вы предлагаете нам выступить и начать самостоятельную кампанию?

— Да. Но не нападая непосредственно на Бабур. Мы будем бить по опорным пунктам «Семерки». У них нет достаточно надежной защиты от этого. Мы можем поставить их перед выбором: либо они прекратят поддерживать своих союзников, чтобы они были вынуждены заключить с нами мир, либо мы уничтожим их.

— Давайте не будем слишком торопиться, — с жаром сказал Фолкейн. — Например, может оказаться полезным и в конечном счете спасти жизни, если мы предупредим как можно большее число независимых членов Лиги и добьемся того, что они присоединят свои боевые корабли к нашим.

— Тогда они захотят участвовать в выработке условий мира, — возразил Эрик.

— Да, — сказал Фолкейн. — А вы не думаете, что так будет лучше? В этом случае мы сможем сохранить хоть толику стабильности и справедливости.

«А тем временем, — подумала Сандра, — продолжатся страдания Гермеса. Но я не смею возражать. У меня не хватает мудрости, чтобы подсказать лучший путь. А знает ли его хоть кто-нибудь?»

Фолкейн и Коя вновь были в Дельфинбурге и, стоя на балконе дома ван Рийна, смотрели на темное ночное море. В комнате спали их дети, а впереди тянулся погруженный во мрак склон, заканчивающийся у гавани, где стояли у причалов похожие на призраки прогулочные лодки. Еще дальше рассыпались белым прибоем гонимые сильным ветром волны; они вздымались вновь и, набирая силу, неслись вперед. Над морем нависало безлунное небо; звезды сияли в просветах меж стремительно мчащихся рваных облаков.

— Ты уезжаешь уже в третий раз, — сказала Коя. — Это обязательно?

Фолкейн кивнул:

— Я не могу допустить, чтобы Эдзел и Чи одни вели бой на моей планете, правда?

— Но нас ты оставить можешь... — Коя взяла себя в руки. — Нет. Извини. Забудь, что я подумала такое.

— Это в последний раз, — пообещал Фолкейн и привлек Койю к себе. Ни один из них не смог выговорить вслух: «И впрямь в последний, если не удастся вернуться домой».

Вместо этого Коя сказала:

— Хорошо. Потому что потом, когда и куда бы ты ни отправился, тебе придется взять меня с собой. И детей тоже.

— Если я вообще куда-нибудь поеду, дорогая. После всей этой заваруки я, должно быть, с удовольствием осяду на Земле и начну греть кости в тропиках.

Коя покачала головой, ее черные волосы взметнулись.

— Нет. И я тоже. В любом случае эта планета не для Ники с Хуанитой. Ты же не думаешь, что война очистит ее, правда? Нет, гниль только распространится. Надо убираться отсюда, пока есть возможность.

— Гермес... — проговорил Дэвид и на миг умолк. — Может быть. Посмотрим. Вселенная большая.

Холодный ветер свистел, срывая с грохочущих волн горькую водяную пыль.

Глава 20

«Предприятия Абдуллы» — часть «Космической Семерки» — разместили свое правление на Доброй Надежде и зорко стерегли его на случай разбойного нападения извне или вредительства изнутри. Однако разбойное нападение представлялось настолько невероятным, что по орбите вокруг планеты ее охранял один-единственный корвет, команда которого никогда не сталкивалась с более сложной задачей, чем необходимость скоротать время в ожидании смены вахты.

Крейсер «Северная Атлантида» шел к планете на максимальной скорости, намереваясь сразу же вступить в бой. Несмотря на риск, Эрик счел своим долгом послать предупреждение: «Уйдите с дороги, иначе мы атакуем». Ему ответили изумленной бранью, за которой последовали ракетный залп и энергетический луч.

Гермесский корабль развернулся на боковой тяге. Торпеды были еще проворнее, но теперь они были хорошо видны. По ним ударил сноп ослепительных молний. Торпеды взорвались, поднимая фонтаны огня, которые на миг затмили сияние звезд и светлый диск планеты. Корабль не стал открывать ответный огонь: Эрик хотел сберечь боезапас, пополнить который было не так-то просто. Он приказал сблизиться с противником на расстояние действия энергетического оружия.

— Бейте на поражение, — приказал Эрик, и порожденное ядерными генераторами пламя метнулось вперед.

Корвет попытался удрать. При малой массе он мог быстрее менять направление движения. «Северная Атлантида» упорно преследовала корабль, уничтожая ракеты, поглощая лучевые

удары при помощи своего защитного поля, выпуская лучи всякий раз, когда изменчивая картина боя позволяла подойти достаточно близко. Спустя несколько часов те, кто еще оставался в живых на борту искалеченного корабля, поняли, что им не уйти, и сдались.

«Восхищен вашей доблестью, — просигналил Эрик в ответ, — хотя еще вопрос, было ли вам что защищать. Можете воспользоваться шлюпками и вернуться на Добрую Надежду. Советую вам не совершать посадку в Абдулла-Сити».

Он уже знал из радиосообщений, что там произошло. Сопровождавший его в этом полете «Через пень-колоду» предоставил крейсеру вести бой, а сам вошел в атмосферу.

Фолкейн обратился к жителям планеты по радио — зная, что этим подвергает свою жизнь опасности:

— Внимание, внимание... ваши хозяева вступили в заговор с правителями Бабура, чтобы развязать войну... Свободный гермесский флот намерен уничтожить предприятия, принадлежащие компании. Немедленно эвакуируйтесь.

В воздух тотчас взмыли самолеты. «Через пень-колоду», в отличие от «Проныры», не был скоростным кораблем для полетов в открытом космосе, беспомощным в атмосфере планеты: торговые первопроходцы должны быть готовы к бою в любых условиях. Космический корабль стал снижаться по широкой спирали, продолжая снова и снова посылать в неприятеля то ракету, то луч.

Фолкейн сидел в пилотском кресле. Суша и вода бешено вертелись перед его глазами, облака стремительно летели в яркой лазури; боевые машины мельтешили, будто влекомые ветром дождемки. Это была не космическая схватка, которую могли вести одни компьютеры. Обстоятельства менялись без всякой логики, действия были слишком непредсказуемыми. Фолкейн слил воедино свою интуицию и логику Пня, свой разум — с системами корабля. Двигатели ревели, выл воздух за бортом. Фолкейн почувствовал легкий запах озона, как после грозы.

— Хо-хо! — послышался громовой голос ван Рийна из боевой рубки. Купец ликовал, отслеживая врага, беря его на прицел и поражая огнем; он в одиночку управлялся со всей системой, один за другим превращая неприятельские корабли во вспыхнувшие метеориты. — Ох-хо-хо! Что вытаращился, бычий глаз? Сейчас мы тебя мокрой тряпкой по носу! Ха-ха! Ты едва не попал в нас, мальчик. Хорошо стреляешь, да только похуже моего, черт возьми! Ух-ху-у-у! Вот тебе и конец. Ага, еще один пожаловал!

Наконец «Через пень-колоду» остался в полном одиночестве. Около получаса в небе царил безмолвие.

Под кораблем простиралась страна, которая когда-то была богатой. Горняки, строители и промышленники терзали и заживляли ее до тех пор, пока реки не превратились в потоки отравы, прокладывающие себе путь среди помоек и шлаковых отвалов, мощенных камнем площадок и отстойников, потоки, несущие смерть морю. Почти никто из поселенцев Доброй Надежды не роптал. Тут вам не Земля, места еще вдоволь, и никому нет нужды строить себе жилье там, где закладываются основы процветания. Кроме того, здешнее правительство с потрохами принадлежало «Предприятиям Абдуллы». Посреди сотворенной ими пустыни, над разноцветной безликой равниной, возвышались во всем своем великолепии башни правления. Глядя вниз, Фолкейн подумал: «В каком-то смысле это была великая эпоха. Я тоже буду тосковать по ней».

Вспорхнули стайки летучих машин. С такой высоты они напоминали бросившихся врассыпную мошек. Фолкейну пришлось напоминать себе, что в каждой такой мошке — чей-то страх, растерянность, погибшие надежды, тоска по любимым, оставшимся где-то, боязнь за них. Война выметала такие мелочи прочь из сознания. У Дэвида не хватило духу продолжить разговор с обитателями планеты, и он предпочел включить запись: «Свободный Гермес атакует “Семерку”, союзницу Бабура. Наша кампания закончится не раньше, чем прекратятся война против Содружества и оккупация Гермеса и Обители Мрака. Передайте наше сообщение всем, кого это касается».

Дэвиду подумалось, что когда-нибудь его жене и детям, быть может, придется вот так же спастись бегством. Ибо кто знает, когда будущая цивилизация обретет покой.

Он не поскупился, давая им время уйти. Уже пятнадцать минут в зданиях компании не было ни души, когда Дэвид приказал выпустить торпеду.

Пятидесяти килотонн оказалось достаточно. Расцвел и взмыл в небо огненный шар, увлекая за собой чудовищный столб из дыма и пыли, который делался все толще и превращался в опоясанную белой бахромой шляпку поганки. По кораблю прокатилась дрожь, и, когда видимость восстановилась, в земле уже зиял кратер, из которого торчали две-три искореженные металлоконструкции, похожие на пальцы мертвеца.

— Выйди на орбиту на расстоянии десяти планетных радиусов от поверхности, — приказал Фолкейн. — Подождем, пока «Северная Атлантида» закончит свою работу.

Когда Добрая Надежда снова превратилась в красивое белоглубое пятнышко среди звезд, Дэвид присоединился к своим спутникам — ван Рийну и бортмеханику Тацуо Йосиде. Купец все еще ликовал.

— Ого-го! Ура! — торжествовал он. — Я прямо помолодел. Аристотель называл это катарсисом*; ја, у меня пробудился жуткий аппетит. Пожалуй, я на скорую руку поджарю вирджинской ветчинки со сладким картофелем и салатом «Цезарь». А вы что желаете на обед?

— Потом, потом, — ответил Фолкейн. — Я не голоден.

Ван Рийн пытливо взглянул на него:

— Совесть мучает, да? Но это глупо, мальчик. Мы избавляемся от избытка зверства, когда бьем тех, кто этого заслуживает. Разве грешно радоваться этому? По мне — так мы еще мало набегов совершаем.

Йосида вскинул брови.

— Возражений личного порядка у меня нет, — сказал он, — но, если не ошибаюсь, вы обещали своим приятелям-стратегам ограничиться только одним сражением, мастер ван Рийн, да и то они с трудом согласились на это.

«Старик слишком ценен, чтобы рисковать им, — вспомнил Фолкейн. — Во-первых, он — творец нашей общей стратегии, а во-вторых — главный участник переговоров. Отныне моя забота — доставить его целым и невредимым в штаб-квартиру, которую ему будет угодно основать, а потом — стать его специальным советником и заместителем.

Проклятье, но он прав. Все мы втайне хотели лично участвовать в бою. Даже я. Даже я».

— Ја, верно, — проворчал ван Рийн. — Значит, нам много недель, если не месяцев, сидеть и вариться в собственном соку. Больше делать почти нечего. У вас есть какие-нибудь мысли, чем занять наши мозги в промежутках между событиями?

— Покером, — ответил Пень.

Эксперты в один голос твердили, что придется потратить немало времени и денег, пожертвовать множеством жизней, чтобы Обитель Мрака опять начала выдавать продукцию. Однако там скопились бесценные сокровища — металлы и сверхметаллы в слитках, и их можно было вывезти уже сейчас. Оккупационные силы бабуритов получили указание отдать эти запасы корпорации «Звездные металлы», поскольку Бабур получит часть доходов. «Звездные металлы», в свою очередь, заключили контракт с «Межзвездными перевозками», компанией, которой надлежало развезти товар по многочисленным рынкам.

В глубинах космоса скрывались корабли, ведущие наблюдение за происходящим у Обители Мрака. Они приблизились к грузовым судам, уравнили фазы гиперпространственных двигателей и передали, что хотели бы послать на борт людей. Не

* Очищение (фр.).

заподозрив неладного, капитаны дали разрешение. Но прибывшие на их суда улыбающиеся люди были вооружены и облачены в доспехи. Они довольно быстро завладели кораблями.

Команды посадили в спасательные шлюпки и отослали прочь с сообщением, что Свободный Гермес конфискует суда и грузы. Страховая компания «Остановись, время» потерпела ужасающие убытки, «Звездные металлы» и «Межзвездные перевозки» тоже, поскольку страховка не покрывала и половины стоимости груза.

Люди высадились в пустынных районах планеты Рамануджан и незаметно добрались до места встречи, назначенной в городе Магараджа. В одну из ночей они собрались у квартала высотных зданий, где размещалось правление «Ксенотехнологических систем». Связав часовых, они взорвали оборудование, заменить которое можно было бы только через несколько лет, и уничтожили невосполнимые банки данных. Потом они выпустили на волю пленников. По словам заключенных, их освободители отрекомендовались как командос Свободного Гермеса.

Ко «Ксенотехнологическим системам» сходились все экономические нити планеты, и она превратила правительство в своего слугу. И вот начались банкротства, массовая безработица, различные нарушения, гражданские волнения. Негодование выплеснулось на законодателей Рамануджана, и парламент был распущен, получив вотум недоверия.

«Санчес инжиниринг» увязла в очень честолобивом проекте на непригодной для жизни, но богатой минералами планете Святой Яков. Проект обеспечил бы людям, жившим на соседней планете, Эсперансе, легкий доступ к этим полезным ископаемым. Лидеры колонии на Эсперансе, не состоявшие ни у кого на службе, внесли в контракт пункт об огромных неустойках в случае его невыполнения.

Вдруг технические специалисты начали бастовать, заявляя, что война чревата слишком большой опасностью для них. Директора «Санчеса» обнародовали собранные сыщиками сведения об огромных взятках, полученных профсоюзными воротилами, но все было напрасно. Доказательств раздобыть не удалось, во всяком случае, таких, которые позволили бы обойтись без губительной судебной волокиты. А если бы удалось прижать обвиняемых, им достаточно было попросту объявить себя вне юрисдикции Эсперансы.

— Решение простое, — пыхтя сигарой, объявил председатель совета директоров «Санчеса». — Используйте все ваше влияние, чтобы положить конец этой войне.

Но даже и в этом, самом лучшем, случае корпорация потерпела бы очень серьезный ущерб.

«Галактические проекты» владели одним из спутников Германии, на котором они обустроили склад, обслуживающий ближайшие звездные системы. После короткого ожесточенного боя здесь сели корабли; команды со знанием дела обчистили пакгаузы, потом снова поднялись в космос и оттуда разгромили сооружения.

Напавшие даже не стали делать вид, будто они с Гермеса. Ребята были из независимой старательской компании «Синдбад» и «Общества предпринимателей». Им просто хотелось покарать «Семерку» за нечестивый союз с Бабуром.

Космическая полиция Германии и пальцем не шевельнула. Впоследствии правительство планеты отрицало свое соучастие в этом злодеянии, заявило, будто его застигли врасплох, и наложило лапу на имущество «Галактических проектов», которое еще оставалось в этой планетной системе, «вплоть до выработки соглашения, которое, в виду создавшейся чрезвычайной ситуации, будет более всего отвечать чаяниям народа».

«Семерка» давала сдачи. Военные корабли бабуритов сопровождали ее суда. Утверждалось, что таким образом Бабур осуществляет свое право и исполняет долг, подавляя пиратство. Этому мало кто верил.

На базы враждебных «Семерке» компаний обрушились тяжелые удары. Но те оказались большей частью покинутыми, поскольку были предупреждены заблаговременно. Поэтому ущерб был относительно невелик. Типичная независимая компания включала возможные потери в общую сумму капиталовложений (иначе ей уже давно пришлось бы влиться в одно из гигантских объединений). Рискую, она могла разориться, но могла и получить большую прибыль. Перспективы получить право на участие в разработках Обитатели Мрака, ослабление конкуренции со стороны «Семерки», возможность подбирать все, что плохо лежит... Независимые компании не упустили ни одного удобного случая.

И каперы, и гермесцы могли пополнять запасы на сотнях разных планет, наносить удары там, где им заблагорассудится, и снова скрываться в необъятной бездне. Бабур же был лишен такого преимущества.

Увидев, что силы Имперского Кольца распылены и постоянно находятся под обстрелом, Содружество, естественно, тоже начало проводить разведку боем, и эта его деятельность со временем становилась все оживленнее, поскольку Бабур не принимал действенных ответных мер. Что касается «Семерки», то

сложная структура, составлявшая основу ее могущества, начала разваливаться. Когда «Остановись, время» прекратила выплату страховых премий, «Семерка» поняла, что пришла пора договариваться на любых доступных ей условиях.

Весна в Звездопаде была в самом разгаре, когда войско патриотов пошло на штурм города. Последователи Кристи Бродерик, горожане и фермеры, всю зиму ограничивались снайперской войной и вредительством, набирались сил, а теперь открыто вышли на улицы. Они нападали на всех наемников, которых удавалось найти, осадили такие укрепленные пункты, как отель «Зевс», и начали их обстрел. Одновременно партизаны, возглавляемые Чи Лан и Эдзелом, обошли неприятеля с западного фланга и осадили холм Паломников. На самых разношерстных машинах, грузовиках и автобусах, покидали они свои твердыни и приближались к столице под прикрытием атмосферных истребителей, присланных с орбиты герцогским флотом. Сам флот бился с вражескими сторожевыми кораблями где-то там, за обманчиво ласковой голубой пеленой неба, и бой за город надо было вести здесь, на поверхности планеты.

Надо было. Пока оккупационные силы отказывались сдаваться, приходилось буквально выковыривать солдат из укрытий, одного за другим. Можно было уничтожить их пушенной с орбиты ядерной боеголовкой, если бы в космической битве победа досталась флоту Свободного Гермеса, и к тому же ценой гибели целого города. Люди Бенони Стэнга продолжали вести бой на орбите в надежде взять верх и таким образом захватить в заложники все население планеты. Кроме того, те из них, кто был рожден на Гермесе и по доброй воле пошел служить революционному режиму, боялись наказания за это.

Эдзел трусцой бежал по эспланаде, глухо топая копытами и держа на согнутой руке лучемет. На плечах у него сидела Чи, вооруженная более тяжелым энергетическим оружием. За ними по-волчьи перебежали партизаны; в большинстве своем повстанцы были вооружены пулеметами, считавшимися тут охотничьим оружием и имевшимися в каждом сельском доме. Они тащили с собой артиллерию — пушки, мортиры, ракетные установки. Боеприпасов для орудий хватало: их тайно изготавливали на сотнях маленьких заводиков и в домашних мастерских, используя чертежи, которые изъяли из банков данных публичных библиотек еще до высадки первого солдата бабуритов.

Управлять этим движением в масштабах планеты, особенно теперь, когда наконец вернулась Великая Герцогиня Сандра во главе вооруженного отряда, было непросто. Энергия сопротивления питалась яростью не только кланов и Последователей, но и многих траверов: невозможно при помощи террора управлять

людьми, привыкшими к свободе, особенно когда они сохраняют надежду на избавление. И никакая цензура Стрэнга не могла скрыть то обстоятельство, что Бабур терпит поражение.

Над головой, в сиянии светила, сражались истребители. Снизу они казались яркими искорками, такими же нереальными, как звезды. А реальность складывалась из тверди под ногами, пота, тяжелого дыхания, сознания вполне возможной скорой смерти и мысли о том, что повернуть назад уже нельзя. Справа от бегущих текла река Паломино, ее бурные воды журчали, а дальний берег взбегал вверх зеленым склоном, по которому были разбросаны редкие виллы и окутанные золотистым цветом деревья осенника. Слева плотными рядами стояли старые дома, заброшенные, со слепыми окнами. Впереди вздымался холм, крутой склон с террасами, садами и дорожками под сенью серой громады Старой Крепости. За ней возносились к небу решетчатая конструкция Сигнальной Станции и пастельный контур Новой Крепости. С востока доносились выстрелы.

— Тебя трясет, — сказала Чи Эдзелу.

— Сегодня мне предстоит снова заставить себя убивать, — ответил одинит.

Джон Фолкейн ускорил шаг и догнал их. Как и остальные люди, он был грязным, небритым, усталым, в поношенной одежде, единственным воинским отличием служила голубая полковничья ленточка на левом предплечье с пришитой к ней полковничьей эмблемой, вырезанной из листового металла. Он указал рукой куда-то вперед и сказал:

— Нам надо свернуть вон на ту тропу. Она приведет нас к роце миллионолистника, где можно укрыться.

— Хорошо, — ответил Эдзел и повернул в указанном направлении.

Вокруг засвистели пули, в ответ затрещали выстрелы повстанцев. Какой-то рядовой вскрикнул, схватился за живот и упал на колени. Его друзья-партизаны рассыпались и, пригнувшись, продолжали зигзагами продвигаться вперед, как их учила Чи. Несколько человек распластались ничком и открыли ответный огонь, потом торопливо возобновили наступление.

Когда они достигли рощицы, обстрел усилился; пули жужжали, срывая листву, глухо ударяясь о деревья, иногда впиваясь в плоть. Энергетические лучи били со стен Старой Крепости и бились в ее стены, сопровождаемые раскатами грома и едким дымом. Эдзел перебегал между группами повстанцев, успокаивая своих людей, разворачивая их в боевой строй. Шальная пуля почти на излете угодила в него и срикошетила от панциря. Чи пригнулась пониже, превратившись в совсем маленькую мишень, и не веда огня, предпочитая не тратить зря боеприпасов: расстояние было слишком велико.

— Неприятель сосредоточился в том каменном здании, — сказал Эдзел. — Наша первоочередная задача — обезвредить его.

— Уничтожить, ты хочешь сказать? — спросил Джон Фолкейн. — О Боже милосердный, нет. Там архивы, летописи — половина всей нашей истории.

— И все ваше будущее, — отрезала Чи.

Артиллерия заняла позицию и открыла огонь. Взрели пушки, зашипели ракеты, затрещали взрывы, поднимая клубы дыма и фонтаны обломков. Старая Крепость медленно рухнула, и вскоре из-под развалин выбрался мерсеец с белым флагом.

— Киттредж, пусть ваш отряд займет это место, — сказал Эдзел. — Все остальные — к Новой Крепости. — Он вскинул оружие и бросился в атаку. Люди с боевым кличем последовали за ним. — «*Namu Amida Butsu*»*, — шептал дракон.

— Й-эх! — закричала Чи, и ее ружье принялось изрыгать огонь, сметая баррикаду, защищавшую главную дверь. В ответ затрещал пулемет. Эдзел споткнулся. Чи высунула ствол из-за его правого бока, прицелилась и выстрелила по огневой точке. Поднялись фонтаны огня. Охваченный пламенем человек с безумными криками метнулся через баррикаду, рухнул на землю и задыргал ногами, будто перевернутый на спину пылающий жук. Эдзел пришел в себя и снова тяжело затопал вперед.

Наконец он добрался до примитивного укрепления. Бревна, столы, мешки с песком, камни разлетались прочь под ударами его копыт. Перегнувшись через баррикаду, он разил врагов луче-метом, размахивая им, как дубинкой. Сидевшая у него на спине Чи посылала тонкие, точно нацеленные лучи. Оставшиеся в живых защитники дрогнули и обратились в бегство.

Эдзел бросился за ними по гулким коридорам. Из комнаты откуда-то сбоку выскочил взвод солдат, и дракон опрокинул их ударом хвоста.

— Вперед, сынки! — крикнул Джон Фолкейн своим соратникам. — Или он один добудет нам победу?

Повстанцы хлынули в крепость, будто приливная волна. Тут и там вспыхивали ожесточенные стычки. У ротонды нападавших пришлось отступить. Здесь все подходы были забаррикадированы, за укрытиями плечом к плечу сидели люди и вели огонь. Это были гермесцы Стрэнга. После атаки залы были сплошь усеяны мертвыми телами, а раненые молили о помощи, которую никто не мог оказать.

Эдзел и Чи собрали своих офицеров в бывшем зале Совета. Панцирь единита был заляпан кровью, которая стекала между

* «Да здравствует будда Амида» — молитвенная формула одного из направлений буддизма в Японии.

чешуйками и капала на пол; бока его потемнели от ожогов, голову покрыл налет черной копоти.

— Полагаю, мы должны предложить им амнистию, если они сложат оружие, — сказал Эдзел.

— Муж моей сестры сгинул в их тюрьме, и один Бог знает, как он умер! — яростно вскричал Джон Фолкейн. — Никогда!

— Кроме того, — добавила Чи, — если я достаточно верно оцениваю людей, после войны вам и без них будет хватать политических авантюристов.

Наконец все пришли к согласию.

— Ну что ж, — проговорил Эдзел, — хорошо. Но я отказываюсь снова посылать в бой пехотинцев без всякой поддержки. Кроме того, если мы уничтожим здание ударом извне, как поступили со Старой Крепостью, то израсходуем боеприпасы, которые понадобятся нам в нижнем городе. Я уж не говорю о том, что погибнут наши раненные. Есть какие-нибудь предложения?

Чи встрепелась в своем седле.

— Да, — сказала она.

Неприятель занимал галереи под куполом, но крыша не охранялась. Чи вскарабкалась на купол и заложила там мину направленного действия, которая проделала в крыше пробоину. Вскочив на край пролома, Чи направила внутрь струю пламени. Солдатам в серой униформе пришлось покинуть свои брустверы в поисках укрытия. Эдзел повел своих в атаку, и завязалась рукопашная.

Одинит отыскал Бенони Стрэнга. Тот умирал от пулевого ранения в живот. Эдзел узнал его по фотографиям и склонился над Стрэнгом, чтобы, если удастся, как-то облегчить его страдания. Он подхватил человека своими громадными ручищами; Стрэнг устремил к небу мутный взгляд и, задыхаясь, выдавил:

— Слушай. Скажи им. Почему бы тебе не сказать им? Ты не человек, для тебя это ничего не значит. Я все это затеял. С самого начала. Ради блага Гермеса, только ради блага Гермеса. Чтобы настали новые времена на этой планете, которую я так люблю. Скажи им. Не давай забывать. Настанут новые дни.

В космосе вблизи родной планеты герцогский флот тоже одержал победу, потому что имел значительную поддержку от независимых купцов, а Бабуру пришлось отозвать изрядную долю своих сил с Гермеса и отправить к Могулу. Это случилось, когда «Семерка» мало-помалу отказалась от своих союзнических обязательств и беспорядочно отступила с театра военных действий.

После этого поражение Бабура стало делом времени и зависело только от решимости его врагов. Бабуристы не могли замедлить быстро разрушающиеся детали кораблей, поэтому и времени

потребовалось не так много. Ван Рийн не удивился, когда Имперское Кольцо уклонилось от решающего боя. Три десятка лет назад, на Сулеймане, бабуристы доказали, что у них хватает ума избегать ненужных потерь. Тем не менее ван Рийн поймал себя на том, что испытал к ним какое-то удивительное чувство уважения, когда бабуристы прислали своих гонцов непосредственно к нему. Или они с самого начала так много знали о Технической цивилизации?

Встреча состоялась неподалеку от Обители Мрака, и участвовали в ней два корабля. «Хронос» прилетел с Гермеса в полной боевой готовности, на борту были ван Рийн и Сандра (Дэвид Фолкейн и Эрик Тамарин-Асмундсен остались дома командовать объединенным флотом, готовым в случае нужды нанести удар). Корабль бабуристов в знак смирения не нес никакого вооружения. Они кружили по орбите среди бриллиантовых россыпей бесчисленных звезд, обмениваясь видеосигналами.

Маленькое существо на четырех ногах стояло перед камерами и говорило в передающее устройство. Сандре оно больше не казалось безобразным. Интересно, это у нее воображение разыгралось, или в бесцветных словах и прямо звучали нотки горечи?

— Нас использовали. Мы понимаем, что сами оказались в числе тех, кто использовал нас... Давайте мириться.

— А что Содружество? — спросила Сандра.

— Оно ведет боевые действия, но пока не очень активно.

— Оставайтесь на связи, — сказал ван Рийн и, отключив звук, повернулся к женщине. — Этот жук не врет. «Домашние Компании» повели бы тотальную войну, кабы могли, чтобы забрать себе все то, что потеряла «Семерка». Но если мы, Гермес и независимые, прекратим боевые действия и употребим наше влияние к тому, чтобы никто больше не вел никаких войн, я, если намекнем, что мы с Бабуром вместе будем противиться этому, тогда у населения Земли и Луны пропадет желание жертвовать жизнями и тратить деньги. В конце концов, даже правительство Содружества не сможет больше продолжать в том же духе.

— Что-то мне не хочется так вот, одним махом, переходить на сторону этих... созданий, — с беспокоейством проговорила она. — После всего, что они натворили.

Слова ван Рийна укололи ее.

— Вы предпочитаете, чтобы погибло еще больше людей? К тому же речь идет не о том, чтобы сражаться задница к заднице с бабуристами. Наша тогда просто замерзнет, а их — поджарится. Дело в том, что надо поскорее прекратить враждебные действия на мало-мальски приемлемых для всех условиях, а потом навалиться на Содружество, чтобы поприжать тех дурачков, которые требуют «безоговорочной капитуляции».

Сандра мерила шагами капитанский мостик. Как же мышцам хотелось почувствовать бока лошади, доску для виндсерфинга, лыжню, бегущую среди ледников. А на экране были лишь пустые бездны. Ван Рийн сидел, будто паук, и пыхтел своей длинной трубкой. Дым щипал Сандре ноздри. Тварь чуждого обличья, обрамленная экраном, терпеливо ждала ответа.

— Что мы должны предложить ему сегодня? — спросила Сандра.

— Мы уже много раз говорили об этом, — ответил ван Рийн. — Теперь, когда ясно, что Бабуру не терпится заключить с нами сделку, я считаю, что мы должны выторговать для себя побольше выгод. Правительство Содружества никогда не признает независимых торговцев в качестве полноправных партнеров, так же как оно никогда не могло по-настоящему признать Лигу. Нетел!* Что же им, допустить существование другого правительства, имеющего право принимать решения? Это слишком опасно. Это может заставить подданных задуматься, нужны ли им сидящие на шее политики и чиновники. Посему вы, как глава Великого Герцогства Гермесского, должны представлять нас. Как вы предполагали первоначально, Гермес возьмет Обитель Мрака под свою юрисдикцию и объявит, что вы даете лицензии всем компаниям, действующим в рамках закона. Разумный налог, должно быть, возместит вам потери, связанные с войной, и даст кое-какую прибыль на покупку инопланетных товаров вроде тяжелого промышленного оборудования и джина «дженевер». Бабур разоружится. Его флот, лишенный поставок извне, все равно скоро превратится в бесполезную обузу. А Содружество не станет заключать мир, если Бабур попытается усовершенствовать свои вооруженные силы. Но Гермес поручится за безопасность Бабура и позаботится о том, чтобы он получил свою долю богатств Обители Мрака, — ван Рийн захохотал. — Бабур станет вашим протекторатом! Вас ждут веселенькие председательские обязанности, пие?

Сандра остановилась, сложила руки на груди, встретила взглядом с ван Рийном и язвительно спросила:

— А вы? Вы с вашими пиратскими компаниями?

«О, Пит, как ты нужен мне сейчас».

Но ван Рийн не потребовал ничего. Он отвернулся и, устремив взор на Млечный Путь, грубовато ответил:

— Это не ваша забота. Просто дайте всем желающим возможность заняться Обителью Мрака, и мы уж как-нибудь поделим эту кость между собой. Да и вообще предстоит обглодать дочиasta много костей, прежде чем удастся оживить покойника. —

* О небо! (гол.).

Он хлопнул себя по колену и с вызовом спросил: — Ну что, готовы заключить сделку на такой основе?

Сандра кивнула, вконец сбита с толку. Перед ней снова был совсем чужой человек.

Глава 21

Торжества и тяжкие труды, встречи и препирательства, празднества и траур — все это еще только начиналось, когда на Ветреном Кольце на Гермесе собрался тесный кружок друзей. Это была их прощальная вечеринка.

Двоим из гостей, Дэвиду Фолкейну и Эрику Тамарину-Асмундсену, вскоре предстояло вместе отбыть в Солнечную систему на борту «Хроноса». Но до этой вечеринки они не виделись много недель: и тот, и другой были слишком заняты, пытаясь склеить черепки и навести порядок во всеобщей неразберихе. Впервые после заключения мира они смогли поговорить спокойно и без спешки. После ужина Дэвид и Эрик покинули общество и ненадолго уединились, выбрав для этой цели кабинет, отделанный деревянными панелями очень красивой фактуры; на полках стояли древние рукописи в кожаных переплетах, с портретов на них взирали предки; тут же стояли стеллажи с коллекционным оружием и стол, за которым было подписано немало высочайших указов. За распахнутым окном вечерело, в комнату втекал прохладный воздух, напоенный благоуханием цветов; внизу, в каньоне, журчали воды реки.

Фолкейн поднял кубок.

— Твое здоровье.

Сосуды со звоном соприкоснулись. Мужчины устроились в глубоких креслах и отведали напитка, отдававшего торфяным дымком с болот той планеты, которая дала жизнь людскому племени.

— Ну что ж, — произнес Фолкейн, — стало быть, ты — новый посол Гермеса.

— О нет, — ответил Эрик. — Что ни говори, а Рюнеберг всю войну очень грамотно вел наши дела. Мы хотим, чтобы он оставался на своем посту и впредь. Я же получу титул специального посланника и главы нашей делегации на переговорах с Содружеством.

— Но почему ты? Не обижайся, но разве у тебя есть какой-то опыт по этой части?

Эрик лукаво улыбнулся:

— Я тоже задавался этим вопросом. Более того, я довольно громогласно возражал против своего назначения. Но матушка настояла. Это политика. Я — наиболее вероятный наследник престола и самая важная шишка, которую только мог прислать Гермес, не считая самой Герцогини, а у нее и тут хлопот полон рот. Мое участие должно придать нам веса на Земле и стать

знаком нашей решимости заключить именно то мирное соглашение, которого мы хотим. Ну, и здесь, дома, это пойдет на пользу: значит, род Великих Герцогов пока не устранился от участия в жизненно важных делах.

— Понятно, — Фолкейн взгляделся в некрасивые, резкие черты Эрика. — А кроме того, могу сказать, что выбор сделан правильно. Ты там будешь далеко не свадебным генералом. Кровь Сандры Тамарин и Николаса ван Рийна... да, это что-то!

Эрик зарделся:

— Возможно. Но все равно я не искушен в дипломатии, я не знаю ни ходов, ни выходов, ни разных там уловок... Дэвид, дружище, ты мне поможешь? Ты сумеешь меня поддержать?

— Как?

— Ну, советом и... не знаю. Сделай это. — Эрик потупил взор. — Если, гм, если, конечно, не будешь слишком занят.

— Да, наверняка мне будет не до приключений: работы должно быть по горло. По сути дела, я приму на себя руководство Галактической компанией пряностей и спиртных напитков и попытаюсь удержать компанию на плаву, когда грянет буря. — Фолкейн приложился к кружке, поставил ее и потянулся за своей трубкой. — С другой стороны, это само по себе захватывающее приключение.

Эрик вытаращил глаза.

— А как же мастер ван Рийн?

— А, черт, он теперь будет мотаться по космосу, вероятно, несколько лет, и чинить заборы, а заодно, не сомневаюсь, строить новые, воруя по досочке у каждого конкурента. Хотелось бы мне... А, нет, нельзя, я ведь теперь человек семейный. — Фолкейн набил трубку табаком и продолжал: — Ладно, Эрик, я как-нибудь выкрою время и наскребу силенок, чтобы по мере возможности оказать тебе помощь. Твоя работа важнее моей. Правду сказать, я бы вряд ли согласился на свою должность, если бы не считал, что это может принести тебе кое-какую пользу. Я имею в виду наведение порядка во всей той штуковине, которую нам взбрело в голову называть цивилизацией. Сильная частная компания, которой хорошо руководят, способна внести вклад в это дело. — Он раскурил трубку, выпустил облако дыма и закончил: — Хотя бы на время.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Эрик.

Фолкейн пожал плечами:

— Я начинаю разделять мнение Гунунг-Туана. Старому порядку вещей нанесена слишком глубокая рана, а заменить его чем-то стоящим мы, по-моему, не в состоянии. Возможно, нам с тобой удастся выиграть время, и у нас в запасе будет несколько десятилетий, пока все снова не расползется по швам. Ну а пока ты можешь отсидеться на Гермесе, а я... я поищу такое местечко, где можно начать все сызнова.

— Я никогда не видел тебя таким угрюмым, Дэвид, — печально проговорил Эрик.

Фолкейн улыбнулся. Улыбка получилась искренней, но совсем не юношеской.

— Да нет, в основе своей я оптимист, чего и тебе желаю. Надеюсь, при нужде мы и наши любимые сможем проявить волю к жизни. А до тех пор — будем счастливы. — Он подался вперед и легонько хлопнул друга по плечу. — Подумай о том, что поедешь к Лорне и женишься на ней. А я вернусь к Койе и нашим детям. — Дэвид поднял бокал. — За всех них!

— Быть посему, — ответил Эрик, вновь обретая былой задор.

— Только ради них и стоит жить, верно? — проговорил Фолкейн и выпил до дна.

Ван Рийн и Сандра вышли на террасу. Из дома лился мягкий свет, таявший в кромешном мраке. Громады гор и кроны деревьев возносились к звездному небу, где сиял Млечный Путь и другие сестры-галактики.

Дойдя до перил, ван Рийн и Сандра остановились. Внизу тускло блестела быстрая река, душистые испарения поднимались вверх, слышалось журчание воды.

Ван Рийн припал к пивной кружке и искоса посмотрел на Сандру. Высокая женщина была облачена в темно-синее платье и, казалось, сливалась с мраком ночи. Ее распущенные волосы стекали на плечи и спину, отражая слабый свет.

— Проклятье, а вы еще хоть куда! — воскликнул ван Рийн. — Вы слишком щедро одарены, чтобы быть просто правительницей.

Она уклонилась от его решительного натиска и ответила, отведя глаза:

— Может быть, мне недолго осталось править.

— Я слышал, вам всучили какой-то дурацкий перечень требований, — ван Рийн только что вернулся с Бабура, где наблюдал за демонтажом принадлежавших «Семерке» сооружений. Сандра просила его об этом, ибо знала, что мало кто из людей способен с достаточной степенью достоверности высказать, не припрятали ли бабуриты каких-нибудь сюрпризов в своей планетной системе.

— Он был составлен в форме петиции, но его истинное значение не вызывает сомнений. Криста Бродерик и ее организация почувствовали вкус победы и имеют право на нашу благодарность. Кроме того, революционный террор ослабил кланы и Последователей и подорвал всю систему имений.

— Но у вас все равно хватает преданных приверженцев, не? Да и военный флот верен вам.

— Несомненно, — ответила Сандра. — Но разве мне или любому другому умственно полноценному человеку захочется, чтобы Гермес стал полицейским государством, управляющим рабами? Высшим сословиям придется жертвовать собственными свободами, пытаясь сохранить такое положение вещей. Все стороны начнут торговаться, виться ужом, разглагольствовать и искажать все на свете до полной неузнаваемости. Ведь в дело вовлечены не две стороны, а больше. Ума не приложу, сколько тут может возникнуть разных фракций. Скорее всего грызня затянется на годы. Хотя в конце концов... Меня обнадеживает согласие Бродерик не созывать конституционное совещание сейчас, пока еще не установлен прочный мир. Но потом, боюсь, придется это сделать. Я полагаю, что номинально Гермес так и останется герцогством, хотя на деле будет республикой. Может, оно и к лучшему, кто знает.

— Сомневаюсь, что по большому счету это будет иметь какое-то значение, — сказал ван Рийн. — Самодержцы, плуты-краты, временщики, чиновники, технократы, демократы — все они норовят взять своих ближних на мушку и указывать им, что делать. Мы вступаем в эпоху всевозможных «кратий». — Он испустил вздох, похожий на шум прибоя. — Но мы неплохо отдохнули от этого, не? До тех пор, пока человечество все не испортило. Каникулы кончились, дети Адама. Может, после хорошей порки вы усвоите, что вода не только течет сверху вниз, но и достигает дна.

Сандра повернула голову и увидела его профиль, похожий очертаниями на полуостров.

— Вы хотите сказать, что Торгово-технической Лиге пришел конец?

Ван Рийн медленно и удрученно кивнул:

— Да. Нет, название мы, конечно, сохраним. Вот из-за чего я буду суетиться, будто жаба в крынке, стараясь так залатать ветхую одежку, чтобы она выдержала самые холодные ветра до тех пор, пока мои близкие не обретут тихую гавань, где им не будет нужды сыпать метафорами. Потом, наверное, еще лет сто Лига будет устраивать торжественные заседания Совета, пока не объявится какой-нибудь наполеончик, не лишенный чувства юмора, и не положит конец этому фарсу.

Почти не сознавая, что делает, Сандра коснулась правой рукой его левой ладони, сжимавшей перила.

— Откуда вам знать, Ник? — вполголоса спросила она. — Да, верно, «Семерка» получила большие повреждения и вполне может пойти ко дну. Но «Домашние Компании» сильны, как никогда, и ваши независимые торговцы тоже, не правда ли?

Ван Рийн долго искоса смотрел на Сандру, потом спросил:

— А откуда они черпают силы? «Домашние Компании» сосут из Содружества, а его вынудили взяться за осуществление большой военной программы, и оно этого не забудет. Ну а

независимые торговцы — ваши союзники. И в том, и в другом случае это — правительство. Как раз то, чего добивалась «Семерка». Разве вы не понимаете? Когда-то Лига была объединением вольных торговцев, которые предлагали свои товары и услуги, но никому их не навязывали. Частные предприятия не развязывают войн и не учреждают концлагерей, это делают правительства, ибо правительства считают себя вправе убивать всех, кто не исполняет их указаний. Корпорации, профсоюзы, политические партии, церковники, Бог знает кто еще может прибрать к рукам правительственную машину. Кто бы это ни был, они будут эксплуатировать ее бесконечно. Похоже, мы, смертные, недостаточно мудры, и нам не стоит доверять правление. А Лига... раскол в ней существовал еще до того, как начались открытые столкновения. Теперь она пережила гражданскую войну. Первую на своем веку. Стрэнгсклонил к этому «Семерку», но у него ничего бы не получилось, не будь она сама давно к этому готова. Мы можем какое-то время лукавить, сохраняя призрак, но телесная оболочка уже истлела. А душа отлетела и того раньше, когда свободные люди возжелали управлять другими людьми.

Ван Рийн устремил взор в темноту.

— Никто больше не будет принимать важных решений сам, — сказал он. — Все возьмут в руки власть. Лозунги займут место разума. Сначала в дело вступят высоколобые, а там за ними последует и простой рабочий люд. Политиканы отвели себе роль волшебников, которые, принимая законы, повышая налоги, извлекают деньги из воздуха, обеспечивают всем и каждому вольготную жизнь. Их любимчики, предприятия и учреждения, поделят между собой территории и задушат всякого, кто способен предложить какие-нибудь нововведения. Сколько бы дров ни наломало правительство, рецепт один: усиление власти правительства. Держава растет до тех пор, пока не становится слишком прожорливой, и одной планеты уже не хватает, чтобы прокормить ее. Домашние беспорядки можно экспортировать на остриях штыков. Но почему-то против подлинных варваров начинают воевать, когда уже слишком поздно... Война, война, война. Я бы посоветовал вознести молитву святым, вот только, быть может, святые уже покинули нас.

Он разом опрокинул в себя полкружки пива.

— Уф-ф-ф! Что-то я разговорился! Будто тот ручей, чтопадает в море, а оно знай себе остается соленым, — ван Рийн расхохотался. — Не будем попусту тратить время, дарованное нам Господом для возлияний. Смотрите, одна из лун на подъеме.

Сандра потянула его за рукав и развернула к себе лицом.

— Вы и впрямь верите в то, что говорите, Ник?

— Ну, ближайшие два-три поколения гермесцев вряд ли будут так уж страдать, если вам удастся удерживать свой новый режим на коротком поводке.

— Нет, я говорю вообще... Видите ли, — выдавила она, — у меня появились довольно похожие мысли, и... Что вы намерены предпринять?

— Я уже сказал: наложить заплатки, если получится.

— А потом? Если, конечно, для нас еще будет какое-нибудь «потом».

Внезапно ван Рийна охватила странная робость, и он отвернулся.

— Не знаю. Понимаете, я рассчитываю, что залатывать дыры будет весело. Иначе, наверное, и пытаться бы не стал. Я ведь усталый старик. Что будет потом — занятный вопрос. Возможно, потом мы с Пнем... Я буду летать на «Через пень-колоду» и, должно быть, вволю наиграюсь в покер на борту. Так вот, возможно, мы совершим маленькую вылазку за пределы исследованного космоса. Поглядим, может, что и найдем.

— Завидую вам, — вырвалось у Сандры.

Ван Рийн резко повернулся к ней.

— Проклятье, милая, почему бы и вам не отправиться с нами? — воскликнул он.

Сандра вскинула руки, будто хотела оттолкнуть его.

— Нет, это невозможно.

— Ба! — ван Рийн рубанул рукой воздух. — Представьте себе, как вы могли бы нарушить закон сохранения энергии, если бы поехали. Или, возможно, закон сохранения количества движения. А что, если вам сложить полномочия через пять или десять лет? Пусть Эрик берет все в свои руки, пока время не подточило его мыслительные способности. А вы отправляйтесь со мной в долгий путь! — Он осушил кружку, со стуком поставил ее и, шлепнув Сандру пониже спины, обвел правой рукой небосвод. — Вот она, Вселенная, все пути которой ведут в никуда. Жизнь никогда нас не предаст, а вот мы предадим ее, если будем сидеть дома.

Сандра отпрянула, но потом тихонько засмеялась:

— Не надо, Ник, перестань. Мы встретились вовсе не для того, чтобы обсуждать вздорные замыслы, политику или философию. Мы здесь, чтобы побыть вместе. Я хочу выпить.

— Я тоже, — ответил ван Рийн. — Ладно, будем пить, пока не сядет луна и не взойдет солнце. Споем задорные песни, а если сможем, то и станцуем гальяр под какую-нибудь ораторию Баха. Не будем напыщенными дураками, а будем настоящими, только ты не забудь, о чем мы говорили.

Он предложил Сандре руку. Женщина взяла его под локоть, и они снова вошли в дом ее предков.

Эдзел вперевалку трусил по тропке под обрывом. Он направился к реке, держа в руке пятилитровую кружку, подаренную ему отрядом борцов за свободу, который он возглавлял. Эдзел

уже не раз до краев наполнял ее мартини. Пение дракона было слышно за километр: «Бо-бо-бидл-ит-би-дум-бо» — и напоминало веселые раскаты грома. Увидев Чи Лан, сидевшую на камне у самой кромки воды, Эдзел остановился.

— Хо, так и знал, что застаю тебя здесь.

Чи приветствовала его, подняв руку, в которой держала мундштук с сигаретой. Горящий кончик прочертил тоненькую огненную полоску, похожую на след кометы.

— А я полагала, что ты придешь, как только накачаешься и расчувствуешься, — промурлыкала она. — Ах ты, большущий глупыш.

Слегка покачиваясь, фигура Эдзела маячила на фоне леса, неба и воды. Близился рассвет. Над головой, меж стен ущелья, еще окутанных мраком ночи, бледнели звезды, небо на востоке делалось белесым. Вода ручья светилась, поблескивала, обтекая песчаные наносы, пенилась среди голышей, прокладывая себе путь между валунами и кривыми деревьями. Ее звонкий голос несся от утеса к утесу. Эдзел полной грудью вдыхал прохладный влажный воздух, напоенный ароматами горного лета.

— Что ж, для нас это последняя возможность, — сказал он. — Завтра мы отправляемся в почетное путешествие к нашим планетам. Я, конечно, жду этого с нетерпением, но мы прожили несколько славных лет. Не правда ли? Мне будет не доставать моих спутников. Я так и сказал Дэви. И еще позвонил в Уильямс-Филд Пню и тоже сказал ему это. Он ответил, что не тронут, поскольку его так не программировали, но как знать, как знать. Теперь твоя очередь. Не надо сочувствия, маленькое существо.

Его ладонь опустилась. Она была такая громадная, что могла обхватить туловище Чи. Став на все четыре лапы и лихо зажав в зубах мундштук, та выгнула спину и приняла нежную ласку.

— Приезжай на Один, — пылко проговорил Эдзел. — У твоего народа есть космические корабли. Вы будете вкладывать деньги в путешествия и разбогатеете, как поросята. Тогда и приезжай в гости.

— Это с вашим солнцепеком и силой тяжести? — фыркнула Чи.

— Дикие светлые просторы, полные вольного ветра, необозримые горизонты и цветы под ногами. Это нирвана наяву. Айу, Чи, я знаю, что не в меру болтлив. Но мне ведь хочется разделить мою страну с тобой — в тех пределах, в каких ты способна ее почувствовать.

— А почему бы тебе не приехать ко мне? Мы могли бы оснастить тебя набором пропеллеров, чтобы ты понял, что такое прыжки по деревьям.

— Думаешь, я способен это оценить?

— Надеюсь, у тебя достанет ума. Светлое море листвы, а под ним — одни призраки и тайны. Пестрые вспышки крыльев и цветочных лепестков, узкая долина с веселым родником... —

Чи вздрогнула и встрепенулась. — Dood en ondergang *, ну вот, довел ты меня.

Эдзел улыбнулся, обнажив клыки.

— Что ж, по крайней мере, мы сходимся в том, что время от времени нам надо встречаться и обмениваться байками о старых временах, — сказал он.

Чи извлекла из мундштука окуроч, затушила его о камень, на котором сидела, и подумала, не принять ли ей еще немного наркотика. Изумрудно-зеленые глаза на похожем на маску лице уставились на кружку Эдзела. Чи взмахнула хвостом, как бы отметаив прочь все свое благоразумие, достала из висевшей на поясе сумочки новую сигарету и вставила ее в мундштук. Чиркнув спичкой, она быстро сказала:

— Давай хоть немного порассуждаем разумно, уж прости меня за такое выражение. Мне кажется, в ближайшие годы нам придется объединить наши силы, потому что обстоятельства вряд ли позволят наслаждаться праздностью. Мы не можем вернуться домой, ко всему тому, что оставили там в молодости. Возможно, дома ничего не изменилось, но мы-то уже другие, да и весь остальной космос тоже. Мы станем сильнее и богаче, я — скорее в абсолютных величинах, а ты — относительно среднего уровня жизни твоего общества... А где-то далеко установленный землянами порядок вещей полетит кувырком, прямо в геенну огненную, тоже устроенную землянами. Старина Ник это знает. Он будет делать все, что может. Вероятно, лишь в силу привычки не выходить из игры, пока у него есть хотя бы одна фишка. Но тем не менее он всеми силами попытается отдалить приход черных дней. А Цинтия и Один? Неужели мы будем сидеть сиднем, а потом благодушно скончаемся, и тогда они превратятся в беззащитных жертв? Или лучше употребить наши деньги и познания на подготовку?

Она выдула дым прямо в широкую морду дракона и призналась:

— Такая перспектива мне не по нутру. Она вызывает у меня отвращение, а между тем я ведь думала, что предамся тихим домашним радостям и дорогостоящим развлечениям! Но вместо этого, Эдзел, нам до конца дней придется то и дело встречаться и держать совет. Да, да, еще как придется.

Дрожь пробежала по телу дракона.

— Боюсь, что ты права, — сказал он. — У меня тоже были такие предчувствия, хотя я и пытался отбросить их, потому что они — это пытка на колесе... Ну, да есть вещи поважнее, чем сиюминутное облегчение.

Чи улыбнулась, и ее зубы сверкнули в набравшем силу свете.

* Смерть и погибель (гол.).

— Давай не будем играть в благородство, — ответила она. — Пока мы играли в торговцев, нам это нравилось. Игра мускулами не так забавна и в самом лучшем случае способна лишь предотвратить нечто еще более страшное. Но и она тоже может нам понравиться. И, кто знает, вдруг наши народы поставят нам памятники, когда направят историю планет в совершенно новое русло.

— О, пожалуй, нам лучше не терять ощущение реальности, — предостерегающе проговорил Эдзел. — Вероятно, мы поможем им выжить. Ну а что они будут делать через тысячу лет? Вернемся и поглядим. Уму непостижимо, насколько огромна наша реальность.

— Конечно, — согласилась Чи Лан. — Ну а теперь давай оставим эту тему, присоединимся к остальным нашим и выпьем по последней перед завтраком.

— Отличная мысль, моя старая спутница в странствиях, — ответил Эдзел. — Прыгай на борт.

Чи вскочила на его протянутую руку, потом перебралась на спину.

На востоке, над утесами, редкие облака окрасились багрянцем.

Содержание

От издательства	7
Сатанинские игры, роман, <i>перевод К. Королева</i>	9
Обитель Мрака, роман, <i>перевод А. Шарова</i>	191

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том двенадцатый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *Е. Белевцева, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина,*
А. Хирифелде
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитилов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 11.10.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

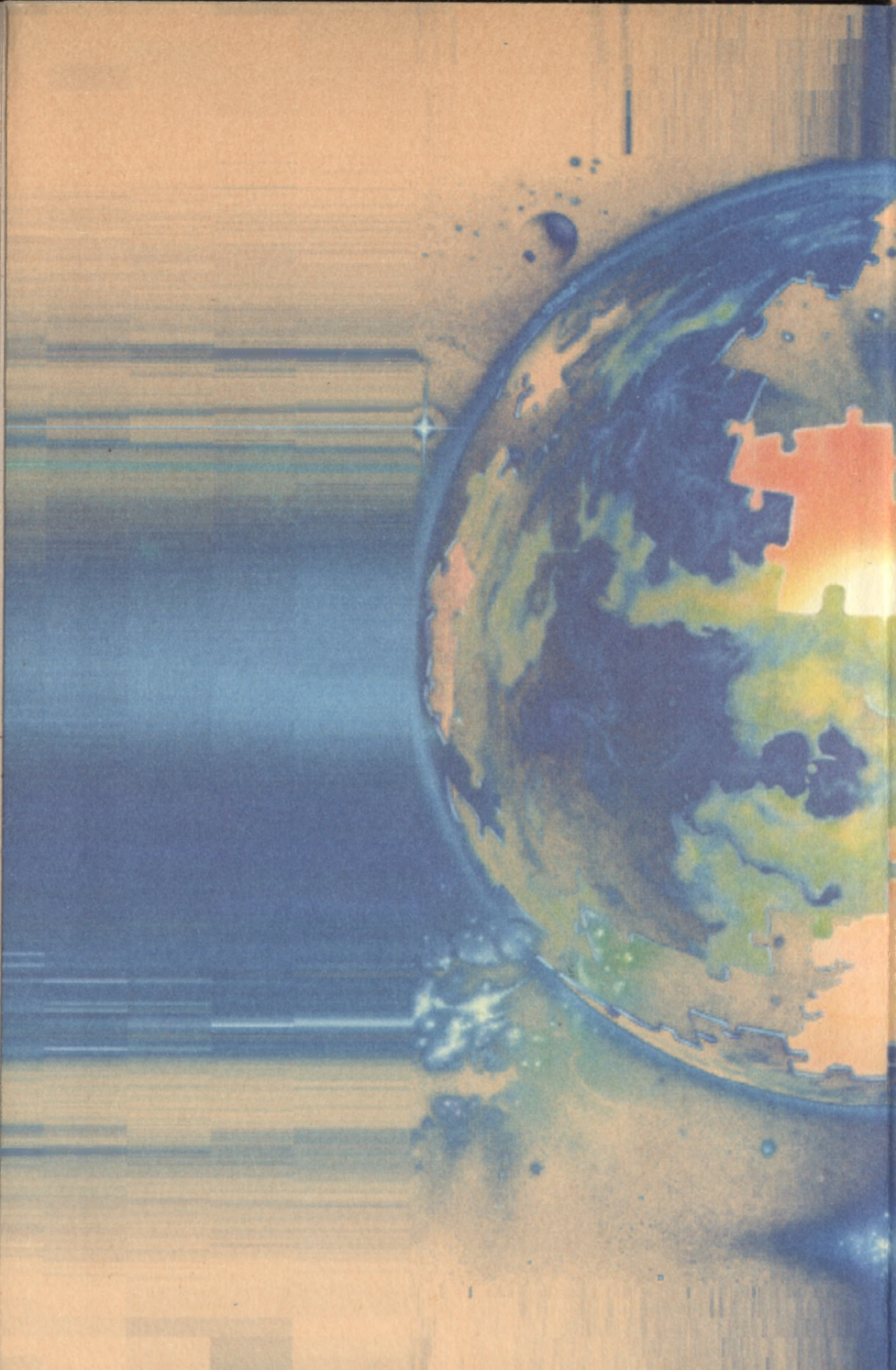
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2637. С 181.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Сатанинские игры

Срочное задание отрывает от отдыха Дэвида Фолкейна, доверенное лицо самого могущественного торговца Галактики Николаса ван Рийна. На карту поставлено больше, чем состояние — судьбы целых планет. Но для того, чтобы завладеть миром Сатаны, нужно выиграть войну, — или предотвратить.

Обитель Мрака

Торгово-техническая Лига распадается, разрываемая внутренними противоречиями. И на плечи Николаса ван Рийна и Дэвида Фолкейна ложится нелегкая задача — сохранить созданное Лигой до тех времен, пока эпоха упадка не сменится новым взлетом...

